

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2013 года

Часть III

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2013**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Четвертой международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN ISBN 975-5-7937-0905-3

А.Б. Ларин (Самара)

**ВЧЕРАШНИЙ ВРАГ, СЕГОДНЯШНИЙ ДРУГ?
ГОСУДАРСТВО И АРМИЯ ИРАНА КАДЖАРОВ
ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ И
ДИПЛОМАТОВ ДО И ПОСЛЕ ВОЙНЫ
1826–1828 ГОДОВ**

РУБЕЖ 1820–1830-х гг. стал переломным для истории российско-иранских отношений. С 1826 по 1828 г. шла война между Ираном и Россией, которой было суждено стать последней войной между двумя государствами. Условия мира, подписанного в Туркманчае, были тяжелы для Персии, однако это обеспечило стабильность в дальнейшем развитии российско-иранских отношений, хотя и за счет иранской стороны. Инцидент с российской миссией в Тегеране в 1829 г. показал, что даже в ситуации острого дипломатического кризиса стороны нацелены на сохранение мирных отношений, хотя государства и оказались на грани войны¹.

Одной из ключевых проблем, связанных с российско-иранскими отношениями и с российской политикой в Иране в XIX–XX вв., является проблема восприятия российским образованным обществом государства и общества Ирана Каджаров. Данная проблема только в последние годы стала привлекать внимание исследователей².

Восприятие Каджарского Ирана российским обществом следует рассматривать в нескольких контекстах. Во-первых, это общеевропейский тренд выстраивания ориенталистского дискурса, оформления дихотомии «свой» – «чужой», в данном случае понимаемой как «европеец» – «азиат». Общетеоретическое осмысление данных процессов представлено в работах Э.В. Саида и других исследователей проблематики³.

Вторым важным моментом, влиявшим на восприятие Ирана в российской среде в 1820–1830-е гг., был тот факт, что в этот период происходит переход от преимущественно военного взаимодействия между государствами и народами к мирному сотрудничеству. Этот факт, несомненно, оказывал существенное влияние на смену риторики российских наблюдателей в отношении Ирана, а также и на развитие интереса к этой стране.

Любопытство россиян было вполне понятным: установление мирных отношений с южным соседом империи стало важным стимулом (как для российских властей, так и для образованного общества в целом) к формированию системы представлений, взглядов и знаний об этой стране. И если для властей Российской империи интерес этот в значительной степени был обусловлен нуждами войны, дипломатии и торговли, то мотивы частных лиц могут быть очень хорошо описаны словами той эпохи: «Жизнь человеческая принадлежит, без всякого сомнения, к числу предметов, наиболее для нас занимательных: кому не любопытно знать пределы оной в разных странах и при разных обстоятельствах?»⁴

Свое знакомство с Ираном российское общество начало с сочинений зарубежных авторов, поскольку к началу XIX в. собственно российских публикаций об этой стране было еще слишком мало. Важную роль в ознакомлении российской публики с состоянием дел в Персии сыграл «Вестник Европы»⁵. Впрочем, в последующие десятилетия появляется значительное число собственно российских публикаций различных жанров о Персии.

Всякий исследователь, обращающийся к травелогам и описаниям стран той поры, знает, что они выстроены по определенной схеме: как правило, в них содержатся разделы, посвященные различным аспектам жизни тех или иных обществ и государств. Очевидным образом, в столь кратком очерке мы не сможем отобразить восприятие в российском обществе всех соответствующих аспектов жизни современного ему общества и государства Каджаров. Поэтому мы сузили свою задачу до тех вопросов, которые, как представляется, в наибольшей степени интересовали российских военных и дипломатов, а именно: государство и армия Каджаров.

О государстве

«В Персии правление Монархическое, неограниченное. Шах деспот владычествует над Ханамы, деспотами во вверенных им

областях»⁶. Эта фраза коллежского асессора Василия Бороздны, сопровождавшего российско-императорское посольство в Персию в 1817 г., может, пожалуй, служить квинтэссенцией представлений российских наблюдателей рассматриваемого периода о государственном устройстве Эраншахра.

Анализ имеющихся в распоряжении материалов показывает, что в характеристике государственной власти Ирана российскими наблюдателями использовалось несколько основных понятий. Шахская власть называлась «самодержавием», «монархией», «деспотией», «самовластием» и «неограниченным самовластием»⁷. Иногда эти понятия соседствуют в одном и том же тексте, так что становится ясно, что автор текста либо не вполне отчетливо представлял себе действительный характер государственной власти в Персии, либо же не вполне различал эти понятия в собственном сознании. Во всяком случае, характеристики, даваемые шахской власти в Персии в первые 25–30 лет XIX в., достаточно схожи и, как правило, ограничиваются констатацией неограниченной власти шаха над подданными и описанием государственного аппарата Персии⁸. Иран Каджаров воспринимается как принципиально равный иным монархиям⁹. Военским чинам пытаются подобрать европейские соответствия, в записях о посольстве может идти речь о «политике Тегеранского кабинета»¹⁰, Россия и Персия равным образом именуется «Державами», «Империями»¹¹ и т. п. При Александре I и в первые годы правления Николая I по отношению к иранской монархии в целом применяются европейские понятия.

Постепенно ситуация меняется. По мере накопления все новых сведений о соседнем государстве, появляются более развернутые характеристики. Это стало возможным из-за того, что Иран уже не является, как в самом начале XIX в., некоей *terra incognita*, а становится все ближе для жителей Российской империи. Новые путешественники по Ирану не оказываются в абсолютно неизвестной стране, знакомой только по устаревшим сочинениям европейских путешественников XVII–XVIII вв., напротив, им уже были доступны свидетельства недавних очевидцев. Более того, эти очевидцы были их соотечественниками, что, конечно, способствовало более адекватному восприятию их сведений. Кроме того, с момента окончания Русско-иранской войны 1826–1828 гг., отношения России с Ираном развивались исключительно в мирном русле. Иран отныне не воспринимался в качестве враждебного государства.

Русский наблюдатель уже не чувствовал вокруг себя атмосферу враждебного окружения, его взгляд на Иран стал более мирным и, вследствие этого, более адекватным.

Теперь в описаниях государственной системы Ирана появляются новые существенные детали. Характеристика этого государства как деспотического, с неограниченной властью шаха, остается, однако к ней присовокупляются некоторые дополнения. В частности, внимание наблюдателей привлекает к себе тот факт, что, несмотря на номинальную неограниченную власть шаха над всеми своими подданными и над всей территорией Ирана, в реальности шах зачастую не имеет никаких инструментов для реализации этой власти на практике¹². Тем самым, констатируется малая эффективность государственного аппарата Каджарского Ирана. Тот образ неограниченного самовластного восточного деспота, который был усвоен российской публикой из сочинений Монтескье и иных авторов, начинает постепенно разрушаться, сталкиваясь с конкретными проявлениями неэффективности государственного аппарата в Иране. Отныне, несмотря на сохранение терминологии (за неимением лучшей), характеризующей шахское правление (деспотизм, самовластие и т. п.), язык описания верховных институтов государственной власти в Персии становится, скорее, юмористичным. Например, приводятся многочисленные примеры невыполнения шахской воли подданными (в т. ч. – достаточно курьезные), в юмористическом ключе описываются разнообразные случаи коррупции и nepотизма¹³.

Однако указания на некоторую слабость государственной власти в Персии встречались в трудах отечественных авторов и ранее, уже в начале XIX в.¹⁴ Но в первой трети века это представление еще не стало массовым. Кроме того, даже те авторы, которые отмечали эту слабость государственной власти в Иране, не считали невозможным улучшение ситуации в будущем¹⁵. Взгляд на перспективы развития Ирана был, скорее, оптимистичным. Напротив, начиная с 30-х гг. XIX в., акцент в восприятии смещается в сторону представления о бесперспективности исторического развития Ирана, о фатальной порочности и испорченности внутреннего устройства страны. В целом, усваивается пессимистический взгляд на перспективы развития персидского общества и государства.

Все это показывает, что после заключения Туркманчайского мира отношение российского общества к государственной власти

в Иране серьезно изменилось. Вслед за установлением мирных отношений с Персией и приобретением более достоверных сведений о ней, в российском обществе формируется представление о слабости центральной государственной власти в этом государстве, о неспособности шаха реализовать собственную власть в пределах Ирана. Это приводит к тому, что Иран в воззрениях российского общества (и, в т. ч., политической элиты) все в большей степени утрачивает субъектность в качестве игрока на мировой арене. Напротив, представление об Иране как об объекте международной политики расширяется и закрепляется. В качестве примера можно привести цитату из журнала «Москвитянин» за 1842 год: «Судьба Азии кажется надолго решена; она же не имеет силы управляться сама собою, и Европа постепенно овладевает странами, где прежде имя ее было едва известно. <...> Турция существует только покровительством пяти Европейских Держав, и без вмешательства их утратила бы свою самобытность. Персия издавна бывала добычею разных завоевателей, и теперь покорится первому, кто только захочет ею овладеть»¹⁶.

Об армии

Очевидно, что для российской военно-дворянской монархии армия была одной из важнейших характеристик того или иного общества, и по состоянию армии можно было делать выводы об обществе в целом. Подобный взгляд вообще характерен для современных империй, одним из характерных проявлений которых является регулярная армия, как зримое воплощение просвещенческих идеалов рационально и правильно организованного общества. Кроме того, русских офицеров иранская армия интересовала и по соображениям вполне прагматическим: это была армия потенциального противника, об основных характеристиках которой следовало знать как можно лучше. Всем этим объясняется тот интерес, который российские наблюдатели проявляли по отношению к иранской армии в своих текстах.

Итак, если мы обратимся к сочинениям начала XIX в., то здесь мы увидим восприятие иранской армии как армии европейской. Одним из первых текстов, по которым россияне лучше узнавали персидскую жизнь и обычаи, было сочинение Гаспара Друвиля «Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах»¹⁷. Друвиль говорит о том, что «персидская регулярная армия состоит из инфантерии,

кавалерии и артиллерии» и сообщает о тех обстоятельствах, которые позволили «сей Империи завести армию на Европейский образец»¹⁸. Друвиль имеет в виду военную реформу Аббас-мирзы, перестраивавшего иранскую армию по европейскому образцу с помощью французских, а затем – английских инструкторов. Заметим, что Друвиль высоко оценивает боевые качества различных частей иранской армии: «Регулярная кавалерия образована совершенно по Французски, и без сомнения может спорить во всем с самую первую кавалерию в свете»¹⁹. Подробное описание Друвиля включает информацию о вооружении, униформе, знаменах и штандартах, выучке иранских войск, что должно засвидетельствовать их европейский характер. При этом в его сочинении очень хорошо ощущается дух англо-французского противостояния начала XIX в. Более того, любопытно, что описывая обращение офицеров британской Ост-Индской компании с иранскими вельможами, Друвиль отмечает негативное отношение к англичанам иранцев, в т. ч. за то, что «они обращались с Персидскими Вельможами так же презрительно, как и с Индейцами»²⁰. Все это весьма важно, поскольку демонстрирует у французского автора восприятие иранской армии, реформированной Аббас-мирзой, в качестве европейской. Замечая Аббас-мирзе о необходимости вывести войска из-под командования беглербеев, Друвиль указывает, что в противном случае «отсюда последовало бы совершенное забвение Европейской военной системы, столь же благоприятствующей Царской власти, сколько противной выгодам Беглербеев»²¹. Таким образом, очевидной оказывается зависимость стабильности монархии от армии европейского типа.

Насколько данный взгляд Друвиля на модернизацию иранской армии Аббас-мирзой был распространен в Российской империи?

Одним из наиболее ранних свидетельств очевидцев являются сведения А.П. Ермолова в 1816–1817 гг. он был отправлен с посольством в Персию для того, чтобы урегулировать пограничные вопросы, не до конца разрешенные Гюлистанским трактатом 1813 г. Любопытно, что Ермолов, весьма критически настроенный к персам вообще и к Каджарам в частности, дает следующую оценку их войскам: «Я видел регулярные войски Персии. Артиллерия в весьма хорошем порядке; мне показывали практическое ее учение, и у нас не все так хорошо приучены. Мне представляли ученье баталиона пехоты. Я мало видел иностранных войск лучше выученных, а

в Грузии все мои вообще хуже их в учении. Появились крепости по образу европейских. Завелись литейные дворы, снабжаются арсеналы, разрабатываются рудники и прочее»²². Для нас это мнение тем более важно, что это мнение человека военного, дающего оценку вооруженным силам вероятного противника.

Другой наш информатор, маршал посольства, лейб-гвардии Семеновского полка капитан Петр Ермолов, составивший отчет о регулярных войсках в Персии, дает далеко не такие радужные оценки иранских войск. О содержании войск он сообщает, что «Положение сие о содержании войск, существует только на бумаге; может быть по оному плотят, беглым руским солдатам, но собственным войскам разве в военное время дается подобное жалованье и содержание; потому, что в бытность российского Посольства в Султании, Джамбазские солдаты жаловались, что не только денежного жалованья, даже провиант с трудом им выдается»²³. Перспективы развития иранских вооруженных сил капитан П. Ермолов оценивал пессимистично: «...и война между наследниками, которая неминуемо последует по смерти Шаховой, то нет надежды по крайней мере скоро, чтоб персидские войска достигли до совершенства войск Европейских»²⁴.

Сложно сказать, чем объясняются такие разные оценки состояния иранской армии у Алексея и Петра Ермоловых. Нельзя исключить как желания А.П. Ермолова подчеркнуть потенциальную угрозу со стороны Ирана (и, тем самым, необходимость большего внимания к российским войскам на Кавказе), так и то, что оба офицера могли сравнивать различные части иранской армии (сарбазов и джамбазов, к примеру), либо проводить сравнения по различным критериям.

Наконец, еще один участник посольства, коллежский асессор Василий Бороздна, сообщая об организации иранских регулярных частей, сарбазов, говорит, что «сарбазы сформированы *отчасти* (здесь и далее курсив мой. – А. Л.) на образ Европейской»²⁵. Еще более важным представляется его свидетельство об офицерском корпусе. «Просвещение в совершенном детстве в сем Государстве: а что значит военное искусство без познания тактики и наук математических? Так могут образоваться солдаты, а не Офицеры, не предводители войск. Сим можно опровергнуть мнение некоторых писателей, *кои дерзают сравнивать Абас-Мирзу с Петром I*, сим великим образователем России. Англичане, находящиеся при Абас-

Мирзе, могут быть умны, могут быть искусны в своем деле; но кто поверит, чтоб они имели дар переливать знания в головы непросвещенных и не желающих просветиться Персиян?»²⁶ Эта цитата свидетельствует о том, что уже к началу 1820-х гг. некоторые россияне весьма скептически относились к возможностям преобразования иранского государства и общества. Более того, фактически здесь мы видим, что всякие попытки реформирования Ирана (и иранской армии), с точки зрения наблюдателя, заведомо обречены на неудачу.

Так или иначе, но свидетельства 1810-х – 1820-х гг. в целом дают представление об иранских регулярных войсках как о вполне серьезной военной силе, правильно организованной с точки зрения европейского военного искусства.

В 1830-е гг. происходит достаточно серьезное изменение отношения к иранской армии, в т. ч. – и к регулярным воинским формированиям, частям сарбазов. Отныне в описаниях рефреном повторяются указания на слабость и недостатки вооруженных сил Ирана. Отчасти это было связано с тем, что свой экзамен в сражениях с регулярной армией европейского типа – армией Российской империи – Иран не выдержал, проиграв обе войны с северным соседом. Так, в 1834 г. была издана книга Платона Зубова, содержащая описание последней войны России с Ираном. Интересно, что автор рассматривает введение Аббас-мирзой регулярных частей как способ обеспечить себе восшествие на престол после смерти Фатх-Али-шаха²⁷. Здесь мы также встречаем некоторые критические замечания в отношении частей, созданных Аббас-мирзой. Так, их наряд уже «полурегулярный». Один из мотивов, которым руководствовался Аббас-мирза, задумываясь о новой войне с Россией, состоял, на взгляд Зубова, в том, что наследник иранского престола хотел увидеть свои новые части не только на маневрах и построениях, но и в реальном сражении с регулярной армией²⁸. Отметим здесь то, что в этом пассаже Зубова российская армия выступает в роли некоего эталона, по отношению к которому можно проводить сравнения.

С другой стороны, многие современники отмечают тот факт, что после смерти Аббас-мирзы в 1833 г. регулярная армия оказалась брошенной на произвол судьбы, поскольку уже некому было уделять ей столько внимания. Что особенно важно – для 1830-х гг. мы обладаем массой свидетельств специалистов по военному делу,

поскольку в этот период каджарские шахи, во многом изменив внешнеполитический вектор страны, идут на налаживание более тесных контактов с Россией и, в т. ч., приглашают российских военных специалистов для помощи в организации вооруженных сил, как до того пользовались услугами французских и британских военспецов. Из числа российских офицеров, в том или ином качестве побывавших в Иране, можно назвать барона Аша, И.О. Симонича, И.Ф. Бларамберга, Н.Ф. Масальского и др. Большинство из них оставили описания своего опыта пребывания в Иране.

Общий тон этих свидетельств достаточно критичен по отношению к вооруженным силам Ирана при Мохаммад-шахе (1834–1848). Многие из вышеперечисленных персонажей имели возможность видеть иранские войска в бою, в ходе Гератского похода 1837–1838 гг. (как И.О. Симонич, И.Ф. Бларамберг, А.Х. Йениш), либо вскоре после того, как шах отвел свои войска от стен гератской цитадели (Н.Ф. Масальский).

Вот что увидел российский артиллерист Н.Ф. Масальский по прибытии в летний лагерь шаха: «Прежде всего меня изумил лагерь, среди которого раскинуты были палатка первого Министра, и красная палатка Шаха, окруженные довольно высокими холстинными стенами, или ширмами. Я привык к нашим стройным рядам однообразных палаток; к нашему классическому порядку в лагере, где на каждый шаг есть свой закон, на каждый клочок земли — своя форма; словом, я привык к нашей военной дисциплине, доведенной до совершенства, исполняемой с точностью, и говорящей сама за свою пользу! Вообрази же себе мое удивление, когда я въехал в так называемый шахский лагерь: сперва меня поразил ужасный шум; солдаты в разноцветных, изодранных куртках и широких шальварах, толпились перед палатками своих товарищей, обратившихся в маркитантов, и обративших палатки свои в мелочные лавки! На ружьях висело мясо, на шомполах жарился шашлык; кругом разложены были: хлеб, мед и плоды, и расставлены кальяны; два-три полунагие сарбаза, удовлетворяли требования сотни своих товарищей, не думая вовсе ни о службе, ни о своей амуниции, о которых впрочем, кажется, и никто во всем лагере не заботился»²⁹. Подобные образные описания почти слово в слово повторяются у других авторов³⁰. Таким образом, иранское войско конца 1830-х гг. ассоциировалось у российских офицеров с хаосом, беспорядком и отсутствием какой-либо дисциплины, организации и боеспособности. Нас

в данном случае интересует не столько вопрос о том, насколько данные представления соответствовали действительности, но, скорее, каким образом они влияли на формирование образа Ирана как страны в целом.

***

Принимая во внимание все вышесказанное об иранском государстве и армии, мы должны поставить вопрос о том, в каком качестве Иран как страна должен был встроиться в систему представлений российской элиты после завершения войны 1826–1828 гг.? Очевидно, что на выстраивание целостного отношения к Ирану должны были оказать влияние несколько факторов.

Во-первых, это определенное недоверие, сформировавшееся ранее. В ряде текстов мы находим суждение о том, что Гюлистанский договор не установил мира на прочных основаниях, и заключение мира в 1813 г. было только передышкой для Персии, и «хотя Персияне стали наружно показывать себя нашими союзниками, но втайне готовились к войне, выжидая только удобного случая»³¹. Очевидно, что эти заключения далеки от мысли о том, что иранцы – союзники и друзья России. Начало войны 1826–1828 гг. Платон Зубов увязал с мятежом 14 декабря 1825 г. «Случай скоро представился склонить Шаха объявить России войну. В конце 1825 года небольшое число безумцев вздумали было потрясти спокойствие России. Сие обстоятельство, само по себе ничтожное, достигло Персии в увеличенном виде, и Персияне возомнили, что в России всеобщий бунт»³². Наконец, в 1826 г. «Персияне скинули маску, и везде заметно было приготовление к войне»³³. По отношению к российскому посланнику князю Меншикову иранские власти тоже ведут себя «изменническим образом». В целом, риторика в отношении к персам периода войны 1826–1828 гг. вполне ясна, и в ней российские авторы подчеркивают вероломство и измену Каджаров.

Во-вторых, это ориентализация иранцев и восприятие их в рамках дихотомии «европейцы» – «азиаты». Может быть, наиболее пафосными и оттого еще более знаковыми для нас являются следующие строки Платона Зубова, связанные с победой русских войск над неприятелем при Елисаветполе в ходе войны 1826–1828 гг.: «Решительность, мужество и храбрость войск наших, предводимых Героем (имеется в виду командовавший российскими войсками

генерал И.Ф. Паскевич. – А. Л.), восторжествовали над многочисленностью Персиян»³⁴. Эта очевидная отсылка к античности заставляет вспомнить отмеченный и разобранный Ю.М. Лотманом факт, что российские дворяне XVIII–XIX вв. зачастую мыслили себя в античных категориях и выстраивали свою собственную идентичность, модель поведения в сравнении с греческими и римскими образцами³⁵.

Наконец, то, что Иран дважды в первой трети XIX в. потерпел поражение от российских войск и был вынужден подписать мир на весьма тяжелых условиях, естественным образом не способствовало формированию представления об Иране как о равном партнере Российской империи.

Впрочем, на уровне официального дискурса отношение к Ирану было несколько иным. У Василия Бороздны находим следующий пассаж: недоезжая до Эривани, посла встретил эриванский сардар, с многочисленной свитой. «В знак союза и дружбы, соединяющей оба Государства, вельможи сии подали друг другу руку, и после взаимных приветствий, поехали далее»³⁶. Бороздна никак не комментирует это сообщение и, разумеется, данные жесты были лишь частью дипломатического этикета, но все же стоит отметить, что на официальном уровне Персия рассматривалась и как союзник, что нашло свое отражение в соответствующей риторике³⁷.

То же мы видим и в дипломатической переписке. Когда граф Симонич, бывший российским полномочным министром в Персии с 1832 по 1838 гг., писал Фатх-Али-шаху по случаю назначения последним в качестве наследника престола Мохаммад-мирзы, он, в частности, отметил, что «Нет сомнения, что Е[го] Выс[очество] Наиб-Султан (наследник престола. – А. Л.) употребит все свое старание, дабы более и более увеличить узы дружбы, которые столь тесно соединяют оба Государства, и следуя примерам Государя и Благодетеля своего, Великого Шах-ин-Шаха, он не потеряет никогда из вида, – что искренняя дружба с Россиею, есть первейшее благо для народа, над коим Святое Провидение предназначило ему властвовать»³⁸. Уже в этих формулировках проскальзывает та трактовка «дружбы» между Россией и Ираном, которая стала очевидной к концу XIX – началу XX вв. Симонич очевидным образом намекает шаху и наследнику о необходимости придерживаться пророссийской ориентации для блага Ирана.

Наконец, достаточно рано мы можем обнаружить и наиболее нейтральный тип восприятия Ирана в российском дискурсе. Это восприятие в качестве «соседа». Сообщая М.С. Воронцову о своем назначении в Персию, А.П. Ермолов пишет, что «не худо получше узнать соседей!»³⁹ В другом письме он акцентирует внимание на прагматических мотивах необходимости более близкого знакомства с Персией: «...не мешает познакомиться с соседственным народом и узнать землю их и, буде возможно, способы их»⁴⁰. Любопытно, что когда Ермолов отказывался подчиниться требованиям официального придворного этикета⁴¹, он обосновывал это, в числе прочего, и тем, что он «посол державы Российской и, что более, *соседственной*»⁴². Здесь можно увидеть намек на необходимость поддерживать *особые* отношения с Россией в силу того, что, в отличие от Англии и Франции, Россия имеет общую границу с Ираном. Самоочевидность подобного определения Ирана не позволяет, казалось бы, наполнить это слово дополнительными смыслами, однако, в то же время, слово сосед имплицитно содержит в себе ряд важных характеристик. Так, очевидно, что это слово указывает на стабильность и постоянство (справедливости ради, стоит, впрочем, отметить, что вполне возможно конструирование иного образа – «враг у ворот»).

Если мы попытаемся подвести некий общий итог нашим рассуждениям относительно того, в каком качестве российские дипломаты и военные рассматривали Иран в межвоенный и послевоенный периоды, то придется признать, что дать однозначный ответ на этот вопрос едва ли удастся. Несмотря на присутствующий в официальном дискурсе (и проявляющийся через дипломатическую риторику) термин «союзник», едва ли можно признать, что в России времен Николая I Иран Каджаров рассматривался в таком качестве. Слишком различным был военно-политический и экономический потенциал двух государств, слишком далеко они отстояли друг от друга как по положению на международной арене, так и в области духовных и культурных ценностей. Мы знаем примеры, когда Иран предлагал свою помощь России в войнах с Османской империей, и что российский монарх неизменно отказывался от этой помощи. Пожалуй, наиболее стабильным определением для Ирана в сознании российской политической и военной элиты было слово «сосед». И хотя это слово само по себе обладает достаточно нейтральными коннотациями, оно содержит в себе и

некое постоянство, стабильность, необходимость выстраивания отношений на долговременной основе. Географическое соседство, геополитические амбиции России на необозримых просторах Евразии так или иначе вынуждали российскую элиту принимать во внимание иранский фактор и вырабатывать определенную политическую линию в отношении государства Каджаров, отнюдь не воспринимаемого в качестве равного, но в то же время являющегося важным элементом начинающейся Большой Игры.

---

¹ См., например: Страницка из истории наших отношений с Персией в 1829 г. // Исторический вестник. № 1. 1890. С. 221–225.

² Соппленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000; Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012; Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism. Routledge Studies in Middle Eastern History. New York: Routledge, 2007.

³ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004 и др.

⁴ Подробное описание Персии, и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана; также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России. С присовокуплением описания похода Персиян против России в 1826, 1827 и 1828 годах. Ч. 1–3. М., 1829. Ч. 1. С. 75.

⁵ См., например: Еще известия о нынешнем состоянии Персии // Вестник Европы. 1819. Ч. CVI. № 16 (Август). С. 299–306; Об Испагани // Вестник Европы. 1815. Ч. LXXXI. № 11 (Июнь). С. 228–237; О народах, обитающих в Персии // Вестник Европы. 1815. Ч. LXXX. № 8 (Апрель). С. 284–293; О нынешнем Шахе Персидском // Вестник Европы. 1815. Ч. LXXX. № 8 (Апрель). С. 293–305; О Тегеране, столице Персидского Шаха // Вестник Европы. 1815. Ч. LXXXI. № 11 (Июнь). С. 223–228; Извлечение из письма в Париж из Тагерана // Вестник Европы. 1826. № 1 (Январь). С. 45–50; Персия древняя и нынешняя // Вестник Европы. 1826. № 21–22 (Ноябрь). С. 112–117; Сравнение Тахмас Кулы-Хана и Буонапарта // Вестник Европы. 1815. Ч. LXXX. (Март). № 5–6. С. 140–156.

⁶ [Бороздна В.] Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. Василия Бороздны, Коллежского Ассессора и орденов Св. Анны третьей степени и Персидского Льва и Солнца второго класса кавалера. СПб., 1821. С. 216.

⁷ См., например: О Персии // Вестник Европы, издаваемый Василием Жуковским. Ч. XXXX. Август. № 15. М., 1808. С. 260; Подробное описание Персии, и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана... Ч. 1. С. 130; [Бороздна В.] Указ. соч. С. 216; [Кафтырев Д.] Исторические, географические и статистические сведения о Персии. С картою Персии. Сочинение Д. Кафтырева. СПб., 1829. С. 41; Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 295.

- ⁸ См., например: Подробное описание Персии, и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белуджистана, земли Хорассана... С. 130 и далее; О Персии... С. 260 и далее.
- ⁹ См., например: Политические известия: Персия // Дух журналов. № 4. 1818. С. 227–228.
- ¹⁰ [Бороздна В.] Указ. соч. С. 86.
- ¹¹ См., например: [Бороздна В.] Указ. соч. С. 91; Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах. Ч. 1-2. М., 1824. С. 115.
- ¹² Эрванд Абрахамян пишет, что, как наблюдателей XIX в. поражала обширная власть Каджаров, так современных исследователей поражает тот факт, что у них не было инструментов для осуществления этой власти. См.: Abrahamian E. *Oriental Despotism: The Case of Qajar Iran* // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 5. № 1. (Jan., 1974). P. 11. Факты свидетельствуют о том, что современники тоже обращали внимание на неспособность Каджаров осуществлять свою власть в полной мере.
- ¹³ [Масальский Н.Ф.] Письма русского из Персии. Часть 1–2. СПб., 1844. Ч. 1. С. 141–146; [Салтыков А.Д.] Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова. С портретом Нассер-Эддин-Мирзы, валиата (наследника) ныне шаха Персии. М., 1849. С. 37; [Березин И.] Иной мир. Приморский город // *Русский Вестник*. Т. 10. Май. М., 1857. С. 208–209.
- ¹⁴ См., например: [Броневский С.М.] Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 т. / подготовка текста к изданию, пред., прим., словарь малоупотр. слов, указатели И.К. Павловой. СПб., 2004. С. 105–106.
- ¹⁵ Там же. С. 106–107.
- ¹⁶ Англия в Азии // *Москвитянин*, журнал, издаваемый М. Погодиным. М., 1842. С. 654.
- ¹⁷ Друвиль Г. Указ. соч. Друвиль Гаспар (Каспар) (1783–1856) – французский писатель, путешественник, полковник русской службы, с 1819 по 1825 командир 30-го драгунского Ингерманландского полка; позднее состоял по кавалерии, с 1829 генерал-майор.
- ¹⁸ Друвиль Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 115.
- ¹⁹ Там же. С. 123.
- ²⁰ Там же. С. 124.
- ²¹ Там же. С. 128.
- ²² Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / пред. Я. Гордина. Комментар., указатель Б.П. Миловидова. СПб., 2011. С. 46.
- ²³ РГВИА. Ф. 446. Д. 6. Л. 9 Об.
- ²⁴ Там же. Л. 14.
- ²⁵ [Бороздна В.] Указ. соч. С. 41.
- ²⁶ Там же. С. 233–234.
- ²⁷ Зубов П. Картина последней войны России с Персиею 1826–1828. С присовокуплением Историческо-Статистического обзора завоеванных городов, и воспоминании о Эривани. СПб., 1834. С. 31–32.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ [Масальский Н.Ф.] Указ. соч. Ч. 1. С. 121–122.
- ³⁰ Так, И.Ф. Бларамберг, оставивший прекрасное описание Персии конца 1830-х гг., сообщает, что после смерти Аббас-мирзы и, в особенности, после походов против туркмен в 1836 и против Герата в 1837–1838 гг., регулярная армия Ирана

была практически уничтожена, «так что, невзирая на то, что состав ее существует и доньне по прежним уставам и постановлениям, войска *называются только* регулярными...» См.: [Бларамберг И.Ф.] Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 году // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1853, Кн. 7. С. 49. Далее, в разделе «Персидская армия в походе», он же пишет: «Сомнения, относительно правдивости древних историков исчезают для зрителя, провозжающего персидскую армию в какую-нибудь экспедицию. Тогда легко можно изъяснить неимоверный успех европейских завоевателей, припомнив незначительную силу в сравнении огромных масс, с которыми приходилось им сражаться. Это – победа дисциплины и порядка над неустройством; ибо персидская армия в походе, равно как в лагере, и доньне представляет картину настоящего хаоса». См.: [Бларамберг И.Ф.] Указ. соч. С. 53 и далее.

³¹ Зубов П. Указ. соч. С. 30–31.

³² Там же. С. 33.

³³ Там же. С. 34.

³⁴ Там же. С. 42. Это далеко не единственный пример. Коллежский ассessor Василий Бороздна, сопровождавший российское посольство во главе с А.П. Ермоловым в Персию в 1817 г., сообщает, как по ходу следования посольства они видели могилу полковника российской службы Монтрезора, героически погибшего еще во время войны 1804–1813 гг. Рассказ о его подвиге он завершает следующими словами: «Столь славный подвиг не ставит ли его выше Леонида, который будучи Царем, мог иметь в виду, храбростию защитить престол свой; а сей пожертвовал жизнью единственно по любви к Отечеству». См.: [Бороздна В.] Указ. соч. С. 23.

³⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. См., например: Гл. «Искусство жизни»; «Итог пути» и др. С. 180 и далее.

³⁶ [Бороздна В.] Указ. соч. С. 39.

³⁷ И на последующих страницах у Бороздны мы находим эти примеры официальной дипломатической риторики: «Вообще разговоры, во время свиданий его Превосходительства с сим Министром, состояли в том, что оба они, по званиям своим, обязывались, в сие благополучное, мирное время, скреплять союз, связующий Высоких Государей, взаимным старанием». См.: [Бороздна В.] Указ. соч. С. 165. Во время аудиенции Ермолова у Фатх-Али-шаха они взаимно уверяли друг друга «о постоянном желании обоих Государей, сохранить счастливый мир, союз и дружбу между обеими Державами». См.: Там же. С. 188. Таким образом, во всяком случае, на уровне официального дискурса слова «союз», «союзник» были вполне употребимы в отношении Ирана в межвоенный период.

³⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 352. Л. 31–31 об.

³⁹ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову... С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 25.

⁴¹ Анализ поведения А.П. Ермолова во время посольства в Иран сделан С.В. Сопленковым. См.: Сопленков С.В. Указ. соч. С. 71–75.

⁴² Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову... С. 48.

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)

МИР В МЕТРОПОЛИЯХ – ВОЙНА В КОЛОНИЯХ: ШОТЛАНДСКО- ФРАНЦУЗСКИЙ КОНФЛИКТ В АКАДИИ/ НОВОЙ ШОТЛАНДИИ (1632)

С О ВРЕМЕН Средневековья развитие англо-французских отношений неоднократно сопровождалось кровопролитным вооруженным противостоянием. В XVII в. внешняя политика многих европейских стран оказалась тесно связана с их колониальными предприятиями, и Англия с Францией не стали исключением. Вплоть до начала XVII в. колониальная активность Англии и Франции сдерживалась из-за позиции ведущих морских и колониальных держав того времени – Испании и Португалии. Тем не менее, в течение первого десятилетия XVII в., после ряда неудачных попыток, англичанам и французам все же удалось закрепиться на территории североамериканского континента. Началось строительство двух империй, между которыми вскоре разразилась упорная борьба¹.

Яблоком раздора стали земли Акадии или Новой Шотландии², которые входят в состав современной Канады. В 1613 г. Акадия оказалась местом первого вооруженного англо-французского конфликта на территории Северной Америки, получившего широкий резонанс. Состоявшиеся тогда рейды английского капитана Сэмюэла Арголла против французских поселений положили начало «кровавопролитному 150-летнему конфликту»³. В дальнейшем, начиная с 20-х гг. XVII в. и вплоть до Парижского мира 1763 г., в результате которого Канада окончательно перешла под власть Великобритании, британцы и французы неоднократно становились участниками вооруженных столкновений в своей борьбе за господство в Северной Америке.

Примечательно, что в начальный период этого длительного соперничества наряду с уроженцами Англии активную роль в нем

играли шотландцы, вставшие с 1621 г. на путь создания своей колониальной империи⁴, и выступавшие тогда как самостоятельный фактор. Поэтому в освещении событий так называемого «англо-французского» колониального соперничества на рубеже 20–30-х годов XVII в. необходимо также иметь в виду победы и поражения шотландских колонистов, которые проявились не только в ходе англо-французской войны 1627–1629 гг., но и после ее завершения.

Часто англо-французскую войну 1627–1629 гг. называют «гугенотской», поскольку центральным ее событием стала осада цитадели французских протестантов – крепости Ля-Рошель. Однако начавшаяся в Европе «религиозная» война продолжилась как «колониальная» в Америке. Важной особенностью данного конфликта является то обстоятельство, что это разгоревшееся за океаном противостояние не удалось остановить ни условиями предварительного перемирия в Сузе (апрель 1629 г.), ни подписанием англо-французского мирного договора в Сен-Жермен-ан-Лэ (март 1632 г.).

Развертывание англо-французского военного конфликта сопровождалось двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, в 1627 г. во Франции по инициативе кардинала Ришелье была сформирована «Компания Новой Франции» («Компания 100 партнеров») – организация с капиталом в 300 тысяч ливров, получившая монопольные права на торговлю и политический контроль в североамериканских владениях Франции⁶. С другой стороны, в Англии в том же 1627 г. была сформирована «Лондонская компания торговцев», рассматривавшая канадскую территорию в заливе Св. Лаврентия как область своей коммерческой деятельности. В условиях начавшейся войны с Англией представители этой компании – опытные моряки братья Керки – заручились подписанными Чарльзом I Стюартом каперскими свидетельствами, санкционировавшими захват французских судов и уничтожение французских поселений в Новой Шотландии и Канаде⁷.

Как только в Англии стало известно о намерении «Компании Новой Франции» отправить флотилию с провизией, вооружением и строительными материалами для поддержки Квебека, Керки не стали медлить. В марте 1628 г. на трех кораблях они отправились к заливу Св. Лаврентия, намереваясь не допустить суда к главному французскому форпосту в Америке. Братья блестяще справились с поставленной целью. В Англию Керки возвращались с богатыми трофеями (138 пушек и 14 кораблей) и пленными, в числе которых

оказалось немало влиятельных французов. Победителей встречали с почестями, известный лондонский автор Мартин Паркер сочинил в их честь балладу, которая звучала на улицах английской столицы⁸.

Вдохновленные этими событиями, теперь уже представители созданной зимой 1628–1629 гг. англо-шотландской *Company of Adventurers of Canada*⁹ готовились к рейду в залив Св. Лаврентия. Получив от Чарльза I полномочия «захватывать французские и испанские корабли и разрушать все французские поселения в пределах указанной территории»¹⁰, организаторы экспедиции ставили перед собой две основные цели. Братья Керки рассчитывали на сей раз захватить Квебек, тогда как шотландцы, в лице сына владельца Новой Шотландии сэра Уильяма Александра-младшего и Джеймса Стюарта, четвертого лорда Охилтри, были решительно настроены на создание жизнеспособных поселений в Новой Шотландии¹¹. В свою очередь, с трудом оправившись от удара, «Компания Новой Франции» снаряжала суда, которые должны были помочь Квебеку и изгнать англичан из зоны залива и реки Св. Лаврентия¹².

Однако 24 апреля 1629 г. произошло событие, которое, на первый взгляд, должно было предотвратить наметившуюся военную агрессию обеих сторон. Англия и Франция вышли из состояния войны, подписав мирный договор в Сузе. Затрагивая самый разнообразный круг вопросов – от судьбы гугенотов до состояния двора королевы Марии Генриетты и церемонии обмена послами, данный документ не содержал прямого упоминания о колониальных территориях. Тем не менее, вторая и восьмая статьи этого пока еще предварительного мирного соглашения гласили: «...поскольку будет сложно вернуть все трофеи, захваченные в ходе военных действий, обе короны согласны оставить ситуацию без изменений, не составляя по этому поводу официальных репрессалий <...>, поскольку в море еще находятся корабли, капитаны которых имеют каперские свидетельства, разрешающие захватывать вражеские суда, и экипажи которых могут не знать о заключении перемирия, согласно пунктам данного соглашения все, что окажется захваченным в данных обстоятельствах, в течение двух месяцев после подписания этого договора должно быть возвращено каждой из сторон»¹³.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что и англичане и французы не только не отказались от своих намерений в

отношении колониальных владений, но, по сути, игнорируя Сузский договор, продолжили войну в Америке. До конца 1629 г. в адрес правительств Франции и Англии неоднократно поступали жалобы о захватах кораблей и заокеанских территорий, имевших место после подписания перемирия. Среди вопиющих актов агрессии упоминались захват французами в сентябре-октябре 1629 г. трех английских торговых судов у побережья Африки и «двух или трех» – у острова Сент-Кристофер в Карибском море¹⁴. Но самый широкий резонанс получили события, произошедшие летом в Канаде и Акадии. В июле братья Керки добились поставленной цели и вынудили к сдаче Квебек, голодающие жители которого так и не дождались помощи из Франции. Новым губернатором колонии стал Льюис Керк. Прежний глава квебекского поселения Сэмюэл Шамплен, вывезенный в Англию, слишком поздно узнал о перемирии, подписанном в Сузе. Отпущенный во Францию, он прилагал максимальные усилия для возврата Квебека французской стороне¹⁵. В конце 1629 г. английскому правительству стало известно и о том, что основанное в июле Джеймсом Стюартом, лордом Охилтри, англо-шотландское поселение на острове Кейп Бретон в Новой Шотландии подверглось внезапному нападению со стороны французов. Представлявший интересы «Компании Новой Франции», капитан Шарль Даниэль со своим отрядом уничтожил британский форт Розмарин и возвел на его месте форт Св. Анны, объявив остров территорией Франции¹⁶. Французов же, в свою очередь, совсем не радовало то обстоятельство, что сэру Уильяму Александру-младшему в конце концов удалось создать шотландскую колонию Чарлзфорт близ пустовавшего Порт-Рояла, до 1613 г. являвшегося главным французским поселением в Акадии¹⁷. Конфликтную ситуацию должна была разрешить ратификация Сузского договора, по сути, представлявшая собой дополнительный пакт.

Подписанный 29 марта 1632 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ еще один, теперь уже окончательный, мирный договор стал «первым англо-французским соглашением, где затрагивались не только европейские, но и североамериканские сюжеты...»¹⁸. В ходе сложных дипломатических переговоров, затянувшихся почти на три года, самым дискуссионным и трудноразрешимым оказался вопрос о статусе Порт-Рояла – Чарлзфорта. Франция настаивала на возврате не только Квебека, но и всех постов в Акадии¹⁹. Однако владелец Новой Шотландии при поддержке шотландских властей и лиц,

заинтересованных в сохранении выгодной для рыболовного и пушного промысла территории, настаивали на том, что, в отличие от Квебека, шотландская колония-поселение в Акадии – Новой Шотландии не завоевывалась, а была создана на свободной территории, не заселенной французами. Законность существования Чарлзфорта как шотландской территории выводилась из права открытия будущей Новой Шотландии Дж. Каботом (1497 г.), завоевания Арголла (1613 г.), хартий сэра Уильяма Александра (1621 и 1625 гг.) и даже признания власти Чарльза I Стюарта некоторыми французами и местным индейским вождем. Это обстоятельство совершенно игнорировалось французскими дипломатами, занявшими жесткую позицию в отношении возврата североамериканским территориям довоенного status quo²⁰.

В итоге, по распространенному в историографии мнению, Новая Шотландия стала жертвой двуличной и корыстной политики Чарльза I Стюарта. Поставленный перед выбором защиты интересов своих подданных, включившихся в пока еще не дававший ощутимых доходов колониальный проект, и получения от Людовика XIII невыплаченной части приданого королевы Марии Генриетты, Чарльз I предпочел второе. Вступившему в конфликт с парламентом и испытывавшему серьезные материальные затруднения английскому монарху, как отмечал канадский историк Д. Харвей, «застыла глаза перспектива получения 400000 крон оставшегося приданого его жены»²¹. Третий пункт Сен-Жерменского договора оговаривал возврат Франции всех территорий, занятых британцами «в Новой Франции, Акадии, и Канаде» и отзыв оттуда всех подданных Чарльза. Участь поселенцев Чарлзфорта была предрешена еще раньше. 10 июля 1631 г. для сэра Уильяма Александра-старшего были составлены четкие инструкции относительно подготовки к сдаче Порт-Рояля – Чарлзфорта. Королевский приказ предписывал «уничтожить форт, возведенный Вашим сыном, вывезти из колонии всех поселенцев, все вещи и бытовые принадлежности, а также домашних животных, оставив территорию незаселенной, каковой она была до прибытия Вашего сына...»²².

При оценке этих событий в историографии, как правило, критикуется проявившаяся в ходе переговоров «двуличная» линия поведения короля, приведшая к краху самостоятельной шотландской колониальной политики в первой трети XVII в. Намного меньше внимания уделено вопросу о состоянии самой шотландской

колонии, просуществовавшей более трех лет, тому, насколько она была жизнеспособна и перспективна к моменту уничтожения. В связи с этим возникает закономерный вопрос о масштабах «жертвы», принесенной Чарльзом I. События, произошедшие в Новой Шотландии осенью 1632 г., позволяют определенным образом ответить на него.

С подачи французского историка XIX в. Жана Ферланда получила развитие точка зрения о ярко выраженной враждебности индейцев в отношении шотландцев из Чарльзфорта. Британцы, якобы, удерживали за собой форт, только благодаря временному присутствию среди них имевшего длительный опыт общения с местными жителями французом Клода де Ля Тура. Но как только он предпочел вернуться на французскую службу и покинул лагерь осенью 1630 г., то все, кто не умер от цинги, за исключением одной семьи, были жестоко истреблены аборигенами²³.

Однако факты противоречат такому утверждению. Действительно, в течение зимы 1629–1630 гг. цинга унесла жизни не менее тридцати человек, о чем сообщил своему сыну Шарлю Клод де Ля Тур²⁴. Но даже через два года после его ухода поселение близ Порт-Рояля оставалось настолько жизнеспособным, что его обитатели смогли полностью разрушить и разграбить возведенный на противоположном берегу залива Фанди французский форт Сент-Мари со складом товаров.

Форт Сент-Мари был возведен по согласованию с «Компанией Новой Франции» осенью 1631 г. Парижская газета *Repaudot's Gazette* комментировала этот факт как событие, не менее значимое, чем возврат Квебека. Расположенный в устье реки Сент-Джон, являвшейся ключевой водной артерией для торговли мехом, в перспективе форт Сент-Мари должен был стать одним из главных форпостов меховой торговли в Акадии. Не исключено, что французов также привлекала возможность с более близкого расстояния контролировать своих конкурентов в Чарльзфорте. Для этого были довольно веские основания. Затянувшиеся переговоры о статусе Порт-Рояля и предупреждение недавно покинувшего Чарльзфорт Клода де Ля Тура о намерении шотландцев развивать и дальше свое поселение и даже напасть в ближайшее время на французский форт Сент-Луи – все это вызывало опасения французской стороны. Изначально планировалось, что главой форта станет Клод де Ля Тур, имевший богатый опыт в торговле с индейцами. Но, в конце концов, тот

остался на острове Кейп Сейбл вместе со своим сыном Шарлем, получившим полномочия королевского генерал-лейтенанта в Акадии. Вместо Ля Тура-старшего форт возглавил молодой лейтенант Жан Даниэль Шалинэ²⁵.

Как оказалось, беспокойство французов в отношении возможной агрессии со стороны колонистов из Порт-Рояля/Чарлзфорта было не напрасным. В соответствии с договором Сен-Жермен-ан-Лэ Порт-Рояль снова стал французским, но произошло это только в конце декабря 1632 г. При этом вынужденные подчиниться королевскому приказу шотландцы покинули свой форт, успев в последний раз «хлопнуть дверью» и уйти не с пустыми руками.

Ко времени, когда вопрос о судьбе Порт Рояля/Чарлзфорта был окончательно решен на государственном уровне, Уильям Александер-младший находился в Шотландии, а форт в Nova Scotia возглавлял капитан Эндрю Форрестер²⁶. Прежде чем исполнить важную функцию официального представителя британской стороны в процедуре передачи французам территории Порт-Рояля, этот человек окажется инициатором последнего вооруженного рейда отчаявшихся шотландцев.

18 сентября 1632 г. двадцать пять колонистов из Чарлзфорта во главе с Эндрю Форрестером совершили грабительский рейд в отношении пока еще малонаселенного французского форта в устье Сент-Джон. Детали неожиданного и стремительного нападения известны благодаря французскому источнику – сохранившемуся докладу лейтенанта Шалинэ²⁷. Шотландцам, прибывшим на барке и шлюпе, был оказан дружественный прием. Комендант Жан Шалине встретил Форрестера у входа в форт со словами: «если Вы желаете войти на территорию вверенного мне форта, то добро пожаловать...». Но за спиной своего командира внезапно появились пятнадцать человек, которые окружили Шалинэ и его четверых спутников, заточили их в кандалы и принудили переместиться в барку. Затем нападавшие уничтожили все знаки, символизировавшие французскую принадлежность колонии – снесли деревянный католический крест и часовню, а также сорвали флаг с лилиями Бурбонов. Посредством пыток и издевательств шотландцы принудили представителя «Компании Новой Франции» Жана Бежо показать местонахождение склада с провиантом и товарами. В результате грабежа в Чарлзфорт были вывезены бочонки с мукой, фасолью и кукурузой, 4 небольших пушки, 10 мушкетов, 4 аркебузы,

свинец, порох, котелки и другие бытовые принадлежности. Самым же ценным трофеем оказались 1500 меховых шкур. Пленных французов сначала доставили в Чарлзфорт. Но как только туда прибыл торговый пинас из Новой Англии, Форрестер договорился с капитаном о вывозе пленных в район реки Пенобскот и высадке их на одном из необитаемых островов. Однако, как отмечал Шалинэ, капитан-англичанин «оказался более человечным» и высадил французов близ устья реки Сент-Джон, неподалеку от их разоренного поселения. Оттуда Шалине и его люди смогли добраться до французского форта на острове Кейп Сейбл. Доклад о грабительском рейде капитана Форрестера при первой же возможности был отправлен на корабле «Байонна» в Адмиралтейство Ля-Рошели²⁸.

Историки по-разному объясняют причины агрессивного поведения шотландцев из Чарлзфорта – «реакцией на несправедливое решение высоких политиков», местью Ля Туру, который «порвал контакты с Александром и его людьми», стремлением «извлечь хоть какую-то выгоду, прежде чем гарнизон навсегда покинет форт»²⁹.

К утверждению о возможной мести Ля Туру можно добавить предположение о пусть и запоздалой реакции на события, произошедшие летом 1629 г. на Кейп Бретоне. Судя по развитию событий, ситуация сильно напоминала прецедент с захватом французами шотландского форта Розмарин. Но более предпочтительным выглядит последнее объяснение. С большой долей вероятности можно утверждать, что к осени 1632 г. шотландцы знали о том, что в ближайшее время им предстоит покинуть колонию. Еще в декабре 1631 г. сэр Уильям Александер, к тому времени уже виконт Стерлинг, направил письменные распоряжения предшественнику Форрестера – сэру Джорджу Хоуму «приложить максимальные усилия для того, чтобы форт, возведение которого происходило при моем сыне, и который Вы теперь возглавляете, был уничтожен <...> и оставлен пустующим и безлюдным, каковым был до прибытия моего сына...»³⁰. Таким образом, жителям Чарлзфорта приказывали принести в жертву королевской политике колонию, на обустройство которой было потрачено немало сил и труда, и которую за три года удалось не только сохранить, но и обжить целыми семьями, имевшими имущество, хозяйство и домашний скот. Оказавшись жестоко обманутыми в своих ожиданиях королем, не раз

обещавшим свою поддержку, шотландцы имели все основания опасаться за свое будущее. В сложившейся ситуации грабительский рейд против ненавистных французов-захватчиков оставался единственной возможностью вернуться на родину не с пустыми руками.

В итоге Эндрю Форрестеру и его людям удалось не только избежать наказания, но и получить определенную компенсацию. Когда в ноябре 1632 г. в Чарлзфорт прибыла французская делегация во главе с новым французским губернатором теперь уже Акадии и Канады Исааком де Разили, Эндрю Форрестер беспрекословно подчинился королевскому приказу оставить форт. В конце декабря по распоряжению де Разили более 40 жителей Чарлзфорта были помещены на борт французского корабля «Сен-Жан» и в начале февраля 1633 г. высажены на английском побережье. Вряд ли Исааку де Разили было известно о сентябрьских событиях, иначе он не заплатил бы уезжавшим на родину шотландцам 15000 ливров в качестве компенсации за оставленные ими в Чарлзфорте амуницию и продукты, часть которых представляла собой трофеи, вывезенные из французского форта Сент-Мари³¹.

Шотландско-французский вооруженный конфликт, произошедший в устье реки Сент-Джон осенью 1632 г., продемонстрировал продолжение, вопреки заключенному в Европе мирному договору, проявления заложенной еще в 1613 г. агрессивной природы связей Акадии с Новой Шотландией, когда каждая из сторон искала возможность выдворить соперника «со своей» территории. Из подписанного в Европе мирного договора для колонистов отнюдь не безусловно следовали мирные отношения в Америке.

С учетом наличия скудной документальной и противоречивой историографической информации о состоянии созданной в 1629 г. первой шотландской колонии в Новой Шотландии, рейд во главе с капитаном Форрестером можно рассматривать как одно из важных свидетельств в пользу ее жизнеспособности и перспективности к моменту, когда она была цинично уничтожена Чарльзом I Стюартом.

---

¹ Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб., 2005.

² Акадией (*фр. Acadie*) французы называли территории полуострова Новая Шотландия, современной канадской провинции Нью-Брансуик и ряд близлежащих

островов в Атлантическом океане. С 1621 г. англичане и шотландцы, в соответствии с королевской Хартией от 10 сентября, провозгласившей создание шотландской колонии, стали называть эти территории Nova Scotia (Новая Шотландия). После подписания Утрехтского мира в 1713 г. с началом так называемого «Британского периода» колониального господства в Канаде это наименование стало официальным, и в настоящее время сохранилось в качестве названия одной из т.н. Приморских канадских провинций.

³ Thornton J. Ancient Pemaquid: an historical review // Collection of the Main Historical Society. Vol. 5. Portland, 1857. P. 179; Н.В. Ласкова. Англо-французский вооруженный конфликт в Акадии (1613 г.) в истории возникновения Новой Шотландии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 г. Часть I. СПб., ВИМАИВиВС, 2011. С. 517–527.

⁴ Carta Domini Willelmi Alexandri equities Domini et Baroniae Novae Scotiae in America. 10 Septembris 1621 // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia. 1621–1638 / Ed. by D. Laing. Edinburgh, 1867.

⁵ Compagnie des Cent-Associés de la Nouvelle-France.

⁶ Fiske J. New France and New England. Boston; N.Y., 1904. P. 83.

⁷ Moir J. Kirke // Dictionary of Canadian Biography. Ed. by G.W. Brown, F.G. Halpenny, D.M. Hayne Vol. I: 1000 to 1700. Repr. with corr. Toronto, 1979. P. 405.

⁸ Ласкова Н.В. Англо-французские военные действия в Северной Америке и крах шотландской колонии Розмарин (1628–1629) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. Часть II. СПб., ВИМАИВиВС, 2011. С. 124–126.

⁹ Voyages of Samuel de Champlain with Historical Illustrations, and a Memoir by the Edmund E. Slafter. Vol. I. Boston, 1880. P. 161. № 97.

¹⁰ Commission to sir Wil. Alexander and others to make a voyage to the Gulf and river of Canada...// Calendar of State Papers. Colonial series. America and West Indies 1574–1660. Ed. by W.N. Sainsbury. London, 1860. P. 96. № 2.

¹¹ Insh G. Scottish colonial schemes, 1620–1686. Glasgow, 1922. P. 78.

¹² Biggar H., Wrong G. The early trading companies of New France. A contribution to the history of commerce and discovery in North America. Toronto, 1901. P. 137–138.

¹³ A Treaty of Peace and Confederacy between Lewis XIII. King of France, and Charles I. King of England, made at Suza the 24th of April, 1629 // A general collection of Treatys, Manifesto's, Contracts of Marriage, Renunciations, and other Publick Papers, from the Year 1495, to the Year 1712 in four volumes. Second Ed. Vol. II. London, 1732. P. 266–267.

¹⁴ European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648 / Ed. by Frances Gardiner Davenport. The lawbook Exchange, New Jersey, 2004. P. 316; Examination of William Cock, master of the Plough of London // Calendar of State Papers... P. 103.

¹⁵ Lanctot G. A History of Canada. Vol. I: From its Origins to the Royal Regime, 1663. Toronto, 1963. P. 134–136; Voyages of Samuel de Champlain...P. 168–169; Calendar of State Papers... P. 103. № 37.

¹⁶ Ласкова Н.В. Англо-французские военные действия в Северной Америке... С. 128–130.

- ¹⁷ Finnan Mark. *The First Nova Scotian*. Halifax, N.S, 1997. P. 122; Reid J., Baker E. *Essays on Northeastern North America, Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Toronto, 2008. P. 29.
- ¹⁸ Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 144.
- ¹⁹ Reid J. *Acadia, Maine, and New Scotland: Marginal Colonies in the Seventeenth Century*. Toronto, Buffalo, London, 1981. P. 37.
- ²⁰ *Calendar of State Papers...* P. 113. № 82; Harvey D. Alexander, sir William, Earl of Stirling // *Dictionary of Canadian Biography...* P. 53; Royal letters, charters, and tracts... P. 63.
- ²¹ Harvey D. *Sir William Alexander and Nova Scotia // Collections of the Nova Scotia Historical Society*. Vol. 30. Halifax, 1954. P. 25.
- ²² The Earl of Stirling's register of royal letters relative to the affairs of Scotland and Nova Scotia, from 1615–1635. Vol. II. Ed by Ch. Rogers. Edinburgh, 1885. P. 544.
- ²³ Ferland J. *Cours d'histoire du Canada*. Vol. I. Quebec, 1861. P. 249; Calnek W. *History of the county of Annapolis including old Port Royal and Acadia*. Toronto, 1897. P. 18–19; Gordon J. *The Scot in New England and the Maritime Provinces*. Part III // *Americana (American Historical Magazine)* Vol. V, Pt. 2, 1910. P. 802.
- ²⁴ *The Works of Samuel de Champlain*. Ed. by H.P. Biggar. Vol. VI. Toronto, 1936. P. 176.
- ²⁵ MacDonald M. *Fortune & La Tour. The Civil War in Acadia*. Toronto-New York-London-Sydney-Auckland, 1983. P. 38–39; MacBeath G. *Saint-Etienne de La Tour, Claude de // Dictionary of Canadian Biography...* P. 596.
- ²⁶ Об этом человеке очень мало информации. Известно, что он был выходец из Данди и принадлежал к старинному шотландскому роду. См: Dobson D. *The Scottish Surnames of Colonial America*. Baltimore, 2003. P. 44.
- ²⁷ *Archives de la Charente-Maritime. Amiraute de la Rochelle*. B5654.
- ²⁸ MacDonald M. *Fortune & La Tour...* P. 46–47; MacBeath G. *Forrester // Dictionary of Canadian Biography...* P. 310–311.
- ²⁹ MacDonald M. *Fortune & La Tour...* P. 45; Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 149; Lanctot G.A. *History of Canada...* P. 275.
- ³⁰ *Canadian Archeves. Report of the Work of the Archives Branch for the Year 1912*. Ottawa, 1913. P. 50.
- ³¹ MacDonald M. *Fortune & La Tour...*P. 47; Lanctot G. A. *History of Canada...* P. 276; Griffiths N. *From Migrant to Acadian: a North American border people, 1604–1755*. Montreal, 2005. P. 49.

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВИМАИВ_иВС)**

СОЦИАЛЬНАЯ деятельность в дореволюционной России развивалась в контексте основных постулатов государственного устройства в соответствии с патерналистскими принципами, которые распространялись на армию и флот. Великий реформатор всех сфер жизни Петр I особое внимание сосредоточил в этом направлении не только в целях усиления обороноспособности страны, но и создания новых условий для развития российского государства, расширения и укрепления его территорий.

К организации армии и флота он подходил всесторонне, учитывая при их создании все аспекты: политические, социально-экономические, материально-технические и прежде всего духовно-нравственные. При этом необходимо было использовать имеющийся опыт привлечения молодых на военную службу, обеспечивать их после завершения ратных дел, опираясь на всесторонний потенциал, который они приобрели в предыдущие годы. Целесообразно было учитывать их физические возможности, предусматривать систему социальной, медицинской защиты, с одной стороны, и с другой – формировать образ государства, которое заботится о своих подданных.

Законодательные акты Петра I, его инструкции и уставы по армии и флоту содержали в себе обязательство государства оказывать помощь раненым за счет государственного бюджета. В 1710 г. он дал распоряжение «раненых лечить из казны» и выдавать им «полное жалованье». С именем Петра I связано открытие первых в

России сухопутных и морских госпиталей, а также инвалидного дома для увечных воинов. Причем по поводу тяжело раненных офицеров и солдат в 1720 г. было установлено, что совершенно беспомощных из них лечить и «кормить в госпитале до самой смерти».

Деятельность Петра I по созданию военных госпиталей была продолжена в царствование Елизаветы, Екатерины II, Александра I и других российских государей. В 20-е гг. XIX в., к концу правления Александра I, госпитальная сеть России состояла из 95 постоянных военных госпиталей. Они имели почти 29 тысяч мест для лечения раненых военнослужащих.

С петровских времен, когда войско окончательно превратилось в регулярную армию, правительство было особенно озабочено социальным самочувствием военнослужащих и прежде всего принимало меры по обеспечению достойного жизненного уровня профессионального ядра вооруженных сил государства – офицерского состава. Петр I законодательно закрепил этот принцип в строительстве армии и флота: «Офицерам всем дворянство и первое место» с соответствующими материальными и другими социальными привилегиями. Офицерскому составу было установлено относительно высокое денежное жалованье.

Значимость профессиональной деятельности «старых» в двадцатых – тридцатых годах XVIII в. была достаточно велика. Приведем конкретные примеры. По данным архивных документов, многие военные в отставке за «старостью и дряхлостью», «за ранами и болезнями» вызывались на смотры в Сенат, где после освидетельствования их определяли «к делам небольшим», «ко всяким делам», «к лучшим делам». Две последние резолюции означали определение на воеводстве (И.В. Бабич).

Отправленные в отставку капитаны, майоры, поручики, подполковники, полковники и бригадиры, даже прапорщики и сержанты становились «правителями» территории, в основном, если на ней находились их имения. Так, например, среди таких правителей был князь А.Д. Волконский, лейтенант флота, обладатель 1300 душ, майор И.Т. Свитин, имевший 7 душ, и не имевший крестьян поручик П.И. Сторожев.

В дальнейшем многие пожилые военные в отставке были на протяжении значительного числа лет воеводами Углицкой, Пошехонской, Костенской и других провинций, так как среди них были

наиболее опытные и знающие люди. XIX век в определенной мере сохранил традиции использования образовательного потенциала и опыта профессиональной деятельности пожилых военных на государственной службе (И.В. Бабич).

Так, например, среди губернаторов Оренбургского края в XVIII – начале XX в. большая половина состояла из пожилых людей, старше 60 лет, это же касалось наказных атаманов Оренбургского казачьего войска. Такое же положение в отношении признания приоритета пожилых при осуществлении государственной политики являлось достаточно характерным для России в дореволюционный период.

Довольно рано военное ведомство и сама армия стали брать на себя призрение части сирот военнослужащих. По петровским указам 1719 и 1721 гг. в гарнизонах создавались школы, где за счет армейского бюджета содержались и учились дети погибших «всякого чина» вплоть до офицерских детей недворянского сословия.

К XIX в. государственные пенсии стали ведущей формой социального обеспечения военнослужащих. На основе Общего пенсионного устава право на получение государственной пенсии предоставлялось, прежде всего, офицерам и чиновникам военного ведомства по нормативам, единым для всех государственных служащих.

Уделялось большое внимание детям военных, их образование служило мощнейшим средством их социальной защиты. К концу XVIII в. эта тенденция усилилась. В 1798 г., с учреждением Императорского Военно-сиротского дома, все гарнизонные школы были преобразованы в его отделения. В марте 1801 г. функционировало 66 гарнизонных школ-отделений, в том числе в Петербурге и Москве – на 1500 мест, в Кронштадте, Риге и Ревеле – на 1000 мест, в Архангельске – на 700, в Киеве – на 600, в Казани – на 500 мест. Из общей сети военно-школьных отделений в 16 отделениях училось по 200–400 детей, в 41 отделении – по 50–150 детей.

Все патриотические начинания, связанные с военными действиями, подкреплялись социальной поддержкой. Так, например, во время войны 1812 г. уже 27 июля состоялось приглашение воспитанников семинарии и Духовной Академии во временное ополчение. Одновременно ставился вопрос о детях священнослужителей, «при отцах находящихся», указывалось, что их семейства не будут оставлены без внимания. Отмечалось что если кто-либо из духовных учащихся пожелает защищать отечество, увольнять

беспрепятственно, давать продовольствие и суммы, оставшиеся на содержание церквей. Духовным воспитанникам также объявлялось, что при окончании службы в ополчении они возвращаются к прежним местам. Учащиеся, получающие какие-либо доходы, при вступлении в ополчение их не лишаются. Синод предусматривает им пособие, учитывая их положение¹.

Примечательно, что еще в эпоху Александра I попечение о вдовах и сиротах военнослужащих, умерших от ран, взял на себя Комитет по призрению раненых. После Отечественной войны 1812 г. правительство Александра I приняло меры по упорядочению социального призрения раненых воинов. Эту работу возглавил Комитет по призрению раненых, утвержденный указом государя от 18 августа 1814 г. Социальное призрение под руководством Комитета осуществлялось в различных формах. Среди них получили значительное распространение назначение пенсий из инвалидного капитала и государственного казначейства; выдача единовременных денежных пособий; выделение финансовых ссуд; назначение на должности в военном ведомстве; перевод и трудоустройство на гражданской службе; обеспечение жильем; оказание медицинской помощи и другие. Комитетом практиковались такие формы призрения вдов и сирот, как назначение пенсий из инвалидного капитала и ходатайствование о них перед военным министерством, выделение единовременных денежных пособий, определение сирот в учебные заведения (А.Н. Греч).

Для офицеров армии и флота главным источником удовлетворения жизненных потребностей было жалованье. И хотя их жалованье увеличивалось в 2-3 раза, оно значительно отставало от стоимости жизни. Не случайно в царствование Николая I правительство нашло, что оклады недостаточны, и 6 декабря 1838 г. утвердило новый Табель. Наряду с жалованьем офицеры пользовались целым рядом социальных льгот. Им гарантировалось обеспечение жильем. Командиру роты полагалась двухкомнатная квартира, полковнику – квартира из пяти комнат. Если офицеры не смогли снять квартиры на выделенные квартирные деньги, то местное управление обязано было в течение недели предоставить надлежащую квартиру с мебелью, отоплением и освещением. Офицеры, служившие в отдаленных местностях, получали социальную поддержку в виде денежных пособий на воспитание детей до 13 и до 17 лет, а также на их обучение в низших, средних и высших учебных заведениях.

Во время Николая I от Комитета по призрению раненых с 1825 по 1854 гг. получили пенсии свыше 2 тысяч семей убитых и умерших воинов, в это время устроено в учебные заведения на государственные стипендии 813 сирот. Во второй половине XIX в. законы о предоставлении пенсий вдовам и детям в случае гибели их кормильцев, как офицеров, так и ряда «нижних чинов», продолжали действовать и приобрели более широкие масштабы. Дети погибших воинов принимались в военные и светские учебные заведения в первую очередь.

Деятельность военного ведомства обеспечивалась целой сетью учреждений: промышленных, учебных, медицинских и других. Основные виды социальной поддержки распространялись и на работающих в них чиновников и служащих: им выплачивалось профессиональное и статусное продвижение, выделялись средства на медицинскую и социальную помощь непосредственно им и членам семей, независимо от ранга, вероисповедания и занимаемой должности. Большое внимание уделялось образованию детей офицеров и чиновников военного ведомства. Они направлялись в кадетские корпуса, были случаи, когда дети поступали даже в пажеский корпус, а также в гимназии и прогимназии. Духовно-нравственное воспитание ставилось на центральное место и обеспечивалось служением священнослужителей всех конфессий.

Военное министерство осуществляло социальную деятельность в соответствии с общей социальной политикой российского государства. Иностранцы историки отмечали, что благотворительность в России была многосторонней и рассчитанной на предупреждение всевозможных нужд и лишений. Анализ материалов архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) дает достаточно яркое представление о многообразной социальной деятельности одного из подразделений Военного министерства – Главного артиллерийского управления (ГАУ).

Документы красноречиво говорят об усилиях руководства Военного министерства по обеспечению социальной защищенности военнослужащих, начиная с низших чинов и их семей, утверждению нравственных принципов в отношениях, расширению возможности для образования и профессионального развития, независимо от социального статуса, вероисповедания и материального положения, формированию у населения положительного образа

российской армии. При этом мы имеем пример, когда социальная и духовно-нравственная направленность деятельности высокой государственной структуры носит расширительный характер, вбирая в свою орбиту воспитательно-образовательные учреждения, промышленные предприятия, общественные инициативы. Рассмотрим наиболее показательный для развития социальных инициатив этап середины XIX в. – период Крымской кампании (Восточной войны) 1853–1856 гг.

Анализ материалов архивов показывает, что первое основное направление социальных инициатив – это благотворительность. Она была мотивирована духовными потребностями общества, чувством социального и общественного долга. Благотворительность объединяла социальные слои и конфессии, создавала условия для поддержки лиц, оказавшихся в наиболее трудной ситуации.

Если классифицировать акты благотворительности, то их можно было бы представить таким образом:

массовая благотворительность отдельных лиц, семей, конфессиональных, профессиональных групп и объединений, особенно в период тяжелых испытаний, например, войн;

благотворительность внутриведомственная, редкий случай, проявившийся во время Крымской войны – когда офицеры жертвовали собственные суммы раненым, нижним чинам своей же батареи или бригады;

благотворительность межведомственная, также проявившаяся в период Крымской войны, например, когда офицеры-артиллеристы, «чины штаба», пожертвовали 126 р. 80 к. серебром в пользу морских чинов и семейств их, потерявших дома в Севастополе².

Характерной чертой данного периода выступало то обстоятельство, что император был хорошо осведомлен о всех фактах благотворительности и оперативно объявлял благодарности жертвователям в приказах по соответствующим ведомствам.

Сам же император Александр II, вступивший на престол в феврале 1855 г., оказывал помощь пострадавшим в Крымской войне из своих личных средств, так, например, он пожертвовал госпиталю в г. Николаеве одну тысячу рублей серебром. Его супруга, Александра Федоровна, выделила суммы на обучение девочек, отцы которых погибли в период военных действий. И таких примеров можно привести значительное число.

Наряду с проявлениями явной благотворительности, Военное министерство, его артиллерийское ведомство осуществляют социально-профессиональную деятельность по обеспечению социального продвижения офицеров и нижних чинов.

В период военных действий руководство дивизиями и батареями не забывало о социальном и образовательном росте своих подчиненных. Так, например, в архиве ВИМАИВиВС, ф. 15, оп. 108/1, д. 124 нашел отражение документ о производстве нижних чинов из юнкеров, фельдфебелей и фейерверкеров в офицеры «за выслугу лет и за отличие в делах с неприятелем». В связи с этим представлены документы о присвоении офицерского звания прапорщик хорунжим в казачьих войсках, принадлежащим к следующим социальным группам: «из дворян», «из казенных крестьян», «из евреев», «сын рядового».

В этот же период рассматриваются документы «об отправлении офицеров в Михайловскую и Николаевскую Академии для прохождение наук». И такие примеры были нередкими.

Однако не следует оставлять без внимания и негативные факты, на которые незамедлительно реагировало военное начальство. Так, например, рассматривалось «следственное дело о жестком обращении с нижними чинами командира 12-й артиллерийской бригады подполковника Ждан-Пушкина»³.

Особенность управления Санкт-Петербургом как столицей и одним из самых больших городов России заключалась в том, что в нем находились министерства и департаменты, деятельность которых непосредственно влияла на осуществление социальной политики на всей территории государства. Так, например, Военное министерство, имея в своем составе Главное артиллерийское управление, помимо вопросов, касающихся непосредственно вооружения армии, занималось организацией работы предприятий, комплексно обслуживающих вооруженные силы. Особое внимание уделялось социальной направленности деятельности литейных, оружейных и пороховых заводов. В документах 30–80-х гг. XIX в. отражено отношение ГАУ к решению широкого спектра социальных вопросов, с которыми обращались в эту инстанцию офицеры, чиновники, служащие и члены их семей. Большинство из этих вопросов, опираясь на правовую базу, решались с позиции духовно-нравственных ориентаций того времени.

Приведем некоторые примеры из документов ГАУ, хранящихся в архиве ВИМАИВиВС. Опись 109 фонда № 15 артиллерийского департамента свидетельствует о том, что в центре внимания министерства находились следующие вопросы: «о назначении довольства и провианта женам и детям женского пола нижних чинов Луганского литейного завода» (дети мужского пола были охвачены профессиональным обучением и находились на ведомственном обеспечении – *Прим. авт.*)⁴. Рассматривается вопрос о производстве награждений и пенсий состоящим при Сестрорецком оружейном заводе нижним чинам, вдовам и сиротам; об определении сына чиновника в 3-ю Петербургскую гимназию, об отпуске за границу по болезни надворного советника Юкшина, о назначении пособия чиновнику по случаю замужества дочери, о предупредительных мерах против холеры (случаи которой появились в ближайших губерниях)⁵.

Служащие артиллерийского ведомства обращаются в ГАУ также для решения проблем нравственного и семейного характера. Так, например, рассматривается жалоба крестьянки Ирины Василевской – помещика Гриневича – на полковника Сарандинаки, жалоба чиновника Первухина на непочтительное отношение к нему и матери их сына поручика, жалоба жены чиновника Шуберта на мужа⁶.

В материалах Главного артиллерийского управления большое внимание уделяется обучению и продвижению по служебной лестнице с обоснованием не только профессиональных, но и личностных качеств специалиста, «похвальной точности и аккуратности в выполнении обязательств». Проблемы обучения детей служащих на заводах также являются предметом озабоченности начальства. Так, например, рассматривается вопрос «о назначении для обучения детей классных чиновников Ижевского оружейного завода пастора лютеранского вероисповедания Куфekoге»⁷.

Следует отметить факт уважительного отношения к населению органов государственной власти с учетом правовых норм того времени. Так, например, решается вопрос «о вознаграждении помещика Ясинского за убыль, понесенную от практической стрельбы»⁸. Даже в тяжелый период Крымской кампании (1854–1856 гг.) штаб артиллерии помнит о высоком статусе российской армии и формировании у населения уважения к ней. В приказе артиллерийского ведомства отмечается: «...деньги препроводить коменданту

города Бахчисарая для выдачи по принадлежности жителю О. Тиберти и мещанину Осману-Оглы за понесенные ими убытки»⁹. Приказы свидетельствуют о повышенной ответственности офицеров: «...с ближайших начальников, виновных в допущении низших чинов артиллерийского ведомства к покосу травы на чужих лугах и использованию лошадей и рогатого скота немедленно взыскивать 320 рублей серебром». Представители военных ведомств показывали примеры справедливого решения вопросов и уважения общечеловеческих законов даже в условиях войны, что проявилось, в частности, в приказе «о возмещении убытков крестьянам деревни Крительна Ольшевскому и Каспоровичу за вытоптанный у них хлеб»¹⁰.

Необходимо учесть, что в этот период жалованье полковника было 502 р. 5 к., столовых он получал 840 р. 60 к., капитан имел жалованье 336 р. 30 к., столовых – 280 р. 20 к.¹¹

По отношению к фактам хищения имущества тогда применялись особые меры, как пример можно привести «Приказ о строжайшем наблюдении за действиями коллежского советника Дьякова, прежде отставленного за лихоимство»¹².

В наиболее острые периоды русской истории жены императоров возглавляли советы и комитеты по оказанию социальной помощи «уязвленным» слоям населения. Так, например, в период русско-японской войны жена Николая II, Александра Федоровна, создала Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Членами этого совета были приглашены участвовать лучшие юристы, экономисты, организаторы, обладающие большим практическим опытом¹³.

В этот же период был создан Алексеевский (в честь наследника престола Алексея) главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией. Руководство этим комитетом осуществлял известный ученый П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Кроме того, Александра Федоровна участвовала в деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества.

Члены императорской семьи уделяют внимание гуманистическим инициативам, выдвигаемым общественностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что Военное министерство, представляя собою определенный социальный институт,

реализовало в своей деятельности целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, способов контроля, регулировало систему статусов, обеспечивая социальный лифт и социальные практики в традиционных и неординарных ситуациях повседневной жизни военнослужащих.

Не касаясь всех сторон и инициатив государственных, духовных и общественных организаций начала XX в., мы остановились в основном на малоизвестных фактах или фактах, которые намеренно замалчивались. Нами лишь сделана первая попытка проанализировать действительно имевшие место факты, способствующие в дальнейшем целостному и как можно более полному анализу проблемы взаимодействия государственных, духовных и благотворительных сил в деле социальной защиты, образования и духовно-нравственного развития населения.

---

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 726. Л. 7.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 15. Оп. 108/1 Д. 60. Л. 28, 183.

³ Там же. Д. 52.

⁴ Там же. Оп. 109. Д. 47/171. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 378/4. Л. 25, 27.

⁶ Там же. Д. 181/157. Л. 25.

⁷ Там же. Д. 45/168. Л. 6.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 14/90. Л. 101.

⁹ Там же. Оп. 108. Д. 96. Л. 30.

¹⁰ Там же. Д. 59.

¹¹ Там же. Д. 161. Л. 288.

¹² Там же. Оп. 109. Д. 45/168. Л. 6.

¹³ Там же. РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 105. Л. 15.

Е.Ю. Леонова (Санкт-Петербург)

РЕКРУТСТВО В РЫБНОЙ СЛОБОДЕ В XIX ВЕКЕ

Пуще холеры огорчает Россию рекрутский набор...

Л.В. Дубельт¹

КРЕСТЬЯНЕ Рыбной (Рыбацкой) слободы были переселены на берега Невы по приказу Петра I в основном из подмосковных царских владений. Издавна они обязаны были промышлять рыбной ловлей и поставлять рыбу к царскому столу. Для этого же они оказались и в предместье новой столицы. В XVIII в. рыбацкие крестьяне числились дворцовыми и были приписаны к Царско-сельской конторе. С образованием Императорской Александровской мануфактуры они в 1800 г. перешли в разряд государственных крестьян, подведомственных мануфактуре.

Государственные крестьяне должны были платить разного рода налоги – подати. Одной из тяжелейших повинностей податного населения была рекрутская повинность.

Община вела очередность тех, кто должен был идти в рекруты. Для семьи было большим несчастьем, если выбор выпадал на одного из ее членов. «Наши русские мужички очень долго горюют по рекруте. Им смерть не так тягостна, как рекрутство. Положил в могилу сына, поплакал, сказал: «Будь Его святая воля! – мой сын-де в верном месте; у Господа хорошо. Не то, что здесь – и хлеб не родится! И трудно жить. У Господа на небесах все готово!» – и утешился. Но о рекруте он плачет долго, потому что знает, как его сыну жизнь тягостна»². Дело было сложным и спорным, иногда приходилось прибегать к жеребьевке. Очередная система была основана на сложном учете рабочей силы. В первую очередь назначались мужчины из семей с большим количеством сыновей.

Общинный характер рекрутской повинности сохранялся вплоть до ее упразднения. Община следила за справедливым исполнением

рекрутской повинности. Семейства, имеющие одного работника, освобождались от рекрутской повинности, но община Рыбацкой слободы обязала и эти семьи разделить тяготы рекрутчины со своими односельчанами. В 1840 г. был составлен список «Слободы Рыбацкой крестьянских семейств, которые не подлежат сами лично отправлению рекрутской повинности и натурою должны вносить в... денежную кассу – каждый собственно от себя – по 500 рублей – для покупки за них рекрутских квитанций или для выдачи другим малодушным семьям приличного вспомоществования ... каковую сумму обязываются выплачивать в продолжение 10 лет, полагая в каждый год по 50 руб. ...дабы никто из крестьян даже и одиноких не мог оставаться вовсе неучаствующим в отправлении сея главнейшей и чрезмерно тягостнейшей для всех Рекрутской повинности!»³.

По семейному списку 1839 г. таких семейств числилось 68.

Кроме того, «крестьяне 5го разряда, числящиеся двойниками – как по минувшим до сего времени наборам будучи представляемы в Рекрутское Присутствие за некоторыми причинами остались в рекруты не приняты., а дабы они чрез то не могли миновать от участия в отправлении повинности наравне с одинокими облагаются денежными взносами – с каждого по 500 руб. на 10 лет...»⁴

Особо оговаривались физические характеристики. Например, рост. «Запрещается представлять в рекруты людей, которые без обуви при обыкновенных наборах будут ростом менее 2 аршин 3 ¹/₂ вершка или 2 аршин 3 ³/₄ вершка (в 1863 г. не менее 2 аршин 3 вершков); при усиленных не менее 2 аршин 3 ¹/₂ вершка; при чрезвычайных не менее 2 аршин 3 вершков

Которые сдаются в зачет будущих наборов, тогда ростом не менее 2 аршин 4 вершков.

Запрещается представлять людей с явными болезнями, увечьями, телесными поврежденьями»⁵.

Определенные общиной люди – сдатчики – отвозили будущих рекрут в Рекрутское присутствие, где они проходили медицинский осмотр. Годным сбрасывали волосы спереди, а негодным – затылок. Бритый лоб рекрута бросался в глаза и препятствовал возможности скрыться. Не отсюда ли и выражение «забрили в солдаты»? Негодных отправляли обратно.

Так в 1836 г. «...Рекрутское присутствие признает к воинской службе неспособного, принятого в рекруты из крестьян Ведомственного

Правления Трофима Мясникова. Водворило его в первобытное состояние»⁶.

В 1856 г. крестьянин слободы Рыбацкой Петр Иванов Мясников изъявил желание поступить в рекруты за крестьянское общество. Был ему в ту пору 31 год. Семьи у него не было. Можно только гадать, какие жизненные невзгоды заставили его принять это решение. За поступление в рекруты крестьянское общество из общественной рекрутской кассы обязано было выдать ему вознаграждение 540 р. серебром с удержанием 100 р. на уплату повинностей. Последнее обуславливалось тем, что следовало обеспечить уплату всех податей и повинностей до новой ревизии. Требовалось также согласие мирского общества и подписка о согласии брата на поступление Петра в рекруты. Когда все формальности были соблюдены и новоиспеченный рекрут доставлен в Рекрутское присутствие, то оказалось «...Петр Иванов Мясников по освидетельствованию 27го минувшего Апреля оказался по малому росту, коего он имеет 2 аршина 3 $\frac{6}{8}$ вершка, в военную службу неспособным»⁷. Ростом он оказался около 159 см.

Всякий рекрутский набор начинался после публикации высочайшего манифеста, в котором указывалось и число подлежащих к сдаче. Перед каждым набором определялся размер повинности, время и порядок раскладки. Управляющий мануфактурой отдавал распоряжение надзирателю за приписанными к мануфактуре крестьянами о представлении очередных списков крестьян, назначенных в рекруты подведомственных мануфактуре селений: слободы Рыбацкой, села Усть-Ижора и деревень Лесной и Заводской (впоследствии Леснозаводской). В селениях проходили сходы, на которых рассматривался список кандидатов для отдачи в рекруты, семейств, подлежащих рекрутской повинности. В рапорте надзиратель представлял управляющему принятые мирские приговоры с приложением документа и необходимыми пояснениями.

До 1800 г. потребное количество рекрутов из Рыбацкой и Усть-Ижоры рассчитывалось вместе с крестьянами деревень Пулковой и Подгорной, также приписанных к Царскосельской конторе. После перехода их в Ведомство Александровской мануфактуры расчет велся с учетом крестьян деревень Лесной и Заводской, также подведомственных мануфактуре и приписанных к ней в 1804 г., а ранее принадлежавших князю Куракину. В связи с этим отправка в рекруты и сбор складочных рекрутских

денег потребовали сложных расчетов и длительной переписки с Царскосельской конторой.

Крестьяне Усть-Ижоры и Рыбацкой «...в прошлую шведскую войну дали оне от обеих сих селений добровольно на службу 63 человека, снабдив их притом сверх законных для рекрута потребных одежду и деньги еще особа каждому денежное вознаграждение дано, а потому засчитывались сии... 63 человека в будущие наборы вместо рекрутов, единственно за вышеозначенные два селения...»⁸. Рыбацкие крестьяне тогда вместо одного человека с пяти дворов направили на войну одного с каждого четвертого. Это событие было увековечено в памятнике, установленном в Рыбацком. Указом его императорского величества предполагался зачет ушедших на шведскую войну в будущие рекрутские наборы.

Система комплектования армии имела ряд недостатков. Хотя численность войск была довольно велика, она оказывалась недостаточной в военное время, и приходилось прибегать к усиленным наборам, пополняя армию необученным контингентом. Одной из причин, кроме значительной убыли личного состава, обусловленной военными действиями, являлось большое количество солдат преклонного возраста, по состоянию здоровья не способных к большим нагрузкам. В связи с этим в России был создан институт народного ополчения – земское войско.

Такое войско было сформировано в 1806 г. после неудач в войне с Наполеоном и в связи с угрозой вторжения неприятеля в пределы России. В войско набирались добровольцы. В архиве сохранился список таких добровольцев из Рыбацкого и Усть-Ижоры. В списке указаны имя, отчество и фамилия добровольца, его возраст, женат он или холост, а также его приметы.

Каждому добровольцу полагалось выдать единовременно по 3 р.; трехмесячный провиант: муку и «грешневую» крупу; оружие и обмундирование на каждого: ружье без штыка, саблю, патронташ, ранец, жестяную манерку с приборами, две рубашки, двое портков, по одной паре чулок и портянок, армяк, полушубок, пару рукавиц, кушак, пару сапог, одни шаровары, шапку, платок⁹. В земское войско отправляли и провинившихся крестьян. Решалось это на общем собрании, и принимался мирской приговор.

Если стрелки, так называли ополченцев, оказывались не способными к земскому делу, их отправляли назад, например Ивана и Степана Мясниковых.

В феврале 1807 г. вышел приказ о прекращении существования земского войска, а крестьянам было объявлено, что они остаются в военной службе с зачетом их в рекруты.

Жены этих крестьян, прошением от 08.02.1808 г. обратились к князю Дмитрию Михайловичу Волконскому «о возвращении их в прежнее состояние»¹⁰, но получили отказ.

Во время Крымской войны в 1855 г. вышел высочайший манифест «О создании народного ополчения». В феврале надзирающему за крестьянами коллежскому асессору Соловову было выдано предписание: «Составить по трем подведомственным Императорской Александровской Мануфактуре селениям списки таковому выбору»¹¹. В ополчение призывались мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. У рыбацких крестьян воззвание не вызвало патриотического энтузиазма. В правление поступают множественные прошения от крестьян по разным причинам не брать их в ополчение. Вместо ранее назначенных назначают других. При выборе ополченцев учитывалось, «может ли семья прокормить себя, отдав одного члена в ополчение».¹²

Всеми силами старались крестьяне избежать солдатчины. Наиболее распространенным был наем «охотников». Крестьяне находили людей, которые за определенную плату соглашались заменить собой рекрута из крестьянской семьи. «...Можно нанимать в рекруты всех свободных от рекрутства податных людей, иноверцев и инородцев»¹³.

Кто же были эти «охотники»? Безусловно, люди, оказавшиеся в критической ситуации, которые не видели для себя иного выхода. Архивные документы позволяют нарисовать картину безысходности добровольно отправлявшихся на военную службу.

Сохранилось заявление 21-летнего незаконнорожденного сына Санкт-Петербургской мещанки Агафьи Ануфриевой, Дмитрия Гаврилова, в правление Александровской мануфактуры от 28 января 1843 г., в котором он сообщает, что «возымел добровольное желание приписаться в крестьянское звание к семейству крестьянина Козмы Степанова Безсонова с тем, чтобы мне за сыновей его, Безсонова поступить в военную службу в нынешнем же 1843 году – ценою как мы с ним Безсоновым условились ассигнациями за семь сот рублей, – которая деньги должен он мне выдать по сдаче меня в рекруты все сполна без малейшаго задержания. По сему... Покорнейше прошу о приписке меня в крестьянское звание означенной

слободы Рыбацкой с причислением к семейству крестьянина Козмы Безсоновы учинить разрешение, а впоследствии за тем и о представлении меня в Рекрутское присутствие к отдаче в рекруты...для видимости приложить имею... свидетельство санктпетербургской Управы Благочиния... и из Метрической книги Троицкого Собора, ...и при том еще подписку моей матери на изъявление с ея стороны в том согласия»¹⁴.

Содержание этого заявления обусловлено правилами, по которым можно было нанимать только людей, принадлежащих к тому же сословию и к той же губернии, что и наниматель, и с согласия родителей. В правилах о рекрутских наборах 1862 г. также записано, что «податным лицам запрещается наниматься без обеспечения всех податей и повинностей до новой ревизии... Наниматель уплачивает все подати и повинности как за наемника, так и прочих людей, за которых наемник платил до найма... Личные условия между наемником и нанимателем пишутся на счет последних на гербовой бумаге в 40 коп. серебром, свидетельствуются или в Думе или в Волостном правлении. Если условие заключено с наемником правильно и без подлога, то он не имеет права отказаться от него»¹⁵.

Не всегда все проходило гладко. Договорился Андрей Степанов Шишков с уволенным со службы временной контрольной комиссии канцелярским служителем Александром Сергеевым Заворуевым о найме его в качестве «охотника», но не тут-то было... Его мать, вдова губернского секретаря Анна Дмитриева Заворуева объявила, «сын ее... без ведома и согласия ее в нетрезвом виде сделал этот шаг»¹⁶, и подала жалобу в Казенную палату, откуда просили все бумаги возвратить, «если не окажется к тому препятствия»¹⁷.

С некоторыми «охотниками» случались и неприятности. В октябре 1851 г. к управляющему мануфактурой А.Я. Вильсону поступило письмо из IV отделения Собственной Его Величества канцелярии: «По донесению командира Санкт-петербургского Внутреннего Гарнизонного батальона, что бывший канцелярист Лев Иванов, состоя рядовым в Гдовской инвалидной команде, передан военному суду, и что к производимому о нем делу необходимо присоединить документы, по коим он был приписан к крестьянам и отдан в рекруты за семейство крестьянина слободы Рыбацкой Корешкова»¹⁸. Документы были отосланы с просьбой возвратить.

Комиссия военного суда, учрежденная при Санкт-Петербургском внутреннем гарнизонном батальоне, просила правление

Александровской мануфактуры прислать в комиссию как свидетеля бывшего старосту Ивана Михайлова Брюхова. Сохранились его показания, из которых видно, какова была процедура найма «охотников».

«1851 года Марта 3 дня

Зовут меня Иван сын Михайлов по прозванию Брюхов, крестьянин слободы Рыбацкой, от роду имею 62 года, веры православной, на исповеди и у Святого причастия бываю ежегодно, грамоте знаю. Льва Иванова, который в 1841 году одного ведомства крестьян Корешовых поступил в рекруты, упомянуть совершенно не могу по причине давняго времени, но согласие подобных охотников хотя и делалось в присутствии прочих уполномоченных крестьян, но сколько он был времени у крестьян Корешовых, не знаю и кто его отвозил в рекрутское присутствие мне также неизвестно. Что же касается до представления подобных рекрут нашему Начальству на смотр никогда не было, а делают все сами хозяева, которые нанимают за свое семейство, и дело имеют с Казенною Палатою, которая по рассмотрении документов утверждает и разрешает подобные приписки, более же ничего объяснить не могу»¹⁹.

Показателен, по-моему, трагический случай и с Афанасием Ивановым Шишковым, который нашел «охотника» пойти в рекруты за его семейство. Это был подмастерье переплетного цеха из г. Дерпта Рейтольд Гемпель. Он уже получил из условленной суммы 200 р., но от исполнения договора уклонялся под тем предлогом, «что общество г. Дерпта не увольняет будто бы его из среды своей по случаю назначения семейства его на рекрутскую очередь»²⁰.

Шишков подал жалобу, по рассмотрении которой оказалось, что Гемпель действительно не может пойти в рекруты за семейство рыбацкого крестьянина.

Земскому суду было предписано «объявить... крестьянину Афанасию Шишкову, в разрешение поданной им жалобы. Со взысканием с него в доход казны одного рубля двадцати копеек серебром гербовых пошлин за 2 листа бумаги, употребленной в Министерстве Внутренних Дел...»²¹.

Имея в виду подобные негативные примеры, Ермолай Афанасьев Корешев в 1851 г. обратился к А.Я. Вильсону с просьбой рассмотреть вопрос о приобретении рекрутских квитанций крестьянами, подведомственными мануфактуре. При этом он радуется не только за свое семейство, но «и прочих казенных крестьян, находящимся под

личным и непосредственным начальством Вашего Высокопревосходительства»²².

Вильсон счел просьбу обоснованной и направил запрос по инстанциям, в котором изложил суть прошения Корешева, который «просит ...о распространении на крестьян Ведомства Императорской Александровской Мануфактуры, всех 3 селений... правила, на основании коего дозволяется Палатам государственных Имуществ продавать казанным крестьянам зачетные рекрутские квитанции по 570 руб.»²³. Сохранилась выписка из журнала главного комитета Александровской мануфактуры от 30 октября 1853 г.: «Положили: По соображениям обстоятельств этого дела, с приведенными узаконениями, Комитет находит:

1. Что поселяне приписанные к разным казенным фабрикам... предоставлено право приобретать покупкою из Палат Государственных Имуществ зачетные рекрутские квитанции по 570 рублей серебром и 2-е. ... При том имея в виду, что крестьяне вышеозначенных селений, с давнего времени отправляют рекрутскую повинность наймом, причем нередко случается, что нанятые охотники оказываются неспособными по освидетельствованию их в Рекрутском присутствии и в таковом случае выданные охотникам вперед по условию деньги, остаются без возврата и Комитет со своей стороны признает возможным распространить и на крестьян селений Усть Ижоры и Рыбацкой право приобретения ... покупкою от палат Государственных Имуществ зачетных рекрутских квитанций...»²⁴.

Разрешение было получено со следующей ссылкой: «В справке оказалось: 1,... зачетные квитанции ...Палатам Государственных Имуществ продавать казенным крестьянам по 570 рублей серебром, подобно тому, как они продают им квитанции за поступивших в рекруты охотно по хозяйскому найму... с тем, чтобы из вырученной за каждую квитанцию суммы 300 руб. сер с 6-ю процентами возвращать Государственному Казначейству, а все остальное обращать на составление капитала для отставных солдат...»²⁵ Перед очередным набором, семейства, обязанные дать рекрута, при наличии возможности задумывались о приобретении зачетных квитанций и обращались за разрешением к обществу. Затем через надзирателя над крестьянами желавший приобрести квитанцию вместе с мирским приговором подавал прошение на имя управляющего мануфактурой. «Управление мануфактуры относилось в Министерство Государственных Имуществ о высылке потребного числа

квитанций, по получении которых следовавшие за них взысканные с крестьян-приобретателей деньги отсылались по принадлежности через надзирателя за крестьянами, который по внесении денег, полученные под расписки квитанции представлял при своих рапортах в Контору, и копии с подлинных квитанций, по приеме из Конторы передавал крестьянам. На купленных таким образом квитанциях делалась за подписью Управляющего Мануфактурою надлежащая надпись и о приобретении их сообщалось в Санктпетербургскую Казенную палату и в Инспекторский Департамент Военного Министерства. Самыя же квитанции, по выдаче с них, как выше сказано, приобретателю засвидетельствованных Письмоводителем копий, предполагалось, как оказывается, хранить в Казначействе конторы, но под чьим непосредственно наблюдением, того объяснить невозможно, так как в делах нет о том прямых указаний»²⁶.

8 ноября 1862 г. состоялся «...Мирской приговор в том, что крестьяне оной слободы, записанные по ревизии 10й народной переписи под №164 Степан Тимофеев и Андрей Тимофеев Корешовы и под №189 Семен Дмитриев и Кузьма Дмитриев Корешовы состоят на рекрутской очереди в предстоящем 1863 году и обязаны дать 1 рекрута. Посему дозволяется им, Корешовым, приобрести покупкою 1 зачетную квитанцию»²⁷.

Квитанция за эти два семейства была продана за 570 р. серебром, и за Корешовых в армию отправился мастерской Александровской мануфактуры Алексей Сергеев Минин.

Управляющим мануфактурой Вильсоном был установлен порядок хранения квитанций. «Квитанции по надписании на каждой имени того, за чье семейство должна быть представлена при наборе к зачету,... хранить в Казначействе мануфактуры за скрепою письмоводителя конторы...»²⁸ При объявлении рекрутского набора должны были быть предъявлены подлинные квитанции.

В 1862 г. случилась неприятность. Крестьяне обратились в правление мануфактуры, предъявив копии с квитанций, с просьбою о выдаче им подлинников. И тут выяснилось, что не хватает 9 квитанций крестьян Рыбацкой и Усть-Ижоры.

Это побудило контору произвести разыскание в делах. Оказалось, что у старшего бухгалтера конторы коллежского асессора Вильсона хранились вне кассы без записи в книге в запечатанном казенной печатью конверте семь зачетных рекрутских квитанций,

из которых 6 принадлежали крестьянам слободы Рыбацкой. Было отдано распоряжение записать квитанции в особую книгу, которой раньше не существовало, и хранить официально в числе других документов в казначействе мануфактуры.

Несвоевременное представление зачетной квитанции в Рекрутское присутствие ставило крестьян в очень сложное положение, так как это не избавляло от исправления рекрутской повинности натурой. В связи с этим контора мануфактуры незамедлительно обратилась в Санкт-Петербургский земский суд и те Рекрутские присутствия, которыми были выданы утерянные квитанции, с просьбой незамедлительно выслать их копии.

Опекунский совет произвел расследование по поводу пропавших квитанций, для чего потребовал личных объяснений лиц, причастных к делу. К объяснению были приглашены: управляющий мануфактурой подполковник Вильсон, казначей Байков и бывший письмоводитель Кормилев, и надзирающий за крестьянами, которые представили письменные объяснения. Виновного установить не удалось.

Почетный опекун обратился также к Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору с предложением освободить семейства крестьян, приобретших квитанции от рекрутской очереди или хотя бы отсрочить ее до окончания набора, когда могут обнаружиться и утерянные квитанции.

Опекунский совет принял решение о проведении дознания и командировал для этого помощника экспедитора канцелярии совета Захарова и «выдать 40 рублей на счет суммы, назначенной на расходы по ликвидации мануфактуры»²⁹.

К сожалению, дело на этом обрывается, может быть, его продолжение следует искать в других фондах архива.

Встречались случаи, когда одна квитанция покупалась на два семейства. Так, мирским приговором 1857 г. было дано разрешение на приобретение одной квитанции двумя семействами, состоящими на ближайшей рекрутской очереди: «Александра Захарова Корешова и Андрея Васильева Казарина сыновей»³⁰.

В июне 1857 г. рыбацкие крестьяне учинили мирской приговор: «Изыскивая средство к уравнению, общество постановило... Семейства двойников соединять, составляя четырех членов, из коих по наступлении очереди по летам, ставить одного рекрута; причем таковые семейства делают между собою добровольное предвари-

тельное условие на выдачу наградных тому, кто из них по жребию или добровольно поступит в рекруты или общими средствами приобретают зачетные рекрутские квитанции»³¹.

Для приобретения квитанций крестьяне шли на любые жертвы. Очень показателен в этом отношении случай с крестьянином Семеном Дмитриевым Корешовым. В 1858 г. семейство Семена и его жены Мавры стояло на ближайшей рекрутской очереди. По примеру других крестьян он решил приобрести зачетную рекрутскую квитанцию и обратился к надзирателю за крестьянами Рыбацкой слободы Соловову. Тот объявил Корешову цену – 665 р., но так как таких денег у последнего не было, то Соловов с письмом направил его к чиновнику Рекрутского присутствия. По неопытности и неграмотности Корешов с крестьянами той же слободы Семеном и Петром Корешовыми сдал чиновнику с двух раз 600 р., за якобы предложенных двух охотников. Для этого крестьянин «должен был продать свое новое судно, лошадь и корову и оставить семейство свое, состоящее из 5 душ, почти без всякой надежды к пропитанию»³². Прошел год, но чиновник своего обязательства не исполнил, «уклонялся разными обещаниями и уверениями, что рекруты уже сданы и что к получению квитанций встречаются некоторые препятствия...»³³. Крестьяне отдали чиновнику еще 200 р., но квитанцию так и не получили.

Между тем, чиновник был уволен от занимаемой должности, на просьбу «о возвращении полученных им от нас 600 руб. серебром... Мы удовлетворения от него не получили и даже не стали пускать к себе на глаза»³⁴.

Обманутые крестьяне обратились с жалобой к начальству. Чем закончилось дело – неизвестно.

Судя по документам, мануфактура и сама приобретала зачетные рекрутские квитанции, которые затем продавались подведомственным ей крестьянам.

Особо хочу остановиться на деле Якова Яковлева Фролова, которым было подано прошение о продаже квитанции его семейству.

Сколько отчаяния и надежды вложено в это прошение! Но, увы, все напрасно. Было одно непреодолимое препятствие – семья Фролова состояла в расколе и переходить в православие не желала. А на этот счет закон гласил: «Мещанам, крестьянам Ведомства Государственных Имуществ, в том числе и свободным хлебопашцам, а равно и крестьянам удельным, не запрещено по общим правилам ...нанимать

в рекруты тех податных людей, кои изъяты лично от рекрутства или исповедуют другую веру: как-то татары в Таврической губернии Крымскими именуемые, или калмыки, киргизы и другие инородцы. Но молоканы, духоборцы, иконоборцы, иудействующие скопцы и вообще все последователи сект, признанных особо вредными, могут нанимать за себя в рекруты только из среды себя, а отнюдь не из Православных под опасением наказания по уложению о наказаниях...

На сем основании крестьянин слободы Рыбацкой Яков Яковлев Фролов, как состоящий в раскольнической беспоповщинской секте, не может иметь в зачет просимую им квитанцию»³⁵.

Всем обществам было предоставлено право отдавать в военную службу своих членов за дурное поведение. По моему мнению, в Рыбацкой очень широко применялась эта мера наказания.

В декабре 1811 г. крестьяне Большой Рыбацкой слободы мирским приговором «положили назначить к отдаче в рекруты из селения нашего крестьян: 1го Петра Ильина Фролова. 2-го Макара Семенова Авилова. 3-го Егора Николаева Чиркова. 4-го Ивана Петрова Шишкова»³⁶.

Все эти крестьяне были изблечены в неблагоприятных поступках. Фролов должен был пойти в рекруты в 1810 г., но по болезни не был принят, однако от очереди не отстранен. В текущем году украл топор и несколько кур.

Егор Чирков в 1809 г. украл в Санкт-Петербурге у статского советника серебряную столовую ложку. «Поныне пойман в продаже краденной лошади помещика Венкера крестьянина Ивана Петрова в коем деле признался в Санктпетербургском Земстве...

Почему признано, что те вышепомянутые крестьяне по поведению их к крестьянскому быту не могут быть – а более своими поступками склонять и прочих крестьян к развратной жизни. То предписываем их... здать в нынешний настоящий набор за селение наше в рекруты»³⁷. До 1808 г. рекруты поступали в Рекрутское присутствие в крестьянской одежде, а продукты им выдавались натурой. Затем был узаконен денежный взнос. При сдаче в рекруты крестьянское общество должно было собрать деньги: «На провиант... – 6 четвериков муки, 4 1/2 гарнца круп и 6 фунтов соли, а для представляемых в зачет будущих периодов – по 2 четверти и 4 четверика муки, 1 четверику и 7 гарнцев круп и по 20 фунтов соли. Все это оплачивает общество по справочным ценам за ноябрь»³⁸. Но были

и другие расходы. Так, в 1838 г. на отправку трех рекрут обществом было израсходовано 559 р. 90 к.

Рекруты, прибывающие в части, должны были обмундироваться по форме строевых нижних чинов.

Рекрутская повинность просуществовала до 1874 г., позднее была заменена всеобщей воинской повинностью.

---

¹ Про одного вольнодумца эпохи Николая Павловича – см.: URL: [htt://paragen.li](http://paragen.li)

² Там же.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 276. С. 299.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Правила о рекрутских наборах / сост. Н. Андреев. СПб.: у издателя, книгопродавца Ю.А. Юнгмейстера, 1862.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 276. С. 910.

⁷ Там же. Д. 1359. С. 3.

⁸ Там же. Д. 38. С. 1.

⁹ Там же. Д. 24.

¹⁰ Там же. Д. 41.

¹¹ Там же. Д. 1236.

¹² Там же. С. 76.

¹³ Правила о рекрутских наборах.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 292. С. 232.

¹⁵ Правила о рекрутских наборах.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 292.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. Д. 935. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 15

²⁰ Там же. С. 6

²¹ Там же. С. 7.

²² Там же. С. 1–2.

²³ Там же. С. 3–4.

²⁴ Там же. Д. 1211. С. 47–49.

²⁵ Там же. Д. 935. С. 17 об.

²⁶ Там же. С. 896–104.

²⁷ Там же. Д. 1772. С. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Там же. Д. 1456. С. 1.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 35.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 1211. С. 53.

³⁶ Там же. Д. 72. С. 10.

³⁷ Там же.

³⁸ Правила о рекрутских наборах.

Т.С. Литвин (Полтава, Украина)

РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ПЕРИОДА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

ОБЩАЯ численность оружейной коллекции Музея истории Полтавской битвы (далее – МИПБ) невелика и составляет 41 единицу (20 ед. пистолетов и 21 ед. ружей, включая мортирки и мушкетеры). Из них точно атрибутированные в качестве образцов оружия эпохи Северной войны всего лишь 7 ед. Тем не менее, вряд ли стоит считать этот факт изъяном, так как в коллекции музея достаточно прочих оригинальных экспонатов (в том числе и военного характера, перечислять которые здесь нет смысла) позволяющих в достаточной степени проиллюстрировать события Северной войны и Полтавской битвы, а также раскрыть общий дух эпохи.

Коллекция ручного огнестрельного оружия МИПБ была сформирована главным образом на основе поступлений экспонатов из Полтавского (далее ПКМ) и Прилукского краеведческих музеев, Днепропетровского исторического музея и ГИМа в 1950 г., а также из Львовского исторического и Лебединского краеведческого музеев и АИМа в 1955 г. Некоторые незначительные приобретения относятся также к 1951, 1964, 1969 и 1972 гг. (Бородино, ПКМ, закупки у частных лиц)¹.

Среди оружия эпохи Северной войны особый интерес вызывают 5 шведских ружей (фузей): инв. № Б-1 82, Б-1 84, Б-1 84 – полученные из ПКМ по Акту от 26.02.1950 г., а также инв. № Б-1 181, Б-1 182 – полученные из АИМа по Акту 06.12.1955 г. Если говорить более точно об истории происхождения этих экспонатов, то стоит отметить, что все они были на самом деле первоначально получены из АИМа (к примеру, на прикладе одного из ружей,

переданных МИПБ из ПКМ, имеется овальное клеймо с надписью «АИМ 1827»).

Ружья, которые были переданы из Полтавского краеведческого музея по акту от 26 февраля 1950 г., в свою очередь, попали туда из коллекции так называемого «Музея Полтавской битвы на Шведской могиле», основанного в 1909 г. по случаю 200-летнего юбилея события². Когда зимой 1918 г. музей дважды подряд был ограблен, о чем свидетельствует дневник полтавского врача А.А. Несвицкого³, его директор И.Ф. Павловский был вынужден передать сохранившуюся часть экспозиции (включая интересующие нас экспонаты) в Пролетарский музей, как тогда назывался ПКМ.

В каталоге музея И.Ф. Павловского, изданном в 1910 г., значились переданные «из Артиллерийского музея в С.-Петербурге» 6 шведских ружей и пистолеты, количество которых не указывалось⁴. Другой документ – «Предписание Главного Артиллерийского управления от 13 мая 1909 г. за № 22492» – проливает свет на упущенные в каталоге И.Ф. Павловского моменты. Согласно этому документу, 26 мая 1909 г. из Артиллерийского исторического музея в музей И.Ф. Павловского было передано шведское трофейное оружие, захваченное в Полтавском сражении: 30 пистолетов и 4 ружья. По акту передачи экспонатов из ПКМ в 1950 г. значилось 4 ружья и 8 пистолетов.

Таким образом, мы сталкиваемся с нестыковкой в трех выше указанных документах, что, тем не менее, не опровергает факта передачи в МИПБ образцов шведского трофейного оружия. Отметим также, что ввиду отсутствия квалифицированных специалистов (что имеет место и поныне), для атрибуции имеющихся в коллекции музея образцов оружия в октябре 1953 г. был приглашен старший научный сотрудник АИМа Е.В. Мышковский, результаты работы которого были оформлены в двух описях от 26–29 октября и 24 ноября того же года.

Здесь мы также наблюдаем нестыковку с тремя вышеупомянутыми документами, а в случае с пистолетами количество атрибутированных не совпадает с числом имеющихся на то время в музее, согласно инвентарным книгам. Эта нестыковка, однако, может быть списана на счет имевших место в 60–70-е гг. нескольких краж.

В письме, адресованном тогдашнему директору МИПБ А.Н. Заике, от 24 ноября 1953 г. Е.В. Мышковский отмечал: «надо полагать, что остальные шведские трофейные пистолеты находятся в

Полтавском краеведческом музее, и Вы имеете все основания их затребовать». Отметим, что на протяжении 50–60-х гг. из ПКМ в МИПБ было передано лишь несколько трофейных шведских пистолетов из коллекции И.Ф. Павловского (один из оставшихся в коллекции ПКМ пистолетов автор данного очерка обнаружил в коллекции Диканьского районного краеведческого музея). Также в 1955 г. несколько пистолетов и 2 ружья были переданы в коллекцию МИПБ из АИМа.

Собственно, это все важные моменты, касающиеся истории приобретения, но не истории бытования этих экспонатов, как образцов боевого оружия. В чем же состоит их интерес? Общеизвестным фактом является то, что огнестрельное оружие не занимало значительного места в тактике королей Карла XI и Карла XII, и те образцы шведского оружия, о которых идет речь в нашем очерке, не просто подтверждают, но и ярко иллюстрируют этот факт.

Бросается в глаза грубая отделка шведских фузей: начиная с ложи и ствола и заканчивая такими деталями как затыльник приклада, целик и затравочное отверстие. При этом особенности конструкции фузей (примитивные кремневые замки норвежского типа и приклады, приближенные к французскому типу) позволяют точно определить время и регион их бытования: конец XVII – начало XVIII вв., Скандинавия. Е.В. Мышковский также указывает, что имеющиеся на прикладах образцов фузей, представленных в МИПБ, клейма «17x07» являются номером одного из шведских оружейных арсеналов. Известно также, что ружья данного типа служили одним из образцов для первых петровских фузей. В начале XVIII в. образец такой фузеи был привезен в Россию из Швеции купцом Гартманом, из-за чего ее также называют «гартмановой фузейей»⁵.

Среди образцов шведского трофейного оружия в коллекции МИПБ – 14 пистолетов, история приобретения которых аналогична истории с ружьями. Если в случае с ружьями мы можем с достаточной уверенностью говорить о времени их бытования, то ситуация с пистолетами обстоит несколько сложнее. Общеизвестно, что к концу XVII в. колесцовые замки вышли из употребления, уступив место более совершенным ударно-кремневым⁶. Однако вся проблема состоит в том, что все представленные в коллекции МИПБ образцы пистолетов, являющиеся, согласно вышеприведенным документам, трофеями, захваченными у шведов под Полтавой, имеют колесцовые замки.

Все пистолеты не отличаются по размерам и отделке лож, стволов и замков. Есть основание полагать, что не все они изготовлены в Швеции. В материалах атрибуции, проведенной Е.В. Мышковским, указывается, что некоторые из них – германского производства. Если учитывать, что в составе шведской армии в русском походе находились полки саксонской драгонерии, то данный факт легко объясним. Калибры некоторых из этих пистолетов даже отвечают образцам первой половины XVII в., если опираться на данные, приведенные Л.К. Маковской⁷.

Если эти пистолеты действительно являются шведскими трофеями, захваченными под Полтавой, то это еще одна иллюстрация отставания шведской армии в огневой мощи (ведь кремневый замок намного легче и быстрее перезарядить, чем колесцовый), что стало одним из важнейших факторов поражения каролинцев в Полтавской битве 1709 г. и в Северной войне в целом.

Приведенные в докладе выводы сделаны на основе довольно поверхностной атрибуции, за неимением возможности более детального исследования. Это является одним из главных недостатков отечественного оружиеведения, опирающегося на аналогии в многочисленных определителях. Возможно, технологический анализ, идентификация многочисленных клейм на стволах и замках данного оружия, а также привлечение зарубежных оружиеведческих штудий позволят сказать больше об истории этих реликвий выдающегося исторического события.

---

¹ Здесь и далее мы ссылаемся на материалы учетной документации отдела фондов МИПБ.

² Здание этого первого музея Полтавской битвы находилось на расстоянии нескольких десятков метров от современного здания МИПБ, ближе к Сампсониевской церкви и братской могиле русских воинов.

³ А.А. Несвицкий, оставивший интереснейший дневник, охватывающий бурные события 1917–1922 гг. в Полтаве, приходился И.Ф. Павловскому родственником. Сам дневник был случайно найден среди макулатуры в середине 90-х гг. и опубликован Госархивом Полтавской области.

⁴ Каталог музея Полтавской битвы на шведской могиле / Сост. И.Ф. Павловский. Полтава: Электрич. типография преемников «И.А. Дохман», 1910. С. 24; В фондах МИПБ имеется экземпляр этого каталога с подписью и личной печатью А.А. Несвицкого.

⁵ Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1987. С. 16.

⁶ Энгельс Ф. Пехота // Историческая публицистика: О военном искусстве. О теории насилия. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 90.

⁷ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: определитель. М.: Воениздат, 1992. Приложение 1. Табл. 1.

О.С. Лихачева (Барнаул)

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕКАНОВ VI–I ВЕКОВ ДО Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ)

ЧЕКАНЫ являются одним из наиболее совершенных видов оружия ближнего боя. В раннем железном веке они получают широкое распространение среди кочевого населения Евразийских степей и занимают по своей значимости в бою второе место после клинкового оружия¹.

Под чеканом нами понимается древковое оружие ударно-колющего действия. Отличительной особенностью от топора является особое строение ударной части, у которой отсутствует лезвие, а поражающую функцию вместо него выполняет окончание или острие.

Анализ изделий позволил выделить у чеканов следующие конструктивные элементы. Чекан – поражающая часть, древко или рукоять – часть, предназначенная для удержания. У некоторых экземпляров могут присутствовать колпачок и вток.

Чекан включает боек, а у более ранних экземпляров клинок, который производит проникающее действие, проух или втулку, в которую вставляется рукоять или древко и обух – деталь, противостоящая клинку. Боек представляет собой стержневидное тело, боковые поверхности которого, сходясь в одной точке, образуют окончание или острие. Клинок состоит из полотна – плоская широкая часть его, боковых граней – края полотна, а также окончания. У обуха выделяются узкие и широкие боковые грани, и торец. Эти элементы составляют его тело. Проух представляет собой отверстие в теле чекана. У некоторых экземпляров оно сделано в виде втулки. Данная деталь имеет цилиндрическую форму и выступает за тело чекана. У проуха и втулки выделяются боковые стенки –

элементы чекана между клинком и обухом. Часть проуха, в которую первоначально вставляется древко – тыльная часть отверстия, противоположное ему, из которого выходит древко – лицевая часть отверстия (рис. 1–2).

Иногда часть древка, выступающую за пределы лицевой части

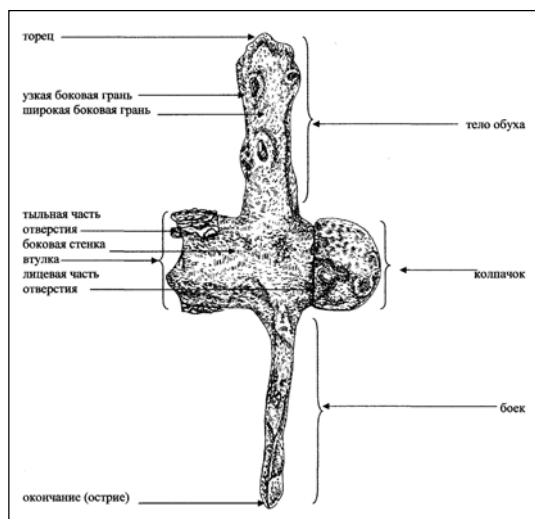

Рис. 1. Морфология чекана

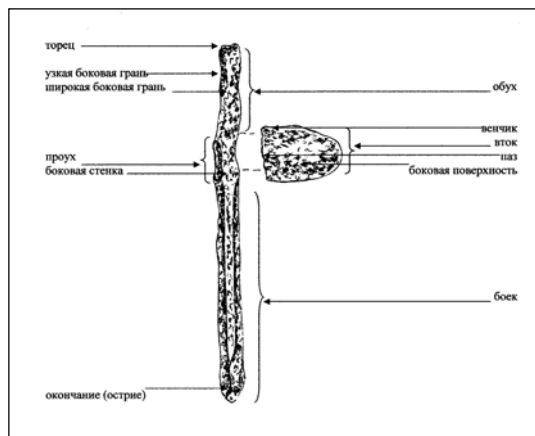
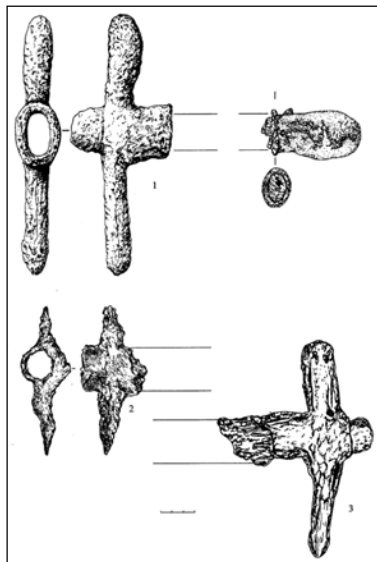

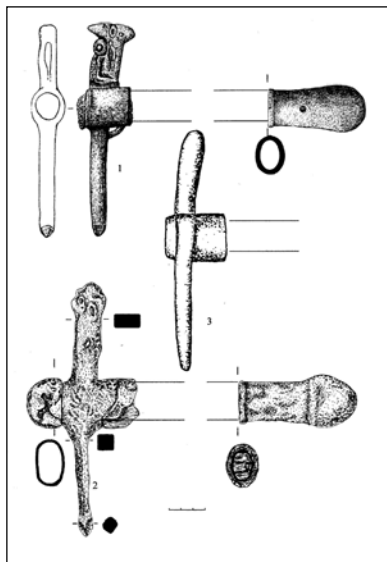
Рис. 2. Морфология чекана и втока

отверстия, закрывает колпачок, который имеет полушарическую форму (рис. 1). На свободный торцевой конец древка мог надевался вток, предотвращающий его расщепление (рис. 2).

С территории лесостепного Алтая происходит 18 чеканов, относящихся ко второй половине I тыс. до н.э., 13 из которых были включены в классификацию. В нее входят полностью сохранившиеся предметы, а также частично поврежденные, но сохранившие основные признаки или реконструируемые на основе целых изделий. Анализ признаков позволил выделить в классификационной схеме следующие

Рис. 3. Чеканы каменной культуры: 1 – Новотроицкое-1, к. 15, м. 2 (по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009); 2 – Рогозиза-1, к. 17, м. 2 (по: Уманский, Шамшин, Шульга, 2005); 3 – Камень-II, к. 15, м. 5. 1–3 – железо

Рис. 4. Чеканы каменной культуры: 1 – Новотроицкое-2, к. 18, м. 9 (по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009); 3 – Лесостпеной Алтай (по: Иванов, 1987); 2 – Новотроицкое-2, к. 18, м. 2. 1–2 – железо

таксоны: **группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант.** Группа выделяется по материалу изготовления. Разряд – по способу насаждения чекана на древко. Раздел определяется по наклону бойка и обуха относительно оси древка. Отдел – по оформлению обуха. Тип – по строению тела бойка. Вариант – информирует о наличии или отсутствии дополнительных функциональных и декоративных элементов.

Группа I. Бронзовые. Изделия, входящие в данную группу, изготовлены из бронзы.

Разряд I. Втульчатые. Чекан насаживается на древко при помощи втулки, в которую вставляется древко.

Раздел I. С наклонным обухом и бойком. И боек, и обух находятся под углом относительно оси древка.

Отдел I. Со скругленным торцом обуха. При рассмотрении в профиль и фас торец обуха имеет дуговидные очертания.

Тип 1. Со стержневидным бойком. Боек представляет собой удлиненное тело, у которого длина значительно превышает ширину и толщину. Форма может приближаться к многогранной пирамиде или конусу. Окончание может быть образовано либо плавно сходящимися в одну точку гранями пирамиды или боковой поверхностью конуса, либо представлять собой расширение ромбовидного абриса и сечения. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр, являющийся случайной находкой из степного Алтая (рис. 4.-3). Размеры: боек: длина – 6,6 см, ширина – 2 см, толщина – 2 см; втулка: высота – 6,3 см, длина – 3,6 см, ширина – 3,6 см; обух: длина – 10,3 см, ширина – 1,3 см, толщина – 1,3 см. **Вариант б** – с петелькой между бойком и втулкой и орнитоморфным изображением. Между бойком

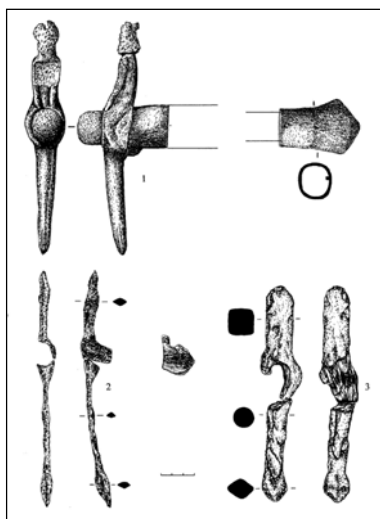

Рис. 5. Чеканы каменной культуры: 1 – Новотроицкое-2, к. 15, м. 3 (по: Шульга, Уманский, Могильников, 2009); 2 – Новотроицкое-1, к. 2, м. 1; 3 – Екатериновка-2, к. 2, м.1. 1–3 – железо

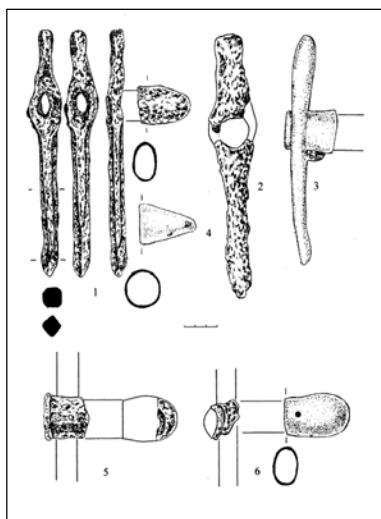

Рис. 6. Чеканы быстрианской культуры. 1 – Быстрианское, к. 8; 2 – Боровое-5; 3 – г. Бийск (по: Иванов, 1987); Майма-ХІХ, к. 7; 5 – Бийск-II; Бийск-I, к. 5, м. В. 3–4 – бронза; 1–2, 5 – железо; 6 – железо, бронза

и втулкой располагается стилизованное изображение головы хищной птицы, обращенной клювом в сторону древка, образующее петельку. Один экземпляр, являющийся случайной находкой у г. Бийска (рис. 6.-3). Размеры: 6,6x2x2 см; 6,3x3,6x3,6 см; 10,3x1,3x1,3 см.

Группа II. Железные. Экземпляры данной группы изготовлены из железа.

Разряд I. Втульчатые.

Раздел I. С наклонным обухом и бойком.

Отдел I. Со скругленным торцом обуха.

Тип 2. Со стержневидным бойком. **Вариант а** – без дополнительных элементов. Один экземпляр, происходящий из могильника Новотроицкое-1, курган № 15, могила-1 (рис. 3.-1). Размеры: 7,7x3x2,7 см; 9x5,3x4 см; 10,3x2x2,3 см. **Вариант б** – с антропоморфным изображением на обухе. Обух выполнен в виде фигуры человека, «сидящего верхом» на втулке и обращенного спиной к древку. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2, курган № 15, могила-3 (рис. 5.-1). Размеры: 9,6x1,8x1,8 см; 5,8x4x3 см; 4x2,4x2,4 см.

Отдел II. Со спрямленным торцом обуха. В профиль и фас линия торца прямая.

Тип 3. Со стержневидным бойком. **Вариант а** – с орнаментом на обухе и петелькой. На обухе чекана располагается орнито-зооморфное изображение. На широкой грани читаются глаз и клюв хищной птицы. Между бойком и втулкой расположена петелька. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2, курган № 18, могила-9 (рис. 4.-1). Размеры: 9,3x1,6x1,6 см; 4x3,3x2,8 см; 5,4x4x1,4 см.

Тип 4. Со стержневидным бойком, имеющим ромбическое расширение. **Вариант а** – без дополнительных элементов. Один экземпляр, происходящий из могильника Камень-II, курган № 15, могила-5 (рис. 3.-1). Размеры: 8,8x3,4x3,4 см; 8x4x4 см; 6,5x3,2x3,2 см.

Условно к этому типу можно отнести изделие из могильника Рогозиха-1, курган № 17, могила-1 (рис. 3.-2). Размеры: 6,5x2,5x2,8 см; 5,8x4,1x3,5 см; 3,3x2x1 см.

Отдел III. С фигурным торцом. Обух, расширяясь к торцу, завершается фигурным элементом, представляющим пять соединенных между собой сегментов – пятилистник.

Тип 5. Со стержневидным бойком, имеющим ромбическое расширение. **Вариант а** – с орнаментом на обухе. На теле обуха располагается несколько отверстий, обрамленных выпуклыми валиками. По всей вероятности, он был украшен орнаментальной композицией, которая

не читается в силу корродированности изделия. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2, курган № 18, могила-2 (рис. 4.-2). Размеры: 9,3x1,8x1,4 см; 7x3,8x2,3 см; 8,2x3,1x1,4 см.

Отдел IV. С пристранным торцом. Торце обуха имеет подтреугольную форму.

Тип 6. Со стержневидным бойком, имеющим ромбовидное расширение. Вариант а – без дополнительных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-1, курган № 2, могила-1 (рис. 5.-2). Размеры: 13x1,1x0,6 см; 2,8x2,4x2,7 см; 6,3x1,2x0,8 см.

Разряд II. Проушные. Чекан насаживается на древко при помощи проуха.

Раздел II. С прямым обухом и бойком. И обух, и боек располагаются перпендикулярно оси древка.

Отдел I. Со скругленным торцом обуха.

Тип 7. Со стержневидным бойком, имеющим ромбовидное расширение. **Вариант а** – без дополнительных элементов. Один экземпляр из могильника Екатериновка-II, курган № 2, могила-1 (рис. 5.-3). Размеры: 8,5x2,2x1,8 см; 3,7x2,7x1,8 см; 6,5x2,5x2,4 см.

Условно к этому типу можно отнести фрагмент чекана из могильника Бугры, курган № 4, дромос. Сохранившиеся размеры (обух): 6,6x2,7x2,2 см.

Отдел II. Со спрямленным торцом обуха.

Тип 8. Со стержневидным бойком, имеющим ромбовидное расширение. **Вариант а** – без дополнительных элементов. Два экземпляра, один происходит из могильника Быстрянского, курган № 8, второй с поселения Боровое-5 (рис. 6.-1–2). Размеры: 12,5–13,3x1,5–3,4x1,7 см; 3,7–4x2,9–3,5x1,7 см; 4,7–7,3x2,7–3,2x1,2 см.

Отдельно рассмотрим втоки. Всего с территории лесостепного Алтая известно восемь втоков от чеканов, из которых шесть сохранилось полностью. У втока выделяются следующие детали: паз – углубление, в которое вставляется древко; боковая поверхность – широкая внешняя часть втока; венчик – часть втока, по кромке паза. Отдельные экземпляры имеют также валик – выпуклое утолщение, обрамляющее венчик, а также отверстие в стенке втока для крепления его к древку. При рассмотрении втоков выделяются два ракурса: фас – наиболее широкая его часть, и профиль – узкая (рис. 2).

На основе анализа признаков изделий в классификационной схеме выделены следующие таксоны: **группа – раздел – отдел – тип – вариант**. Группа выделяется по материалу изготовления. Раздел –

по форме венчика. Отдел – по абрису продольного сечения втока в профиль. Тип – по абрису продольного сечения втока в фас. Вариант – по наличию или отсутствию дополнительных функциональных и декоративных элементов.

Группа I. Бронзовые. Изделия, входящие в эту группу, изготовлены из бронзы.

Раздел I. Округлые. Венчик имеет форму, близкую к кругу.

Отдел I. Подтреугольные. Продольное сечения втока в фас представляет собой равнобедренный треугольник.

Тип 1. Треугольные. Абрис продольного сечения втока в фас близок по форме треугольнику. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Майма-ХІХ, курган № 7 (рис. 6.-4). Размеры: длина – 5,2 см; максимальная ширина в фас – 3,6 см; максимальная ширина в профиль – 3,6 см.

Раздел II. Овальные. Венчик втока имеет овальный абрис.

Отдел I. Подтреугольные.

Тип 2. Трапециевидно-овальные. Часть изделия напоминает по форме трапецию, меньшим из оснований которой является край венчика. Вторая его половина напоминает усеченный овал. **Вариант а** – с отверстием для крепления. Один экземпляр из могильника Бийск-I, курган № 5, могила-В (рис. 6.-6). Размеры: 6x4x3,2 см.

Группа II. Железные. Все втоки, входящие в группу, изготовлены из железа.

Раздел I. Округлые.

Отдел I. Подтреугольные.

Тип 3. Трапециевидно-ромбические. Одна половина изделия близка по абрису к трапеции, другая по очертаниям приближается к ромбу. **Вариант а** – с отверстием для крепления. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2, курган № 15, могила-3 (рис. 5.-1). Размеры: 7,8x5x3,2 см.

Раздел II. Овальные.

Отдел I. Подтреугольные.

Тип 4. Трапециевидно-овальные. **Вариант а** – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Одно изделие из могильника Быстрянский, курган № 8 (рис. 6.-1). Размеры: 5,1x3,4x2,7 см. **Вариант б** – с валиком на венчике. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2, курган № 18, могила-2 (рис. 4.-2).

Размеры: 5,7x2,4x1,4 см. **Вариант в** – с отверстием для крепления и валиком на венчике. Один вток из могильника Новотроицкое-1, курган № 15, могила-1 (рис. 3.-1). Размеры: 8,8x4,5x2,7 см.

Прототипами чеканов считаются боевые кирки Месопотамии, которые появляются в III тыс. до н.э., откуда распространяются по всему Ближнему Востоку, но не получают дальнейшего развития. Чеканы в своей «классической» форме появляются только в последние века II тыс. до н.э. в степях Центральной Азии и Китае. Первые изделия изготавливаются из бронзы (группа I) и на данных территориях применяются до IV–III вв. до н.э.²

Втульчатый способ насада (разряд I) ранее всего фиксируется у чеканов XII–XI вв. до н.э. из северных областей Китая и из Забайкалья. Экземпляры с таким способом насада встречаются в материалах Тувы конца IX в. до н.э. – VIII в. до н.э., Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э., Уральско-Волжского региона VII–V вв. до н.э., Хакасско-Минусинской котловины VII–III вв. до н.э., Горного Алтая второй половины V в. до н.э. – третьей четверти IV в. до н.э.³

Наклонные обух и боек (раздел I) характерны для культур Южной Сибири и Южного Зауралья. Так, в VII в. до н.э. они появляются у чеканов тагарской культуры и бытуют у них до III в. до н.э. Этот признак известен у некоторых раннесакских чеканов VII–VI вв. до н.э.⁴ В материалах пазырыкской культуры такие чеканы датируются VI–IV вв. до н.э.⁵

Скругленный торец обуха (отдел I) и стержневидный боек известны у раннесакского изделия VII–VI вв. до н.э. из могильника второй половины VII в. до н.э. Иртяш-14 (курган 2, могила 3)⁶. Встречаются они и у тагарских чеканов VI–V вв. до н.э.⁷ Также изделия с такими признаками происходят из памятника пазырыкской культуры Кастахта (курган 28) второй половины V в. до н.э. – третьей четверти IV в. до н.э.⁸

Тип 16 включает экземпляр с петлей на втулке в виде головки грифона. Он имеет аналогии среди материалов могильника Иртяш-14 второй половины VII в. до н.э. и тагарских изделий VI–V вв. до н.э.⁹ Корреляция признаков позволяет датировать тип 1а VII–V вв. до н.э., а тип 1б VI–V вв. до н.э.

Железные чеканы (группа II) ранее всего появляются в Восточной Европе в VIII в. до н.э., где используются до III в. до н.э.¹⁰ Со второй половины VII в. до н.э. они появляются в Туве. В Горном Алтае они фиксируются с VI в. до н.э. и бытуют, вероятно, до рубежа

эр, на что косвенно указывает находка деревянной модели чекана в памятнике булан-кобинской культуры¹¹. В Средней Азии со второй половины VII в. до н.э. применяются биметаллические изделия. Полностью железные экземпляры фиксируются с VI в. до н.э. и применяются, видимо, до рубежа эр¹². В Зауралье такие изделия датируются IV–II вв. до н.э.¹³

Втульчатый способ насада (разряд I) известен у скифских образцов второй половины VII–III вв. до н.э., алды-бельских второй половины VII в. до н.э., сакских VI–IV вв. до н.э., пазырыкских V–IV вв. до н.э., гороховских IV–II вв. до н.э.¹⁴

Наклонные обух и боек (раздел I) известны также по скифским материалам второй половины VII–III вв. до н.э., алды-бельским второй половины VII в. до н.э., гороховским IV–II вв. до н.э.¹⁵

Такой признак как скругленный торец обуха (отдел I) не находит прямых аналогий. В то же время он встречается у железных сакских чеканов с прямыми обухом и бойком с VI в. до н.э. и, вероятно, до вплоть до III в. до н.э., на что указывает изображение на орлатской пластине, а также у железных проушных чеканов из материалов пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э.¹⁶

Изделиям со стержневидным бойком (тип 2) пока не известно точных аналогий. Такое строение бойка фиксируется у скифских чеканов со спрямленным торцом второй половины VII–III вв. до н.э., алды-бельских второй половины VII в. до н.э., сакских с прямыми обухом и бойком VI–IV вв. до н.э., проушных пазырыкских VI–III вв. до н.э.¹⁷. На уровне вариантов, без дополнительных элементов (тип 2а) и с антропоморфным обухом (тип 2б), точных аналогий пока не известно. Исходя из датировки остальных признаков рамки бытования типов 2а и 2б укладываются в VI–II вв. до н.э.

Спрямленный торец обуха (отдел II) встречается у чекана из кургана алды-бельской культуры Аржан-2, который датируется второй половиной VII в. до н.э. Это же изделие обладает такими признаками как стержневидный боек (тип 3), изображение на обухе и петля между бойком и втулкой (тип 3а)¹⁸. Несмотря на совпадение целого ряда признаков, чекан из этого памятника не является полной аналогией экземпляру из могильника Новотроикое-2. Корреляция признаков позволяет датировать тип 3а второй половиной VII в. до н.э. – II в. до н.э.

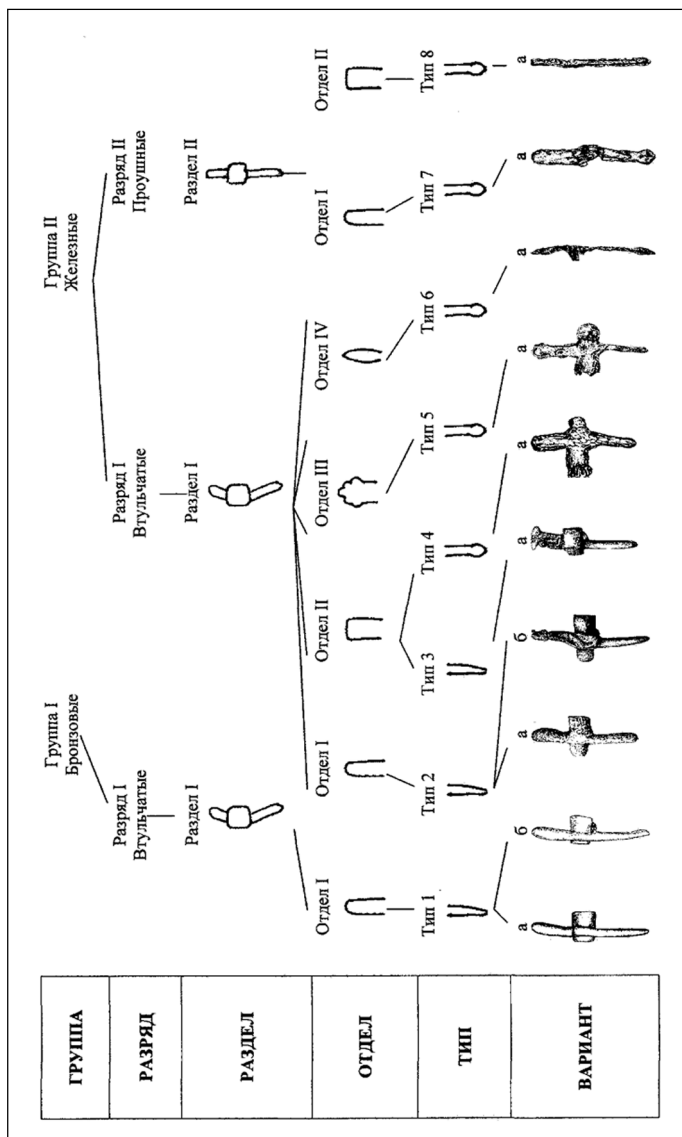

Рис. 7. Классификационная схема чеканов

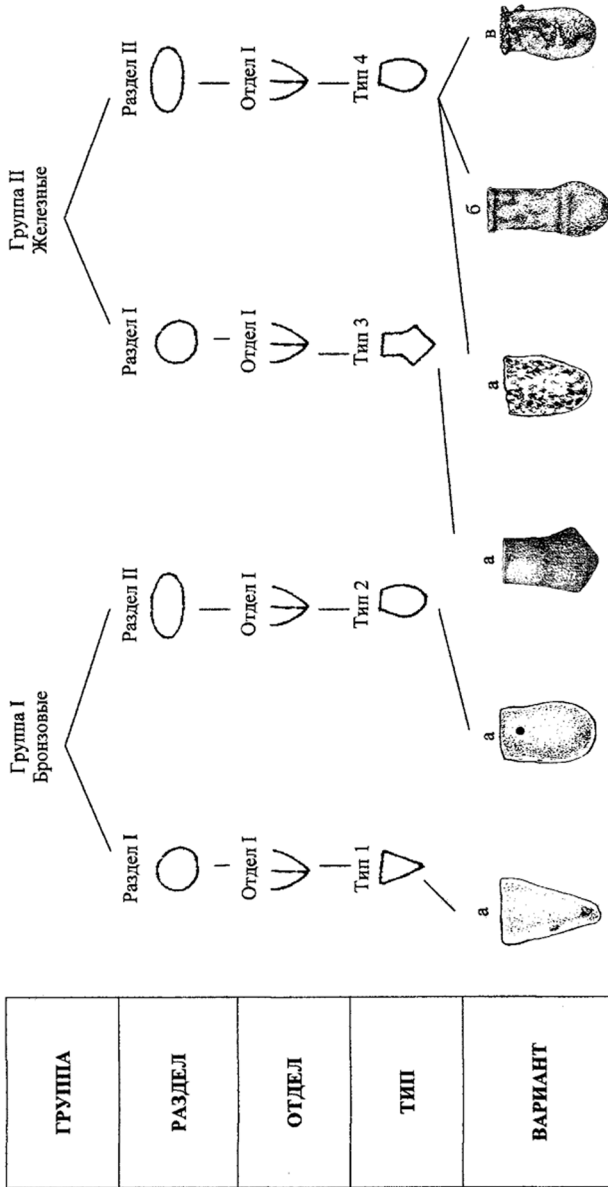

Рис. 8. Классификационная схема втоков чеканов

Типу 4 с оформлением окончания клинка в виде ромбовидного расширения и без дополнительных элементов (тип 4а) нет полных аналогий. Такой элемент известен пока только у одного изделия IV–II вв. до н.э., относящегося к гороховской культуре¹⁹. В целом тип 4а мог бытовать с IV по I вв. до н.э.

Фигурный торец обуха (отдел III) не известен у чеканов с других территорий. Тип 5 по оформлению бойка близок типу 4, а на уровне варианта – типу 3а. Он не находит полностью идентичных аналогий, но по остальным признакам может быть датирован IV–II вв. до н.э.

Приостренный торец обуха (отдел V), придающий ему дополнительно поражающую функцию, ранее всего фиксируется у скифских чеканов VII–III вв. до н.э.²⁰ Также один экземпляр происходит из материалов IV–II вв. до н.э. гороховской культуры²¹.

Тип 6 по бойку с ромбовидным расширением аналогичен типам 4 и 5, на уровне варианта – типам 2а–б, 4а. Стоит отметить, что полной аналогией данному экземпляру является чекан из памятника IV–II вв. до н.э. в Зауралье²². Корреляция признаков позволяет датировать тип 6а IV–II вв. до н.э.

Проушной способ насада (разряд II) известен у скифских чеканов Восточной Европы еще с VIII в. до н.э. и применяется до IV вв. до н.э.²³ С VI в. до н.э. он фиксируется у сакских изделий и, судя по изобразительным источникам, применяется до III в. н.э.²⁴ Этот способ насада является преобладающим у чеканов пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э.²⁵

Все проушные изделия имеют прямые обух и боек (раздел III). Этот признак присущ первым скифским проушным чеканам VIII в. до н.э.²⁶ С VI в. до н.э. подобное расположение обуха и бойка появляется у сакских экземпляров и изделий из материалов пазырыкской культуры. У первых он бытует до III в. н.э., у вторых до III в. до н.э.²⁷

Скругленный торец обуха не находит прямых аналогий среди изделий с прямым расположением обуха и бойка. В то же время такое оформление торца обуха достаточно распространено у чеканов пазырыкской культуры с наклонными обухом и бойком VI–III вв. до н.э.²⁸

Тип 7а по стржевидному бойку с расширением аналогичен типам 4а, 5а и 6а. Такое оформление данной детали не встречается у проушных чеканов на других территориях. На настоящий

момент оно известно только у одного втульчатого экземпляра IV–II вв. до н.э.²⁹ В то же время боек с расширением у окончания встречается у проушных бронзовых вотивных и боевых чеканов из памятников пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э., а впоследствии известен по деревянной модели чекана II в. до н.э. – I в. н.э. буланкобинской культуры³⁰. По корреляции признаков тип 7а датируется IV–I вв. до н.э.

Спрямоленный торец обуха имеют самые первые железные чеканы VIII в. до н.э. из Северного Причерноморья³¹.

Тип 8 по стрижневидному бойку с расширением соответствует типам 4а, 5а, 7а и 8а. Прямых аналогий изделие не имеет. Общая датировка типа 8а достаточно широкая и укладывается в IV–II вв. до н.э.

Отдельно рассмотрим эволюцию втоков. Наиболее распространенными являются бронзовые экземпляры (группа I). Самые ранние встречаются со второй половины VII в. до н.э. в Центральной Анатолии. В Средней Азии они известны с первой половины VI в. до н.э. и встречаются до IV в. до н.э.³² Широко представлены бронзовые втоки у чеканов Тувы и Минусинской котловины V–III вв. до н.э.³³

Округлый венчик (раздел I) известен у втоков Тувы и Минусинской котловины V–III вв. до н.э.³⁴ Данные экземпляры обладают и подтреугольным сечением профиля (отдел I). Вток с треугольным абрисом (тип 1) находит аналогии у изделия из могильника V в. до н.э. на Енисее³⁵. На уровне варианта аналогии этому изделию пока не известны. Корреляция признаков позволяет датировать тип 1а V–III вв. до н.э.

Овальный венчик (раздел II) имеет большинство втоков, поскольку оно обеспечивает более плотное крепление и предотвращает вращение этой детали на древке. Подобные изделия встречаются в Средней Азии в первой половине VI–IV вв. до н.э., а также в Туве, где они бытуют в V–III вв. до н.э.³⁶ Все данные экземпляры относятся к отделу I.

Трапециевидно-овальная форма (тип 2) встречается у втоков Средней Азии V–IV вв. до н.э. и Тувы V–III вв. до н.э.³⁷ Отверстие в стенке втока для крепления его к древку (тип 2а) есть у среднеазиатского экземпляра первой половины VI в. до н.э.³⁸ Встречается оно и у всех известных изделий из Тувы и Минусинской котловины V–III вв. до н.э.³⁹ Общая датировка типа 2а определяется V–III вв. до н.э.

Железные втоки (группа II) известны в Горном Алтае, где датируются VI–V вв. до н.э., и Средней Азии. На последней территории

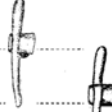

Вв. до н.э.	Каменская культура	Быстринская культура
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		
VII		

Рис. 9. Типологическая схема чеканов

они бытуют в V–III вв. до н.э.⁴⁰ Округлый венчик (раздел I) не известен у железных образцов. На уровне отдела, типа и варианта данный экземпляр аналогий не имеет. Время его бытования может определяться V–III вв. до н.э.

Овальный абрис паза (раздел II) присущ упомянутым выше вткам из Горного Алтая и Средней Азии. Эти же изделия, как и рассматриваемый экземпляр, обладают подтреугольным сечением (отдел I) и трапециевидно-овальным абрисом (тип 4). Изделие без дополнительных деталей (тип 4а) происходит из Средней Азии. Экземпляру с валиком на венчике (тип 4б) полной аналогией является вток из могильника VI–V вв. до н.э. пазырыкской культуры Боротал-I⁴¹. Изделию с отверстием и валиком на венчике (тип 4в) аналогий пока не известно. Корреляция признаков позволяет датировать типы 4а, 4б и 4в также в рамках V–III вв. до н.э.

Проведенный анализ позволяет проследить эволюцию чеканов, применявшихся в раннем железном веке и их бытование на территории лесостепного Алтая.

Типологически наиболее ранними являются чеканы типа 1, восходящие к экземплярам VII в. до н.э. Из них более ранним является

тип 1а, не имеющий дополнительных элементов. Изделия типа 1б датируются более поздним временем, на что указывает орнитоморфное изображение между бойком и втулкой, образующее петлю. Все основные признаки данных изделий связаны, по всей вероятности, с тагарской военной традицией. Чеканы такого облика применялись племенами быстрянкой культуры в VI–V вв. до н.э.

Наиболее ранними железными образцами являются чеканы типа 3а, типологически восходящие к алды-бельским изделиям второй половины VII в. до н.э. Следующим за ним по времени бытования является тип 2, складывающийся уже под сакским влиянием, которое выражается в формировании округлого торца у обуха. В то же время на местную обработку указывает оригинальное антропоморфное изображение (тип 2а). С VI в. до н.э. у железных чеканов появляются колпачки, предохраняющие верхнюю часть древка. Чеканы второго и третьего типов применяются носителями каменной культуры с VI по II вв. до н.э.

Определенным рубежом в развитии этого вида оружия становится IV в. до н.э. В это время железные образцы окончательно вытесняют бронзовые. Наиболее активно идут совершенствование бойка и изменение торца обуха. Так, развитие типов 2 и 3 – формирование ромбовидного расширения на окончании бойка, а у типа 3 также фигурного торца – приводит к появлению типов 4 и 5. У всех указанных образцов использовались, как и в предшествующий период, колпачки. Оригинальным является изделие с приостренным торцом и бойком с расширением (тип 6а), которое могло сформироваться под влиянием сакской традиции, где обуху достаточно рано, за счет различных элементов, стала дополнительно придаваться поражающая функция. Что касается детали, усиливающей поражающие свойства ударной части, то стоит отметить, что она почти одновременно возникает у изделий Западной Сибири и Алтая. Вероятно, именно эти территории становятся местом ее появления. Типы 5а и 6а применялись носителями каменной культуры в IV–II вв. до н.э., а тип 4а вплоть до I в. до н.э.

Происходят также и качественные изменения в способе насада – появляются проушные изделия типов 7 и 8. Данные изделия формируются, по всей вероятности, под влиянием сакской и пазырыкской традиций. Чеканы типа 7а, применялись носителями каменной культуры в IV–I вв. до н.э., а типа 8а – известны по материалам

быстрянской культуры IV–II вв. до н.э.

С V в. до н.э. вместе с чеканами начинают употребляться и втоки. С чеканами типа 1а и 1б используются бронзовые изделия типов 1а и 2а. С железными изделиями применялись втоки из этого же материала. По большей части они копировали бронзовые образцы типа 2 – это втоки типа 4. Они употреблялись с чеканами типа 2а, 5а и 8а. Оригинальное изделие типа 3а было обнаружено с чеканом типа 2б. Экземпляры типов 3а и 4б – в происходят из памятника каменской культуры IV–III вв. до н.э., а типа 1а, 2а и 4а – быстрянской V–II вв. до н.э.

¹ Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. С. 46–47.

² Там же. С. 48–49. Табл. XXVIII.-70, 82–83, 106–107, 112.

³ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 8; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Археология СССР. Т. 11. М., 1992. Табл. 72.-62, 78.-35; Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского времени на территории Тувы. Там же. Табл. 63.-1; Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 183. Рис. 5.-1; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-88–96; Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. Рис. 2.-19.

⁴ Членова Н.Л. Указ. соч. Табл. 8; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 2.-19.

⁵ Степанова Н.Ф. Указ. соч. Рис. 5.-1.

⁶ Членова Н.Л. Указ. соч. Табл. 7; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 2.-19.

⁷ Там же. Табл. 7.

⁸ Степанова Н.Ф. Указ. соч. Рис. 5.-1.

⁹ Членова Н.Л. Указ. соч. Табл. 7.-11–12; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 41.-15.

¹⁰ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-107.

¹¹ Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. С. 52–54. Рис. 20.-1; Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. Рис. 25; Чугунов К.В. Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–37; Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. № 4. Горно-Алтайск, 1999. С. 75; Горбунов В.В., Гишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4. Рис. 7.-1.

¹² Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-80, 84, 104; Литвинский Б.Г. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. М., 2001. С. 422, 424.

¹³ Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 72.

¹⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. Табл. 21.-4–6; Полосьмак Н.В. Указ. соч. Рис. 25; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-101; Литвинский Б.Г. Указ. соч. Табл. 83.-3, 8; Генинг В.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-1; Чугунов К.В. Указ. соч. С. 10–37.

- ¹⁵ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 21.-4–6; Генинг В.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-1; Чугунов К.В. Указ. соч. С. 10–37.
- ¹⁶ Суразаков А.С. Указ. соч. Рис. 20.-1; Кочеев В.А. Указ. соч. Рис. 4.-1; Литвинский Б.А. Указ. соч. Табл. 83.-8.
- ¹⁷ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 21.-4–6; Суразаков А.С. Указ. соч. Рис. 20.-1; Кочеев В.А. Указ. соч. Рис. 4.-1; Литвинский Б.А. Указ. соч. Табл. 83.-8; Чугунов К.В. Указ. соч. С. 10–37.
- ¹⁸ Чугунов К.В. Указ. соч.; Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса. И некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. С. 331.
- ¹⁹ Генинг В.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-1.
- ²⁰ Мелюкова А.И. Указ. соч. С. 66. Табл. 21.-4, 6.
- ²¹ Генинг В.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-1.
- ²² Там же. Рис. 13.-1.
- ²³ Мелюкова А.И., Указ. соч. С. 66. Табл. 21.-7; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-102, 107.
- ²⁴ Литвинский Б.А. Указ. соч. Табл. 83.-4, 7.
- ²⁵ Суразаков А.С. Указ. соч. Рис. 20.-1; Кочеев В.А. Указ. соч. Рис. 4.-1.
- ²⁶ Горелик М.В. Указ. соч. табл. XXVIII.-107.
- ²⁷ Кочеев В.А. Указ. соч. Рис. 4.-2; Литвинский Б.А. Указ. соч. Табл. 83.-3, 4, 7.
- ²⁸ Суразаков А.С. Указ. соч. Рис. 20.-1; Кочеев В.А. Указ. соч. Рис. 4.-1.
- ²⁹ Генинг В.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-1.
- ³⁰ Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. Табл. XI.-6; Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. Табл. LIV.-10; Горбунов В.В. Указ. соч. Рис. 1.
- ³¹ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-107.
- ³² Его же. 2003 Табл. XXVIII.-114; Яблонский Л.Т., 2007, с. 140, рис. 5.-2
- ³³ Мандельштам А.М. Указ. соч. С. 179, 186. Табл. 74.-7–9, 25; Членова Н.Л. 1992. Указ. соч. Табл. 84.-35.
- ³⁴ Мандельштам А.М., Указ. соч. С. 179, 185, табл. 74.-6; Членова Н.Л., 1992. Указ. соч. Табл. 84.-35
- ³⁵ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-109
- ³⁶ Мандельштам А.М., Указ. соч. Табл. 74.-7, 9; Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск. С. 140. Рис. 5.-2.
- ³⁷ Мандельштам А.М. Указ. соч. Табл. 74.-7, 9; Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XXVIII.-72
- ³⁸ Яблонский Л.Т. Указ. соч. С. 140. Рис. 5.-2
- ³⁹ Мандельштам А.М., Указ. соч. Табл. 74.-7–9, 25; Членова Н.Л., 1992. Указ. соч. Табл. 84.-35
- ⁴⁰ Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Археология СССР. Т. 11. М., 1992. Табл. 32.-11; Кубарев В.Д. Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Рис. 67.-1.
- ⁴¹ Там же.

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**«БЕСОВА ДЕРЕВНЯ ОПОЧКА»:
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД
СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ 1512–1522 ГОДОВ**

Б ОЕВЫЕ действия 1517 г. на русско-литовском фронте по своим масштабам значительно уступают военной кампании 1514 г., в которую произошли наиболее важные события – взятие Смоленска и битва под Оршей. Тем не менее они занимают важное место в Смоленской войне 1512–1522 гг. Именно под Опочкой в 1517 г. единственное мощное наступление войск Великого княжества Литовского (ВКЛ) потерпело серьезную неудачу, после чего попытки реванша со стороны Вильно свелись на нет.

Бои во псковской земле осенью 1517 г. еще не были объектом специального изучения – об осаде Опочки гетманом К.И. Острожским историки упоминали попутно, в связи с рассмотрением общего хода войны¹. Некоторое место указанным событиям уделил и я в своей монографии². В настоящее время обнаруженные новые сведения позволяют значительно дополнить и описать более подробно боевые действия 1517 г.

Анализ большого комплекса источников – Томицианских актов (Acta Tomisiana), документов исторического Кёнигсбергского тайного архива (Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz – GStAPK), Литовской метрики (РГАДА), венецианских бумаг (I diarii di Marino Sanuto) – позволяет по-новому взглянуть на события пятисотлетней давности.

После взятия Смоленска и битвы под Оршей боевые действия 1515–1516 гг. не принесли ни одной из воюющих сторон сколь-нибудь большого успеха. Россия и Литва обменивались колкими ударами, которые, однако, не могли оказать существенное влияние на изменение оперативной обстановки на русско-литовском фрон-

те. К 1517 г. ВКЛ планировало начать наступательные операции на северо-западные земли Псковщины.

В собрании Кёнигсбергского тайного архива сохранилось письмо ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга великому магистру Тевтонского ордена Девы Марии Альбрехту Бранденбургскому от 23 января (Freitag nach Vincentii). Плеттенберг, благодаря созданной им сети информаторов, получил сведения о положении на русско-литовском фронте, «...что татары нанесли русским значительный ущерб, как нам сообщают, в то же время между польским королем и русскими не ведутся никакие [боевые] действия...»³.

Практически в то же время, как отмечено в бумагах сенатора Марино Сануто-Младшего, в Венецию прибыл польский посол, «который представился нашей Синьории, говоря, что его король готовил большое войско против московитов и даже в соглашении с татарами»⁴.

Согласно данным Литовской Метрики, действительно, с крымским ханом были достигнуты договоренности относительно совместных военных действий против «великого князя Московского»: Литва должна была ежегодно выплачивать сумму в 15000 золотых, а хан обязывался не разорять южные окраины и, в свою очередь, вести войну с Василием III Ивановичем. Как писал сам Сигизмунд, «до начала лета мы отправили с казной в Черкассию (Крым. – А.Л.) господина Гаштольда воеводу полоцкого, и хан обещал быть с нами в надежном союзе против нашего врага»⁵.

10 февраля 1517 г. на Петроковском сейме были обговорены решения о продолжении боевых действий. Кампания 1516 г. показала, что с собственными силами рассчитывать на какой бы то ни было серьезный успех не стоит. Чтобы сэкономить финансовые средства, в Польскую Корону была отправлена делегация с просьбой взять на себя половину расходов на крымских татар. Послам ответили категорично – поминки татарам платит также и Корона, поэтому поляки не обязаны брать на себя траты на подкупы крымчаков⁶.

Текста королевской окружной грамоты о сборе войска в актах Литовской Метрики не обнаружено, но в «Acta Tomisiana» имеются неоднократные ссылки на нее⁷. К сожалению, по сохранившимся материалам невозможно подсчитать размер собранного ополчения (посполитого рушенья). Уже с 1515 г. великий князь Литовский столкнулся с многочисленными жалобами населения,

«истощенных войною и налогами на военные нужды»⁸. За период 1512–1516 гг. шляхта постоянно игнорировала окружные королевские грамоты, призывавшие на военный сбор. На сеймах со стороны радных панов неоднократно звучали призывы искоренить «непослушество». «Мешкание» с выступлением в поход и медлительность шляхты выявили серьезные проблемы в военной организации ВКЛ. Если мобилизационные возможности Литвы в первой половине XVI в. доходили до 24–25 тыс. чел., то в реальности, из-за неявки шляхты, ВКЛ в поле могло выставить в разные периоды всего от четверти до трети указанного количества⁹. Предыдущие кампании 1512–1516 гг. показали, что с одним немногочисленным ополчением нечего было и думать о наступательных действиях.

Литовскому войску был придан наемный контингент под командованием ветерана войны «с московитами» Януша Сверчовского. Наемники были самой боеспособной частью войск ВКЛ, однако их содержание обходилось казне не дешево. По стране был послан королевский указ собирать «серебщину» – средства на наем солдат: «положили серебщизну на все паньство Отчизну нашу Великое князьство Литовское для великойе потребы»¹⁰. Был оглашен специальный указ, согласно которому «служебные» могли приобретать у населения продукты по фиксированным ценам¹¹.

По словам польского историка Марека Плевчинского, в поход пошли литовская служба земская под командованием К.И.Острожского «и несколько польских наемников (по крайней мере около 400 конницы и 200 пехоты)»¹². Но вывод историка основан на ограниченном количестве материалов – он обнаружил лишь часть документов о найме «служебных». Между тем данные королевской корреспонденции заставляют предположить, что за несколько месяцев были собраны немалые средства – правительству удалось устранить затруднения с приемом монеты и дать обязательства на сбор более чем 10 тысяч злотых (*super summa X milium flor.*)¹³, из которых первый транш в 3200 зл. (*tria milia ducentos flor.*) был выдан предводителю наемников Я. Сверчовскому. Исходя из расценок 1514 г. (кавалерист 4 зл., драб 2 зл. в квартал, цены за 1514–1517 гг. практически не менялись¹⁴), этой суммы должно было хватить на наем либо 2500 кавалеристов, либо 5000 драбов, либо 1250 кавалеристов и 2500 драбов. Так как войска собирались осаждать русские крепости, то, скорее всего, количество наемной пехоты должно было превышать количество кавалерии.

Сборы войск были пристальным объектом внимания Тевтонского ордена. 13 июня хаускомтур крепости Рагнит сообщал великому магистру о значительных военных приготовлениях «поляков против московитов»¹⁵. 4 июля (*Sonnabend nach visitatio Mariae*) посол князя Станислава Мазовецкого А. Закжевский просил у великого магистра помощь «лошадьми и доспехами» в походе против «московитов»¹⁶. Но польский посол, очевидно, не был информирован о том, что на тот момент между Тевтонским Орденом и Россией устанавливались союзнические отношения, и делегации Кёнигсберга и Москвы разрабатывали совместный наступательный и оборонительный *Kriegsoperationsplan* против Польши и Литвы¹⁷.

Сборным пунктом был назначен Полоцк, куда в начале августа прибыл сам король. Общая численность войск вместе с ополчением не превышала 10 тыс. чел. Лазутчики доносили великому князю Литовскому и королю Польскому Сигизмунду, что в связи с продолжающейся войной московский князь собрал с периферии все возможные силы для борьбы с крымским ханом – и теперь северо-восточные окраины «Московии» фактически оголены. Военный совет, собранный в Полоцке, принял решение развивать наступление на Псков, а затем и на весь северо-запад. Таким образом, план совместного наступления Крыма и ВКЛ на Россию стал реализовываться.

В августе с нескольких направлений в южные окраины вторглись крымские отряды: «...приходиша крымские татарове, Токузан мурза Агышов сын княжой, да Кудаш мурза Бектерев сын Ширинов, да Уидем мурза Маигит, да Алпов царевич шурин, а с ними 20 тысячь рати». Но кочевников ждал пренеприятный сюрприз – русские воеводы В.С. Одоевский и И.М. Воротынский успели развернуть войска, а для сдерживания крымских отрядов «послаша наперед себя противу татар детей боярских не со многими людми, Ивашку Тутыхин да Волконьских князей, и велели им со всех сторон татаром мешати, да быша не воевали, а сами воеводы поидоша за ними на татар». Услышав о приближении государевых воевод, мурзы начали отводить свои отряды и нарвались на тщательно организованные засады. «Пешие люди украинные многие» создали в лесных проходах завалы («дороги засекоша»), а «передние люди от воевод приспевшее конные, начаша татар топтати и по дорогам их и по бродом бити». Как позже показали пленные татары, «от 20 тысяць мало их в Крым приидоша, и те пеши и боси и наги»¹⁸.

Итак, основные силы Василий III бросил на отражение крымского нашествия, а на случай возможного нападения литвинов с северо-запада было принято решение опереться на гарнизоны крепостей и острожков. На восстановление 40-саженной стены Крома Василий III прислал в Псков 700 рублей. Силами псковичан были сооружены стены в Запсковье у Гремячей горы¹⁹.

В сентябре 1517 г. Сигизмунд отправил в Москву своих послов маршалка Могилевского Яна Щита и писаря Богуша Богутиновича, и одновременно с этим выдвинул из Полоцка свои войска на псковский пригород Опочку, расположенный в верхнем течении р. Великой. Главная цель похода, озвученная в грамоте Сигизмунда, – «силой склонить к миру на почетных и выгодных для нас условиях», т.е. акция преследовала цель – заставить великого князя быть стоворчивее в переговорах о мире²⁰. Но долгие сборы войск привели к тому, что, как позже писал епископ П. Томицкий, «лучшие времена для активного введения войны прошли, и настало время холодов и непрерывных дождей»²¹. 18 сентября Сигизмунд объявил в своей грамоте: «И хотя у нас были трудности со сбором денег, занявшим много времени, мы собрали солдат, а вместе с ними и тех, кто находится под нашей властью, устроили им смотр и привели в порядок, и в субботу восьмого числа в день Св.Марии (8 сентября. – *А.Л.*) направили их во вражескую землю к Опочке, а некоторых наших иноземных советников в парадных тяжелых доспехах оставили здесь [с нами]»²². Сам король в экспедиции не участвовал – 24 сентября король отбыл из Полоцка, а 29-го прибыл в Браславль. В бумагах перемышльского епископа Томицкого, который был хорошо информирован о движении армии, отмечена причина остановки. По его словам, замок Опочка («Arcem Opoczka»), хоть и не являлся целью похода, но тем не менее будет захвачен, так как в нем укрылись «многие вражеские дворяне» («multi nobiles ex hostibus»). Однако размеры крепости (примерно 50–40 саженей), расположенной на небольшом островке р. Великой, не позволял разместить сколь-нибудь крупный гарнизон. В Опочке действительно было мало сил – не более полутора сотен воинов. Воевода Василий Салтыков уведомил об этом великого князя. С учетом того, что основные силы русской армии М. Щени и А. Бутурлина стояли «для крымского царя приходу» на южном направлении, оказать существенную помощь Опочке русское командование не могло. К псковскому пригороду был послан лишь небольшой отряд

из нескольких сотен дворян: «да к Василью же в ту пору прислан был от великого князя Иван Васильевич Ляцкой, был тут с Васильем в меньших»²³.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. начало военной кампании изложено следующим образом: «Лета 7026-го году в сентебре преступил король литовской кресное целованья, и помыслом злым по опасным грамотам умысля, и пришил в Полотеск со всеми своими людьми и, умысля с воеводы со князь Костентином Острожским и з желныри, пришли ко псковскому пригородку к Опочке с нрядом и к городу к Опочке приступали»²⁴.

Польские хронисты писали, что крепость, повстречавшаяся на пути литовских войск, была «укреплена как водою, так и неприятелем, готовым с решимостью сражаться». Опочка стояла на высоком острове, окруженном водой. Высокие кручи, поднимающиеся из воды (валы сохранились до сих пор), значительно усложняли штурм. «Кроме того, – писал Бернанд Ваповский, – хотя стены ее сделаны из дерева, но они непроницаемы пушечными ядрами, так как наполнены землей»²⁵.

20 сентября к стенам маленького городка подошла армия, которой руководили победители битвы под Оршей 1514 г. – К. Острожский, Я. Сверчовский, Ю. Радзивилл. Псковская I летопись перечисляет силы осаждавших, и сведения эти находят подтверждения в других источниках. Согласно летописцу, в войске противника были «многих земель люди, Чахи, Ляхи, Угрове Литва и Немцы», а также «Мураве, Мозовшане, Волохи и Сербове и Татарове», и «от цысаря Максимьяна короля Римского были люди мудрые, ротмистры, арахтыктаны, аристотели»²⁶. Под руководством иностранных инженеров начались осадные работы.

Крепость, презрительно названная «свиным корытом»²⁷, была подвергнута обстрелу и штурму. События под Опочкой наиболее подробно описаны в письмах П. Томицкого, а также в хрониках Б. Ваповского, М. Бельского и М. Стрыйковского.

На рассвете²⁸ 6 октября начался штурм Опочки, который продолжался с утра до вечера. Из-за недостатка артиллерии²⁹ войска ВКЛ не могли подавить батареи на валах, поэтому пехотинцам пришлось под обстрелом на плотах и лодках подступать к острову. На приступ пошли, по словам епископа П. Томицкого, три хоругви (*tria vexilla*)³⁰, но они были отбиты. Сверчовский вновь и вновь кидал своих наемников на штурм, и каждый раз солдаты отходили с большими

потерями. Во время одной из атак под стенами Опочки был тяжело ранен предводитель «стипендиариев» Анджей Боратыньский (герба Корчак) – пушенным снарядом ему оторвало руку. Спустя несколько дней он скончался в Вильне³¹.

Данные о потерях войска ВКЛ фигурируют в послании П. Томицкого. По его словам, «были убиты более 60 [человек], в том числе отличный воин Сокол и 1400 ранены»³². О гибели одного из предводителей сообщается также и в русских источниках: «...и побиша многое множество людей королева войска... и воеводу их болшого Лядской рати Сокола убиша и знамя его взяша»³³. Версию о том, что «Sokol» у Томицкого, «воевода Сокол лядской рати» псковской летописи и Анджей Боратыньский хроники М. Бельского – одно и то же лицо, можно признать маловероятной. В «Истории Польши» Я. Длугоша под 1410 г. упоминается королевский рыцарь чех Яшка (Яська, Ян) Сокол из Лемберга³⁴, потомки которого продолжали служить у польского короля. Согласно «Хронике» М. Стрыйковского, первыми на штурм Опочки пошли чехи. Таким образом, версия о чешском происхождении командира наемников Сокола кажется более правдоподобной. Боратыньский, судя по всему, командовал другим отрядом.

Большое количество раненных (1:23) может объясняться использованием осажденными каменье, неких «катков больших» и «слонов», которые наносили увечья (ушибы, контузии, переломы) штурмующим. М. Стрыйковский сообщает, что опочанам удалось сбить с валов чешских наемников с помощью больших подвесных колод. Колоды подрезали, и они обрушивались на головы нападавших. Помимо этих приспособлений защитники использовали также артиллерию и большое количество камней³⁵. Кстати говоря, в одной из редакций Степенных книг помещен сюжет о чудесном обнаружении залежей камней за алтарем, с помощью которых удалось отбиться от противника³⁶.

Необходимо отметить еще один момент. По свидетельству С. Герберштейна Опочку с берегом соединял «плавающий мост, по которому лошади переправляются по большей части по колено в воде»³⁷. По описаниям XVII в. длина его была ок. 57 сажений. В 1426 г. под Опочку также подошли литовские войска Витовта (рать «Литовскаа и Летцкаа, и Чезскаа, и Володскаа, и татарове его»). И во время штурма осаждающие понесли также существенные потери из-за хитрости опочан, приготовивших на мосту ловушку: «...и тако начаша

татарове скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужищах, а под ним колия, изострив, побиша; и якоже бысть полон мост противных, и гражане порезаша ужища, и мост падеся с ними на колие оно, и тако изомроша вси, а иных многих татар и ляхов и литвы живых поимаша, в град мчаша»³⁸. Вполне вероятно, что подобная ловушка могла быть использована и в октябре 1517 г.³⁹

Виновником неудачи под Опочкой хронисты называют Я. Сверчовского, который отдавал приказы в пьяном состоянии⁴⁰.

На Великих Луках «в заставе» стояла приграничная рать, отряд из нескольких сотен детей боярских под командованием А.В. Ростовского. На помощь Опочке были отправлены отряды «легких воевод» Ф.В. Оболенского Лопату и И.В. Ляцкого. Но эти отряды действовали с внешней стороны, совершая стремительные удары по силам осаждающих: «от всех сторон войску Литовскому мешати начаша»⁴¹.

Со стороны Вязьмы в сторону Литвы выдвинулась рать В.В. Шуйского, отвлекая на себя часть сил противника. Летописные рассказы повествуют о сражениях вне осажденного города. Во время одной вылазки гарнизона «передние воеводы» Ф.В. Оболенский и И.В. Ляцкий «удариша с трех сторон» на осаждающих, «литовского войска многих людей побиша, а иных живых поимаша и к большим воеводам послаша».

Весьма информативными о боях в окрестностях представляются известия псковской летописи: «И Литва поганая от большие силы ходиша под Вороначь и под Велье и под Красной, даже доумаше и до Пскова, только те городки поймав...». Наступление на этом направлении было остановлено ратью И.В. Ляцкого, который контратаковал под Ключищами литовский отряд, засевший в остроге («воевода оу них пан Черкас»). Русские пленные, содержащиеся в церкви, заперлись изнутри, в то время как Ляцкий атаковал Черкаса, и «много бишася с ним, а полоненных своих из церкви выпустиша, а Черкас воевода нача ис попова двора битися, и пересякоша их всех, а Черкаса их воеводу и с ним боевых людей оудалых изымаша и послаша их к Москве...»⁴². Василий III в благодарность прислал псковичанам большой колокол, который был повешен на месте прежнего вечевого.

Софийская 2-я летопись говорит, что все шедшие к К.И. Острожскому подкрепления были удачно перехвачены и разбиты: «воевод лядских 4000 войска побиша, а иных живых поимаша, Черкаса

Хрептова, и брата его Мисюра, да Ивана Зелепугина и многих людей живых поимаша, и пушки и пищали поотняша»⁴³.

Важные детали сражений под Опочкой содержат официальные речи московских послов. При этом надо отдавать себе отчет в том, что русские значительно преувеличивали потери так же, как и преуменьшали их поляки и литовцы. В изложении посла дьяка В. Племянникова, в ходе рейда воеводы Оболенского русские сбили первую заставу из 5000 чел., в другом месте сотни детей боярский Ивана Колычева уничтожили вторую заставу (якобы 3000 чел.), а воевода Ляцкий за пять верст до Опочки разгромил третью заставу (якобы 6000 чел.). Пленные сказали, что у Красного городка стоят еще части противника. В ходе скоротечного боя и были захвачены упомянутые «воеводы» Черкас и Мисюра Хрептовы, И. Зелепуга, а при штурме Опочки оборонявшиеся, по словам дипломатов, «шесть тысяч убили»⁴⁴. В то же время посольству в Крым были переданы другие данные: якобы А.В. Ростовский разбил заставу из 5000, И. Колычев – из 2000, И. Ляцкий – из 5000 чел.⁴⁵

Большие потери, понесенные в ходе штурма, указываются в источнике случайного характера – донесении Некраса Харламова, написанном спустя три года после описываемых событий (июнь-июль 1520 г.). В нем упоминается о бежавшем из польского плена Тимохе Рупосове. Рупосов поведал, что в плену «его спрашивал король про Опочку, которой деи город боле, Луки ли или Опочка? И Тимоха ему отвечал: как, господине, у села деревня, так и у Лук Опочки малое городишко; а Луки город великой. И король де молвит: бесова деревна Опочки. И Копоть писарь Тимохе говорил: того деля тебя король о Опочке спрашивал, что болши *пяти тысяч* людей под нею легло (выделено мной. – А.Л.)»⁴⁶. Бывший пленник правильно называет имя писаря («Копоть» – Михайло Коптя), а его информация о том, что королевские «все города заложены в Опочке, да и до сех мест ни один город не выкуплен», находит полное подтверждение в актах Литовской Метрики. Действительно, случаев крупных королевских займов за 1516–1517 гг. отмечено множество, их гораздо больше, чем за предыдущие годы. Поэтому полностью не доверять сведениям Рупосова у нас повода нет. Можно сделать лишь уточнение, что «болши» 5000 чел. – это, по-видимому, общие потери, включая не только убитых, но также раненых, больных, пленных⁴⁷ и сбежавших со службы, ибо войско, частью состоявшее из «посполитого рушенья», частью из наемников,

не могло превышать того количества воинов, которое было выставлено в «Великую битву» 1514 г. Только под Опочкой, по польским сведениям, было выведено из строя до 1500 чел., а с учетом проходивших боев во Псковщине число общих потерь армии вполне могло достичь указанной цифры.

Продолжать войну на территории противника глубокой осенью, с почти половиной оставшихся войск, было бессмысленно. Описанные выше боевые действия проходили с 6 по 18 октября. С наступлением распутицы кн. К.И. Острожский снял осаду городка, который вначале презрительно называли «свиным корытом», и отвел войска в Полоцк.

Большинство польско-литовских источников молчат о боях в окрестностях Опочки. Они пишут, что, несмотря на неудачу под крепостью, войска благополучно «разорили огнем и мечом» («ferro et igne depopulabantur») территорию врага⁴⁸, «великую шкodu в землях московских без ущербa [для себя] учинили»⁴⁹ и т.д., но никто из них не обмолвился о поражении литовских отрядов в окрестностях Опочки, Красного, Ключицы, Велья, о которых так подробно, с указанием знатных пленников, описано в русских источниках.

Ягеллонская пропаганда не признавала поражений, а заявляла о победах, доставшихся королю очень тяжело. Весьма наглядно, что «победные» реляции нашли свое место в бумагах венецианского сенатора Марино Сануто-Младшего, который фиксировал донесения (avvisi) от агентов из окружений венгерского и польского королей. Надо отметить, что итальянские информаторы весьма оперативно доносили сведения о событиях с русско-литовского фронта. В депеше от 13 октября говорится следующее: «...в первом же бою московиты потеряли 20 тысяч, а среди поляков не погибло и 200. В последний [раз?] между сторонами было достаточно много погибших, все же король одержал победу, но *очень кровавую*, потому что погибли многие военачальники и большая часть польской молодежи (выделено мной. – А.Л.). Князь Московии отступил»⁵⁰. 27 октября из Буды доктор Алвиз Бон сообщал в Сеньорию: «Было известие из Польши, что поляки встали на московитов, погибло московитов от 20 тысяч, а поляков 2000, и потом в другой раз была битва, и поляки [снова] стали победителями»⁵¹. Как видим, двор Ягеллонов в очередной раз пытался выдать желаемое за действительное.

О боях осенью 1517 г. что-то слышали и в Турции, правда весьма туманно и неопределенно. Так, турецкий посол в Венеции Али Бей 28 октября заявил, что «была война между поляками и москвитами, и что москвиты – малые люди на малых и крепких конях, а поляки на больших конях»⁵².

Успех русских войск в Псковской земле был очевиден. Единственный за всю войну 1512–1522 гг. крупный поход войск Сигизмунда на территорию России был остановлен у стен Опочки, поход союзников – крымских татар – также прошел крайне неудачно. Получив данные об успехах своих воевод, Василий III только 29 октября принял литовских послов при посредничестве С. Герберштейна. Имперский посол отметил: «После того как войско польского короля ничего не добилося под Опочкой, – а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, – великий князь сделался высокомерен (*hochmuetig*), не захотел принять мира на равных (условиях) (*gleichmaessiger Frydstand*), так что литовцы вынуждены были уехать ни с чем»⁵³.

Нельзя не признать, что в целом кампания 1517 г. была для России успешной, несмотря на ее оборонительный характер. Противник с большими для него потерями был отброшен на всех направлениях. Оправдала в условиях войны на два фронта и выбранная тактика – основные силы были передислоцированы на отражение крымской угрозы, а защита северо-западных рубежей строилась по принципу «плацдармы повсюду» – система оборонительных острогов и мобильные конные отряды.

Достоверные сведения о неудавшемся походе польско-литовских войск, полученные от хаускомтура крепости Рагнит Мельхиора фон Петчена и посла в Москве Николая фон Шонберга, не оставили сомнений у великого магистра в окончательном выборе союзника. На помощь великого князя Московии в планируемой войне против Польской Короны он мог рассчитывать как в военном, так и в финансовом плане.

К концу 1517 г. обе стороны, ведя непрерывные войны, существенно выдохлись. Но и надежды на перемирие в условиях наступающего 1518 г. не было.

---

¹ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического

общества при институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин, 1899. С. 173–289; Korzop T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. 1. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. S. 261; Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1946. S. 61–63; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 183–185; Михайлова И.Б. Псковская земля в период русско-польско-литовской войны 1512–1523 гг. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 200–205; Филлошкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 204–205; Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212 и т.д.

² Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 191.

³ «...dann der tather dem reusszenn trefflichenn grossenn schaden, wy wir boricht, gethonn hoth, men hort sunderlichs vonn Ko. Irt zu pollenn vnnd dem reussenn nychts, ist zcu vormercken, vonn bedenn theillenn ghern vridte hetten» (GStAPK OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr 21217).

⁴ «...qual si oferisse molto a la Signoria nostra, dicendoli il suo Re preparava grande exercito contra moscoviti, et etiam in acordo con il Tartaro». (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital.T. 24. Venezia, 1889. P. 366).

⁵ «... misimusque adhuc ante estate magnicum Gastoldum, palat.polocensem cum stipendio ad Czerkassi; promiserant enim se nobiscum arctam societatem contra hostem nostrum et fedus inituros» (Sigismundus R. P. Consiliariis Regni Polonie // Acta Tomiciana. T. IV. Poznaniae, 1855. CCXLIII. P. 192).

⁶ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 208.

⁷ Sigismundus R. P. Op. cit. // AT. T. IV. CCXLIII. P. 191–192.

⁸ Лобин А.Н. Указ. соч. С. 191.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ 8 июня 1517 г. Грамота короля Сигизмунда I, пожалованная г. Вильны на право взысквания серебщины с мещан // Сб. Муханова. СПб., 1866. С. 451–452. № 231.

¹¹ Sigismundus R.P. Op. cit. // AT. T. IV. CCXLIII. P. 192.

¹² Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2012. S. 212.

¹³ Petrus T. Eps. Vicancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi// AT. T. IV. Nr. CCLXXX. P. 217.

¹⁴ Лобин А.Н. Указ. соч. С. 117–118. Табл. 11.

¹⁵ GStAPK. OBA. XX HA Hist. StA Königsberg. Nr. 21389.

¹⁶ Ibid. Nr. 21416.

¹⁷ Ibid. Nr. 21269 (проект союза Дитриха фон Шонберга от 3.10.1517). Fol. 1–30; См. также: Сб. Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1886. С. 15–17, 19–21. № 2.

¹⁸ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 259.

¹⁹ Псковские летописи / подг. к печати А. Насонов. М., Л., 1941. Вып 1. С. 98; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 255.

²⁰ Любавский М.К.Указ. соч. С. 208; Лобин А.Н. Указ. соч. С. 193.

²¹ «...tempus melius et ad belligerandum aptius effluxit et supervenerunt frigora et continui imbres» (Petrus Tomiczki, Eps. Vicancellaris, Joanni Boner, Zuppario Cracovensi// AT. T. IV. Nr. CCLXXX. P. 217).

²² «Cum quibus quidem militibus licet hic multum difficultatis habuerimus de valore monete, multumque temporis altercando consumsimus, tatem eos denique ad equas conditions reduximus et huc una cum illis et universis subditis domini hujus nostril venimus, recensitisque et ordinatis omnibus copiis, misimus eas sabbato intra octavam natalis S. Marie in terram hostile versus Opoczka, nobiscum consiliariis aliquibus et au liciis graviore armature nonnullisque aliis gentibus nostris relictus». (Sigismundus R.P. Consiliariis Regni Polonie // AT. T. IV. CCXLIII. P. 192).

²³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158.

²⁴ Там же.

²⁵ «Moenia insuper etsi lignea, quia tamen plerumque terra sunt referta, bombardarum globis suunt impervia» (Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. Т. 2. Cracoviae, 1874. P. 152); М. Стрыйковский говорит об Опочке – замок деревянный, но пригодный к обороне (Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Т. 2. Warszawa, 1846. S. 391).

²⁶ Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 4. С. 291.

²⁷ Strykowski M. Op. cit. S. 391.

²⁸ Время начала штурма подтверждает также и Степенная книга: «Нощию же и лествицы ко граду поставиша. На утрия же бесудно приступи ко граду бесчисленное множество...» (Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 // ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 593).

²⁹ Petrus Tomiczki – Nicolao Firley // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205.

³⁰ Ibid.

³¹ «Tamże u tego szturmu Andrzejowi Boratyńskiemu herbu Korczak kamieniem z zamku ramie i z ręką utracono, którego drabi porwawszy do obozu odnieśli» Kronika Marcina Bielskiego / wyd. K.J. Turowski. Т. 2. Ks. IV, V. Sanok, 1856. S. 998–999.

³² «Occisi enim sunt supra LX, inter quos optimus miles Sokol et MCD vulnerati» (Petrus Tomiczki – Nicolao Firley) // AT. T. IV. № CCLXVI. P. 205).

³³ Софийская вторая летопись. С. 260.

³⁴ Длугош Я. Грюнвальдская битва / пер. Г.А. Стратановского. М., 1962. С. 130.

³⁵ «...obcinając kłodziny zawieszzone, także kamieñmi I rozmaítą strzelbą» (Strykowski M. Op. cit. S. 391).

³⁶ Книга Степенная царского родословия. С. 593.

³⁷ Герберштейн С. Записки о Московии / пер. А.В. Назаренко. М., 1988. С. 236.

³⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 7.

³⁹ Спустя сто лет воевода Опочки В. Туров, жалуясь на плохое состояние укреплений, отмечал, что в городе «**катки не покладены, ... и чеснок не побит, и надолбы не поставлены** (выделено мной. – А.Л.)». (Сб. Московского архива министерства юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 427). Само перечисление приспособлений говорит о том, что некогда они имелись в арсенале оборонительных средств.

⁴⁰ Chronicorum Bernardi Vapovii partem posteriorem 1480–1535 // Scriptores rerum Polonicarum. Cracoviae, 1874. Т. 2. P. 153; Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. 1. Lwów-Warszawa-Kraków, 1923. S. 261.

⁴¹ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 259.

⁴² Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1. С. 99–100.

⁴³ Софийская вторая летопись. С. 260.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 337–338.

⁴⁵ 1517, сентябрь 30. Отправление великим князем Василием Ивановичем в Крым грамот со своими казаками // Сб. РИО. Т. 95. № 28. С. 480–481.

⁴⁶ 1520, июнь-июль. Грамота Некраса Харламова // Сб. РИО. Т. 53. С. 234. № 23.

⁴⁷ «...а поймали у них на том бою человек с четыреста» (Там же. С. 258).

⁴⁸ Petrus Tomiczki – Nicolao Firley // АТ. Т. IV. № CCLXVI. P. 205.

⁴⁹ «...wielkie szkody w ziemiach Moskiewskich bez odporu poczynili» (М. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszyskiej Rusi. Т. 2. S. 391). В документах Литовской Метрики 1518–1519 гг. о количестве пленных (данные неполные) говорится: «А што на малых битввах и под Опочкою, и на иных пораждках, и што под замъки вкрайними пойманых, всих тых вязней сумаю семьдесят их» (Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 162).

⁵⁰ «...ne la prima pugna furono tagliati a pezi 20 mila muscovite et de li poloni non morirono 200. Ne l'ultima, tra l'una parte et l'arta assa`ne sono morti, et pur el Re ha auto vittoria ma cruentissima, per esserli manchati molti de li principali, et grandissima parte de la zoventude polona. El duca di Moscovia se ha retirato» (I diarii di Marino Sanuto: (MCCCXCVI–MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. Venezia, 1889. Т. 25. P. 141–142).

⁵¹ «Come era nova di Polonia che poloni erano stati a le man con moscoviti, morti di moscoviti da 20 milia e di poloni 2000, et poi un'altra fiata e stati a le man e poloni e sta vincitori» (Ibid. P. 141).

⁵² «...quando era Guerra tra Polani e Moscoviti, et che Moscoviti e piccoli homeni su cavali piccoli et gajardi, et Polani su gran cavali» (Ibid. P. 53).

⁵³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 239.

М.Г. Лохматов (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖИЯ СУВОРОВСКОГО МУЗЕЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

К СТОЛЕТНЕЙ годовщине со дня смерти Александра Васильевича Суворова в 1898 г. была создана при Николаевской Академии Генерального Штаба специальная Суворовская комиссия, которая занималась вопросами будущего Суворовского музея. Важнейшими из этих вопросов были поиск и собирание суворовских памятников.

В первую очередь комиссия обратилась к потомкам А.В. Суворова с просьбой предоставить для будущего музея личные вещи полководца и предметы, связанные с его именем. Также было «предложено ученым учреждениям и обществам примкнуть к общерусскому делу – посильным участием в выяснении мест нахождения и в сборе памятников Суворовского времени, с просьбой указать как о тех предметах, которые имеются в учреждениях и у отдельных лиц и могут быть переданы музею, так и о тех, которые по разным причинам должны остаться у нынешних их владельцев»¹. Помимо личных вещей А.В. Суворова, его портретов, гравюр, карт и документов, относящихся к нему, предметов обмундирования и военного снаряжения, книг о нем, предполагался поиск личного оружия полководца, а также оружия его времени, как оружия русской армии, так и трофеев с тех войн, в которых он участвовал.

Уже в декабре 1899 г. генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин, начальник Николаевской Академии Генерального Штаба, где работала Суворовская комиссия, и где предполагалось собирать и хранить предметы для будущего музея до его постройки, обратился к Главному Штабу с просьбой о передаче суворовских предметов и трофеев, хранящихся в Петропавловском соборе, Ботном здании и в

Артиллерийском Историческом музее в ведение вверенной ему Академии². Занимавший в то время должность Военного министра генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин переправил прошение Н.Н. Сухотина Министру Императорского Двора, и уже в марте 1900 г. «последовало Высочайшее указание на возможность передачи предметов, упомянутых в означенном письме» в ведение Суворовской комиссии³. Получив разрешение, комиссия направила своих представителей в Петропавловский собор, Ботное здание и Артиллерийский музей, чтобы на месте определить и отобрать необходимые для экспонирования в Суворовском музее предметы. В Петропавловском соборе этим занимался генерал-майор А.З. Мышлаевский, которому понадобилось больше года, чтобы отобрать нужные военные трофеи. К ноябрю 1901 г. он свою работу закончил, но было принято решение предметы забирать лишь по окончании строительства здания музея⁴. Лишь французская пушка, захваченная в 1799 г. в сражении при Нови, была передана из Артиллерийского музея в ведение Суворовской комиссии в 1900 г. Передок к ней был передан чуть позже, в 1904 г.

В 1904 г. в распоряжение комиссии поступили вещи из Петропавловского собора и Ботного здания, Артиллерийского музея, на что было получено Высочайшее указание еще в 1901 г., а также из Магазина образцов Технического Комитета Главного Интендантского Управления. Из Петропавловского собора и Ботного здания поступили в основном военные трофеи, а именно турецкие значки, знамена, бунчуки, французские древки от знамен, польские знамена, турецкие и польские ключи и шесть турецких комендантских топориков⁵. В Артиллерийском музее для передачи было отобрано оружие царствования Екатерины II: алебарды – 13, карабины – 2, палаши – 4, пистолеты – 8, ружья – 14, сабли – 2, темляки – 2, тесаки – 2, шпаги – 10, эспонтоны – 8; царствования Павла I: алебарды – 7, мушкетоны – 18, ружья – 10, штуцер – 1, эспонтоны – 14; а также четыре пушки, относящиеся к обоим царствованиям, одна из них на лафете⁶. Что конкретно поступило от Главного Интенданта Военного Министерства – неизвестно, указано лишь, что это предметы вооружения и снаряжения, относящиеся ко времени царствования императрицы Екатерины II и императора Павла I⁷.

Кроме упомянутых выше крупных хранилищ музейных памятников, предметы оружия поступали и от частных лиц, сбором от которых занимался член Суворовской комиссии генерал-майор

П.Н. Воронов. Одной из первых была шпага, принадлежавшая А.В. Суворову. Шпага вместе с другими вещами полководца, его жены Варвары и дочери Натальи была отдана в будущий музей в 1900 г. на временное пользование сестрами Любовью Александровной и Верой Александровной Талызиными⁸, которые приходились правнучками А.В. Суворова по линии дочери Натальи. В 1902 г. они принесли все вещи в дар Суворовскому музею⁹. Шпага представляет собой стальной прямой обоюдоострый шестигранный клинок с доликами на обеих головах, на которых выгравированы надписи «Vivat Catharina» и «Виват Екатерина», с эфесом от французской шпаги старших офицеров 1804–1830 гг. К сожалению, Л.А. и В.А. Талызины не предоставили никакой информации о шпаге, поэтому история шпаги неизвестна, не ясно также, как на клинке, характерном для русских офицерских шпаг последней трети XVIII в., оказался эфес французской шпаги первой трети XIX в.

В том же 1900 г. в Николаевскую Академию Генерального Штаба поступила коллекция покойного генерал-майора Г.Г. Суханова-Подколзина, в которой было несколько единиц оружия. Известно, что один из этих предметов был включен в состав коллекции, собираемой Суворовской комиссией. Это офицерская шпага Голштинских войск императора Петра III, она была найдена вместе с кирасой, замурованной в стене в Ревеле¹⁰. В современном собрании оружия Суворовского музея этой шпаги нет.

В мае 1900 г. Новгородский губернский статистический комитет, в ведении которого находился Новгородский музей древностей, отослал Суворовской комиссии несколько предметов, среди которых был клинок японской сабли¹¹. Этот клинок был поднесен в 1862 г. японским посольством Светлейшему Князю Александру Аркадьевичу Суворову, внуку А.В. Суворова, «в уважение к памяти его великого деда»¹². На тот момент А.А. Суворов занимал должность Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. В Новгородский музей он передал клинок, когда занимал пост Новгородского губернского гласного.

В октябре 1900 г. Суворовская комиссия получила в дар от А.А. Столповской два пехотных кремневых ружья. В сопроводительном письме А.А. Столповская писала: «Будучи в течение прошлого лета 1900 года в окрестностях Цюриха в Швейцарии, случайно мне представилась возможность приобрести у местного населения два ружья, найденных на убитых солдат из рядов победоносной

нашей Суворовской армии, которые сохранились в достаточной исправности и которые я приношу в дар образуемому музею в память нашего великого героя»¹³. Оба ружья были произведены в Туле, одно было датировано 1796 г., другое – 1797 г. Ружья были переданы в 1929–1930 гг. в Кронверк Петрокрепости со всей коллекцией оружия Суворовского музея, коллекция затем досталась Военному Историко-Бытовому музею, в 1937 г. перешла в Артиллерийский Исторический музей, но когда в 1950 г. вернулась во вновь созданный музей А.В. Суворова, этих ружей в составе возвращенных предметов не оказалось.

В 1900 г. Александр Фомич Петрушевский, автор биографии А.В. Суворова, сообщил Суворовской комиссии, что в Дрездене живет русский астроном Василий Павлович Энгельгардт, увлекающийся Суворовым и собирающий реликвии, связанные с ним. Между Суворовской комиссией и В.П. Энгельгардтом установилась переписка, в которой собиратель пообещал завещать свой «Суворовский Сборник» музею полководца. Однако в 1902 г. Василий Павлович решил самолично, еще при своей жизни, отправить коллекцию суворовских реликвий в Санкт-Петербург. В феврале 1902 г. Суворовский Сборник прибыл в Россию и был временно размещен вместе с другими собранными к тому моменту вещами в здании Николаевской Академии Генерального Штаба. В составе коллекции В.П. Энгельгардта были книги о Суворове, изображения Суворова, фотографии видов Швейцарии с тех мест, где проходил путь Суворова по Швейцарии, предметы быта конца XVIII в. из тех мест, где останавливался Суворов, различные предметы времен Швейцарского похода, найденные местными жителями на местах сражений и захоронений. В ней было также и оружие, относящееся к Швейцарской кампании полководца: четыре кремневых ружья, три штыка к кремневым ружьям, кремневый пистолет, три сабли, одна из них в ножнах, эфес шпаги со сломанным клинком, нож¹⁴.

8 ноября 1904 г. из Собственной Его Величества библиотеки в Суворовский музей был передан ряд предметов, в том числе шпага Суворова¹⁵. На самом деле имелась в виду сабля А.В. Суворова, подаренная императору С.В. Козловым, мужем дочери Александра Аркадьевича Суворова Александры. История сабли следующая. После падения Измаила в память о победе А.В. Суворов сохранил у себя клинок турецкой сабли, принадлежавшей командовавшему

в Измаиле сераскеры Айдозле-Мехмет-паше. После смерти полководца клинок перешел к Аркадию Александровичу, а затем и к Александру Аркадьевичу. Когда С.В. Козлов женился на дочери Александра Аркадьевича, тот пообещал подарить клинок зятю в случае отправления того на войну. Обещание было исполнено в 1877 г., когда С.В. Козлов отправился на Русско-турецкую войну. С тех пор измаильский клинок хранился у него. В 1901 г. С.В. Козлов подарил его императору, от которого клинок перешел в Суворовский музей. Еще в то время, когда клинок являлся собственностью Александра Аркадьевича, на него была приделана шашечная рукоять кавказского типа. Сам же С.В. Козлов украсил клинок надписями золотой насечкой, на правой голомени – «Сей клинок принадлежал генералу аншефу Гр. А.В. Суворову Рымникскому и взят 11-го дек. 1790 г. в Измаиле у сераскира Айдозлу-Мегемета паши». На левой голомени – «Подарен в 1877 г. генерал адъютантом Светл. Кн. Итальяским Гр. Суворовым Рымникским зятю своему поручику Л.Г. Конного П.С. Козлову».

В ноябре 1904 г. от коллежского советника И.В. Штевена, проживавшего в Нижнем Новгороде, для Суворовского музея поступила в дар шпага А.В. Суворова. У этой шпаги оказалась довольно интересная история. В 1774 г., проезжая через Арзамас для усмирения пугачевского бунта, Суворов заночевал в доме купца И.И. Цыбышева, сыну которого, Александру, подарил свою шпагу¹⁶. Более полувека этот подарок хранился у Цыбышевых, но, оказавшись в тяжелом финансовом положении, они были вынуждены продать шпагу помещику Штевену за 100 рублей ассигнациями. Его потомок, Иван Владимирович Штевен, спустя много лет, разбирая старые сундуки, нашел старую шпагу, которая была в очень жалком состоянии. В ноябре 1904 г. Иван Владимирович решает подарить эту шпагу в Суворовский музей, сопроводив дар письмом, в котором, в частности, писал, что «если доставленная вам шпага действительно по наружным признакам относится к годам жизни Суворова, то она несомненно ему и принадлежала, ибо других шпаг в вещах моих не оказалось»¹⁷. Неизвестно, в каком виде шпага прибыла в Суворовский музей, но ее клинок действительно соответствует времени, описанному в легенде – стальной прямой обоюдоострый шестигранный, на основании клинка с обеих сторон – пята. Правда, латунный эфес шпаги относится, по всей видимости, ко второй половине XIX в. Вероятно кто-то из владельцев шпаги

решил ее отреставрировать по своему предпочтению, установив на клинок последней трети XVIII в. эфес, который больше соответствует чиновничьим шпагам середины/конца XIX в.

В ноябре 1909 г. в Суворовский музей пришло письмо от фрау Либинг, жены майора Либинга, жительницы Бланкенбурга на Герце в герцогстве Брауншвейг. В своем письме она сообщила, что у ее мужа есть сабля, принадлежавшая А.В. Суворову. Эту саблю он готов продать Суворовскому музею¹⁸. В своем повторном письме в декабре 1909 г. она уточняет, что готова продать саблю за 10 000 немецких марок¹⁹. Суворовский музей не торопился с ответом и лишь в апреле 1912 г. направил письмо военному агенту в Берлине с просьбой содействовать в приобретении предлагаемой сабли²⁰. В июне от того был получен ответ, что сабля вручена ему для пересылки в Музей Суворова, и что фрау Либинг согласна на цену в 500 рублей²¹. Вместе с саблей фрау Либинг предоставила в 1912 г. доказательства, каким образом сабля Суворова оказалась у ее мужа. В 1792–1794 гг. сабля принадлежала А.В. Суворову, который «выменял ее у одного донского казака (за его храбрость и исправность в службе) за драгоценную саблю, к которой Суворов дал в придачу еще золотые дукаты». В 1794 г. под началом А.В. Суворова служил прусский гусарский ротмистр Хейлингенштадт, который участвовал в штурме Праги и был послан курьером к Фридриху Вильгельму II сообщить о победе под Варшавой. По возвращении от короля он еще некоторое время служил у Суворова и получил от него саблю на память. В 1873 г. сын Хейлингенштадта передал саблю майору Либингу, «которому дороги исторические воспоминания»²². Наконец, в июле 1912 г. Фрау Либинг были переведены 500 рублей, а сабля стала собственностью Суворовского музея²³.

Казачья сабля, принадлежавшая А.В. Суворову, согласно архивным документам нашего музея, была последним предметом, поступившим в Суворовский музей в дореволюционный период.

¹ Фонд документов и рукописей Музея Суворова. Инв. № МС-2464. Л. 6.

² ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 1.

³ ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 51.

⁴ ФДРМС. Инв. № МС-2424. Л. 150.

⁵ ФДРМС. Инв. № МС-2426. Л. 54.

⁶ ФДРМС. Инв. № МС-2426. Л. 65.

⁷ ФДРМС. Инв. № МС-2426. Л. 64.

⁸ ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 6.

- ⁹ ФДРМС. Инв. № МС-2423. Л. 117.
¹⁰ ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 10.
¹¹ ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 81.
¹² ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 73.
¹³ ФДРМС. Инв. № МС-2422. Л. 212.
¹⁴ Лохматов М.Г. Оружие из Суворовского сборника В.П. Энгельгардта в собрании музея А.В. Суворова // Война и оружие. Ч. II. СПб., 2012.
¹⁵ ФДРМС. Инв. № МС-2426. Л. 79.
¹⁶ ФДРМС. Инв. № МС-3612/1.
¹⁷ ФДРМС. Инв. № МС-3612/2.
¹⁸ ФДРМС. Инв. № МС-3611/2.
¹⁹ ФДРМС. Инв. № МС-3611/3.
²⁰ ФДРМС. Инв. № МС-3611/7.
²¹ ФДРМС. Инв. № МС-3611/8.
²² ФДРМС. Инв. № МС-3611/1.
²³ ФДРМС. Инв. № МС-3611/12.

А.М. Лукашевич (Минск, Республика Беларусь)

**ФОРТИФИКАЦИОННОЕ ПРИКРЫТИЕ
ЗАПАДНОГО ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В РОССИЙСКИХ ПЛАНАХ ВОЙНЫ
ПРОТИВ ФРАНЦИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ
(1810 – ИЮНЬ 1812 ГОДА)**

В ФЕВРАЛЕ 1810 г. российское руководство взяло курс на подготовку к войне с наполеоновской Францией. Подготовка нашла отражение в комплексе военно-политических мероприятий, разработанных военным министром Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли. Однако прежде чем перейти к рассмотрению предложений военного министра, остановимся на менее известном проекте.

В январе 1810 г. шеф 6-го егерского полка полковник граф Эммануил Францевич де Сен-При представил в Военное министерство записку «О необходимости укрепить границы империи, лежащие между Балтийским и Черным морем». Несмотря на то что документ был составлен командиром пехотного полка, многие мысли, высказанные графом, оказались созвучными с мнением ведущих военных инженеров России¹.

В своей записке Э.Ф. Сен-При проанализировал состояние границ империи в военном отношении, а также изложил предложения по ее инженерному укреплению и военному прикрытию на случай наступательных и оборонительных действий. В частности, в проекте предлагалось построить крепости 1-го класса в Ковно, Вильно, Лиде, Гродно, Новогрудке, Слониме или Несвиже, Бресте-Литовском, Устилуге и Брацлаве, а 2-го класса – возле Тельш. Кроме того, рекомендовалось соорудить тет-де-поны в Юрбурге, на стыке рек Бобр и Нарев, а также укрепленный лагерь на р. Щара. Однако

этот проект по своей сути больше соответствовал прежней эпохе (конца XVIII в.), когда крепости старались выносить на линию государственной границы. В новых реалиях внешнеполитической обстановки он был неприемлем. Именно по этой причине записка Э.Ф. Сен-При оказалась невостребованной.

А теперь вернемся к проекту военного министра. В феврале 1810 г. генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли в своей «Записке» императору изложил общий стратегический план обороны западных границ Российской империи².

Подготовку к войне военный министр планировал, исходя из реального соотношения сил сторон и политического положения в Европе. М.Б. Барклай-де-Толли считал, что России придется воевать против Франции без союзников на континенте, поскольку Австрия после заключения династического союза с Наполеоном войдет в фарватер его политики. Поэтому следует вести оборонительную войну.

Этот план, помимо прочего³, предусматривал организацию фортификационного прикрытия вероятного театра войны. Исходя из необходимости постройки новых крепостей, М.Б. Барклай-де-Толли писал: «Польские провинции, по открытому везде местоположению, не могут быть без крепостей, защищаемы от превосходнейшего в силах неприятеля, ибо нигде не можно будет сохранять безопасно необходимых для войск запасов, а при малейшей неудаче они должны или достаться в добычу неприятелю, или быть истреблены, лишив чрез то свои войска всех способов к продовольствию. Для прикрытия же крепостями пространных и открытых границ, от Балтийского моря до Дуная, потребны издержки необычайно большие и, по крайней мере, четверть столетия»⁴.

М.Б. Барклай-де-Толли изложил основные пункты, касающиеся организации обороны: инженерное обеспечение театра войны; распределение войск и магазинов; планы военных действий; организацию управления армиями. Он предложил создать главную оборонительную линию по Западной Двине и Днепру. В местах, прилегающих к этим рекам, планировалось построить крепости, укрепленные лагеря, создать запасы продовольствия, боеприпасов, устроить госпитали и т.д. Обеспечив, таким образом, главную оборонительную линию, военный министр планировал организовать в «польских провинциях» сопротивление неприятелю⁵.

«Таким образом, – писал генерал, – обеспечив совершенное продовольствие и все способы для сильной армии, она должна, встретив неприятеля на самых границах, сопротивляться многочисленнейшему его ополчению в польских провинциях до тех пор, пока совершенно истощатся все способы, какие токмо можно будет взимать от земли, дабы тогда, отступя в настоящую и оборонительную линию, оставить неприятелю, удаляющемуся от своих магазинов, все места опустошенные, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов»⁶. Итак, по плану М.Б. Барклай-де-Толли, белорусские земли подлежали опустошению, а после этого – сдаче противнику.

В качестве основных опорных пунктов на Западной Двине предлагалось избрать Ригу, Фридрихштадт или Якобштадт, Динабург или Друю. Ригу планировалось укрепить и обеспечить запасами таким образом, чтобы гарнизон мог выдержать осаду в течение полугода. Кроме того, в городе следовало создать провиантские магазины для 20 тыс. человек на 2 месяца.

Между Фридрихштадтом и Якобштадтом М.Б. Барклай-де-Толли намеревался разместить укрепленный лагерь на 25–30 тыс. человек с запасами на 3 месяца, чтобы в случае необходимости войска могли «с верным успехом» встретить неприятеля в этом лагере, «отделяя в то же время сильный отряд к Риге». Это, по мнению военного министра, приведет к разделению сил противника, или он будет находиться под угрозой атаки в тыл или на фланги одним из этих «отделений».

Возле Динабурга или Друи планировалось построить крепость. Она должна была охранять сообщение с центром армии и служить подкреплением одной из ее частей. При этом М.Б. Барклай-де-Толли склонялся к Динабургу, который казался ему «удобнее для сего назначения потому, что там находятся еще остатки укреплений (крепостные сооружения XVI в. – А.Л.), могущих весьма облегчить и ускорить работу»⁷.

На Днепре укреплению подлежали Киев, Рогачев или Быхов, Житомир и Мозырь. При этом Киев должен был стать продовольственной и провиантской базой и центром рекрутского депо. Запасы провизии планировались на полгода для гарнизона, а главный магазин – для армии на 60 тыс. человек сроком на 3 месяца.

Возле Рогачева или Быхова рекомендовалось построить крепость для сообщения с резервной армией, а между Киевом и Днестром

разместить укрепленные лагерь: возле Житомира (для армии на 50 тыс. человек и с запасами провианта на 3 месяца); и возле Мозыря (для корпуса на 10–15 тыс. человек и с запасами на 2 месяца).

Кроме того, между Днпром и Западной Двиной предполагалось построить еще один укрепленный лагерь возле Будилова (для резервной армии на 30 тыс. человек с провиантом на 2 или 3 месяца). Возле Бобруйска и Борисова планировалось подготовить «хорошо укрепленные передовые посты для защищения дорог и удержания, сколько можно более, реки Березины, доставляющей сообщение между Днпром и Двиною»⁸.

Главным «хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы», должна была стать Москва. Кроме того, большие магазины планировалось основать в Смоленске (для центральной армии), в Пскове (для армии правого фланга) и в Кременчуге (для армии левого фланга).

При благоприятных условиях (если бы позволило время, обстоятельства и денежные средства) М.Б. Барклай-де-Толли считал целесообразным построить перед основной линией обороны три мощные крепости: в Остроге, Пинске и Поиюре. Но и тогда Западная Двина и Днепр должны были составлять «навсегда вторую оборонительную линию»⁹.

Кроме того, в записке военного министра излагались варианты действия российских войск, разделенных на три армии, в зависимости от направления движения войск противника¹⁰.

Итак, план М.Б. Барклая-де-Толли 1810 г. предполагал ведение преимущественно оборонительных действий, а проект фортификационного прикрытия границы имел ярко выраженную направленность на оборону. В идеале планировалось создать двухэшелонную линию крепостной обороны западного театра войны, скрыв при этом главную линию в глубине империи.

Помощником военного министра был его брат, флигель-адъютант имп. Александра I И.Б. Барклай-де-Толли. В современной историографии о нем известно очень мало¹¹. Официально военный инженер состоял при директоре Депо карт К.И. Оппермане. Его функции были определены в апреле 1811 г.: офицер должен был заниматься обобщением и анализом полученных секретных сведений. «Государь Император, по возложенному особенному поручению на флигель-адъютанта инженер-полковника Барклая-де-Толли, – писал П.М. Волконскому 25 апреля 1811 г. военный министр, –

Высочайше повелеть соизволил дозволить ему заимствоваться всеми сведениями, собранными чиновниками квартирмейстерской части, при обозрении западных наших границ». Поэтому П.М. Волконскому поручалось сделать надлежащие распоряжения «о немедленном и точном удостоверении всех, относящихся до сего предмета, требований флигель-адъютанта Барклай-де-Толли»¹².

Результатом аналитической деятельности инженер-полковника стала пространная записка под названием «Военный и политический взгляд на оборону западных границ России», которая 18 июля 1811 г. была представлена императору¹³, а также «План военных действий и оборонительной системы границ» (2-я половина 1811 г.)¹⁴. Остановимся подробнее на анализе первого документа, который представляет 209 рукописных страниц на французском языке.

Записка состоит из девяти частей¹⁵, из которых наибольший интерес представляет последняя, озаглавленная «Позиции, посты, крепости и количество необходимых войск». В ней И.Б. Барклай-де-Толли подробно проанализировал предстоящий театр военных действий и остановился на его инженерном обустройстве¹⁶. В отличие от своего брата, предложившего в 1810 г. двухэшелонную линию обороны (передовая линия так и не была построена), Иван Богданович рекомендовал создать трехэшелонную, прикрытую войсками, и более глубокую линию обороны.

Прежде чем остановиться на характеристике оборонительных линий, необходимо ознакомиться с общим взглядом И.Б. Барклай-де-Толли на роль фортификационных сооружений. По его мнению, дорогостоящие крепости в начале XIX в. уже не представляли серьезного препятствия для противника, т. к. практически любую из них можно было взять в течение 2–3 месяцев из-за уязвимых мест. «Где в наших крепостях, на содержание которых Инженерный департамент ежегодно расходует столь значительные суммы, – задавался вопросом флигель-адъютант, – где в них прочность и уверенность в защищенности от бомб и огня? Даже самые мощные крепости не могут считаться достаточно надежными...»¹⁷. Поэтому он предлагал создать несколько линий обороны, образованных из небольших укрепленных позиций (лагеря, тет-де-поны, форты), обустроенных в стратегически важных местах, и прикрытых полевыми войсками. При анализе этих мест И.Б. Барклай-де-Толли разбивал театр военных действий на две части: северную и южную, по линии

белорусского Полесья (бассейна Припяти), в результате чего описывал 6 участков обороны.

Первую линию обороны, или «главную базу операций», автор записки считал «наиболее сильной и естественной». Именно на ней планировалось оказать упорное сопротивление противнику. Эта линия проходила от побережья Балтики, через Лифляндию, включала устье Нарвы, Чудское и Псковское озера, следовала по р. Великая к Себежу, Великим Лукам, Суражу (или Велижу) к Зап. Двине, далее к Смоленску и вдоль Днепра (через Оршу, Рогачев и Речицу) до впадения в Лиман¹⁸.

В северной части театра военных действий на этой линии основными опорными пунктами должны были стать: Пернов, Дерпт, Мустава (постоянные укрепления), Казно, Фалькенау, Верро, Козар (посты), Пахаянесе, между Эккс и Игаффер и д. Черная (укрепленные позиции). В южной части театра войны опорными пунктами первой линии являлись: Чернигов, Киев, «пункт между Киевом и Екатеринославлем», Полтава и Николаев¹⁹.

Вторую линию обороны составляла «центральная и резервная позиция» (для нее первая линия защиты служила базой операций). Одновременно она могла рассматриваться как «центральный аванпост» (от нее «исходят все оборонительные и наступательные действия»). Опорными пунктами этой линии в северной части театра войны И.Б. Барклай-де-Толли определял: сильное укрепление напротив Мемеля, Шавли, Вильно, Пинск (сильное укрепление), а между ними – Литцгоф, Поневеж, Вилькомир (форт, тет-де-пон или крепость), Минск, Несвиж и Слоним (тет-де-пон)²⁰.

При этом на строившейся с 1810 г. линии обороны по Западной Двине и Березине военный инженер предлагал дополнительно возвести небольшое укрепление на косе напротив Динамюнде (вместе с плавучими батареями здесь, и в устье р. Аа)²¹, форты в устье р. Эвсты, в г. Друя и Дисна, создать сильные плацдармы в Борисове, Бобруйске, Будилове и Мозыре.

В южной части театра военных действий на второй линии основными были выбраны пункты: Острог (укрепление), Брацлав и Ольвиополь, Каменец-Подольский (главный наблюдательный пункт). Вспомогательные позиции определялись в Луцке, Староконстантинове (крепость) и Махновке (форт)²². Житомир рассматривался как пункт-склад и резерв для всех операций на юге.

Третья линия обороны представляла собой «аванпост уже на самой границе» (для нее базой служила вторая линия). Она должна была защищать «главные входы» и предоставлять армии, действующей за границей, «пункты-склады, пункты отступления и резерва», и служить для нее базой. Основными опорными пунктами этой линии в северной части театра войны рассматривались: Юрбург (форт), Ковно (сильное постоянное укрепление), Гродно (плацдарм), Белосток, Брест-Литовский (сильное постоянное укрепление).

В южной части театра военных действий на линии «аванпоста» опорными населенными пунктами считались: Луцк (укрепление), Камянец-Подольский (укрепленная позиция), Хотин (тет-де-пон), Тирасполь (постоянное укрепление), Овидиополь и Цекиновка (форт)²³.

Далее И.Б. Барклай-де-Толли остановился на численности российских войск, необходимой для организации сопротивления противнику. По мнению автора записки, Наполеон сможет выставить против России на западной границе армию в 540 тыс. человек. В случае продолжения войны с Турцией, на южных границах к 80-тысячной французской армии (из Иллирийских провинций и Италии) прибавится 150 тыс. турок (итого, 230 тыс. человек). При худшем развитии дел численность противника на западном и южном театрах войны могла превысить 770 тыс. человек²⁴.

Поэтому И.Б. Барклай-де-Толли планировал противопоставить Наполеону 618-тыс. войско, разделенное на несколько групп. В *северной части* театра военных действий предлагалось сосредоточить 442 тыс. человек. 1-я армия (80 тыс. человек) должна расположиться в районе Олиты, 2-я армия (100 тыс. человек) – между Белостоком и Слонимом. 242 тыс. человек составляли резервную армию на центральной позиции (включая гарнизоны аванпоста и резерва). Из них на главных центральных позициях предлагалось разместить 130 тысяч (наблюдательный корпус недалеко от Мемеля – 30 тыс., Шавли – 30 тыс., Вильно – 50 тыс., Пинск – 20 тыс.)²⁵, на вспомогательных позициях – 55 тыс. (Литцгоф – 10 тыс., Поневеж – 5 тыс., Вилькомир – 5 тыс., Минск – 10 тыс., Несвиж – 10 тыс., Слоним, с гарнизоном тет-де-пона – 15 тыс.)²⁶, в гарнизонах – 17 тыс. (Вилькомир – 2 тыс., в Пинске и около Неделея, вместе – 10 тыс., Мозырь – резервный корпус – 5 тыс.), в пунктах аванпостов – 40 тыс.

(гарнизоны Юрбурга, Ковно, Гродно – всего 10 тыс., наблюдательный корпус у Брест-Литовска – 30 тыс.)²⁷.

В *Южной части* театра военных действий планировалось расположить 176 тыс. человек: 95 тыс. – на главных позициях (40 тыс. резервный корпус в Остроге, Брацлав – 40 тыс., Ольвиополь – 15 тыс.)²⁸, 57 тыс. – в наблюдательных пунктах по Днестру (Тирасполь – 5 тыс., Дубоссары – 5 тыс., Могилев – 5 тыс., Каменец-Подольский – 30 тыс., Цекиновка – 2 тыс., Одесса – 10 тыс.)²⁹, и 24 тыс. – в гарнизонах (Тирасполь – 3 тыс., Николаев – 3 тыс., Хотин – 1 тыс., Каменец-Подольский – 3 тыс., Цекиновка – 1 тыс., Луцк и Острог – вместе 8 тыс., Махновка и Староконстантинов, вместе – 5 тыс.)³⁰.

В случае заключения мира с Турцией и ликвидации угрозы нападения Наполеона со стороны Молдавии и Буковины, для защиты южного театра предлагалось сформировать между Луцком и Каменцом-Подольским армию в 80 тыс. человек. В нее могли войти 40 тыс. человек, дислоцированных возле Брацлава, 15 тыс. – Ольвиополя, 10 тыс. – Одессы, и по 5 тыс. – Тирасполя, Могилева и Каменца-Подольского.

В случае перехода противником линии Одера, И.Б. Барклай-де-Толли предлагал выдвинуть российские войска первого эшелона (215 тыс.) за линию аванпостов в направлении Мемель – Тильзит – Варшава, а на их место передислоцировать части второго эшелона. В результате подобных действий российские войска получают серьезные преимущества: они смогут оказывать взаимную поддержку на протяжении всей операции; повсюду будут иметь опорные пункты и места отдыха; лишат противника свободы действий (занимая «окольные позиции»); смогут скрывать свои истинные размеры; и будут нападать на противника «из засад»³¹.

Итак, в записке брата военного министра излагались несколько иные взгляды на роль крепостного прикрытия границ и фортификационного обеспечения западного театра войны. В целом, записка И.Б. Баркляя-де-Толли сыграла важную роль в корректировке российских планов инженерного обустройства западного театра войны. О том, что мнение флигель-адъютанта было учтено, свидетельствуют изменения, внесенные в планы топографического изучения северо-западных районов в 1811 г., а также разработка новых проектов фортификационного обеспечения театра войны (район Себежа), расположенных более глубоко, чем это было предложено военным министром³².

Что касается других планов войны, предложенных в 1810–1812 гг. разными лицами, то они носили преимущественно наступательный характер, и поэтому не содержали предложений по фортификационному обустройству западного театра военных действий.

Таким образом, после войны 1806–1807 гг. с Францией у большинства авторов проектов фортификационного прикрытия границ (М.Б. и И.Б. Барклай-де-Толли) наблюдается стремление создать основную линию обороны в глубине государства. При этом крепости рассматривались как опорные пункты для полевых армий, из которых можно было действовать оборонительно и наступательно. Согласно планам М.Б. Барклай-де-Толли (1810), Киевская, Бобруйская, Динабургская и Рижская крепости должны были составить основную оборонительную линию на западном пограничном пространстве. Этим крепостям отводилась роль опорных пунктов, плацдармов и мест сосредоточения запасов продовольствия, амуниции и боеприпасов. Опираясь на крепости, российские войска должны были организовать сопротивление превосходящему противнику в западных губерниях. Кроме того, крепости должны были надежно прикрыть коммуникации российской армии.

Многие идеи, высказанные И.Б. Барклаем-де-Толли, совпадали с мыслями военного министра, но были и значительные отличия. В отличие от брата, Иван Богданович выступал за создание более глубокой линии обороны, построенной в три эшелона. При этом наибольшего внимания заслуживает мнение военного инженера о необходимости создания основной линии обороны по черте Балтийского моря – озер Лифляндии и Псковщины, р. Великой – Себежа – Смоленска. Реальные события войны 1812 г. показали, что именно на этом рубеже и был остановлен противник на северном направлении, а линия обороны, созданная по Западной Двине, была оставлена.

В целом, записка И.Б. Барклай-де-Толли сыграла важную роль в корректировке российских планов инженерного обустройства западного театра войны. Однако запоздалое начало работ по укреплению позиций на предложенной И.Б. Барклаем-де-Толли линии не позволило создать какие-либо долговременные сооружения к началу войны.

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 424. Д. 46. Записка полковника Сен-При об укреплении границ Российской империи между Балтийским и Черным морями. 1810 г. Л. 1–25; Отечественная

война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. I. Подготовка к войне в 1810 г. Ч. II. Входящая переписка генерала Барклай-де-Толли. СПб., 1900. С. 332–339.

² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. I. Ч. II. С. 1–6. Документ без точной даты, но на нем есть пометки: «читано Его Величеству февраля ... дня 1810 года»; и ниже – «читано Государю 2 марта 1810 года». См. также: «Доклад с проектом организации и распределения армий»; «Доклад о ходе работ» по выполнению вышеупомянутых проектов (Там же. С. 6–13).

³ Военный министр считал, что России придется воевать против Франции без союзников на континенте, поскольку Австрия после заключения династического союза с Наполеоном войдет в фарватер его политики. Поэтому он предлагал вести оборонительную войну, хотя и советовал не ограничиваться «единственно предметом обороны». По мнению министра, успех только тогда будет сопутствовать армии, когда все будет подготовлено для наступательных действий «на места, самые важные для неприятеля, пользуясь обстоятельствами и временем». А появление таких возможностей М.Б. Барклай-де-Толли не исключал. «Весьма часто, – писал он, – и при оборонительных действиях представляются счастливые случаи к нападениям на самого атакующего неприятеля с большою выгодною и пользою впоследствии» (Там же. С. 1).

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Все войска на западной границе (15 дивизий) военный министр предлагал разделить на три армии. Первую армию планировалось разместить в Курляндии и Самогитии (в составе четырех дивизий, центр – Шавли); вторую – на Волыни, Подолии и Украине (семь дивизий, центр – Острог); третью (резервную) – между Вильной и Минском (четыре дивизии). Излагая свое видение плана ведения войны, М.Б. Барклай-де-Толли писал, что общая цель всех трех армий – «*оберегать западные пределы России и действовать по обстоятельствам и при случае наступательно*». Военный министр рассматривал вероятность развития событий по трем направлениям: южному, северному и центральному. «Когда неприятель с главными своими силами подвинется вперед на юге, – говорилось в первом варианте, – что всего вероятнее, потому что в противном случае армия наша левого фланга пресечет сообщение его с Варшавою, тогда армия нашего правого фланга поспешно вступает в Пруссию до реки Прегель и действует в тылу и на флангах неприятеля, а резервная армия между тем прикрывает левый ее фланг, препятствуя неприятелю отрезать ее от Немана. Армия же наша левого фланга удерживает по возможности неприятеля на самых границах, не вступая в решительное сражение; смотря по обстоятельствам, отступает медленно и постепенно в укрепленный Житомирский лагерь, стараясь о сохранении непрерывного сообщения с Днестром и отнятия у неприятеля всех способов к пропитанию от земли и подвозу съестных припасов, беспрепятственно тревожа его со всех сторон легкими своими войсками». В случае наступления противника на северном направлении, российская армия правого фланга должна отойти в укрепленный лагерь между Фридрихштадом и Якобштадом, а левофланговая армия – действовать наступательно на Варшаву.

Наступление противника на центральном участке М.Б. Барклай-де-Толли считал маловероятным. Однако, в случае если неприятель «отважится действовать на центр», резервная армия должна «медленно отступить и стремиться завести его вглубь края». Тем временем фланговые армии получат возможность окружить противника, отрезать его от продовольствия и уничтожить все силы (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Отд. I. Т. I. Ч. II. С. 5). Для успешного руководства войсками военный министр предлагал «поручить главное управление над всеми тремя армиями одному полководцу», который должен иметь свою квартиру между армиями – в Вильно, и быть «совершенно уполномоченно награждать за отличные подвиги до некоторой степени и казнить за преступления» (Там же. С. 6).

¹¹ См.: Лукашевич А.М., Безотосный В.М., Барклай-де-Толли И.Б. // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: В 3 т. М., 2012. Т. 1. С. 117.

¹² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. II. Подготовка к войне в 1811 г. (январь – май месяцы). СПб., 1901. С. 200.

¹³ Там же. Т. IV. Подготовка к войне в 1811 г. (июль – август месяцы). СПб., 1903. С. 1–73. В аннотации к этому документу, помещенной в 6-м томе «Внешней политики России», ошибочно авторство приписывается военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия первая 1801–1815 гг. (Далее – ВПР). Т. VI: 1811–1812 гг. М., 1962. С. 140.

¹⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. VII. Подготовка к войне в 1811 г. (декабрь месяц; документы без дат). СПб., 1907. С. 217–242.

¹⁵ В этой записке Иван Богданович большое внимание уделял международному положению Российской империи, ее союзников и противников и, исходя из этого, определил стратегию борьбы с Францией. Останавливаясь на стратегии французских войск, военный инженер рекомендовал противопоставить ей российскую стратегию, основанную на огромных физических и моральных ресурсах. Ее суть заключалась в том, чтобы уклоняться от решительных сражений, затягивать войну, постоянно беспокоить и изводить противника, лишать его средств к существованию, в случае если придется уступать территорию. Автор советовал привлечь на сторону России Княжество Варшавское. Офицер также предполагал следовать подобному образу действий и в отношении Турции; рекомендовал приложить все усилия, чтобы объединить против Наполеона Швецию, Англию и Данию.

¹⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. I. Т. IV. С. 55–73.

¹⁷ Там же. С. 61

¹⁸ Там же. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ Там же. С. 56–57.

²¹ Там же. С. 63.

²² Там же. С. 57.

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Там же. С. 69–70.

²⁶ Там же. С. 70.

Фортификационное прикрытие западного театра военных действий (1810 – июнь 1812 г.)

²⁷ Там же. С. 70.

²⁸ Там же. С. 71

²⁹ Там же. С. 71.

³⁰ Там же. С. 71–72.

³¹ Там же. С. 72–73.

³² См.: Лукашевич А.М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий: изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е гг. XVIII в. – 1812 г.). Минск, 2010.

А.Н. Лукирский (Санкт-Петербург)

ПОЛКИ РУССКОЙ АРМИИ – «УЧЕНИКИ» СУВОРОВА

НА ВОПРОС, какие полки можно назвать суворовскими, любой сведущий в отечественной военной истории ответит: Фанагорийский гренадерский, Суздальский пехотный. Имена этих полков наиболее четко врезались в память в связи с именем великого русского полководца. Можно ли их назвать учениками, прошедшими суворовскую школу военного обучения? Казалось бы, странный вопрос – один из памятников военно-теоретической мысли, вышедший из-под пера А.В. Суворова, так и называется «Суздальское учреждение». С другой стороны, сам Александр Васильевич после одной из частных неудач так отозвался о них: «...ланцкоронское происшествие зависело от Суздальцев, кои ныне совсем не те, как при мне были. Сих героев можно ныне уподобить стаду овец. Как можно, надлежит мне приблизиться к сандомирской стороне и выучить их по прежнему, ежели предуспею... Не упрекайте меня, милостивый государь: я думал с Суздальцами победить весь свет»¹. Невеселый итог после четырехлетнего командования полком и трехлетнего командования бригадой, в состав которой входил полк.

С Фанагорийским гренадерским полком, кажется, все проще – полк был «шефским» Суворова, и, казалось, какие могут быть сомнения, но в царствование императрицы Екатерины Фанагорийских полков было два, и полк, сформированный в 1788 г. и состоявший под командой Суворова, был переименован в мае 1790 г. в Малороссийский гренадерский². Таким образом фанагорийцы Очакова и фанагорийцы Измаила – это два разных полка.

В сувороведческой литературе встречаются многочисленные упоминания о суворовских войсках или даже армии, применитель-

но к частям, состоящим под командой А.В. Суворова³. Если термин «армия» является преувеличением, то упоминания о Кубанском корпусе или Екатеринославской дивизии – достаточно абстрактны. Эта абстракция обусловлена тем, что бригады, дивизии и корпуса Русской армии XVIII в. не имели четкой организационной структуры, и их состав постоянно менялся. И для ответа на вопросы, какие полки в Русской армии были учениками Суворова, солдаты каких полков Русской армии были носителями суворовских традиций, необходимо изучить историю командования суворовскими частями. Перечень суворовских частей мы свели в таблицу № 1.

В годы Семилетней войны А.В. Суворов командовал различными партизанскими отрядами, но не имел под своей командой отрядов постоянного состава. Получив по результатам боевых действий прекрасные отзывы от своих начальников П.А. Румянцева и А.Б. Бутурлина как начальник отдельных отрядов⁴. Как оказалось, эти отзывы на многие годы определили служебную карьеру А.В. Суворова – он стал командиром отдельных небольших отрядов, не имевших постоянного состава. Из этого происходит другая особенность его руководства – при первой возможности, получив под свое командование часть или отряд на постоянной основе, Суворов создавал достаточно подробный приказ, определявший направления боевой подготовки.

Первый опыт постоянного руководства воинской частью – командование Суздальским пехотным полком в 1763–1768 гг. В это время создается «Суздальское учреждение» – первый опыт Александра Васильевича в создании инструкций для обучения войск. В 1768 г. Суздальский полк получил приказание выдвинуться в Польшу, для борьбы с барскими конфедератами. В поход его вел уже бригадир Суворов, кроме Суздальского в его бригаду входили Смоленский и Нижегородский полки. По прибытии в Польшу войск Суворов получил в командование Люблинский участок. Формально ему подчинялись значительные силы, но фактически под рукой у Суворова был маленький отряд, ядром которого были гренадерская рота и егерская команда Суздальского полка и эскадрон Воронежского драгунского полка, к нему по мере необходимости добавлялись отдельные роты и эскадроны. За годы боевых действий в Польше Суворов, несмотря на свой достаточно высокий воинский чин – бригадира и генерал-майора, был фактически тем

же командиром корволанта, или летучего отряда, каким был в годы Семилетней войны. Эта ситуация не изменилась и с переводом А.В. Суворова на дунайский театр военных действий Русско-турецкой войны 1769–1774 гг., он по-прежнему являлся командиром небольшого временного отряда. В походе на Туртукай принимали участие отряды, собранные на основе Астраханских пехотного и карабинерного полков. Крупные отряды Суворов получил в свое распоряжение при обороне поста в Гирсово и сражении при Козлуджи. По-прежнему командование этими отрядами носило временный характер, эта практика продолжалась до 1777 г., когда под командование Суворова поступили войска Кубанского и Крымского корпусов.

Этот период ознаменовался созданием одного из основных, без преувеличения, программных документов, предтечи «Науки побеждать», – приказа по подготовке войск – а точнее, Кубанского корпуса 1778 г. Но Крымский и Кубанский корпуса были временным соединением, расформированным в начале 1779 г.

В первой половине 80-х гг. XVIII в. Суворов поочередно командовал дивизиями: в 1780–1782 гг. – Казанской, в 1784–1785 гг. – Владимирской, в 1786 г. – Санкт-Петербургской и Кременчугской, мы не располагаем расписанием полков по дивизиям, но известно, что в состав Казанской дивизии входило два полка, в состав Владимирской – не более четырех. Как видим, в состав дивизий входило незначительное количество полков. Также мы не имеем сведений о систематическом обучении этих войск А.В. Суворовым. В 1783 г. под командованием полководца находился Кубанский корпус, но его состав не совпадает с составом войск корпуса в конце 70-х гг. XVIII в.

Начало Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. А.В. Суворов встретил в должности командира Кременчугской дивизии, но в ходе войны он вновь командует временными отрядами в сражениях при Кинбурне, Фокшанах и Рымнике, осаде Очакова и Измаила.

Первым соединением, которым А.В. Суворов командовал длительное время, где он мог систематически обучать своих солдат и проверить их навыки в бою, стала Екатеринославская дивизия, командиром которой Суворов был – с небольшим перерывом – с 1792 по 1797 гг. Именно к частям этой дивизии в полной мере применим термин «суворовские войска». Командуя этими полками,

Суворов создал «Науку побеждать» и обучил свои войска в соответствии с ее требованиями.

Войска, составившие корпус А.В. Суворова во время Итальянского и Швейцарского походов, собирались без участия Александра Васильевича. Но большинство полков, назначенных в Италию, были подготовлены полководцем в 1792–1796 гг.

Таблица 1

Перечень пехотных полков, состоявших под командой
А.В. Суворова с 1765 по 1799 гг.
(По: Суворов А.В. Документы. М., 1950–1953. Т. 1–4.)

	Полки	1765– 1774	1777– 1780	1783– 1787	1787– 1791	1792	1792– 1796	1799
1.	1-й Московский	+	+	Расф.				
2.	2-й Московский	+	+	Расф.				
3.	Азовский		+				+	+
4.	Алексопольский		+		+		+	
5.	Апшеронский				+		+	+
6.	Архангелогородский						+	+
7.	Астраханский	+		Расф.				
8.	Белевский						+	
9.	Белозерский		+			+		
10.	Бутырский			+	Расф.			
11.	Бутырский (сф. 1796)							+
12.	Великолукский (расф. 1810)					+		
13.	Витебский (сф. 1784 из Копорского)				Сф. 1784		+	
14.	Владимирский			+				
15.	Воронежский (расф. 1810)			+				
16.	Выборгский					+		
17.	Вятский						+	
18.	Днепровский (сф. 1775)		+				+	
19.	Козловский				+		+	
20.	Курский		+				+	
21.	Ладожский						+	
22.	Муромский							
23.	Невский					+		
24.	Нижегородский	+	+	+			+	
25.	Низовский		+	+			+	+
26.	Новгородский (расф. 1810)						+	

27.	Орловский (расф. 1810)		+		+			
28.	Полоцкий				+		+	
29.	Ростовский		+		+			
30.	Рязанский		+				+	
31.	Рязанский					+		
32.	Севастопольский						+	
33.	Севский						+	
34.	Смоленский	+	+		+		+	+
35.	Софийский (расф. 1810)					+		
36.	Старонгермаундский (с 1790)						+	
37.	Суздальский	+	+					
38.	Тамбовский		+					+
39.	Тобольский					+		
40.	Троицкий		+		+		+	
41.	Тульский		+		+		+	+
42.	Углицкий						+	
43.	Шлиссельбургский				+			
44.	Ярославский (сф. 1790)				+			

Как видно из приведенных в таблице данных, под командованием Суворова в разные годы состояло 44 полка, до 1796 г. было расформировано 4 полка, еще 5 полков были переформированы в 1810 г. в егерские полки. К концу XVIII в. А.В. Суворов подготовил и обучил 23 пехотных полка. Впоследствии эти полки были разбросаны по различным соединениям, например, в сражении при Аустерлице из 19 пехотных полков только 7 обучались А.В. Суворовым.

¹ Суворов А.В. – И.И. Веймарну [16 февраля 1771] // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 18.

² Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995. С. 279–280.
³ Бескровный Л.Г. Система обучения и воспитания войск А.В. Суворова // Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. С. 193.

⁴ Письмо фельдмаршала Графа Бутурлина о Подполковнике Суворове // Сын Отечества. Ч. 75. № 2. 1822. С. 77–78.

М.Ю. Лысов (Барнаул)

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ

В ООРУЖЕНИЕ пазырыкской культуры неоднократно рассматривалось в многочисленных статьях и работах обобщающего характера. Зачастую работы охватывают материалы с ограниченных территорий, не рассматривая всю совокупность имеющихся данных. При написании данной статьи была рассмотрена большая часть введенных в научный оборот материалов, что дает возможность дать их достаточно объективную оценку.

Оружие ближнего боя в комплексе вооружения пазырыкской культуры представлено двумя категориями – чеканом и кинжалом. Для памятников пазырыкской культуры характерно наличие большого количества votивных предметов вооружения. Подавляющее большинство экземпляров является моделями, изготовленными специально для погребального обряда. Ранее нами уже были подробно рассмотрены модели оружия в погребениях пазырыкской культуры¹. В данной работе основное внимание было уделено боевым изделиям и их использованию.

По имеющимся данным, на примыкающей с запада к Алтаю равнине, связанной с сакским миром, боевые кинжалы и чеканы изготавливались преимущественно из железа уже на финальном этапе аржано-майэмирского времени. В ранних каменных и быстринских комплексах представлены только железные экземпляры. Несмотря на обилие в памятниках пазырыкской культуры бронзовых кинжалов, ситуация была, вероятнее всего, аналогичной.

Перейдем к более подробному рассмотрению каждой из вышеуказанных категорий вооружения.

Кинжал – это относительно короткое двухлезвийное оружие колющего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя, длиной до 50 см. Рукоять и клинок кинжала обычно были прямыми. Кинжалы с более длинным клинком обладали еще и режущей функцией, а с более широким клинком – рубящей².

В памятниках пазырыкской культуры вещественные остатки кинжалов обнаружены в 121 объекте из 200. Это цельные железные и бронзовые кинжалы, а также их votивные модели, изготовленные из бронзы, рога и дерева. В то же время сведения о некоторых предметах ограничены только упоминаниями в публикациях, а также плохая сохранность других экземпляров не позволяют дать их полную характеристику.

В процессе ознакомления с материалами исследований кинжалов пазырыкской культуры обозначились некоторые проблемы морфологического характера. Во-первых, обнаружилась нечеткость терминологии, большое количество ассоциативных определений, употребляемых различными исследователями. Иногда сходным по внешнему виду элементам даются разные наименования. Необходимо упорядочить и унифицировать все морфологические определения, строго разграничить и выявить форму и наименования различных вариантов конструктивных частей кинжалов. При этом желательно руководствоваться геометрическими обозначениями и фигурами элементов конструкции изделия.

У кинжалов нами выделяются следующие конструктивные элементы: поражающая часть – клинок, удерживающая – рукоять.

Клинок – рабочая часть рубяще-колющего оружия, предназначенная для нанесения рубящего, колющего или рубяще-режущего удара. Лезвие клинка – сторона клинка, имеющая режущий острый край. Острие клинка – колющее окончание клинка. Полоса клинка – тело клинка, без острия и сторон. Ребро клинка – сторона клинка, возвышающаяся по центру полосы. Грань клинка – поверхность полосы, ограниченная сторонами.

Рукоять клинка – несущая часть рубяще-колющего оружия, предназначенная для фехтования клинком. Черен – основной элемент рукояти, расположенный между навершием и перекрестьем и служащий для удержания изделия и размещения на нем дополнительных элементов рукояти – накладок, обмотки. Для кинжалов пазырыкской культуры употребление этого термина не вполне корректно, поскольку рукоять со всеми ее деталями (навершием и

перекрестьем) в большинстве случаев является цельнолитой вместе с клинком. Только в редких случаях у биметаллических кинжалов эта деталь является действительно череном. В данной работе будет применяться термин черен, поскольку нет общепризнанного исследователями названия этого элемента для оружия раннего железного века. В то же время термин черен или «черенок» широко используется исследователями для материалов бронзового века и средневековья³.

Перекрестье рукояти – ограничитель, расположенный между клинком и череном и предохраняющий кисть руки от повреждений при использовании рубяще-колющего и рубяще-режущего оружия.

Навершие рукояти – ограничитель для предотвращения утери оружия при использовании и прочности захвата рукояти ладонью.

К боевым кинжалам относятся 2 экземпляра, но по размерам один из них относится и к группе моделей, приближенных к боевым (Кайнду, к. 7). Примером боевого оригинала может служить изделие из могильника Кайнду, к. 7. Это железный кинжал с «бабочковидным» перекрестьем и подпрямоугольным брусковидным навершием⁴. Он обладает следующими характеристиками: общая длина – около 25,5 см, длина клинка – 14,3 см, длина рукояти – 11,2 см, ширина основания клинка – 3,6 см, ширина черена – около 2,5 см, длина черена – 7,5 см. Представленный кинжал отличается тщательным оформлением и проработанностью всех деталей, массивностью, имеет достаточную для захвата длину черена, что позволяет отнести его к настоящим. Это предположение подтверждается тем, что рассматриваемый кинжал изготовлен из железа, поскольку, по мнению многих исследователей, боевое оружие пазырыкской культуры было железным⁵.

Второй кинжал этой группы из памятника Кош-Тал, к. 9 имеет все параметры боевого оружия, общая длина около 35 см. Из-за сильной коррозии часть рукояти не сохранилась, вероятно, начальная длина составляла приблизительно 40 см⁶.

Для боевых образцов характерно наличие классических скифских форм в оформлении наверший и перекрестий. Чаще всего встречаются подпрямоугольные брусковидные, плоские овальные или кольцевидные навершия (Кош-Тал, к. 9а; Кайнду, к. 7; Уландрык-IV, к. 1 и др.). Среди форм перекрестий наиболее часто встречаются «бабочковидные», плоские подпрямоугольные и подовальные, А-образные и «почковидные».

Средством для ношения и хранения кинжалов являлись ножны. Ножны, выполненные из дерева, найдены в комплекте с кинжалами и ножами. По форме и конструкции алтайские ножны можно разделить на два основных типа. Первый тип ножен простейшей конструкции составлен из двух небольших плоских дощечек с округлым или овальным нижним концом и ровно срезанным верхом. На оборотной стороне обе дощечки имеют неглубокие вырезанные пазы, выполненные по форме клинка кинжала. Сложенные вместе дощечки ножен обычно помещались в кожаный футляр или обтягивались полосками кожи. Вариантом этих ножен можно считать ножны из одной резной дощечки, обтянутой кожей.

Ножны второго типа – деревянные пластины, плоские с внутренней стороны и рельефно вырезанные с внешней. Внешняя сторона имеет две пары округлых выступов-лопастей. Первые два выступа вырезаны у эфеса, два вторых – посередине ножен. В нижней части смоделирован рельефный оконечник, повторяющий или вписывающийся в абрис округлого конца ножен. Сквозные отверстия в лопастях-обоймах проделаны для кожаных ремешков. С внутренней стороны ножны имеют врезной паз, повторяющий форму клинка кинжала. Паз прикрыт пришитым к ножнам лоскутом кожи или ткани, вырезанным точно по абрису ножен.

На вопрос, были ли алтайские модели точной копией настоящих ножен, можно ответить положительно, поскольку сохранились экземпляры ножен от настоящих боевых кинжалов. По форме, а главное, по назначению деталей, они идентичны многочисленным моделям. Важным отличительным признаком внешне сходных моделей и настоящих ножен являются их размеры. Длина моделей составляет 20 – 40 см. при ширине 2 – 2,5 см. Настоящие экземпляры больше⁷.

Алтайские ножны имеют выразительные параллели в памятниках Востока, не менее яркие аналоги им можно найти в комплексах из областей, расположенных южнее и западнее Горного Алтая. Еще Л.Р. Кызласов, а затем С.И. Вайнштейн и В.П. Дьяконова обращали внимание на определенное сходство моделей ножен из Оглахты и Кокэля с ножнами, найденными в сарматском погребении на территории Нижнего Поволжья, а также с изображением кинжала в ножнах на каменной гробнице Антиоха I в Немруд-даге из Северной Сирии. К ним можно приобщить и совсем поздние (IV в.) стандартные изображения ножен, известные по серебряным блюдам Сасанидов из Ирана.

Чисто внешнее сходство алтайских ножен с западными образцами основано на таких общих чертах, как использование дерева в качестве основного материала для изготовления ножен, идентичное оформление, украшение ножен и портупейных ремней кабаньими клыками, один и тот же способ укрепления кинжала с ножнами на бедре. Особенно характерна окраска ножен в красный цвет.

Горный Алтай был одним из районов, где в IV–II вв. до н. э., а возможно и раньше, типично сакские ножны изменили свою традиционную форму. Они стали заметно короче и шире. Кроме оконечника и верхней обоймы с выступом для подвешивания появилась дополнительная срединная обойма. Поддерживающий ремешок, который раньше фиксировал конец сакских ножен, на новых (алтайских) ножнах уже непосредственно связан со срединной обоймой, выполняя сходные функции. Он должен был еще прочнее закрепить на ноге ножны с кинжалом.

Представляется вполне очевидным, что алтайские ножны развились из одного прототипа – сакских ножен VI–V вв. до н. э. В это время ножны, подобные сакским, были распространены у савроматов, скифов и многих иранских народов. Районом формирования ирано-алтайских ножен, вероятно, была Средняя Азия, откуда они в IV–III вв. до н. э. и распространились на Восток и Запад. Но в указанном регионе таких ножен не найдено. Вполне очевидно, что подобные ножны для кинжалов использовались многими кочевыми народами Евразии, но мы знаем о них только благодаря находкам из курганов высокогорного Алтая, где сохранились редчайшие образцы, да по каменному рельефу из Немруд-дага.

О широком применении ножен ирано-алтайского облика, в частности, свидетельствует один и тот же способ ношения кинжалов, распространенный у многих кочевых народов. Кинжал в ножнах обычно носили на бедре, ножны крепились к ноге специальными охватывающими ее ремешками. Этот способ ношения ножен сакского типа прослеживается по персепольским рельефам и изображениям саков на пластинках из Аму-Дарьинского клада, датированного концом VI–V вв. до н. э., иконографически и стилистически сходных с персепольскими. Этот рациональный способ могли разработать только кочевники: кинжал в ножнах, закрепленный таким образом, не болтался и не бил всадника по ноге. Описанный способ был известен и населению Горного Алтая, как оказалось, еще в конце IV в. до н. э., о чем свидетельствуют также находки

кинжалов и ножен в погребениях, в частности их расположение вдоль бедра или ноги погребенного.

Кинжал носили преимущественно на правом бедре, реже на левом, а в отдельные моменты даже спереди. В последнем случае ножны с кинжалом подвешивались к поясу горизонтально или наискось, примерно таким образом, как это изображено на одном из алтайских оленных камней⁸.

Чеканом (или клевцом) называется древковое оружие с узким, горизонтально расположенным бойком, заканчивающимся острием. Чекан является «абсолютным» оружием ближнего боя. При его использовании достигается максимальная концентрация силы удара на минимальную площадь поражения, что при относительной массивности боевой части и наличии мощного рычага-рукояти придает оружию максимально возможный ударный эффект, перед которым могло устоять только надежное защитное вооружение. Не случайно в Западной Европе в XV в., когда появились почти самые прочные доспехи, в качестве противовеса им возрождается чекан как оружие средне- и легковооруженных всадников для борьбы с тяжеловооруженным противником⁹.

Несмотря на замечательные боевые качества, чекан по сравнению с многими видами оружия обретает свою «классическую» форму и особую популярность довольно поздно – в последние века II тыс. до н.э.

Расцвет и самое широкое применение чекана на Востоке характерно для I тыс. до н. э. Ближе к середине I тыс. до н.э. боек становится узким, приобретает граненое, круглое или линзовидное сечение, и практически всегда он совмещается с топором или молотком на одной втулке – цилиндрической или скрытой. Формирование «классического» евразийского чекана произошло, вероятнее всего, на востоке степной зоны Евразии, может быть, в Южной Сибири или в Ордосе в раннескифское время, откуда он очень быстро распространился по всему ареалу культур «скифского» типа.

Чекан являлся на территории Саяно-Алтая одним из основных видов оружия, по всей видимости, выполняя ту же функцию, что и меч на западных территориях. Устройство чеканов с Алтая устанавливается по материалам пазырыкской, быстрианской и каменской культур.

Для чеканов выделяются следующие конструктивные элементы: поражающая – собственно чекан и удерживающая – древко.

Поражающая часть состоит из бойка – ударного элемента, имеющего острие, проуха или втулки – детали для крепления чекана на древке и обушка – части, противоположной бойку, являющейся противовесом или оформленной в дополнительный поражающий элемент.

Боевые единицы насаживались на деревянные рукояти длиной 70-80 см, имевшие в полном наборе пристроенный железный или бронзовый вток, служивший также для нанесения ударов. На выступавшей из проуха (или втулки) части рукояти надевался железный колпачок. В отличие от втока, колпачки не заострялись. По мнению некоторых исследователей¹⁰, это вовсе не означает, что они не предназначались для нанесения ударов и служили лишь для укрепления и предохранения от порчи конца рукояти. Но на территории Горного Алтая ни одного металлического колпачка, известного у каменных чеканов, не обнаружено. Лишь его деревянная имитация в Чендеке-ба указывает на возможное присутствие у пазырыкских боевых чеканов такой детали. Основные удары наносились заостренным бойком, но, как и у других видов подобного оружия, в бою мог использоваться и обушок, который иногда оформлялся в виде секиры. На последнее указывает наличие в Горном Алтае секировидных, по-видимому, двусторонних, чеканов типа найденных в Боротале-2¹¹.

Активное использование чекана населением Горного Алтая в рассматриваемый период подтверждается как археологическими, так и изобразительными памятниками. В петроглифах, относящихся к тагарской культуре, часто изображение воинов, вооруженных чеканами и использующих их в бою. Также известны изображения чеканов на оленных камнях еще с «аржано-майэмирского» времени.

Если исходить из предположения, что все боевое оружие в скифо-сакский период было уже железным, а из бронзы изготавливались преимущественно модели, то все 16 железных экземпляров являются боевыми. Но наличие у некоторых из них вырезанного на рукояти втока (Уландрык-IV, к. 1; Уландрык-IV, к. 3 и др.) не позволяет с уверенностью говорить об их принадлежности к боевым изделиям. Следовательно, необходимо учитывать ряд других немаловажных признаков, среди которых важным является размер.

Типичным боевым можно считать чекан из памятника Боротал-1. Он изготовлен из железа. Длина чекана 22,5 см, проушина в сечении овальная. Судя по разделявшей чекан от обушка до острия

бойка продольной трещине, он был изготовлен из двух сваренных пластин с полукружьями проушины. И клинковидный боек, и обушок – плоские. В могиле находился железный вток длиной 10,6 см с валиковидным утолщением в основании. Ширина валика 7–9 мм, но первоначально он мог быть уже и увеличился в результате коррозии. Судя по овальным в сечении основанию втока и проушины, рукоять в разрезе была овальной.

Боевой чекан также реконструируется по следам ударов на черепках коней, раскопанных в больших горно-алтайских курганах. В.А. Кочеев выделил следующие параметры боевых чеканов: для бронзовых – длина около 18–20 см, длина бойка 8–10 см, диаметр стержня бойка 11–18 мм, диаметр проушины 2–3 см; для железных – длина не менее 20 см, диаметр проушины 2–4 см.

Таким образом, признаками боевого чекана являются: общая длина около 20 см, материал изготовления – железо, реже бронза; наличие втока; ребро вдоль рукояти со стороны, обращенной к бойку; наличие заточенного граненого острия бойка. В то же время ни один из признаков нельзя назвать доминирующим, однозначно указывающим на принадлежность к боевым или вотивным изделиям. Необходимо учитывать их в комплексе, для большей точности исследования.

Чеканы носили с правой стороны. К поясу он крепился посредством портупейных ремней, свернутых в петлю с двумя продольными разрезами. Вместо застежки нередко использовались медвежьи или кабаньи клыки, исполнявшие и роль амулета. Также чекан мог помещаться в прорезь на достаточно широком кожаном ремне, прикрепленном к боевому поясу.

Как упоминалось выше, чекан имел широкое распространение, высоко было его значение в комплексе вооружения пазырьской культуры. В рассмотренных памятниках из 114 случаев обнаружения чеканов в погребениях в 86 курганах он находился в одном наборе с кинжалом. Соответственно, в 28 случаях чекан помещался без кинжала. Это еще раз подтверждает широкое распространение этих категорий в комплексе вооружения. Но чекан был более распространенным видом оружия в силу особого статуса кинжала в качестве социального маркера и большей его престижности.

Как оружие ближнего боя чеканы использовались в пешем и конном бою. Насаженные на длинные рукояти (60–80 см), они очень эффективно применялись конными воинами в «сшибке», также

ими было можно успешно поразить пешего воина. Помимо этого чеканы использовались при совершении различных культовых обрядов, в частности, связанных с ритуальным убийством при совершении погребального обряда¹².

Основной проблемой в изучении чеканов является наличие большого количества вотивных изделий, что не позволяет в полной мере судить о развитии чекана как боевого оружия, создать классификацию, и проследить его типологию. Несомненно, что модели повторяют свои боевые оригиналы, особенно на ранних этапах развития культуры. Впоследствии они упрощаются и становятся все менее схожими с оригиналами.

---

¹ Лысов М.Ю. Модели оружия в памятниках пазырыкской культуры // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. 2. СПб., 2012. С. 243–246.

² Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). М., 1993. С. 15.

³ Там же. С. 16; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 79.

⁴ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. С. 55 (рис. 17.4).

⁵ Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987, С. 56.

⁶ Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.

⁷ Кубарев В.Д. Указ. соч.

⁸ Егоров В.В. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.

⁹ Горелик М.В. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. С. 87.

¹¹ Там же. С. 88, 233 (рис. 38).

¹² Кочев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 144–162.

Д.В. Лютик (Гродно, Республика Беларусь)

ГРОДНЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ИСТОРИЯ Гродненской крепости на протяжении долгого времени оставалась в тени. В первую очередь, это объяснялось тем, что крепость так и не была закончена до начала войны. Во-вторых, сам период существования крепости был весьма невелик (не учитывая период существования Гродненской укрепленной позиции XIX – начала XX вв.). Указ о ее строительстве был отдан только в 1912 г. В-третьих, бои за взятие крепости германской армией носили весьма скоротечный характер. В-четвертых, после окончания Первой мировой и Гражданской войн город оказался в составе польского государства.

Основные работы по проектированию Гродненской крепости начались в 1911 г. Для разработки первоначального проекта в Гродно 7 июня (все даты по н. ст.) 1911 г. была создана специальная комиссия – «Изыскательная партия». В состав партии вошли: генерал-лейтенант М.Н. Кайгородов (начальник располагавшейся в Гродно 26-й пехотной дивизии), полковник Д.П. Колосовский (руководил инженерной стороной проекта), полковник Варшавской крепостной артиллерии Б.Р. Тризна¹. В этой работе Изыскательной партии помогала Гродненская инженерная дистанция (начальник полковник А.И. Веверн). Кроме того, сюда были прикомандированы офицеры Главного инженерного управления Генерального Штаба. Составление проекта крепости началось 16 ноября 1911 г. Уже 7 января 1912 г. первый проект Гродненской крепости был представлен в Главное инженерное управление. Согласно этому проекту крепостной обвод должен был составлять 65 км. Вокруг города планировалось возвести 16 фортов, а также около 18 литерных

опорных пунктов на полроты пехоты, 38 номерных опорных пунктов на взвод пехоты². Однако после обсуждения этого плана в Инженерном комитете Главного инженерного управления в него были внесены существенные изменения. Так, из укреплений линии были исключены три основных форта – № VII, IX, XV. Изменилась нумерация фортов. В целом проект был значительно удешевлен. Новый проект Гродненской крепости был готов к июню 1912 г. 2–7 июня документы были поданы на рассмотрение в Генеральный Штаб. По этому проекту планировалось построить 13 фортов, 19 литерных опорных пунктов и 23 номерных опорных пункта³. Корректировки планов фортов с № I по № IX, опорного пункта литеры «Е» были сделаны одним из ведущих военных инженеров империи генерал-майором Малковым-Паниным. Из общего количества фортов девять (№ I – IX) располагались на левом берегу реки Неман и четыре (№ X – XIII) на правом. Вторую линию обороны составляли пять земляных фортов бывшей Гродненской укрепленной позиции. Уже 2 июля полковник Колосовский был назначен Строителем крепости Гродно (16 июля 1912 г. ему было присвоено воинское звание генерал-майора). 4 августа 1912 г. император Николай II подписал указ о строительстве новой крепости в городе Гродно⁴. 12 октября того же года город Гродно был объявлен опорным пунктом для армии.

5 сентября 1913 г., согласно Высочайше утвержденному положению Совета Министров за № 2272 опорный для армии пункт Гродно был объявлен крепостью. Также на укрепления Гродненского района было распространено действие Общего положения об управлении крепостями⁵. Должность коменданта крепости Гродно была утверждена 4 сентября 1913 г. Комендантом крепости был назначен генерал-лейтенант Кайгородов (рис. 1) 1 октября 1913 г. был сформирован и штаб Гродненской крепости. В его состав входили: комендант, строитель крепости, начальник штаба – генерал-майор Н.А. Лацилин, начальник отделения Генерального штаба – подполковник В.К. Седачев и комендантский штаб-офицер – подполковник А.А. Мартынов. Руководство по возведению крепости было возложено на Гродненский крепостной распорядительный комитет, созданный в 1913 г.

Строительство крепости началось уже в 1912 г. Строительством руководило Управление Строителя крепости. Были образованы 14 строительных участков⁶. Началось возведение укреплений, дорог,

в самом городе начали строить новые казармы для гарнизона. К строительству планировалось привлекать как частные фирмы и подрядчиков, так и вольнонаемных рабочих и рабочих от населения на сезонные работы.

На первом этапе строительства (до начала войны) большинство земляных работ выполнялось крестьянами Гродненского и Сокольского уездов и наемными рабочими. В дальнейшем (в 1914–1915 гг.) расширялась и область привлеченных на работу крестьян, случалось, что крестьяне приезжали издалека (Волковысский, Пружанский

Рис. 1. Генерал М.Н. Кайгородов – комендант Гродненской крепости

уезды). Работа крестьян оплачивалась, каждая партия крестьян должна была работать по 2 недели, после чего она сменялась новой партией, присланной уездным полицейским исправником. Часто крестьяне с большим желанием шли на строительные работы, что объяснялось хорошим заработком в свободное от хозяйственных работ время. Так, например, почти все работоспособные жители мужского пола (85 чел.) г. Дуброва, Красностожковской волости Сокольского уезда, только узнав о необходимости в рабочих для крепостных работ, сами отправились в Гродно 5 августа 1914 г.⁷

При строительстве гродненских фортов были учтены и результаты березанских опытов. Кстати, для наблюдения этих испытаний из крепости Гродно Управлением Строителя был послан младший производитель работ штабс-капитан Г.Л. Шмагайлов. На всех гродненских фортах была также воплощена в жизнь идея об использовании асфальтобетона для амортизирующей прослойки и гидроизоляции помещений, а также идея военного инженера полковника И.А. Савримовича об использовании стальных швеллеров или двутавровых балок в качестве противоточковой одежды сводов подбрустверных галерей⁸. На трех гродненских фортах были установлены броневые наблюдательные посты системы ГИУ.

Уже в 1913 г. на строительных участках приступили к бетонным работам – началось возведение бетонных брустверов фортов и опорных пунктов. К началу войны, по словам известного фортификатора, профессора К.И. Величко в крепости Гродно, «... кое-какие из охранительных казематов были готовы, но рвы лишь начаты в работе и при мобилизации получили лишь проволочные препятствия»⁹. Величко отмечал также о крепости следующее: «Гродно, как крепость, задумана и проектирована была широко, как маневренная крепость тет-до-пон на Немане, но лишь за год до войны начата постройка; в ней не было ни надлежащего вооружения, ни гарнизона и ни в каком смысле крепостью в 1914 году считаться не могла, хотя так называлась и имела коменданта»¹⁰.

Согласно архивным материалам, к началу войны в Гродно успели возвести: подбрустверные галереи головных фасов на 9 фортах (форты № I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX); подбрустверные галереи головных фасов на 6 опорных пунктах; 2 основных пороховых погреба¹¹. Форты и опорные пункты имели рвы, но их обороны устроено не было. Не приступили и к строительству горжевых казарм и промежуточных полукапониров. На работах в Гродненской крепости в этот период было задействовано 6 землечерпательных машин и 244 бетономешалки. За два строительных сезона было израсходовано 12 млн. рублей. В городе вчерне было построено 22 здания казарм и штабов.

Гарнизон крепости составили три полка 26-й пехотной дивизии, расквартированные в Гродно. В 1913 г. была образована Гродненская крепостная жандармская команда. В середине 1914 г. начало формироваться Управление артиллерии крепости, его начальником был назначен генерал-лейтенант В.М. Криштафович. Тогда же появляются и крепостные артиллерийские части – роты крепостной артиллерии. Предполагалось, что их будет 13, по числу фортов. Первоначально были сформированы 4 роты крепостной артиллерии. Позднее (в конце 1914 г.) были дополнительно сформированы: 5-я, 6-я, 7-я и 8-я нештатные артиллерийские роты.

Инженерному управлению крепости были подчинены: Гродненская крепостная воздухоплавательная рота (подполковник М.М. Рейнфельд), авиационный отряд (штабс-капитан Карпов), Гродненская Отдельная Крепостная Телефонно-телеграфная команда (ротмистр князь Урусов), крепостной гараж, пожарная команда, саперные части и др. части.

С началом войны для крепости многое изменилось. Уже 26 июля 1914 г. по Высочайшему повелению комендант крепости генерал от инфантерии Кайгородов подписал приказ по крепости № 45, согласно которому в крепости Гродно было объявлено военное положение¹². Все оборонительные сооружения крепости были разделены на отделы и сектора. С начала августа 1914 г. были приостановлены все бетонные работы. Спешно разбирались деревянные эстакады, бетонные заводы, обслуживавшие возведение укреплений. Началось сооружение многочисленных окопов, блиндажей и землянок и т.п. На строительные работы был привлечен 9-й саперный батальон. В крепости были сформированы 11-я, 12-я, 13-я и 14-я невооруженные рабочие роты¹³, преобразованные вскоре в рабочий батальон. На работах продолжали использовать и рабочих от населения – до 10 тыс. человек и 1000 подвод. Сейчас уже работы велись и в зимний период.

До сентября 1915 г. в Гродно были дополнительно построены: подбрустверные галереи головных фасов на двух фортах (№ XIII и X), подбрустверная галерея головного фаса на одном опорном пункте, 5 основных пороховых погребов, 21 временный пороховой погреб с покрытием из земли, бревен и рельс, до 1 тыс. землянок и блиндированных блиндажей, способных вместить до 50 тыс. человек; 3 моста через р. Неман, 2 моста через р. Лососну; 1333 фугаса и 466 камнететов¹⁴.

14 августа 1914 г. по приказанию коменданта за № 34 были переведены в осадное положение крепость Гродно и крепостной район¹⁵. После начала войны изменился гарнизон крепости. Если в августе его составляла 1-я бригада 26-й дивизии, то позднее основу гарнизона составило Государственное ополчение.

После поражения 1-й и 2-й армий в Восточной Пруссии крепость Гродно играла роль базы формирования 10-й армии генерала от инфантерии В.Е. Флуга. Германские силы 8-й армии продвигались по направлению к крепости. Вскоре немцами был взят город Августов. 25 сентября немцы начали артиллерийский обстрел местечек Сопецкин и Друскеники (в 20–40 км северо-западнее и севернее от крепости соответственно). Быстрое приближение фронта к строящейся крепости вызвало панику среди населения города.

Все русские войска, прибывавшие в Гродно, сразу же направлялись на укрепления позиций. Офицер 13-го гренадерского Лейб-Эриванского полка штабс-капитан Шидельский дополняет

воспоминания: «1 сентября (ст. ст. – *Авт.*) <...> О противнике сведений нет. Боевой задачи не дано. Приказано помогать гарнизону и ополчению рыть окопы и укреплять промежутки. 2–4 сентября. Ежедневно, с утра до вечера полк выходит в полном составе для земляных работ; роет окопы стрелковой профили во весь рост, или носим землю для брустверов фортов, где произведены бетонные работы»¹⁶. Активно действовала с первых дней войны крепостная авиация, проводившая разведку. Комендант крепости очень опасался ускоренного штурма слабо вооруженной крепости. Очень слаба была крепостная артиллерия, насчитывавшая всего около 40 орудий.

Однако подойти вплотную к крепости германцы не сумели. Уже 28 сентября в направлении города Коптево (совр. Капчяместис) перешли в наступление русские XXII пехотный и II Кавказский корпуса (группа генерала П.И. Мищенки) 10-й армии. Немцы начали отступать. Опасность для Гродненской крепости миновала.

Осенью для несения гарнизонной службы в Гродненской крепости были назначены три полка 76-й пехотной дивизии и 59-я пехотная дивизия второй очереди мобилизации, а также две бригады Государственного ополчения. Продолжалось строительство крепостных укреплений. Были возобновлены бетонные работы. Для гарнизонов укреплений устраивались многочисленные убежища временного профиля.

Осенью 1914 г. крепость Гродно посетил император Николай II. Император приехал в крепость утром 14 ноября в субботу и пробыл в ней до вечера. Торжественная встреча была устроена на перроне гродненского вокзала. Императора встречали комендант крепости генерал Кайгородов, начальник штаба и начальник артиллерии крепости. В отсутствие Строителя крепости генерала Колосовского его обязанности исполнял военный инженер полковник В.А. Прейсфрейнд, который также находился здесь. Кроме того, здесь же присутствовали и высшие офицеры подразделений, входивших в крепостной гарнизон (командиры 17-й и 20-й бригад ГО, командование 76-й пехотной дивизии). Комендант крепости сделал доклад, были представлены офицеры штаба крепости и армии¹⁷. После завтрака император на автомобиле, в сопровождении командования крепости начали объезд укреплений юго-западного фронта. Вдоль всего пути следования кортежа были выставлены войска гарнизона. Известно, что император посетил форт № IV

и батареею № 19. Процитируем коменданта крепости генерала Кайгородова: «В 2 часа дня Его императорское величество прибыл на форт № IV, где всемилостивейше приняв депутацию крестьян Сокольского уезда, изволил выслушать доклад о состоянии крепости, принять представляющихся офицерских чинов штаба крепости, управления начальника артиллерии крепости и всех военных инженеров, а затем подробно осмотреть весь IV форт»¹⁸.

Конец 1914 и начало 1915 гг. выдались для крепости Гродно спокойными. Торжественно праздновалось Рождество и Крещение.

В начале февраля 1915 г. новая германская 10-я армия нанесла удар по левому флангу русской 10-й армии генерала Ф.В. Сиверса. В результате немецкого наступления находящийся на правом фланге армии генерала Сиверса III армейский корпус (Вержболовская группа) генерала Н.А. Епанчина был разбит и поспешно отошел в направлении городов Ковно и Олита, обнажив правый фланг русского XX корпуса генерала от артиллерии П.И. Булгакова. Русская 10-я армия начала отступать к государственной границе. Во время последующих боев XX корпус был окружен германцами. С боями он отступал к крепости Гродно. Штаб армии с 14 февраля также находился в Гродно.

В состав гарнизона крепости Гродно в конце января 1915 г. входили 17-я и 20-я бригады Государственного ополчения (всего 12 дружин), 4 отдельные дружины ГО, 174-й запасной батальон и несколько Оренбургских казачьих сотен. Артиллерия состояла из 158 крепостных орудий и 65 полевых орудий. Сил гарнизона было явно недостаточно для надежного занятия крепостного обвода. Количество крепостной артиллерии также было недостаточным для успешной обороны против превосходящих сил противника. Семь артиллерийских рот были распределены по участкам обороны. На складах были получены гаубицы.

В городе распространились панические настроения. Комендант крепости генерал Кайгородов отдал распоряжение начать эвакуацию гражданских властей города.

В крепости не имели никакой информации ни о германцах, ни о XX корпусе генерала Булгакова. Комендантом было принято решение организовать разведку силами авиации крепости. Так 12 февраля авиационный отряд всеми аппаратами проводил разведку в районе Райгород – Граево – Просткен (все населенные пункты юго-западнее г. Августов). Однако вследствие ветра, дождя и тумана летчики возвратились, не дойдя до указанного района¹⁹.

Учитывая недостаточность войск в гарнизоне крепости, командованием фронта было принято решение о переброске в Гродно новых подразделений. Этими подкреплениями должен был стать XV армейский корпус генерала Ф.И. фон Торклуса, прибытие которого ожидалось в крепости. До прибытия этих подкреплений комендант генерал Кайгородов распорядился сосредоточить все наличные силы в укреплениях и ожидать подхода противника. Эта пассивная позиция крепостного гарнизона имела далеко идущие последствия. Во-первых, не была оказана никакая помощь XX корпусу, во-вторых, гарнизоном не были заняты даже передовые крепостные позиции (находились в районе местечка Сопоцкин, в 10 км от линии фортов).

15 февраля в крепость вернулся разъезд 4-й сотни 34-го Донского казачьего полка, который проводил разведку. В форте № II доклад казаков выслушал командир 523-й бригады ГО полковник Бот, который находился в укреплении. Только благодаря этому сообщению в крепости и штабе 10-й армии узнали о занятии германцами г. Сейны 13 февраля.

Гарнизоны укреплений были выведены из казематов на линию огня. Через некоторое время начальник артиллерии I отдела обороны крепости капитан гродненской крепостной артиллерии Михайлов донес по телефону, что с форта № II были замечены немецкие разъезды в лесу за Сопоцкином²⁰. В ночь на 16 февраля батальоны 31-й германской дивизии заняли местечко и тем самым отрезали путь отступления XX корпусу (находился всего в 30 км от Гродно). В Сопоцкине были захвачены обозы русского корпуса Булгакова (рис. 2). Крепостной гарнизон бездействовал. И это несмотря на то, что в Гродно уже начали прибывать полки 8-й дивизии XV корпуса.

С утра 17 февраля крепостная артиллерия наконец-то открыла огонь. В 8.05 утра стрельбу по дер. Дульковщина, где было замечено скопление немцев, начало 6-дм орудие «Канэ» поручика Остробянко. В 9.30 открыло огонь 10-дм орудие I отдела обороны штабс-капитана Швейнсбурга. Огонь велся по дер. Курьянка²¹. Несмотря на это, уже к 12 часам дня гарнизон крепости под немецким огнем оставил ключевую высоту 100.3 сажени у дер. Ратичи. Это был крупный успех немцев. Господствующая высота у дер. Ратичи позволяла вести артиллерийский обстрел укреплений форта № I, № II, опорных пунктов «В» и № 2. Впоследствии высоту можно было

Рис. 2. Захваченные 31-й германской дивизией обозы XX корпуса в м. Сопецкин. Февраль 1915 г.

использовать для поэтапной атаки крепости. Однако немцы и не думали об этом. Они просто прощупывали оборону крепости, не располагая значительными силами для ее штурма. В тот же день город бомбила немецкая авиация. Аэроплан «Таубе» скинул 6 бомб на мосты через Неман и железнодорожный вокзал²².

На фронте 10-й русской армии положение оставалось очень серьезным. Части прорвавшихся из немецких клещей III сибирского и XXVI армейского корпусов отходили за реку Бобр, южнее города Липск. Не было информации о XX корпусе. На протяжении нескольких дней шли бои севернее линии фортов – германцы стремились прорваться к Неману и обойти крепость.

Тем временем 20 февраля XX корпус попытался прорваться к фортам крепости – они находились всего в 15 км. Интересно, что в Гродно даже не знали об этом! В результате последнего боя XX корпуса к крепости прорвались только два полка. Остальные попали в плен или были уничтожены.

Запоздавшая атака крепостного гарнизона (в котором к этому времени находились уже два корпуса – II и XV) также закончилась неудачей. После боев 21 февраля 1915 г. русские войска вынуждены были занимать фортовую линию. Немцы вплотную

приблизились к фортам № I, II, III. С 22 февраля начались бои на фортовых позициях крепости. К крепости вышли германские дивизии XXI корпуса – 31-я и 42-я²³. Особенно ожесточенные бои шли за высоту 100.3. Лишь после огромных потерь ее удалось взять 27 февраля. По сообщению полицейского исправника Бюффонова на имя гродненского губернатора, только за 21 февраля в лазареты Гродно доставили 26 раненых офицеров и 1725 нижних чинов, а 24–25 февраля было доставлено еще 68 раненых офицеров и 5638 нижних чина²⁴ (рис. 3). К сожалению, нельзя точно сказать о гер-

Рис. 3. Санитарная машина у входа в госпиталь Гродненской крепости. 1914 г.

манских потерях в этих боях. По имеющейся информации в боях на протяжении 17 февраля – 5 марта в 8-м Рейнском пехотном полку № 70 погибло 108 человек. Поисковые работы 52-го отдельного батальона вооруженных сил Республики Беларусь в июле 2012 г. позволили устано-

вить захоронение немецких солдат за дер. Ратичи. Судя по находкам, это было кладбище 166-го пехотного полка 31-й дивизии, также сражавшегося в феврале 1915 г. в этом районе. Было эксгумировано 29 останков немецких солдат.

6 марта 1915 г. немцы оставили Сопоткин. Бои за крепость Гродно закончились. На протяжении всех боев очень активно действовала крепостная артиллерия, воздухоплавательная рота и авиаотряд.

За оборону крепости Гродно комендант генерал Кайгородов был награжден 29 апреля 1915 г. орденом Св. Владимира 2 ст., а 26 мая 1915 г. – орденом Белого Орла с мечами. Видимо, командование высоко оценило деятельность Михаила Никифоровича. Хотя следует признать, что трагедия, постигшая XX корпус, косвенно касается и его. Был награжден и командующий крепостной артиллерией

генерал Криштафович. 21 мая 1915 г. ему было пожаловано Георгиевское оружие. К наградам были представлены также военные инженеры, офицеры и нижние чины саперных и пехотных подразделений.

С марта по август 1915 г. крепость Гродно находилась в тылу фронта. Боевых действий в районе крепости не было. Учитывая опыт февральских боев, из войск гарнизона стал регулярно выделяться передовой отряд для занятия Сопоцкин – Липской позиции. Сама позиция была значительно усилена. Гарнизон крепости в середине июля 1915 г. состоял из четырех бригад ГО – 4-й, 8-й, 20-й и 97-й (рис. 4). Количество артиллерии крепости достигло своего пика. Так в Гродно находилось 734 орудия крепостной артиллерии. Еще 36 скорострельных орудий (3-дм) находилось на вооружении 7-го и 8-го Туркестанских дивизионов, которые прибыли в Гродно в апреле 1915 г. Летом 1915 г. в крепости были созданы саперный и телеграфный батальоны.

Кардинальным образом ситуация для крепости изменилась в результате Великого отступления 1915 г. В ночь на 19 августа 1915 г. комендант Гродненской крепости получил устный приказ, продублированный на следующий день (т.е. 20 августа) телефонограммой командующего Северо-Западным фронтом № 5013/12374, коренным образом менявший запланированную для крепости роль. Текст телефонограммы был следующим: «...считать Гродну сильно укрепленным участком общей армейской позиции на Немане и на линии Гродно – Брест, начать эвакуацию запасов Гродны, оставив из артиллерийского вооружения лишь необходимое для упорной обороны

**Рис. 4. Ратники 116-й дружины
Государственного ополчения.
Гродно. 1915 г.**

Гродненской укрепленной позиции теми полевыми войсками, которые ее займут, не выделяясь из состава армии. Если обстановка вынудит оставить общеармейскую позицию, то должна быть оставлена и Гродненская укрепленная позиция»²⁵. Фактически, этим приказом значение крепости низводилось до полевого укрепления. 20 августа началась эвакуация Гродненской крепости.

После упразднения Гродненской крепости изменились и условия обороны Гродно. 27 августа был взорван форт № X, а на следующий день – опорный пункт литера «О» и все укрепления до форта № XII (все они располагались на правом берегу Немана). Были заминированы и остальные укрепления. В тот же день было решено оставить на вооружении крепости только 12 крепостных орудий (10-дм береговое, 6-дм орудие Канэ, две 9-дм мортиры, четыре 6-дм пушки весом в 120 пудов и четыре 42-линейных орудия). Кроме того, в Гродно оставляли и 10 японских 24-см и 28-см гаубиц. Остальная артиллерия была эвакуирована.

Гарнизон Гродно к моменту боев составил две бригады ГО, гарнизон Осоветской крепости и I армейский корпус (всего до 22 тыс. человек).

Наступление на Гродно проводила 8-я германская армия генерала Ф. фон Шольца. Для взятия крепости Гродно было выделено три дивизии: 1-я и 11-я ландверные, 75-я резервная. Их усиливали 35 артиллерийских батарей.

Во вторник, 31 августа, начались бои за ближние подступы к крепости. Немцы атаковали силами 1-й ландверной и 75-й резервной дивизий. Первая наступала в направлении группы форта № IV. Полки 75-й резервной дивизии наступали против группы форта № V. Их главные атаки пришлось на дивизии I русского армейского корпуса. В результате этих боев были оставлены передовые крепостные позиции в районе дер. Рогачи и полки 1-й ландверной дивизии вышли к группе форта № IV. Сказывалось огромное превосходство немцев в артиллерии и специфика борьбы в крепостных укреплениях, к чему русская пехота не была готова.

1 сентября германцы начали штурм фортов № III, IV, V. Особой жесточенностью отличались бои за группы фортов № III и IV. Отсутствие крепостной артиллерии делало их практически беззащитными. Германская пехота безнаказанно подходила к укреплениям, встречаемая только ружейным и пулеметным огнем. Находившиеся в тылу форта 6-дм орудие Канэ и 10-дм орудие не смогли

поддержат укрепленья, т.к. у них были сильно изношены стволы. К вечеру батальоны 70-й ландверной бригады овладели остатками опорного пункта литеры «Г», располагавшегося перед фортом № III. Лишь три офицера и до 30 солдат 225-го Ливенского полка смогли пробиться к форту. Продолжались обстрелы форта № III. Находившийся здесь военный инженер-подполковник Модрах насчитал до 55 выстрелов германской артиллерии в минуту. Тем не менее, бетонный бруствер не был пробит. Германцы не использовали артиллерию больше 210-мм.

В 23.50 1 сентября командир 225-го полка получил от командира 57-й дивизии приказ об отходе с левого берега. Подполковник Модрах получил приказ об уничтожении укреплений. Части 225-го

Рис. 5. Форт № I. Главный вход в подбрустверную галерею. Фотография сделана германцами после занятия форта. Сентябрь 1915 г.

Рис. 6. Форт № III. Фотография сделана германцами после занятия форта. Сентябрь 1915 г.

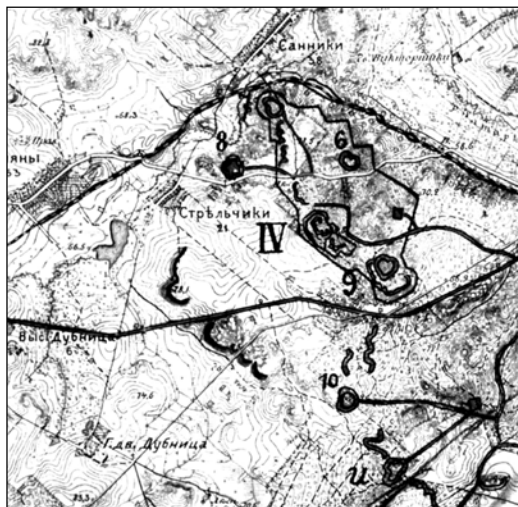
полка начали отступать после часа ночи 2 сентября. По приказанию военного инженера в массив форта были заложены 9 зарядов по 12,5 пудов пироксилина каждый. Кроме этого был заминирован и горжевой офицерский блиндаж. Около 2 часов ночи 2 сентября после отступления 57-й дивизии и ополчения форт № III был взорван (рис. 5, 6). 57-я дивизия потеряла около 500 человек.

Атаки группы форта № IV (рис. 7) проводились 1-й ландверной дивизией. Оборону тут занимали 96-й Омский, 95-й Красноярский

полки. Сильный обстрел русских позиций немецкой тяжелой артиллерией начался около 7 часов утра и не прекращался на протяжении дня. Максимальный калибр орудий, который применяли немцы, был 210 мм. В 11.55 немецкая пехота перешла в атаку. Последний раз в той войне 31-й ландверный полк атаковал под звуки труб и барабанный бой²⁶.

Очень сильный ружейно-пулеметный огонь не позволял немцам приблизиться к укреплению. Поддерживало форт и единственное 9-дм орудие крепостной артиллерии. Кроме того, отстали 33-й ландверный и 249-й резервные полки, которые наступали с левого и правого фланга. После отступления германской пехоты возобновился артиллерийский обстрел группы форта № IV. В результате дальнейших атак немцами были окружены опорные пункты № 6 и 7, был взят опорный пункт № 8. В результате сильного обстрела немецкой тяжелой артиллерии его временные укрепления были почти полностью разрушены, а остатки гарнизона спрятались в бетонном бруствере. В немецкой литературе опорный пункт № 8 фигурировал как форт IV А. По немецкой информации его гарнизон (150 человек) также попал в плен²⁷. Продвинуться дальше немцы не смогли, так как подвергались сильному пулеметному обстрелу с форта № IV. Германская артиллерия возобновила обстрел форта.

Полевые войска 24-й пехотной дивизии не имели опыта обороны в долговременных укреплениях. К тому же на солдат очень сильное психологическое воздействие производил огонь германских осадных орудий. Наблюдение велось только через броневой пост. Осколком от близкого взрыва был убит наблюдатель. Упав с лестницы,

Рис. 7. Группа форта № IV. Фрагмент генерального плана крепости 1914 г.

он забаррикадировал дверцу на наблюдательный пост. Таким образом, форт остался без наблюдения. Около 18 часов один из тяжелых снарядов попал в колодец телефонной линии и прервал всякую связь с фортом. В это же время немцы начали новую атаку. Гарнизон форта под командованием командира батальона 95-го полка капитана Н.С. Наркевича (рис. 8) сократился до 30 человек.

**Рис. 8. Капитан Н.С. Наркевич.
Герой обороны форта № IV**

Когда штурмующие роты 31-го ландверного полка уже перешли фортовой ров и стали подниматься к брустверу, капитан Н.С. Наркевич приказал оставшимся в живых выйти из казематов и отбиваться ручными бомбочками. В это время один из солдат случайно поджег капсулю. Раздался взрыв, было ранено несколько человек. Этот инцидент вызвал панику среди солдат. Видя такую ситуацию, и имея приказ об уничтожении всех укреплений (в случае их возможного занятия противником), военный инженер капитан М.В. Десницкий отдал приказ саперам на взрыв форта. Однако солдаты напали на них и забрали подрывные шнуры. Аргументация солдат заключалась в том, что в подбрустверной галерее форта находилось до 150 раненых нижних чинов и офицеров. Из-за непрерывного немецкого обстрела их не могли отправить в тыл. К этому времени форт № IV фактически был окружен германской пехотой. 2-я и 3-я роты 3-го батальона ландверного пехотного полка № 31 из 1-й ландверной дивизии прорвались во внутренний фортовой дворик и взяли в плен остатки гарнизона форта. Это случилось в 17.50 (согласно немецкой информации) или 19.40 (согласно русской версии)²⁸. По немецким данным были захвачены в плен 150–200 человек. В боях за форт, также по немецкой информации, были убиты 3 офицера

и 679 солдат русской армии. Кроме того, были захвачены 3 пулемета²⁹. Однако самым значительным результатом атак этого дня был прорыв фортовой линии крепости Гродно. Из форта прорвались лишь два русских офицера и 5 нижних чинов. После 19 часов немцы перешли в наступление против всех позиций I Армейского корпуса. Во время этой атаки был захвачен опорный пункт № 9.

Потери 95-го полка, оборонявшего группу форта № IV, достигли 1000 человек (2/3 состава полка). 120-я дружина Государственного ополчения потеряла около 600 человек. Все остальные части I Армейского корпуса потеряли до 500 человек. Как видно, большинство потерь пришлось на один 95-й полк. Потери 31-го ландверного полка, штурмовавшего русские укрепления, составили за 1 сентября: 42 убитых и 168 раненых³⁰.

Между 18 и 19 часами генерал Кайгородов вызвал к себе командиров корпусов для рассмотрения сложившейся обстановки. На этом совещании было принято решение очистить левый берег Немана с находящимися там крепостными укреплениями и отступить в город Гродно. Ночью 1 сентября русские войска оставили укрепления

**Рис. 9. Форт № IV. Современный вид.
Фото автора**

и отступили за Неман. При этом все форты и опорные пункты были взорваны. Уцелел лишь форт № IV (рис. 9) и опорный пункт № 8.

С утра 2 сентября немцы начали готовиться к форсированию Немана в городской черте (рис. 10).

На протяжении 3 сентября прошли последние бои на правобережных фортах № XII и XIII. Немецкая пехота наступала им в тыл. Некоторое время их сдерживали 4 крепостных орудия. Однако когда у них закончились снаряды, русская пехота начала отступать. Военный инженер капитан Батюшкин произвел подрыв обоих фортов и опорных пунктов литеры «У» и № 23. Укрепления крепости Гродно пали.

Генерал М.Н. Кайгородов сразу же после боев за Гродно был вызван в штаб армии в г. Лида, где он должен был дать объяснение

**Рис. 10. Штурм Гродно 2 сентября 1915 г.
Немецкая пропагандистская открытка 1915 г.**

о поспешном оставлении укреплений Гродно и самого города. Было начато официальное расследование оставления Гродненской крепости. Оно длилось с 21 сентября по 29 декабря 1915 г. Генералу Кайгородову было предъявлено обвинение в том, что он не проявил необходимого упорства в оборонительных боях. Русское командование, вероятно, надеялось на возвращение себе оставленных укреплений. Только в апреле–августе 1916 г. было расформировано Управление Строителя и штаб Гродненской крепости.

Подводя итоги, следует заметить, что до сентября 1915 г. крепость Гродно так и не была закончена. Тем не менее, несколько раз она играла роль базы для формирования русских армий. Во время февральских боев она не дала прорваться германцам к Неману. В августе крепость была расформирована и не сыграла отведенной ей роли. Однако бои 1–3 сентября 1915 г. были достаточно скоротечными и не позволили задержать германское наступление на линии реки Неман.

¹ Пивоварчик С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941). Гродно, 2006. С. 104.

² Пиваварчык С.А. Гродзенская крэпасць У XIX – пач. XX ст.: Пляны і рэаліі // *Castrum, urbis et bellum*; 36. Навук.прац. Баранавічы, 2002. С. 303.

- ³ Плешевеня А.Н. У гродненских фортов // Гродненская правда. 1992. (№ 107). 10 сентября.
- ⁴ Пивоварчик С.А. Белорусские земли... С. 105.
- ⁵ Национальный Исторический Архив Республики Беларусь в г. Гродно (НИАБ Гродно). Ф. 731. Оп. 1. Д. 5. Л. 205. Приказ по Гродненской крепости № 7. Без даты.
- ⁶ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (РГВИА). Ф. 13129. Оп. 1. Д. 586. Л. 1–1 об. Распределение строительных участков работ между производителями работ.
- ⁷ НИАБ Гродно. Ф.1. Оп. 9. Д. 1781. Л. 16. Прошение Дубровского городского упрощенного общественного управления от 6 августа 1914 г. № 281 младшему производителю работ военному инженеру штабс-капитану Введенскому.
- ⁸ Яковлев В.В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. М.: Полигон, 1995. С. 282.
- ⁹ Четырехлетняя война 1914–18 гг. и ее эпоха // [Электронный ресурс] http://www.grwar.ru/library/4-year-war/4w_04.html. Дата доступа: 15.02.2011.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 187. Л. 338. Главнейшие данные по инженерной части о постройке Гродненской крепости. 1 ноября 1914 г.
- ¹² НИАБ Гродно. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 13. Приказ Начальника Инженеров Гродненской крепости № 2. 15.07.1914 г.
- ¹³ Там же. Л. 26. Приказ Начальника Инженеров Гродненской крепости № 9. 27.07.1914 г.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 561. Краткие сведения о количестве главнейших работ, произведенных в крепости Гродно с 19 июля 1914 по 20 августа 1915 г.
- ¹⁵ НИАБ Гродно. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 42. Приказ по Гродненской крепости № 34. 1.08.1914 г.
- ¹⁶ Лейб-Эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии / Под ред. К. Попова. Париж, 1959. С. 17.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 178. Л. 18–19. Рапорт коменданта Гродненской крепости генерала от инфантерии М.Н. Кайгородова командующему 10-й армией генералу от инфантерии Ф.В. Сиверсу. № 3102.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 44, 52.
- ²⁰ Там же. Д. 387. Л. 76 об. Телефонограмма № 76 капитана Михайлова от 2 февраля 1915 г.
- ²¹ Там же. Л. 84. Донесение коменданту Гр. Крепости от г.-л. В.М. Криштафовича. 11 утра 4 февраля 1915 г.
- ²² Там же. Л. 81 об.
- ²³ Histories of two hundred and fifty-one divisions of the German army which participated in the war (1914–1918). Compiled from records of intelligence section of the general staff, american expeditionary forces, at general head-quarters. France. Chaumont. 1919. P. 452.
- ²⁴ НИАБ Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1786. Л. 12, 21.
- ²⁵ Результаты расследования обстановки, при которой в ночь с 19 на 20 августа были оставлены Гродненские укрепления. Личный архив директора Гродненского Государственного архива Гродненской области А.Н. Плешевени.
- ²⁶ Suhrmann W. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments Nr. 31 im Weltkrieg.

Bearbeitet auf Grund der amtlichen Kriegstagebücher auf Veranlassung des Reicharchivs. Mit 15 Gefechtsskizzen. Flensburg; Oldenburg; Berlin, 1928. S. 145.

²⁷ Der große Krieg. Eine Chronik von Tag zu Tag. Urkunden, Depeschen und Berichte der Frankfurter Zeitung. 32. Heft. Druck und Verlag der Frankfurter Societats-Druckerei G.m.b.H. Frankfurt am Main, 1915. S. 3008.

²⁸ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 231. Л.16. Журнал военных действий крепости Гродно и Гродненского отряда. С 1 июля по 21 августа 1915 г.

²⁹ Grodno: Eine Sammlung von Artikeln aus der Grodnoer Zeitung und anderes. Grodno, 1917. S. 32.

³⁰ Suhrmann W. Geschichte des Landwehr-Infanterie-Regiments... S. 148.

А.Н. Максимчик (Минск, Республика Беларусь)

СОТРУДНИЧЕСТВО КАВКАЗСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ С АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ИСТОРИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ

В НАСТОЯЩЕЕ время история создания и деятельности Кавказского военно-исторического музея (КВИМ) является малоизвестной страницей в истории изучения музейного дела в России¹. Одной из главных причин этого пробела является то, что в отличие от здания, экспозиция музея не сохранилась до наших дней (рис. 1). После возвращения в феврале 1923 г. эвакуированных экспонатов музея обратно в г. Тифлис, здание было отдано под Национальную художественную галерею Грузии². Само же идейное содержание концепции КВИМ (который также именовался

Рис. 1. Внешний вид Кавказского военно-исторического музея (конец XIX в.). Фототипия К. Месхиева в Тифлисе

«Храмом Славы» – славы русского оружия на Кавказе) в новых политических условиях не отвечало государственно-идеологическим взглядам как демократической, так и советской Грузии. По этой причине коллекции музея были расформированы и частично переданы в исторический и этнографический музеи Тифлиса, а также отправлены в запасники Центрархива Грузии³. Тогда же начался и процесс «распыления» экспонатов бывшего КВИМ по фондам музеев Махачкалы, Грозного, Майкопа, Баку и др.

В настоящее время краткие сведения об истории создания КВИМ и его коллекциях можно почерпнуть из сохранившихся музейных путеводителей, на страницах которых даны краткие пояснения представленным в экспозиции музейным предметам⁴. По данным «Указателя» по музею, в большинстве случаев можно установить также источник их поступления в КВИМ⁵. Так, значительная часть предметов была передана накануне открытия музея (11 февраля 1907 г.) из Императорского Эрмитажа, Московской Оружейной палаты, Петропавловского собора Санкт-Петербурга, Чудова монастыря Московского Кремля, Троицкого собора лейб-гвардии Измайловского полка и др.

Существенный вклад в создание экспозиции КВИМ внес и Артиллерийский исторический музей (АИМ)⁶. Одной из форм плодотворного сотрудничества между ними являлась передача на постоянное хранение экспонатов АИМ в ведение КВИМ. Это хорошо видно на примере доклада начальника Штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.П. Шатилова на имя Главнокомандующего войсками округа графа И.И. Воронцова-Дашкова от 16 сентября 1906 г. (текст доклада приводится целиком и публикуется впервые. – А.М.):

«По всеподданнейшему докладу военного министра, Его Императорскому Величеству благоугодно было, в 2-й день сентября сего года, Высочайше соизволить на передачу военно-историческому музею в гор. Тифлисе нижеследующих предметов и трофеев, находящихся в ведении военного ведомства:

- 1) Из Преображенского всей гвардии собора – шесть знамен, в том числе флаг крепости Анапы, и жезл Эрзерумского сераскира;
- 2) Из собора Св. Троицы лейб-гвардии Измайловского полка – знамя, отбитое 16-м драгунским Нижегородским полком 3 октября 1877 г. близ Визинкевских высот; знамя, отбитое при штурме Карса 6 ноября 1877 г. 157-м Имеретинским полком; 5 знамен,

взятых в войну 1877 и 1878 гг. и хранящихся в соборе, принятых из приемной Государя Императора, без обозначения места их отбития; одно знамя, также неизвестно где отбитое, и один значок, неизвестно где отбитый;

3) Из Артиллерийского музея – старые знамена времен царствования Петра Великого, Елизаветы, Екатерины II и Павла I, из числа не принадлежащих ныне существующим войсковым частям и при условии оставления в Артиллерийском историческом музее по одному экземпляру названных знамен.

О таком последовавшем Высочайшем соизволении Главный Штаб, сообщая 6-го сентября для доклада Вашему Сиятельству, присовокупляет, что вместе с тем сделаны все необходимые сношения для передачи вышеуказанных предметов и трофеев генерал-майору Потто⁷.

Начальник Штаба, генерал-лейтенант Н.П. Шатилов (Подпись)

Редактор военно-исторического отдела, подполковник В.И. Томкеев» (Подпись)⁸.

Об этом факте уже в 1920-е гг. писал заведующий Знаменным отделом АИМ П.И. Белавенец⁹. Он подчеркивал: «В начале XX века из Артмузея началась раздача знамен по полковым музеям, и при этом были выданы полные комплекты, не оставляя в Артмузее даже типичных образцов <...>. В Тифлисский музей «Храм Славы» отправили все знамена, не только полков, что служили на Кавказе, но ошибочно и часть знамен гвардейских полков, даже не оставив у себя образцов. Из Эрмитажа были переданы все трофейные знамена, взятые на Кавказе и Кавказскими войсками»¹⁰.

Согласно «Указателю» по музею, из АИМ в 1906 г. было передано 32 знамени. Среди них были:

1. Знамя Тенгинского пехотного полка (было пожаловано в 1735 г.);
2. Знамя Кабардинского пехотного полка (было пожаловано в 1735 г.);
3. Знамена Астраханского гарнизонного полка – 6 шт. (пожалованы в 1799 г.);
4. Знамена Кизлярского гарнизонного полка – 3 шт. (были пожалованы в 1799 г.)¹¹ (рис. 2);
5. Знамена Кабардинского мушкетерского полка – 10 шт. (были пожалованы в 1799 г.);
6. Знамена мальтийские – 6 шт. (пожалованы в 1800 г.

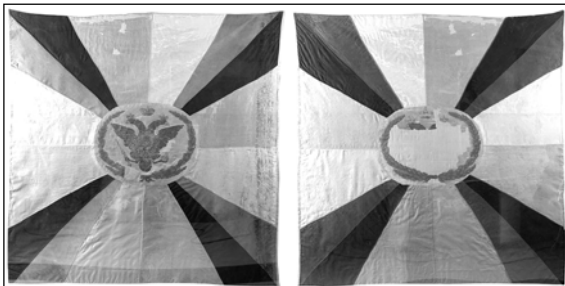

Рис. 2. Ротное знамя Кизлярского гарнизонного полка

Рис. 3. Артиллерийский отдел среднего зала музея. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Грузии. Альбом 240, ед. хр. 34

Кабардинскому мушкетерскому полку под командованием генерал-майора В.С. Гулякова за победу над войсками Аварского Омархана в битве на р. Иори 7 ноября 1800 г.);

7. Знамя Карабагское (пожаловано в 1805 г. Александром I владельцу Карабагского ханства Ибрагим-хану во время его вступления в российское подданство);

8. Знамя Аварское (пожаловано в 1829 г. Александром I через И.Ф. Паскевича аварскому владельцу Абу-Султан-Нуцал-хану);

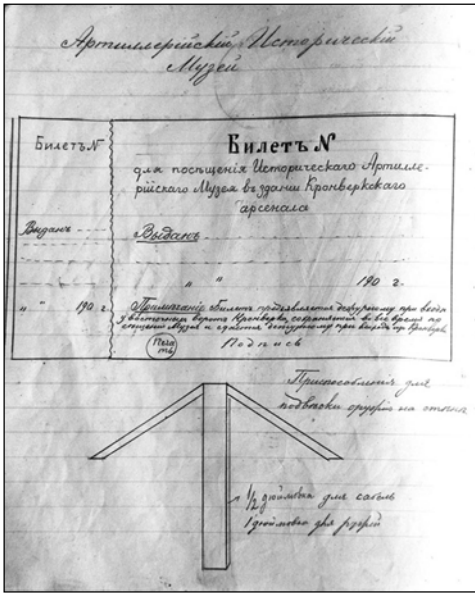
9. Знамена Закавказских конно-мусульманских полков – 3 шт.¹² (пожалованы в 1830 г.);

Помимо знамен в 1906 г. руководством АИМ было передано в Тифлис значительное количество холодного (шпаги, сабли, шашки, кинжалы, копьё, бердыш, алебарда) и огнестрельного (ружья, пистолеты, мушкетоны, карабины, штуцер) оружия, снаряжение (медные кирасы XVIII в., хевсурские шлем, панцирь, налокотники и круглый щит), горная 3-х фунтовая железная пушка российского производства¹³ (рис. 3).

Переговоры о передаче экспонатов из АИМ вели редактор военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа полковник В.И. Томкеев (в 1911–1913 гг. – директор КВИМ) и прикомандированный к этому отделу штабс-капитан В.А. Самонов. Так, в результате командировки в Санкт-Петербург в ноябре 1908 г. В.И. Томкеев доставил из АИМ гипсовый бюст генерал-адъютанта графа Н.И. Евдокимова (скульптор Н.А. Лаврецкий)¹⁴. Помимо пополнения коллекций КВИМ, в его обязанности входило ознакомление с организацией работы музеев Санкт-Петербурга и Москвы, изучение и зарисовка их музейно-выставочного оборудования с целью применения полученных знаний в стенах КВИМ. После изучения экспозиции АИМ В.И. Томкеев сделал в тетради черновые наброски специальных приспособлений для экспонирования оружия и зарисовал входной билет для посещения музея¹⁵ (рис. 4, 5).

Следует признать, что более детально проследить сотрудничество между двумя музеями возможно с привлечением материалов научного архива АИМ.

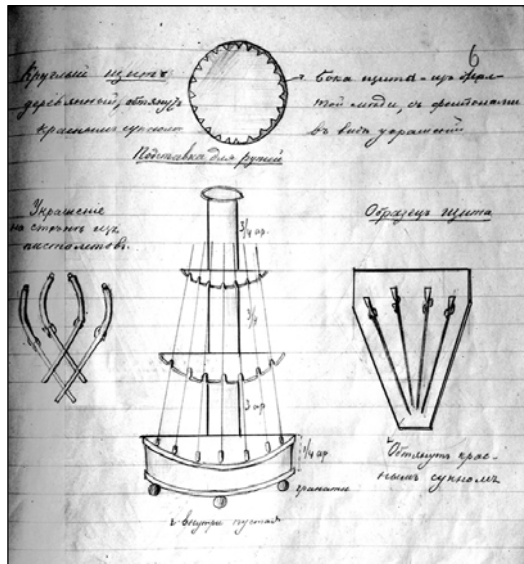
К сожалению, сведений о дальнейшей судьбе многих экспонатов, представленных в КВИМ, практически нет. Работы по их поиску и выявлению еще не начаты. В настоящее время назрела необходимость создания электронного каталога экспонатов, которые

сегодня разбросаны по различным музеям постсоветского пространства (России, Грузии, Украины, Азербайджана). Это позволит воссоздать «виртуальный» музей, сохранить историческую память об этом социокультурном институте.

Рис. 4. ЦГИАГ.
Ф. 1087. Оп. 1. Д. 235.
Л. 5 об.

Рис. 5. ЦГИАГ.
Ф. 1087. Оп. 1.
Д. 235. Л. 6

¹ Первым, кто попытался ликвидировать пробелы в истории создания и деятельности КВИМ, был начальник отдела военной истории АИМ Т.И. Воробьев, который в 1952 г. попытался отыскать в Тбилиси коллекции музея, а также описал основные этапы его истории. См.: «... Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея»: Воробьев Т.И. Гибель «Храма Славы» / Публ. Г.И. Герасимовой // Вестн. Музея-панорамы «Бородинская битва». 2006. Вып. III. С. 111–141.

² В конце 1914 г., в связи с создавшейся неблагоприятной ситуацией на российско-турецком фронте вблизи г. Тифлиса, результатом которой мог стать захват противником города, командование Кавказской армии приняло решение об эвакуации имущества КВИМ в г. Ставрополь. 25 января 1915 г. 1060 экспонатов были доставлены в Ставрополь, где они находились в специально отведенных помещениях на временном хранении до 1923 г.

³ Доклад С. Какабадзе на имя Народного комиссара просвещения Грузии о выполнении работы по реэвакуации в Грузию архивов и музейных ценностей с территории Северного Кавказа в 1923 г. // Исторический вестник. 1924. Кн. 1. С. 281. (на груз. яз.).

⁴ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1907; Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис: Изд. Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1907; Кавказский военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Изд. 2-е, испр. и доп. Тифлис: Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1909; Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею / Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр. Изд. 3-е. Тифлис: Тип. Окружного Штаба, 1911; Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею / Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр. Изд. 4-е. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1913; Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею / Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр. 5-е изд. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1915.

⁵ Указатель по Кавказскому военно-историческому музею.

⁶ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции / Крылов В.М. (рук. авт. кол. [и др.]). СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 19.

⁷ Потто Василий Александрович (1836–1911) – генерал-лейтенант, военный историк. С передачей в марте 1906 г. КВИМ в ведение военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа был назначен его директором. Возглавил работу по организации музея, собиранию и пополнению его коллекций.

⁸ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 1087. Оп. 1. Д. 153. Л. 72–72 об.

⁹ В 1913 г. он вместе с капитаном С.А. Толузаковым работал в музее в составе Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен, состоящей при военно-походной канцелярии Его Императорского Величества.

¹⁰ Белавенец П.И. Артиллерийский исторический музей. Знаменный отдел: Краткий указатель коллекций. Л.: Изд. Артиллерийского ист. музея, 1927. С. 6.

¹¹ На сайте ООО «Аукционный дом Империя» (www.auction-impregia.ru) выставлено на торги рогное знамя Кизлярского гарнизонного полка (лот № 103).

Стоимость лота – от 3,5 млн. рос. руб. По описанию знамя совпадает с информацией Указателя. См.: Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907. С. 9.

¹² В 1960-е гг. эти знамена хранились в Национальном музее истории Азербайджана при Национальной Академии наук. См. Сулейманов Ф.И. О знаменах азербайджанских полков, участвовавших в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // Материалы по истории Азербайджана. 1962. Т. 5. С. 86–98. (на азерб. яз).

¹³ Горная 3-х фунт. железная пушка, скрепленная по всей наружной поверхности проволокой. Изготовлена в 1799 г. по проекту генерал-майора И.И. Дибича. Орудие разборное для перевозки его на вьюках; установлено на деревянном лафете особой конструкции с подъемным клином; запал в литой раковине за казенной частью. Предназначалась для горной артиллерии на Кавказе. На вооружении не состояла. См.: Указатель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1907. С. 12.

¹⁴ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 153. Л. 182.

¹⁵ Там же. Д. 235. Л. 5 об.–6.

О.Е. Мальченко (Киев, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ГЛУХОВСКИХ ЛИТЕЙЩИКОВ ИОСИФА И КАРПА БАЛАШЕВИЧЕЙ

С РЕДИ ФАКТОРОВ, которые повлияли на количественное увеличение артиллерии в войсках Гетманщины времен правления И. Мазепы, было определенное изменение отношения старшинской верхушки к пушке, как вещи особо ценной. Безусловно, пушка оставалась пушкой, – эффективным оружием массового уничтожения, незаменимым боевым инструментом, хотя оборонная стратегия Гетманщины никак не способствовала активному наращиванию этого вида вооружения¹. Однако артиллерия, особенно – декорированная по всем канонам барокковой традиции, с посвящениями и гербами, грозными львами, мифическими единорогами и ангельскими полками, – в сознании новоиспеченной украинской шляхты превратилась в оружие политическое, способное подчеркнуть статус владельца, как в глазах современников, так и в памяти потомков. Каким своевременным оказалось чудесное барокко для самоутверждения амбициозной казацкой верхушки мазепинских времен! Как легко можно было подчеркнуть изысканным оформлением пушечного ствола героизм собственной персоны! Время «тиражирования» безликих пушек пока не наступило, потому эксклюзивные художественные стволы воспринимались как норма. И еще остается вопрос, развивалось бы так активно пушечное литье в Левобережной Украине в конце XVII – начале XVIII вв., если бы общественная жизнь, принявшая яркий национальный характер, не была пропитана духом стиля барокко.

Кроме того, стволы, изготовленные на артиллерийском дворе в Глухове, по характеру художественного оформления принадлежат к тем образцам литейного производства, в которых отражается

активное строительство классово-традиционной, вкус и государственно-политические стремления украинской старшинской прослойки, проявлением и примером которой был сам гетман.

Благодаря спросу, который, как известно, порождает предложение, достаточно быстро сформировался «цех» литейщиков, выполнявших приватные заказы на изготовление художественной артиллерии. Широко известны общие черты декора, применяемого в украинском литейном производстве, но с выразительными признаками собственного стиля выступают только отдельные мастера. Таковыми были глуховские литейщики отец и сын Иосиф Тимофеевич и Карп Иосифович Балашевичи – единственные украинские мастера времен так называемого «мазепинского барокко», которые оставили по себе определенное количество декорированных пушечных стволов, позволяющих реконструировать их художественный стиль.

Датировка четырех известных пушечных отливок Иосифа Тимофеевича Балашевича ограничивает его профессиональную деятельность в Глухове 1690-ми годами². Декорированные пушечные стволы пока остаются единственным источником для изучения биографии этого загадочного литейщика неизвестного происхождения. Существует мнение, что для исследователя XVII в. место рождения любой знаковой личности имеет лишь характер интересной детали из-за мобильности населения, которое меняло при жизни десяток «отечеств», утрачивая нажитое в поисках лучшей судьбы. Однако, в случае таких специалистов как военные литейщики, место рождения, обучения, смена мест работы, переезды и другие жизненные обстоятельства приобретают особую важность, поскольку являются маркерами его профессионального роста. Именно так он получал свои базовые навыки, перенимал от наставников понимание и секреты литейного мастерства, постепенно формировал собственный художественный стиль, оттачивая его всю последующую жизнь, продавая и перепродавая свои умения при первой возможности. Таким образом, поиски родины мастера – это поиски происхождения его оригинального стиля, открывающие интересные микроисторические сюжеты.

Первой известной работой Иосифа Тимофеевича является «стройная» пушка 1692 г. «Единорог», с оригинальной символикой и относительно скромной орнаментацией, отлитая для полтавской полковой артиллерии по заказу полковника Павла Семеновича

Герцыка. Кроме рельефного декора, ствол украшен глубокой чеканкой вокруг герба, картушем с именем мастера, изображением единорога и орнаментальными фризами.

Чеканка состоит из мотивов кружочка, чешуи и точечного фона. Рельеф отливки достаточно высокий и при этом имеет качественную чистовую обработку. В орнаментации ствола присутствуют характерные для украинского литейного искусства сердцевидные плакетки с растительным мотивом, хорошо смоделированные акантовые листья и розетки. Главным украшением отливки является картуш с гербом полковника П. Герцыка, виньетка с именем мастера «ИОСИФЪ / ТИМОФЬЄВИЧ / ДЪЛАТЕЛЬ», а также фигура стремительного единорога с двустрочной стихотворной подписью³ (рис. 1).

Рис. 1. Изображение единорога на пушке полковника П. Герцыка

Плакетка с ренессансной анималистической сценкой стилистически связана с польскими пушечными отливками, или с такими львовскими образцами, как пушка Леонарда Герля «Орлик» 1571 г.⁴ Сама сюжетная вставка несколько «выпадает» из общей картины декора, оставляя ощущение

чужеродного элемента, как будто ее механически перенесли с какого-то иконографического источника или пушечного образца.

Более представительное впечатление производит орнаментация другой пушки И. Балашевича, отлитой в 1692 г. по заказу «охочкомонного» полковника Ильи Новицкого. В отделке чувствуется определенная изысканность, стремление к эффектной художественной форме, что придает отливке утонченные элегантные черты. Это проявляется во внимании мастера к мелким элементам, в стремлении к детализации орнамента и в комбинировании литейных приемов с чеканкой и гравировкой. Такой же старательный подход к орнаментации выдерживался и развивался мастером в двух других пушечных образцах, отлитых в 1693 и 1697 гг. для гадяцкого полковника Михаила Бороховича.

Анализируя художественное оформление четырех известных нам отливок И. Балашевича, можно вычленить несколько декоративных

мотивов, повторяющихся от образца к образцу. Один из них – исполнение тарели и винграда в форме розетки с шишкой, напоминающей виноградную кисть (рис. 2). Этот элемент с незначительными изменениями присутствует в каждой работе литейщика. Иногда розетка упрощается и подменяется профилированными валиками: 13-лепестковая розетка с кистью винограда («Единорог»); профилированная тарель с винградом-шишкой (И. Новицкого); розетки с черенками в виде виноградных кистей (М. Бороховича, 1693, 1697 гг.).

Рис. 2. Тарель с винградом на пушке «Единорог»

Другой повторяющийся мотив в виде двух поясков – нижнего, из развернутых к середине удлиненных пальмовых листьев, и верхнего, сформированного из нескольких розет, используется мастером для декорирования дульной части ствола. На пушке «Единорог» – двойной орнаментальный фриз, верхний ряд которого состоит из трех больших и восьми маленьких розеток, а нижний – из шести пальмет. Дульная густо профилированная часть пушки И. Новицкого украшена двойным фризом, нижняя часть которого формируется из пальмет, а верхняя – из маскарон в нимбах. Дульные части пушек М. Бороховича также декорированы двойным пальмово-розетковым фризом под широким профилированным валиком.

Создается впечатление, что для оливки декоративного фриза выше дельфинов, на пушках «Единорог» и М. Бороховича (1697 г.) литейщик использовал единую модельную форму. Этот фриз компонуется из эсвидных мотивов, формирующих «сердце», в середине которого размещен цветок розы (рис. 3). На пушке И. Новицкого использован идентичный мотив, но несколько упрощенный, возможно, из-за дефицита свободного места на стволе. И, наконец, подобный сложный элемент декора роскошно представлен на колоколе Павла Полуботка работы мастера Алексея Ивановича 1720 г.⁵

Представленный выше набор декоративных элементов в оформлении тыльного и дульного завершений стволов можно считать одним из главных признаков художественного стиля И. Балашевича. Другой его особенностью является манера глубоко профилированной отливки декоративных украшений на стволах. И, наконец, третьей важной стилистической чертой было использование плакеток и моделирование богато отделанных картушей. Мастер, кажется, человек амбициозный, отливал картуши для своей подписи не хуже, чем для оформления гербов заказчиков (рис. 4).

Рис. 3. Сердцевидный орнамент на пушке «Единорог»

Рис. 4. Картуш с подписью мастера на пушке полковника И. Новицкого

И. Балашевич также не чуждался копирования приемов отделки европейских пушек ренессансными орнаментами (при моделировании фризов) и включения в декор поясков стандартных маскаронов. Но это копирование исполнено мастерски, с индивидуальной обработкой элементов, так что больше напоминает интерпретацию.

Основные признаки художественного стиля Иосифа Балашевича позволяют сделать осторожное предположение относительно происхождения литейщика. Очевидно, он поступил на гетманскую службу в Глухов из Речи Посполитой, поскольку несомненным является стилистическое

родство его пушечных отливок с художественными образцами польской и немецкой артиллерии.

Выполняя старшинские заказы, мастер ревностно заботился о художественной насыщенности и пышности своих работ, в которых прослеживается постепенное расширение круга декоративных элементов, стремление превратить грубую «монументальную» вещь в художественное произведение. Иногда он приближается к границам декоративной перегрузки пушечных стволов, которую можно наблюдать, например, в работах Германа Мольтцфельта⁶. Часть ствола могла быть граненой или завитой, напоминая колонну с визуально угадываемыми канелюрами (пушки М. Бороховича), с рельефными деталями на концах, подобными капителям. Однако по уровню пластического исполнения пушки И. Балашевича не достигали эффектных маньеристических отливок несвижского литейщика.

Наконец, следует отметить, что в работах И. Балашевича, который достаточно полно проявил основные черты декоративного искусства своего времени, присутствует строгий набор облюбованных литейщиком и мастерски скомбинированных орнаментальных форм. При анализе эволюции его мастерства создается впечатление не полностью раскрытого творческого потенциала, в отличие от работ его сына, профессиональный путь которого был намного длиннее. Кроме того, Карп Иосифович Балашевич в своих художественных разработках наследовал определенные черты индивидуального стиля отца⁷, что может проиллюстрировать сопоставление декора пушек «Единорог» (И. Балашевич) и «конотопской» (К. Балашевич).

Мы не знаем точной даты кончины И. Балашевича (осторожно можно предположить – 1697/1698 гг.), но очевидно, что К. Балашевич выполнял заказ для Конотопа под присмотром или при непосредственном участии отца-наставника⁸. В декорировании присутствует так называемая «лепнина» (выкладка узора на поверхности ствола), бывшая визитной карточкой И. Балашевича, совпадает моделирование фигуры ангела, почти идентичен рисунок винграда, использован в неизменном виде орнаментальный пояс из маскарон в нимбах, отлитый ранее на пушке И. Новицкого, и, наконец, смоделирована идентичная виньетка, обрамляющая подпись мастера.

Очевидно, что «конотопская» пушка появилась в период становления собственного стиля К. Балашевича под влиянием эстети-

ческих вкусов отца. Эта отливка отличается старательностью – абсолютно необходимой для художника, который понимал, что по качеству и художественному уровню «премьеры» о его профессионализме будут судить потенциальные заказчики, чья оценка повлияет на его карьеру и благосостояние. Каждая деталь декора ствола свидетельствует о желании продемонстрировать разнообразие технических и художественных средств, внимание мастера к деталям и тщательности их отделки. Однако, в последующих известных нам работах К. Балашевича, применяется несколько иной, не столь напыщенный стиль декорирования.

Как любой художник, пребывая в поиске новых декоративных мотивов и комбинаторских идей, К. Балашевич, даже находясь под стилистическим влиянием своего отца, начинает экспериментировать с орнаментом. Известные нам работы литейщика, относящиеся к периоду 1697–1717 гг., позволяют достаточно полно реконструировать его стиль. Начнем с простого сопоставления декоративных элементов на пушечных отливках

Балашевича-младшего.

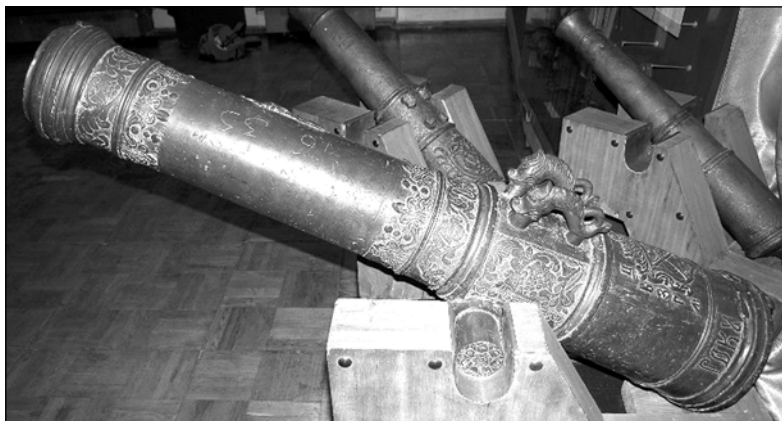
Запальная раковина на пушке «Лев» исполнена в виде иконки с барельефом человеческой головы в верхней части (рис. 5). На «конотопском» стволе, очевидно, некогда имелось подобное изображение, впоследствии уничтоженное, о чем свидетельствует остаточный след отлома. Этот элемент, возможно, выполнял роль некоей литейной марки и мог быть автопортретом самого мастера⁹.

Пушки «Конотоп», «Соловей» Р.Я. Корицкого и «Лев» украшены почти идентичным флористическим орнаментом, растянутым вдоль горизонтальной оси ствола, только в первых трех образцах – несколько упрощенным из-за ограниченной

Рис. 5. «Автопортрет» К. Балашевича на пушке «Лев»

площади поверхности. На пушке «Грифон» присутствует исполненный в подобной манере орнамент (трилистник и гроздь винограда) под дельфинами и в пояске на дульной части (рис. 6).

Рис. 6. Пушка «Грифон» полковника М. Милорадовича

На мортире 1698 г. и «Льве», разделенных во времени семью годами, отлиты одинаковые пояски акантового орнамента возле дульной и в донной части (рис. 7). Значит, на протяжении семи лет

Рис. 7. Мортира 1698 г. работы К. Балашевича

рисунку аканта оставался стабильным, изменяясь в незначительных деталях. Стабильность отличает и манеру выполнения орнамента из трилистника вперемежку с виноградными гроздьями: образцы 1697, 1705, 1713, 1714, 1717 годов свидетельствуют не только о формализации мотива, но и об определенном стилистическом консерватизме К. Балашевича¹⁰.

В едином стиле также декорированы цапфы этих двух стволов, только на мортире 1698 г. «цветок» почему-то остался недочечанным, хотя уже был изготовлен круговой лавровый венок.

В орнаментальном оформлении стволов К. Балашевича на первом плане – тонкие ветки акантового бесконечника. К примеру, на мортире 1698 г. этот мотив очень эффектно представлен на фоне точечной чеканки. Плоская графическая трактовка орнамента, его низкий рельеф отличают работы Балашевича-младшего от ярко выраженных пластичных работ отца, и сближают их с российским художественным литьем (рис. 8). Вообще, творчество К. Балаше-

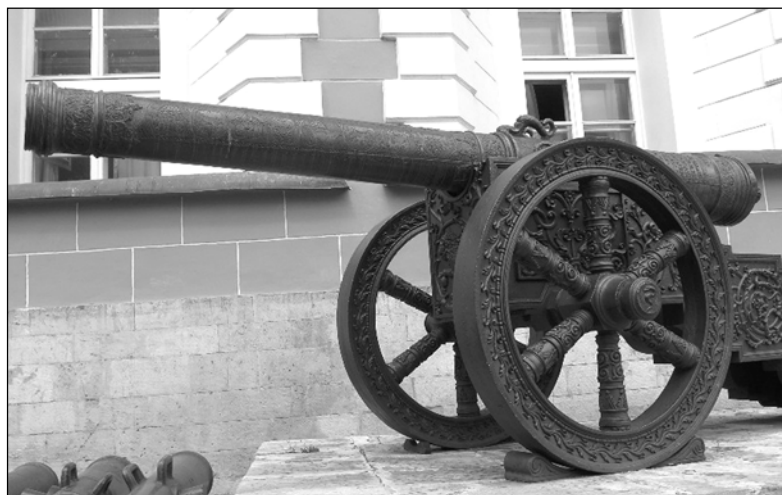

Рис. 8. Пушка «Лев» гетмана И. Мазепы

вича, в отличие от творчества отца, находилось под влиянием художественных приемов российских литейщиков, которые к XVII столетию достигли весьма высокого художественного уровня. В то же время такая плоскостная манера связана с приемами, характерными для ювелирных изделий. Низкий рельеф литья создает

впечатление необычайной изысканности деликатного узора, набросанного в виде «сетки» на корпус пушечного ствола.

Вместе с акантовыми мотивами К. Балашевич широко использовал привившийся в украинском декоративном искусстве XVI–XVII вв. сердцевидный мотив, смоделированный из двух симметричных эсвидных линий, а также мотив букета в вазоне («Лев»). Объединение этого орнамента с обширными эпитафиями, орнаментальной резьбой и чеканкой создает пышную, но не помпезную целостность, производит очень спокойное и в то же время богатое декоративное впечатление. В некоторых случаях это сближает оформление пушечных отливок К. Балашевича с народным искусством.

Существует еще одно объяснение приверженности К. Балашевича орнаментальной резьбе и чеканке. Даже при беглом сравнении работ двух Балашевичей, заметно превосходство Иосифа в плане формовки пластического декора в отличие от простых картушей, аляповатых виньеток, иногда грубо отлитых информационных надписей и гербовых символов (пушка «Грифон») в работах Карпа. Но Балашевич-младший намного увереннее чувствовал себя в орнаментальной резьбе, с помощью которой он старался максимально заполнить поверхность ствола.

Естественно, что со временем каждый мастер начинал специализироваться в тех художественных приемах и технологиях, которые ему лучше давались. Возможно, К. Балашевич лично занимался плоскостным декором стволов и достиг в этом определенного уровня. Но, скорее всего, при довольно плотной загруженности гетманскими и приватными заказами, в глуховской мастерской практиковалось распределение труда, и орнаментальная отделка стволов возлагалась на специальных мастеров-резчиков и чеканщиков. Работали они, очевидно, по эскизам самого К. Балашевича.

В художественном стиле Балашевича-младшего видна связь с такими видами прикладного искусства, как ювелирное дело и резьба по эмали, весьма популярными в Гетманщине. Из чеканных и гравированных украшений на посуде, военных клейнодах, церковной утвари глуховский мастер извлек немало мотивов и декоративных приемов, успешно пользуясь ими в своей практике. В художественной чеканке получили свое воплощение разные варианты растительного орнамента, разнообразные обрамления для гербов, «иконок» и текстов. В резьбе украинских иконостасов литейщик

подсмотрел пышные формы виноградной лозы, листовенного бесконечника, розеток. Принцип художественного оформления резных порталов также повлиял на декор стволов, напоминающих колонны своими формами¹¹.

Отдавая должное модной в то время барокковой пышности, К. Балашевич чувствовал ее меру, симметрию и асимметрию, ее декоративность и символику, замешанную на украинском народном творчестве. Несложно представить, сколько времени тратилось на «доводку» каждой ягодки, цветка, стебелька, листочка или птицы на таком грандиозном изделии, как пушка «Лев». Лишь мастер, который понимал смысловое наполнение каждой «мелочи» в общей картине декора, мог прилагать столько усилий к этим второстепенностям. Литейщик придавал им значение, поскольку «мелочи» были частью его художественного языка. Что мы увидим, бегло осмотрев этот замечательный образец глуховского литья, кроме более-менее упорядоченного нагромождения растительности? И только внимательный анализ выявит точные ассоциации и сравнения: лавр – слава, виноград – Христос, торжество жизни и т.д. И так каждая деталь декора: не просто художественный объект для любования, а законченный смысловой микросюжет, призванный символично уточнять, разъяснять и детализировать макросюжет, идею всего творения¹².

Являясь проявлением индивидуальной манеры литейщика, все вышеперечисленные элементы в то же время присущи некоему наднациональному типу мышления художника школы барокко, который выражается в стремлении к необычности, неповторимости и остроте образных трактовок. Показательно, что художественное видение К. Балашевича проявляется не стихийно, а как реализация приобретенных навыков определенной литейной традиции, как осознанный и отработанный набор средств, деталей и образов, которые мастер не считал зазорным «тиражировать».

Подобная «тиражируемость» индивидуальной художественной манеры может помочь в атрибуции пушечных стволов. Метод основан на изучении деталей, которым мастера могут даже не придавать особенного значения, воспроизводя их автоматически: прочеканенная орнаментальная линия, определенный изгиб виноградной лозы, идентичные черты маскаронов, манера нанесения фона и многое другое. Так неприметная особенность декора становится подлинной «подписью» литейщика.

К примеру, пушка «Соловей», отлитая в 1713 году по заказу гадяцкого полковника Ивана Чарныша, с поверхностью ствола полностью покрытой орнаментом и эпиграмматическими двустушиями, не имеет авторской подписи, но детали декора подсказывают фамилию литейщика (рис. 9).

Рис. 9. Пушка «Соловей» полковника И. Чарныша

В центральной части вдоль линии стола под «дельфинами» тянется узор (трилистник), идентичный узору на пушке «Лев», только исполненный в меньшем масштабе. Отдельные чеканные элементы растительного орнамента, покрывающие стволы этих пушек, также подобные по форме. Наконец, во время декорирования были использованы одинаковые по размерам и форме пуансоны для чеканки. Только на пушке «Соловей» чистовая отделка декора не настолько детализированная из-за небольшой площади ствола. Принимая во внимание выявленные подобности, а также 1713 г. литья ствола, авторство пушки «Соловей» с большой долей вероятности можно приписать глуховскому литейщику Карпу Балашевичу.

Используя аналогичный метод, мы попытались провести атрибуцию еще одного глуховского ствола, отлитого для опишнянского сотника Романа Яковлевича Корицкого в 1714 г.¹³, в декоре которого встречается большинство деталей «художественной подписи» К. Балашевича. По своей тектонике, принципу размещения эпиграфики и элементов орнамента, пушка 1714 г. наиболее подобна пушке «Соловей». Очевидно, стволы были отлиты в рамках одного большого заказа серии салютационных пушек для Гадяцкого полка¹⁴.

Похоже на то, что литейную школу К. Балашевича продолжил Иван Васильевич Горлянкевич, который работал в 1730-х гг., был племянником жены К. Балашевича, а значит, мог быть и его учеником. Существуют документальные подтверждения 1735 г. о проживании И. Горлянкевича в Глухове и его пребывании на должности военного литейщика. Нам не известны образцы пушечных

отливок мастера, но декор колокола его работы 1737 г., который отличается буйными линиями, рельефной эпитафией и орнаментацией, говорит о влиянии стилистической традиции К. Балашевича.

¹ Появление морфологического типа глуховских пушек совпадает с зарождением, существованием и затуханием артиллерийского литья как государственной организации. В конце концов военная доктрина Гетманщины «загнала» украинскую артиллерию в глухой угол декоративных игрушек: салютационных и презентационных стволов.

² Сохранившиеся пушечные стволы работы И. Балашевича: охочекомонного полковника И. Новицкого 1692 г. (Muzeum Wojska Polskiego, Варшава); «Единорог», полтавского полковника П. Герцыка 1692 г. (Центральный военноморской музей, Санкт-Петербург); гадячского полковника М. Бороховича 1693 и 1697 гг. (Российский Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург).

³ Заявленная тема и объем статьи не предполагают рассмотрение эпитафии, прокомментированной нами ранее в работах: Мальченко О. Художне лиття гармат у Гетьманщині за часів правління Івана Мазепи. К., 2007.; Его же: Художне оформлення гармат часів Івана Мазепи. В зб.: Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха / Відп. ред. В.А.Смолий. К., 2008. С. 336–363; Его же: Museum artillieriae Ucrainicae. Музей української артилерії XV–XVIII століть. Частина I. Українські гармати в зарубіжних музейних колекціях. К., 2011.

⁴ Мальченко О. Орнаментована артилерія на Правобережній Україні (XV–XVIII ст.). К., 2009. С. 60–61.

⁵ Колокол экспонируется в Черниговском историческом музее им. В. В. Тарновского. Возможно, А. Иванович был учеником И. Балашевича.

⁶ Большинство его сохранившихся работ «несвижского периода» находятся в артиллерийской коллекции Muzeum Wojska Polskiego (Варшава).

⁷ Уцелевшие пушечные отливки К. Балашевича, которые послужили нам источниками, относятся к периоду 1697–1717 гг.: для города Конотопа («конотопская»), 1697 г. (Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург); по заказу гетмана И. Мазепы, мортира 1698 г. (Военно-исторический музей...); «Лев», по заказу гетмана И. Мазепы, 1705 г. (Российский государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва); «Соловей», гадячского полковника И. Чарныша, 1713 г. (Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского); опишнянского сотника Р. Я. Корицкого, 1714 г. (Военно-исторический музей...); «Грифон», гадячского полковника М. Милорадовича, 1717 г. (Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского).

⁸ О самом К. Балашевиче известно, что в 1693 г. он владел двором в Глухове, работал на войсковую артиллерию и скончался около 1735 г.

⁹ Портретные изображения на стволах, возможно, не были таким уж исключением в глуховском литейном производстве, особенно в период правления гетмана И. Мазепы. У самого К. Балашевича был опыт изображения заказчика – гетмана Мазепы, известный по образцу колокола последних годов XVII в., в наше время – утраченному (Пилипенко Б. Видатна пам'ятка українського люд-

вісарства: [про видат. твір укр. ливарства кінця XVII ст. – дзвін роботи глухів. людвісара Карпа Балашевича] // Пам'ятки України. К., 2008. № 3. С. 108–119). Очевидно, образцы пушек с гетманским изображением существовали среди парка крупнокалиберной Генеральной артиллерии, уничтоженной в Батурине в 1708 г. Теперь же миниатюрный барельеф литейщика на пушке «Лев» на фоне жалких остатков исторической украинской артиллерии выглядит как феномен. Предположительно, мастер на перенасыщенной декором пушке не смог найти места для традиционного картуша с подписью, потому придумал другой способ выражения личных амбиций – создал автопортрет в таком месте, где он не только не нарушает, но и дополняет декор.

¹⁰ Как множество ощущений, эмоций, мыслей, превратностей человеческой судьбы ограничено и истощается задолго до нашей смерти, так и ограниченное число орнаментальных и декоративных элементов неспособно на бесконечное число комбинаций. Лишь немногим художникам удавалось сохранить разнообразие творчества на протяжении всей своей жизни.

Явления ментального характера, к которым относится и декорирование пушечных стволов, распадаются или атрофируются рано или поздно. Ни одна организация или индивидум не могут противостоять затухающей тенденции в цикле мышления, поэтому и существуют эффективно лишь в течение ограниченного времени. Поэтому вторая часть творческой биографии литейщика, совпадающая с закатным возрастом, и которую мы называем устоявшимся стилем автора, не что иное, как усталость творчества и формальный подход, отшлифованный годами с применением стандартного, выверенного набора орнаментации. К тому же, не сохранилось ни единого декорированного образца пушек К. Балашевича, отлитых в период 1717–1735 гг.

¹¹ Этот прием также применял, возможно, даже более непосредственно, Иосиф Балашевич в работе над пушками для М. Бороховича.

¹² Степовик Д.В. Иван Щирський: Поетичний образ в українській бароковій гравюрі. К., 1988. С. 30.

¹³ Мальченко О. Спроба атрибуції гармати 1714 року з колекції Воєнно-історичного музею артилерії, інженерних військ і військ зв'язку (Санкт-Петербург) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. К., 2013 (в издательстве).

¹⁴ Теперь пушка Р. Я. Корицкого сохраняется в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге под инвентарным номером 10/15 (Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост. В. П. Вышенков, Л. К. Маковская, Е. Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 104).

***В.Н. Мардусин, В.Ю. Грибовский, А.П. Жарский,
С.Н. Ковалев, Э.Л. Коршунов, А.Н. Щерба
(Санкт-Петербург)***

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРМИИ И ФЛОТА ПО ОБОРОНЕ ВОЕННО-МОРСКИХ БАЗ И ПОБЕРЕЖЬЯ В ВОЙНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. И ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.

Боевые действия в Крымскую войну велись на всех морских театрах России – Черноморском, Балтийском и Северном, а также на Тихом океане. При этом антирусская коалиция имела значительное превосходство в силах на море, особенно в современных паровых судах. На каждом театре господство на море оказалось в руках неприятеля. Поскольку Россия не имела общих границ с Англией и Францией, то основным объектом нападения союзников стали военные порты, защищенные приморскими крепостями в современном понимании – военно-морские базы, и морское побережье. На каждом театре имелись свои особенности взаимодействия армии и флота в обороне портов и побережья. Поэтому в статье последовательно рассмотрены обстановка и боевые действия на всех трех морских и Тихоокеанском театрах военных действий.

На Черном море Россия имела два военных порта – Севастополь, защищенный мощной приморской крепостью, и Николаев, подходы к которому прикрывались укреплениями Кинбурна, старые крепости в Керчи и Анапе, а на восточном побережье были развернуты 7 укрепленных постов, занятых гарнизонами сухопутных войск. В Крыму находилась армия из двух дивизий, в приморских населенных пунктах – гарнизоны. В Одессе приморской

крепости не было, но в городе и окрестностях дислоцировались две пехотные дивизии.

В начале войны такой системы обороны было более чем достаточно. Черноморский флот господствовал на море и уничтожил при Синопе турецкую эскадру. Все изменилось в кампанию 1854 г., когда господство на море перешло к союзному англо-французскому флоту, имевшему превосходство в силах, особенно в новых крупных паровых кораблях и транспортах.

Посты на Кавказском побережье пришлось снять. Союзный флот беспрепятственно высадил войска сначала в районе Варны, а потом и в Крыму. Наш флот не вышел для боя, а армия потерпела поражение от англо-французской армии. Главной целью противника стал Севастополь, который удалось отстоять, а потом и оборонять в течение 349 дней только благодаря тесному взаимодействию армии и флота. Атаку противника с моря крепости удалось отразить, а штурмы на суше отражать с помощью флотских экипажей и судовых орудий, свезенных на берег.

Моряки успешно руководили взаимодействием, в том числе всей обороной, участками оборонительной линии и командовали отдельными батареями. Матросы самоотверженно сражались плечом к плечу с солдатами пехотных полков. Однако сам флот был последовательно уничтожен затоплением кораблей без нанесения потерь флотам противника, а сухопутная армия оказалась неспособной деблокировать крепость извне. Южную сторону Севастополя пришлось оставить, а союзные флоты произвели успешные атаки Кинбурна и Керчи, а также диверсии на побережье Азовского моря.

Успехи союзников были обусловлены их превосходством в вооружении и снабжении, а также ошибками русского командования, недостаточным пополнением русских войск в Крыму и их плохим снабжением.

На Балтийском море Россия имела три крупных военных порта – Кронштадт, Свеаборг и Ревель, защищенные приморскими крепостями и укреплениями. Приморские укрепления имелись в Выборге, Роченсальме, Котке, Гангэ, Або, Бомарзунде и Усть-Двинске, а также в устье Невы и в Ораниенбауме. Гарнизоны состояли из пехоты и артиллерии Военного ведомства. В столице для обороны побережья Финского залива и Прибалтийских губерний было развернуто значительное количество сухопутных войск. Корабельный флот занял оборонительное положение в Кронштадте и Свеаборге,

гребной – в Кронштадте и отчасти в Финляндских шхерах и в Риге. На подходах к портам были выставлены минные заграждения.

В кампанию 1854 г. в Финский залив вошел союзный флот в превосходящих силах, включавших многочисленные паровые суда. Российский флот навстречу не вышел, но союзники, обзрев укрепления Кронштадта, стоящие на рейде суда и обнаружив «адские машины» (мины заграждения), отказались от атаки крепости. Не имея мелкосидящих судов и достаточных сухопутных войск, союзники отказались и от атаки Свеаборга, ограничившись отдельными диверсиями и захватом коммерческих судов. Единственным достижением англичан и французов стал захват слабой недостроенной крепости Бомарзунд.

В кампании 1855 г. союзники вторглись на Балтику, имея еще больше паровых судов. Но и русская оборона усилилась. Попробовав ее на прочность, англичане и французы ограничились бомбардировкой Свеаборга, которая имела ничтожные результаты.

Таким образом, обе кампании на Балтике не принесли союзникам ожидавшегося успеха. Оборона военных портов приморскими крепостями при наличии в них флота оказалась непреодолимой. В отличие от Черноморского театра, на Балтике моряки не топили боевые корабли с целью создания подводных препятствий. Корабельный состав флота полностью сохранился. В то же время пассивность флота, оказавшегося не в состоянии завоевать господство на море, заставило русское командование возложить защиту важнейших пунктов на побережье и самого побережья целиком на армию, которая для этой цели выделила более 150 тыс. войск.

Оценивая военные действия в 1854–1855 гг. на Дальнем Востоке, следует отметить хорошее взаимодействие армии и флота в обороне Петропавловска-Камчатского, единственного военного порта и опорного пункта России, доступного и привлекательного для нападения неприятеля.

Успех этого взаимодействия был обеспечен единством командования в лице генерал-майора В.С. Завойко и своевременным прибытием в порт фрегата «Аврора». Поражение союзников под Петропавловском и отступление коммодора Элиота от Де-Кастри позволили русским сохранить свои суда и войска, которые удерживали позиции России в Приморье, опираясь на укрепленный Николаевский пост.

На Северном театре войсками и флотом была обеспечена только оборона военного порта Архангельск, который прикрывался Новодвинской крепостью, береговыми батареями и небольшой флотилией канонерских лодок. Не имея достаточного количества морской пехоты, союзники в обеих кампаниях 1854 и 1855 гг. не решились прорваться к Архангельску. Они атаковали Соловецкий монастырь и Колу, но были отбиты. Встретив сопротивление, англичане и французы артиллерийским огнем сожгли Колу и Кандалакшу, разорили приморские поселения и нанесли ущерб коммерческому судоходству и промыслам.

В целом, опыт Крымской войны показал, что оборона военных портов на основе взаимодействия сухопутных войск, артиллерии приморских крепостей и флота является почти непреодолимой. Для ее подавления требовались значительные силы флота и многочисленный десант. Добиться цели союзникам удалось только в Севастополе, и то большой ценой. Успех был также достигнут и при атаке сравнительно слабых Бомарзунда, Кинбурна и Керчи, но он не имел большого значения.

В то же время оборона побережья требовала либо привлечения крупных сил армии, либо мощного флота, который мог бы отразить нападение с моря.

2. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В эту войну Россия строила оборону портов и побережья на основе взаимодействия приморских крепостей (Севастополь) и укреплений, размещенных в приморских поселениях и вдоль побережья. Черноморский флот был слаб в сравнении с турецким. Для защиты портов он использовал плавучие батареи и впервые применил минное оружие (в Крымскую войну мины ставились инженерами Военного ведомства).

Несмотря на превосходство в силах, турки так и не решились атаковать Севастополь, Одессу, укрепления Очакова и Керчи. Турецкие броненосцы без особого результата бомбардировали не укрепленные города на побережье. В то же время отсутствие сильного флота, способного не только на содействие обороне портов и крейсерские операции, потребовало назначения для обороны целых двух армейских корпусов. Слабость флота не позволила и закрепить успехи, достигнутые армией, и вызвала оборонительные меры армии и флота на Балтике – на случай военного выступления Англии.

Оценка опыта войны привела к ускорению возрождения боевой мощи Черноморского флота.

3. Русско-японская война 1904–1905 гг.

К началу войны с Японией Россия имела два военных порта на Дальнем Востоке – Порт-Артур и Владивосток, защищаемые приморскими крепостями. В этих портах базировались крупные силы флота – эскадры Тихого океана (линейный флот – в Порт-Артуре). Однако строительство этих крепостей не было завершено, особенно слабыми были сухопутные фронты обороны. Приморский фронт Порт-Артура, как показал опыт войны, в целом обеспечивал оборону морских подступов к крепости и выход флота в море. Но сухопутный фронт пришлось спешно достраивать во время войны.

Предполагалось, что эскадра обеспечит господство на море и не допустит высадку японского десанта на северо-западе Кореи. Это позволит армии выиграть время для усиления и разгромить японский десант, когда он сможет подойти на север после высадки южнее 38-й параллели.

К началу 1904 г. в Приморье и Манчжурии имелось не более 100 тыс. войск. Они располагались в обеих крепостях и в зоне КВЖД. Наместник царя на Дальнем Востоке объединял своим руководством войска армии и эскадру, что могло обеспечить взаимодействие армии и флота. Однако армейский и морской планы операций были не согласованы, а вопрос о старшинстве командования в Порт-Артуре на случай отсутствия наместника не был решен. Не решился он и во время войны.

Внезапное нападение японцев на эскадру Тихого океана выявило недостаточную готовность флота к его отражению и плохую связь с крепостью. Правда, уже в первый день войны эскадра и крепостные батареи совместно отразили атаку главных сил японского флота. С прибытием командующего флотом взаимодействие крепости и эскадры улучшилось. С.О. Макаров не только усовершенствовал морскую оборону, но и активизировал действия флота, собираясь вступить с японцами в бой и не допустить высадки войск неприятеля на северо-западе Кореи.

После гибели С.О. Макарова с «Петропавловском» и подрыва «Победы» соотношение сил на море для русских ухудшилось. Эскадра не имела возможности предотвратить высадку, а передовой

отряд Манджурской армии 18 апреля 1904 г. потерпел поражение от японцев на р. Ялу.

Все это позволило противнику 22 апреля начать высадку войск 2-й армии на Ляодунском полуострове. Она не встретила противодействия ни флота, ни армии. Русскому командованию неприятель предоставил почти 3 месяца для наращивания сил на театре военных действий. Однако оно плохо им воспользовалось. Руководители морского ведомства отзывали обратно находившийся в пути отряд судов, а военного ведомства – не озаботились должным образом усилить гарнизон Порт-Артура и наладить его снабжение.

Высадка все новых японских армий вскоре привела к осаде Порт-Артура с сухопутного направления, а попытки войск Манджурской армии выручить крепость каждый раз оборачивались неудачами. Взаимодействие армии и флота в ходе непосредственной обороны Порт-Артура приобрело самый тесный характер. Оно выражалось в поддержке корабельной артиллерией приморского фланга сухопутного фронта, стрельба кораблей из гавани по японским позициям и, отчасти, контрбатарейная борьба, установка на сухопутных позициях снятых с кораблей орудий с прислужкой и, наконец, формирование из моряков десантных батальонов, принимавших непосредственное участие в боях. Все это напоминало ситуацию в Севастополе во время Крымской войны.

Кроме того, эскадра не допустила атаки крепости с моря, но не использовала благоприятную обстановку для нанесения хотя бы частичного поражения японского флота. Не смогла она и прорваться во Владивосток. В результате крупные корабли были потоплены в гавани Порт-Артура и стали трофеями японцев.

Крепость, исчерпав почти все средства обороны и ее ключевые позиции, продовольственные запасы, с измотанным гарнизоном, не имея надежд на выручку, 20 декабря 1904 г. капитулировала.

Несмотря на столь печальный исход, длительная оборона Порт-Артура имела большое стратегическое и моральное значение. Совместные действия моряков и армейцев не только надолго приковали к крепости целую армию, но и нанесли ей огромные потери, которые составили до 110 тыс. человек.

Владивосток, гарнизон которого во время войны был усилен, подвергся всего одной бомбардировке с моря. В дальнейшем японцы ограничились постановкой вблизи него минных заграждений.

После Цусимского сражения 14–15 мая 1905 г. и гибели 2-й эскадры флота Тихого океана японский флот получил безраздельное господство на море. Он высадил войска на о. Сахалин и даже угрожал Камчатке. Но атаковать Владивосток неприятель не решился: помимо крепостных батарей, сильного гарнизона и немногочисленных кораблей там уже находилось несколько русских подводных лодок. Если бы лодки к началу войны имелись в Порт-Артуре, то ход борьбы за него мог бы сложиться по-другому.

Главным выводом из опыта войны стал вывод о необходимости иметь для удаленного военного порта приморскую крепость с развитой сухопутной обороной и сильным армейским гарнизоном.

4. Первая мировая война 1914–1918 гг.

Подготовка России к мировой войне основывалась на опыте русско-японской войны с учетом почти полного уничтожения Балтийского флота. Учитывая подавляющее превосходство германского флота, русское командование, для защиты морских подступов к Санкт-Петербургу, в устье Финского залива планировало создать минно-артиллерийскую позицию. На меридиане Ревеля предполагалось выставить плотное минное заграждение (более 2000 мин), береговые батареи на обоих берегах залива должны были препятствовать его тралению. Немногочисленный флот, выдвинув вперед подводные лодки и эсминцы, под прикрытием минных заграждений должен был вступить в бой с прорывающимся противником. Для лучшего взаимодействия всех сил обороны в 1913 г. была учреждена морская крепость Петра Великого с подчинением командующему флотом.

На ближних подступах к столице создавалась вторая линия обороны, которая должна была опираться на строившиеся на северном и южном берегах залива новые форты Кронштадтской крепости, которые планировалось вооружить самыми мощными орудиями.

Для обороны побережья на подступах к столице по плану мобилизации развертывалась 6-я армия в составе двух армейских корпусов. Ее командующему в оперативном отношении подчинялся командующий Балтийским флотом.

Своевременное обнаружение флота противника должны были обеспечить посты службы наблюдения и связи (СН и С), которые были развернуты еще до войны.

К лету 1914 г. все грандиозные работы по строительству береговых батарей завершить не удалось. Не вступили в строй и новые линкоры типа «Севастополь» программы 1907 г. Тем не менее, с началом войны силы армии и флота были развернуты по планам и создали довольно серьезную преграду противнику на пути к столице. К октябрю 1914 г. на центральной минно-артиллерийской, флангово-шхерной и Моонзундской позициях было установлено 29 батарей с 106 орудиями и поставлено 5196 мин.

Правда, проверить оборону на прочность не пришлось: германцы, прикованные к Северному морю и не имевшие «лишних» сухопутных войск, не пошли в наступление на русскую столицу. В кампанию 1915 г. неприятельскому флоту удалось не без потерь прорваться в Рижский залив, но он почти сразу его покинул. В дальнейшем были созданы Передовая и Або-Аландская позиции, а Моонзундская позиция значительно усилена.

В кампанию 1916 г. неприятель решил проверить прочность нашей обороны ночным рейдом флотилии эсминцев – набегом на Балтийский порт (Палдиски). Германцам удалось достичь порта, но операция обернулась для них катастрофой: на минах Передовой позиции без всякого участия русских береговых батарей и флота флотилия потеряла 7 эсминцев из 11.

В революционном 1917 г. боеспособность армии и флота России постепенно снизилась, и противник воспользовался этим. В результате десантной операции он захватил Моонзундские острова и вытеснил наши морские силы из Рижского залива и Моонзунда.

На Черноморском театре оборона военных портов и побережья строилась с учетом превосходства в силах нашего флота над турецким. Однако с началом войны ее пришлось несколько откорректировать в связи с появлением у противника быстроходных немецких крейсеров. При внезапном нападении противника на наши базы осенью ему удалось прорваться в Одесский порт и потопить канонерскую лодку, обстрелять Новороссийск и даже бросить вызов Севастопольской крепости. Но крепостью германское нападение было отражено и больше не повторялось. В кампанию 1915 г. попытка неприятеля обстрелять Одессу окончилась гибелью на минах турецкого крейсера.

По мере развития боевых действий береговая оборона усиливалась; батареи были установлены в Одессе, Батуме и в целом ряде

пунктов побережья. Оборона берегов также усиливалась блокадой флотом пролива Босфор.

Оборона портов и побережья на Севере создавалась уже во время войны. Архангельский военный порт был восстановлен, в Кольском заливе основан незамерзающий порт Романов-на-Мурмане (Мурманск). В отдельных пунктах были установлены береговые батареи, с которыми должна была взаимодействовать вновь созданная флотилия Северного Ледовитого океана. Противник использовал на театре почти исключительно подводные лодки, которые серьезной угрозы побережью не представляли.

Опыт Первой мировой войны в целом подтвердил правильность предвоенных взглядов на взаимодействие армии и флота в обороне военных портов и побережья. В то же время моряки пришли к выводу о необходимости передачи всей береговой обороны под единое военно-морское командование.

5. Межвоенный период 1918–1939 гг. Взгляды на совместные действия армии и сил флота при обороне ВМБ и побережья накануне Второй мировой войны

К середине 1920-х годов стало понятно, что в условиях развития новых способов и средств вооруженной борьбы значительно возросло значение обороны военно-морских баз, пунктов базирования. Их потеря могла привести к гибели военно-морских сил на театре. Эти положения нашли отражение в руководящих документах РККА и РККВМФ, предусматривающих оборону баз и побережья в различных видах, формах и способах ведения военных (боевых) действий, как важнейшую задачу, увязывая с их масштабом.

После окончания Гражданской войны военно-морские силы имели ограниченный состав, способный выполнять только ограниченные задачи. Поэтому в тот период к обороне баз и побережья, до восстановления флота, предусматривалось привлечение не только сухопутных войск и сил флота, но и формирований ГПУ, ЧОН и др.

При этом по вопросам оперативного подчинения исходили из следующих положений: если противник ведет действия на суше, то морские силы следует подчинить сухопутному командованию; если противник «есть только на море», то для ведения «совокупных действий морских и сухопутных сил, подчинить начальника

сухопутных сил морскому». А в условиях ведения наступательных действий противником и «на суше и на море», считалось целесообразным морские силы подчинить командованию на ТВД.

Произведенные изменения в подчинении формирований береговой обороны привели к проблемам обмена информации между сухопутным и морским командованием. Это, в частности, прослеживается на примере доведения информации до Морских сил о состоянии береговой обороны. Штаб Морских сил добился получения этих сведений через Штаб РККА лишь к концу марта 1924 г.

В условиях немногочисленных вооруженных сил СССР того времени, по взглядам советского военного руководства, наличие активно-оборонительного флота на Балтийском море позволяло выдвинуть линию обороны в значительной мере на запад.

В отношении Черного моря военное руководство считало, что наличие там активного флота: 1) позволит провести операцию по закрытию Босфора, 2) терроризировать своими действиями побережье Румынии и блокировать Констанцу, 3) вести активную оборону Черного моря, как в пределах Украины, так и на Кавказе.

Но, исходя из того, что приоритет военного строительства был сосредоточен на повышении боевой готовности Красной армии, для флота были сформулированы узко оборонительные задачи. Т.е. основными стали задачи береговой обороны.

В 1925 г. Б.М. Шапошниковым была дана трактовка термину «оперативное подчинение» для мирного и военного времени. Шапошников писал: «Понятие “оперативное подчинение“ имеет совершенно определенную точность и ясность. Как в мирное, так и в военное время под этим понятием надо понимать: 1. Разработку соображений, связанных с оперативным использованием данных войсковых соединений на случай открытия боевых действий или в ходе боевых действий <...> В условиях боевой обстановки, когда оперативные требования имеют преобладающее значение, Начальник, коему данная войсковая часть подчинена в оперативном отношении, имеет право вмешаться и в вопросы строевого, административного и хозяйственного порядка, поскольку этого требуют оперативные соображения. В мирное время последние вопросы остаются целиком в ведении соответствующего прямого начальника»¹.

Следует отметить, что 1925 г. стал годом осмысления, разработки и принятия решений по вопросам обороны баз и побережья на приморских театрах. Даже рассматривался вопрос объединения

обороны Балтийского и Черноморского морей. В итоге преобладала целесообразность полной передачи и подчинения береговой обороны Морским силам РККА. Приказом РВС СССР формирования береговой обороны с 1 октября 1925 г. переходили в ведение начальника Морских сил РККА с непосредственным подчинением РВС соответствующих морей.

РВС СССР утвердил 11 июля 1925 г. основные положения реорганизации береговой обороны. Непосредственное руководство береговой обороной было возложено на начальников береговой обороны соответствующих морей. Полевые стрелковые, железнодорожные, караульные части, расположенные в районе крепостей побережья оставались в ведении командования РККА, но в оперативном отношении подчинялись начальникам береговой обороны.

Оценивая значение этого решения, Наморси РККА Р.А. Муклевич в 1926 г. отмечал, что этим решением прекращена ведомственная разобщенность «составных элементов» Вооруженных сил, все приведено к единому централизованному управлению.

Возрастание экономических возможностей СССР повлияло и на интенсивность проведения различных учений и маневров, в том числе и совместных – с участием сухопутных войск и сил флота, удалось приобрести определенный опыт. Однако оставался ряд вопросов взаимодействия не получивших должного решения: связи, поддержки сухопутных частей артиллерийским огнем флота. Отмечалась незнание командирами сухопутных частей возможностей морской артиллерии. В целом же признавалась необходимость проведения совместных учений разнородных сил с привлечением и родов войск этих сил.

Наметилась устойчивая тенденция развития взаимодействия армии и флота. Подчеркивалось, что «в общих задачах военной операции настоятельно требует полного взаимного понимания боевой работы армии и флота»².

В целях достижения четких взаимоотношений с сухопутными войсками и авиацией предлагалось планы подготовки морских сил морей увязать с армейскими частями округов близких к морским театрам; командирам сухопутных частей «быть знакомыми с боевой подготовкой флота путем хотя бы минимального плавательного стажа», а флота – «иметь понятие о прохождении лагерных сборов». Эти же требования, но с учетом специфики работы штабов,

относились к «ответственным оперативным сотрудникам Центра и командованию приморских округов»³.

Во второй половине 1920-х годов одной из проблем стали подчиненность командований формирований Морских сил РККА и их взаимоотношения со Штабом РККА. Это во многом было вызвано постановлением РВС СССР от 6 июля 1926 г., согласно которому, «Штаб Морских сил был упразднен и функции его возложили на Штаб РККА»⁴. Созданное положение негативно влияло на взаимодействие сухопутных войск и морских сил.

Исследование показывает, что вопросы, относящиеся к совместным действиям армии и сил флота при обороне военно-морских баз и побережья в межвоенный период, периодически рассматривались органами государственного и военного руководства СССР. Достаточно сказать, что в период с 1927 г. по 23 марта 1930 г. этот вопрос «на плане стоял» 12 раз.

В зависимости от изменения военно-политической обстановки, экономических возможностей СССР, взгляды на совместные действия армии и сил флота при обороне военно-морских баз и побережья претерпевали изменения.

Вместе с тем, организация взаимодействия сухопутных войск и морских сил на различных морских театрах имела свои особенности.

В межвоенный период решение проблем взаимодействия сухопутных войск и сил флота осуществлялось в русле общих тенденций развития советских ВМС, с передачей функций управления обороной военно-морских баз и побережья в ведение командования ВМС.

В документах, определявших стратегическое использование и регламентируявших оперативную и боевую деятельность РККА, указывалось, что Морские силы РККА, являвшиеся ее составной частью, должны были находиться в готовности к активной обороне своих укрепленных районов и военно-морских баз, к взаимодействию с сухопутными войсками и воздушными силами РККА для обеспечения их операций в прибрежных районах.

В основу теоретических взглядов на стратегическое использование Военно-Морского флота, а также на его оперативную и боевую деятельность на каждом из морских театров были положены требования тщательной координации его задач и действий с другими видами Вооруженных сил для достижения общей цели.

В предвоенное время совместными операциями флота и армии считались: операции по поддержке флотом фланга армии, десантные и противодесантные, против баз и береговых объектов противника (в том числе и операции в шхерных районах) и операции в условиях ледостава⁵.

Основной задачей военно-морских сил считалось отражение нападения на базу с моря и воздуха⁶. Допускалась возможность не только попыток прорыва противником минно-артиллерийской позиции, прикрывавшей базу, но и высадка десанта в пределах операционной зоны базы. Оборона военно-морской базы с суши возлагалась на сухопутные войска. Устойчивость сухопутной обороны военно-морской базы должна была обеспечиваться заблаговременной подготовкой ее участка. Предусматривалось создание многополосной, глубоко эшелонированной оборонительной системы, способной к отражению наступления крупных сил противника.

В документах, регламентирующих оперативную и боевую деятельность Военно-Морского Флота СССР, предусматривалось единство управления силами обороны баз и побережья в целом и районная или участковая система управления ударными и обеспечивающими группами в каждом из районов или участков побережья. Управление всеми силами должно было возлагаться на командира объединения (соединения или части) того вида вооруженных сил, который в данном определенном случае имел основное значение⁷.

Таким образом, решение задач по обороне баз и побережья предполагало участие в этих действиях, как правило, группировки межвидовых сил под единым командованием и по единому замыслу, но практически многие вопросы организации взаимодействия к началу Второй мировой войны решены не были.

* * *

Изучение военно-исторического опыта взаимодействия армии и флота в обороне военно-морских баз и побережья с 1853 по 1939 гг. позволяет сделать некоторые выводы.

Организация управления совместными действиями армии и флота за эти годы прошла несколько ступеней эволюции. В начале Крымской войны 1853–1856 гг. все армейские соединения в Крыму и Черноморский флот в приморской крепости и военном порту Севастополь были объединены единым командованием в лице

начальника Главного морского штаба адмирала А.С. Меншикова. Главнокомандующим армией на Дунае был назначен генерал М.Д. Горчаков, в распоряжении которого находилась и Дунайская военная флотилия. Оборону восточного побережья возглавлял командир Кавказского корпуса при содействии отряда крейсеров Черноморского флота.

Такая организация вполне себя оправдала в боевых действиях против турок, когда Черноморский флот господствовал на море. Но обстановка коренным образом изменилась с появлением на театре флотов, а потом и армий англичан и французов. Их присутствие заставило снять слабые посты на Черноморской береговой линии Кавказа, отвести войска на левый берег Дуная, где речная флотилия включилась в общую с армией М.Д. Горчакова систему обороны прибрежной полосы.

Признание невозможности нашему флоту бросить вызов неприятелю в открытом море позволило последнему высадить многочисленную союзную армию в Крыму и осадить Севастополь. 349-дневная защита крепости стала возможной только благодаря тесному взаимодействию армии и флота.

При этом оборону возглавили моряки – сначала вице-адмирал В.А. Корнилов, а потом – П.С. Нахимов, хотя в крепости имелся комендант от Военного ведомства. Это оказалось оправданным, так как флот поставил на берегу свои тяжелые орудия и направил на берег сотни офицеров и тысячи нижних чинов, вплоть до чинов арестантских рот.

Первая бомбардировка крепости с суши и моря – сражение 5 октября 1854 г. – показала опасность орудий фортов ее приморского фронта для деревянных судов. Затопление же кораблей следует считать преждевременным. Помимо всего прочего оно развязало руки флотам неприятеля, который получил свободу действий против Керчи, Кинбурна и других пунктов нашего побережья.

Причинами оставления защитниками Южной стороны Севастополя стали техническое превосходство англичан и французов, неразвитость российских путей сообщения, обусловившая недостатки в снабжении, в том числе и боеприпасами, отвлечение значительных сил армии на другие театры. Определенную роль сыграла и несостоятельность адмирала А.С. Меншикова и некоторых сухопутных генералов.

В годы войны получила развитие и приморская оборона на Балтике, которая была основана на взаимодействии приморских крепостей, отдельных укреплений Военного ведомства и Балтийского флота, который также уступил неприятелю море, но сохранил суда. Враги так и не рискнули атаковать Кронштадт, а бомбардировка Свеаборга не имела последствий.

Здесь, в отличие от Крыма, не было единства командования армией и флотом, но это практически не оказало влияния на ход боевых действий. Примером удачного взаимодействия армейцев и моряков под единым командованием стал победоносный Петропавловский бой 1854 г. Береговые батареи и небольшие суда в сочетании с хорошими знаниями местных условий обеспечили защиту устьев Амура и Северной Двины, но защитить обширные побережья морей Дальнего Востока, Мурмана и Белого моря без сильного флота оказалось невозможным.

Осмысление уроков Крымской войны ускорило переход армий и флотов к нарезному оружию, во флотах – переход к паровым, а вскоре и броненосным судам, совершенствование мин заграждения – важные элементы минно-артиллерийских позиций, но не вызвало принципиальных изменений в организации взаимодействия армии и флота в обороне военных портов и побережья.

Особенности Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заключались в следующем:

- у России был единственный противник – Турция, имевшая многочисленный флот и значительную армию, но недостаточно подготовленный личный состав;

- российский Черноморский флот не восстановил свою боевую мощь и был явно слабее турецкого;

- на вооружение приморских крепостей Военного ведомства поступили стальные нарезные орудия образца 1867 г., которые по мощности и дальности стрельбы не уступали современным им корабельным;

- Севастополь как порт и крепость не был полностью восстановлен, но с 1875 г. уже был связан с центральной Россией железной дорогой.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Россия столкнулась с подготовленным противником на удаленном от центральной части империи театре военных действий. Россия проникла в Манчжурию, арендовала Порт-Артур. Однако своевременных мер

по укреплению обороны Приморья и новых приобретений ни Военным, ни Морским ведомством принято не было.

Для объединения руководства армией и флотом в 1903 г. было учреждено особое наместничество во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым, который с начала войны стал главнокомандующим. Однако он не имел необходимых материальных средств и ближайших помощников – командующих армией и флотом. Крепости Порт-Артур и Владивосток были не достроены. Флот уступал японскому.

Не был окончательно решен и вопрос о командовании в Порт-Артуре. Командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров, впервые включивший в состав своего штаба офицера Генерального штаба армии, предложил подчинить крепость флоту, но ему отказали.

С началом непосредственной осады крепости в ней и вовсе сложилось ненормальное положение – фактически 2 коменданта и еще командующий эскадрой. Противоречия между ними сыграли отрицательную роль, но именно взаимодействие армии и флота, сложившееся в первую половину войны, позволило защищать крепость до декабря 1904 г. Моряки свозили на берег орудия и десантные роты, которые совместно с гарнизоном сражались на фортах и батареях.

Усиленная к 1905 г. оборона Владивостока помимо крепостных батарей гарнизона включала минные заграждения и подводные лодки. Для связи впервые широко применялись радио и телефоны.

Основным выводом, сделанным по опыту войны, был вывод о необходимости наличия в удаленном военном порту (военно-морской базе) не только приморского, но и мощного сухопутного фронта обороны.

Главной причиной проигрыша войны все-таки явились не отсутствие взаимодействия, а поражение нашего флота, который погиб, не решив поставленных ему задач.

Уроки войны 1904–1905 гг. изучались и обсуждались не только в Военном и Морском ведомствах, но и в военной, и в гражданской печати. Окончательно договориться о вопросах подчиненности береговой обороны не удалось.

В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. Балтийский флот был оперативно подчинен командующему 6-й армией. Главной его задачей было не допускать или затруднить форсирование превосходящими силами германского флота минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива и вместе с 6-й армией отразить

десант вблизи столицы. Но германский флот в залив не пошел, ограничившись посылкой на Балтику малых крейсеров, эсминцев и подводных лодок.

В 1915 г. флот подчинили главнокомандующему Северным фронтом, а в 1916 г. – Ставке ВГК. К этому времени были оборудованы Передовая, Або-Аландская и Моонзундская позиции.

В кампании 1915 г. германский флот превосходящими силами прорвался в Рижский залив, но, не имея возможности там удержаться, отступил, оставив прибрежный фланг сухопутного фронта под воздействием русских Морских сил Рижского залива. В кампанию 1916 г. прорыв германской 11-й флотилии эсминцев минного заграждения Передовой позиции окончился гибелью семи из одиннадцати новейших кораблей.

Только в кампанию 1917 г., воспользовавшись падением дисциплины в русской армии и во флоте, неприятель смог захватить Ригу, а потом и острова Моонзундского архипелага. Из-за падения морального духа обороняющихся, имевших значительные материальные средства, но частью бежавших, выводы о прочности русской обороны в 1917 г. не могут быть объективными.

Иной была обстановка на Черном море, где оборона берегов опиралась на мощную приморскую крепость Севастополь, укрепления у Керчи, Очакова, Одессы, а, главное на господство на море (правда, не прочное) российского Черноморского флота. Во время войны береговые батареи были установлены в Батуме и в некоторых других пунктах побережья. Активность неприятеля ограничивалась отдельными нерезультативными набегами.

На Севере, исходя из изменившейся обстановки (обеспечение коммуникаций с союзниками), был восстановлен Архангельский порт, устроен порт в Кольском заливе, в отдельных пунктах установлены береговые батареи. В 1915–1917 гг. была сформирована и Флотилия Северного Ледовитого океана. В нее вошли корабли, прибывшие с Дальнего Востока, или приобретенные за границей. Однако неприятель на Севере не посягал на наше побережье, ограничившись действиями подводных лодок против морских перевозок.

Межвоенный период в истории советского ВМФ 1918–1939 гг. был отмечен несколькими реорганизациями Вооруженных сил, из которых для целей нашего исследования наиболее важными являются следующие:

– была реализована старая идея моряков о полной передаче флоту всей береговой обороны, включая приморские крепости (1925 г.);

– в результате нескольких преобразований к 1927 г. Красный Флот почти полностью утратил самостоятельность. Штаб РККФ упразднили, как и Морские силы Дальнего Востока;

– в 1937 г. был восстановлен Штаб РККФ, а в конце декабря того же года образован самостоятельный Наркомат Военно-Морского Флота, формально равноправный с Наркоматом обороны. В начале 1938 г. были сформированы Главный штаб ВМФ и Управление Военно-Воздушных сил ВМФ;

– если в 1920-е – первой половине 1930-х гг. оборона побережья строилась на основе взаимодействия береговой обороны с подводными лодками, торпедными катерами, немногочисленными надводными кораблями, а также с войсками и авиацией РККА, то в конце 1930-х гг. она дополнилась ударными силами: ВВС флотов и новыми крейсерами и эсминцами.

После Первой мировой войны в руководстве РККА и РККФ сложилось мнение, что решить задачи обороны морских границ СССР можно будет только на основе тесного взаимодействия армии и флота.

Основываясь на опыте Мировой и Гражданской войн, этих взглядов придерживались нарком М.В. Фрунзе, начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский и другие армейцы, а из моряков, помимо известного теоретика и историка М.А. Петрова и прочих, будущий известный адмирал И.С. Исаков.

Были разработаны и опубликованы научные исследования десантных операций против Циндао (1914 г.), Дарданелльской (1915 г.), Моонзундской (1917 г.), обороны Порт-Артура (1904 г.), действий флота против берега (в 1914–1917 гг.) и другие.

Практическое использование этих достижений теоретической мысли, однако, затруднялось частыми служебными перемещениями командиров и снижением их квалификации. Необходимо указать и на отрицательный эффект развернувшихся против командного состава армии и флота репрессий.

Так, были уничтожены А.И. Егоров, М.Н. Тухачевский, Р.А. Муклевич, М.В. Викторов, В.М. Орлов, И.К. Кожанов, П.И. Смирнов-Светловский, В.М. Гиттис, М.В. Сангурский, К.И. Душенов, Э.С. Панцержанский, И.Н. Кадацкий-Руднев, А.А. Тошаков,

Таблица 1

Военная элита СССР	Состояло в 1936 г.	Погибло за годы репрессий
Маршалы Советского Союза	5	расстреляно – 2 умерло под стражей – 1
Командармы 1-го ранга	5	расстреляно – 5
Флагманы флота 1-го ранга	2	расстреляно – 2
Командармы 2-го ранга	10	расстреляно – 14
Флагманы флота 2-го ранга	2	расстреляно – 3
Флагманы 1-го ранга	6	расстреляно – 5
Флагманы 2-го ранга	данных нет	расстреляно – 4 умерло под стражей – 1

Данные приведены по: *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. – М., 2012. С. 8–10.

В.П. Калачев, Г.П. Киреев, И.М. Лудри, А.К. Сивков и др., а ведь именно они, как концептуально, так и практически, решали проблемы взаимодействия сухопутных войск и сил флота при обороне ВМБ и побережья. Кроме того, в годы репрессий флот потерял около 3000 командиров и начальников.

Сохранялась и известная ранее обособленность командиров армии и флота.

Важным аспектом считаем отсутствие накануне Второй мировой войны руководящих документов, регламентирующих совместные действия сухопутных войск и сил флота. Так, в армейских документах (Полевой устав 1936 г.) вопросы организации обороны военно-морских баз с суши не рассматривались вообще. Флотскими документами (Боевым уставом ВМС РККА 1937 г.) такая операция как типовая также не предусматривалась. Ни в одном документе не рассматривались вопросы создания системы пунктов управления, их оснащения, порядка перемещения, связи взаимодействия и прочие.

Показательны итоги совместных учений КБФ и ЛенВО по обороне Кронштадта, проведенных зимой 1938 г.: «вопросы организации обороны военно-морской крепости не отработаны, боевое управление находится на низком уровне. Работа штабов соединений и частей была настолько медленной, что не обеспечивала успешного управления войсками и силами флота. Техника работы штабов находилась на низком уровне, обстановка на карты наносилась неудовлетворительно. Дело доходило до того, что некоторые

руководители совместных учений даже не разрабатывали необходимых документов по организации управления»⁸.

Накануне войны были предприняты некоторые меры по отработке взаимодействия. При этом старались учесть опыт боевых действий в Европе в 1939–1940 гг. В октябре 1940 г. были проведены учения КБФ на тему «Оборона устья Финского залива и островов Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго)». Тогда же состоялись маневры и отрядные учения ТОФ по теме «Отражение десантной операции во взаимодействии с ВВС и Красной Армией, с одновременными действиями на коммуникациях и против баз противника с обеспечением флангов своей армии».

25–31 октября 1940 г. состоялись и маневры ЧФ на тему «Операция флота против баз противника при одновременном содействии флангу армии и обеспечении перевозок в восточной части Черного моря».

Подводя итоги боевой подготовки за 1940 г., нарком ВМФ, в частности, отметил улучшение связи и взаимодействия с военными округами Красной Армии. Это прозвучало довольно оптимистично. На самом деле армия и флот имели несогласованные между собой системы связи, а по радиовооружению флот на порядок превосходил Красную Армию.

Известно также, что оперативные планы и планы прикрытия флотов и военных округов не были согласованы между собой. Это же наблюдалось и на местах. Так, не было отработано взаимодействие моряков и армейцев на случай обороны Либавы, расположенной вблизи границы и не имевшей укрепленного сухопутного фронта обороны. Все это отрицательно сказалось на действиях наших Вооруженных сил в начале войны.

* * *

Организация и осуществление взаимодействия сухопутных войск и сил флота при обороне военно-морских баз и побережья – сложный и многогранный процесс, требующий от командующих (командиров) и штабов:

- предвидения развития операции (боя);
- умения эффективно использовать огневые и маневренные возможности соединений и частей видов ВС, родов войск и специальных войск в различных условиях обстановки;
- умения быстро и точно увязывать их взаимные действия в

интересах достижения поставленных задач (цели);

– умения (на основе знания ТТД образцов вооружения и военной техники и других факторов) компенсировать слабые стороны одних войск (сил) боевыми возможностями других;

– знания роли и места войск связи при ведении современных военных действий разнородными группировками;

– принятия решений, доведения решений и приказов до исполнителей в режиме времени, близком к реальному, и др.⁹

Решая жизненно необходимую задачу по реформированию Вооруженных сил России, мы понимаем, что без научной основы современную армию и флот построить нельзя.

Вооружение и военная техника на современном этапе – это высокотехнологическая продукция, представляющая собой «сложнотехнические изделия, созданные на основе применения уникальных (высоких) производственных процессов, либо продукцию, реализующую свои потребительские функции с использованием новейших высокоэффективных физико-технических свойств»¹⁰.

В то же время военная компонента государства не может развиваться, игнорируя опыт прошлых войн. Несмотря на то, что в последнее время все чаще и чаще военные теоретики и практики обсуждают тему сетцентрических войн (операций). При этом их мнения весьма разнообразны: от полного отрицания возможности ведения сетцентрических войн, до призывов к немедленной перестройке всей военной организации в соответствии с принципами сетцентризма. Другие специалисты акцентируют свое внимание на изменениях форм и способов ведения военных действий, связанных с появлением новой концепции¹¹.

Аналитиками делается вывод, что «основной причиной создания новой концепции вооруженной борьбы явилась трансформация ее характера, а **не изменение подходов к управлению войсками** (выделено – Э.К.)»¹².

Поэтому важно понимать, «что старые ситуации не повторяются в их прошлом виде, а новые – более сложны. Но они могут быть правильно учтены, если мы вооружимся историческим опытом»¹³.

Верховный Главнокомандующий ВС РФ еще в 2004 г. призывал нас не забывать военные традиции армии и флота нашего Отечества. «В них опыт многих поколений офицеров, посвятивших себя ратной службе. Обращение к этим истокам помогает нам решать и современные военные задачи», – отметил В.В. Путин¹⁴.

- ¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 58. Л. 152–152 об.
- ² Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 193. Л. 26.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 21. Л. 76.
- ⁵ Ачкасов В.И., Павлович Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973. С. 20.
- ⁶ Там же. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 170–171.
- ⁸ ЦГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 428. Л. 77. См. подробнее: Волков В.Ф. Деятельность государственных и военных органов управления России по руководству регулярной армией и флотом в совместных действиях на приморских направлениях (1700–1990 гг.). М.: ВАГШ ВС РФ, 2006. Т. 1. С. 51–52.
- ⁹ Волков В.Ф. Указ. соч. С. 12–13.
- ¹⁰ Буренок В.М., Лавринов Г.А., Подольский А.Г. Оценка стоимости показателей высокотехнологичной продукции. М.: Издательская группа «Граница», 2012. С. 6.
- ¹¹ Кривонос О.К. Сетецентрические войны как результат трансформации вооруженной борьбы // Наука и военная безопасность. 2011. № 1. С. 2–5; Бузин Н.Е., Суряев В.Н. О понятии «асимметрия» в военной науке // Наука и военная безопасность. 2011. № 1. С. 6–9; Орлов М.И. Некоторые проблемы подготовки и ведения наступательных операций в современных условиях // Военная мысль. 2010. № 12. С. 25.
- ¹² Кривонос О.К. Указ. соч. С. 2–5.
- ¹³ Волков В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 15.
- ¹⁴ Красная Звезда. 2004. 26 июня.

А.В. Марьяняк (Москва)

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ БАТАЛЬОНЫ (1916–1917)

К НАЧАЛУ второго года Великой войны русская армия подошла с громадными невосполнимыми потерями, невосполнимыми не только качественно, но даже количественно. В первую очередь это касалось офицерского корпуса. К концу т. н. «великого отступления» 1915 г. некомплект офицеров в частях действующей армии составил: пехоты – 22 630 чел., артиллерии – 819 чел., кавалерии – 409 чел., казачьих войск – 312 чел. и инженерных войск – 291 чел. (данные на 1 сентября 1915 г.)¹. Вместе с тем, военное ведомство столкнулось с исчерпанием внутренних резервов для укомплектования военно-учебных заведений, призванных готовить пополнения для тающего офицерского корпуса.

Едва ли не главной причиной такой ситуации явился крайне гуманистический подход, утвердившийся в бюрократических кругах Российской Империи последнего полувека ее существования, следствием чего стало крайне либеральное законодательство, в т.ч. и в отношении отбывания воинской повинности, вследствие чего Военному министерству приходилось действовать в очень узких рамках, совершенно не сходных с широтой взглядов и размахом, установившихся затем в СССР. Ведение тотальной войны, требовавшей мобилизации всех сил государства и населения, плохо сочеталось с нравами и порядками во многом традиционного российского общества.

Одной из объективных причин, отразившихся на восполнении потерь в офицерском составе русской армии в ходе Великой войны, были не успевшие еще сказаться успехи в развитии системы образования и патриотического воспитания. Контингент добровольцев из

числа образованной и патриотически настроенной молодежи был фактически исчерпан к осени 1915 г., требовался «призыв под знамена». Единственной значительной нетронутой группой оставались студенты высших учебных заведений, пользовавшиеся отсрочкой до окончания образования. Хотя право на их призыв было получено Военным министром вскоре после начала войны, «военное ведомство, глубоко сознавая все значение для страны высшего образования, предполагало призывать на военную службу означенных молодых людей только для укомплектования ими военных училищ и только в тех случаях, если бы для названного комплектования не оказалось достаточного числа лиц, добровольно желающих поступить в эти училища»². Вплоть до начала 1916 г. к призыву студентов не прибегали. Но военные училища, даже с ускоренными выпусками, не могли восполнить потери в постоянно растущей армии, «пополнение офицерского некомплекта в армии могло быть достигнуто только широким развитием дела формирования школ подготовки прапорщиков пехоты и выпусками из этих школ очень большого числа офицеров, каковых к 1-му марта сего (т. е. 1916. – А.М.) года выпущено до 40 000 человек.

Столь значительная цифра исчерпала, однако, запас более интеллигентных молодых людей, и последние выпуски из школ подготовки прапорщиков пехоты, равно как и из военных училищ, оказываются, в качественном отношении, ниже первых выпусков»³.

Несколько восполнив из последних резервов офицерский некомплект после «Великого отступления» (на 1 января 1916 г. некомплект офицеров в частях действующей армии составил: пехоты – 11 647, артиллерии – 804, кавалерии – 223, казаков – 70, инженерных войск – 398, всего – 13 142 чел., при наличии в запасных частях фронтов – 5703 офицеров пехоты)⁴, военное ведомство в преддверии летней кампании все равно было вынуждено обратиться к призыву студентов, едва ли не в первую очередь – в надежде на повышение качества подготовки офицерского состава, т. к. продление сроков подготовки (чем также можно было бы добиться той же цели) не представлялось возможным, особенно учитывая постоянное снижение образовательного уровня юнкеров.

Первый же опыт показал всю радужность надежд Военного министерства и отдаленность их от реальности. В первый призыв марта 1916 г. попадали первокурсники, родившиеся в 1895 г. Он предназначался для укомплектования в половинном составе 1, 2 и 3-й

Петергофских, 3-й Московской и 1-й Одесской школ подготовки прапорщиков пехоты, которые специально перепрофилировались для обучения воспитанников высших учебных заведений. Три Петергофские и 3-я Московская школы должны были получить укомплектование к 15 марта 1916 г., 1-я Одесская – к 25 марта. Общее число подлежащих исполнению воинской повинности первокурсников 1895 г. рождения в высших учебных заведениях Империи (без учета студентов медиков и ветеринаров, а также студентов университета Св. Владимира) составляло 4503 человека⁵. Первый набор должен был составить всего 1350 человек, и его планировалось провести за счет петроградских, московских и части одесских вузов. Предполагалось, что на медицинское освидетельствование в марте поступит 2277 студентов, от 20 до 40 % которых окажутся неспособными к военной службе по здоровью, таким образом «излишек призванных, в числе коих будут и лица, не имеющие права на достижение офицерского звания, может оказаться от 17 до 472 человек»⁶.

Реальность круто опрокинула расчеты военных: к 26 марта 1916 г., т. е. когда в первых четырех школах уже вторую неделю должны были идти занятия с младшим студенческим курсом, «в 1-ю, 2-ю и 3-ю Петергофские школы подготовки прапорщиков пехоты прибыло, вместо ожидавшихся 800 человек студентов, только 307 и в 3-ю Московскую школу – вместо 250 – 156 студентов»⁷. Правильные занятия смогли начаться только в 1-й Петергофской школе подготовки прапорщиков пехоты, а военные поняли, что «подобные явления грозят повторяться и при всех последующих комплектованиях школ студентами, необходимо принять экстренные меры к устранению означенных явлений»⁸.

К 22 апреля 1916 г., когда к первым пяти школам еще добавилась 1-я Тифлисская школа подготовки прапорщиков пехоты (которая должна была быть укомплектована к 1 апреля 1916 г., также в половинном составе) стало ясно, «что первый опыт призыва воспитанников высших учебных заведений <...> дал весьма неудовлетворительные результаты: из числа 3566 подлежащих призыву явилось и оказалось годными к военной службе около 1050 студентов.

Благодаря этому школы подготовки прапорщиков пехоты, предназначенные для укомплектования их студентами, остались частью неуккомплектованными, частью укомплектованными не полным числом, частью укомплектованными значительно позднее полагающихся сроков, так:

- 1) 1-я Петергофская школа укомплектована полностью в срок.
- 2) 2-я Петергофская школа укомплектована полностью с опозданием на 1 1/2 месяца.
- 3) 3-я Петергофская школа до сих пор вовсе не укомплектована.
- 4) 3-я Московская школа укомплектована вместо 250 чел. – 189-ю чел.
- 5) 1-я Одесская школа укомплектована вместо 300 чел. – 223-мя чел.
- 6) 3-я Тифлисская школа укомплектована вместо 250 – 116-ю чел.»⁹.

Несогласованность действий трех министерств: народного просвещения, внутренних дел и военного – сказывалась в полной мере. Фактически студенты поступали в ведение военного ведомства, только прибыв в школы подготовки прапорщиков пехоты и военные училища, воинские же начальники не могли обеспечить массовое, а главное – своевременное, поступление воспитанников высших учебных заведений в войска. Не способствовало улучшению положения и отсутствие какого бы то ни было уголовного наказания для студентов, уклоняющихся от отбывания воинской повинности (впервые военное министерство озаботилось этим вопросом только в июле 1916 г.¹⁰, но против выступило МВД, напомнив, что «закон обратной силы не имеет»¹¹). В результате, даже спустя полгода, удалось добиться лишь относительных успехов. В своем рапорте от 19 августа 1916 г. заведующий школами подготовки прапорщиков Петроградского военного округа генерал-майор Лазаревич доносил начальнику штаба округа: «студенты продолжают прибывать в школы крайне неравномерно. В рапорте моем от 9-го июля за № 1177 я доносил Вашему Превосходительству, что продолжительность комплектования школ студентами была: 1-ой Петергофской школы – 14 дней, 2-ой – 14 дней и 3-ей Петергофской школы – 20 дней. В настоящее время этот весьма важный для правильной жизни школ вопрос не улучшился: младший курс 1-ой Петергофской школы, комплектование которого началось 20 июля, до сего времени еще не пополнен до штата; всего на курсе 237 юнкеров, вместо 275»¹².

Среди мер, долженствовавших подкрепить сознательный патриотический порыв студенческой молодежи, было предусмотрено создание «подготовительных учебных батальонов», в которых можно

было бы собирать воспитанников высших учебных заведений, призываемых в войска и проводить с ними начальную военную подготовку. Поместить «интеллигентных юношей» в обычную казарменную обстановку сочли невозможным, в результате первое, с чем столкнулось Военное министерство, – отсутствие помещений. После длительных поисков весной 1916 г. было сочтено возможным разместить один подготовительный учебный батальон – в новых зданиях Нижегородской духовной семинарии (причем на оборудование требовалось 110 тыс. рублей), а другой – в переоборудованных помещениях 93-го пехотного запасного батальона в Царицыне (150 тыс. рублей на переоборудование). Решения о начале и местах формирования 1-го подготовительного учебного батальона было принято 31 марта 1916 г., а 2-го подготовительного учебного батальона – 6 апреля 1916 г. Подходящих мест для размещения других «студенческих батальонов» не нашли, вследствие чего и дальнейшие формирования были остановлены (например, 3-й подготовительный учебный батальон в Перми, на 1500 чел. переменного состава).

1-й (нижегородский) и 2-й (царицынский) подготовительные учебные батальоны, на 1000 и 1500 чел. переменного состава соответственно, предположено было сформировать в первой половине июня 1916 г. Об их формировании и штаты (1-й – 4-х и 2-й – 6-ротного состава) было объявлено в приказе по военному ведомству за № 347 от 3 июля 1916 г., батальоны формировались «на все время войны»¹³. По замыслу офицеров Главного управления Генерального штаба «эти 2 батальона должны вместить всех студентов, не имеющих права на достижение офицерского звания, впредь до получения ими какого-либо назначения и достаточный запас студентов для своевременного комплектования военных училищ и школ подготовки прапорщиков пехоты»¹⁴. Принимая во внимание потребность в студентах Главного управления военно-учебных заведений для доукомплектования военных училищ (например, 1950 чел. на майский и 1850 чел. на июньский приемы 1916 г.), а также реальную потребность «студенческих» школ прапорщиков (2400 чел. в мае 1916 г.), два батальона выполнить эту задачу были не в состоянии.

Вместо запланированной «первой половины июня» 2-ой подготовительный учебный батальон был сформирован только в конце июня 1916 г., а донесение о формировании 1-го подготовительного батальона и готовности принимать студентов было отправлено лишь 25 июля¹⁵.

Забота о моральном и бытовом комфорте была проявлена со стороны военного ведомства в полной мере. Еще 4 июля 1916 г. Отдел по устройству и службе войск обращал внимание начальника Мобилизационного отдела ГУГШ: «принимая во внимание, что в подготовительные батальоны будут попадать исключительно воспитанники высших учебных заведений, большая часть коих вслед за сим будет назначена в военные училища и школы прапорщиков, полагаю, что было бы более удобным установить для этих молодых людей во время их пребывания в подготовительных батальонах обращение на Вы (выделено в документе. – А.М.)»¹⁶. 26 июля 1916 г. начальник ГУГШ генерал-лейтенант Аверьянов настаивал перед дежурным генералом Главного штаба: «Принимая во внимание особые условия комплектования подготовительных учебных батальонов воспитанниками высших учебных заведений, офицерские чины постоянного состава этих батальонов и особенно командиры их должны обладать соответствующим тактом для успешного ведения дела воинского воспитания интеллигентной студенческой молодежи, почему надлежащий выбор таковых представляется весьма затруднительным и должен производиться только из числа наилучших офицеров»¹⁷.

Первоначальный план, согласно которому в подготовительных учебных батальонах планировалось давать полноценную строевую и военную подготовку (курс обучения – не менее трех месяцев: один – на сведения, обязательные для рядового, два – курс учебной команды военного времени), сразу же «пошел прахом»: одновременное прибытие призванных приводило к тому, что студенты задерживались в батальоне от нескольких дней до нескольких месяцев, причем вторую категорию составляли лица, не имевшие права на достижение офицерского звания. Облегчить труд военно-учебных заведений не удалось: даже одиночное обучение фактически осталось на офицерах военных училищ и школ прапорщиков.

За первую половину июля 1916 г. 2-й подготовительный батальон из 723 нижних чинов переменного состава отправил в 1-ю Одесскую школу подготовки прапорщиков пехоты 320 чел., получил пополнение в 510 чел., а уже 21 июля отправил в 4-ю, а 24-го – 5-ю Киевские школы прапорщиков по 250 чел., 28 июля еще 320 чел. отправлено в 1-ю Одесскую школу прапорщиков. Естественно, что вести какую-либо подготовку, а тем более планомерные занятия при такой текучести кадров было просто нереально.

Всю неотлаженность системы комплектования видно на следующем примере:

Утром 31 июля 1916 г. командующий 2-м учебным подготовительным батальоном получает через начальника штаба Казанского военного округа наряд от начальника Мобилизационного отдела ГУГШ на отправку к 6 августа в 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков 250 студентов. Переменного состава на этот момент в батальоне – 194 чел., из которых отправлено в Тифлис может быть лишь 165 чел. (из остающихся – 1 предназначен для отправки в Алексеевское инженерное училище, 2 иудея, остальные – больные), о чем следует ответная телеграмма. Но студенты прибывали каждый день и на 1 августа списочный состав переменного состава батальона – 203 чел., а уже 2 августа могло быть отправлено 240 чел., а 3 августа в Тифлис командированы уже все 250¹⁸.

В октябре месяце 1916 г. оба подготовительных батальона осматривал генерал для поручений при Военном министре генерал-майор Борис Викторович Адамович, с конца 1915 г. выступавший фактически в роли инспектора военно-учебных заведений, подчиненных и ГУВУЗ (военные училища) и ГУГШ (школы прапорщиков). Обладая значительным опытом службы в военно-учебном ведомстве (командир батальона в Киевском военном училище в 1906–1909 гг. и начальник Виленского военного училища в 1909–1914 гг.) и не будучи подчинен ни одной из военно-учебных инстанций, он являлся как бы «оком военного министра», на основании докладов которого последний судил о постановке военно-учебного дела в ходе войны.

Осмотр 1-го подготовительного учебного батальона был проведен 2–3 октября 1916 г. Б.В. Адамович отмечает значительную нехватку офицеров в батальоне (вместо штатных 23 по списку числится всего 15), в т.ч. 2 кадровых офицера, не выступившие со своими частями в поход, и 5 подпоручиков ускоренных выпусков 1914 г., еще не бывших на войне, большинство этих офицеров поступили в батальон из школ прапорщиков, «таким образом, распоряжение Военного Министра об их откомандировании от Школ исполнено, на войну же они все-таки не поехали»¹⁹. Сам же командир батальона – полковник Скворцов – участник войны, кавалер Георгиевского оружия. Нижние чины постоянного состава имеются даже в сверхштатном числе (102 вместо 92), но, будучи присланными из разных частей, не обладают однообразной подготовкой, кадровых

солдат из учебных команд – единицы, большинство – молодежь призывов военного времени. Бытовая сторона размещения переменного состава была на высоте: «Помещения не оставляют желать ничего лучшего; комнаты громадны, расположены удобно и связаны широкими коридорами и лестницами; все квартирные нужды б-на обеспечены даже с избытком: превосходны спальни, столовые, кухни, пекарни, околосок (в отдельном здании), канцелярия, приемная и команды; имеется громадный двухсветный зал, комнаты для всех офицеров и изобильное множество помещений для мастерских, кладовых, курилок и проч. Освещение электрическое»²⁰. К этому следует добавить тот факт, что в отличие от постоянного состава, довольствовавшегося на 16 коп. в день, бывшие студенты питались на 65 коп. (при двух мясопустных днях в неделю, в остальные дни всегда – жаркое и мясной ужин), при этом кашеваром переменного состава был бывший повар ресторана «Контан». Посуда и сервировка были оценены как «очень хорошие», отдельно отмечены фаянсовые суповые миски. В собственных кладовых батальона был сделан запас продуктов на 2 месяца.

Оружием и всевозможными пособиями батальон был снабжен сверх меры, что, учитывая кратковременность пребывания в нем переменного состава, сочтено излишним (особенно при нехватке этого в школах подготовки прапорщиков, где собственно и велось настоящее обучение). В школе было 1103 новых боевых винтовки, 160 винтовок 7-и иностранных систем, употребляемых к тому моменту в русской армии, пулемет, 800 лопат, 100 кирко-мотыг, 100 топоров, полный комплект нового походного снаряжения и т.д., т.е. того, что могло бы найти себе более разумное применение, чем полевые телефоны, зачем-то выданные батальону для занятий, но обеспечивавшие телефонную связь внутри различных помещений. При наличии школ подготовки прапорщиков, имевших половинный комплект русских винтовок и не имевших вовсе винтовок иностранных образцов, столь обильное снабжение вооружением батальона, в котором значительная часть переменного состава не успевала с устройством винтовки даже ознакомиться, выглядело мерой неразумной. То же можно сказать и об отсутствовавшем даже в ряде военных училищ пулемете, где обучение приходилось вести по схемам и макетам.

«В общем, сложный и деликатный вопрос взаимоотношений молодых людей переменного состава с кадровыми нижними чина-

ми разрешился, по-видимому, вполне правильно и благополучно; <...> молодежь переменного состава отозвалась о кадровых с чувством признательности, всякие же, подчас смешные, своеобразности их повадок, надо думать, искупаются сторицей психологическим влиянием примера бесхитростного и полного подчинения долгу службы. Едва ли не в этом разгадка очевидного успеха, казалось бы самой невероятной задачи: подчинения студенчества унтер-офицерам»²¹, – отмечено в отчете.

Планомерное обучение в батальоне было невозможно: «полноправные»²² пребывали в батальоне от 2–3 дней до 6–8 недель, подразделяясь в каждой роте на 6 партий по различным срокам обучения, которое из-за нехватки офицеров приходилось поручать нижним чинам постоянного состава. Но неожиданной телеграммой из ГУГШ об отправке потребного числа обучаемых в ту или иную школу прапорщиков или военное училище процесс обучения прерывался и ломался, а офицерский состав военно-учебных заведений жаловался на то, что им приходится переучивать «усвоенному» в батальоне. По мнению Б.В. Адамовича задача подготовительных батальонов была не во взятии на себя части процесса обучения от школ и училищ, а лишь в «подготовке к восприятию» будущего обучения. Задачи батальонов не требуют полноценного солдатского обучения, «отождествление же пребывания переменного состава в б-х с проведением их, как бы, через войска также не представляется правильным, ибо, в сущности, в тех условиях, в которых б-ны существуют, ничего нет и быть не может ни действительно казарменного, ни солдатского»²³. Фактически учебные подготовительные батальоны являлись приемниками, где интеллигентные молодые люди могли бы получить предварительную строевую подготовку.

2-й подготовительный учебный батальон был осмотрен генералом Б.В. Адамовичем 17–18 октября 1916 г. Командующий батальоном подполковник Гоняк, также участник Мировой войны, был охарактеризован в отчете гораздо жестче командира 1-го подготовительного батальона: «Человек, не имеющий педагогического опыта и такта <...>, офицер нераспорядительный, теряющийся и начальник весьма неосведомленный о нуждах подчиненных и их удовлетворении»²⁴. Оставлял желать лучшего и офицерский состав: из 33 офицеров 26 – подпоручики и прапорщики ускоренных выпусков из военных училищ, причем двое из них командуют ротами,

«эти данные говорят сами за себя, определяя совершенную неподготовленность этих двух ротных командиров и всех младших офицеров к руководству и обработке столь сложного состава подчиненных как призванная молодежь высших учебных заведений»²⁵, – отмечено в отчете. Из 33 офицеров 27 еще не были на войне, в т.ч. 4 кадровых, не выступивших со своими частями в поход и 16 – ускоренных выпусков, состоящие в офицерских чинах от 8 мес. до 1 года 10 мес. Против этих «характеристик» в деле на полях имеется помета о том, что Военный министр приказал срочно запросить командующего войсками Казанского военного округа о замене командующего батальоном «более подходящим лицом, а равно и другого персонала (офицерского)»²⁶, но на 17 января 1917 г. подполковник Гоняк еще оставался в прежней должности²⁷.

Подбор кадрового состава нижних чинов наоборот был произведен тщательнее, нежели в 1-м батальоне: все 132 окончили учебные команды, 57 из них были в них кадровыми, их можно признать лучшими строевыми унтер-офицерами.

Размещение и устройство помещений – также на высоком уровне. Единственный минус – размещение самих казарм на окраине городских предместий Царицына, неудобное сообщение с городом (или пешком или на извозчике). В столовой отмечено такое «упущение», как отсутствие скатертей и салфеток и покрытие столов клеенками. На питание постоянного состава выделялось по 20,7 коп. в день, переменного – 65 коп. При этом, по мнению Б.В. Адамовича, пища оказалась «вполне хорошей у кадровых, но мало удовлетворительной у переменного состава: по раскладке 3 раза в неделю вместо жаркого дается только каша, супы в дни осмотра оказались жидкие, рагу невкусное...»²⁸. После пуховых подушек 1-го батальона обратили на себя внимание набитые сеном во 2-м. Также в резком контрасте с 1-м батальоном был и внешний вид бывших студентов, и отсутствие запасов в цейхгаузе, отдельно выделено что «портянки не заменены носками». Перевозка отправляемых в школы прапорщиков и училища в теплушках была признана «тяжким испытанием». Оружием, шанцевым инструментом и пособиями батальон также снабжен в избытке. Как и в 1-м подготовительном батальоне, старший наряд несетя нижними чинами постоянного состава, младший – переменного.

«Внешний вид нижних чинов переменного состава, принимая во внимание краткость нахождения в б-не полноправных,

но также и давность пребывания бесправных, производит очень неблагоприятное впечатление: дисциплины – порядка и подготовки – выделки в б-не нет; молодые люди, по-видимому, выходят лишь переодетыми, но не тронутыми военно-воспитательным прикосновением. Как уже отмечено, очень многие ходят в студенческой одежде; кое-как обмундированные носят на рубашках профессиональные значки, снятые с фуражек; желающие носят пенсне; очень многие, вопреки даже недавнему приказу о том Командующего Войсками, продолжают брить усы; все – не умеют отдавать честь, ни стоять смирно, ни разговаривать. По общему впечатлению очевидна дальность от нижних чинов офицеров и сплошная неурядица и бестолочь во всех порядках»²⁹. Все начальствующие, от командующего батальоном до нижних чинов постоянного состава, продолжают называть нижних чинов переменного состава «студентами» (вплоть до рапорта: «в студенческой кухне...»).

В основу обучения положена 8-недельная программа обучения молодых солдат, что при среднем сроке пребывания в батальоне в 2–3 недели вряд ли оправданно. Отсутствие офицерской работы и перекладывание всего обучения на унтер-офицеров приводило в школах подготовки прапорщиков к просьбам, обращенным к офицерам батальона, привозившим партии: «пожалуйста, не учите их ничему, уж лучше мы сами».

Общей для обоих батальонов была проблема «бесправной» части переменного состава. Из части переменного они превращались в «самый устойчивый «постоянный» состав батальона», на момент инспекторских осмотров, составив 19% (107 из 569 нижних чинов переменного состава) в 1-м подготовительном учебном батальоне и 238 из 430 во 2-м. Причем их процент имел явную тенденцию к постоянному росту: во 2-м батальоне 180 «полноправных» прибыли менее 2 недель, в то время как 207 «бесправных» – более 2 недель, 121 из которых находились в батальоне уж от 4 до 16 недель. Основную массу этой категории составляли бывшие студенты иудейского вероисповедания, выкресты, бывшие подданные стран противника, сектанты, а также отчисляемые по тем или иным причинам от школ прапорщиков и военных училищ с лишением права на производство в офицеры.

Желание соблести «социальную справедливость» и несовершенство законодательства загоняли военное ведомство в тупик: отправка

их на фронты уравнивала бы их с однокашниками, но «при этом одни шли бы офицерами, а другие солдатами, что не отвечало бы принципу уравнительности и обещанию военного ведомства при призыве воспитанников высших учебных заведений – использовать их сообразно их интеллигентности и полученному образованию»³⁰, с другой стороны – назначения их в тыловые и санитарные учреждения соответствовало бы обещанию военного ведомства, но «не отвечали бы принципу уравнительности, так как значительный процент русских и христиан погибал бы под огнем неприятеля, а молодые люди, не имеющие права на достижение офицерского звания, были бы укрыты от этой опасности в тылу»³¹. Отягощенная нежеланием в какой бы то ни было форме затрагивать во время войны в Государственной Думе «еврейский вопрос», с одной стороны, и запретом законодательства на принятие чиновниками на государственную службу лиц иудейского вероисповедания – с другой, эта проблема превращалась в неразрешимую дилемму. Высочайше рассмотренный 25 января 1917 г. журнал Совета министров открыл для «бесправных» студентов доступ к назначению их в распоряжение Главных управлений и Управлений Военного министерства, а также в санитарные учреждения и организации, как военного ведомства, так и Главного управления Красного Креста и другие общественные и частные. Но осуществить это решение до марта 1917 г. не удалось, т.к. «счастливые реципиенты» не удосужились сообщить «сколько человек и куда именно надлежит командировать».

К Февральской революции 1917 г. «лиц иудейского происхождения и сектантов» насчитывалось 2300 человек:

- 1) в 1-м и 2-м подготовительных учебных батальонах – 875,
- 2) в «лучших запасных полках внутренних округов» (куда отправлялись призванные на службу воспитанники высших учебных заведений, не попавшие в подготовительные учебные батальоны) – 971,
- 3) на учете уездных воинских начальников – 454.

Революция сняла ограничения, и новый министр – А.И. Гучков (докладная записка Военному министру по ГУГШ от 7 марта 1917 г. за № 71³²) принял решение об отправке всех в военные училища и школы прапорщиков, оставив без внимания замечание и.д. начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Аверьянова, что «при этом ближайший прием в военные училища (1-го апреля сего

года) и приемы в школы подготовки прапорщиков в марте, апреле и мае сего года, состоял бы в очень значительном числе из молодых людей, не имевших до сего времени права на достижение офицерского звания, причем среди них оказались бы и последователи сектантских вероучений, отрицающих военную службу и войну»³³. Вариант, по которому сами бывшие «лишenci» определились бы со своей дальнейшей судьбой: поступать в военные училища и школы прапорщиков или в учреждения согласно решению Совета министров, утвержденному 25 января 1917 г., был отвергнут.

Создание подготовительных учебных батальонов было вызвано невозможностью своевременного укомплектования военных училищ и «студенческих» школ подготовки прапорщиков пехоты воспитанниками высших учебных заведений, призванными в войска на основании Высочайше утвержденного 31 января 1916 г. Положения Совета министров. Как показала практика, расчет на обилие добровольцев из студенческой среды и сознательное выполнение ими гражданского долга не оправдался. Несмотря на то, что Управление по воинской повинности МВД вплоть до конца 1916 г. старалось удержать отправку призываемых студентов в военно-учебные заведения в своих руках (напрямую, от воинских начальников), Мобилизационный отдел ГУГШ выступил резко против:

«Имеющийся в этом отношении опыт показал, что, при указанном порядке, комплектование военно-учебных заведений встречает затруднения и проходит с значительным, н а 1–2 м е с я ц а (разрядка документа. – *А.М.*), запозданием, чем вносятся серьезные осложнения в дело комплектования действующей армии офицерским составом.

Между тем, из подготовительных учебных батальонов молодые люди прибывают на укомплектование военно-учебных заведений в полном составе, одновременно и в надлежащие сроки»³⁴.

Фактически неявка студентов сорвала планы занятий и подготовки офицеров в военно-учебных заведениях весной-летом 1916 г., поэтому-то ГУГШ в конце года столь настойчиво требовал командирования всех не получивших назначений студентов, по их освидетельствовании воинскими присутствиями, в переменный состав подготовительных батальонов.

Формирование батальонов запоздало: к нему приступили, когда первый призыв студентов фактически провалился. Только два ба-

тальона на 2500 чел. переменного состава не могли обеспечить своевременного комплектования даже всех «студенческих» школ подготовки прапорщиков, не говоря уже о помощи в укомплектовании военных училищ, куда из батальонов отправлялись единицы. Тем не менее, они сыграли важную роль, дав военному ведомству возможность получать пополнения для школ «полными курсами», уничтожив практику первого полугодия 1916 г., когда школы были вынуждены неделями ждать укомплектований и все равно приступить к занятиям с недоукомплектованными штатами юнкеров.

Из-за достаточно бессистемного прибытия пополнений и частых и внезапных отправок пополнений, подготовительные учебные батальоны не смогли стать полноценными воинскими частями. Должным образом наладить в них учебный процесс не удалось по тем же причинам, но, пожалуй, свою основную функцию – по концентрации и последующей отправке в военно-учебные заведения, призываемых на военную службу воспитанников высших учебных заведений – им удалось выполнить.

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1635. Л. 21–22.

² Там же. Д. 1638. Л. 107.

³ Там же. Л. 111.

⁴ Там же. Д. 1637. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 1911. Л. 41 об.

⁶ Там же. Л. 201.

⁷ Там же. Д. 1638. Л. 70.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 195–195 об.

¹⁰ См.: Там же. Д. 1911. Л. 548–551 об.

¹¹ См.: Там же. Д. 1912. Л. 22–24.

¹² Там же. Л. 45 об.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 1554. Л. 112–115.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1913. Л. 31.

¹⁵ Там же. Л. 98.

¹⁶ Там же. Л. 75 об.

¹⁷ Там же. Л. 102.

¹⁸ Там же. Л. 216–219.

¹⁹ Там же. Л. 235.

²⁰ Там же. Л. 236.

²¹ Там же. Л. 239.

²² Т. е. имевшие по закону право на производство в офицерский чин.

²³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1913. Л. 241.

²⁴ Там же. Л. 288.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 1919. Л. 62.

²⁸ Там же. Д. 1913. Л. 290.

²⁹ Там же. Л. 292.

³⁰ Там же. Д. 1919. Л. 177 об.

³¹ Там же.

³² См.: Там же. Л. 177–178 об.

³³ Там же. Л. 178–178 об.

³⁴ Там же. Д. 1912. Л. 334.

А.В. Мацук (Минск, Республика Беларусь)

ЗНАЧЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ВОЙНЕ ЗА «ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО»

БОЕВЫЕ действия в Великом княжестве литовском (далее – ВКЛ) в 1733–1735 гг. долгое время не изучались в научных работах, посвященных войне за «польское наследство». В лучшем случае театр боевых действий в ВКЛ находился на периферии исследований об войне на территории Польской Короны и осаде Гданьска российскими войсками¹. Эта ситуация стала изменяться в последние годы благодаря исследованиям Феликса Слесорюнаса, Томаша Цесельского и Андрея Мацука². На основании значительного круга опубликованных и рукописных источников им удалось достаточно точно реконструировать события войны за «польское наследство» в ВКЛ в 1733–1735 гг. В то же время вопрос значения боевых действий в ВКЛ в войне за «польское наследство» до сих пор не был изучен. Именно этой проблеме и посвящено наше исследование.

1 февраля 1733 г. умирает король Речи Посполитой и саксонский курфюрст Август II. В Речи Посполитой начинается бескоролье. Основные европейские государства проявляют значительный интерес к вопросу о будущем кандидате на трон Речи Посполитой. Европа в это время оказывается разделенной на два союза государств. Во-первых, так называемый Венский союз, который состоял из Австрии, России, Англии и Пруссии. Во-вторых, «Бурбонский союз», который объединял государства, во главе которых были короли из династии Бурбонов – Франция и Испания. Поддерживали их Сардиния и сильные курфюрства Германской империи – Бавария и Рейн-Пфальц. Натуральным кандидатом Франции на трон Речи Посполитой был тесть французского короля

Людовика XV – Станислав Лещинский. Будучи избранным при поддержке шведов королем Речи Посполитой еще во время Северной войны он после поражения Карла XII был вынужден уехать в эмиграцию. Женитьба Людовика XV в 1725 г. на его дочери Марии значительно усилила шансы Лещинского на возвращение на трон Речи Посполитой. Станислав Лещинский пользовался значительной поддержкой в Речи Посполитой как среди его бывших сторонников, так и большинства шляхты, которой надоело правление «немцев» в государстве. Франция хорошо была подготовлена к войне со своей «вечной соперницей» Австрией в Германской империи и Италии. В Речи Посполитой Франция хорошо подготовила только выбор королем Станислава Лещинского, но совершенно не подготовилась к войне, не обеспечив поддержки или нейтралитета соседних государств. В то время как соседние государства (Россия, Австрия и Пруссия), несмотря на некоторые расхождения, еще до смерти Августа II пришли к согласию относительно выборов будущего короля Речи Посполитой. Их главной целью становится не допустить выбора королем Станислава Лещинского. Популярность Лещинского среди шляхты Речи Посполитой приводит к тому, что реальным оппонентом ему мог быть только сын умершего Августа II саксонский курфюрст Фридерик Август. Его кандидатура пользовалась поддержкой Австрии, но неприемлема была для Пруссии. В Петербурге после непродолжительных дискуссий согласились поддержать Фридерика Августа. Сделано это было, как для сохранения союза с Австрией, так и из-за обещаний Фридерика Августа решить в пользу России спорные вопросы с Речью Посполитой. Недовольная Пруссия занимает нейтральную позицию в разгорающейся войне³.

Большинство магнатов и шляхты Речи Посполитой поддержало кандидатуру Станислава Лещинского, и он 12 сентября 1733 г. был избран королем Речи Посполитой под именем Станислава I. Несогласное меньшинство при поддержке российских войск 5 октября 1733 г. провозглашает королем под именем Августа III саксонского курфюрста Фридерика Августа. В Речи Посполитой начинается фактическое двухкоролевье. В Европе начинается война, которая в истории получила название за «польское наследство».

Вошедшие в Речь Посполитую российские войска под руководством Петра Ласси не успевают помешать избранию Лещинского. Еще во время своего пути через ВКЛ Ласси оставил в Гродно больных и

450 солдат для охраны переправы и оставшихся складов⁴. Более того, по приказу Ласси следовавший из Смоленска через ВКЛ генерал Загряжский оставил из своего корпуса в Гродно и Бресте по одному пехотному полку и 400 казаков⁵. Как видно, Ласси разместил войска только в самых западных значительных городах – Бресте и Гродне. Безусловно, что в таком случае этих войск не было достаточно для контроля над территорией ВКЛ. Однако Ласси и не имел таких целей. Он только разместил свои войска в городах, которые были необходимы для коммуникации его армии с Россией.

16 октября 1733 г. Ласси, ссылаясь на трудности похода и нехватку драгунских лошадей, предложил Военной коллегии расположить войска на зимние квартиры. Однако в сложившейся ситуации двухкоролевья Августу III была необходима помощь российских войск, без которых невозможно было победить сторонников Лещинского в Речи Посполитой. Новой целью российских войск становится взятие Гданьска, где укрылся Станислав I Лещинский. К 7 ноября 1733 г. Петр Ласси распределил свои войска по Речи Посполитой. В ВКЛ были распределены команда генерал-майора Измайлова (Киевский пехотный полк и 400 казаков в Гродне), отряд полковника князя Репнина (Сибирский пехотный полк и батальон Санкт-Петербургского пехотного полка в Бресте, там же 491 слободской, 1829 малороссийских, 2807 донских казаков). Понятно, что функции этих отрядов не отличались от более ранних: контроль этих городов для коммуникации с Россией. Кроме того, при лидерах сторонников Августа III троцком воеводе Юзефе Огинском и новогрудском воеводе Николае Фаустине Радзивиле в ВКЛ был послан Нарвский драгунский полк и 3000 донских казаков. Функции этого отряда отличались от двух иных, он должен был распространять власть Августа III в ВКЛ и активно противодействовать сторонникам Станислава I Лещинского в Княжестве⁶.

16 ноября 1733 г. Анна Иоановна приказала Ласси немедленно двинуться на Гданьск⁷. Основные силы российской армии не очень спешили под Гданьск: 15 ноября 1733 г. стали под Ловичем, а только 16 января 1734 г. заняли Торунь. В этом городе они простояли до 28 января 1734 г., ожидая пополнения. Гданьска российские войска достигли только в начале февраля 1734 г., а уже 8 февраля город был полностью блокирован ими. В Петербурге хорошо понимали необходимость контроля над территорией ВКЛ для коммуникации

с главной армией в Речи Посполитой, а также для защиты собственно российской территории. Именно поэтому уже 16 октября 1733 г. Кабинет министров информировал Ласси об отправке к жмудским границам корпуса Льва Измайлова, а в Витебск и Быхов – корпуса Юрия Репнина. Причиной их отправки были названы реляции самого Ласси от 25 сентября 1733 г. и пункты, присланные от лидера приверженцев Августа III генерального региментария ВКЛ (руководитель войска в отсутствии назначенных гетманов) Михаила Вишневецкого⁸. Однако, выступление Измайлова задерживалось из-за того, что не подошли из Риги отряды, определенные в корпус. В результате 24 октября 1733 г. Остерман приказал Измайлову не ожидать неприбывших солдат, а немедленно войти в ВКЛ⁹. Причиной этой спешки видится то, что стала изменяться ситуация в ВКЛ. С элекционного (избирательного) сейма из Варшавы в Княжество стали возвращаться шляхтичи, которые поддерживали кандидатуру Станислава I Лещинского. Кроме того, в борьбе за войско ВКЛ между Михаилом Вишневецким и ново назначенным Лещинским региментарием ВКЛ стражником ВКЛ Антонием Поцеем превосходство оказалось на стороне последнего. Поцей уже с октября 1733 г. находился в ВКЛ и собирал под свое командование войско ВКЛ. В результате на сторону Лещинского, по подсчетам Томаша Цесельского, перешло около 2/3 войска ВКЛ – примерно около 2 тысяч солдат. Безусловно, это была незначительная сила против российских войск, но она хорошо показала тенденцию широкой поддержки Лещинского в ВКЛ¹⁰.

Лев Измайлов, действуя согласно новому приказу, поспешил, и его корпус пересек границу России с Речью Посполитой 2 ноября 1733 г. у Янишек. Этот корпус состоял из 3586 солдат и в основном был взят из Рижского гарнизона. 18 ноября 1733 г. к нему присоединился отряд в 2508 солдат майора Тетерина¹¹. Легко подсчитать, что с этого времени корпус Измайлова состоял из 6094 солдат. Уже 19 ноября 1733 г. корпус Измайлова вышел из Янишек в направлении на юг. 30 ноября 1733 г. он достиг Кейдан, где задержался до 13 декабря 1733 г., чтобы дать передохнуть войскам и определиться с дальнейшим маршрутом следования¹².

16 ноября 1733 г. Измайлову была выслана информация об отправке от Ласси в ВКЛ отрядов Юзефа Огинского и Николая Фаустина Радзивила. С последним был отправлен и российский вспомогательный отряд под руководством подполковника Юрия

Ливена. Измайлову было приказано контактировать с ними, а также с Незабитовским (наверняка имеется в виду пропойский староста Богуслав Незабытовский, один из шляхетских лидеров сторонников Августа III, который действовал вместе с Николаем Фаустином Радзивилом). Вместе с ними Измайлов должен был разбить сторонников Станислава Лещинского и «покой и безопасность в Литве и в тамошних местах возставить и утвердить»¹³. Именно по совету троцкого воеводы Юзефа Огинского и новогрудского воеводы Николая Фаустина Радзивила, а также Ласси, Измайлов решил двинуться на Вильно, где и планировал разместить свои войска. О принятии такого плана 8 декабря 1733 г. Измайлов сообщил в Петербург. Также он сообщил об успокоении ситуации на Жмуди, что позволяло ему удалиться из этого региона¹⁴. Как видно, решение о занятии российскими войсками столицы ВКЛ Вильно было принято не в Петербурге, а на месте, по совещанию Ласси, Измайлова, Радзивила и Огинского, которые хорошо понимали необходимость занятия Вильно и продвижения корпуса Измайлова вглубь ВКЛ. Среди прочего это должно было обезопасить отряды Радзивила и Огинского, а также помешать присоединению к сторонникам Лещинского местной шляхты. Более того, провести сеймики для присоединения местной шляхты к Варшавской конфедерации Августа III.

С севера в Курляндии и Жмуди корпус Измайлова должен был прикрывать корпус генерал-майора Людольфа Бисмарка, который состоял из 1 пехотного и 2 кирасирских полков и насчитывал 8996 солдат¹⁵. Бисмарк начал размещать свои войска на Жмуди уже в середине декабря 1733 г.¹⁶ В конце января – начале февраля 1734 г. в Жмуди значительно возросли отряды сторонников Станислава Лещинского. Они перервали коммуникацию между двумя российскими корпусами, а также мешали доставке провианта и фуража корпусу Бисмарка. Сам Бисмарк в таком случае считал лучшим начать наступление против отрядов сторонников Лещинского, но считал свои силы недостаточными и поэтому просил дополнительно прислать в его корпус 500 драгун¹⁷.

На востоке ВКЛ разместился корпус полковника князя Юрия Репнина, который пересек границу Речи Посполитой 12 ноября 1733 г. возле местечка Яковичи. Этот корпус состоял из 3 пехотных батальонов (1670 солдат), в основном взятых из Смоленского гарнизона¹⁸. Юрий Репнин планировал разместиться в Витебске, а

вторую часть своего корпуса под руководством премьер-майора Оленина направил в Быхов¹⁹. Российскому правительству, наверное, казалось достаточным занять два этих ключевых города для контроля над востоком ВКЛ. Репнин благополучно занял Витебск, проинформировав о спокойной ситуации в Витебском воеводстве. 8 декабря 1733 г. Оленин успешно занял и Быхов²⁰. Несмотря на успешное выполнение поставленного плана Репнину не удалось полностью взять под контроль ситуацию на востоке ВКЛ из-за деятельности значительных войск сторонников Станислава Лещинского во главе с оршанским городским старостой Александром Юзефовичем.

Российское правительство было озабочено, чтобы отряды сторонников Лещинского из ВКЛ не делали нападений на территорию собственно России. Ответственным за охрану жителей на западной границе еще 24 сентября 1733 г. был назначен генерал-лейтенант Алексей Шаховский. Приказом от 15 октября 1733 г. охрану территории Курляндии Военная коллегия поручила Ярославскому драгунскому полку и частям Рижского гарнизона. Они должны были занять Митаву, Бауске, Либаву и Гольдинген²¹.

В это время динамично развивалась ситуация в ВКЛ. Руководивший в ВКЛ войсками сторонников Августа III Николай Фаустин Радзивил во главе 3-тысячного войска ВКЛ и 2-тысячного отряда российских солдат 20 января 1734 г. спешно выступил из Слуцка навстречу российскому корпусу Измайлова, который двигался через Солечники к Лиде. Причиной спешки было движение сторонников Лещинского под руководством Антония Поцея. Войска Поцея разбили отряд российских казаков в несколько сотен и почти окружили отряд Радзивила в Белице. Радзивилу, однако, удалось уйти от столкновения с Поцеем и соединиться с корпусом Измайлова под Жирмунами. Одновременно произошло объединение отряда Антония Поцея с отрядами сторонников Лещинского из местных поветов. Объединившиеся войска сторонников Станислава I Лещинского решили защищать Вильну от российских войск Измайлова и отряда Николая Фаустина Радзивила. 30 января 1734 г. под Вильно произошла битва, по словам Измайлова, «ради совершенного и скорейшего искоренения противной шляхты». Количественно корпус Измайлова и отряд Николая Фаустина Радзивила были большими, нежели отряд сторонников Лещинского, который состоял из 8–10 тысяч человек. Большинство войска

Поцея состояло из новосформированных хоругвей. Противостояли им в основном регулярные войска со значительным количеством артиллерии. Корпус Измайлова состоял из 6 тысяч человек, плюс 3 тысячи отряда Радзивила и находящийся при них 2-тысячный отряд российских войск. Странники Лещинского под руководством референдаря ВКЛ Доминика Воловича занимали выгодную для защиты позицию на единственной возвышенности возле костела Святого Стефана. В начальной фазе битвы регулярной коннице Пашковского даже удалось разбить находящиеся впереди отряды российской кавалерии (драгуны и казаки). Однако их наступление, не поддержанное иными силами Воловича, было остановлено российскими кирасирами и драгунами, а наступление российской пехоты при поддержке артиллерии вынудило странников Лещинского к спешному отступлению. Битва окончилась победой Измайлова, но ему не удалось достичь своей главной цели – разбить отряд странников Лещинского. Более того, у Измайлова даже не было сил преследовать отступивших странников Лещинского, которые расположились недалеко от Вильна на реке Вилии²². Таким образом, фактически эта победа дала возможность российским войскам только занять Вильно, но не разгромить странников Лещинского.

В январе–феврале 1734 г. ситуация в ВКЛ изменилась в пользу странников Станислава I Лещинского. К движению в защиту законноизбранного короля Станислава I присоединились почти все поветы и воеводства ВКЛ²³. Способствовало этому бездействие корпуса Измайлова, который до начала марта 1734 г. не предпринимал никаких наступательных действий против отряда Поцея. На западе и в центре ВКЛ в это время, по меткому замечанию Томаша Цесельского, фактически установилось «неофициальное перемирие»²⁴.

Отряд Поцея передислоцировался под Кореличи, где разместился на долгое время, высылая свои отряды по всему ВКЛ. Этим отрядом удалось разбить незначительные российские отряды (50–200 человек): под Новым местом, Кадышем, Лунном, Гродно и Ковном. Особо удачным был рейд отряда Тадеуша Огинского на восток ВКЛ, который привел значительное пополнение в лагерь Поцея под Кореличи²⁵.

Изменить ситуацию в пользу российских войск и странников Августа III могло только их количественное увеличение, которое

помогло бы держать под контролем всю территорию ВКЛ. Уже весной 1734 г. в ВКЛ действовали российские войска общим количеством 17–19 тысяч солдат без учета гусар и казаков. Во-первых, корпус генерал-майора Измайлова, который состоял из драгунского полка и трех полков пехоты, что вместе составляло 5–6 тысяч солдат. Во-вторых, в Курляндии и на севере ВКЛ разместился корпус генерал-майора Людольфа Бисмарка, который состоял из 3 кирасирских полков и 4 полков пехоты (8–9 тысяч солдат). В-третьих, в Полоцком и Витебском воеводствах, а также Оршанском повете действовал корпус полковника Юрия Репнина, который состоял из драгунского эскадрона, 2 полков и батальона пехоты (около 4 тысяч солдат)²⁶. Таким образом, в ноябре 1733 г. в ВКЛ было 16 680 российских солдат, а уже весной 1734 г. – 17–19 тысяч солдат. Более реалистичным видится количество солдат в 19 тысяч, так как известны многочисленные примеры пополнения российских войск новыми полками в конце 1733 – начале 1734 гг. В результате этих пополнений количество российских войск в ВКЛ выросло только на 2 тысячи человек. Российские войска значительно количественно превосходили силы сторонников Станислава I Лещинского. Не говоря о том, что этим регулярным войскам в большинстве противостояли нерегулярные силы сторонников Лещинского.

В это время значительно возросли силы сторонников Лещинского (до 4–5 тысяч человек) на севере ВКЛ, в Жмуди. Анна Иоанновна приняла решение направить корпус Бисмарка не только в Жмудь, но и в иные поветы ВКЛ. Правда, он не должен был удаляться от Курляндии, так как рядом с ее границами также находились отряды сторонников Лещинского. В начале марта 1734 г. корпус Бисмарка начал свое наступление. В результате отряды сторонников Лещинского были разбиты российскими кирасирами майора Озембловского под Кельмами (перед 13 марта 1734 г.). Основные силы корпуса Бисмарка (3 тысячи солдат) заняли столицу Жмуди – Росиены. Бисмарку не удалось полностью разгромить мобильные отряды сторонников Лещинского, которые избегали генеральной битвы²⁷. В дальнейшем силы сторонников Лещинского на Жмуди значительно возросли, и существовало опасение, что они перережут коммуникации между корпусами Бисмарка и Измайлова, а, следовательно, и с российскими войсками под Гданьском, и даже нападут на Курляндию и российскую Ливонию.

Существовала угроза того, что они атакуют корпус Бисмарка. Было принято решение об уничтожении отрядов сторонников Лещинского на севере ВКЛ совместными силами корпусов Измайлова и Бисмарка. Корпус Измайлова, выйдя из Вильно, через Вилькомир достиг Коварска, где и разместился, ожидая обещанные пополнения из России. Размещение в данном регионе должно было помешать сторонникам Лещинского атаковать российские отряды, которые дислоцировались в этом регионе ВКЛ (особое беспокойство вызывала защита Кексгольмского полка, который располагался в Ковно). Кроме того, нахождение в этом регионе должно было обеспечить провиантом корпус Измайлова. После подхода пополнений из России численность корпуса Измайлова достигла 9 тысяч человек. Вместе с ними действовал отряд Николая Фаустина Радзивила в 2–3 тысячи человек. Для перехода российских войск в наступление Измайлов считал необходимым дальнейшее увеличение своего корпуса и корпуса Бисмарка. Увеличить его силы планировалось за счет нового пополнения из России, а также частью российского гарнизона из Гродно. Кроме того, для ведения успешных действий против мобильной конницы сторонников Лещинского Измайлов просил прислать значительное количество лошадей²⁸. Интересно, что в это время появляются планы фельдмаршала Миниха (назначенного вместо Ласси руководителем корпуса в Речи Посполитой) передислокации корпуса Измайлова из ВКЛ под Гданьск. Как только Петербурга достигли сведения, что Миних приказал корпусу Льва Измайлова следовать к Гданьску, так тут же Анна Иоановна выступила против таких распоряжений. Вице-канцлер Андрей Остерман на основании ее приказа 17 марта 1734 г. написал Измайлову оставаться в ВКЛ до успокоения там ситуации²⁹. Как видно, фактически в Петербурге считали более необходимым успокоение ситуации в ВКЛ нежели помощь российским войскам в осаде Гданьска.

Свои особенности имела ситуация на востоке ВКЛ, где фактически действовал независимо от основных сил корпус полковника Юрия Репнина. Этот корпус, согласно первоначальному плану, разместился в Витебске и Быхове. Репнин считал свои силы недостаточными и почти сразу стал просить прислать еще солдат. В ответ на его просьбы из Смоленска к нему был послан Санк-Петербургский батальон, а вместо него из Москвы в Смоленск послан Вятский батальон. Только после прихода к нему Санкт-Петербургского

батальона Репнин выступил в Полоцкое воеводство. Этот поход окончился полным успехом, и сторонники Лещинского в Полоцком воеводстве капитулировали без битвы при одном появлении российских войск³⁰. Репнину удалось избежать образования отрядов сторонников Лещинского в Витебском воеводстве, но одновременно он был вынужден сражаться со сторонниками Лещинского в Полоцком воеводстве и Оршанском повете. Особенно долгим было его противостояние с отрядом оршанского гродского старосты Александра Юзефовича. Репнин одерживал одну победу за другой над сторонниками Лещинского, но ему не удавалось разгромить основные силы Юзефовича. Сторонники Лещинского быстро перемещались по востоку ВКЛ, нападали на малые российские отряды, но не вступали в сражения с основными силами Репнина³¹. В конце марта – начале апреля 1734 г. рассматривался вариант, чтобы Репнин со своим корпусом пошел против сторонников Станислава I Лещинского в Ошмянский повет. Однако после обсуждения этого плана с Измайловым было принято решение отказаться от него. Повлияла на это позиция Измайлова, который считал опасным такой поход из-за увеличившихся отрядов сторонников Лещинского. По подсчетам Измайлова они достигли 20 тыс. человек³². Еще одна причина того, что корпус Репнина остался на востоке ВКЛ видится в том, что тут так и не удалось успокоить ситуацию, уничтожив отряды сторонников Лещинского под руководством Юзефовича.

Согласно приказу Анны Иоанновны от 15 апреля 1734 г. это становится главной целью корпуса Репнина в ближайшие месяцы. Анна Иоанновна приказывает для «разогнания» отрядов Юзефовича выслать отряды в Оршу «и к Горкам и в протчие места немедленно». Репнин 17 апреля 1734 г. отправил отряд майора Орлова в Оршу, Шклов, Горки «и в прочие места»³³. Разместив свои отряды в этих городах, Репнин занялся истреблением отрядов сторонников Лещинского. По подсчетам Тадеуша Огинского, корпус Репнина состоял примерно из 3 тыс. солдат. Помогали ему отряды сторонников Августа III Ларского и Адама Кроера. Последний имел 100 чел. конницы и около 600 пехотинцев³⁴. Этих сил было недостаточно. Уже 17 апреля 1734 г. Репнин просил прислать подкрепления в его корпус. Для подготовки широкомасштабного наступления Репнин хотел усилить свой корпус за счет рот Вятского батальона, который дислоцировался в Смоленске. Против посылки к

Репнину 4 рот из этого батальона выступил смоленский вице-губернатор Козловский, который объяснял свой отказ малолюдством смоленского гарнизона. Кабинет министров остался непреклонен и 11 мая 1734 г. подтвердил Козловскому указ о высылке рот Вятского батальона к Репнину в Витебск. Козловский подчинился и его донесение было получено в Кабинете министров 13 мая 1734 г. Однако его задержка в посылке войск Репнину уже имела негативные последствия для российских планов. В тот же день 13 мая 1734 г. пришла реляция Репнина о том, что ему не был прислан Вятский батальон из Смоленска и что из-за этого «разогнании и сокращения противничьих партий учинилась немалая остановка»³⁵.

Российские действия по защите своей границы не помогли против мелких отрядов сторонников Лещинского, которые в апреле 1734 г. напали в том регионе, где не было значительных сил российских войск – Пусторжевский, Заволочский и Опочский уезды. Сторонники Лещинского там «крестьян разоряли и побивали и к себе за границу увозили». 28 апреля 1734 г. Кабинет министров приказал Юрию Репнину разузнать о местонахождении шляхтичей, которые сделали это нападение. После этого напасть и разорить их владения. При этом Репнин должен был информировать универсалами о причинах их такого наказания. В случае, если Репнину не удастся послать отряд, чтобы наказать этих шляхтичей, то Кабинет министров обязал поступать согласно своему усмотрению, правда, просил Репнина, чтобы из-за его удаления «в тамошних местах, и особливо на границах Наших, какая новья замешания не произошли»³⁶.

Репнин сразу взялся за исполнение этих новых приказов. 5 мая 1734 г. Юрий Репнин информировал об удачном походе в Полоцкое воеводство, где была захвачена хоругвь сторонников Лещинского. Причем это была хоругвь сторонника Августа III конюшего ВКЛ Михаила Казимира Радзивила (скорее всего из принадлежавших Радзивилам Невельского и Себежского графств). Исполняя указ о разграблении владений нападавших на Псковскую губернию шляхтичей, Репнин напал и разграбил владения Трояна Лоссовского и иных шляхтичей Полоцкого воеводства (Богомольца и Медунецкого). После этого Репнин занялся преследованием главных сил сторонников Лещинского на востоке КЛ. Уже 16 мая 1734 по новому приказу Репнин выступил в Оршу. Посланные вперед отряды секунд-майоров Орлова и Путятина столкнулись со сторонниками

Лещинского под руководством Тадеуша Огинского и Александра Юзефовича на переправе через реку Друть. В результате битвы сторонники Лещинского посчитали за лучшее отступить. Решающие битвы с отрядом Юзефовича прошли в конце июня 1734 г. Именно тогда отряд майора Орлова и Кроера победил Юзефовича в нескольких сражениях и захватил большое количество пленных. Окончательно отряд Юзефовича был разбит корпусом Ю. Репнина 26 июля 1734 г. на реке Березе (возможно имеется в виду река Березина). Сохранилось описание битвы. Юзефович чувствовал себя в безопасности, так как берега реки Березы были заболочены, а мост через речку разбирали его солдатами. Секунд-майор Пуятин, оставя пехоту, неожиданно атаковал и заставил отступить солдат Юзефовича, не разрушив мост. Воспользовавшись этим, Пуятин переправился через реку с сорока драгунами и атаковал лагерь Юзефовича, и отряд численностью около 800 человек был вынужден отступить в местечко Панский Ям. Там, перегруппировав свои силы, Юзефович перешел в контрнаступление против значительно уступающих сил Пуятинина, которого не успела поддержать оставшая пехота. Это вынудило Пуятинина отступить на другой берег. Тут подошла его пехота, а также прибыли основные силы российского корпуса под руководством Репнина. После переправы они атаковали отряд Юзефовича и принудили его спасаться бегством. Остатки отряда Юзефовича покинули Оршанский повет, и восток ВКЛ полностью оказался под контролем корпуса Репнина. Выполнив свое задание, корпус Репнина бездействовал некоторое время. Новый поход Репнин предпринял только в конце сентября 1734 г., когда двинулся в Полоцкое воеводство, чтобы принудить местную шляхту принести присягу в верности Августу III³⁷. Таким образом, был исполнен приказ российского правительства об успокоении ситуации на востоке ВКЛ, и произведен разгром отрядов сторонников Лещинского.

Основные боевые действия разворачивались в это время на западе и центре ВКЛ. Отсутствие российских войск в Вильно дало возможность сторонникам Станислава I Лещинского образовать 5 апреля 1734 г. Генеральную конфедерацию ВКЛ в поддержку его избрания. В это время в Петербурге было принято решение об объединении сил корпусов Измайлова и Бисмарка и их движении в Вильну для организации Трибунала ВКЛ. Это решение было принято после сделанного Измайлову предложения от новогрудского

воеводы Николая Фаустина Радзивила. 19 апреля 1734 г. Измайлов получил указ царицы о захвате Вильно для проведения реасумпции Трибунала ВКЛ. Российское правительство согласилось увеличить корпус Измайлова. 30 апреля 1734 г. корпус Измайлова выступил из Коварска на Вильно. Стронники Лещинского отступили в Ошмянский повет. В начале мая 1734 г. к Вильно подошел корпус Бисмарка, который по пути разбил отряд стронников Лещинского (погибло около 250 человек)³⁸. В конце апреля 1734 г. Измайлов двинулся на Вильно для организации Трибунала ВКЛ, что должно было показать шляхте окончание бескорольвья в связи с коронацией нового монарха Августа III. В результате Измайлов после небольших столкновений с хоругвями Новогрудского и Минского воеводств стронников Лещинского (8–9 мая 1734 г.) без значительных проблем захватил Вильно и двинулся навстречу вошедшему в ВКЛ корпусу Михаила Вишневецкого³⁹.

Отход Измайлова и Бисмарка с севера ВКЛ снова сделал актуальной угрозу нападения стронников Лещинского на Лифляндию. 2 мая 1734 г. Кабинет министров информировал рижского губернатора Лукина об посылке дополнительных войск в Лифляндию для защиты от стоящих вблизи границы в Речи Посполитой отрядов Станислава Лещинского. Это было немедленно исполнено и на границу с Речью Посполитой был выслано два отряда, общим количеством – 913 человек. 7 мая 1734 г. Кабинет министров в своем рескрипте Льву Измайлову подтвердил указ от 27 апреля 1734 г. оставаться в ВКЛ и стараться успокоить там ситуацию, освободив Княжество от стронников Лещинского⁴⁰. Таким образом, российское правительство в очередной раз высказалось за продолжение Измайловым действий по уничтожению стронников Лещинского в ВКЛ.

Лидер стронников Августа III в ВКЛ генеральный региментарий ВКЛ и канцер ВКЛ Михаил Вишневецкий до апреля 1734 г. почти все время находился за границей Княжества. Он принимал активное участие в организации коронации Августа III и совещаниях его стронников в Кракове (январь–февраль 1734 г.). Только потом он выехал в ВКЛ. По пути в Варшаве ему удалось собрать некоторые войска в количестве 4 тысяч человек. В начале апреля 1734 г. Вишневецкий вошел в ВКЛ и 9 апреля 1734 г. занял Брест. В результате боев 10–13 апреля 1734 г. ему удалось защитить Брест от отрядов стронников Лещинского под руководством полковника

Пашковского. Неудачей, однако, окончилась попытка погони Вишневецкого за отрядом Пашковского, и он вернулся в Брест, где находился до 22 апреля 1734 г., когда выступил в Гродно. Из брестского гарнизона и из иных гарнизонов по пути до Гродно (прибыл 10 мая 1734 г.) Вишневецкий взял значительное количество российских солдат. Из Гродно Вишневецкий выступил 20 мая 1734 г., присоединив к своему отряду местный российский гарнизон, состоящий из тысячи солдат регулярного войска и 6 тысяч казаков. В результате корпус Вишневецкого достиг 11–12 тысяч человек. В конце мая 1734 г. в Пунях корпус Вишневецкого соединился с корпусом Измайлова. Объединенные силы складывались из более 20 тысяч солдат и значительно превосходили силы сторонников Лещинского в ВКЛ. Усталость солдат от походов вынудила их до конца июня 1734 г. задержаться в лагере под Бальверришками. В это время командование разработало план совместных действий по уничтожению отрядов сторонников Станислава I Лещинского в ВКЛ⁴¹. Между 24–26 июня 1734 г. объединенное войско переправилось через Неман и двинулось в сторону Лиды, но 4 июля 1734 г. остановило свое движение, так как Измайлов получил приказ Анны Иоановны от 13 июня 1734 г., чтобы его войска двинулись под Гданьск на помощь Миниху. 8 июля 1734 г. Измайлов двинулся по направлению к Гродно. Необходимо заметить, что это решение российского правительства не совпадало с позицией лидеров сторонников Августа III Михаила Вишневецкого и Михаила Казимира Радзивила, которые выступали против выхода корпуса Измайлова из ВКЛ и его похода под Гданьск⁴². Как видно, российское правительство чуть больше чем за месяц, от 7 мая до 13 июня, изменило свою позицию насчет нахождения корпуса Измайлова в ВКЛ. Причинами этого видятся неудачи в осаде Гданьска и отсюда необходимость послать туда дополнительные войска, а также появление в ВКЛ отряда Вишневецкого, который должен был частично заменить корпус Измайлова в сражениях с отрядом Антония Поцея.

В связи с запланированным отходом корпуса Измайлова к Миниху 24 июня 1734 г. генерал-майору Бисмарку было приказано наблюдать за спокойствием в Жмуди. Вводить ли свои войска далее в ВКЛ, Бисмарк должен был решать по собственному усмотрению. Насчет корпуса Михаила Вишневецкого существовали варианты: следовать за Измайловым или приблизиться к корпусу Бисмарка для возможного соединения с ним в случае опасности⁴³.

Вишневецкий не считал, что сможет самостоятельно вести наступление на сторонников Лещинского, и решил двигаться в Жмудь для соединения с российским корпусом Бисмарка. Несмотря на получение информации о захвате Гданьска (2 июля 1734 г.) корпус Вишневецкого продолжил движение и 19 июля 1734 г. разместился в Кейданах, где 30 июля 1734 г. получил предложение от Измайлова о совместном наступлении на отряд Поцея. Это предложение было сделано Измайловым на основании полученного в Гродно (14 июля 1734 г.) нового приказа – атаковать силы Поцея. Корпус Вишневецкого поспешил через Ковно и Прены на соединение с корпусом Измайлова и 8 августа 1734 г. достиг Гродно. Тут они долго не задержались. Совместные силы 12 августа 1734 г. двинулись в наступление на отряд Поцея⁴⁴.

Этот отряд из-за ошибочных сведений о желании Лещинского пробраться в ВКЛ разделился на две части. Более боеспособная под руководством Антония Поцея направилась на границу с Пруссией для встречи Лещинского, а примерно 4-тысячный отряд, под руководством брата Антония Поцея подчашия ВКЛ Александра, разместился под Брестом, где к нему присоединились местные иррегулярные отряды сторонников Лещинского. Именно тут под Пружанами они узнали о быстром движении на них значительно превосходящих объединенных сил под руководством Измайлова (по различным сведениям от 4–5,5 тыс. до 15 тыс. регулярного российского войска, а также войска ВКЛ и казаков). Сторонникам Лещинского не удалось оторваться от объединенного войска под руководством Измайлова. Основой отряда сторонников Лещинского были иррегулярные хоругви поветов ВКЛ. Покинул их и командующий Александр Поцей, передав командование чашнику ВКЛ Юзефу Щитту. Тот вынужден был принять бой в надежде на укрепленный лагерь (возле деревни Селец между болотами и рекой Ясельдой) и наиболее боеспособную часть своего войска – пехоту. В прошедшей 19 августа 1734 г. битве объединенные войска Измайлова полностью разгромили отряд сторонников Лещинского, которые спасались бегством⁴⁵.

В результате этой битвы удалось решить главную задачу – разгромить сторонников Лещинского. Желая добить оставшиеся отряды сторонников Лещинского и установить коммуникацию с российскими силами в Короне, корпуса Измайлова и Вишневецкого вышли из Княжества, оставив только сильные гарнизоны в

Слониме и Слуцке. В это время разбитым отрядам сторонников Лещинского удалось соединиться с отрядом Антония Поцея, который вернулся после неудачного похода на границу с Пруссией. Несмотря на это сейчас инициатива и численное преимущество находилось у сторонников Августа III и российских войск. Сторонники Лещинского снова заняли Брест, где находились до конца октября 1734 г., когда были вынуждены спешно отступить от объединенных войск Измайлова и Вишневецкого (4 тысячи человек), которые для большей мобильности оставили в лагере под Тополянами пехоту и обозы. Предупрежденный высланным отрядом Юзефа Тышкевича отряд Поцея успешно оторвался от российских войск и до конца 1734 г. дислоцировался в Брестском воеводстве и на Волыни⁴⁶.

Кабинет министров 11 ноября 1734 г. приказал генералу Ласси через Брест и Луцк маршировать на Подолье. Причем Ласси должен был показать, что хочет атаковать отряд Поцея под Брестом и преследовать до его полного разгрома. Ласси было приказано в тайне сообщить об своих настоящих планах Измайлову и просить заблокировать Поцею возможное отступление в ВКЛ. Одновременно планировалось, что корпус Измайлова через Слуцк двинется на Украину к Белой церкви⁴⁷. Однако в этот план пришлось внести изменения для успокоения ситуации в Виленском и Минском воеводствах, Ошмянском и Пинском поветах, где активно стали действовать сторонники Лещинского во главе с ошмянским хоружим Криштофом Сулистровским, лидским хоружим Лукашем Александровичем, минским стольником и полковником Минского воеводства Леоном Володковичем⁴⁸. Это вынудило Измайлова направиться в этот регион, так как он не мог покинуть ВКЛ без полного истребления движения в пользу Станислава I Лещинского. Для уничтожения сторонников Лещинского в Ошмянском повете туда с востока собирался двигаться со своим корпусом и Юрий Репнин⁴⁹. Фактически к концу 1734 г. основные силы сторонников Станислава I Лещинского в ВКЛ были разгромлены. Несмотря на это было принято решение об оставлении корпуса Измайлова в ВКЛ. Так же в ВКЛ (на Жмуди) оставался корпус Бисмарка. Численность этих двух корпусов уменьшалась из-за отправки к Ласси 4399 солдат (5 полевых и 4 гарнизонных пехотных полка)⁵⁰. Несмотря на это уменьшение сил российских войск хватало для полного контроля ситуации в ВКЛ.

Основные силы сторонников Лещинского под руководством Антония Поцея в январе 1735 г. вышли из Бреста к Пуням. Их преследовал корпус Измайлова и отряд Михаила Казимира Радзивила. Поцей отступал перед превосходящими силами и перешел на Подляшье, где к нему присоединился пришедший из Вольни отряд Михаила Потоцкого. В Августовской пуще объединенные силы Поцея и Потоцкого были настигнуты отрядом майора Озембловского (700 солдат). Однако 10 апреля 1735 г. под Бортниками Поцею удалось отбить атаки отряда Озембловского и вынудить его отступить, но сам он тоже не мог организовать преследование российских войск. Под давлением иных российских отрядов Поцей отступил в Вармию, а часть его отряда неудачно пробовала прорваться через Пруссию на Жмудь. Войска Поцея стали сдаваться и признавать королем Августа III⁵¹.

Последним отрядом сторонников Лещинского в ВКЛ был посланный Поцеем в конце 1734 г. отряд Тадеуша Огинского, который несколько месяцев, удачно избегая столкновения с превосходящими силами российских войск и сторонников Августа III, кружил по востоку ВКЛ. Только в апреле 1735 г. от Кричева Огинский начал отступление на запад. После неудачного штурма Орши отряд Огинского в сопровождении преследовавших российских войск отступил через Черею и Дисну к Глубокому. Окруженный там со всех сторон российскими войсками и отрядами сторонников Августа III Огинский с боями прорвался к Докшицам, где был разбит российскими войсками, а остатки отряды вынуждены были спасаться к Дольцам. Там, снова потерпев поражение, отряд Огинского через Лепель и Борисов отступил к Бобруйску. Оттуда от наступавших российских войск Огинский отступил к Петрикову и хотел прорваться на Вольнь, но дорогу ему преградили российские войска. В результате Огинский был вынужден распустить свой отряд⁵². С роспуском его отряда фактически была выполнена цель российских войск в ВКЛ об искоренении тут движения в поддержку Станислава I Лещинского.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В ВКЛ в 1733–1735 гг. развернулась война сторонников Станислава I Лещинского с сторонниками Августа III и поддерживающими их российскими войсками. Силы сторонников Лещинского в основном состояли из иррегулярных войск, а точнее шляхецких отрядов. На

их стороне было и большинство (около 2/3) войска ВКЛ. Однако это количественно было всего около 2 тысяч. В такой ситуации силы сторонников Августа III и российских войск значительно превосходили их. Российские войска, которые должны были действовать в ВКЛ, вошли сюда в начале ноября 1733 г. Российские войска должны были обеспечить коммуникацию с российским корпусом в Польской Короне, охранять границу России, успокоить ситуацию в ВКЛ, чтобы все местное шляхетство признало королем Августа III и присоединилось к Варшавской конфедерации его сторонников. Российские войска делились на три корпуса: Бисмарка (располагался на севере ВКЛ, в Жмуди), Репнина (располагался на востоке ВКЛ) и Измайлова (должен был непосредственно действовать против сторонников Лещинского на всей территории Княжества). Их сил оказалось недостаточно, чтобы помешать присоединению к сторонникам Лещинского на протяжении января – марта 1734 г. все новых и новых воеводств. Переломить ситуацию удалось только со значительным количественным увеличением российских войск весной 1734 г., когда они достигли примерно 19 тысяч солдат. В апреле 1734 г. к ним присоединился значительный корпус под руководством Михаила Вишневецкого (11–12 тысяч человек), который состоял из войск, признавших Августа III, и вспомогательного отряда российских войск. Фактически объединенные силы составляли огромную численность войск – около 30 тысяч солдат. С этого времени сторонники Августа III и российские войска начинают наступление на сторонников Станислава I Лещинского, которое оканчивается его разгромом 19 августа 1734 г. под Сельцом. С этого времени отряд сторонников Лещинского лишается возможности проводить атакующие акции и оказывается в состоянии только избегать столкновений с значительными силами противника, благодаря своей мобильности. Под давлением российских войск корпус Антония Поцея был вынужден покинуть ВКЛ и перейти на Подляшье в Польскую Корону, где и складывает оружие и признает власть Августа III. Последний отряд сторонников Лещинского под руководством Тадеуша Огинского, окруженный со всех сторон российскими войсками и отрядами сторонников Августа III, самораспускается. Это означает окончательное исполнение миссии российских войск в ВКЛ, на которую было затрачено около полутора лет на протяжении 1733–1735 гг. Фактически на такое долгое время, несмотря на постоянные победы в незначительных

сражениях и явном численном превосходстве над сторонниками Станислава I Лещинского, оказываются связанными боевыми действиями в ВКЛ значительные российские войска.

¹ Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 3. СПб., 1823.

² Sliesoriunas F. Lietuvos Didžioji Kunigaikštyste 1733–1736 metu tarpuvaldziu // Lietuvos Valstybe XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 365–381. Sliesoriunas F. Musis prie Vilniaus ir miesto nusiaubimas 1734 metais // Lietuva ir jos kaimynai: nuo Normanu iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui. Vilnius, 2001. P. 311–329. Мацук А. Войска як інструмент усталювання ўлады Аўгуста III у ВКЛ у 1733–1735 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 15, сшыткі 1–2 (28–29). 2008. С. 329–364; Цясельскі Т. Узброеныя сілы ВКЛ падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // Архэ. 2011. № 6. С. 246–259; Цясельскі Т. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // Архэ. 2012. № 6. С. 347–371.

³ Подробней об этом см.: Герье В. Борьба за польский престол в 1733 г. М. 1862; Droysen J.G. Geschichte der preussischen Politik. Tl. 4. Bd. 3. Leipzig, 1869; Strobl W. Osterreich und der polnische Thron 1733. Wien, 1950 (phil. Diss. maschr. Universitat Bibliothek Wien); Rostworowski E. O polska korone. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wroclaw; Krakow, 1958; Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen. Eine Biographie. Bd. 5. Wien, 1965; Sutton J.L. The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Kentucky, 1980; Dygdala J. Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrolewia 1733 roku. Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia. T. 28: 1993. S. 103–124; Dygdala J. Sankie próby infiltracji srodowisk szlacheckich podczas bezkrolewia 1733 roku // Kwartalnik Historyczny. 2003. Z. 4. S. 47–70.

⁴ Сборник императорского Русского исторического общества (далее СИРИО). Т. 106. СПб., 1899. С. 448.

⁵ Бутурлин Д. Указ. соч. С. 27.

⁶ Нелипович С. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 122; Бутурлин Д. Указ. соч. С. 29.

⁷ СИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 550.

⁸ Там же. С. 490, 492.

⁹ Там же. С. 509.

¹⁰ Цясельскі Т., Узброеныя сілы ВКЛ... С. 254–255.

¹¹ Sliesoriunas F. Musis prie Vilniaus ir miesto nusiaubimas 1734 metais // Lietuva ir jos kaimynai: nuo Normanu iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui. Vilnius, 2001. P. 314.

¹² Там же. P. 315–316.

¹³ СИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 552.

¹⁴ Там же. С. 600?601.

¹⁵ Бутурлин Д. Указ. соч. С. 30; Sliesoriunas F. Указ. соч. P. 315.

¹⁶ Latvijas valsts vestures archivs (далее LVVA). F. 4038. Op. 1. D. 2209. S. 3–3v.

¹⁷ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 38, 42.

¹⁸ Sliesoriunas F. Указ. соч. P. 314.

¹⁹ РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 8, 12.

- ²⁰ СИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 620; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 17, Л. 30.
- ²¹ Нелипович С. Указ. соч. С. 123.
- ²² Мацук А. Указ. соч. С. 340–342; Цясельські Т. Баявья дзеянні... С. 355–356; РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 16. Л. 5 об. – 6; LVIA. SA 5958. P. 76–77v; Lisek A. Oboz stanislawowski na Litwie w okresie wojny o tron polski do zawiazania konfederacji generalnej wilenskiej (1733–1734) // Studia Historyczne. R. L. 2007. Z. 2. S. 135. AGAD. AR. Dz. IV. Sygn. 659. Ф.У. Радзивил к А. Радзивил, 26.01.1734, Несвиж, к. 291, 295; Biblioteka PAN i PAU 1175, k. 7–8.
- ²³ Подробнее об этом: Macuk A. Konfederacje powiatow Wielkiego Ksiestwa Litewskiego w obronie Stanislawo Leszczynskiego w latach 1733–1736 // Krol a prawo stanow do oporu, red. M. Markiewicz, E. Opalinski, R. Skowron. Krakow, 2010. S. 319–340.
- ²⁴ Цясельські Т. Баявья дзеянні... С. 357.
- ²⁵ Pamietnik Tadeusza Oginskiego // Przegląd historyczny. 1914. Z. 1. S. 21–24.
- ²⁶ Бутурлин Д. Указ. соч. С. 87, 92.
- ²⁷ Мацук А. Указ. соч. С. 339, 351; Цясельські Т. Баявья дзеянні... С. 358; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 15. Л. 15.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 16. Л. 79 об. – 80, 120–121 об., 134–139; Д. 19. Л. 7; Biblioteka PAN i PAU 1175, k. 8–8v.
- ²⁹ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 54.
- ³⁰ Там же. С. 21, 63; Архив внешней политики российской империи (далее АВПРИ). Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 11–12; Biblioteka PAN i PAU 1175, k. 9–9v.
- ³¹ Мацук А. Указ. соч. С. 344–350.
- ³² РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 16. Л. 79 об. – 80; Д. 18. Л. 58–58 об.; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 13–13 об.
- ³³ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 142; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 35–36.
- ³⁴ Matuszewicz M. Diariusz zycia mego. Т. 1. Warszawa, 1996. S. 71.
- ³⁵ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 124, 139, 142–143; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 61–62 об.
- ³⁶ Там же. С. 123.
- ³⁷ Там же. С. 181, 205, 206, 264–265, 337, 397; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 106–107 об.; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 456. Л. 3–6 об.
- ³⁸ Там же. С. 133, 134, 137, 146, 174; Biblioteka PAN i PAU 1175, k.10–10v.
- ³⁹ Мацук А. Указ. соч. С. 351; Цясельські Т. Баявья дзеянні... С. 361.
- ⁴⁰ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 128, 135, 143, 151.
- ⁴¹ AGAD. AR. Dz. VI, sygn. 80a, k. 633–638; Дьярьюш Князя Міхала Казімера Радзівіла Ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага В. К. Літ. // Спадчына. 1995. № 2. С. 73. Мацук А. Войска як інструмент усталявання ўлады Аўгуста III... С. 352; Цясельські Т. Баявья дзеянні... С. 362.
- ⁴² СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 274.
- ⁴³ Там же. С. 208.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 16. Л. 120–121 об., 124–188 об.; СИРИО. Т. 108. С. 208–209, 274, 294, 306; Дьярьюш Князя Міхала... С. 74.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 16. Л. 192–203; Ф. 11. Д. 429. Л. 290–295; AGAD. AR. Dz. VI, sygn. 81a, k. 652–656. Matuszewicz M. Diariusz zycia mego. Т. 1. Warszawa, 1996. S. 82; Pamietnik Tadeusza Oginskiego // Przegląd historyczny. 1914. Z. 1. S. 24–25; AGAD. AR. Dz. IV. Sygn. 402. М.К. Радзивил к А. Радзивил, 23.08.1734, обоз под Слономом. К. 12; Мацук А. Войска як інструмент

усталявання ўлады Аўгуста III... С. 353–354. Цясельскі Т. Баявыя дзеянні... С. 364–365.

⁴⁶ AGAD. AR. Dz. VI, sygn. 80a, k. 657–670; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 16. Л. 206–221. Matuszewicz M. Diariusz zycia mego... S. 90–95. Kuczynski W. Pamietnik 1660–1737. Bialostok, 1999. S. 63–64; Truchim S. Konfederacja Dzikowska. Poznan, 1921. S. 59; Цясельскі Т. Баявыя дзеянні... С. 365–366.

⁴⁷ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 427.

⁴⁸ Мацук А. Указ. соч. С. 355.

⁴⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Ч. 2. Л. 33; СИРИО. Т. 111. СПб., 1901. С. 3, 10, 15, 18.

⁵⁰ Нелипович С. Указ. соч. С. 146.

⁵¹ Matuszewicz M. Diariusz zycia mego... S. 96–99; Korespondencja Jozefa Andrzeja Zaluskiego 1724–1736. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967. S. 327, 338–339; Lietuvos Mokslu Akademijos biblioteka (далее ЛМАВ). F. 139. V. 5484. P. 127–127v; РГАДА. Ф. 11. Д. 505. Л. 7–7об.; Бутурлин Д. Указ. соч. С. 103–104. Мацук А. Указ. соч. С. 360–361; Цясельскі Т. Баявыя дзеянні... С. 366–367.

⁵² Pamietnik Tadeusza Oginskiego // Przegląd historyczny. 1914. Z. 1. S. 76–80. СИРИО. Т. 111. СПб., 1901. С. 47–48, 195–196, 216. Бутурлин Д. Указ. соч. С. 104.

Б.В. Мегорский (Санкт-Петербург)

ОСАДНЫЕ ОПЕРАЦИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

ЗАХВАТ и оборона крепостей составляли значимую часть военного дела эпохи. Поэтому для всестороннего изучения петровского периода необходимо не только исследовать отдельные осады, но анализировать весь пласт подобных событий. Комплексное рассмотрение осадных операций Северной войны позволит ответить на ряд вопросов. Сколько насчитывалось эпизодов с обороной и атакой крепостей за годы войны? Чем они отличались друг от друга, и что их объединяло?

Данная проблематика не обойдена вниманием в отечественной историографии. Ф.Ф. Ласковский типологизирует 26 случаев овладения укрепленными пунктами в период петровского царствования¹. Его выборка, несомненно, включает наиболее значительные эпизоды крепостной войны, но, тем не менее, не покрывает многие иные осады с участием русских войск и вообще не касается операций, проведенных союзниками и противниками в Северной войне. Таким образом, выявление и описание как можно большего количества событий представляется перспективной задачей, требующей изучения обширного пласта источников. Настоящая статья – попытка собрать информацию об отдельных осадах в унифицированном и пригодном для сравнительного анализа и статистической обработки формате.

Новый подход к данной теме требует расширения фактологической базы. Наиболее важным для «инвентаризации и каталогизации» этого рода операций периода Северной войны представляется решение вопроса о критериях отбора событий. В первом приближении мы рассматриваем по возможности все

эпизоды Северной войны, где крепости были атакованы с целью захвата.

Под крепостями в первую очередь понимаются обнесенные валами города (напр., Нарва, Дерпт, Выборг, Рига), а также замки и цитадели (Нотебург, Митава, Бауск и др.). Дерево-земляные укрепления Украины – другой пример пунктов, ставших ареной более или менее значительных столкновений (наиболее известны Веприк и Полтава, но в том же ряду можно назвать Мглин, Недрыгайлов, Тернов, Олешню, Рашевку, Опошню, Сенжары и др.).

Оборона и атака менее крупных объектов фортификации составляла весомую долю боевых задач вооруженных сил стран-участниц войны. Это полевые укрепления (отдельно стоящие редуты, ретрашементы и укрепленные лагеря) и строения (монастыри, мызы и дворы). В рамках данной работы мы не будем рассматривать их, но отметим перспективу исследований в этом направлении.

Очевидный критерий сравнения рассматриваемых нами крепостей – сила их обороны. Имели значение не только размеры, протяженность и исправность фортификационных сооружений. Современная для того периода бастионная система укреплений представляла иные возможности для защиты, нежели средневековые замки до-огнестрельной архитектуры, не говоря о простейших валах с частоколом для защиты от степных набегов.

Численность войск осажденного и осаждающего, а также количество артиллерийских орудий у сторон является важной характеристикой любой военной операции. Исчисление сил противоборствующих армий – давний и самостоятельный жанр военно-исторических исследований, в котором работает и ряд современных исследователей².

Расширить кругозор исследователя следует за счет рассмотрения разных театров военных действий, включая второстепенные. Осады с участием Петра Великого как правило хорошо освещены в опубликованных источниках, чего нельзя сказать об операциях, проведенных без высочайшего присутствия. Так, штурм Мариенбурга в 1702 г. оказался в тени последовавшего вскоре взятия Нотебурга, а в 1711 г. Прутский поход и сражение при Станилешти затмили успешную оборону Белой Церкви и не менее успешное взятие Браилова.

Контекст будет неполным без учета совместных действий с союзниками, таких как: малоизвестная полугодовая оборона крепости

Динамюнде саксонско-русским гарнизоном в 1701 г., осада Познани в 1704 г. или осады вместе с датчанами и саксонцами Штеттина, Штральзунда и Тенингена. Учтем и осады, в которых русские войска не были задействованы – будь то оборона Торна саксонцами (1703 г.), Висмара шведами (1711 и 1716 гг.) или Фредриксхалля датчанами-норвежцами (1716, 1718 гг.). Помимо акций с участием армейских частей, необходимо рассматривать и действия нерегулярных украинских войск (оборона псковского Печорского монастыря в 1701 г., Несвижа и Ляховичей в 1706 г. или взятие совместно с литовцами Быхова в 1702 г.). Нельзя обойти стороной случаи, когда приходилось брать крепости в ходе подавления вооруженных мятежей (Астрахань (1706 г.), Батурин (1708 г.), Переволочна и Сечь (1709 г.), Новосергиевский (апрель 1711 г.)).

Таким образом, изучение характеристик укреплений и состава сторон дает нам целый ряд критериев для классификации. Вслед за этим необходимо рассмотреть процесс атаки на укрепления: какая тактика использовалась, какое время было затрачено и какие результаты достигнуты. Многообразие этих параметров даст нам новые возможности для типологизации.

Итак, какого рода военные операции надо рассматривать и каким термином их будет правильно обозначать? Для заголовка данной статьи выбран термин «осадные операции», как наиболее общий, касающийся нападения на обороняемые крепости с целью захвата. Самый на первый взгляд подходящий и очевидный термин «осада» словари, как правило, относят к т.н. постепенной или формальной атаке в виде, описанном Вобаном (набор последовательных этапов, включая ведение траншей, возведение параллелей и батарей, пробитие брешей с помощью артиллерии или мин, коронование гласиса, преодоление рва и штурм брешей). Однако это во многом идеализированное представление; вся последовательность этапов не часто воплощалась на практике, но от этого осады не переставали быть таковыми. Поэтому под осадами мы будем понимать операции с ведением апрошей и применением артиллерии. Наиболее яркими примерами можно считать осады Дерпта и Нарвы в 1704 г., Выборга в 1710 г.

Помимо постепенной атаки как средства принуждения крепости к сдаче, практиковались и другие подходы, которые американский исследователь осадного искусства начала XVIII в. Джамель Оствальд называет «не осадными» (*non-siege tactics*, англ.): блокада, бомбардирование, штурм и военная хитрость³.

Блокирование города – т.е. прерывание всех его коммуникаций с внешним миром – позволяло принудить гарнизон к капитуляции голодом и при этом сэкономить силы и средства. Так поступали, когда формальная осада грозила большими потерями из-за неблагоприятного времени года или из-за неприступности укреплений (Рига, 1709–1710 гг.), когда осаждающий мог позволить себе длительное «сидение» вокруг крепости (Кексгольм, 1710 г.) или когда у него не хватало сил для более активных действий (Пернов, Ревель). Свои коррективы внесла эпидемия 1710 г. – гарнизоны Риги, Пернова и Ревеля буквально вымирали от «морового поветрия», а осаждающие предпочитали выжидать сдачи на расстоянии.

В редких случаях блокада велась без использования артиллерии, однако наиболее распространенной тактикой принуждения к сдаче было бомбардирование – т.е. обстрел города разрывными и зажигательными снарядами навесной траекторией. Его целью было причинение материального ущерба и подрыв морального состояния жителей и защитников. Именно по этой причине были сданы Ниеншанц, Копорье, Ям, Митавский замок, Штеттин. В других случаях бомбардирование сопровождало формальную осаду или подготавливало штурм.

Военная хитрость («стратагема») считалась одним из допустимых способов захвата (современный Северной войне пример – проникновение войск Евгения Савойского в крепость Кремону в Италии через неохраняемый подземный ход и пленение маршала Виллара в 1702 г.)⁴. Однако применительно к Северной войне мы таких случаев не находим, за исключением, возможно, нападения шведских кораблей на Новодвинскую крепость под нейтральными флагами (1701 г.) или внезапного нападения на Митаву кавалерийского отряда Боура (1705 г.).

Любая осадная операция характеризуется также тем, что гарнизон имел возможность и намерение оказывать сопротивление. Многочисленные случаи в ходе войны, когда оставленные защитниками укрепления занимались без боя (напр., замки Ракобор, Фолин, Пылцов, Пайде, Руик в 1703 г.), очевидным образом не интересуют нас в рамках исследования. Тем не менее, есть ряд примеров того, как готовая к обороне крепость под угрозой штурма после переговоров отдавалась без сопротивления: Эльбинг и Познань (1703 г.), Зеньков (1708 г.), Аренсбург (1710 г.), Новосергиевский (март 1711 г.). Затруднительно классифицировать эпизоды

взятия селений не в результате непосредственно атаки укреплений, а вследствие полевого боя на подступах (напр., Опошня в январе и мае 1709 г., Красный Кут и Городня в феврале 1709 г. и др.)

Ключевой характеристикой осады можно считать затраченное на нее время. Измерение длительности осад, таким образом, представляется перспективным направлением дальнейших исследований. Чтобы сравнивать осады между собой по критерию продолжительности, нужно выбрать общую точку отсчета; таким моментом, по традиции эпохи, является день открытия траншей, т.е. начала земляных работ осаждающими. Стоит отметить, что в редких случаях траншеи могли вообще не открывать – когда крепость атаквали внезапным приступом. В идеальной «вобановской» осаде под траншеями обычно понимают вырытые в земле подступы, по которым осаждающий стягивает свою живую силу и артиллерию ближе к атакуемому участку – параллели, апроши и сапы. Однако процесс часто не был поступательным. Если крепость находилась на острове, формальная осада с ведением апрошей под стены была невозможна, поэтому осаждающий ограничивался стадиями блокады и бомбардирования (Кексгольм, 1710 г. и Нейшлот, 1714 г.) или переходил к штурму (Мариенбург, 1702 г. и Нотебург, 1702 г.). Здесь «заводили шанцы» (т.е. открывали траншеи) не для формальной атаки, а лишь для обеспечения позиций согласно выбранной тактики. Приступать к земляным работам могли сразу же по приходе к городу, а могли значительно позднее (Торн, 1703 г.). В подобных случаях до открытия траншей стоит выделять день обложения крепости, т.е. блокирования основными силами осаждающего. Иногда армия осаждающего маневрировала в районе крепости и подготавливала атаку задолго до формального обложения (Нарва 1704 г., Полтава 1709 г.).

Другой признанной вехой каждой осады считается день открытия огня осадной артиллерии. Термином «бомбардирование» в узком смысле обозначают навесной огонь мортир, однако, как правило, пушки и мортиры начинали действовать одновременно. Этому моменту предшествовало возведение батарей и установка на них пушек и мортир. В некоторых случаях командующие осадой дожидались прибытия всех орудий; иногда их подвозили и вводили в дело поэтапно (например, Выборг начали обстреливать спустя неделю после обложения 29 марта 1710 г., но заставили коменданта

сдаться батарее со второго направления атаки, которые «заработали» лишь спустя два месяца, 1 июня).

Взятие контрэскарпа (или коронование гласиса) считалось ключевым шагом в ходе формальной осады в преддверии штурма, но не при стратегии блокирования и бомбардирования. То же можно сказать о результате действия ломовых пушек (там, где они применялись) – брешах в крепостной стене. Образование проходимых проломов – еще один важный момент, всегда отражавшийся в журналах осад.

Осуществление вылазок характеризовало активную оборону гарнизона и также отмечалось среди других моментов осады.

Штурм как кульминационная фаза осады производился сравнительно редко (Нарва, 1704 г.). Чаще приступ был способом решительного овладения крепостью без предшествующей постепенной атаки. При этом в пользу штурма от формальной осады отказывались как в силу объективных (напр., островное положение крепости или неподходящий сезон), так и субъективных причин (оценка оперативной обстановки командованием осаждающего, нехватка времени и ресурсов). Бывало, что после отражения штурма все равно следовала сдача (Нотебург, Недрыгайлов 1708 г., Веприк, 1709 г.) или оставление города (Мглин, 1708 г.). Штурмы Полтавы, возможно, имели место и отбивались, но этот вопрос до сих пор недостаточно исследован.

Все же штурм крупной крепости был редким явлением, а коменданты, как правило, сдавались раньше. При таком развитии событий следует выделять день подписания капитуляции, день ввода войск победителя и день выхода отпущенного по договору («аккорду») гарнизона. Альтернативой была сдача «на дискрецию», т.е. на милость победителя, что чаще всего означало пленение.

После взятия крепость могла быть разрушена и покинута победителем (как многие крепости Украины в 1708–1709 гг.). Как правило, осаждающий оставался во взятой крепости еще некоторое время для починки укреплений, срытия осадных сооружений и отдыха и лишь потом покидал город, оставив в нем гарнизон. На первый взгляд, этот показатель не касается течения осады, но он более объективно характеризует временной промежуток, в течение которого полки были «прикованы» к крепости и, соответственно, не могли быть использованы в ином месте⁵.

Говоря о достигнутых результатах, надо заметить, что овладение крепостью не было неизбежным итогом осадной операции – примером тому служат снятые осады Нарвы 1700 г., Познани 1704 г., Полтавы 1709 г. (где на выручку осажденной крепости пришел сиккурс), а также Выборга 1706 г. и Штральзунда в 1711 и 1713 гг. (где осаждающий решил отказаться от осады из-за нехватки ресурсов).

Расширение фактологической базы и рассмотрение целого ряда специальных характеристик позволяют нам систематизировать данные об осадных операциях Северной войны в предлагаемой ниже сводной таблице. Ее наполнение – продолжающийся процесс; если крупные осады освещены (с высокой вероятностью) достаточно полно, то многие незначительные операции еще предстоит выявить и описать. Ограничение по объему публикации не позволяет отразить обширный пласт данных о временных характеристиках осад, весь объем справочного аппарата, а также данные о составе и командовании сторон. Предлагаемый перечень (см. табл. на с. 226–228) представляет первый опыт типологии, основанный на примененных видах тактики и итогах операций.

---

¹ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 285–286.

² О численности войск см., напр.: Мельнов А.В. Шведский гарнизон Выборга накануне осады 1710 года // *BaltFort*. 2010. № 12. С. 75–78; Великанов В.С. К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 года // *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая Международная научно-практическая конференция, 18–20 мая 2011 г.* СПб., 2011. Ч. I. С. 130–143. О составе артиллерии см., напр.: Славнитский Н.Р. Осада и взятие шведской крепости Нотебург (Орешек) русскими войсками в 1702 г. // *Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху Барокко (1700–1762)*. СПб., 2002. Вып. 2. С. 52–55; Славнитский Н.Р. Осада и взятие Выборга русскими войсками в 1710 г. // *Victoria. Gloria. Fama. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи*. СПб., 2003. Ч. 3. С. 93–97; Славнитский Н.Р. Осада и взятие Нарвы русскими войсками в 1704 г. // *Мир в Новое время*. СПб., 2005. С. 111–117.

³ Ostwald J. *Vauban's siege legacy in the War of Spanish Succession, 1702–12*. Dissertation. Ohio, 2002. P. 344.

⁴ Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 232–235.

⁵ Lynn J. *Giant of the Grand Siecle. The French Army, 1610–1715*. New York, 1998. P. 575–576.

Крепость	Год	Театр	Ларинзон	Осважающий	Воквала	Воквадурванн е	Вегенте апроше е	Вьлаки	Вьатне контраскарпа	Пробитне брешн	Штурм	С'лава (акорд, дискретш)	С'натне осадн
1 Кокенгаузен ¹	1700	Лифляндия	швед	сакс								акорд	
2 Коброн-панец ²	1700	Лифляндия	швед	сакс								?	
3 Динамондс ³	1700	Лифляндия	швед	сакс								?	
4 Парв ⁴	1700	Лифляндия	швед	рус									х
5 Печерский монастырь ⁵	1701	Россия	рус	швед									х
6 Новолинская ⁶	1701	Россия	рус	швед									х
7 Динамондс ⁷	1701	Лифляндия	сакс, рус	швед	х	х						акорд	
8 Мариенбург ⁸	1702	Лифляндия	швед	рус	х	х							
9 Нотебург ⁹	1702	Ингерманландия	швед	рус	х	х							х
10 Бьхов ¹⁰	1702	Литва	лит	лит, укр	х							?	
11 Непшанц ¹¹	1703	Ингерманландия	швед	рус									акорд
12 Ям ¹²	1703	Ингерманландия	швед	рус									акорд
13 Конорье ¹³	1703	Ингерманландия	швед	рус									акорд
14 Торн ¹⁴	1703	Польша	сакс	швед	х	х							акорд
15 Дерга ¹⁵	1704	Лифляндия	швед	рус									дискр
16 Нарва ¹⁶	1704	Эстляндия	швед	рус	х	х							аккорд
17 Ивангород ¹⁷	1704	Ингерманландия	швед	рус	х	х							дискр
18 Биржа ¹⁸	1704	Литва	лит	швед	х								аккорд
19 Львов ¹⁹	1704	Польша	пол	швед	х								?
20 Варшава, замок ²⁰	1704	Польша	швед	сакс, пол									дискр
21 Познань ²¹	1704	Польша	швед	рус, сакс									дискр
22 Мгагна ²²	1705	Курляндия	швед	рус									х
23 Мгагна, замок ²³	1705	Курляндия	швед	рус									х
24 Коллин ²⁴	1705	Ингерманландия	рус	швед									акорд
25 Бакс, замок ²⁵	1705	Курляндия	швед	рус									х
26 Несвиж ²⁶	1706	Литва	укр	швед									акорд

- ²² ПиБ. Т. 3. С. 379; ВПЖ Шереметева. С. 177–178; Adlerfeld. Vol. 2. P. 135–136.
- ²³ Гистория. Вып. 1. С. 257–258; Adlerfeld. Vol. 2. P. 155–156.
- ²⁴ Гистория. Вып. 1. С. 252; [Ведомости] Ведомость московская. Москва, 26 июня 1705; [Ведомости] Подлинное доношение. Москва, 14 сентября 1705. С. 3 об., 4.
- ²⁵ Гистория. Вып. 1. С. 259; ПиБ. Т. 3. С. 968–972; Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. Приложения. С. 49–51.
- ²⁶ Adlerfeld. Vol. 2. P. 214–215.
- ²⁷ Ibidem. P. 225–228.
- ²⁸ Волинский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Кн. 3. С. 409–410 (далее – Волинский); Гистория. Вып. 1. С. 544–550.
- ²⁹ Волинский. Кн. 3. С. 468.
- ³⁰ ПиБ. Т. 5. С. 733–736.
- ³¹ ПиБ. Т. 8. Ч. 2. С. 697–698.
- ³² ПиБ. Т. 8. Ч. 2. С. 906, 907, 918; Летописец, или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 47–48.
- ³³ Труды Императорского Русского Военно-Исторического общества. Т. 3. СПб., 1909. С. 40 (далее – Труды РВИО); Adlerfeld. Vol. 3. P. 85.
- ³⁴ Adlerfeld. Vol. 3. P. 85; ПиБ. Т. 8. Ч. 2. С. 977, 1016–1017.
- ³⁵ Adlerfeld. Vol. 3. P. 91–93; Гистория. Вып. 1. С. 152–153.
- ³⁶ Adlerfeld. Vol. 3. P. 94.
- ³⁷ Ibidem. P. 98.
- ³⁸ Труды РВИО. Т. 3. С. 105–106; ПиБ. Т. 9. Ч. 2. С. 719–721; Adlerfeld. Vol. 3. P. 100–101.
- ³⁹ ПиБ. Т. 9. Ч. 2. С. 945–946; Adlerfeld. Vol. 3. P. 116.
- ⁴⁰ Adlerfeld. Vol. 3. P. 107–124.
- ⁴¹ ПиБ. Т. 9. Ч. 2. С. 855.
- ⁴² Там же. С. 905; Труды РВИО. Т. 3. С. 174.
- ⁴³ Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 25. С. 292–301 (далее – Сборник РИО); Гистория Т. 2. С. 357–358.
- ⁴⁴ Гистория. Т. 1. С. 180–196.
- ⁴⁵ Журнал Гизена. Ч. 8. С. 232–233; Сборник РИО. Т. 25. С. 178.
- ⁴⁶ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманладском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1894. С. 117–124.
- ⁴⁷ Гистория. Т. 1. С. 358–359.
- ⁴⁸ Гистория. Т. 1. С. 359; Сборник РИО. Т. 11. С. 144.
- ⁴⁹ Гистория. Т. 1. С. 361–363.
- ⁵⁰ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманладском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1894. С. 125–126.
- ⁵¹ Материалы военно-ученого архива главного штаба. Т. 1. СПб., 1871. С. 675–678; Судиенко М. Материалы для отечественной истории. Т. 2. Киев, 1855. С. 33–36; Мышлаевский А.З. Война с Турциею 1711 года. Прутская операция. Материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898. С. 229–231.
- ⁵² Мышлаевский А.З. Война с Турциею 1711 года. Прутская операция. Материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898. С. 70–71.

- ⁵³ Там же. С. 263–264.
- ⁵⁴ Nordberg J.A. Histoire de Charles XII. Haye, 1748. Т. 2. Р. 459, 466–467.
- ⁵⁵ История. Т. 1. С. 375–378.
- ⁵⁶ История. Т. 1. С. 384; Nordberg J.A. Op. cit. Р. 569–571; British Officer in the Service of the Czar. An impartial history of the life and actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. London, 1723. Р. 371–381.
- ⁵⁷ История. Т. 1. С. 394–395; ПиБ. Т. 13. Вып. 1. С. 156–157.
- ⁵⁸ История. Т. 1. С. 404–409.
- ⁵⁹ ПиБ. Т. 13. Ч. 2. С. 423, 495.
- ⁶⁰ История. Т. 1. С. 424; Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1894. С. 225–231.
- ⁶¹ Nordberg J.A. Op. cit. Т. 3. Р. 215–230.
- ⁶² История. Т. 1. С. 443; Nordberg J.A. Op. cit. Т. 3. Р. 202–240.
- ⁶³ Nordberg J.A. Op. cit. Т. 3. Р. 247–252.
- ⁶⁴ Ibidem. Р. 256–258.
- ⁶⁵ Ibidem. Р. 356–358.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

МАДУ. ИСТОРИЯ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

ОРУЖИЕМ традиционным и эндемичным для Индии является так называемое **маду** (madu) (рис. 1). Маду – это рога антилопы, соединенные друг с другом так, что острия смотрят в разные стороны. Иногда рога соединены со щитом, а в редких случаях еще и с кинжальным клинком. Последний вариант приводит в

Рис. 1. Маду

своей книге Эгертон: «№ 694. Отражатель щита, «маду», или «мару». Рога антилопы со стальными наконечниками, украшенными золотой насечкой. Маленький круглый стальной щит с золотой насечкой, в центре большая позолоченная бляха. Из-под щита выступает клинок кинжала»¹. Этому описанию и номеру соответствует изображение на илл. XIII.

В отечественных и зарубежных музеях и изданиях **маду** часто описывается как оружие факиров. «Щит служил для защиты рук и запястья, и, вращая его можно было не только рогами парировать удары, но и наносить их противнику. Был популярен среди бхилов

(одно из племен Деканского плоскогорья), факиров и мечников»². Мы согласны с этой версией лишь частично. Перед тем как объяснить нашу позицию по этому вопросу, рассмотрим описания **маду**, составленные разными авторами.

В литературе **маду** впервые упоминает Эгертон, описывая материалы, используемые для изготовления индийского оружия. «Рога антилопы, концы которых оправлены сталью, используются для изготовления щитов («маду»), а рога гаяла для изготовления пороховниц»³. Следующее упоминание **маду** мы встречаем у Дж. Стоуна. «Маду. Индийское защитное и колющее оружие, состоящее из пары черных рогов, скрепленных вместе. Обычно рога соединяются торцевыми частями, но иногда они прикрепляются по разным сторонам короткой рукояти. В любом случае, рука защищается небольшим круглым щитом <...> Рога обычно имеют стальные острые наконечники»⁴.

В отечественной литературе о **маду** пишет К.С. Носов. «Маду. Оружие известно под тремя названиями – маду, мару и сингаута. Первоначально оно изготавливалось из пары рогов антилопы или газели, связанных (позднее скрепленных болтами) так, что концы рогов были направлены в разные стороны. Однако иногда рога прикреплялись к разным концам короткой вставки-рукояти. Концы рогов, как правило, усиливались стальными наконечниками. Маду часто снабжали дужкой или небольшим <...> щитом для защиты рукояти»⁵.

Правда, мы позволим себе не согласиться с Носовым, говорящим о рогах «скрепленных болтами». На всех виденных нами образцах крепление рогов между собой и со щитом происходит следующим образом. Через окованные железом или латунью основания рогов пропущен железный штырь, расклепанный так, что он фиксирует один рог с одной стороны, а другой рог (или щит, если он входит в конструкцию) – с другой. Часть штыря, расположенная между рогами, утолщена, по сравнению с частью, проходящей через рог, что препятствует скольжению зафиксированных рогов относительно друг друга (рис. 2).

Рис. 2. Крепление рогов в классическом маду

Если с внешним видом **маду** все вполне понятно, и расхождения у авторов не наблюдаются, то с принадлежностью этого оружия возникают вопросы. Эгертон первым пишет о том, что **маду** используется факирами. «№ 434. Отражатель щита, «мару», «маду» или «сингаута». Состоит из пары рогов черной антилопы с оправленными сталью концами. Используется бхилами и индийскими факирами»⁶. Здесь, судя по описанию, приводится экземпляр без небольшого щита. Надо отметить, что описание принадлежности данного экспоната бхилам и факирам, именно в таком контексте, несколько удивляет. Потому что бхилы – это индоарийская племенная народность в Центральной Индии, а факир (*араб.* **زوّف** – *бедняк*) – изначально странствующий приверженец суфизма, позднее (в разговорной речи) термин стал означать бездомного аскета в индуизме. Можно предположить, что простейшие маду из связанных рогов, без оковки кончиков металлом, которые первоначально использовались крестьянами народности бхилы, иногда использовали факиры, которые не имели права носить оружия. Стоун, вероятно вслед за Эгертоном, на которого он ссылается, повторяет версию о факирах. «Такое оружие использовалось племенем бхиллов и другими дикими племенами, а также было одним из излюбленных орудий религиозных нищих хинду»⁷. Первое, что нас удивляет, – строки Стоуна о бхилах, в которых он ставит их в один ряд с «другими дикими племенами», хотя известно, что основное занятие бхиллов – земледелие⁸.

Далее, если вспомнить многочисленные описания **маду**, приведенные в своей книге Эгертоном, мы сталкиваемся с тем, что все образцы, описанные им, имели железные наконечники на концах рогов, а щиты были декорированы золотом⁹. Это ставит под сомнение версию об использовании такого оружия как факирами – людьми, давшими обет бедности, так и крестьянами-бхилами, которые явно не могли бы себе позволить богато украшенное, а значит – дорогое оружие.

Поэтому гораздо ближе нам версия Панта, который пишет о том, что **маду** (мару) – это оружие маратхов¹⁰.

Тогда вполне логично и описание Синклера, на которое ссылается Стоун: «Оно (маду) носилось меченосцами в качестве щита; его держали в левой руке»¹¹. Странно было бы представить факира или крестьянина с мечом в руке.

Носов так же осторожно пишет: «Это оружие, особенно популярное в Махараштре <...>, могло использоваться как самостоятельно, так и в паре с саблей. В последнем случае его держали в левой руке и применяли для отражения ударов и неожиданных выпадов»¹².

Вероятно, это оружие было настолько удобным, что впоследствии натуральный рог стали заменять сталью. Образцы таких **маду** мы видим в работах Панта¹³ и Носова («Позднее это оружие стали

Рис. 3. Стальные маду в арсенале Биканер

изготавливать из стали, иногда имитируя рога...»¹⁴), а также в арсенале Биканер в Индии (рис. 3).

Отдельно хотелось бы задержаться на остеологическом материале, из которого изготовлены все известные нам **маду**. Изучив достаточно большой объем экспонатов (маду), мы пришли к выводу, что для их изготовления использовались исключительно рога антилопы гарны, распространенной в Индии (рис. 4). «Гарна (*Antilopa cervicapra*), винторогая антилопа¹⁵, относящаяся к подсемейству газелей – это не крупная антилопа с очень стройным и пропорциональным телосложением <...> Рога, которые имеют только самцы, длинные штопорообразно извитые и не похожие на рога других газелей (рис. 5). Длина их от 45 до 70 см»¹⁶. Диаметр у основания рога

Рис. 4. Антилопа гарна

на примере рогов гарны из фондов ГДМ – 4,3 см, длина левого рога – 56,6, а правого – 57 см. Рог гарны плотный, практически полностью состоящий из рогового вещества, что обеспечивает его высокую прочность (рис. 6). То, что рога почти прямые – также способствовало их использованию как оружия для нанесения колющих ударов.

Единственный известный нам экземпляр **маду** из частной коллекции, где использовались рога другой антилопы – сайгака (*Saiga tatarica*), вызывает у нас определенные сомнения. Мы предполагаем, что он изготовлен относительно недавно, примерно в середине 20 в., и мог использоваться как спортивное оружие для тренировок в гатке (индийском боевом искусстве с использованием холодного оружия). Это объясняло бы и использование рога животного, не типичного для Индии, так как к 1950-м гг. численность гарны резко снизилась из-за антропогенного воздействия, и крепление рогов, не стандартное для **маду**. Кроме того, при тренировках, слегка изогнутые, в том числе и у самых кончиков, рога сайгака – менее травмоопасны, чем рога гарны.

В заключение хотелось бы отметить, что, проанализировав доступные нам литературные источники и изучив материальные объекты, мы приходим к выводу, что **маду** в том виде, в котором мы его знаем на сегодняшний день, правильнее считать оружием маратхов. Хотя нельзя полностью отвергать возможность использования индийскими факирами отдельных примитивных прототипов этого оружия (связанные рога), например, для защиты от животных. Для изготовления **маду** использовались исключительно рога антилопы гарны.

Рис. 5. Рога антилопы гарна

Рис. 6. Структура рога

- ¹ Egerton, Lord of Tatton. *Indian and Oriental Armour*. Dover Publications, 2002. P. 133.
- ² Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 84–85.
- ³ Egerton. *Ibid.* P. 67.
- ⁴ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 380.
- ⁵ Носов К.С. Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. С. 337–338.
- ⁶ Egerton. *Ibid.* P. 111.
- ⁷ Стоун Д.К. Указ. соч. С. 380.
- ⁸ Большая Советская энциклопедия / Под ред. С.И. Вавилова. Т. 6. 1951. С. 419.
- ⁹ Egerton. *Ibid.* P. 133.
- ¹⁰ Pant G.N., Sharma K.K. *Indian Armours in the National Museum Collection: A Catalogue*, National Museum. New Delhi, 2001. P. 18.
- ¹¹ Стоун Д.К. Указ. соч. С. 380.
- ¹² Носов К.С. Указ. соч. С. 338.
- ¹³ Pant G.N., Sharma K.K. *Ibid.* P. 67.
- ¹⁴ Носов К.С. Указ. соч. С. 337.
- ¹⁵ Соколов В.Е. Пятиязычный словарь названий животных. Млекопитающие. Латинский, русский, английский, немецкий, французский / Под общей ред. акад. В.Е. Соколова. М.: Рус. яз., 1984. С. 129.
- ¹⁶ Наумов С.Н. Жизнь животных. Млекопитающие, или звери. Т. 6. М.: Просвещение, 1971. С. 517.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

**К ВОПРОСУ ОБ «УСТАВНЫХ КУБЕРАХ»
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
В АФГАНИСТАНЕ**

КОНЕЦ XIX в. в армиях практически всех государств Востока характеризуется переходом на уставные образцы холодного оружия, присущих регулярной армии, чаще всего европейского типа. Не является исключением из этого правила и Афганистан, в котором уставное холодное оружие или конструктивно с ним сходные образцы появились не раньше конца 1870-х гг. (мы не рассматриваем образцы собственно европейского холодного оружия, которые использовались афганцами).

Известно, что после второй англо-афганской войны (1878–1880) в Афганистане стало появляться что-то похожее на небольшое оружейное производство. Война закончилась в 1880 г., когда англичане разгромили так называемых «афганских мятежников». Британцам не удалось взять под контроль всю территорию страны, зато они «посадили на трон» эмира, который устраивал их. Британская империя получила относительный контроль над Афганистаном, в обмен перечисляя новым властям денежные субсидии и снабжая его армию оружием. Абдур-Рахман оказался прекрасным выбором для британцев. Желая модернизировать страну, он стал основателем того государства, которое мы знаем как Афганистан. Одним из нововведений эмира стало создание в 1887 г. государственного арсенала в Кабуле, названного Mashin Khana (Машинный дом). Арсенал создавался при помощи английских инженеров и металлургов. И, безусловно, в первую очередь работа арсенала была ориентирована на изготовление огнестрельного оружия. Тем не менее, известно, что и небольшое количество уставного клинкового оружия тоже производилось в Mashin Khana¹.

Появление уставного оружия в самом конце XIX в. подтверждается также известными иллюстративными источниками. До 1878 г. ни на одной из многочисленных фотографий, сделанных Джоном Берком (John Burke) и представленных в фотоальбоме Омар Хана «От Кашмира до Кабула»², уставное афганское клинковое оружие не присутствует. Так же, как и в книге «Народы Индии»³. Тем не менее, даже после его появления, долгое время наравне с уставным оружием в Афганистане использовались традиционные этнические образцы холодного оружия.

Холодное оружие, которое можно назвать типично афганским – это, безусловно, кубер, или «хайберский нож» (khaiber, khaiber knife) (якобы местное название «салавар ятаган»), занимающий промежуточное положение между длинноклинковым и короткоклинковым оружием (рис. 1). По сути это меч (по определению Стоуна)⁴ или даже скорее тесак, если рассматривать кубер в свете современной оружейведческой терминологии.

Рис. 1. Этнический кубер

Остановимся для начала на названии рассматриваемого оружия. Оба термина (кубер и салавар ятаган) кажутся нам неоднозначными. Термин «салавар ятаган» впервые упоминает в своей работе Эгертон⁵, а за ним через несколько лет повторяет Стоун⁶. С их легкой руки это название и используется. Тем не менее, сами афганцы не могут объяснить связи этого названия ни с одним из трех языков: пушту, дари и фарси. Более того, нам кажется сомнительным использование в названии традиционного именно для афганцев оружия заимствованного термина – «ятаган», с дополнительным определением. Термин «кубер» также не полностью удовлетворяет нас. Очевидно, что русский термин является «калькой» с английского, который, в свою очередь, образован по названию

местности. Существует устойчивая традиция транскрипции термина: «Khyber pass», который всюду переводят как «Хайберский проход» или «Хайберский перевал». Тем более что такая транскрипция, в общем, соответствует пушту: *پېر د رېښې خ*. Почему в таком случае khyber knife, который из-за размеров, на наш взгляд, правильнее было бы тогда уж называть «khyber sword», транслитерируется в отечественных литературных источниках как «кубер» – непонятно. Единственное объяснение, которое может быть – это просто удобно: коротко и однозначно, а главное привычно. Хотя мы осознаем, что существующая терминология в отношении этого оружия не совсем корректна, за неимением лучшего, мы в нашей статье будем и дальше пользоваться термином кубер.

В классическом варианте это оружие обладает тяжелым прямым Т-образным в сечении клинком значительной длины, существенно расширяющимся к рукояти, так что часто основание клинка играет роль гарды. Обух чаще всего прямой, невыделанный. Рукоять чаще всего из двух роговых или костяных щечек, причем если щечки костяные, часто они могут состоять из нескольких кусков кости. Ножны конические, деревянные и обтянутые кожей или тканью, часто с длинным металлическим наконечником, декорированным выступающими гранями-«ребрами». Рукоять утапливается в ножны почти на две трети, так что наружу торчит только клювообразная головка. Благодаря этой головке оружие очень удобно вытаскивать. Эгертон пишет, что гильзаи, киберы и представители других племен носят на бедре в массивных ножнах ножи длиной около трех футов и приводит номер, которому соответствует изображение кубера⁷. Размеры куберов: 45–100 см.

Мы считаем, что классический этнический кубер не имел специального подвеса и носился заткнутым за пояс, что подтверждается многочисленными гравюрами и фотографиями (рис. 2).

Эти тяжелые ножи-тесаки, упоминаемые Киплингом, были традиционным рубящим оружием пуштунских племен. «Если хотите узнать, каким оружием они [афганцы] сражаются, у меня под скамейкой длиннющий нож, – сказал английский кавалерист и вытащил устрашающий афганский нож с костяной рукояткой. – Им запросто можно отхватить руку от плеча. Все равно что кусок мыла пополам разрезать». А так Киплинг описывает бой: «И вот враг [афганцы] подошел вплотную, началась рукопашная; тут-то солдаты на своей шкуре узнали, до чего силен и вынослив противник;

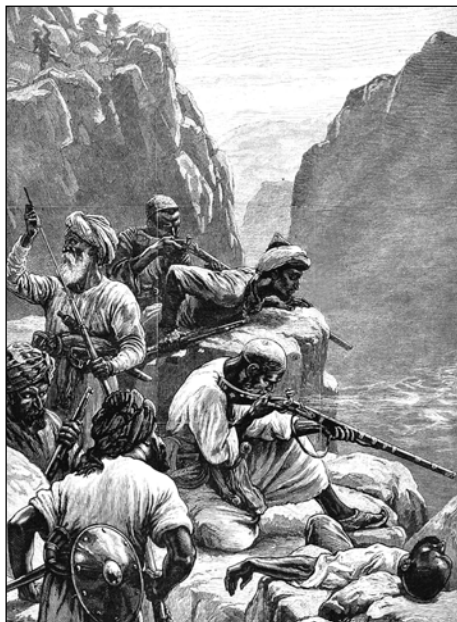

Рис. 2. Афганцы с куберами

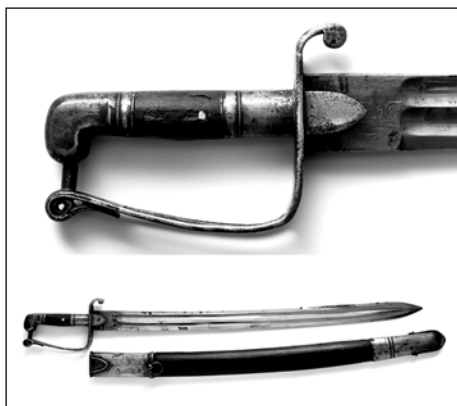

Рис. 3. Уставной образец кубера, напоминающий европейский тесак

этнического кубера, и напоминающего европейский тесак (рис. 3). Клинок полуторной заточки, широкий и с незначительным

схватка эта закончилась криками и стенаниями, а уж что натворили трехфутовые ножи – лучше не вспоминать».

Кстати, говоря о куберах, необходимо помнить, что при сходной форме они крайне разнообразны в оформлении и размерах. Наиболее часто встречаются просто оформленные куберы, о которых сказано выше. Но не стоит забывать и другие типы оформления этого оружия. Встречаются куберы с рукоятками из стали, украшенные серебряной или золотой насечкой (кофтгари), с медными рукоятками; металлические части рукоятки с костяными щечками могут быть выполнены из булата, украшены насечкой или всечкой золотом⁸.

Но в данной статье мы не будем подробно останавливаться на этнических образцах, а хотели бы рассмотреть «эволюцию» кубера, которая привела к появлению уставного образца, внешне отличающегося от привычного

изгибом. У рукояти четко выражена пята клинка. Практически все такие клинки несут на пяте так называемое клеймо арсенала «Мазар-и-Шариф» и иногда дату (обычно с 1893 по 1903 г.). Обух широкий, Т-образный в сечении, в последней трети клинка переходит в небольшую елмань с фальшлезвием. Линия лезвия плавно сближается с елманью, образуя мечевидное острие. От пяты клинка почти до самого острия идут два широких дола. Рукоять чаще всего стальная с накладными деревянными щечками, расположенными во второй трети рукояти, между гладкими металлическими деталями. Щечки фиксируются двумя стальными заклепками. Передняя дужка гарды – прорезная, так что создается эффект трех расположенных рядом дужек, в месте фиксации с головкой рукояти, которая изящно выгнута наружу и напоминает стилизованную голову птицы. Конец крестовины загнут в сторону обуха клинка, как на европейском холодном оружии. На пяту клинка со стороны гарды заходят щитики крестовины, напоминающие стилизованные купола мечети. Ножны деревянные, обтянуты черной или коричневой кожей, с двумя металлическими (чаще всего стальными) деталями: наконечником и устьем. Устье ножен составляет единую деталь с обоймицей, на которой с внутренней стороны ножен закреплено кольцо ножен. На наконечнике ножен, как на европейском оружии четко выражен башмак.

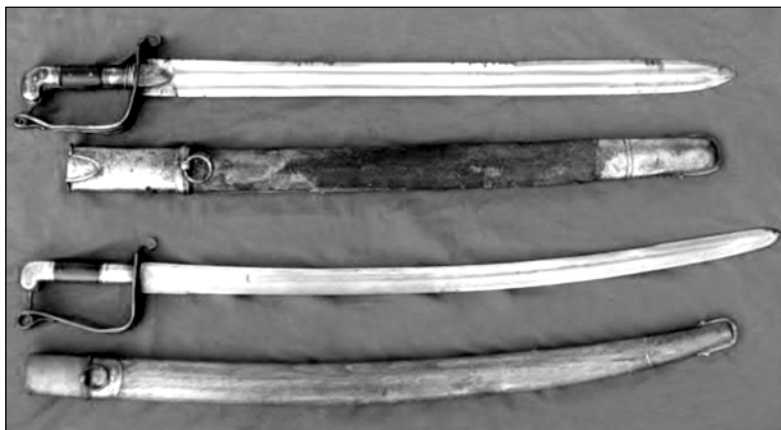
Это оружие, к сожалению, практически не представленное в Российских музеях, называется зарубежными исследователями в области оружия – *Afghan military sabres* (афганские военные сабли) или *Afghan military swords* (афганские военные мечи). Тем не менее, мы считаем, что правильней было бы называть этот образец *Afghan military khyber* (афганский военный кубер) или, что в русском языке будет более правильно, – «уставной кубер». У большинства читателей может возникнуть резонный вопрос, на каком основании, мы предлагаем ввести такой термин для оружия, внешне совершенно не похожего на кубер.

Дело в том, что для начала надо четко разграничить обсуждаемый предмет и похожие на него предметы, которые скорее будет правильно назвать – короткими саблями. Такой предмет (короткую саблю) мы видим на фотографии Джона Берка (*John Burke*) «*Mohammad Yaqub Khan with British officers in May of 1879*» (Мохаммад Якуб Хан с британскими офицерами в мае 1879) у второго

Рис. 4. Короткая афганская сабля на фотографии Джона Берка

справа афганца Дауд Шаха (Daoud Shah)⁹ (рис. 4). В отличие от предмета, который мы называем «уставным кубером», короткие сабли встречаются крайне редко и похожи друг на друга очень относительно, тогда как уставных куберов известно много, и все они идентичны (за исключением наградных образцов, для изготовления которых могли использоваться другие материалы: например, щечки рукояти делались из слоновой кости, а клинок из дамаска). Клинки коротких сабель изогнуты сильнее, они более узкие, с клинком часто без фальшлезвия и без клейма «Мазар-и-Шариф» на пяте. Кроме того, каждый клинок индивидуален (встречаются даже сабли с булатными клинками). В принципе похожа форма рукояти и гарды, но у всех виденных нами коротких сабель рукояти имели отличия в деталях и материале. Если рассматривать ножны, видно, что несмотря на кажущееся сходство с ножнами «уставных куберов», у коротких сабель другой (сабельный) тип подвеса (хотя известны исключения) (рис. 5). Таким образом, легко убедиться, что кажущееся сходство между двумя этими предметами, на самом деле конвергентно. Более того, мы считаем, что в отличие от «уставных куберов», короткие сабли, появившиеся раньше (примерно в конце 1870-х), не получили впоследствии распространения.

Рис. 5. Короткая сабля и уставной кубер в сравнении

Теперь, когда мы выделили «установые куберы» из частично схожих с ними предметов, выясним, почему же мы считаем правомочным называть их именно куберами. Для того, чтобы прийти к этому, надо рассмотреть еще два уставных образца.

Гораздо реже предмета, описанного выше, встречается кубер, сочетающий в себе черты этнического кубера и уставного, который вероятно можно считать экспериментальным, так сказать «на пути» к формированию уставного. От этнического кубера у него сохраняется форма клинка, с классическим Т-образным сечением, а от уставного – рукоять с гардой.

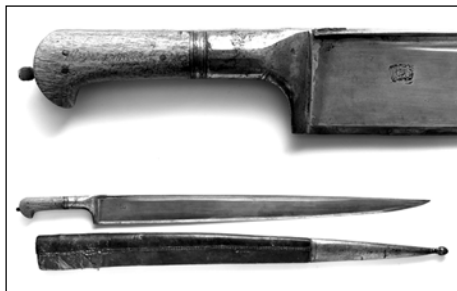
Рис. 6. Кубер, сочетающий в себе черты этнического и уставного

Сочетается форма клинка, с классическим Т-образным сечением, а от уставного – рукоять с гардой. Размеры у них одинаковы (рис. 6). Причем рукоять с гардой не просто похожи, а практически идентичны в мельчайших деталях. Единственное отличие в том, что щечки фиксируются одной клепкой. Ножны тоже напоминают ножны этнического кубера. Они не имели

подвеса и носились за поясом. Изготовлены ножны из дерева, обтянутого коричневой кожей, с конусовидным металлическим наконечником, который венчает шарик в этическом стиле. Клинок погружается в ножны по гарду. Некоторые могут возразить нам, что это просто комбинации из этнических клинков и рукоятей уставных куберов. Но это не так. Нам известно пять куберов такого типа и у всех на клинке есть клейма арсенала «Мазар-и-Шариф». При этом общеизвестно, что на этнических куберах такие клейма никогда не встречаются.

Размеры, рукоять и клейма позволяют нам сделать вывод, что эти редко встречающиеся куберы с уставной рукоятью – один из вариантов на пути к появлению уставного кубера, с описания которого мы начали свою статью.

Но есть и еще один образец. Теоретически можно предположить, что это самый первый вариант, предшествующий появлению уставного кубера. Он встречается еще реже, чем кубер с гардой. Нам пока известно только два таких кубера. По всем внешним характеристикам он копирует этнический кубер (рис. 7). Абсолютно идентичны форма клинка и рукояти. Однако есть отличия, говорящие о том, что этот кубер – один из вариантов «на пути» к уставному. Щечки рукоятей этих образцов выполнены из дерева, что совершенно не типично для этнических афганских куберов, на клинке присутствуют клейма арсенала «Мазар-и-Шариф», а ножны идентичны ранее упоминаемому образцу кубера с гардой.

Рис. 7. Уставной кубер, копирующий этнический

Однако главное доказательство нашей гипотезы – это клейма, которые прямо было считать клеймами арсенала «Мазари-и-Шариф». На самом деле это клейма государственного арсенала Кабула – Mashin Khana (Машинный дом), не имеющие никакого отношения к Мазар-и-Шариф. Как удалось выяснить при внимательном изучении, эти клейма отличаются друг от друга деталями, при кажущемся сходстве. Эти отличия отмечает в своей статье Берг

ван дер Молен (Bert van der Molen). «Хотя есть множество вариантов клейм, на нем всегда присутствует михраб (mihrab) – ниша для моления, всегда повернутая в сторону Мекки, и минбар (minbar) – переносная кафедра со ступеньками, которые помещены внутри мечети. Это символ главенствия ислама в жизни страны. Кстати, пушки, произведенные при Абдур-Рахмане, имеют выбитую на них надпись: «Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед – пророк его». В чем же отличия между клеймами? «Выпуск до 1898 г. имеет арочное

Рис. 8. Клеймо на уставном кубере, копирующем этнический

Рис. 9. Варианты клейм на уставном кубере

клеймо, после 1898 и до 1901 г. – прямоугольное с квадратной «крышей». Хабибула Хан ввел круг из 8 лучей – хатам (khatam), «печать пророков». Хатам также означает – «последний в своем роде», что может быть применено и к эмиру, и к Мохаммеду. Хатам имеется на всем оружии с 1901 по 1929 г. Внизу от печати располагаются пушки и ятаганы, символизирующие значение армии для страны. Очень редко встречается вариация «Звезды Давида», которая является и исламским символом. Из-за редкости этой маркировки мы можем более точно определить подобное оружие – после 1896 г. Оружие, произведенное во времена Хабибулы (1901–1919) узнается по пушке под МИХРАБОМ, времен Амманула Хана (1919–1929) – по пуляру – традиционной афганской сабле»¹⁰.

Эти данные по клеймам полностью подтверждают нашу гипотезу эволюции от обычного этнического кубера до уставного. На клинке последнего образца четко просматривается клеймо арочной формы (рис. 8). А на «уставных куберах» всегда встречаются либо прямоугольные клейма, либо клейма с хатамом (как на представленном в статье), что говорит об их более позднем производстве (рис. 9). Исследовав большое количество уставного афганского оружия с разными клеймами, мы пришли к выводу,

что данные Берта ван дер Молена не совсем точны, так как и на «уставных куберах» и на некоторых уставных афганских шашках мы встречаем прямоугольное клеймо, которое он относит к периоду с 1898 по 1901 г., с датой 1312 (по лунной хиджре), что соответствует 1894 г. Таким образом, мы считаем, что арочные клейма могли ставиться на уставное афганское оружие как минимум до 1894 г.

Последние два образца, которые мы рассматриваем в данной статье – вероятно были произведены в малом количестве и поэтому не получили широкого распространения. Клейма, которые мы встречаем на них, не описаны у Берта ван дер Молена – они круглые, в круге стандартное изображение Голубой мечети из Мазар-и-Шарифа, из-за которой такие клейма и относили к Мазар-и-Шарифу. Под изображением мечети на двух образцах,

Рис. 10. Клеймо на кубере, сочетающем в себе черты этнического и уставного

с которыми нам удалось ознакомиться, проглядывается надпись на фарси и цифры – 1300 (по лунной хиджре), что соответствует 1883 г. (рис. 10). То есть они являются своеобразными вехами на пути от этнического к появлению «уставного кубера». Рассматривая четыре разных образца куберов, описанные в этой статье, и учитывая, что европейское влияние в оружии в этот период возрастало,

мы можем составить своеобразный вариационный ряд, который демонстрирует возможную «эволюцию» кубера до уставного (рис. 11). Кроме того, обозначенная нами последовательность демонстрирует тенденцию к нарастанию европейского влияния в афганском оружии конца XIX в. При этом, в силу отмеченной преемственности в линии, демонстрирующей возрастание европейского влияния в афганском холодном оружии, на наш взгляд, можно предположить, что рассматриваемое уставное оружие могло восприниматься в качестве разновидности

Рис. 11. Вариационный ряд куберов

кубера. Таким образом, подводя итог, мы считаем, что оружие, описываемое иностранными авторами, как *Afghan military swords* (афганские военные мечи) правильнее называть *Afghan military khyber* (афганский военный кубер) или «уставной кубер».

¹ Bert van der Molen. *The Mashin Khana: The History of the Kabul State Arsenal. Man at Arms.* 2009. № 12. P. 37–38.

² Omar Khan. *From Kashmir to Kabul: The Photographs of Burke and Baker, 1860–1900.* Prestel Publishing, 2002.

³ J. Forbes Watson and John William Kaye. *Between. The people of India: A series of photographic illustrations, with descriptive letterpress, of the races and tribes of Hindustan, originally prepared under the authority of the government of India, and reproduced.* 1868–1875.

⁴ Стоун Д.К. *Оружие и доспехи всех времен и народов.* Москва: АСТ: Астрель, 2008. С. 682.

⁵ Lord Egerton of Tatton. *Indian and Oriental Arms and Armour.* Mineola, 2002 (first published 1880). P. 141.

⁶ Стоун Д.К. Указ. соч. С. 682.

⁷ Lord Egerton of Tatton. *Ibid.* P. 141.

⁸ Миросердов Д.Ю. *Холодное оружие Афганистана конца XVIII – начала XX веков. Обзор // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 7.* СПб., 2012.

⁹ Omar Khan. *Ibid.* P. 119.

¹⁰ Bert van der Molen. *Ibid.* P. 45–46.

А.В. Михайлов, Г.В. Малахов, В.В. Птицын (Тула)

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА
ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА
ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА 4,2-ЛИНЕЙНОЙ
ВИНТОВКИ СИСТЕМЫ БЕРДАНА № 2
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)**

О СВОЕНИЕ производства винтовки системы Бердана № 2 Тульским оружейным заводом в 1870–1873 гг. – это веха в истории отечественного оружейного производства, которая ознаменовала окончание периода, названного тогда военным министром Д.А. Милутиным «наша несчастная ружейная драма». «Драма» состояла в неоднократной замене только что взятых на вооружение образцов казнозарядного ружья новыми системами. События происходили следующим образом. Капсюльную винтовку Терри-Нормана 1866 г. уже в 1867 г. заменила игольчатая винтовка системы Карле. В 1868 г. введена винтовка Крнка, стреляющая унитарными патронами, замененная в 1869 г. винтовкой Бердана № 1. И только винтовка Бердана № 2, принятая в 1870 г., простояла на вооружении более двадцати лет¹, пока ее не заменила трехлинейная винтовка образца 1891 г. Массовое производство винтовки Бердана № 2 потребовало коренной реорганизации отечественного ружейного производства и, в частности, переустройства Тульского оружейного завода (ТОЗ).

Проблемы модернизации завода для изготовления этой винтовки довольно подробно рассмотрены в фундаментальном труде «История тульского оружейного завода», созданном большим коллективом авторов к 260-летию завода с использованием почти всех значительных литературных, архивных и прочих источников по истории ружейного производства. Однако в фондах ТОЗа Государственного архива Тульской области хранятся документы,

которые либо не были ранее обнаружены, либо им не уделялось достаточного внимания исследователей. Они относятся к периоду подготовки переоборудования завода. Анализ этих документов позволяет пролить свет на такие важные проблемы как подбор правительством кадров, стоящих у истоков переустройства завода, технический уровень создаваемого производства, определение фирм проектировщиков и изготовителей оборудования, технологической оснастки и инструмента, организация поставок и ввода оборудования в эксплуатацию.

Во время визита в Тулу в октябре 1869 г. военный министр Милютин нашел техническое состояние оружейного завода неудовлетворительным. Проект реконструкции завода было поручено составить «Высочайше утвержденной комиссии по переустройству Тульского оружейного завода» под председательством генерал-майора фон Нотбека. В дальнейшем военный министр предполагал назначить его на пост командира завода «как человека дельного, близко знакомого со стрелковой частью, который мог руководить делом при содействии опытного помощника»². Характеристика министра подтверждается сведениями из послужного списка Владимира Васильевича фон Нотбека³.

После окончания 1-го кадетского корпуса в 1835 г. он служит на строевых должностях в лейб-гвардии Егерском, Гатчинском и Преображенском полках. Неоднократно участвует в стрелковых состязаниях, завоевывает высшие призы. В 1865 г. за отличие производится в генерал-майоры. В 1866 г. участвует в составлении «Наставления для стрелкового образования пехоты и драгун». В октябре 1868 г. по Высочайшему повелению командировается на ТОЗ «для расследования причин и обстоятельств медленности работ по изготовлению скорострельного оружия, а также для изыскания мер к тому, чтобы дать им впредь большее развитие». В 1869 г., также по Высочайшему повелению, командировается за границу для осмотра «замечательнейших заводов в Европе» и затем назначается членом Исполнительной комиссии по перевооружению армии. В апреле 1870 г. назначен председателем Комиссии по переустройству ТОЗа, а в феврале того же года его начальником.

Требованиям министра соответствует и помощник начальника завода полковник Василий Николаевич Бестужев-Рюмин. Обратимся к его послужному списку⁴. В 1855 г. он окончил с отличием Михайловскую артиллерийскую академию. С 1856 по 1859 гг.

заведует ствольным цехом ТОЗ. В 1863 г. назначается в Главное Артиллерийское Управление (ГАУ) столоначальником технического стола, в 1868 г. – членом Оружейной комиссии Технического комитета ГАУ, в 1870 г. – членом Особой комиссии по переустройству ТОЗ. В 1865–1867 гг., по Высочайшему повелению, командировается за границу «для собрания сведений об улучшениях по оружейной части». В 1867 г. находится на Сестрорецком и Тульском оружейных заводах для «полного изучения способа производства работ по переделке винтовок в игольчатые и для точного ознакомления с техническими средствами заводов». В 1868 г. с той же целью командировается на Ижевский оружейный завод. В 1869–1870 гг. находится за границей для «ознакомления с устройством оружейного завода в Бирмингеме и осмотра попутно европейских заводов, в которых введена машинная разработка оружия».

Председатель хозяйственного комитета ТОЗ генерал-майор Адольф Алексеевич Греве – опытный строевой офицер. С 1844 г. служит в различных артиллерийских частях. В 1859 г. назначается помощником командира Сестрорецкого оружейного завода, в 1869 г. – членом Комиссии для обсуждения вопроса по преобразованию ТОЗа⁵.

Начальник одной из основных мастерских, механической, подполковник Александр Николаевич Градницкий – боевой офицер. В 1853 г. участвовал в осаде крепости Силистрии во время Русско-турецкой войны. В 1861 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию, а в 1864 г. – полный курс по Механическому отделению в Санкт-Петербургском практическом Технологическом институте. Затем усовершенствовался в практической механике под руководством действительного члена Артиллерийского комитета профессора Вышнеградского⁶.

Таким образом, для руководства переустройством завода и его основными подразделениями были подобраны высокообразованные люди, имеющие опыт строевой службы, отлично знающие проблемы отечественного ружейного производства, хорошо знакомые с технологией ружейного производства передовых предприятий Западной Европы и Северной Америки.

Позже «Комиссия по переустройству...» была преобразована в «Хозяйственный комитет по переустройству Тульского оружейного завода». В него вошли: В. Нотбек (председатель), А. Греве, В. Бестужев-Рюмин, И. Лесовой, П. Баташов, Н. Миронов, К. Шекарзин, А. Дружинин, О. Крель⁷.

Особую роль в деятельности комитета играл строитель по механической части инженер-механик Отто Егорович Крель. Судя по содержанию деловой переписки, он в 1870–1872 гг. находился в Санкт-Петербурге и активно координировал деятельность руководства ТОЗа, представителей фирм – производителей оборудования и ГАУ. Им составлялись проекты писем к иностранным заводчикам с предложением сотрудничества, проекты «кондиций» на изготовление и поставку оборудования, велись переговоры о финансировании поставок, о таможенных пошлинах. Для решения важных конкретных вопросов он неоднократно командировался в Англию.

Особый интерес вызывает содержание писем на заводы Greenwood & Batley, Joh. Zimmermann, Joseph Whitworth & Co и Birmingham Small Arms Co⁸. Письма рассылались вместе с чертежами деталей винтовки и данными по программе выпуска изделия «ежедневной выделке 300 ружей <...> Время для ежедневной работы определяется 10 часов». В ответ, среди прочих сведений, фирме предлагалось представить «Описание того способа приготовления каждой из 59-ти составных частей ружья, который будет проектирован Вами <...> чертежи или хорошие рисунки главнейших машин, которые будут Вами проектированы». Таким образом, речь идет не просто о закупке новых станков и прочего оборудования, как говорится в вышеупомянутой «Истории Тульского оружейного завода». Покупается новая, передовая для того времени машинная технология обработки деталей винтовки и соответствующий ей проект поточного производства. Несомненно, члены Хозяйственного комитета хорошо представляли, что покупка станков, хотя и современных, но не объединенных передовой технологией обработки, приведет к более низкому уровню производства, чем западный.

Одновременно принимаются меры к переводу на машинную обработку деталей, которые изготавливались оружейниками по домам вручную. Об этом говорится в письме заводчика Людвиг Нобеля начальнику завода. Он задает вопрос: «В какой срок предполагается применить ее (машинную работу) ко всем частям ружья, как например, к ложе, прибору и проч., которые, как известно, делались до сих пор ручным трудом вне завода?»⁹

Представленные заводчиками чертежи оборудования всесторонне анализировались: «чертежи специальных станков рассмотрены

особой комиссией при участии инженера-механика ГАУ действительного статского советника Вышнеградского (известного ученого, профессора), причем оказалось, что проектированные по означенным чертежам машины и прочие механические приспособления при исправном их выполнении должны будут вполне удовлетворять своему назначению»¹⁰.

По результатам переговоров с заводчиками и оценки их возможностей Хозяйственный комитет делает выводы: «...наибольшую гарантию исполнения для будущего Завода заподрядя специальных станков представляет из всех поименованных выше заводчиков Гринвуд и Бетли <...>, потому что у них, сколько известно комитету, из всех европейских заводчиков наиболее развито дело по приготовлению специальных станков для ружей. Что же касается машин для механической мастерской, то таковые выгоднее заказать заводчику Циммерману, так как изготовление подобных машин, по заявлению строителя по механической части, составляет его специальность»¹¹. Об этом говорит название предприятия И. Циммермана: «Машинный завод для сооружения мастерских». Выбор фирм оказался удачным. Об этом говорит хотя бы то, что многие из полученных тогда станков проработали на ТОЗе вплоть до Великой Отечественной войны.

Сведения из Журнала хозяйственного комитета, который фиксировал все его решения, говорят о том, что комитет был весьма самостоятелен в выборе исполнителей заказов. В качестве примера можно привести отказ от предложения генерал-майора Горлова – члена Артиллерийского комитета, поддержанного товарищем генерал-фельдцейхмейстера, – заказать серию станков для выделки 4-гранных штыков на Кольтовских заводах в Америке¹². Комитет отдал предпочтение заводу Гринвуда и Бетли, обосновывая это тем, что станки этой фирмы более производительны, обойдутся казне дешевле и будут установлены и запущены фирмой-поставщиком¹³.

Особую озабоченность Хозяйственного комитета вызывало изготовление лекал, по которым выдвельвались ружейные детали. В журнале по этому поводу указано, что необходимо «назначить на заводы Гринвуда и Бетли, для наблюдения за изготовлением лекал и для приема их, офицера вполне знакомого с этим делом»¹⁴. Образцовые лекала были заказаны Бирмингемской оружейной компании, так как это предприятие изготавливало первую партию винтовок Бердана № 2 во время переустройства отечественного

ружейного производства. Наблюдением за изготовлением лекал и их приемкой занимался командированный ГАУ в Бирмингем штабс-капитан Буняковский. Он же отбирал образцовые винтовки, необходимые для проектирования и изготовления оборудования на заводе Гринвуда и Бетли¹⁵.

Таким образом, высокое качество и оперативность работ по подготовке переустройства ТОЗа позволили в течение трех лет построить практически новый оружейный завод. Действительно, копии чертежей винтовки для рассылки иностранным заводчикам получены механиком О. Крелем в августе 1870 г.¹⁶ В октябре 1871 г. начинается поставка оборудования из Англии¹⁷. В августе 1873 г. состоялось открытие капитально перестроенного и переоборудованного завода. Причем военный министр Д.А. Милютин нашел устройство завода роскошным¹⁸.

Следует отметить, что столь масштабное переоборудование завода в кратчайшие сроки явилось первым опытом организации поточного производства в России, который, несомненно, использовался в дальнейшем – при постановке производства трехлинейной винтовки образца 1891 г., когда потребовалось выпускать до 2200 винтовок в день.

---

¹ Жук А.Б. Винтовки и автоматы. М.: Воениздат, 1987. С. 48.

² История Тульского оружейного завода. 1712–1972. М.: «Мысль», 1973. С. 77.

³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 9698. Л. 1–9.

⁴ Там же. Л. 26–34.

⁵ Там же. Л. 20–25.

⁶ Там же. Л. 38–40.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 9928. Л. 78–79.

⁸ Там же. Л. 7, 7 об.

⁹ Там же. Л. 21, 21 об.

¹⁰ Там же. Л. 48.

¹¹ Там же. Л. 78–79.

¹² Там же. Л. 80.

¹³ Там же. Л. 80.

¹⁴ Там же. Л. 83.

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 223.

¹⁸ История Тульского оружейного завода. С. 81.

А.В. Михайлов, А.А. Портунеев, Е.А. Бурага (Тула)

РАЗВЕДЧИК ШТАБС-РОТМИСТР С.А. ТАНЕЕВ (Неизвестный герой Первой мировой войны)

В КАЛЕНДАРЕ знаменательных дат Историко-краеведческого музея Ковровского района Владимирской губернии за 2012 год упоминается 125-летие со дня рождения штабс-ротмистра Сергея Александровича Танеева (1887–1975 гг.). Профессиональный русский разведчик в годы Первой мировой войны, он неоднократно переходил линию фронта для сбора агентурных сведений о противнике¹.

Сергей Александрович – последний представитель «аристократической» ветви старинного владимирского дворянского рода Танеевых². Всю жизнь он находился в тени своих знаменитых близких родственников прадеда А.С. Танеева, деда С.А. Танеева, отца А.С. Танеева – статс-секретарей трех последних российских императоров и сестры – фрейлины императрицы Александры Федоровны – А.А. Вырубовой (урожденной Танеевой). Однако и сам Сергей Александрович был человеком далеко незаурядным, о чем говорят его формулярный и послужной списки, воспоминания друзей и знакомых, а также его собственные, частично опубликованные воспоминания.

В формулярном списке «О службе в должности церемониймейстера Двора Его Императорского Величества, причисленного к министерству Внутренних дел, титулярного советника Сергея Александровича Танеева»³ указано, что по окончании полного курса наук в Императорском Петербургском университете с дипломом первой степени (с отличием), он определен на службу в Министерство внутренних дел с 15 мая 1910 г.

Поступлению в университет предшествовало обучение в

престижной петербургской гимназии Анненшуле. В этой гимназии преподавание всех предметов велось на немецком языке. Большое внимание уделялось изучению других языков и точных наук математики и физики. Авторитет учебного заведения был настолько высок, что давал выпускникам право по аттестату зрелости, без сдачи вступительных экзаменов поступать в университет. Но после окончания гимназии Танеев выбрал карьеру инженера, поступив в Институт путей сообщения. Лишь по жизненным обстоятельствам ему не удалось окончить этот вуз.

Из воспоминаний С.А. Танеева. «Я унаследовал в мою полную собственность имение в Орловской губернии – Богодухово, в 1908 году. Отец мой был поглощен службой и музыкой и не мог уделить унаследованному имуществу ни времени, ни забот. Пришлось управление взять на себя. Было решено мне не возвращаться в Институт путей сообщения для окончания курсов (после двух лет пребывания там я перешел в университет на математический факультет, который закончил в полтора года с желанием вернуться и закончить инженерное образование). Теперь я должен был лично заняться моим имением... Я сдал в аренду две трети моей земли соседским деревням на шесть лет, с расчетом, что к 1917 году смогу управлять уже всем имением.

Моей идеей было создать молочное хозяйство, которое должно было оплачивать все расходы: жалованье служащим, налоги, амортизацию и т.д. Закупил новый скот, пригласил заведовать коровами ученую коровницу. Она установила индивидуальную кормежку коров, и в результате коровы давали молоко в удвоенном количестве. Я подписал контракт с московской фирмой Бландова (он был одним из двух самых больших сыропроизводителей в Москве). Агент Бландова принимал молока столько, сколько я мог ему продать. Таким образом, доход с проданного молока к 1912 году осуществил мою идею покрывать все расходы по имению, продавая молоко. ... Я поставил небольшой конный завод, закупив бельгийских рабочих лошадей...»⁴.

Легкость, с которой Танееву давалось учение и деловая хватка, проявившаяся уже в ранней молодости, говорят о незаурядных способностях этого человека.

В 1911 г. он поступает на срочную военную службу, согласно закону о всеобщей воинской повинности, в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк на правах вольноопределяющегося первого

разряда. В гвардию он попадает, видимо, по протекции своей сестры, которая, в силу своей придворной службы, была хорошо знакома с командиром лейб-гусар и другими офицерами полка. В течение года получает чин унтер-офицера и сдает экстерном экзамены при Николаевском кавалерийском училище.

Во время службы, и особенно при подготовке к офицерским экзаменам, отдается дань молодости.

Из воспоминаний друга С. Танеева «синего кирасира» князя В. Трубецкого: «...Сегодня мы устраивали с Танеевым жженку... Завтра – устраивали пир с приглашенными вольнооперами – кавалергардами... Послезавтра резались в карты до утра... После-послезавтра – опять интимная жженка...

Другой раз ... загуляв с Танеевым в Питере, мы вернулись с ним в Красное в сопровождении духового оркестра Лиговской пожарной команды, который мы случайно перехватили на Балтийском вокзале... Напоенные нами трубачи услаждали в вагоне наш слух до самого Красного к большому удовольствию молодых дачниц... На свою дачу мы с треском заявили под громоподобные и торжественные звуки фанфар, прославивших на все Красное Село нас, двоих загулявших гвардейских унтеров.

Впрочем, не перечислить всех штучек, какие мы с Танеевым выкомаривали в этот шальной период топографических съемок и тактических задач в Красном»⁵.

Выдержав экзамены на производство в офицеры, первым среди экзаменуемых из кавалерийских полков, он приказом от 26 сентября 1912 г. производится в чин корнета гвардейской кавалерии. Затем возвращается на службу по министерству внутренних дел и получает должность церемониймейстера императорского двора. Чему, несомненно, способствует протекция его отца.

Таким образом, все жизненные обстоятельства складываются весьма удачно. Получено образование и офицерский чин, имеется хорошее наследство и перспективная должность при дворе при протекции самого высокого уровня.

Но наступает 1914 г. Танеев призван по мобилизации на военную службу и назначен на один из 10 санитарных поездов, организуемых императрицей Александрой Федоровной. В стремлении попасть на фронт он добивается перевода в действующую армию. В строевую часть Сергей Александрович не попал, а был определен в штаб 9 армии Юго-западного фронта. Приказом по штабу

9 армии от 1 августа 1914 г. подпоручик Танеев назначен переводчиком разведывательного отделения штаба⁶. Высокообразованные, имеющие аналитический склад ума и знающие иностранные языки офицеры (в особенности владевшие в совершенстве немецким языком) были нужнее в разведке, нежели на фронте. Тем более, что среди кадровых военных было широко распространено убеждение в том, что «джентльмены чужих писем не читают». Поэтому к разведывательной работе многие русские офицеры относились как к чему-то малодостойному.

Работой армейской разведки руководил генерал-квартирмейстер армии через старшего адъютанта, который координировал всю деятельность разведывательного отделения. Непосредственно направлениями работы отделения командовали 2–3 штаб-офицера, которым подчинялись переводчики с немецкого, французского и английского языков (2–3 человека). Основная работа переводчика состояла в переводах и изучении неприятельской переписки, агентурном опросе пленных, опросе бежавших из плена и агентов, а также в регистрации полученных сведений о противнике (об артиллерийских батареях, инженерных укреплениях и тыле). Офицеры-переводчики также командовали нижними чинами отделения.

Однако деятельность Танеева с самого начала отличалась от работы рядового переводчика, что видно из его послужного списка. Почти сразу же после назначения в разведотдел он «...Перешел границу с Австрией (1914, авг. 1). Перешел таковую обратно (1914, авг. 22)...».

Эта разведка была предпринята во время сильных боев у Равы-Русской, когда положение левого крыла Юго-Западного фронта стало критическим. Для отражения австрийского натиска 4-я и 5-я армии, получив в подкрепление 9-ю армию генерала П.А. Лечицкого, готовились перейти в контрнаступление.

После этого «...Высочайшим приказом за отличную усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Св. Станислава 3 степени (1915, янв. 31)»⁷. Орденом Св. Анны 3 степени он был награжден в 1913 г. за участие в организации царского посещения Москвы в связи с 300-летием дома Романовых.

Во время наступления Русской армии, в начале войны, сведения войсковой разведки и показания пленных для штабов армии и даже

фронта казались достаточными, хотя и давали весьма смутное представление о противнике. По воспоминаниям генерала А.А. Брусилова «...Наша разведка, в общем, была налажена малоудовлетворительно. Воздушная разведка, вследствие недостатка и плохого качества самолетов, была довольно слабая... Кавалерийская разведка проникнуть глубоко не могла⁸».

Агентурная разведка велась с помощью «ходовков» - агентов, которые переходили за линию фронта на несколько дней. По этим сведениям можно было делать заключение лишь о первых линиях фронта и ближайшего тыла противника. Офицеры, работавшие с агентурой («агенты-приказчики»), оставались за линией фронта много дольше.

При позиционной войне пробраться в тыл противника через линию фронта стоило многих трудов и жертв. Контрразведка противника приняла ряд мер против наших агентов: «В населенных пунктах, лежавших около линии фронта, немцы поселили своих агентов контрразведки, на фронте было увеличено количество секретов, все гражданское население из тыловой 10-верстной полосы было выселено, всех жителей вне этой зоны сфотографировали и переписали; запрещалось без особых разрешений переходить из одного населенного пункта в другой; за обнаружение лиц, не принадлежавших к местному населению, выдавались крупные денежные награды, за сокрытие же таких лиц виновные предавались военно-полевому суду и т. д.⁹».

Для решения стратегических задач в масштабе фронта была необходима глубокая агентурная разведка, которая могла бы следить за пополнением противника войсками, его материальным обеспечением, выявлять новые технические средства вооружения, оценивать экономическое положение противника и политико-моральное состояние его войск.

К 1915 г. агентурная сеть Киевского военного округа в Австрии была разгромлена. В результате, при сложившейся угрожающей обстановке для Русской армии, у командования Юго-Западным фронтом возникла острая необходимость в получении стратегической информации о противнике.

В начале 1915 г. «Приказом по управлению генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта ... допущен к исполнению должности штаб-офицера помощника начальника разведывательного отделения штаба фронта» ротмистр лейб-гвардии Гусарского

полка Павел Алексеевич Игнатъев¹⁰. По мнению генерал-квартирмейстера фронта генерал-майора М.К. Дитерикса, при знании пяти языков и накоплении необходимого опыта Игнатъев мог успешно работать в разведке. Вскоре ему поручается организовать агентурную сеть в тылу фронта, а затем – в глубоком тылу противника. Среди нескольких офицеров, привлеченных к этой работе, был и подпоручик Сергей Танеев. Он знал языки и имел опыт разведывательной работы в Австро-Венгерском тылу. Игнатъев и Танеев были знакомы с довоенного времени. Служили в лейб-гвардии Гусарском полку, и оба находились при императорском дворе.

В июне 1915 г. командование Русской армией приняло решение о передаче имевшейся у Юго-Западного фронта агентуры, работавшей на территории Германии, в ведение Северо-Западного фронта. П. Игнатъеву было приказано сосредоточиться исключительно на ведении разведки против Австрии. Штаб фронта и штабы армий должны были вести разведку противника самостоятельно, но согласованно. Штабы армий сосредоточивают свои разведывательные усилия в районе расположения противостоящих войск противника, а штаб фронта ведет разведку в глубоком тылу австро-венгерской армии.

В связи с этим в послужном списке Танеева появляется следующая запись: «Перешел ... границу Австрии (1915, февр. 17). Высочайшим приказом за отличную усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Св. Станислава 2 степени...».

Затем «Перешел обратно границу с Австрией (1915, авг. 20). Высочайшим приказом ... награжден орденом Св. Анны 2 степени ... за особые отличия, произведен в поручики (1915, окт. 17)».

В начале 1916 г. он назначается адъютантом разведывательного отделения штаба генерал-квартирмейстера 9 армии. К тому же становится начальником команды конно-вестовых на правах эскадронного командира. Последняя должность была весьма ответственной, так как при подготовке Луцкого (Брусиловского) прорыва с целью скрытия от противника направления главного удара и его сроков, все важнейшие распоряжения по организации наступления передавались только в письменном виде с вестовыми или специально командироваемыми офицерами (по приказу генерала А.А. Брусилова).

Охотники из команды конновестовых разведывательного отделения во главе с командиром часто привлекались к охране офицеров, проводящих артиллерийскую и инженерную разведку за линией фронта.

Находясь в должности адъютанта, С. Танеев координирует деятельность разведотдела, осуществляет его связь с разведотделом фронта и продолжает заниматься агентурной разведкой, периодически переходя линию фронта.

В это же время он переименовывается в штабс-ротмистры по армейской кавалерии и исполняет обязанности помощника старшего адъютанта военно-цензурного отделения штаба 9 армии.

Вся корреспонденция, предназначенная к отправке с театра войны для печати, подвергалась цензуре. Иностранцы должны были представлять свои материалы лишь на французском, немецком или английском языке. Корреспонденции на иных языках не пропускались. С.А. Танеев мог квалифицированно оценить степень секретности представленной информации благодаря соответствующему опыту. К тому же он владел иностранными языками. Офицеров, обладающих такими качествами, не хватало.

В июне 1916 г. он назначен старшим адъютантом разведывательного отделения, а затем адъютантом при командующем армией.

В августе 1916 правительство Румынии объявило войну Австро-Венгрии, и практически сразу же румынская армия потерпела сокрушительное поражение. Пришедшие на помощь русские войска остановили в декабре 1916 — январе 1917 австро-германские войска на р. Сирет. Был создан Румынский фронт русской армии, в который вошли Дунайская армия, 6-я армия из Петрограда, 4-я армия из состава Западного фронта и 9-я армия из состава Юго-Западного фронта, а также остатки румынских войск.

В преддверии и во время этих событий особая роль отводилась разведке. Перед руководителем разведки Юго-Западного фронта ротмистром П. Игнатьевым командованием была поставлена задача восстановить утраченную агентурную сеть. В это время в послужном списке Сергея Танеева появилась запись «...Перешел границу Румынии (1916, ноября 8)»¹¹.

Несмотря на свои ответственные штабные должности, С. Танеев продолжал заниматься разведкой на территории противника. Не миновали его и боевые столкновения, за участие в которых он награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

В конце ноября 1916 г. Танеев командирован в Николаевскую академию генерального штаба для прохождения подготовительных академических курсов.

В мае 1917 г. вступает в законный брак с фрейлиной императрицы Тинатиной Ильиничной Джорджадзе и возвращается на фронт в должности помощника старшего адъютанта штаба генерал-квартирмейстера 9 армии.

В октябре 1917 г. получает отпуск. Последняя запись в послужном списке «*Из отпуска не вернулся*». Видимо возвращаться было незачем, так как деятельность армейских штабов практически прекратилась, в том числе и разведывательная служба.

В 1917–18 гг. (точная дата неизвестна) С.А. Танеев с супругой эмигрируют в США, живут в Нью-Йорке. Он умер в 1975 г., она – в 1990 г.

Как многие разведчики, Танеев в воспоминаниях не описывает подробностей своей службы. Однако его награды – всего за два года войны 4 ордена и внеочередное повышение в чине «за особые отличия» свидетельствуют о далеко незаурядной личности.

---

¹ URL: <http://kraeved-museum.ru/local-history/24-kalendar-znamenatelnykh-dat>

² Фролов Н.В., Фролова Э.В. Вокруг Танеевых – генеалогия их ближайших родственников и окружения. Ковров, 2008. С. 19.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 92572. Л. 12–12 об.

⁴ Танеев С.А. Воспоминания. О моем имени Богодухово Орловской губернии. «Новый Журнал». Книга XLVI. Нью-Йорк, 1956.

⁵ Трубецкой В.С. Записки кирасира: Мемуары. Москва: «Россия», 1991. С. 98–101.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 92572. Л. 16.

⁷ Там же.

⁸ Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/index.html>.

⁹ Там же.

¹⁰ Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М.: Гея Итерум, 1999. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_pa/index.html

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 92572. Л. 16 об.–17 об.

А.М. Молочников (Санкт-Петербург)

СТРЕЛЕЦКИЕ СОТНИ В СМОЛЕНСКОЙ ОБОРОНЕ 1609–1611 ГОДОВ (К ПРОБЛЕМЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В ОПРОС о численности войска в смоленской крепости в годы обороны от войска Речи Посполитой (сентябрь 1609 – июнь 1611 гг.) требует долгого и подробного исследования. Настоящая статья посвящена одному конкретному вопросу, а именно – численности стрелецкого войска. В монографиях В.П. Мальцева и С.В. Александрова приводились мнения о численности стрельцов в гарнизоне¹. Некоторые уточнения были сделаны в нашей недавней работе о смоленских стрельцах².

Во всех трех исследованиях ставится вопрос о количестве стрелецких полков (приказов) в Смоленске, о численности этих приказов, а главное – о том, сколько стрельцов оставалось в крепости в годы обороны, а сколько ушло в поход Скопина-Шуйского, который длился с июня 1609 г. по 1610 г. Такой подход предполагает широкий охват источников, но оставляет множество неразрешенных вопросов. В настоящее время можно с уверенностью говорить, что в 1609 г. стрелецкий голова В.Г. Чихачев остался со своим приказом в Смоленске, а голова Ф.М. Зубов со своими стрельцами присоединился к ополчению Скопина-Шуйского. Также есть известия о смоленском стрелецком приказе И.К. Оболенева – но он появляется только в 1610 г. в Великом посольстве Голицына и Филарета³. Вопрос о численности стрелецкого приказа остается открытым. В крестоприводной книге 1598 г. в каждом приказе по 500 стрельцов⁴. Из десяти 1605/06 года и из записок С. Немоевского можно предположить, что к середине Смуты численность стрельцов составила 600 человек на полк⁵. Но в любом случае численность стрелецкого гарнизона в крепости не зависела от численности

приказа. Известно, что кроме стрельцов Чихачева в крепости оставалась, по крайней мере, одна сотня Ф. Лихарева из приказа Ф.М. Зубова. Нет уверенности, что и приказ Чихачева участвовал в обороне в полном составе.

Поэтому широкие обобщения предыдущих исследований (включая нашу статью) следует признать недостаточными для изучения такой важной темы, как смоленская оборона 1609–11 гг. Между тем, состояние источников позволяет применить другой подход к вопросу о численности смоленского стрелецкого войска.

Во-первых, следует сосредоточить внимание на тех источниках, которые непосредственно относятся к службе стрельцов в 1609–11 гг., т.е. к тем документам, которые по большей части опубликованы Ю.В. Готье, а до него частично в изданиях археографической комиссии⁶. Эти документы в основном происходят из смоленской воеводской избы (по терминологии источника – из Разряда). В первую очередь, конечно, нас интересуют количественные источники о стрелецком войске.

1. Роспись хлебных запасов смоленских стрельцов от 21(?)–22 марта 1610 г.⁷ В этом документе перечислены стрельцы трех сотен, против каждого имени содержатся сведения о семье и о «стояльщиках» и соседях служилого человека, т.е. о тех, кто жил у стрельца на дворе, а также о количестве зерна на каждую семью. Хлебная роспись не имеет начала и конца, дата 22 марта проставлена перед началом 2-й стрелецкой сотни.

2. Поручная запись по стрельцам, которые обвинялись в ограблении посадского Федора Петрушина⁸. Об этом деле я подробно писал в предыдущей статье. Запись составляли на рубеже 1610–11 гг. Поручатели называют себя: «стрельцы Васильева приказу Григорьевича Чихачева». Среди них есть представители всех трех сотен из мартовской хлебной росписи, которая, таким образом, также относится к Чихачевскому приказу.

3. Четыре поручных записи по стрельцам-новобранцам⁹. Из формуляра следует, что они тоже принадлежат к приказу Чихачева.

Также представляют интерес отдельные документы, в которых упомянуты стрельцы различных сотен.

Во-вторых, за основу подсчета стрелецкого войска лучше брать не приказы, а стрелецкие сотни. О численности сотни накануне обороны имеются точные сведения. Весной 1609 г. на Порецкую волость к северо-западу от Смоленска стали нападать отряды

Шимана Гонсевского, брата польского военачальника и велижского старосты Александра Гонсевского¹⁰. Против них на русско-литовском рубеже стали строить заставы. Главным укрепленным пунктом стала застава под началом сына боярского Ивана Жидовинова. 13 мая к нему на подмогу прибыла стрелецкая сотня Семого Соколова на подводах, то есть на лошадях¹¹. На другой день Семей Соколов пишет в донесении смоленским воеводам Шеину и Горчакову: «А стрельцов, государь, со мною, пришло в Порецкую волость 96 человек, а подвод под ними 94 подводы, а 3 человека стрельцов не бувала, да стрелец ехал из Смоленска на своей лошади, да стрелец в тюрьме»¹². Далее Соколов перечисляет имена нетчиков: Гришка Ростовец, Левка Дорогобужанин, Васька Медведев – и добавляет: «А на своей лошади ехал стрелец Тишка Полуянов сын Сухой, а подводы он в Смоленске не взял, да в тюрьме стрелец Максимка Ляпин, да стрельца в сотне нет»¹³.

Из этого документа видно, что в стрелецкой сотне было именно сто человек, и даже в разгар Смуты до полного комплекта недоставало только одного стрельца. А за вычетом трех нетчиков и одного тюремного сидельца на защите рубежа все-таки собралось 95 воинов. В крестоприводной книге 1598 г. в сотнях было от 97 до 101 стрельца¹⁴.

Поэтому будет разумно начать исследование с учета всех известных стрелецких сотен, которые участвовали в смоленской обороне 1609–11 гг. Преимущество подобного подхода в том, что он позволяет продемонстрировать, какими данными мы можем располагать, и критически оценивать как сведения сторонних наблюдателей (польско-литовского войска), так и выводы предыдущих исследований.

Сотни, как и приказы, в Смоленске были именными, т. е. назывались по именам начальников.

Стрелецкие сотни приказа Василия Григорьевича Чихачева.

1-я сотня – «безымянная». С этой сотни начинается мартовская роспись хлебных запасов, но поскольку ее начало не сохранилось, то имя сотника нам неизвестно. Эту сотню нельзя связать ни с одним из доподлинно известных сотников чихачевского приказа.

Всего в хлебной росписи перечислен 71 стрелец из этой сотни, с указанием семьи, «стояльщиков» с семьями и хлебных запасов. Ближе к концу сотни указан пятидесятник Федор, почему-то без фамилии, но с самым обширным перечнем соседей, которые живут

у него во дворе. Других должностей в сотне, да и во всей последующей росписи не называется, хотя несомненно, что кроме рядовых стрельцов там встречаются и десятники. «Безымянную» сотню описали в первый день составления хлебной росписи, вероятно, 21 марта. Следующий подзаголовок уже имеет дату: «118 году марта в 22 день роспись стрельцам Семовой сотни Соколовой»¹⁵.

2. Сотня Семого Соколова. Семей Истомин сын Соколов уже в списке десяти 1605/06 г. показан среди двенадцати сотников на последнем месте. Тогда он был городовым сыном боярским с окладом 350 четвертей. Остальные 11 сотников, дворовых и городовых, имели оклады от 400 до 500 четвертей¹⁶.

В мае 1609 г. он прибывает на заставу Жидовинова и пишет упомянутое донесение о численности своего отряда. Но затем его сменил Константин Щелин и его сотня.

В росписи от 22 марта 1610 г. упомянуты Левка Дорогобужанин, Васька Медведев (двое из трех нетчиков на заставе) и Тишка (Тимошка) Полуянович Сухой, который прибыл на своей лошади, а не на подводе.

Сотня Соколова единственная, которая сохранилась в росписи от начала и до конца, однако в ней также перечислен 71 стрелец – столько же, сколько в предыдущей сотне¹⁷.

3. Сотня Константина Щелина – Осипа Митькова. Пожалуй, самая известная сотня в смоленских документах 1609–11 гг. В 1605/06 г. Костя Нечаев сын Щелин был городской сын боярский с окладом 300 четвертей¹⁸. Он принадлежал к «детям боярским верстания 113 году», т.е. только за год до составления десяти стал новиком. Поэтому и еще по уменьшительному имени можно заключить, что он был достаточно молод.

Впервые сотник Константин Щелин упоминается в июле 1609 г. на заставе Ивана Жидовинова. Он сменил на этом посту Семого Соколова, но уже 22 июля Шеин потребовал, чтобы он со стрельцами воротился в Смоленск¹⁹, а на заставу было велено набирать крестьян из окрестных деревень.

В хлебной росписи от 22 марта перечислено всего 59 стрельцов «Константиновой сотни Щелина».

Ко второму году тяжелого осадного времени сотню Константина Щелина возглавил Осип Митьков из дорогобужских детей боярских²⁰. Сам Щелин к ноябрю 1609 г. умер или погиб в бою и в документах последнего времени обороны не упоминается.

О том, что Осип Митьков заменил Константина Щелина, можно судить, если сравнить мартовскую роспись хлебных запасов и более поздние поручные записи по смоленским стрельцам.

Первая из этих поручных записей составлена 4 ноября 1610 г.; в ней стрельцы ручаются цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси сыну боярскому сотнику стрельцкому Осипу Миткову, по новоприбранном стрельце...»²¹. Во второй – от ноября 1610 г., но без точной даты – стрельцы ручаются по новобранцам просто сотнику, без указания на государя. Наконец, в записи от 16 января 1611 г. «поручилися есми все мы, стрельцы Василева приказу Чихачева, московского государства боярам и всей земли сыну боярскому сотнику стрялецкому Осипу Миткову того ж приказу, по новоприбранных стрельцах ...»²².

В этих поручных записях встречаются имена стрельцов Константина Щелина, в том же порядке, как в мартовской росписи хлебных запасов:

Табл. 1

Фрагменты перечней смоленских стрельцов из документов Смоленской обороны 1609–1611 гг.*

Фрагменты из росписи хлебных запасов смоленских стрельцов от 2 марта 1610 г. Сотня Константина Щелина.	Поручные записи по смоленским стрельцам-новобранцам от ноября 1610 и января 1611 г. Сотня Осипа Митькова.
<p><u>У стрельца Сенки Ляпуна (...),</u> <u>у стрельца о Андрюшки</u> <u>пирожника (...),</u> <u>у стрельца Родки Словинского (...),</u> <u>у стрельца Яньки Холмитина (...),</u> у стрельца у Томилки Можайтина (...), <u>у стрельца у Андрюшки</u> <u>Лучянинова (...),</u> <u>у стрельца у Меншика Весялова (...),</u> у стрельца Сеньки Пронина (...),</p>	<p><u>да яз Семен Говрилов сын Ляпун,</u> <u>да яз Андрюша Офонасяв сын</u> <u>пирожник,</u> <u>да яз Родя Василяв сын Словенской,</u> да яз Кондраш Осипов сын Колесник, <u>да яз Якуш Иванов сын Холмитин,</u> <u>да яз Андрюша Андрев сын</u> <u>Лучянин,</u> <u>да яз Меньшой Трофимов сын</u> <u>Всялой,</u></p> <p>(4 ноября 1610 года).</p>

*В левом столбце сведения о семье и хлебных запасах заменены пропусками. В правом столбце в каждой колонке указывается дата составления поручной записи. Совпадающие имена стрельцов отмечены подчеркиванием.

Стрелецкие сотни в смоленской обороне 1609–1611 гг.

<p><u>У стрельца Копахи Домрачевеца (...).</u> <u>У стрельца Васьки Вязметина (...).</u> <u>у стрельца Савки За... (...).</u> <u>у стрельца Агафюшки Воинка (...).</u> <u>у стрельца Минки Меркушева (...).</u> <u>у стрельца Кузьки Злобинина (...).</u> у стрельца Меркушки Дмитреева (...), у стрельца Милейки Понырина (...), <u>у стрельца Федьки Вороны (...).</u></p>	<p>Да яз <u>Кохна Григорьев сын Домрачевеца,</u> да яз <u>Васильи Фатянов сын Вязметин,</u> да яз <u>Савка Тимофеев сын Ребиков,</u> да яз <u>Агафон Филиппов сын Воинка,</u> да яз <u>Михайло Филипов сын Меркушин,</u> да яз <u>Кузьма Андреев сын Злобин,</u> да яз <u>Иван Онаньин сын Вязметин,</u> да яз <u>Федор Михайлов сын Ворона,</u> да яз <u>Олеша Савин сын Малахов,</u> да яз <u>Ондрюша Григорьев сын Сахаров,</u> (16 января 1610 года)</p>
<p>У стрельца у <u>Лазури (...).</u> у стрельца у <u>Юрки Первушина (...).</u> у стрельца у <u>Гриши Повароченного (...).</u> у стрельца у <u>Андронки Повароченного (...).</u> у стрельца <u>Фомки Извоицкова (...).</u> у стрельца <u>Колинки Гнидина (...).</u> у <u>стрельца Якимки Гречихина,</u> у <u>стрельца Илейки Словенского (...).</u> у стрельца у <u>Пашки Дняпровца (...).</u></p>	<p>Се яз, <u>Лозуря Стефанов сын Гончар,</u> да яз, <u>Иван Лозурин сын Гончар,</u> да яз, <u>Гриша Иванов сын Повароченок,</u> да яз, <u>Торас Филиппов сын Меркушев,</u> да яз, <u>Микита Офанасьев сын Дришов,</u> да яз, <u>Фома Оврамов сын Извоицков,</u> да яз, <u>Юрии Филиппов сын Первушин,</u> да яз, <u>Овдоким Григорьев сын Сапожник,</u> да яз <u>Яким Иванов сын Гречихин,</u> да яз, <u>Илья Ондронов сын Словинский,</u> (4 ноября 1610 года).</p>

Сходство и общий порядок имен свидетельствуют, что речь идет об одной сотне.

На этом заканчиваются три сотни, о составе которых можно судить по мартовской хлебной росписи.

4. Сотня Стефана Шатихина. В десятне 1605/06 г. Степан Климентьев сын Шатихин записан как городской сын боярский с поместным окладом в 350 четвертей²³. Его сотня известна нам из поручной записи от 16 января 1611 г. В этом документе 47 стрельцов «Васильева приказа Чихачева» ручаются за новобранцев «бояр московских и всей земли сотнику стрелецкому Стефану Шатохи-ну»²⁴. Эту поручную запись составил подьячий и стрелецкий пятидесятник Семен Игумнов, который упомянут и в некоторых других судебных делах²⁵.

Сопоставление поручной записи по шатихинским новобранцам с мартовской росписи не выявляет ни одного случая сходства

имен. А поскольку в случае с приказом Щелина-Митькова такое сходство есть во всех трех поручных записях, следует несомненный вывод: Шатихин не руководил безымянным приказом и не сменил в должности Семого Соколова. Вероятно, его сотня была переписана в недошедшем отрывке росписи хлебных запасов (в начале или в самом конце).

В итоге мы имеем четыре самостоятельных сотни, которые доподлинно входили в чихачевский приказ. Но кроме них в Смоленске были и другие сотни.

Стрелецкие сотни приказа Федора Михайловича Зубова.

1. Сотня Федора Лихарева. Федор Иванович Лихарев был дворовый дворянин с поместным окладом 400 четвертей²⁶. Он сам и стрельцы его сотни упоминаются в нескольких делах воеводского Разряда за 1609–11 годы²⁷. В феврале 1610 г. дворянская жена Марьица Самарина обвинила своего дворника, стрельца Лихаревской сотни Максимку Антипина, в краже вещей из повалуши. Поскольку во время кражи Максимка был в карауле на стене, на допрос были вызваны его сослуживцы: двое пятидесятников и четверо десятников «Федорова приказу Зубова, Федоровой сотни Лихарева»²⁸. Конец этого любопытного дела не сохранился. В нем отразились некоторые сведения о стрелецких слободах и об организации службы в годы обороны. Кроме того, именно из этого дела мы узнаем, что сотня Федора Лихарева относилась к приказу Ф.М. Зубова, который в это время был в походе Скопина-Шуйского.

Во время смоленской обороны Смоленска 1609–11 гг. Лихарев командовал своей сотней самостоятельно. В некоторых документах сотню Лихарева даже называют «приказом». В документе от 15 февраля перечислены стрельцы и посадские, которых застали за игрой в зернь (такая забава не одобрялась на Руси и была запрещена в осажденном Смоленске). В этом документе упомянуты стрельцы «Васильева приказу» (Чихачева – А.М.), а также трижды упомянуты стрельцы Федора Лихарева, причем один раз сказано просто – «Федора Лихарева», другой раз – «Федоровой сотни Лихарева», в третий – «Федорова приказу Лихарева»²⁹.

В росписи хлебных запасов от 24 марта 1610 г. (на этот раз переписывали дворы детей боярских) упомянут дворник Сава Михайлов – стрелец «Федорова приказу Лихарева»³⁰. Подобная ошибка связана еще и с тем, что действительный руководитель приказа Зубов и его сотник были тезками.

2. Сотня Афанасия Деденева. В десятне 1605/06 г. этот сын боярский не встречается. Как стрелецкий сотник он впервые упомянут в документе от 14 октября 1610 г. В этот день «принес к Разряду стрелец Федорова приказу Зубова Афанасьевой роты Деденева Клишко Гречихин седло ветчано софьяное старое бухарское»³¹. Термин «рота» в русском войске в то время не использовался. В данном случае его употребление опять-таки связано с особым, независимым положением Деденевского отряда по сравнению с сотнями из приказа Чихачева. В других источниках эта рота называется сотней. 5 ноября стрелец Иван Шило из сотни Афанасия Деденева вернулся в Смоленск из литовского плена³². 7 декабря стрельцы Деденева арестовали В.Ф. Зубова при попытке побега со стены³³.

Следует отметить, что сотни Федора Лихарева и Афанасия Деденева упоминаются в разное время. Скорее всего, это была одна сотня, руководство которой сменилось где-то в начале осени 1610 г., точно так же, как это мы видели в сотне Митькова-Щелина.

Напоследок необходимо учесть еще двух сотников, которых затруднительно отнести к какому-либо приказу. Оба эти сотника были вязмичи, а значит, они могли руководить иногородними стрелецкими отрядами. Но, скорее всего, они руководили сотнями в приказе В.Г. Чихачева. Наконец, их сотни могли быть тождественны каким-то другим из вышеперечисленных сотен.

1. Сотник Иван Быков. В Смоленске было двое детей боярских с таким именем и фамилией – Иван Борисович и Иван Михайлович³⁴. Один из них был головой у посадских людей на первой башне после Молоховских ворот³⁵. Другой, стрелецкий сотник, впервые встречается в документе от 31 января 1610 г. В этот день он арестовал посадских людей Василия и Григория Кожевниковых за распитие «безъявочного вина»³⁶. В Смоленске в годы осады хранение вина было строго регламентировано. Однако после долгой осады и сам Быков, как говорится, дал слабину.

25 ноября 1610 г. «боярину и воеводам сказывал стрелец Ивановой сотни Быкова Тишка Лошаков, не ходят-деи в город ночевать пятидесятник Игнат Гнездин, да десятник Медведь, а сотник-деи, Иван Быков их не спрашивает, да и сам-деи Иван Быков на ночь иногда не ходит». Стрелец добавил, что «десятник-деи Медведь не бывал в городе, пять ночей пьет дома, да и ныне у него пьет же и Иван Быков у него и топерь пьет». Вопреки расхожим представлениям в

те времена служилые люди не боялись сообщать о нерадивости своих непосредственных начальников. Пятидесятник Гнездин и десятник Медведь были арестованы пьяными. По приказу смоленских воевод «сотник стрелецкий Иван Быков, пятидесятник и десятник биты батоги»³⁷.

В этом деле любопытно сходство имен десятника Медведя и рядового стрельца Тишки Лошакова с именами стрельцов Семого Соколова из мартовской росписи: Ивашкой Медведкой и Тимошкой Лашковым³⁸. Не исключено, что Быков сменил Соколова на посту стрелецкого сотника. Правда, сотник Быков упомянут и в январе и в ноябре 1610 г., а сотник Семей Соколов назван в росписи в марте того же года. Однако у этого обстоятельства могли быть свои объяснения, например, из-за болезни или ранения замена одного сотника на другого могла занять какое-то время.

2. Сотник Василий Коробанов. В тот же день 25 ноября было еще одно происшествие: «боярину и воеводам сказал сотник стрелецкой Василий Коробанов, скинулся з городу ево сотни стрелец Тимошка Велижанин, прозвище Толкун, и как-деи он скинулся, ногу изломал и лег у города и его взяли в город». Обычно воеводы сурово обходились с беглецами, тем более, служилыми людьми, однако на этот раз «тот стрелец отпущен ко двору, покаместа обможетца»³⁹. В качестве сотника Василий Коробанов упомянут единственный раз, до этого он встречается только в списках детей боярских вязмичей⁴⁰. Стрелец Тимошка Велижанин-Толкун также не встречается в каких-либо стрелецких списках. Василий Коробанов мог возглавлять безымянную стрелецкую сотню из росписи хлебных запасов. Также возможно, что он действительно возглавлял отдельную сотню, которая нигде больше не упоминается.

Между прочим, стрелецкими сотниками довольно часто становятся дети боярские из других служилых городов, особенно во второй период обороны: Быков, Коробанов, Митьков. Все трое упоминаются в росписях хлебной раздачи вязмичам и дорогобужанам. Возможно, смоленские воеводы стремились в первую очередь предоставить хлебные должности для годных к управлению войском иногородних дворян, которые были гораздо хуже смолян обеспечены продовольствием в крепости.

Других сотников в документах смоленской обороны 1609–11 гг. обнаружить не удалось. В результате у нас есть сведения о восьми стрелецких сотнях. Некоторые из этих сотен тождественны друг

другу, так что можно с уверенностью говорить только о 500 стрельцах в смоленской обороне – четыре сотни приказа В.Г. Чихачева и одна сотня приказа Ф.М. Зубова. К этому числу следует с большой осторожностью присовокуплять сотни Деденева, Быкова и Коробанова (в особенности первую). Поскольку большинство имен сотников встречается в документах регулярно или взаимно заменяют друг друга, то весьма сомнительно, чтобы количество стрельцов превосходило 700 человек.

Однако для военной истории всегда злободневен вопрос – сохранялась ли численность воинов при регулярных боевых потерях. В пример можно привести того же самого Семого Соколова. В мае 1609 г., еще до начала обороны, по его собственному донесению в его сотне числилось 99 человек, а на заставу вместе с ним прибыло 95 стрельцов⁴¹. Однако в росписи хлебных запасов 22 марта 1610 г. та же сотня представлена полностью и в ней всего 71 человек⁴².

Такое сокращение сотни вполне могло быть вызвано боевыми потерями, тем более что в марте 1610 г. продолжались попытки подкопа и подземная война. Однако в данном случае недостаток людей в документе связан с другими причинами. Очевидно, что росписи хлебных запасов составлялись не по сословному, а по территориальному признаку. Роспись 22 марта 1610 г. охватывает только тех стрельцов, что живут в слободе. В других подобных росписях упоминаются стрельцы на дворах у детей боярских – как дворники, так и просто «стояльщики»⁴³. В деле о краже у Марьицы Самариной стрельцы на допросе отвечали, что знают ее дворника плохо, поскольку он «с ними в слободе не жывал, а жывал в дворниках по дворянским и детей боярских во дворех»⁴⁴.

Относительно боевых потерь можно заметить, что их пытались насколько возможно заполнить через набор в сотню посадских людей и стрелецких детей. В поручной записи 16 января сказано, что новых стрельцов набирают «к государеву хлебному жалованию»⁴⁵, то есть ко дню выдачи месячного продовольствия. Новобранцы заступили в строй «в убитова место», «в больнова место» и «во изменичье место».

Систему восполнения стрелецких десятков можно проследить, если сопоставить мартовскую роспись хлебных запасов и поручные записи по новобранцам из сотни Осипа Митькова. В этих четырех документах повторяются общие порядки имен, как это видно в таблице 1. Поскольку в этих порядках часто встречаются по 10

имен, то можно думать, что речь идет о стрелецких десятках. Пока что удалось выделить 6 таких порядков-десятков и условно обозначить их по первым именам: десяток Лазури Гончара, десяток Семена Коновалова, десяток Бориса Домрачеева, десяток Кандратия Домрачеева, десяток Гаврилы Смолянинова, десяток Семена Ляпуна. Можно приблизительно судить, как менялась численность в этих десятках за определенный период осадного времени. Возьмем, к примеру, Лазурию Гончара. Известно, что он был стрелецким пятидесятником, но у каждого пятидесятника был свой десяток. В марте 1610 г. в его десятке обозначено 9 стрельцов (напомню, это только те, кто жил в слободе). В поручной записи от 4 ноября 1610 г. в его «порядке» уже насчитывается 10 стрельцов, убыло 4 старых и прибыло 5 новых, в том числе Лазурин сын Иван. В другой поручной записи за тот же месяц (без даты, но вероятно более поздней) указано только 8 стрельцов, убыло трое (в том числе сам Лазуря, десяток начинается с его сына). Прибыл один – Калина Игнатъев, которого можно отождествить с Калиной Гнидным из мартовской росписи (по какой-то причине он отсутствует в промежуточном документе).

В десятке у Семена Ляпуна по мартовской росписи 8 человек, но затем его десяток уменьшается. 4 ноября у него уже 7 стрельцов, 2-е убыло и 1 новый. В другой ноябрьской росписи выделить границу его десятка сложно, но в нем осталось только 5 человек из предыдущего и мартовского состава. А вот в десятке у Кондрата (Конахи) Домрачеева в тот же период обстоятельства складывались относительно благополучно. В мартовской росписи у него 9, а в поручной записи от 16 января – 10 стрельцов, в том числе двое убыло и трое новых прибыло. У его брата на десять человек двое убыло и двое прибыло между второй ноябрьской и декабрьской поручными записями (а мартовская роспись обрывается в начале его десятка).

Потери в составе были различными в каждом десятке. Но в масштабах всего войска потери от двух человек в десятке за два месяца были значительными. Однако воеводский разряд стремился сохранить целостность стрелецкого войска, как наиболее организованного отряда огнестрельной пехоты в гарнизоне крепости. К тому же за долгие месяцы осадного сидения многие посадские люди приобретали необходимые навыки. Поэтому еще в январе 1611 г. стрелецкие десятки, а следовательно, и сотни, оставались полностью укомплектованы.

- ¹ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 227–228; Александров С.В. Смоленская осада 1609–1611 гг. М., 2011. С. 100.
- ² Молочников А.М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 336–344. URL: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (19.12.2012)
- ³ Там же. С. 336–338.
- ⁴ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Публ. С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131–166.
- ⁵ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 364–393; Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007. С. 46; Подробнее см. Молочников А.М. Указ. соч. С. 332–335.
- ⁶ Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. II. (далее – АИ); Памятники обороны Смоленска. 1609–1611 гг. / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.
- ⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 85–197.
- ⁸ Там же. С. 122.
- ⁹ Там же. С. 134–138.
- ¹⁰ Там же. С. 4–25.
- ¹¹ Там же. С. 17–18.
- ¹² Там же. С. 18.
- ¹³ Там же. В начале донесения Соколов не пишет, что у него под началом только 99 стрельцов. Поэтому у него выходит, что на заставу прибыло 96 стрельцов и 94 подводы, хотя на самом деле стрельцов было 95, один на своей лошади. Видимо, Соколов скрупулезно подсчитал казенных коней и нетчиков, а о том, что его сотня неполна, вспомнил уже в конце донесения. Это только подтверждает, что полная сотня была в то время нормой.
- ¹⁴ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. С. 131–166.
- ¹⁵ Памятники обороны Смоленска. С. 189.
- ¹⁶ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 390–391.
- ¹⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 193.
- ¹⁸ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 379.
- ¹⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 20, 23.
- ²⁰ Там же. С. 214
- ²¹ Там же. С. 138.
- ²² Там же. С. 136.
- ²³ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 375.
- ²⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 134–136.
- ²⁵ Там же. С. 54–55. 121.
- ²⁶ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 369.
- ²⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 48, 68–69, 84.
- ²⁸ Там же. С. 68.
- ²⁹ Там же. С. 72.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ Там же. С. 104.
- ³² Там же. С. 108.
- ³³ Там же. С. 119–120.
- ³⁴ Там же. С. 214, 222, 224.

³⁵ Там же. С. 78,141, 155.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Там же. С. 116.

³⁸ Там же. С. 191, 193.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ Там же. С. 214, 223, 224.

⁴¹ Там же. С. 17–18.

⁴² Там же. С. 191, 193.

⁴³ Там же. С. 197.

⁴⁴ Там же. С. 69.

⁴⁵ Там же. С. 136.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

ОБРАЗОВАНИЕ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА И НАСТУПЛЕНИЕ 18-Й АРМИИ НА ПЕТЕРГОФ

НЕМЕЦКОЕ командование с 1 сентября 1941 г. планировало овладеть побережьем Финского залива ударом с востока на запад. Для этого 38-й корпус 18-й армии должен был после выхода на ближний рубеж окружения Ленинграда (рубеж город Урицк – Пулковские высоты) развернуть фронт своего наступления на запад.

Вместе с 38-м корпусом в наступление должен был перейти 26-й армейский корпус (АК). Основной задачей 26-го корпуса было обеспечение фланга 18-й армии. В составе корпуса оставалась всего лишь одна дивизия – 93-я пехотная. К моменту, когда начался поворот сил немецкой армии на Петергоф, 38-й корпус силами 58-й и 1-й пд успел выйти к Финскому заливу, отрезав нашу 8-ю армию от остальных сил Ленинградского фронта. В составе корпуса было еще две дивизии – 254-я и 291-я пехотные. 254-я пд занимала участок у Петергофского шоссе у р. Стрелка фронтом на запад. Южнее находилась 291-я пд. Ее левый фланг смыкался с 254-й пд, она занимала участок у Ропши. 254-я пд на левом фланге граничила с 402-м самокатным батальоном, и далее, вдоль Нарвского шоссе, находилась 93-я пд 26-го АК.

8-я армия насчитывала восемь стрелковых дивизий (11, 48, 118, 125, 191, 268-я, две дивизии Народного ополчения) и две бригады морской пехоты. Среди всех армий Ленинградского фронта она дольше всех участвовала в боях и понесла большие потери. К 1 сентября они составляли более 40 тыс. чел только пропавшими без вести. К концу августа ее дивизии имели не более 30–35 % личного состава от штатной численности. В состав армии также вошли 1-я гвардейская дивизия Народного ополчения (дно), 2-я дно, 281-я

стрелковая дивизия (сд) из состава Копорской оперативной группы. Точных данных по всем дивизиям армии в нашем распоряжении не имеется. Однако есть возможность проиллюстрировать картину данными хотя бы по отдельным дивизиям.

Одной из самых укомплектованных оставалась 191-я сд. На 1 сентября в составе 191-й сд было 9435 чел личного состава (по другим данным, 8834 чел), 105 орудий. Однако количество орудий не отражало истинных боевых возможностей артиллерии, из-за недостатка боеприпасов нормы расхода снарядов были установлены очень низкие. На 76-мм пушки – не более 10 снарядов, на орудия крупных калибров – еще меньше. Таким образом, огневого превосходства над противником не было.

В 1-й дно на начало сентября числилось 2409 чел. с тремя орудиями и без зенитной артиллерии. Боевая выучка личного состава была слабой. 281-я сд насчитывала 3893 чел. Одной из лучших дивизий армии считалась 268-я сд (всего 4576 чел). В составе 118-й стрелковой дивизии было два полка, всего 3025 чел личного состава. В 125-й сд – около 2,5 тыс. чел.

48-я сд к началу немецкого наступления 9 сентября насчитывала чуть более 3 тыс. чел. Дивизия была обеспечена винтовками, в т. ч. автоматическими, но пулеметов на всю дивизию было всего 22 штуки, также имелось четыре 76-мм орудия и восемь 107-мм пушек. Для пополнения недостающего вооружения в боевых частях, 7–8 сентября его изъяли в тыловых учреждениях.

Состояние 118-й сд и 1-й гв дно было катастрофическим, стоял даже вопрос, не свести ли их к 9 сентября в один полк каждую. Во 2-й дно и 191-й хотели расформировать по одному полку, чтобы потом за счет пополнения сформировать еще один. 2-я дно, насчитывала до 10 тыс. чел и считалась наиболее укомплектованной в составе Копорской оперативной группы. Дополнительным резервом для 8-й армии могли стать заключенные – всего до 500 чел. Наличие в армии двух бригад морской пехоты – 2-й и 5-й – давало возможность использовать части с боевым опытом на более важных участках. Моряки же прикрывали позицию по р. Воронка на правом фланге 8-й армии. В целом состояние дивизий армии не сильно улучшилось к началу немецкого наступления на Ленинград.

В ходе сентябрьских боев в армии произошла перегруппировка, основные свои силы командование армии перебросило на левый

фланг, к Ленинграду. Переданная в состав армии 10-я сд вместе с 1-й бригадой морской пехоты отошли 15 сентября в направлении Стрельны, далее на юг находилась 11-я сд. У Ропши находились 1-я гвардейская дивизия Народного ополчения, 118-я и 191-я сд. Также на левый фланг 8-й армии перегруппировывались 2-я дн, часть 2-й бригады морской пехоты. В районе Гостилиц и дер. Порожки оборону занимали 281-я и 48-я сд.

О состоянии 10-й сд надо сказать особо. Дивизия оказалась не боеспособной даже после получения пополнения в Кронштадте. Как потом выяснилось, после боя 15 сентября дивизию собирали член Военного совета фронта и два взвода красноармейцев, из состава двух полков. Им удалось собрать всего несколько сот человек. Третий полк дивизии им поначалу даже не удалось обнаружить. Видимо, сказалоь то, что дивизия лишилась своего комиссара, еще 14 сентября. Однако, когда первый шок прошел, 10-я сд демонстрировала достаточно высокую устойчивость в бою.

В том бою все остальные дивизии 8-й армии понесли большие потери, лишились артиллерии, были сильно измотаны. Недостаток орудий частично компенсировался артиллерийской поддержкой кораблей Балтийского флота. Среди них были крейсер «Киров» и линкор «Октябрьская революция».

В ходе сентябрьских боев части 8-й армии неоднократно пытались выбить немецкую 93-ю пд из с. Гостилицы. Так, очередная попытка была предпринята 13 сентября. Как зафиксировано в журнале боевых действий корпуса, днем большая группа красноармейцев смогла ворваться в Гостилицы с запада. Кроме того также была предпринята попытка выбить немцев из дер. Порожки. К вечеру бой для 281-й сд и 2-й бригады морской пехоты окончился поражением.

Атаковали части 8-й армии и 254-ю пд, которая занимала участок у Ропши. Тут их также ждала неудача. Противник отбил все атаки. Тем не менее, положение на участке 26-го АК вызывало некоторые опасения у штаба 18-й армии. В конце концов, немцы решили, что 15 сентября 254-я пд перейдет в наступление в направлении на Знаменку, то есть с юга на север. Но поддержать ее наступление силами 93-й пд оказалось невозможным. Вновь на участке у дер. Порожки немцы вновь вынуждены были отбивать атаки. Хотя 8-я армия и не потеснила противника в этих боях, зато сковывала часть ударной группировки противника, которая при иных

обстоятельствах бы просто «свернула» фронт обороны 8-й армии ударом с фланга.

14 сентября противник готовился к наступлению. По его оценке, самые боеспособные части Ленинградского фронта (далее – ЛФ) имелись в составе 8-й армии, то есть на участке 26-го АК и в стыке между 26-м АК и 38-м АК. Это весьма высокая оценка для крайне потрепанных в боях дивизий 8-й армии.

Утром 15 сентября, с 10 ч утра 254-я пд перешла в наступление. Дивизия достаточно быстро продвигалась на север, центр дивизии находился около моста севернее Ропши. Особенно благополучно для них развивались события на правом фланге. Им удалось захватить Сибилево. На левом фланге немцам было оказано сильное сопротивление. Там, у дер. Хабони, части 8-й армии неоднократно переходили в контратаки. В это время 93-я пд силами подчиненного 402-го самокатного батальона овладела Брантовкой.

После выхода к Финскому заливу противник начал поворот фронта наступления 38-го АК на запад, в сторону Петергофа. По мнению советских исследователей, именно наступление 8-й армии и 10-й сд заставило немецкое командование повернуть ударную группировку на запад¹. Это утверждение является ошибочным, так как этот поворот был задуман заранее.

15 сентября был сформирован штаб обороны Петергофа, и вскоре войска получили боевой приказ № оп/01, по которому оборону строили следующим образом:

- справа от 264-го опаб, на восточной части оврага у пос. Провсвещения до юго-восточной части слободы Егерской оборону занимала аэродромная рота,
- из состава 6-го полка зенитной артиллерии была выделена одна рота, которая должна была занять оборону на рубеже д. Туюзин – высота 89,9 – деревня Малый Симонгонт,
- в район деревни Низино, на рубеж Низино – Узигонт, выдвигалась еще одна аэродромная рота,
- в районе от залива до дер. Знаменка, дер. Поэзия – Знаменская колония занимал оборону 78-й истребительный батальон.

Как видно, кроме упоминавшегося 264-го опаб и части отошедших сюда бойцов 277-го опаб серьезных сил для обороны самого Петергофа не было. Тем более что противник вышел к нему с западного направления, а не с востока. Надеяться приходилось на успех 10-й сд и дивизий 8-й армии.

В то же время гитлеровцы силами 38-го корпуса готовились к тому, чтобы расширить узкий коридор за Сосновой Поляной, где их подразделениям удалось выйти к Финскому заливу в течение 15 сентября. Задачей на 16 сентября было продвижение за р. Стрелка и выход на ее западный берег. Немцам противостояли остатки 1-й бригады морской пехоты, части 10-й сд, также разрозненные части 42-й армии.

16 сентября

На участке 93-й пд немцам вновь нужно было отбивать атаки частей 8-й армии, вновь попытавшихся вернуть Порожки. В то же время приданными самокатными батальонами противник расширил свои наступательные действия на участок 48 сд и 2-й дно. К 7 утра противник силой до батальона овладел совхозом Брантовка. Отдельные группы вышли к стыку дорог в 3 км юго-восточнее Петровской. В донесении штаба ЛФ в Генеральный штаб Красной армии говорилось: 48 сд под давлением превосходящих сил противника к 16 ч отошла от Вилповицы, Забородье на участок в 2 км севернее.

Над 8-й армией нависала реальная опасность попасть в окружение. Это стало бы катастрофой для Ленинграда. Выход к Петровской мог дать противнику шанс неожиданным ударом с фланга в северном направлении просто свернуть всю оборону 8-й армии. Однако немецкое командование еще до выхода на берег Финского залива лишило себя такой благоприятной возможности. Резервов не было.

Восточнее, в ходе наступления 254-й пд, в северном направлении утром продвинуться не удалось. Новое наступление было назначено на 13 ч. После 13 ч дивизия своим правым флангом, 484-м пп, продвинулась до противотанкового рва возле дер. Райкузи и продолжала движение на дер. Настелево. Фланговым ударом дивизия свернула позиции 277-го опаб в западном направлении. 474-й пп захватил возвышенности в лесу в 2 км северо-восточнее Олики. Левым флангом дивизия вышла к высоте 81. Немецкое командование решило подчинить дивизию 38-му АК для координации действий в ходе наступления. Потери составили 28 чел убитыми, 167 ранеными, 9 пропавшими без вести.

К сожалению, при описании боевых действий с нашей стороны приходится использовать чрезвычайно сухие и отрывочные

сведения боевых донесений. Так, в оперсводке штаба Ленфронта указывалось: «1 гв дно и 118 сд, атакованные пехотой противника с танками, были потеснены, и противник овладел Олики, Сибилево. 191-я сд отошла в лес севернее Хабони после атаки противника». Теперь противник имел шанс, сворачивая с фланга оборону правого фланга Красносельского сектора, с легкостью выйти к Петергофу, но так как весь немецкий план предусматривал наступление именно с востока на запад, то такая возможность была упущена.

В соответствии с приказом корпусного командования, 1-я пехотная дивизия, нанося главный удар своим южным флангом, должна была перейти в наступление и овладеть участком Стрелки от берега до северного края дер. Новополие. В северном направлении дивизия должна была достигнуть шоссе и продвинуться вплоть до залива. Приказ определял: 22-й полк должен был нанести удар в северном направлении. 1-й полк прикрывал его левый фланг, в дальнейшем они должны были развернуться фронтом на запад и вести наступление в этом направлении.

43-й полк вновь должен был нанести главный удар, ему был подчинен 403-й самокатный батальон. С 8 ч утра дивизия начала наступление, с самого рассвета находясь под огнем морской артиллерии. 22-й полк достиг шоссе вдоль берега буквально сразу же, с правого фланга его прикрывали подразделения 58-й пд. 1-й и 43-й полки и медленно продвигались на северо-запад. 43-й полк при поддержке всей артиллерии дивизии к 15 ч смог ворваться в пос. Володарского и вел в поселке уличный бой. В течение всего дня немцам не удалось овладеть деревней.

Как сообщалось в донесении советскому командованию, противник начал наступление на участке 10-й сд, смог прорваться к заливу в районе завода «Пишмаш», один батальон 204-го стрелкового полка и бригада морской пехоты отошли за р. Стрелка, заняв оборону на ее западном берегу.

К 11 ч 30 мин штаб ГА «Север» получил сообщение, что 38-й корпус находится в состоянии кризиса, противник постоянно атакует 58-ю пд в Урицке, перед 1-й пд и 291-й пд противник оказывает сильное сопротивление, огонь морской артиллерии «невыносим». В ответ им было обещано, что для проведения атак на корабли выделена целая эскадра пикировщиков.

В результате, огонь морской артиллерии постепенно ослабел. Но этому способствовали не только атаки авиации. С 11 ч 40 мин до 13 ч

противник орудиями 2-го дивизиона 84-го полка (240-мм пушки с дальностью стрельбы до 35 км) обстреливал корабли в гавани Ленинграда. У мола был обстрелян большой корабль. Доложили о 8 попаданиях. Корабль ушел в Кронштадт. Речь здесь идет о линкоре «Марат». Также по другому кораблю у пристани было сделано 12 выстрелов. Получив 6 попаданий, корабль остался в гавани. Это был или крейсер «Максим Горький», или крейсер «Петропавловск».

Расход снарядов морской артиллерии за этот день значительно сократился по сравнению с предыдущим. Активнее всего использовались орудия среднего калибра, всего было сделано до 900 выстрелов из 130-мм орудий. Главный калибр линкоров и крейсеров использовался не так активно, в том числе из-за немецких контрмер, ленинградская группа кораблей теперь была представлена почти исключительно эсминцами.

В 8 утра 22-й полк достиг шоссе, 1-й полк, преодолев сопротивление у Сосновой Поляны, вышел на западную окраину перелеска. 43-й полк только к 15 ч смог вклиниться в пос. Володарского, батальон полка пытался ударить с севера, но действиями артиллерии, упорно обороняющейся пехотой и танками его наступление было остановлено. К 15 ч 22-й полк смог захватить пос. Ленина.

К наступлению сумерек 22-го полку удалось достичь ручья восточнее Стрельны. 1-му полку – рубеж вокзал Стрельна, далее на юго-запад вдоль железной дороги до перекрестка, 43-й полк правым флангом – дорога с севера – на юг до отметки 15,6, далее дорога северо-запад-юго-восток, часть деревни у развилки дорог. Немцы доложили, что захватили 800 пленных.

Итог боев на берегу Финского залива был оценен командованием Красной армии следующим образом. Противник, начав наступление на участке 10-й сд, смог прорваться к заливу в районе завода «Пишмаш», один батальон 204-го стрелкового полка и бригада морской пехоты отошли за р. Стрелка, заняв оборону на ее западном берегу.

Штаб фронта, видимо, плохо себе представлял, кто кому подчиняется, поэтому события на берегу Финского залива были занесены в журнал боевых действий фронта в описании действий 42-й армии. Командующий 8-й армией посетил штаб 10-й сд. Это было сделано по приказу М.С. Хозина, потребовавшего разобраться с причиной отхода 10-й сд. В ходе посещения было принято решение

снять с должности командира дивизии И.И. Фадеева. Именно так это излагает В.И. Щербаков в одном из вариантов своих воспоминаний².

В другом, более полном варианте его работы, ситуацию 16 сентября в дивизии изложили посланные туда офицеры штаба. По их словам, по боевым порядкам дивизии противник открыл огонь из района пос. Володарского, дивизия вступила в бой неорганизованно. Более того, утверждается, что немецкое наступление началось в момент, когда бойцам дивизии раздавалось оружие. Под огнем противника дивизия начала откатываться назад, а ее командир потерял управление. Дивизия отошла к Стрельне. И, когда Щербаков приехал туда, комдива уже сняли, а дивизию возглавил начальник артиллерии³.

Если судить по материалам телеграфных переговоров, командование было напугано неспособностью И.И. Фадеева удержать занимаемые рубежи. А с выходом противника на побережье под угрозой охвата оказался бы левый фланг. Как объяснял сам И.И. Фадеев, он оставил в качестве прикрытия один батальон, смятый немцами. В штабе Ленфронта Фадеева назвали обманщиком и предателем, а новый комиссар дивизии обвинил его в том, что в ходе боя он был пьян. В.И. Щербакову передали требование об отстранении Фадеева от командования. Штаб дивизии получил приказ восстановить положение. Однако выполнить приказ оказался не в состоянии.

Тем временем немецкий штаб корпуса требовал от командования 291-й пд выполнить задачу как можно скорее. Часть выше приведенной записи о действиях 42-й армии явно имеет отношение к боям на ее участке. Быстрое продвижение вперед у 291-й дивизии наблюдалось только утром 16 сентября. Затем оно сильно замедлилось. Вечером немцам, правда, удалось захватить дер. Питомник. По итогам наступления штаб 38-го корпуса доложил, что дивизия продвинулась правым флангом на 1 км, левым флангом на 1,5–2 км на север и северо-восток. Сам штаб дивизии оценивал ситуацию следующим образом – противник готовился к наступлению, наше наступление не принесло бы больших успехов.

К вечеру стало ясно, что наступать дивизия пока не в состоянии. Интересно, что обе стороны докладывали, что им удалось продвигаться, хотя в действительности, видимо, те и другие несколько преувеличивали свои успехи. Потери 291-й пд составили 28 чел. убитыми, 167 ранеными, 9 пропавшими без вести.

Вот как себе представляли к вечеру ситуацию в штабе 8-й армии. Противник, развивая наступление, теснил части армии на север. Армия имела задачу ликвидировать прорыв. В результате наступления 11 сд вышла на рубеж роща в 1,5 км южнее Ходо[кай]зи, Иннолово, где и ведет бой. 21-й полк УР (это были остатки пулеметно-артиллерийских батальонов Кингисеппского укрепленного района) наступает восточнее Иннолово. 1-я бригада морской пехоты занимает Палколово, 10 сд – Рюмки, Новоселье, пос. Володарского, Сосновая Поляна.

Запись в журнале боевых действий свидетельствует: Ленфронт оценивает действия 8-й армии следующим образом – «части армии продолжали наступать, за исключением 191, 118, 2-й (ошибка в документе. Должно быть 1-е дпо. – *Прим. авт.*) гв д – атакованных превосходящими силами про[тивни]ка и оставили Хабони, Олики, Сибилево». Если обратиться к материалам противника, то можно заметить, что немцы не претендовали на захват дер. Олики.

По итогам боев штаб 38-го корпуса докладывал немецкому командованию, что соединения корпуса понесли очень высокие потери, в том числе в офицерском составе. Общие потери за время с 9 по 16 сентября в четырех дивизиях 38-го корпуса составили 4055 чел, среди них 86 офицеров. За 16 сентября только 254-я пд потеряла убитыми и ранеными около 300 чел. Задача для его дивизий, тем не менее, оставалась прежней. Несмотря на временные неудачи, 254-я и 291-я пд должны были далее продолжать наступление на север и запад, с целью уничтожения попавшего в мешок противника. С запада должна была наносить удар 1-я пд.

Судя по имеющимся данным, можно предположить, что возросшая активность противника на участке 8-й армии серьезно беспокоила командующего фронтом. Вечером появился приказ ВС ЛФ № 0053 о восстановлении положения выдвинувшимися на рубеж Ропша, Хаболайзи, Рюмки частями 11 сд, 1-й полк 3 гв дпо и 118 сд. Армия перегруппировывалась, для того чтобы создать сильную группировку на своем левом фланге, то есть как раз на участке самых активных боевых действий. Тем же вечером в состав 8-й армии была передана 10-я сд.

В.И. Щербаков указывает, что по распоряжению штаба ЛФ 10-ю сд в состав армии передали с 17 сентября. Одновременно штаб Ленфронта принял решение произвести перегруппировку, чтобы укрепить свой правый фланг, а также с целью усиления обороняющихся

Ленинград войск из состава 8-й армии. В Ленинград перебрасывались 125-я и 268-я сд. Это происходило в тот момент, когда 8-я армия крайне нуждалась в резервах и две стрелковые дивизии были просто необходимы, пускай сами по себе они были и весьма слабыми. Скорее, в этот момент сама 8-я армия должна была получить подкрепления. Какое-то количество пополнения армия получала, в ее состав передавались батальоны, сформированные из моряков. Однако это пополнение нужно было еще вооружить и влить в боевые части.

17 сентября

В течение дня противнику удалось еще немного продвинуться у Петровской. Наши части продолжали вести за Порожки силами 281-й сд. Подразделения 48-й сд отгеснили в лес в 3 км южнее Петровской.

На участке против 254-й пд 191 сд продолжала удерживать высоту 134 у Ропши. 1-я гв дно находилась на восточном берегу р. Стрелка у восточной опушки леса западнее Олики. 118-я сд оборонялась в лесу западнее Райкузи, 11 сд отошла и обороняет рубеж Настолово.

10-я сд и 1-я бригада морской пехоты вели бой с наступающей 1-й пд. 17 сентября 1-я пехотная дивизия должна была выйти на рубеж русло ручья в 800 м юго-западнее р. Стрелка от берега до моста на шоссе в юго-западной части Стрельны – изгиб шоссе на южной окраине Немецкой колонии.

Наступление и зачистка начались в 6 ч 15 мин, в деревне немцам удалось уничтожить два тяжелых танка, и к 9 ч 30 мин 43-й полк смог окончательно овладеть пос. Володарского. К 13 ч 1-й, а к 13 ч 45 мин и 43-й полки смогли достичь восточного берега р. Стрелка, их действия были поддержаны артиллерией. Ее огонь обеспечил успешное продвижение. 22-й полк начал продвижение и силами штурмовых групп ввязался в бой за Фабрику. Обороняющиеся оказывали упорное сопротивление. В дальнейшем, 22-й полк вел бой у монастыря (вероятно, Троице-Сергиева лавра) и в парке северо-восточнее пос. Ленина и смог выйти на берег Стрелки к 18 ч. А уже к 19 ч была установлена локтевая связь с 291-й пд. Дивизия заняла оборону на этом рубеже. За день 42 чел было убито, 123 ранено и 2 пропало без вести. Русским истребителям удалось сбить аэростат наблюдения.

291-й дивизии удалось продвинуться вперед и захватить Горбунки, а также аэродром у пос. Беззаботный. Но прорваться не удалось. Дивизия потеряла 34 чел убитыми, 130 ранено и 7 пропало без вести.

Штаб и командующий ЛФ в особенности оказались очень недовольны результатом боевых действий 8-й армии за этот день. Вечером штаб ЛФ отдал следующий приказ – 8-я армия должна с рубежа Хабони, Разбегай, Павкуля силами не менее 5 дивизий нанести удар в направлении Красное село, 10-я сд должна была вернуть пос. Володарского. Тем временем, противник решил 18 сентября перейти к обороне на занятых позициях. Формально решение комфронта о переходе в наступление было правильным, но средств и сил для осуществления его плана явно не хватало.

18 сентября

Утром части 8-й армии перешли в наступление. Интересное свидетельство о его ходе содержится в истории и документах 1-й немецкой пд. На участке 22-го полка для отражения этой атаки пришлось бросить в бой писарей, водителей и штабных работников. Им удалось в ближнем бою отразить атаку. Командир дивизии лично обратился в штаб 38-го корпуса и сообщил о тяжелых потерях, но штаб корпуса не принял это во внимание. Корпусное начальство было занято решением задачи по зачистке берега Финского залива, и ее выполнение нужно было ускорить в соответствии с указаниями высшего командования.

В донесении советскому командованию говорилось: «К 18 ч, встретив на левом фланге организованную оборону противника и сильный артиллерийский, пулеметный и минометный огонь, дивизии армии существенных результатов не достигли». То же самое в своих итоговых донесениях отмечают и немцы. Только на участке 26-го корпуса части 8-й армии вклинились в позиции противника у дер. Хабони.

Подшло время начала немецкого наступления. 254-я пд, медленно продвигаясь, смогла потеснить упорно обороняющего Ходкайзи подразделения в ходе ожесточенного гранатного боя. Красноармейцы отошли за Стрелку. А из 38-го корпуса вновь сообщили о высоких потерях и об опасении, что такие потери могут очень скоро привести дивизии в совершенно небоеспособное состояние.

Вечером в штабе 18-й армии было принято решение продолжать наступление до линии Петергоф – северная часть Порзоловского. Далее предполагалось перебросить одну дивизию для наступления на Ленинград. Наступление на Ленинград имело первостепенную важность. Силами 26-го АК предполагалось нанести удар на его правом фланге, у Порзоловского болота и разбить оборону противника. Артиллерия корпуса должна была поддерживать наступление 38-го АК.

На участке у Ленинграда предполагалось вести наступление против Пулково и Колпино, вслед за этим следует продвинуться через Неву. После захвата Ленинграда его занимают дивизии 50-го корпуса. При этом в случае занятия линии ближнего окружения штаб ГА «Север» требовал дальнейшего продвижения в черту города. Однако если сил для продвижения на запад будет не хватать, следовало приостановить дальнейшее продвижения. Вместо этого предлагалось воспользоваться возможностью добиться успеха по сжатию кольца окружения вокруг города. Сам город предлагалось по решению Гитлера подвергать артиллерийским обстрелам, но к общему штурму не переходить. Таким образом, сопротивление 8-й армии имело важнейшее значение для судьбы осажденного города. Армия должна была максимально измотать противника.

Несмотря на неудачные контратаки, командующий фронтом приказал в 1 ч 30 мин 8-й армии вновь перейти в наступление. К этому моменту армия почти не имела артиллерийских боеприпасов: на 76-мм пушки имелось только по 20 снарядов, на орудия более крупных калибров – по 15 и менее. Тем более, что штурмовать нужно было теперь собственные укрепления Красносельского укрепленного сектора. Как таковой, ударной группировки создать не удалось, силы армии были вынуждены вести наступление, почти равномерно распределив усилия по линии фронта от берега залива до участка у дер. Брантовка.

19 сентября

В журнале боевых действий ЛФ отмечено, что в течение ночи на 19 сентября производилась перегруппировка, с утра части армии перешли в наступление. На отдельных участках дивизии продвинулись на 1–1,5 км. В течение дня трижды переходили в атаку, но задачу дня не выполнили. Левый фланг готовится к ночной атаке.

Немцы утром продолжали удерживать занятые позиции и сами готовились к наступлению. Было решено перенести наступление 93-й пд на 21 сентября, на момент, когда 254-я пд выйдет к правому флангу 93-й пд.

С утра части 8-й армии перешли в наступление. Как указывалось в донесении в штаб ЛФ, 191, 118, 11, 10-я сд, 2-я дпо на отдельных участках продвинулись на 1–1,5 км. Однако серьезных успехов достичь не удалось, это было отмечено в записи в журнале боевых действий Ленфронта. О том же говорится и в донесении 38-го АК: силами 291 и 254 пд отражены многочисленные контратаки противника, который понес большие потери. Журнал боевых действий 1-й пд отмечает атаки, которые удалось отбить на участке 22-го и 43-го полков. В ходе боевых действий противник понес умеренные потери. Всего по трем дивизиям было убито и ранено 28 чел было убито и 141 получил ранения.

От 8-й армии потребовали готовиться к новому наступлению, причем перейти в наступление ночью. А между тем армия понесла значительные потери. Только один полк 10-й сд потерял за день 216 чел убитыми и ранеными. Штаб армии и ее командующий считали, что более оптимальным будет перенести наступление на 21 сентября. То же самое решил и командующий ЛФ, но создается впечатление, что из штаба фронта положение виделось гораздо более простым, чем на самом деле. Однако ночное наступление 118-й сд, 1-й гв дпо и 2-й дпо на сей раз успеха не имело.

20 сентября

1-я пехотная дивизия перешла в наступление, к 11 ч утра 43-й полк смог овладеть дер. Саводуй, к концу дня продвижение 43-го полка составило около 1 км. 22-й и 1-й полки дивизии не имели продвижения. На участке 22-го полка немцы всерьез опасались высадки десанта, а на той стороне канала они наблюдали скопление танков. К вечеру 43-й полк находился на южной окраине Стрельны. В течение 21 сентября ударом с юга и юга-запада дивизия должна была овладеть Стрельной.

291-я пд в ходе наступления успешно продвигалась на участке у дер. Новополье, штаб дивизии отмечал, что основные силы противника находятся в Стрельне. В это время в штабе 8-й армии считалось, что 11-я сд утром овладела Горбунками. Однако в

действительности к 12 ч 30 мин 291-я пд повела наступление на Олино и Марьино и смогла прорвать фронт обороны 11-й сд.

По словам В.И. Щербакова, на участке 11-й сд и 2-й дпо всю ночь готовились к наступлению, но утром, из-за того что затянули подготовку, сами попали под удар немецкой артиллерии и откатились на запад⁴. Для того чтобы стабилизировать фронт, штабом 8-й армии на этот участок было направлено 4 танка.

291-я пехотная дивизия вышла к Низино, прорвав оборону 264-го опаб ударом с тыла на самом уязвимом участке. Во второй половине дня дивизия была контратакована танками, в очередной раз немецкие 50-мм противотанковые пушки оказались бессильными против брони танков. К вечеру перед штабом дивизии отчитались о 400 пленных. Потери дивизии составили 38 чел убитыми, 122 ранеными и два пропало без вести. Дальнейшее наступление было остановлено, в том числе огнем зенитных орудий и пушками ополченцев 264-го опаб.

В штаб Ленинградского фронта доложили, что к 11 ч противник неустановленной численности оттеснил наши части на участке Разбегай, Павкуля. Позже уточнили, что отошли 2 дпо и 11 сд, отход производился мелкими группами. Штаб 8-й армии докладывал, что глубина прорыва утром составила 2–3 км⁵. К вечеру в штаб фронта сообщили, что прорвавшийся противник остановлен на рубеже Канавы, южное Низино, Олино, Марьино. Готовится контратака для восстановления положения.

В итоговом донесении 38-го АК за сутки говорилось, что дивизии корпуса занимают следующие рубежи: 291-я – рубеж северный край Олино – церковь Костино – западный край Костино – Низино, дивизия отразила многочисленные контратаки. 254 пд закрепились на рубеже северный край леса южнее Владимирово – Пиудузи – Велигонт.

В приказе 38-го корпуса вечером отмечалось, что переправиться через Стрелку у Стрельны не удалось. На следующий день 1-й пд было предписано как можно раньше перейти в наступление, а 291-й пд наступать в западном направлении. 254-я пд должна была быть в готовности к переходу в наступление в тот момент, когда сопротивление противника юго-восточнее Порзоловского болота будет сломлено. Дивизия должна была действовать в тесном взаимодействии с 93-й пд. Предполагалось, что совместными действиями 26-го АК и 254-й пд удастся окружить обороняющиеся части

8-й армии. В штабе ГА «Север» при оценке ситуации 20 сентября считали 8-ю армию серьезной угрозой для дальнейших немецких операций против Ленинграда⁶.

8-я армия должна была получить пополнение из Ленинграда, в ее состав было передано более 8 тыс. чел. Однако людей еще нужно было вооружить и распределить по частям.

21 сентября

Наступление 1-й пехотной дивизии началось в 7 ч утра по берлинскому времени. Дивизия незначительно продвинулась вперед силами 43-го полка. На участке 22-го полка противник встретил упорное сопротивление. Только 1-му полку удалось создать и удержать небольшой плацдарм на западном берегу канала на южной окраине Стрельны. После этого последовала небольшая пауза.

О положении 10-й сд 8-й армии с утра известно, что дивизия в результате налета авиации отошла правым флангом от рощи восточнее Знаменская, кол Знаменка.

В 9 ч утра 1-й полк вновь перешел в наступление с южной окраины Стрельны. Продвижения добиться не удалось на всем участке. 2-й батальон полка залег под сильным огнем танков, а 1-му батальону удалось ворваться в Стрельну с юга и захватить с фланга позиции вдоль каналов.

В Стрельне шел тяжелый бой, сюда для борьбы с танками должны были подвезти зенитки, к 11 ч 25 мин 1-й полк силами 1-го и 2-го батальонов вышел на Петергофское шоссе. В это же время в Стрельну ворвался и 22-й полк.

Бой в районе так называемых казарм был довольно упорным. Борьба шла за каждый дом. Туда подошли несколько советских танков и задержали продвижение противника. 22-й полк также имел незначительное продвижение, на запад от Стрельнинского канала он смог продвинуться только на 200 м.

У немцев не оказалось достаточно мощных средств для борьбы с танками. Вплоть до вечера продолжался тяжелый бой. Но полкам 1-й пд так и не удалось продвинуться вперед. За день дивизия потеряла, по неполным данным, 56 чел убитыми и 153 ранеными.

Как докладывал В.И. Щербаков М.С. Хозину, 10-я сд в тот день дралась хорошо, 62-й сп дивизии понес большие потери, в нем осталось 60 чел. Как видно из немецкого описания, это соответствует действительности. К исходу дня 10-я сд занимала рубеж

обороны от перекрестка Ропшинского шоссе и железной дороги до дер. Знаменка.

Утром контратака 11-й сд и 2-й дно на позиции 291-й пд не принесла результатов. 291-я пд с большим трудом, отбивая постоянные контратаки, начала продвижение и к 9 ч утра захватила Санино. В результате контратак 11-й сд и 2-й дно находящийся в Олино 1-й батальон 504-го полка был на некоторое время окружен. Сосед, 505-й полк, не мог ничем ему помочь, так как сам был остановлен и перешел к обороне фронтом на север и запад. В это время 506-му полку удалось овладеть Марьино.

Как отмечалось В.И. Щербаковым и в донесениях, немцы нанесли удар в стык между 10-й и 11-й сд, противник оттеснил 11-ю сд с Сашинских высот, а 98-й сп 10-й сд – из района пос. Рюмки. 264-й опаб, занимавший оборону в Петергофе, вынужден был принять бой с перевернутым фронтом, на его участок подошли остатки 277-го опаб, а также истребительные батальоны.

Положение на этом участке для 8-й армии складывалось крайне сложно. В бой для восстановления утраченных позиций были брошены два батальона моряков. Батальоны были слабо вооружены и не имели автоматического и тяжелого вооружения. Они были выдвинуты на рубеж Узигонт, Владимирово, северная опушка роции юго-восточнее Марьино. Ввод в бой таких слабых резервов переломить ситуацию не смог, но продвижение противника на время было остановлено.

К вечеру положение на участке 291-й пд было несколько улучшено немцами. В итоговом донесении корпуса отмечалось, что 291-я отразила многочисленные контрудары с севера, северо-запада и запада в направлении Марьино, Санино и перекрестка севернее церкви Костино. 505-й полк в ходе боя овладел укреплениями у Низино. За день было взято 392 пленных, захвачено семь артиллерийских дотов, 60 деревоземляных сооружений, одна 76-мм пушка и 3 зенитных орудия.

Донесение в штаб ЛФ подводило итог боевых действий в течение дня: «1 гв дно отбивает атаки противника по зап берегу р. Стрелка. Противник овладел Узигонт, Низино, Костино, Санино, 1,5 км южнее Луизино и заводы. Остатки 2 дно и 11 сд обороняются на рубеже Сашино, Луизино. 10 сд удерживает левым флангом Стрельну, правый фланг отошел».

На участке южнее Петергофа и Стрельны дела у 8-й армии также складывались далеко не лучшим образом. Около 8 утра части Красной армии атаковали немцев на участке 254-й пд у дер. Липицы, но были оставлены и оттеснены силами 454-го пп. В ходе последующего наступления 254-я пд смогла окончательно занять Липицы и выйти к дороге Ропша – Знаменка восточнее дер. Велигонт. К вечеру 254-я пд была остановлена у Бол. Симонгонта.

Поначалу 402-й самокатный батальон и 93-я пд не смогли продвинуться вперед. Затем 93-й пд удалось овладеть Петровской и высотой 68,8, затем дивизия должна была повернуть фронт на запад, чтобы прикрыть район Порожки.

Немцами вновь отмечался «невыносимый» огонь морской артиллерии. Судя по отчету эскадры Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), стреляли действительно много. Так, лидер «Ленинград» выпустил за день более 50 снарядов главного калибра. Активно вел огонь линкор «Октябрьская революция», в общей сложности, сделавший 55 выстрелов только главного калибра по участкам наступления 254-й и 291-й пд. По этому же району выпустил более 100 снарядов крейсер «Максим Горький».

Несмотря на успех этого дня для немцев, окружить 8-ю армию им не удалось. Противник продолжал просто «выдавливать» слабые части 8-й армии на запад. При том, немецкая артиллерия вела, в буквальном смысле, шквальный огонь. Только 105-мм гаубицы артиллерийского полка 1-й пехотной дивизии сделали за день более 3,5 тыс. выстрелов.

8-я армия, будучи не в силах противостоять противнику, вынуждена была отходить. 191-я и 118-я сд отходили на совхоз Красная Балтика, дер. Узигонт. Всего за этот день в армии было зарегистрировано около 1100 чел раненых. Армия готовилась к контрудару для восстановления положения. В журнале боевых действий фронта в качестве итога дня появится следующая запись: «...противник, развивая прорыв, овладел Узигонт, Низино, Костино, Санино, заводы (так в документе. – *Прим. авт.*), развивая наступление на Петергоф». Между В.И. Щербаковым и М.С. Хозиным состоялся разговор, в ходе него В.И. Щербаков доложил обстановку. Далее речь пошла о переходе в наступление. В ходе обсуждения М.С. Хозин на замечания своего подчиненного сказал буквально следующее: «Знаете, тов. Щербаков, я Вас немного знаю, но, если бы я был рядом около Вас, я бы с Вами поступил по-другому.

Что у Вас связи нет, что ли, с дивизиями? Расстояние от штаба армии 40 км, если даже и в среднем 10 км в час передвигаться с приказом, на это потребовалось бы всего 4 часа. Но возьмем даже 5. Я с Вами разговаривал около 13 часов, даже прибавим еще два часа на то, чтобы после моего разговора Вашему штабу отдать все необходимые распоряжения, то получается в сумме 7–8 часов. Т. е. к 20 часам в дивизии должен был прибыть приказ. А если послать конными по прямой, то расстояние всего 22 км. Надо бы было 3–4 часа, так что другое, по-моему, является причиной. Безрукость, безвольность в управлении армии».

Далее последовало требование нанести сокрушительный удар, с пояснением, что для разгрома врага нужна только ненависть⁷. На замечание В.И. Щербакова, что у него сложное положение с людьми, последовала ремарка, что пора поставить заградотряды с пулеметами и расстреливать «всякую сволочь».

Надо отметить, что подобные вещи говорил начальник штаба фронта, который буквально пару дней назад не мог выяснить, что в действительности происходит в часе езды на автомобиле от штаба фронта.

8-я армия должна была восстановить прежнее положение, и началась подготовка к контрнаступлению. Для восстановления положения 191, 118, 1 гв дпо с утра контратакуют противника с рубежа Узигонт, Бол. Порзоловское в направлении Пиудузи, Владимировка. Одновременно 2-й дивизии Народного ополчения, 11, 10 сд и бригаде моряков дана задача наступать на Владимировку.

22 сентября

1-я пехотная дивизия вновь перешла в наступление в 9 утра. В отличие от предыдущего дня, дивизия смогла достаточно энергично продвинуться в западном направлении и захватить Стрельну. Одним полком 1-я пд вскоре вышла в район западнее Коркули. Всю вторую половину дня дивизия вела бой за Знаменку и к исходу дня овладела ей, выйдя на окраину Петергофа. На следующий день противник предполагал, что удастся овладеть Петергофом.

В донесениях штаба 8-й армии и в воспоминаниях участников отмечалось, что полки 10-й сд отбивали атаки противника у станции Новый Петергоф и на окраине Петергофа. Ее 98-й сп и бригада морской пехоты вели бой на подступах к паркам. Даже подавляющее огневое превосходство не обеспечивало противнику быстрый

успех. Артиллерийский полк 1-й пд сделал за день почти 4,5 тыс. выстрелов снарядами только 105-мм калибра.

Южнее продолжалось наступление 291-й пд. Основной удар пришелся по полкам 11-й сд. В ходе наступления к 9 ч утра 504-й полк вышел к северной окраине Санино. К 11 ч 30 мин 504-й и 505-й полки перешли в наступление. К 12 ч 30 мин им удалось выйти к дороге Олино – Луизино, 504-й полк уничтожил доты южнее Луизино. К 14 ч 504-й полк вынужден был остановиться и начать окопываться, 505-й полк ворвался в Сашино и продвинулся до центра. Через час 504-й полк вновь перешел в наступление, ему удалось потеснить противостоящих ему бойцов-ополченцев. 505-й полк, тем временем, отбивал контрудар.

Продвижение 504-го полка тем временем встретило такое сильное сопротивление, что один его батальон вынужден был занять круговую оборону. Фланг полка должны были прикрыть батальоны 506-го пп. Только к вечеру немцам удалось овладеть Луизино, а также северной частью Сашино. Тем не менее, положение дивизии было сложным. Фронт разорван, один батальон так и оставался фактически в кольце. Вечером дивизия отбила еще одну сильную контратаку.

На следующий день дивизия должна была продолжить наступление, действуя в тесном взаимодействии с 254-й пд. 254-я пд за этот день продвинулась до рубежа Велигонт – Бол. Узигонт в западном направлении, правым флангом через Малый Узигонт около 1 км в лес восточнее Порсоловского болота, дивизия ведет наступление на Олики. Но очистить район между Петровской и Порожками немцам в этот день не удалось. 254-я пд в ходе наступления встретила сильное сопротивление в районе Мал. Узигонт, смогла занять эту деревню, но дальше продвинуться не смогла,

Днем командир 38-го корпуса доложил в штаб армии о возможностях дальнейшего наступления. Он выразил сомнение в возможности выполнения задач, стоящих перед корпусом⁸. Командира корпуса беспокоили советские тяжелые танки, с которыми могли бороться только 88-мм зенитки. Корабельная артиллерия вела огонь по всей протяженности немецкого тыла, а немецкая тяжелая артиллерия страдала от недостатка снарядов. Командир 135-го артиллерийского командования заявил, что его батареи расстреляли сентябрьский запас снарядов. Корпус понес большие потери в пехоте. Далее корпус ждет борьба в лесистой местности, что будет

представлять серьезные проблемы. В конце концов, в штабе 18-й армии было решено остановиться на рубеже Петергоф – северная оконечность Порзоловского болота и далее на запад наступления не вести.

Штаб 8-й армии сообщил в штаб ЛФ, что части 10 сд, 2-й дпо и 11 сд с батальонами моряков закрепились на рубеже Бол. Симон-гонт, Кузнецы, Сашино, Луизино, Знаменка. Подведя итоги дня, штаб 8-й армии начал подготовку к контрудару, основную роль должна была играть 191-я сд, еще сохранившая большую часть личного состава и часть артиллерии. Предполагалось, собрав, что осталось от 1-й гв дпо и 118 сд, нанести немецкой группировке удар во фланг, с юга на северо-восток.

Тем временем, сложное положение складывалось и на участке обороны армии у Гостилицкого шоссе. Так, на участке 48-й сд противник прорвался к командному пункту, дивизию оттеснили на южную окраину Петровской. В течение дня противник овладел этим поселком, атаки на участке 1-й гвардейской дивизии Народного ополчения были отбиты.

После анализа обстановки штаб Ленфронта направил в штаб 8-й армии телеграмму-молнию. В ней 8-ю армию характеризовали как играющую предательскую роль в обороне Ленинграда. Там, в частности, указывалось, что 42-я и 55-я армия блестяще отражают все атаки немцев, тогда как 8-я армия, имея перед собой 3–4 тыс. немцев, разбегается при первом выстреле. Далее указывалось на бездействие Военного совета армии, настроенного на эвакуацию, но не на упорный бой, поэтому он вполне заслуживает расстрела. От В.И. Щербакова потребовали лично вести армию в бой, а также последовала угроза, что за оставление Петергофа командиры всех степеней будут расстреляны⁹.

Если проанализировать эту телеграмму, то видно, насколько несправедливое отношение к 8-й армии сложилось в штабе фронта при Г.К. Жукове. Одно упоминание других объединений Ленинградского фронта вызывает большие вопросы, ведь упоминая, что они отражают атаки немцев, командующий шел на откровенную ложь. Такая же ложь заключалась в том, что 8-я армия якобы разбегается при первом же выстреле. Как видно из описания боевых действий, армия воевала в силу своих очень скромных возможностей, при этом противник, обладавший подавляющим огневым превосходством за счет артиллерии, сопротивлению армии сломить

был не в состоянии. К сожалению, такая телеграмма весьма характерна для третьего командующего фронтом и является типичной для стиля руководства самого Г.К. Жукова и его команды.

23 сентября

Наутро штаб 8-й армии почти не имел связи с частями. Положение на участке армии складывалось критическое. Уже в ходе дня В.И. Щербаков докладывал, что в 98 сп 10-й сд осталось 60, 204 сп – 80, 62 сп – 120 чел. Пополнение составляло 250 чел.

В 11-й сд оставалось примерно столько же людей: в 163 сп – 230, 219 сп – 85 чел, их дополнительно пополняли, видимо, из состава или 277-го, или 264 батальонов. В 320-м сп оставалось 200 чел.

В.И. Щербаков пытался создать условия для того, чтобы отбросить немцев от Петергофа. Ему было отправлено из Ленинграда 1000 чел пополнения. М.С. Хозин был возмущен тем, что у Щербакова в 8-й армии осталось мало людей.

Немецкое командование планировало продолжить наступление и овладеть Петергофом. Начало наступления на участке 1-й пехотной дивизии отложили из-за неготовности приданного 109-го артиллерийского полка. 1-й полк перешел в наступление раньше всех, достиг Ротонды, центром вклинился в Казармы, левый фланг оказался под сильным огнем.

К 11 ч 40 мин 43-й полк захватил железнодорожный мост у прудов, попал под сильный огонь из Казарм у аэродрома, дальше он должен был наступать левым флангом, захватить противотанковый ров и развернуться фронтом на север.

Журнал боевых действий 1-й пехотной дивизии отмечал, что после того как удалось просочиться в сам город, последовали тяжелые бои, 22-й полк медленно продвигался сквозь парк, дома и казармы. Около 2 ч дня на участке 2-го батальона полка сложилась критическая ситуация – здесь началась контратака. После вмешательства командира полка удалось восстановить положение, и батальон сам перешел в атаку.

С нашей стороны доложили, что противник начал наступление на Петергоф в 11 ч 45 мин. 10-я сд удерживала свои позиции. 11-я сд вынуждена была отойти. Тем временем 1-я пд продолжала наступление. В 11 ч 50 мин 1-й полк доложил, что захватил казармы западнее леса, к 12 ч 25 мин 43-й полк левым флангом подошел к противотанковому рву.

В 12 ч 50 мин 22-й полк вдоль дороги вклинился на 150 м в парк, за стену, был встречен огнем тяжелых танков, левый фланг прошел северо-восточнее церкви и был контратакован танками.

62 и 204-й сп 10-й сд удерживали Большой дворец, 98-й сп 10-й сд и бригада морской пехоты – Нижний парк. В 62-м сп в строю оставалось 180 чел. В разгар боя здесь появились упоминавшиеся выше три танка КВ, два танка двинулись в Верхний парк, один оставался в Нижнем парке.

1-й полк 1-й пд, продвигаясь правым флангом юго-восточнее церкви, попал под пулеметный огонь с ее купола. В 14 ч 20 мин 2-й батальон 43-го полка ворвался на позиции севернее железной дороги, здесь контратакован танками, понес тяжелые потери в ротах, кроме того потерял одновременно двух офицеров. Полк отошел на исходные. Вместо него в бой был введен 3-й батальон полка и самокатная рота.

К 14 ч 40 мин танки отошли, и 22-й полк правым флангом продвинулся еще на 400 м. После 15 ч дня на участке 43-го полка для немцев складывалась сложная ситуация. Рота 1-го полка вела наступление вдоль линии железной дороги, в критический момент вступила в бой на правом фланге 2-го батальона 43-го полка и ударила противника во фланг. Но 2-й батальон все равно вынужден был отступить в лес, чтобы привести себя в порядок.

К 18 ч 22-й полк смог овладеть позициями восточнее дворца в Петергофе и продвинуться до канала. К ночи дивизия занимала следующий рубеж: маяк восточнее причала – дворец Петергофа – восточная часть – постройки на северо-восточном углу аэродрома – канал – стрельбище – железная дорога до моста – ров до границы с соседом. Это были последние усилия дивизии. К вечеру восточная часть Петергофа была в руках у противника. В этот момент командир дивизии доложил в штаб корпуса, что дивизия более не способна к активным наступательным действиям. Ведь с момента выхода на рубеж Стрелки до 22 сентября дивизия потеряла еще 546 чел. Всего с 1 по 24 сентября дивизия потеряла 760 чел убитыми, 2683 ранеными, 19 пропавшими без вести. Это было сравнимо со всеми понесенными потерями с 22 июня по 9 сентября.

Сильным облегчением для противника было то, что из-за налетов авиации на Кронштадт корабельная артиллерия была не в состоянии поддерживать огнем сухопутные войска. Это подтверждается и данными отчета эскадры КБФ. Так, например, в этот день

не вел огня по берегу линкор «Октябрьская революция». Корабли ленинградской группы вообще не участвовали в поддержке сухопутных войск.

Скупые строчки донесений в штаб Ленинградского фронта описывали ситуацию следующим образом: «Противник продолжает развивать наступление на Петергоф силами двух пехотных дивизий. 10-я сд обороняет рубеж – жел дорога, Финский залив, 11-я сд слобода Егерская. Противник занял Туюзю, 191-я сд ведет бой в районе Узигонт. Ей выделен батальон моряков с задачей контратаковать в направлении Бол. Симонгонта на Узигонт».

Самым опасным был прорыв фронта армии противником у Симонгонта. Он мог вызвать катастрофу, 8-я армия могла быть отрезана в районе Петергофа.

Однако 8-й армии удалось не допустить такого развития событий. На участке 291-й пд противника ждала неудача. Центр 291-й пд уничтожил укрепленные сооружения западнее Костино и овладел деревней Кузнецы. Утром дивизии удалось захватить кладбище у Троицкого. Однако в течение дня дивизия особо активных действий не вела. Ее задачи на 24 сентября состояли в овладении высотами у Троицкого. Но у Симонгонта 254-я пд далеко продвигаться не смогла.

93-я пд вела наступление на позиции противника западнее Порсоловского болота, но не слишком удачно. В целом, немецкому командованию только с большим трудом удалось выполнить часть своего плана.

Критическая ситуация на участке 8-й армии оценивалась в штабе Ленинградского фронта неверно. Вечером 23 сентября состоялись очередные переговоры между В.И. Щербаковым и начальником Штаба фронта¹⁰. Он доложил, что контратака дивизий армии успеха не имела. Отводить дивизии в тыл на переформирование ему запретили. А требование к 8-й армии было одно – активные действия в дальнейшем. Настоящим же открытием для М.С. Хозина стало то, что перед фронтом 8-й армии находятся укрепления Красносельского сектора Красногвардейского УР.

После того как В.И. Щербаков получил указания от М.С. Хозина, Хозин попросил к аппарату Т.И. Шевалдина. Тот в целом дал уничтожающую характеристику деятельности армии и организации ее действий. Т.И. Шевалдин, за спиной непосредственно командующего армией, который только что обговорил с М.С. Хозиным

план действий, этот план оспорил и заявил, что предложения начальника штаба фронта верные, и он готов их выполнять. Он утверждал, что нужно «переломить» начальников, заставить их наступать. М.С. Хозин попросил Т.И. Шевалдина помочь В.И. Щербакову в организации действий и тут же заявил, что Военный совет фронта принял решение назначить его командующим 8-й армией.

Немного иначе излагает историю своего снятия с поста командующего В.И. Щербаков. Он в своих воспоминаниях говорит, что Г.К. Жуков приказал ему активизировать действия армии. В ответ командующий фронтом услышал, что в полках осталось по 100–140 чел. Г.К. Жуков устроил разнос В.И. Щербакову и заявил, что армия способна наступать, приказав самим генералам вести в бой людей. Затем последовал вызов в Смольный¹¹.

38-му армейскому корпусу осталось совершить последний рывок для выполнения задачи. 24 сентября корпус должен был выйти на указанный ему рубеж. В ходе наступления 43-й полк 1-й пд должен был овладеть Егерской слободой, 22-й и 1-й полки – Петергофом до линии Английского канала. К часу дня эта задача была выполнена, штаб дивизии начал обсуждение с командирами полков перехода к обороне. Как уже указывалось выше, дивизия понесла большие потери.

Наступление 291-й пд в течение 24 сентября развивалось следующим образом. Утром 504-й полк овладел с. Троицкое. 505-й полк захватил дер. Левдузи, а 506-й полк смог захватить дер. Агакули на Гостилицком шоссе. В результате на фронте 8-й армии, как считали и в штабе армии, и в штабе фронта, создалась критическая ситуация. Туда были брошены последние резервы.

В действительности, вечером 24 сентября в штаб ГА «Север» поступила телеграмма, где говорилось о возможностях дальнейшего наступления на участке 38-го корпуса. В ней говорилось, что цель корпуса 24 сентября достигнута, дальнейшее наступление с целью уничтожения 8-й армии с учетом передислокации 254-й пд исключено. Подразделения 254-й пд перебрасывались на участок 39-го моторизованного корпуса. Также невозможно и наступление против Ленинграда, так как дивизии обескровлены. Это было закономерным итогом наступательных операций.

Таким образом, 8-я армия сыграла в обороне Ленинграда очень важную роль. В условиях, когда противник, обладая значительным

превосходством, пытался ее уничтожить, армия сопротивлялась и смогла выстоять.

---

¹ Операции Советских Вооруженных сил. Т. 1. М., 1958. С. 182.

² Щербаков В.И. Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1968. С. 23.

³ Его же. На приморских флангах. СПб., 1994. С. 64–65.

⁴ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 119. Л. 320.

⁵ Там же. Л. 324.

⁶ ТЗ11. Р51. Фг. 7064120.

⁷ ЦАМО Ф. 217. Оп. 1221. Д. 130. Л. 19, 20.

⁸ ТЗ11. Р51. Фг. 7064327.

⁹ Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. М., 2002. С. 224.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 130. Л. 141.

¹¹ Щербаков В.И. На приморских флангах. С. 74.

В.В. Наумов (Санкт-Петербург)

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТЫЛОМ РОССИЙСКОГО КОНТИНГЕНТА В ЗОНАХ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО И ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТОВ

О ЧЕРЕДНАЯ, третья с момента выхода из состава бывшего СССР, попытка Грузии силой оружия ликвидировать самопровозглашенную республику Южная Осетия, а вслед за этим ликвидировать Абхазию, завершилась решительным разгромом грузинских сил вторжения.

Вооруженная акция против Южной Осетии, в которую грузинская сторона вложила значительную часть накопленного ею за последние годы военного потенциала, стала, пожалуй, самым быстротечным региональным вооруженным конфликтом на постсоветском пространстве (рис. 1).

Рис. 1. Места боевых действий и бомбардировок на территории Грузии

В ходе проведения операции заслуживает внимания анализ полученного опыта ведения боевых действий войск, а также их тылового обеспечения и управления. Управление тылом является составной частью управления войсками и заключается в целенаправленной деятельности командующих (командиров), заместителей командующих (командиров) по тылу, штабов тыла по поддержанию тыла в высокой степени боевой готовности, подготовке его к выполнению поставленных задач и руководству соединениями, частями, организациями тыла (СЧОТ) в ходе их выполнения.

Следует отметить, что управление тылом в ходе операции строилось по классической схеме: Центр – военный округ – объединение – соединение – воинская часть – подразделение.

При этом управление тылом заключалось в разработке и осуществлении мероприятий по созданию системы управления тылом, поддержанию высокой боевой готовности, развитию и наращиванию устойчивого и непрерывного ее функционирования, а также быстрого восстановления в ходе операции.

Сложность организации управления тылом в операции состояла в том, что при ее подготовке и проведении необходимо было учесть влияние таких факторов как: внезапность и непредсказуемость действий грузинской стороны; недостаточная степень информированности органов управления тылом о предстоящих задачах; укомплектованность частей и подразделений тыла, а также органов управления тылом всех уровней по штатам мирного времени; физико-географические и климатические условия; недостаток средств управления и значительное снижение их возможностей в условиях горной местности.

Звено: Центр.

Для руководства тыловым обеспечением группировок войск (сил) штабом Тыла ВС РФ была развернута система управления тылом. Она включала оперативную группу (ОГ) управления тылом Центра, органы управления тылом направлений, СКВО, 58 А, 4 А ВВС и ПВО, ЧФ, тыловые пункты управления (пункты) 58 А, 4 А ВВС и ПВО, 19 мсд, 42 мсд, соединений и частей ВДВ, сил специального назначения и других соединений и воинских частей, входящих в состав группировок войск, а также подразделения и воинские части связи и автоматизации.

Работу органов военного управления тыла, в соответствии с характером ведения боевых действий, логично условно разделить на 3 этапа:

1 этап: управление подчиненными соединениями, частями и организациями при подготовке к операции;

2 этап: управление тыловым обеспечением частей, участвующих в операции по принуждению Грузии к миру;

3 этап: управление тыловым обеспечением войск при отводе их на исходные позиции, формирование мотострелковых бригад и постов.

Перед органами управления тыла от Центра до соединения была поставлена триединая задача: выстроить вертикаль управления по стволу ответственности; своевременно осуществлять прогноз развития ситуации по тыловому обеспечению; производить опережающую оценку развития событий.

В ходе первого этапа проводились мероприятия по заблаговременной и непосредственной подготовке тыла.

При этом заблаговременная подготовка тыла к обеспечению соединений и частей в операции включала: выполнение комплекса мероприятий с разработкой всех планов операции и директивных документов применительно к нескольким типовым вариантам обстановки. Предвидя значительный рост объемов задач по тыловому обеспечению, связанный с вероятным увеличением численности российского миротворческого контингента, ограниченностью временных параметров, сложностью географических условий, штабом Тыла ВС РФ был разработан ряд подготовительных мер, по приближению материальных и транспортных ресурсов к потенциальным зонам конфликта.

Штабом Тыла ВС РФ были подготовлены и направлены в СКВО указания начальника ГШ ВС РФ о создании повышенных запасов материальных средств (на 30 суток, в т.ч. войсковые запасы – в воинских частях (подразделениях) на 6 суток, переходящие запасы – на объединенном складе ССПМ и обособленных отделах хранения КСПМ для всей группировки войск (сил) на 24 суток) и формировании комплексной базы материально-технического обеспечения в н.п. Гудаута и объединенного склада в н.п. Джава.

Непосредственная подготовка проводилась в кратчайшие сроки уже в ходе второго этапа. Управление тылом группировок войск (сил) в начале операции осуществлялось с тылового пункта **управления**

СКВО, в дальнейшем, для выполнения триединой задачи, было принято решение о создании ОГ в зонах грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов. В их состав вошли генералы и офицеры штаба и центральных управлений Тыла ВС РФ.

Данная мера позволила сохранить управляемость системы тылового обеспечения особенно в период динамического наращивания состава группировок войск и тыла в зонах конфликта. Работая непосредственно в соединениях и воинских частях, оперативные группы добывали информацию о реальном состоянии войскового тыла; оказывали им практическую помощь; своевременно доводили до Центра сведения об изменениях в обеспеченности войск материальными средствами и транспортными ресурсами.

Анализ деятельности органов управления тыла от Центра до дивизии включительно показал, что все планы применения и обеспечения, боевые расчеты, таблицы срочных донесений оказались забытыми. Буквально каждый расчет потребности в тех или иных материальных средствах пришлось разрабатывать заново, как будто до этого не было никаких наработок, сверок и уточнений документов планирования.

С началом боевых действий боевыми расчетами не был предусмотрен порядок предоставления органами военного управления, СЧОТ отчетно-распорядительных документов. Из всего перечня срочных донесений по установленной форме представлялись: сводка по тылу ЧФ (в ШТ ВС РФ – с 14 августа с.г.), сводка по тылу ГК ВВС (в ШТ ВС РФ – с 8 августа с.г.) и сводка по тылу ВДВ (в ШТ ВС РФ – с 15 августа с.г.). По срокам представления видно, что сводки стали поступать в ШТ ВС РФ с задержкой до семи суток с начала боевых действий.

По своему содержанию сводки имели декларативный характер, и, как правило, являлись инициативной разработкой должностных лиц. При этом необходимая аналитика, основанная на объективных расчетных данных, отсутствовала. Кроме того, в нарушение требований уставных документов большая часть количественных показателей исчислялась не в РСЕ (исключение составляют сводки ВДВ), а в натуральных единицах измерения, что не позволяло оценить соответствие уровня обеспеченности группировок войск установленным нормативам. В сводках, как видно из табл. 1, отрабатывались не все положенные разделы.

Качество и полнота представленных сводок по тылу

Разделы сводки по тылу	ЧФ	ВДВ	ВВС
районы размещения тыла	+	+	+
обеспеченность материальными средствами	+	+	+
данные о подвозе материальных средств	+	+	—
состояние путей подвоза и автотранспорта	+	+	+
данные о техническом обеспечении по службам тыла (выход техники из строя, ремонт и эвакуация техники тыла)	—	+	—
данные по медицинскому обеспечению	—	+	—
потери от воздействия противника	+	+	+
данные о трофеях	—	+	+
выводы о состоянии тыла (степень боеготовности)	—	+	—
заявки на недостающие (необходимые) материально-технические средства	+	—	—

Обмен оперативной информацией между органами военного управления осуществлялся не эффективно, т.к. эти задачи выполняли отдельные должностные лица, а остальной оперативный состав занимался повседневной деятельностью. Затруднен был сбор информации о состоянии и работе баз (складов).

Это негативным образом повлияло на слаженность действий всей вертикали управления тылом, вплоть до войскового звена. Из-за слабо налаженного информационного обмена сведения о реальном положении войск (сил) и их обеспеченности собирались с трудом, информация была откровенно скудной, а зачастую и противоречивой.

Ряд органов военного управления тыла, в том числе входящие в состав ГК СВ, на которые возложена функция обеспечения миротворческой миссии, были исключены из этого процесса.

Система управления тылом не обеспечила выполнение возложенных на нее задач, требуемой устойчивости и оперативности, была слабо адаптирована к работе в рамках межведомственной совместной операции, и в целом оставалась на уровне 80-х годов прошлого столетия. Система связи, в первую очередь ее техническое

состояние, не обеспечила надежность управления тылом сухопутной группировки, и особенно в горных условиях.

Особенностями управления тылом в ходе завершившейся миротворческой операции явилось то, что органы управления действовали в штатах мирного времени, личный состав из отпусков и командировок не вызывался, мероприятия повседневной «мирной» деятельности выполнялись в полном объеме. Офицеры штабов и служб тыла работали по документам мирного времени, не предусматривающего разработку тех документов, которые они должны отрабатывать при проведении операций. С началом конфликта система управления тылом, работающая достаточно оперативно и устойчиво в повседневном режиме, давала некоторые сбои.

Проблемные вопросы и пути решения:

1. Нарушения устойчивости функционирования системы связи. Для обеспечения устойчивости и непрерывности работы системы связи в Тыле ВС РФ предложено создать мобильный узел связи постоянной готовности.

2. Проблемы с организацией связи выявлены в работе центрального пункта управления тылом ВМФ. Предложено штаб тыла ВМФ оборудовать радиотелеграфной аппаратурой и создать абонентский пункт для получения секретной электронной корреспонденции.

3. Одна из проблем имела системный характер и заключалась в том, что части и подразделения тыла, согласно Боевому уставу, не включены в боевой порядок дивизии (бригады, полка). А задачи в боевом приказе ставятся только элементам боевого (походного) порядка. В ходе согласования проекта Боевого устава штаб Тыла ВС РФ обращал на это внимание разработчиков. Ведь боевой порядок – это построение соединений (частей) для ведения боя. А органы войскового тыла организационно входят в штаты этих соединений и воинских частей. Следовательно, должны входить и в боевой порядок. Тем более что в состав оперативного построения тыл входит. Но приводимые доводы учтены не были.

В результате произошла нестыковка теоретических взглядов разработчиков устава с объективной реальностью, в результате чего в войсковом тыле единственным полноценным эшелонном в зоне боевых действий оказался батальонный тыл и тыл дивизионов. Те задачи, которые должны были решать полковой и дивизионный транспорт подвоза, пришлось выполнять окружным автомобильным

батальонам. А задачи окружного транспорта пришлось возложить на автомобильный батальон, переброшенный из Центра.

Чтобы исключить предпосылки к рецидиву негативных примеров, предложено части и подразделения войскового тыла включить в состав боевого порядка, аналогично тому, как соединения и части тыла включены в состав оперативного построения войск. Предложено ходатайствовать о внесении изменений в Боевой устав в части включения подразделений и воинских частей тыла в состав боевого порядка с учетом наличия тыла в оперативном построении объединений и полученного опыта.

4. Не определен порядок перехода органов военного управления на документы военного времени.

С началом применения межвидовых группировок войск в конфликтах любой интенсивности предложено вводить в действие Табель срочных донесений на военное время для всех задействованных подразделений, воинских частей, соединений, объединений и органов управления. При этом предложено предусмотреть появление в составе Тыла ВС РФ органов заказов и поставок, увековечения памяти защитников Отечества, а также подчинения начальнику Тыла ВС РФ – заместителю Министра обороны РФ Железнодорожных войск.

Оперативное звено.

Управлением тыла СКВО непосредственная подготовка операции проводилась фактически в ходе ведения боевых действий, а ранее разработанные планы были реализованы лишь частично.

С началом операции управление тылом действующей группировки войск (сил) строилось в соответствии со схемой организации управления войсками и осуществлялось через штатные органы управления тылом частей и подразделений, а также через оперативные группы тыла (ОГТ), сформированные за счет личного состава Управлений тыла СКВО и 58 А.

Боевыми расчетами не был предусмотрен порядок предоставления органами военного управления, СЧОТ с началом боевых действий отчетно-распорядительных документов.

Наличие неполных и несвоевременно представленных сведений об обеспеченности войск основными видами материальных средств (боеприпасами, горючим, продовольствием), а также отсутствие реальной на определенный момент времени информации об объеме

потребности в их подвозе и состоянии тыла создавали значительные трудности при планировании тылового обеспечения войск (сил) и разработке распорядительных документов.

С учетом того, что стационарная сеть связи в Южной Осетии была выведена из строя ударами авиации и артиллерии грузинской армии, а полевые линии связи не были построены, основу системы связи составляли средства спутниковой и радиосвязи, которые применялись для организации прямых связей.

Управление тылом армии ВВС и ПВО осуществлял начальник тыла – заместитель командующего авиацией и войсками ПВО – с тылового пункта управления. Управление было организовано с использованием сил и средств системы связи ВВС. Оно осуществлялось постановкой задач и отдельными распоряжениями, отдаваемыми лично начальниками своим подчиненным с использованием технических средств связи или через своих представителей. Однако установленный алгоритм работы и органами управления тыла 4 А ВВС и ПВО не выдерживался.

Управление тылом Черноморского флота осуществлялось с повседневного пункта управления. Работа заместителя командующего флотом по тылу в подчиненных СЧОТ по организации выполнения поставленных задач проводилась путем осуществления личного контроля за правильным уяснением, своевременным и точным выполнением отданных распоряжений и оказания необходимой помощи подчиненным. Сбоев в системе управления тылом ЧФ не выявлено.

В итоге, со стороны оперативного тыла, в первую очередь, управлений тыла СКВО и 58 А, организаторская деятельность по обеспечению выдвижения и развертывания окружных и армейских воинских частей, а также войск, прибывающих в состав создаваемой межвидовой группировки из других регионов, не осуществлялась.

На третьем этапе система управления тыловым обеспечением в зоне конфликта представляла собой следующую структуру уровней органов управления: ОГ тыла СКВО – ОГ тыла 58 А – НТ соединений – НТ частей и подразделений – посты (рис. 2).

Проверка штабом Тыла ВС РФ показала, что данная структура оказалась недееспособна.

Все указания и распоряжения начальника тыла и начальников служб тыла СКВО дальше армейского звена не уходили. Войсковое

Рис. 2. Уровни органов управления в оперативном звене

звено вообще выпало из процесса управления. Сложилась ситуация, при которой информация «сверху» до «низа» не доходит, а «низ», в свою очередь, не может достигать до «верха».

В ходе проверки комиссией штаба Тыла ВС РФ войск, находящихся в зонах грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов, восстановлена вертикаль управления тыловым обеспечением, которая заключалась в создании единой оперативной группы тыла во главе с начальником тыла 58 А (в зоне грузино-осетинского конфликта), с подчинением ему офицеров оперативных групп служб тыла округа, а также начальников складов.

Основная масса недостатков была допущена не по причине отсутствия ресурсов, а из-за неорганизованности конкретных должностных лиц.

Проблемные вопросы и пути решения:

1. Нарушения устойчивости функционирования системы связи тыла СКВО. Предложено восстановить узел связи ТПУ 58 А в целях его поддержания в постоянной боевой готовности.

2. Значительные проблемы в работе ОУТ создавало практически полное отсутствие связи. Средства, предназначенные для работы заместителей командиров СЧОТ, отсутствовали или не работали. Средства связи, обеспечивающие боевую работу заместителей командиров подразделений по тылу, не были предусмотрены штатами, причем как между самими органами управления тыловым обеспечением всех звеньев, так и с подчиненными силами и средствами, особенно в ходе выдвижения войск в горно-лесистой местности. В связи с этим ежесуточные сбор, обобщение и анализ тактической и тыловой обстановки были фактически парализованы.

Документы от управления тыла на пункте управления оперативной группы СКВО своевременно не велись. Сводки в звеньях «соединение – воинская часть» отрабатывались несвоевременно и необъективно, а звено «подразделение» практически было исключено из этой работы.

Принимая во внимание перспективу перехода ВС РФ на бригадную структуру, было предложено разработать структуру и состав бригадного тыла, с учетом реорганизации батальонного звена, а также окружного тыла, способного одновременно обеспечивать соединения и воинские части окружного комплекта, на модульной основе формировать на операционных направлениях максимально приближенные к обеспечиваемым межвидовым группировкам войск необходимые группировки тыла.

Войсковое звено.

Выполнение боевых задач осуществлялось батальонными тактическими группами (БТГр). При этом у начальников тыла батальонов, на которых в войсковом звене легла основанная нагрузка, отсутствовали штатные средства управления и связи, что в значительной степени затрудняло оперативный обмен информацией с вышестоящим штабом и доводящим органом. Опыт предыдущих «чеченских компаний», а также проведения операции на территории Республики Дагестан свидетельствуют о том, что такая форма ведения боевых действий является характерной для рассматриваемых условий, и, следовательно, с учетом этого фактора в дальнейшем предложено обеспечивать подразделения тыла соответствующими средствами управления.

Вместе с тем, в зону конфликта были выдвинуты органы военного управления тыла полков и дивизий, которые, не имея в подчинении сил и средств, только затрудняли процесс управления, превратившись в избыточные промежуточные звенья в системе управления.

Наличие неполных и несвоевременно представленных данных об обеспеченности войск основными видами материальных средств (боеприпасами, горючим, продовольствием), а также отсутствие реальной на каждый момент времени информации об объеме их подвоза и состоянии тыла создавали значительные трудности при планировании тылового обеспечения и передаче распорядительных документов в войска.

В ходе создания группировок войск на направлениях марш совершали практически все воинские части и подразделения.

Наибольшая нагрузка выпала на подразделения 42 мсд, совершившие марш протяженностью более 200 км за 15 часов и 136 омсбр – соответственно 680 км за 48 часов, которые после марша сходу были введены в бой.

Хорошую выучку при совершении марша в район конфликта продемонстрировали воинские части ВДВ.

Ряд воинских частей постоянной готовности с началом боевых действий был направлен в районы боевого предназначения без штатных тыловых подразделений. Вместе с тем, в зону конфликта были выдвинуты органы военного управления тыла полков, дивизий. Но, не имея в подчинении сил и средств, они не могли повлиять на своевременность и качество обеспечивающего процесса. Таким образом, вышеупомянутые органы управления тылом превратились также в избыточные промежуточные звенья в системе управления.

Допускались сверхнормативные разрывы между боевыми и тыловыми подразделениями, которые следовали не единым походным порядком. К примеру, при вводе в бой 71 мсп 42 мсд, 693 мсп 19 мсд удаление батальонных тылов достигало 15 км, а в отдельных случаях и более (при нормативе не более 3-х км). В конечном итоге упущения, прежде всего управленческого характера, выливались в задержки с дозаправкой боевой техники, с приготовлением горячей пищи, со своевременной доставкой бутылированной воды и т.д.

В условиях неустойчивой связи (а зачастую отсутствия связи) было затрачено значительное количество времени на передачу боевых приказов и распоряжений от старших начальников до БТГр. Как следствие – принятие решения и постановку боевых задач командиры БТГр осуществляли в условиях жесткого лимита времени. Организация взаимодействия с частями и подразделениями (в том числе и других видов и родов войск) не проводилась. Все вопросы решались командирами подразделений в ходе выполнения боевых задач (с соседями, действующими на одном направлении, взаимодействие организовывалось только при личном общении).

Принятие решения и управление подразделениями затрудняло отсутствие на начальном этапе (в последующем недостаточное

количество) карт районов боевых действий. При этом устаревшие карты издания 1987 г. не всегда соответствовали современной действительности. Командиры остро нуждались в крупномасштабных картах, планах городов, аэрофотоснимках основных военных объектов и важных промышленных узлов.

В звене батальон – полк – дивизия отсутствовали машины управления со средствами автоматизации. Отсутствовала автоматизация системы связи, как следствие, ее высокая инерционность, низкая мобильность и невозможность постоянно соответствовать быстро меняющейся структуре управления (фактическая необходимость обеспечивать связь военного округа (армии) с БТГр, ротами на отдельных направлениях, т.е. через две, три инстанции).

Средства связи оказались не защищены от радиоэлектронного подавления противником. В условиях отсутствия связи управление подразделениями зачастую осуществлялось с использованием мобильных телефонов, захваченных у военнослужащих Грузии.

На вооружении находились громоздкие, устаревшие и ненадежные средства связи (и те в недостаточном количестве), которые оказались не способны обеспечить связь в горных условиях местности. Традиционный способ развертывания абонентской сети (кабельными линиями) не соответствовал современным требованиям системы управления.

Проблемные вопросы и пути решения:

1. Отсутствие в подразделениях тыла средств управления и связи.

С учетом расширения практики применения в современных условиях батальонных тактических групп предложено включить в состав батальонного тыла силы и средства, позволяющие в максимально допустимой степени обеспечить его автономность. При этом предусмотреть в штате подразделений тыла наличие разработанной и принятой на вооружение командно-штабной машины нового поколения КШМ-142Т, которая должна стать для начальника тыла и начальников служб и пунктом и средством управления.

2. Низкий уровень подготовки должностных лиц тыла. Основной причиной явился упрощенческий подход при проведении мероприятий боевой подготовки. Подразделения обеспечения выходят в районы учений заблаговременно, действуют в повседневном ритме, в напряжении их никто не держит. Когда же обстановка развивается динамично и непредсказуемо, они оказываются не готовыми к выполнению задач в сложных условиях.

В ходе планирования мероприятий по боевой подготовке частей и подразделений тыла предложено учесть анализ и обобщение полученного опыта. Исключить упрощенческий подход при проведении тактико-специальных (специальных) занятий и учений.

3. Отсутствие (недостаточное количество) карт районов боевых действий у заместителей командиров по тылу, командиров СЧОТ. Предложено решить вопрос обеспечения частей и подразделений тыла центрального и окружного подчинения картами соответствующих районов через штаб тыла СКВО.

Несмотря на сложную и противоречивую обстановку в зоне грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, действующая система управления тылом и система тылового обеспечения в целом задачи по удовлетворению потребностей группировок войск выполнила.

В.В. Незговорова (Санкт-Петербург)

**О ЮБИЛЕЙНОМ ГЕОРГИЕВСКОМ ЗНАМЕНИ
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ)**

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ Саперный батальон был сформирован по Высочайшему указу от 27 декабря 1812 г. Это была первая отдельная гвардейская инженерная воинская часть. Гвардейские саперы верой и правдой служили Отечеству и пяти императорам. Александр I был их основателем, а его преемники при воцарении неизменно принимали звание шефа батальона.

За более чем столетнюю историю батальону были пожалованы три знамени. «При формировании своем, батальон не получил знамени <...> В 1824 г. февраля 17-го, по ходатайству Великого князя Николая Павловича, он удостоился получить собственное знамя при особой высочайшей грамоте...»¹. Знамя было освящено 29 февраля того же года в Инженерном замке. По окончании церемонии, генерал-инспектор инженеров Великий князь Николай Павлович, поздравляя батальон, сказал «Государь Император надеется, что вы это знамя при первом случае променяете на Георгиевское»².

Георгиевское знамя батальон получил за отличие при осаде и взятии Варны в 1828 г. Крепость сдалась 29 сентября. «30 сентября <...> после молебствия, Государь, объезжая войска, подошел к гвардейским саперам, батальон опустил знамя, августейший шеф сам привязал к знамени Георгиевский крест, говоря: «Вы это заслужили. Мне приятно, что не забыли вы слов покойного государя, когда дано было вам это знамя, что при первом случае променяете его на Георгиевское, – осада Варны оправдала мои ожидания <...> Поздравляю вас с Георгиевским знаменем. Вы мне, старому своему

товарищу, дали этим прекрасный праздник!»³. Новое георгиевское знамя с надписью «За отличие при осаде и взятии Варны 1828 года» было получено батальоном в 1829 г.

27 декабря 1912 г. праздновалось 100-летие гвардейских саперов. Подготовка к торжеству началась задолго до юбилея: первые отчеты Юбилейного комитета о сборе и расходовании средств датируются 1901 г.⁴ Председателем комитета был избран граф Николай Эдуардович Тотлебен (1873–1945)⁵, сын знаменитого военного инженера Эдуарда Ивановича Тотлебена, генерал-адъютанта, героя Севастополя и Плевны. Важным моментом подготовки к юбилейным торжествам было утверждение императором Николаем II проекта юбилейного Георгиевского знамени батальона.

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится темно-зеленая кожаная папка с пятью наклеенными на картонные листы акварельными рисунками. В учетной документации музея рисунки записаны как «Проекты изготовления юбилейного знамени лейб-гвардии Саперного батальона. 1912 г.». На рисунках изображены три знамени.

1) Знамя образца 1900 г., лицевая и оборотная стороны. Цвет полотнища коричневый, кайма красная, металлическое шитье серебряное. На оборотной стороне, ниже вензеля императора, нашита Андреевская лента с юбилейными датами «1812–1912». Древко с Георгиевским навершием образца 1875 г. и юбилейными Андреевскими лентами. Особые юбилейные орденские ленты на Георгиевские знамена для частей, просуществовавших непрерывно 100 и более лет, были установлены в 1838 г., для гвардии – Андреевские (голубые)⁶. Андреевскую ленту с юбилейными датами на оборотной стороне гвардейских Георгиевских знамен сталишивать с 1883 г. С введением в 1900 г. нового образца, полотнища стали цельноткаными, более легкими, прочными и дешевыми, но зато на них стало невозможным изображать надписи отличий Георгиевских знамен. Юбилейные даты сохранились только на коротких отрезках голубых Андреевских лент⁷.

2) Знамя образца 1900 г., лицевая и оборотная стороны. Цвет полотнища черный, кайма красная, металлическое шитье серебряное. Ленты и навершие такие же, как на рисунке предыдущего знамени.

Первый и второй проекты юбилейного Георгиевского знамени отличаются только цветом полотнищ. С 1883 г. цвет полотнищ знамен в гвардии соответствовал цвету приборного сукна (воротник, обшлага, погоны). Кайма была красной, металлическое шитье – цвета металлического прибора (пуговицы, шитье на воротнике, петлицы и т.п.). Приборный цвет гвардейских сапер – черный, следовательно, «правильным» является второй рисунок. Коричневый цвет полотнища вызывает вопрос, на который непросто ответить. Этот цвет не принадлежал гвардейским саперам. Коричневым было приборное сукно армейских саперных батальонов.

3) Третий проект знамени отражает желание чинов батальона иметь юбилейное знамя особого образца, на которое была бы нанесена надпись отличия: это рисунок лицевой стороны знамени по образцу первого знамени, пожалованного гвардейским саперам в 1824 г.: крест желтый, углы белые, с черными полосками по шву креста и углов. Проект отличается от знамени 1824 г. тем, что в нижней части центрального медальона помещена Андреевская лента с датами «1812–

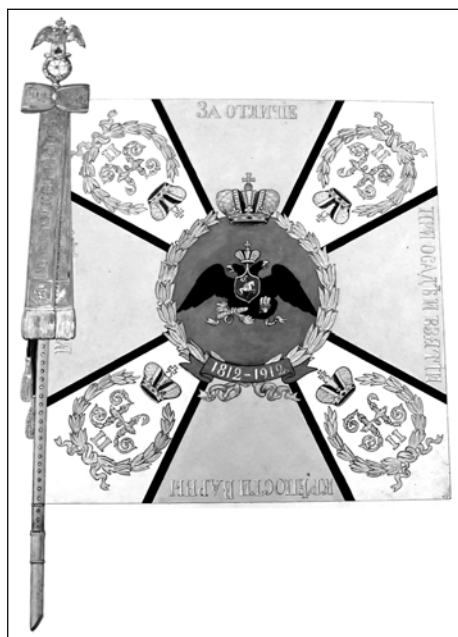

Рис. 1

1912», по углам – вензеля Николая II, по краю полотнища – надпись отличия, как на Георгиевском знамени: «За отличие / при осаде и взятии / крепости Варны / в 1828 году» (рис. 1). Представляя для утверждения такой проект, офицеры и командир батальона, скорее всего, были вдохновлены примером Гвардейского экипажа, которому в 1910 г., к двухсотлетию юбилею, было пожаловано Георгиевское юбилейное знамя особого образца: размеры знамени образца 1900 г.,

расцветка и деление знамени образца 1813 г. Полотнище желтое, центральный медальон с вензелем императора Николая II – оранжевый, двуглавые орлы в углах знамени черного шелка, шитье золотое. Под центральным медальоном нашита Андреевская лента с датами: «1710–1810–1910».

В архиве ВИМАИВиВС хранится «Опись имущества музея лейб-гвардии саперного батальона, составленная при консультации Г.С. Габаева»⁸. Консультации по атрибуции и истории предметов бывшего полкового музея Георгий Соломонович Габаев мог давать во время краткой своей работы в Военно-исторической секции Петроградского отдела музеев, с весны 1921 г. до мая 1926 г., то есть до очередного ареста и последовавшей за ним высылки в район Усть-Сысольска (нынешнего Сыктывкара)⁹.

В «Описи» содержатся дополнительные сведения о проектах знамени, в частности указано, что рисунки выполнены художником Н. В. Зарецким¹⁰. Николай Васильевич Зарецкий (1876–1959 г.) – автор серии рисунков к альбому «Русская армия в 1812 году» (СПб., 1912 г.), иллюстраций к книге Г.С. Габаева «Роспись русским полкам 1812 г.» (Киев, 1912 г.). Н.В. Зарецкий является также автором эмблемы музея лейб-гвардии саперного батальона, которую он выполнил в начале 1908 г.¹¹

Далее в «Описи» указано, что знамя «с простым крестом применительно к образцу 1824 года» «испрашивалось на утверждение через Великого князя Николая Николаевича, но отказано 15 апреля 1911 г., о чем бумага от 19 апреля № 1015». Черное знамя предназначалось «на случай не утверждения желтого», оно и было позднее утверждено¹². Из этого комментария следует, что возможность утверждения проекта коричневого знамени с самого начала всерьез не рассматривалась.

Указанная «бумага» об отказе в утверждении знамени особого образца хранится в фондах ВИМАИВиВС. Это уведомление следующего содержания: «По всеподданнейшему докладу Военным Министром ходатайства Временно-Командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, по представлению Командира Л. Гв. Саперного батальона, о том, чтобы при предстоящем изготовлении для батальона юбилейного знамени полотнища его были сделаны по рисунку знамени, пожалованного батальону в 1824 г., ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, в 15-й день сего Апреля, благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ повелеть ходатайство это отклонить».

Уведомление отправлено 19 апреля 1911 г. за № 1015 из Технического комитета Главного интендантского управления Министерства обороны в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа, а оттуда – командиру лейб-гвардии саперного батальона.

В музее хранится цветная копия «Высочайше утвержденного» 24 сентября 1911 г. проекта знамени образца 1900 г., цвет полотна черный. Копия выполнена «с оригинала Интендантского музея» (рис. 2)¹³.

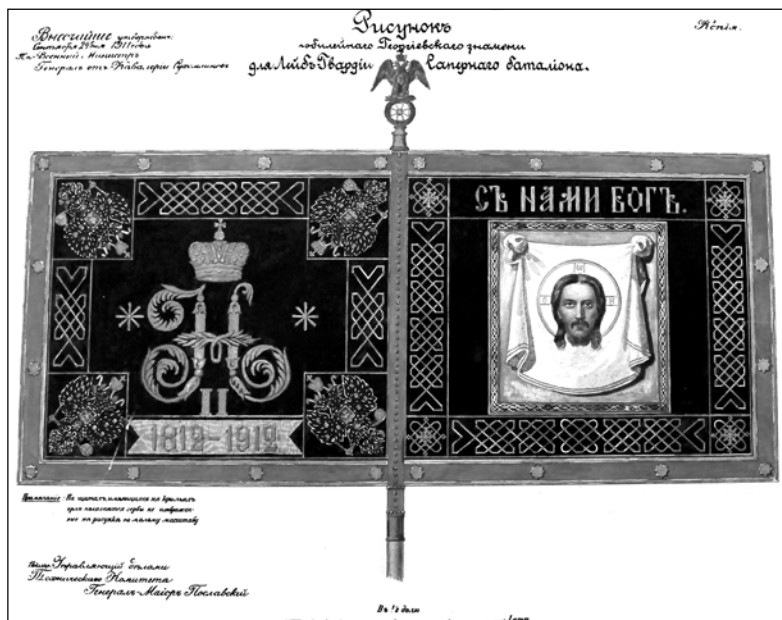

Рис. 2

Накануне празднования 100-летия лейб-гвардии саперного батальона, 26 декабря 1912 г. в Большом царскосельском дворце состоялась прибавка юбилейного Георгиевского знамени. Репортаж об этом событии опубликован в газете «Русский инвалид». К 4 часам дня на церемонию прибыли высокие гости, в том числе числившиеся в списках батальона великие князья Борис Владимирович и Петр Николаевич, генерал-адъютанты, генералы Свиты, среди которых – бывшие командиры батальона Николай Эдгарович Прескотт (26.08.1897–04.12.1901) и Николай Васильевич

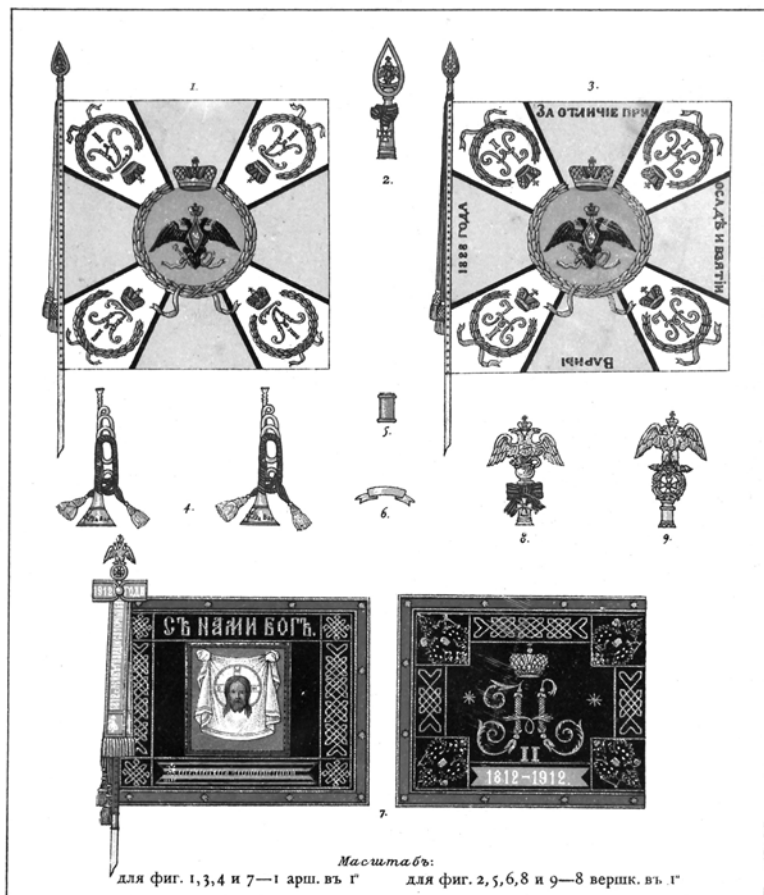
Добровольский (08.02.1906–22.03.1911). Вокруг стола, на котором лежало новое знамя, выстроились все офицеры лейб-гвардии Саперного батальона с командиром генерал-майором Борисом Александровичем Подымовым, все фельдфебели и подпрапорщики батальона, а также представители от всех рот батальона – унтер-офицеры и саперы. В 4 ч. 30 мин. прибыл император Николай II, он был в мундире лейб-гвардии саперного батальона, с Андреевской лентой. Новое знамя лежало на столе, слегка прикрепленное к древку гвоздями. «Осенив себя крестным знаменем, Его Величество вбил первый гвоздь; следующие гвозди вбили Августейшие саперы Великие князя Борис Владимирович и Петр Николаевич, генерал от инфантерии Газенкамф, генерал-лейтенант Безобразов, генерал-адъютант Прескотт, Свиты Его Величества генерал-майор Добровольский, командир, все офицеры, подпрапорщики и нижние чины – представители всех рот лейб-гвардии саперного батальона. По окончании прибавки Государь Император собственноручно повязал на знамя юбилейную Андреевскую ленту и вручил знамя подпрапорщику-знаменщику; в предшествовании батальонного адъютанта знамя было вынесено из зала»¹⁴.

В день столетия батальона, 27 декабря 1912 г., в присутствии императора, командиром батальона была зачитана грамота о пожаловании знамени, состоялось его освящение и парад. Отмечалось также, что «Его Величество соизволил принять в день юбилея батальона печатные труды капитана лейб-гвардии Саперного батальона Габаева по истории батальона; первый том «Истории лейб-гвардии Саперного батальона» и очерк по истории батальона для нижних чинов»¹⁵.

К юбилейной дате в известной петербургской типографии Н. Кадушина была отпечатана хромолитография «Знаки отличия Лейб-гвардии Саперного батальона» (составитель – Г.С. Габаев¹⁶) (рис. 3). Изображенное юбилейное Георгиевское знамя черное, со знаками отличия, отсутствующими на утвержденном в 1911 г. проекте: Георгиевской лентой с кистями и нашитой широкой Георгиевской лентой с надписью отличия, за которое оно пожаловано.

Георгиевские ленты на знамена и штандарты для полков, «которые имеют уже все установленные в награду за военные подвиги знаки отличия», были установлены как новое высшее отличие в 1878 г.¹⁷ Но с установлением нового образца знамен в 1883 г. они были отменены. «В начале июня 1912 г. повелено было восстановить на

Знаки отличія Лейбъ-Гвардіи Спернаго баталіона.

1) Простое знамя 1824 г.—2) Навершие знамени 1824 г. съ Георгиевскимъ крестомъ, прикрьплен. собственноручно ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I подъ Варною 29-го сентября 1828 г.—3) Георгиевское знамя 1828 г.—4) 2 Георгиевскія серебряныя трубы 1831 г.—5) Скоба на знамя, пожалованная въ 1838 г.—6) Знаки за отличіе, пожалованные 1878 г.—7) Юбилейное Георгиевское знамя 1912 г.—8) Навершие на знамя 1828 г., установленное въ 1830 г.—9) Такое-же навершие, установленное въ 1875 г.

Рис. 3

Георгиевских знаменах их традиционные отличия, т.е. Георгиевскую ленту с серебряными кистями на знаменах образца 1883, 1897 и 1900 г., а надписи отличия на цельнотканых знаменах образца 1900 г. нашивать на широкой Георгиевской ленте под иконой»¹⁸. Эти отличия юбилейного Георгиевского знамени указаны и в вышеприведенном репортаже газеты «Русский инвалид». Там же дано подробное описание знамени, в котором цвет полотнища назван коричневым¹⁹. В том, что это ошибка, убеждают вышеприведенные сведения архивной описи и изображения знамени. В дополнение можно привести описание данного знамени В.В. Звегинцовым в его труде «Знамена и штандарты русской армии (XVI в. – 1914 г.) и морские флаги»: «Полотнище черное, кайма алая, шитье серебряное»²⁰. На фотографии лицевой стороны знамени, опубликованной в книге В.Л. Минера «Боевые знамена России» цвет полотнища также черный²¹.

Юбилейное Георгиевское знамя находилось в батальоне. В 1917 г. оно было отправлено «с фронта в полковой музей по постановлению полкового комитета. Корона на навершии во время революции была обернута красной материей». При отправке в музей древко было распилено. Грамота не сохранилась²². Знамя было сохранено, несомненно, благодаря Г.С. Габаеву, избранному в марте 1917 г. председателем полкового комитета Гвардейского саперного полка (3 февраля 1916 г. батальон развернут в лейб-гвардии Саперный полк), а затем по просьбе делегации от солдат полка назначенному в июле 1917 г. командующим полка. При введении выборного начала в декабре 1917 г. Г.С. Габаев переизбран командиром полка и оставался в этой должности до расформирования полка в 1918 г.²³

Дальнейшая судьба знамени, как и судьба коллекций полковых музеев вообще, не была простой. После прихода к власти большевиков работа по сохранению имущества полковых музеев проводилась сотрудниками функционировавшей в 1918–1919 гг. в Петрограде Организации охраны и перенесения полковых музеев в Государственные хранилища²⁴. «Таким «хранилищем» тогда стал опустевший после эвакуации Артиллерийский исторический музей, в собрание которого впоследствии и влилось большинство полковых коллекций»²⁵. Юбилейное Георгиевское знамя лейб-гвардии саперного батальона хранилось в Артиллерийском историческом музее. В 1948 г. передано в Государственный Эрмитаж, как и остальные знамена бывшего знаменного отдела АИМ. В ВИМАИВиВС

сохранился карточный каталог переданных знамен. Карточки составлены в 1939 г. Описание юбилейного знамени соответствует утвержденному в 1911 г. проекту с добавленными в 1912 г. новыми знаками отличия: Георгиевской лентой с кистями и нашитой широкой Георгиевской лентой с надписью отличия. В графе «Состояние предмета» указано, что древко укорочено (спилено), из верхней выломан покрытый белой эмалью Георгиевский крест²⁶.

Проекты юбилейного Георгиевского знамени лейб-гвардии саперного батальона, подлинное уведомление об отклонении одного из проектов, сведения архивной описи бывшего полкового музея являются ценными источниками, существенно дополняющими историю этой реликвии.

---

¹ Волькенштейн А., Случевский К. История лейб-гвардии саперного батальона 1812–1876 с кратким обзором участия лейб-гвардии саперного батальона в русско-турецкой войне 1877–1878. СПб., 1879. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 68–69.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Ед. хр. 178. Ведомость о движении сумм Юбилейного комитета Лейб-гвардии саперного батальона (1901–1912 гг.).

⁵ Н.Э. Тотлебен образование получил во 2 кадетском корпусе и Николаевском инженерном училище. Подпоручик гвардии с 4.08.1892, поручик с 8.08.1898, штабс-капитан с 7.08.1901, флигель-адъютант с 28.11.1902, капитан с 7.08.1905, полковник с 2.06.1913 (Список полковникам по старшинству. Составлен на 1 марта 1914 г. СПб., 1914. С. 1344).

⁶ Вилинбахов Г.В. Русские знамена. Очерки. СПб., 2005. С. 82.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1.

⁹ Автократов В.Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Табаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 2. С. 62, 67.

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1. Л. 81.

¹¹ Там же. Оп. 96/2А. Ед. хр. 48. Л. 32.

¹² Там же. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1. Л. 82.

¹³ Там же. Л. 81.

¹⁴ Русский инвалид. 1912. № 283. С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Вилинбахов Г.В. Русские знамена... С. 96.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1. Л. 82.

¹⁸ Вилинбахов Г.В. Русские знамена... С. 104.

¹⁹ Русский инвалид. 1912. № 283. С. 3.

²⁰ Звегинцов В.В. Знамена и штандарты русской армии (XVI в. – 1914 г.) и морские флаги. М., 2008. С. 106, 246.

²¹ Минер В.Л. Боевые знамена России. М., 2006. С. 160.

²² АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1. Л. 15.

²³ Автократов В.Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста... С. 68–69.

²⁴ См.: Баженов С.В. Перенесение коллекций войсковых музеев в государственные хранилища (январь – май 1918 г.) // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. V. 1990. С. 196–211.

²⁵ Баженов С.В. Перенесение коллекций войсковых музеев... С. 198.

²⁶ К сожалению, подобный вандализм не был редкостью. Так, оказался утраченным и Георгиевский крест, собственноручно привязанный к первому знамени батальона императором Николаем I в 1828 г. В архивной «Описи имущества бывшего музея лейб-гвардии саперного батальона указано, что «крест взят при обыске в 1922 г.» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Ед. хр. 1. Л. 8 об.).

Е.И. Нератова (Санкт-Петербург)

К БИОГРАФИИ КОМАНДИРА ИЖЕВСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА И.А. НЕРАТОВА. СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МНЕ ПОВЕЗЛО родиться в семье, в которой не забывали о своем прошлом, хотя, конечно, и не помнили его в деталях. Со времени моего детства мне неоднократно довелось убедиться, что воспоминаниям и рассказам бабушек и дедушек стоит верить. Все они находят подтверждения, если поискать сведения в соответствующих архивах.

Отправляясь на фронт 8-го июля 1941 г., мой дед (А.А. Нератов) оставил своему сыну (моему отцу) записку с перечислением ближайших предков и следующими словами напутствия: «Моему сыну Ивану Анатольевичу Нератову от отца его Анатолия Александровича Нератова оставляю этот список и Благославляю». Среди перечисленных в том списке предков значился Иван Александрович Нератов – генерал-лейтенант, командир Ижевского оружейного завода.

Семейные байки рассказывали также, с кем была в родстве и с кем водила знакомство семья генерал-лейтенанта, что для моего детского тогда восприятия казалось почти сказкой. Помимо привычных мне с детства фамилий (Великопольские, Болховские, Молоствовы), которые далеко не у всех «на слуху», в этой сказке были Пушкины, Толстые, Чайковские. Здесь было даже дальше, почти мифическое, родство с Кутузовыми и довольно близкое с семьей математика Лобачевского. Известно, что в имени хранился в дореволюционную пору портрет генерала, но что стало с ним после 1917 г. – покрыто тайной.

Естественно, мне всегда хотелось больше узнать об истории своей семьи и о знаменитом для меня генерал-лейтенанте Нератове.

И судьбе было угодно мне помочь. С тех пор мне довелось непосредственно познакомиться с рядом документов в РГВИА, РГАДА и ВИМАИВиВС, касающихся моего пращура, а также получить копию одного документа из ЦГАУР¹.

Итак, Иван Александрович родился 22 августа 1774 г. Тринадцатилет был зачислен во 2-й Фузилерный полк капралом, через год стал фурьером, еще через два года – сержантом, наконец (через четыре года) – штык-юнкером. Именно в чине штык-юнкера, в возрасте 21 года он вступил в реальную службу².

За годы своей службы И.А. Нератову довелось участвовать в военных действиях на Кавказе во время трех войн: 2-го Персидского похода, Русско-Персидской войны 1804–1813 гг. и Русско-Турецкой войны 1806–1812 гг.

В апреле 1796 г. Нератов был отправлен на Кавказ и стал участником Персидского похода, объявленного Россией в ответ на вторжение персидских войск в 1795 г. в Каргли-Кахетинское царство. В мае 1796 г. он был при осаде и взятии г. Дербента. После взятия Дербента и до начала 1797 г. И.А. Нератов участвовал в походе русских сил до реки Куры и в сражениях при покорении разных персидских городов³. За время кампании он получил чин подпоручика (за отличие при взятии Дербента)⁴, а по ее окончании – поручика и в январе 1797 г. поступил на службу в 11-й Артиллерийский батальон (1797 г.), позже наименованный полком генерал-майора Булыгина (1800 г.), но вскоре переименованный в 6-ой полк (1800 г.), а через год вновь названный 11-м Артиллерийским батальоном (1801 г.). В 1803 г., в соответствии с Высочайшим приказом, из батальонов были составлены полки, и 11-й батальон поступил в 7-ой Артиллерийский полк⁵. В составе этого полка И.А. Нератов участвует в Русско-Персидской войне 1804–1813 гг. В декабре 1804 – январе 1805 гг. он находится в походе за Кубанью «для возвращения ушедших туда ногайцев и абадзехов» (абазин). А в 1806 г. в связи с экспедицией генерала С.А. Булгакова воюет на Восточном Кавказе – в Дагестане и Северном Азербайджане (участвует в покорении Дербента, Кубы, Баку)⁶. За эти «персидские труды» И.А. Нератов был Всемиловнейше пожалован шпагой с орденом Св. Анны 3-й степени⁷. Во время этого похода 7-й Артиллерийский полк был очередной раз переименован. С 23 августа 1806 г. он стал называться Кавказской Артиллерийской бригадой. К концу 1806 г. И.А. Нератов получил чин капитана, а спустя всего две недели – майора⁸.

В 1807 г. Кавказская Артиллерийская (с 22 февраля 1807 г. – 19-я Артиллерийская) бригада участвовала в Чеченской экспедиции в сражениях: 14 февраля 1807 г. под Ханкалой⁹, 17 февраля при ее штурме¹⁰ и 2 марта в сражении у аула Атаги, за что майор И.А. Нератов награжден был годовым жалованьем¹¹.

С 16 июня 1809 г. 19-я Артиллерийская бригада в отряде войск генерал-майора Ивана Давыдовича Панчулидзева 1-го назначена была для занятия турецкой крепости Анапы. 17 июня она участвовала во взятии Анапы, а 19 и 22 июня в сражениях с черкесами; 19-го – при разбитии 9-тысячного¹² (по другим данным: 12-тысячного¹³) корпуса под командою анапского паши, за что И.А. Нератов был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». 22-го июня 1809 г. – при разбитии 5-тысячного корпуса. В июле и августе того же года И.А. Нератов участвовал в сражениях с черкесами (западными адыгами), в которых командовал всею находившеюся там артиллерией. И за участие в сражении 20 июля был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Неоднократно также в ходе сей кампании ему объявлялись Высочайшие благоволения («за отличную храбрость и искусство, оказанное в сражении против черкесов» 11 июля и 19 сентября 1810 г.)¹⁴.

С 20 декабря 1810 г. по 6 января 1811 г. И.А. Нератов в составе Артиллерийской бригады был в экспедиции для занятия турецкой крепости Суджук-Кале, 21 декабря – участвовал в сражении с черкесами в ущелье на пути к Суджук-Кале, 22-го – в разбитии многочисленного натухайского отряда (группа адыгов) и занятии Суджук-Кале, за что был награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁵ (в указе об отставке генерал-лейтенанту Нератову ошибочно указано награждение его за взятие Суджук-Кале орденом Св. Анны 3-й степени¹⁶).

С 11 января по 24 февраля 1811 г. И.А. Нератов был в экспедиции по покорению натухайцев и большей части шапсугов (группы адыгов), над которыми в сражении при реках Хабль и Шепси была одержана «совершенная победа»¹⁷. В ходе этой экспедиции (9 февраля 1811 г.) И.А. Нератову было присвоено звание подполковника, и он был назначен командиром 19-ой Артиллерийской бригады¹⁸, а за отличие в сражении в мае того же года произведен в полковники¹⁹.

26 января 1812 г. полковник И.А. Нератов (в ряде документов фигурирует как Нератов 2-й, в отличие от Д.А. Нератова, именуемого

также Нератовым 1-м) был переведен командиром в 10-ю резервную Артиллерийскую бригаду 44-й Батарейной роты²⁰ (с 1814 г. – 47-й), а с 1816 г. стал командиром 13-й Бригады, к которой была присоединена Батарейная рота²¹. В 1817 г. И.А. Нератов становится генерал-майором, и его переводят начальником Артиллерии в Отдельный Оренбургский корпус, а в 1819 г. назначают начальником Артиллерии 7-го пехотного корпуса. В 1821 г. И.А. Нератов получает орден Св. Георгия 4-го класса, в 1826 г. – Св. Владимира 3-й степени²².

Начиная с 1812 г., И.А. Нератов, помимо своих основных обязанностей офицера-артиллериста, имел многочисленные поручения административного характера. Так, в 1812 г. он руководил в Нижнем Новгороде депо для содержания запасных артиллерийских лошадей, на случай военных действий, а также заведовал учреждавшимся в Нижнем Новгороде и в Костроме рекрутским резервом. В 1813 г. сформировал двенадцать расформированных и расстроенных в результате Отечественной войны 1812 г. артиллерийских рот. В 1818 г. вместе с прочими чиновниками находился при исследовании беспорядков, неустройства и недостатка соли в крепости Илецкая Защита Оренбургской губ., а в 1819 г. занимался вопросами о починке и перестройке в Оренбурге Гостиного и Зауральского Менового Дворов. В 1821 г. обследовал причины больших пожаров, случившихся в г. Уральске. В 1824 г. И.А. Нератову было поручено рассмотреть «нужно ли в Оренбурге строить деревянный цейхгауз и два деревянных на каменном основании сарая, а также освидетельствовать в Казанском Пороховом заводе строения», требовавшие строительства, либо починки. В 1825 г. вместе с созданной по распоряжению Министра Финансов Комиссией находился на Горных Уральских заводах для осмотра отливки и окончательной отделки артиллерийских снарядов. В 1826 г. был командирован в г. Казань для обследования на месте некоторых противозаконных действий командира Казанского Порохового завода генерал-майора Рейслена, потом был командирован туда же для исследования причины «отчего слаб в силе выделанный в Казанском заводе порох»²³.

3 апреля 1827 г. генерал-майор И.А. Нератов Высочайшим приказом был назначен командиром Казанского Порохового завода. Через год (19 апреля 1828 г.) был переведен на Ижевский Оружейный завод, с утверждением командиром одного и 23 октября 1828 г.

вступил в управление заводом²⁴. В 1830 г. Нератова награждают орденом Св. Анны 1-й степени. А в 1833 г. ему уже на посту руководителя завода присваивают чин генерал-лейтенанта. За годы руководства заводом он получил два знака отличия беспорочной службы (за 40 лет и за 45 лет), а также еще два ордена: Св. Владимира 2-й степени (1837) и Белого Орла (1844)²⁵.

Работа, судя по лаконичным реляциям, на заводе была поставлена неплохо. От Артиллерийского Департамента в 1828 г. была выражена благодарность И.А. Нератову «за выгодную покупку для Казанского Порохового завода лошадей и за уменьшение через изысканные средства цены по приготовлению на Ижевском Оружейном заводе лафетной оковки». В 1845 г. приказом по Артиллерии от 31-го декабря за № 197 И.А. Нератову была объявлена благодарность «за совершенно удовлетворительное устройство по всем частям Ижевского Оружейного завода»²⁶.

17 ноября 1846 г. генерал-лейтенант Иван Александрович Нератов вышел в отставку²⁷ и поселился в своем имении Уратьма (Поповка) в Чистопольском уезде Казанской губ. Согласно семейному преданию, уходя с завода в отставку, Иван Александрович получил в дар дюжину пушек разного калибра по числу двенадцатых праздников. На стволах отлиты были дарственные надписи. Эти пушки были увезены им в свое имение, где из них и палили по праздникам. Мой дед видел эти пушки в своем детстве.

Однако село Уратьма (Поповка тож) не было родовым. Прежде оно принадлежало семье тайного советника Н.С. Лаптева²⁸. И.А. Нератов приобрел Уратьму (Поповку) в 1835 г. неподалеку от родовой, но не принадлежавшей ему тогда, Нератовки Мензелинского уезда Уфимской губ. Приобретая имение в Казанской губ., И.А. Нератов обратился в Казанское депутатское собрание для внесения своей семьи в дворянскую родословную книгу Казанской губ. Возражений по этому поводу не последовало, а в 1840 г. решение Казанского собрания было утверждено Указом Правительствующего Сената № 4378²⁹.

Скончался И.А. Нератов и был похоронен в Уратьме (Поповке). После его кончины вдова – Фавста Ермолаевна Нератова (урожденная Великопольская) – построила в Уратьме каменную Сретенскую церковь. Строительство было завершено и церковь освещена в 1866 г.

- ¹ Копия документа из ЦГАУР (Центрального Государственного архива Удмуртской республики) предоставлена заведующим отделом оружия Удмуртского краеведческого музея Алексеем Панфиловичем Васильевым в 1989 г.
- ² АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.; ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 24. Л. 185–188.
- ³ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ⁶ Там же; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ⁷ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ⁸ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.; ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 24. Л. 185–188.
- ⁹ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ¹¹ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ¹² АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ¹⁴ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.; Список кавалерам Императорских Российских орденов всех наименований. СПб., 1829. Ч. 1. С. 101.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.; Список кавалерам Императорских Российских орденов всех наименований. СПб., 1829. Ч. 3. С. 54.
- ¹⁶ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ¹⁷ Там же; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.
- ¹⁸ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ¹⁹ Там же; ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 24. Л. 185–188.
- ²⁰ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3681. Л. 171–172 об.; Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. С. 438.
- ²¹ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ²² Там же; Список кавалерам Императорских Российских орденов всех наименований. СПб., 1829. Ч. 1. С. 69; Ч. 2. С. 41.
- ²³ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ²⁴ Там же; ЦГАУР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 24. Л. 185–188.
- ²⁵ АВИМАИВиВС: Ф. 3. Оп. 109. Д. 605. Л. 354–358 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 449. Л. 54–56 об.
- ²⁹ Алфавитный список родоначальникам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губ. с 1787 по 1895 год. Казань, 1896. С. 58.

Б. Нильссон (B. Nilsson) (Linköping, Sweden)

**ABRAHAM CRONHJORT
AND THE DEFENSE OF INGRIA 1700–1703**

ON 11 February 1700 Saxon forces crossed the Swedish border in an attempt to take Riga by surprise. The next day Governor General Erik Dahlbergh sent Captain Johan Brask of the Nyland Infantry Regiment to Stockholm with the instruction to give Charles XII a full report of the events¹. As the news spread across the Baltic provinces the Swedish army started to mobilize. The Estonian Governor General Axel Julius de la Gardie sent his own courier to Stockholm on 19 February, suggesting that the Finnish regiment should be given orders to march on Livonia. Considering the difficulties of getting letters across the Baltic Sea during the winter de la Gardie took the liberty of sending a similar request directly to the Finnish County Governors and regimental commanders. De la Gardie's courier Captain Otto Magnus Wolffelt carried these letters through Estonia, Ingria and southern Finland, probably reaching Sweden by route of the Åland Islands. Wolffelt reached Charles XII at the very latest on 7 March, when Captain Brask (who had taken the route around the Gulf of Bothnia) had not yet arrived. The King immediately ordered a full mobilization of the Finnish regiments, but this had already started when the news from Riga reached Finland².

The regular Finnish forces were not very large. In each of the six southern counties there was one infantry regiment: *Abo* (1,025 men), *Björneborg* (1,025), *Tavastehus* (1,025), *Viborg* (1,000), *Savolax* (1,033) and *Nyland* (1,025). There were also three cavalry regiments: *Abo and Björneborg* (1,000), *Nyland and Tavastehus* (1,000) and *Karelska* (1,000), as well as a small unit of dragoons (500). To these can be added the *Osterbotten Infantry Regiment* (1,200) and the Finnish companies of

*Adelsfanan*³. However, not all of these units were available. The Osterbotten infantry was tied to garrison duty in Riga and in some other Livonian fortresses and the same was true for at least a couple of companies from the *Abo* and the *Nyland* infantry regiments. Probably not much more than 9 000 men could consequently be counted on for the formation of a field army⁴. No reinforcements from Sweden could be expected in the foreseeable future, considering the season and the tension with Denmark.

The next problem was that the full mobilization of the Finnish regiments for the relief of Riga would leave Finland without a defense. What would then happen if the disturbing rumors from Russia were true? It was clear to both Charles XII and the Finnish county governors that additional forces would have to be found in one way or another.

On 7 April 1700 Charles XII established *Defensionskommissionen*, a committee consisting of 8 Councilors of the Realm. They were given the task of finding means to replace the departing Swedish and Finnish regiments. The King at first suggested that conscription could be a solution, but this was problematic since the creation of the standing army was based on an agreement between the King and the peasants in which the latter were promised freedom from conscription if they agreed to set up standing regiments. Eventually it was decided to base the recruitment of new units upon the existing system of *rotar* and *rusthall*. One *rote* (which recruited one soldier to a standing infantry regiment) or one *rusthall* would join together with two others and set up an additional soldier (*tremanning*). Each county would in this way for every 1 000 soldiers in the standing infantry or cavalry regiments produce 333 *tremanningar*, which subsequently could be united with two or three similar units from bordering counties and reach battalion or even regimental strength⁵.

This system was established throughout Finland and Sweden during the coming weeks and months, but new complications started to develop during the summer. The Governor of Ingria Otto Vellingk, who in April had been appointed commander of the relief army, came in late July to the conclusion that he needed more reinforcements from Finland to stop the Saxon advance. At the same time appeals for help started to come from Narva, where worrying rumors about Russian preparations near Novgorod and Pskov were spreading. On 10 August 1700 County Governor Anders Lindehielm in Viborg informed *Defensionskommissionen* that he was inclined towards replacing the

previous system of *tremanningar* with a general doubling of the standing units, i.e. the three *rotar* or *rusthall* would have to produce three extra soldiers instead of one. Similar suggestions later arrived from the County Governors Abraham Cronhjort in Helsinki and Jakob Bure in Turku⁶.

These proposals were initially rebuffed by both the committee and the King. The committee feared that a doubling would make it increasingly difficult to replace losses in the standing regiments and result in abandoned farms. It was, the committee suggested, even doubtful that the new soldiers could be equipped properly. The King declared that he did not believe that enough suitable men could be found and that it under the present circumstances was quite impossible to find equipment. On 7 September Charles XII consequently ordered Lindehielm, Bure and Cronhjort to stop additional recruitment beyond the *tremanningar*. However, as the three county governors continued to point to the increasingly bad news from Livonia and Russia Charles XII changed his mind and on the 20 September informed them that they could proceed with the “doubling”⁷. Lindehielm, Bure and Cronhjort were also ordered to send the new units by sea to Livonia as soon as possible. Eventually this proved impossible to achieve as winter approached. On 11 October, a few days after arriving in Reval, the King instructed Abraham Cronhjort to take command of the remaining forces in his, Bure’s and Lindehielm’s counties and be prepared to march when orders arrived. This order was repeated three weeks later and on 3 November 1700 Abraham Cronhjort was appointed Major General⁸.

After Narva : December 1700 – January 1701

The appointment of Abraham Cronhjort (1633–1703) was, in light of the circumstances, very logical. After the march to Livonia by the regular Finnish regiments in the spring of 1700 and the appointment of Otto Vellingk as commander of the relief force, there was simply no other suitable alternative. The other Finnish county governors were all civilians and Cronhjort had, despite his age, proved vigorous and decisive during the recruitment of new units for the defense of Finland. His military experience was second to none, dating back to 1648 when he had taken part in the raid on Prague. During the Scanian War in the 1670’s Cronhjort had served with distinction and later been Colonel of the Kronoberg Infantry Regiment for nearly 20 years⁹. But what role would he and his army be given – offensive or defensive?

Under the impression of the victory at Narva some pushed hard for an invasion of Russia. Governor General Otto Vellingk on 25 November presented a plan for the invasion of Russia on two fronts. The King's army would march through Ingria towards Novgorod, while forces in Livonia attacked Pskov. Vellingk also promoted the idea of publishing letters of protection in Russian to convince the population on the other side of the border to deliver supplies. This was, he later wrote, in the beginning quite successful¹⁰.

In the evening of 10 December Cronhiort passed through Viborg on his journey to the army, which under the command of Colonel Johan Apolloff had started to concentrate at Duderhof (Можайский)¹¹. On the 14th Cronhiort reported to the King that he some of his units would need another two weeks to arrive, but he was the following day going to march on Loppis (Путилово). Cronhjort would then, in response to the King's letter of protection for the inhabitants of Russia of 3 December, proceed into Russia and request contributions from the inhabitants of the towns and villages¹². The following day Cronhjort wrote to Charles XII from Nyen, reporting that his force now consisted of about 3 500 men and would in the near future rise to about 6 000. The soldiers were all, Cronhjort wrote, well equipped and ready to show their devotion to the King. This force would not only protect Ingria, but also be able to carry out offensive operations. Cronhjort added that he had already sent 600 men to the eastern border, where they would protect the province from Russian marauders and convince the inhabitants of Ingria to return to their homes¹³.

On the 16th Cronhjort again wrote to Charles, reporting that 200 men had been sent to the border near Salmis (Салми), while about 1 800 were stationed near Loppis and another 1 600 at Orlina (Орлино). Everything appeared ready for a march into Russia, but Cronhjort was hesitant. The troops had very little ammunition and a sudden Russian attack on one of the detachments could prove dangerous. Perhaps the King preferred a more concentrated approach? Properly provisioned and equipped Cronhjort could then proceed to towns like Ladoga, Tikhvin, Olonets or even Novgorod and attack everyone who would not submit. This bold suggestion was duly noted by Charles and would later come back to haunt Cronhjort.

On the 19th the King sent firm orders. After sending 500 men to reinforce the garrison at Narva and 30 to garrison the fortress Корорие, Cronhjort should lead his army across the border in one or two

convenient places. His main task was to demand contributions, but if the Russians refused Cronhjort should burn and destroy as far as possible.

On the 24th Cronhjort wrote again, this time from Petrofzina village (Петровщина), not far from Loppis. The King's protection letter (in Russian and Swedish) had been sent across the border, but so far the only response was that the inhabitants were going to forward the letter to the Czar so he could decide. A Russian raiding party had encountered Cronhjort's advance guard. One Russian boyar and 11 soldiers had been killed, Cronhjort stated, and the rest had fled. Swedish scouts who had crossed the border reported that no Russians could be found for more than 20 km.

During the days just before Christmas 1700 Charles XII seems to have changed his mind. The Swedish detachments which crossed the border would no longer have the gathering of supplies as their main task. On 22 December Charles repeated his attack order from three days before, but Cronhjort was now instructed to "burn and devastate everything" and then retreat. On the 25th Magnus Stenbock was ordered to take Gdov and burn certain estates belonging to some local boyars, who had not respected the letters of protection and carried out a raid on Vasknarva (Сыренец)¹⁴.

It would seem that Charles after a few days changed his mind again. On the 28th the King again wrote to Cronhjort, emphasizing the payment of contributions either "voluntarily or by force". The main thing now seemed to be finding supplies for the army, not the destruction of enemy property¹⁵.

In early 1701 Cronhjort marched into Russia and reached the village of Saari (Шум), where according to his information six boyars lived. Contrary to rumor no Russian force could be found. The Swedes captured some peasants and a priest, who was released and sent further into Russia with the King's letter of protection. The prisoners said that the protection letter was well known, but nobody dared to trust it. To prove that the promises were reliable and to encourage the population Cronhjort retreated from Saari back to Loppis. His intention was to proceed along the border, forcing unwilling Russians to give contributions. He had also encouraged peasants from Noteborg County to collect forage and unthreshed grain from the border area.

In mid-January Cronhjort again crossed into Russia, establishing his headquarters at Vasilkovo. In his letters to the King he continued to report that the Russians were unwilling to give contributions. He also

pointed out his shortage of artillery and ammunition, but on the 17th he was ready to again advance to Saari.

The siege of Saari

From Cronhjort's own reports it's possible to piece together what happened at Saari. It would seem that he fairly easily managed to cross the river at which point the opposing Russian cavalry retreated and the infantry took cover in a fortified wooden manor. Due to its position and the strong defenses Cronhjort was unable to use his cavalry, so he first tried to persuade the Russians to surrender. When this failed he attempted to set fire to the houses, but his untrained soldiers were hesitant in the face of heavy defensive fire. On the 21st Cronhjort made a new attempt to attack, but again without success. He then prepared 3 sledges with flammable material, which in the morning of the 23rd were pushed towards the manor. It was twice set on fire, but the Russians countered by pouring out water through the roof and even managed to push one of the sledges away. The deep snow made it difficult for the Swedish infantry to come up in support fast enough. After having 81 men killed or wounded Cronhjort appealed to the King for some mortars, but also made it clear that he had prepared a new round of incendiary devices which he believed would be successful. The Major General also reported that according to some prisoners taken during an expedition towards Ladoga a relief force was gathering at Novgorod. The prisoners did not know who was commanding the defenders at Saari, but Cronhjort was sure that it must be a Pole or Saxon as he had proved to be very cunning.

On the 26th the mortars finally arrived, but before these could prove decisive the Russian defenders managed to sneak out and disappear under cover of darkness. In his report to Charles on the 29th Cronhjort tried to show that the manor had been almost impossible to take without a large loss of life, but he promised a full inquest into the circumstances surrounding the defenders successful escape. He also reported that according to rumor the Czar had gone to Moscow to prepare the dispatch of a peace delegation¹⁶.

The events at Saari were undoubtedly most embarrassing to Cronhjort and Charles XII made this clear in a letter dated 1 February. At that time the King did not yet know how the siege had ended, but he pointed out that Cronhjort just before Christmas had implied that he would be capable to march as far as Novgorod and force large areas to give contributions. In light of this – how could Cronhjort find it so difficult to capture a “poor wooden manor”?¹⁷

On 1 February Cronhjort again reported to Charles, saying that he had taken 2 000 cavalry and dragoons on an expedition further into Russia burning houses and manors and then retreating back to Loppis. He also stated that some on the Russian side of the Jarvisaari (Ярво-соль) and Lissila (Лисино) border had been prepared to give contributions, but some peasants from Ingria had attacked them. To stop further actions like this Cronhjort had sent 300 cavalry and dragoons to keep order¹⁸.

On 4 February Cronhjort returned to the subject. In view of the fact that the peasant's actions had resulted in Russian reprisals, he had forbidden further such excursions and was inclined to punish the culprits. In his reply a few days later Charles XII strongly disagreed. He saw no reason why the peasants should be punished and instructed Cronhjort to let them burn as much as they wished. Shortly thereafter Cronhjort abandoned the campaign and let his troops go into winter quarters¹⁹.

On the defensive

In late May 1701 Charles XII granted Cronhjort full powers on the Ingrian theatre of war, i.e. he could handle the defense as he saw fit and would answer to the King only²⁰. Charles had already made it clear to both Apolloff in Nyen and Schlippenbach in Noteborg that they were under the command of Cronhjort, regardless of Major General Horn's appointment as supreme commander of the fortresses in Ingria. As the Royal Army started marching southwards, eventually crossing the Daugava and occupying Courland, the King's knowledge of the situation in Ingria diminished and he became increasingly reluctant to give firm orders. In an instruction dated 4 June Charles emphasized the importance of protecting the fortresses, particularly Nyen and Noteborg, but left the conduct of operations to Cronhjort. When the latter on 5 June asked for specific instructions on how to conduct operations Charles simply replied that he had already been given a free hand and should act accordingly. On 16 June Charles wrote Cronhjort, telling him to make a diversion into Russia – one of the last times the Major General was given specific orders on how to proceed²¹. When the King's own army was given top priority and the Courland-Lithuanian area increased in importance as Charles got more and more involved with Augustus II's Polish and Lithuanian opponents, the Russian forays into Livonia placed Schlippenbach's army next on the list. The Ingrian theatre of war was not forgotten, but it was firmly in the shadow of events elsewhere.

Cronhjort's position as supreme commander in Ingria, answerable only to the King made opposition to his orders very difficult. In May 1701 Cronhjort ordered Schlippenbach at Noteborg to equip a few small boats and send them on reconnaissance missions. The garrison commander's was opposed to this and asked Major General Horn for advice. Horn told Schlippenbach that he had every right to refuse to carry out such orders if he considered them harmful to the defense of the fortress. Cronhjort reacted furiously, telling Schlippenbach in no uncertain terms that the King had given him supreme authority over both the army and the garrisons at Nyen and Noteborg²². In July Horn objected to Cronhjort's handling of the defense, suggesting that it would be better to keep most of the army stationed on the southern border of Ingria and strong detachments at the furthest eastern and western points. If this was combined with small posts placed at intervals of 10 km Cronhjort would, Horn claimed, in six hours know of any Russian foray into Ingria. Horn even tried to enlist Governor General Dahlbergh in Riga in an effort to persuade the King to intervene, but to no avail²³. In the autumn of 1701 complaints against Cronhjort reached *Defensionskommissionen*. He had, they were told, allowed many officers and soldiers to leave the army at Loppis and go home, putting Ingria at risk. The Committee tried to intervene, but were basically told by Cronhjort that it was none of their business as he had been appointed by the King and answered to nobody but him. The Committee had however taken certain precautions by informing Charles XII and he fully supported their action²⁴.

Prelude to Noteborg

In early July 1702 Cronhjort made a foray into Russia, but was forced back by heavy rain. He then went back to Nyen, where he mostly had his headquarters during this period. In late July new reports claimed that a large Russian force was gathering in the east and the Swedish outposts near Loppis were forced back. The area, which already had suffered badly during a previous expedition, was again devastated. The Russians pressed on towards Ingris (Ижора), where they on 14 August were attacked by Cronhjort's cavalry. Despite some success Cronhjort considered it impossible to remain at Ingris and soon retreated²⁵. On 26 August he wrote to Governor General Frolich in Riga, expressing pessimism in regard to his ability to protect Ingria against further attacks by overwhelming enemy forces. About two weeks later he sounded more

optimistic, telling *Defensionskommissionen* that the Russians suddenly had withdrawn from their camp at Ingris. Cronhjort claimed that he had intended to pursue the retreating Russians, but that severe rains made this impossible. At this point he even seemed inclined to believe that nothing more would happen before winter arrived²⁶.

However, in mid-September worrying news arrived. Russian parties had observed near Noteborg and on the 12th a large force had been seen marching past the fortress²⁷. At this time Cronhjort was preparing to let his army go into winter quarters. Towards the end of September large Russian forces began to assemble near Noteborg. This was the first time that any of the key positions in Ingria was under serious attack. How would Cronhjort respond?

Cronhjort and the siege of Noteborg

Cronhjort was quickly informed about the attack on Noteborg. In a letter to *Defensionskommissionen* on 2 October he reported that he had immediately sent a major, some officers and as many soldiers as he could, along with medical supplies. Much more could, he feared, not be done as his army was weak and poorly equipped. Four days later Cronhjort reported more Russian advances into Ingria and that Schlippenbach at Noteborg had informed him that the besiegers seemed to prepare a descent on the northern shore of the Ladoga. This had caused Cronhjort to dispatch 300 men with 4 guns, but this force had arrived too late to stop the crossing and was defeated. Cronhjort stated that he had given up the defense of the southern shore of the Neva and was concentrating on holding his ground on the northern. At his disposal he had only 4 000 soldiers, poorly fed and poorly equipped. The Carelian peasants had abandoned their posts, so there was no help to be found anywhere²⁸.

The Nyen disaster

After the fall of Noteborg on 13 October there was considerable nervousness on the Swedish side. When some Kalmyks a week later appeared near Nyen panic broke out. The Swedish outposts fled towards the town, which caused Cronhjort to withdraw northwards. At this point the garrison commander Johan Apolloff set the town on fire, believing that an attack on the fortress was imminent. In the process large supplies were destroyed – and no attack on the fortress materialized²⁹. While the fall of Noteborg severely hurt Cronhjort's reputation, this proved to be a fatal blow. Major General Horn in Narva

had long been a critic of his dispositions, the former commander of Noteborg G. W. Schlippenbach resented the lack of assistance from the army during the siege, Apolloff wanted to absolve himself from blame for the destruction of Nyen and the commander of the Ladoga squadron Vice Admiral Numers was unhappy with the lack of support given by Cronhjort during the campaigns of 1701 and 1702. Horn also forwarded complaints from civilian authorities in Ingria, who were unhappy with how the army had treated the peasants. The County Governor Lindehielm in Viborg added to this chorus of criticism³⁰. The matter clearly was something *Defensionskommissionen* could not wave aside. Something must be done – but what? Cronhjort had been appointed by Charles XII and was responsible only to him. Could the government in Stockholm remove Cronhjort without consulting the King?

The effort to have Cronhjort removed

On 5 November *Defensionskommissionen* met to discuss the latest news from Ingria. Reports the events at Nyen had reached Stockholm and the committee members were upset. They agreed that a sharply worded rebuke should be sent to Cronhjort, but the Governor of Stockholm, Lieutenant General Kristofer Gyllenstierna was not satisfied. Somebody should be sent over to assist Cronhjort, who was an old man and not as vigorous as he once was. If this person was put in charge of the peasants, he could help Cronhjort mount a stronger defense. This solution would mean no infringement on the latter's authority, as he was only in charge of the army. However, soon new letters were brought in. Lindehielm reported about a lack of discipline in Cronhjort's army and suggested that somebody be sent to assist Cronhjort along with 4-5 000 in reinforcements. At this point the powerful Count Fabian Wrede suggested that Cronhjort was too old and frail to command the necessary authority. The complaints from Horn, Lindehielm, Apolloff and others, especially in regard to the lack of discipline, could not be disregarded. The discussion turned serious. Surely the King would best be served if Cronhjort was replaced by someone else and allowed to go back to his post as County Governor? If the Major General was told that his presence was needed back in Helsinki it could perhaps help ease the blow? The matter was very delicate and the change, it was decided, could not be made by the Committee. The Council of Realm must be consulted, as they had the authority to step in when something was so urgent that it was impossible to wait for the King's decision. Johan Gabriel Stenbock

noted that a decision would need to be made quickly and whoever was appointed as a replacement must also be given the necessary resources³¹.

Apparently even the Council considered the matter too hot to handle, so on 28 November the issue was back in *Defensionskommissionen*. In light of so many complaints the Committee decided to write Charles XII and tell him that the situation called for replacing the aging Cronhjort. This letter, dated Stockholm 15 December 1702, seems to have reached the King as late as March 1703³². On 5 April Charles reacted, appointing Major General Georg Johan Maydell (Commander of the *Tavastehus infantry regiment*) as Cronhjort's replacement. Maydell was also promoted to Lieutenant General. The same day Charles XII wrote to Cronhjort, informing him that he was needed in Helsinki and should return to his position as County Governor as soon as Maydell arrived³³. After having survived various complaints over the course of two years the end had come for the old Major General. The news reached him at the beginning of May and he reacted with considerable bitterness, suggesting that devious intrigues behind his back finally had been successful. Cronhjort asked for an investigation, which he believed would show his innocence³⁴. After having turned over the army to Maydell at the beginning of September 1703, Cronhjort returned to Helsinki. There he died 2 months later, without having had the opportunity to present his case to the authorities in Stockholm.

---

¹ Latvijas Valsts vestures arhivs (LVVA). Fond 7349. Op. 1. Vol. 72. Erik Dahlbergh to Charles XII 12 February 1700.

² For the details, see Viljanti, A., Suomen rykmenttien liikekannallo ja marssi Liivinmaale v. 1700 // Historiallinen Arkisto. 45. 1939. P. 303–355.

³ For the numbers, see Nordensvan, C.O., Svenska armen aren 1700–1709 // Karolinska Forbundets Arsbok. 1916. P. 120–180

⁴ It's also the figure given by Cronhjort, see Krigsarkivet (KrA), Krigskollegium, Krigskollegii kansli E c: 64, Cronhjort to Krigskollegium 16 August 1700.

⁵ The discussions have been analyzed in Persson, R., Rustningarna i Sverige under det stora nordiska kriget. Lund, 1973.

⁶ Ibid. P. 47–52.

⁷ Ibid. P. 50.

⁸ Riksarkivet (RA), Riksregistraturet. Charles XII to Cronhjort 3 November 1700.

⁹ KrA, Biografica, Cronhjort; Lewenhaupt, A., Karl XII:s officerare. Vol. 1. Stockholm, 1920. P. 126

¹⁰ DelaGardiska archiv. Vol.13. Lund, 1840. P. 187–191. Letter from Otto Vellingk to Fabian Wrede 2 January 1701.

¹¹ RA, AK 243. Vol. 77. Anders Lindehielm to Defensionskommissionen 12 December 1700.

- ¹² RA, Skrivelser till Konungen. Ser. 1. Vol. 5. Cronhjort to Charles XII 14 December 1700. For the letter of protection, see Riksregistraturet 3 December 1700.
- ¹³ RA, Skrivelser till Konungen. Ser. 1. Vol. 5. Cronhjort to Charles XII 15 December 1700.
- ¹⁴ The King's orders in RA, Riksregistraturet. For Cronhjort's reports to Charles, see RA, Skrivelser till Konungen. Ser. 1. Vol. 5.
- ¹⁵ RA, Riksregistraturet. Charles XII to Cronhjort 28 December 1700.
- ¹⁶ For the events at Saari, see RA. Skrivelser till Konungen. Ser. 1, Vol. 5. Cronhjort to Charles XII 24 and 29 January; RA, AK 243, A. Lindehielm to Defensionskommissionen 20, 23, 27, 29 January and 2 February 1702.
- ¹⁷ RA, Riksregistraturet, Charles XII to Cronhjort 1 February 1701.
- ¹⁸ RA, Skrivelser till Konungen. Ser. 1, Vol. 5. Cronhjort to Charles XII 1 February 1701.
- ¹⁹ For a general description of the campaign in Ingria during early 1701, see also Rosen, C. von, Bidrag till kannedom om de handelser... Vol. 2:2. Stockholm, 1936. P. 7–10.
- ²⁰ RA, Riksregistraturet. Charles XII to Cronhjort 27 May 1701.
- ²¹ Ibid. Charles XII to Cronhjort 16 June 1701
- ²² RA. M 1376. Sub A. (Documents concerning the defense of Noteborg).
- ²³ LVVA. Fond 7349. Op. 1. Vol. 276, H. R. Horn to Erik Dahlbergh 7 July 1701. The same complaint apparently reached Stockholm, see Akerhielm, S., Samuel Agriconius Akerhielms brev till Josias Cederhielm och Mauritz Vellingk 1700–1702. Stockholm, 1979. P. 64–65, Samuel Akerhielm to Josias Cederhielm 23 July 1701.
- ²⁴ RA, AK 243, vol. 86, Cronhjort to Defensionskommissionen 9 October 1701; RA, Riksregistraturet, Charles XII to Cronhjort 18 October 1701.
- ²⁵ LVVA. Fond 7349, Op. 1. Vol. 311. Cronhjort to K. G. Frolich 26 August 1702 (with a separate description of events during August).
- ²⁶ RA, AK 243, vol. 94, Cronhjort to Defensionskommissionen 7 September 1702.
- ²⁷ Ibid. H.R. Horn to Defensionskommissionen 17 September 1702.
- ²⁸ Ibid. Cronhjort to Defensionskommissionen 6 October 1702
- ²⁹ Ibid. Cronhjort to Defensionskommissionen 21 and 28 October 1702 (with testimony from Lieutenant Colonels H.O. Brakel, B.W. Rehbinder, C. von Hagen and Major R.J. de la Barre); J. Apolloff to Defensionskommissionen 22 and 30 October (with testimony from Lieutenant Colonel H. Kohler and Captain A.G. Zweibergk).
- ³⁰ Ibid. H.R. Horn to Defensionskommissionen 6 September (with copy of letter from bailiff Bjorn Finne) 31 October (with copies of several letters from Apolloff to Horn) and 3 November 1702; RA, AK 243, vol. 91, A. Lindehielm to Defensionskommissionen 24 and 28 October 1702 (with copy of a letter from Apolloff dated 25 October). See also note 32.
- ³¹ RA, AK 243. Vol. 1.
- ³² Historiska handlingar. Vol. 2. Stockholm, 1862. P. 261–268
- ³³ RA, Riksregistraturet. Charles XII to G.J. Maydell and A. Cronhjort 5 April 1703. The King had in fact already in late 1702, upon receiving news of Noteborg's surrender, expressed dissatisfaction with Cronhjort, see DelaGardiska archivet. Vol. 13. Lund, 1840. P. 164–165, Excerpt from letter from Axel Sparre to Fabian Wrede 3 December 1702. Sparre mentions severe complaints already in 1701, but states that certain people had supported Cronhjort.
- ³⁴ RA, AK 243. Vol. 107. Cronhjort to Defensionskommissionen 8 May 1703.

В.Р. Новоселов (Москва)

**РОДОВОЙ АРСЕНАЛ КНЯЗЕЙ
ДОЛГОРУКОВЫХ:
РАННИЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ОРУЖЕЙНУЮ
ПАЛАТУ ИЗ КОНЮШЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ**

НА КОНФЕРЕНЦИИ в ВИМАИВиВС в 2006 г. нами были представлены первые данные, полученные в ходе исследования описей и реестров оружия, конфискованного у князей Долгоруковых в 1730 г.¹ Тогда императрицей Анной Ивановной были подвергнуты жестоким репрессиям все без исключения члены этой знатнейшей аристократической фамилии. Основной и самый сильный удар в первую очередь обрушился на наиболее сильных представителей Долгоруковых: члена Верховного тайного совета князя Василия Лукича, его двоюродного брата, также члена Верховного тайного совета, сенатора и гофмейстера императора Петра II – Алексея Григорьевича, а также сына последнего – Ивана Алексеевича – фаворита императора Петра II, обер-камергера двора, генерала от инфантерии и майора лейб-гвардии Преображенского полка. Князь Василий Лукич Долгоруков, составлявший подложное духовное завещание императора Петра II, а затем уговоривший Анну Ивановну подписать «Кондиции», ограничивавшие ее правление, был лишен всех чинов и наград и сослан в свое пензенское имение в село Знаменское 14 апреля 1730 г., но уже в июне 1730 г. его перевезли в Архангельск, а в июле того же года он был приговорен к заточению в тюрьму в Соловецком монастыре с конфискацией всего имущества. В 1739 г. он был переведен в Шлиссельбург и казнен. Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, предлагавший по смерти Петра II объявить императрицей свою дочь, затем участвовавший в составлении «Кондиций», после восшествия на престол Анны Ивановны был обвинен в «оскорблении величества», «разрушении здоровья» императора Петра II, казнокрадстве и пр. Сперва

указами 9 и 14 апреля он был сослан с семьей в село Никольское Касимовского уезда Воронежской губернии, затем по манифесту 12 июня 1730 г. сослан в Березовский острог с конфискацией имущества. Он умер в ссылке в 1734 г., а его сын, Иван Алексеевич, лично подделавший подпись императора, также сосланный с отцом в Березов, был казнен в 1738 г. Конфискация имущества Долгоруковых началась с июля 1730 г., ее проведение с составлением соответствующих описей была поручена императрицей капитану лейб-гвардии Преображенского полка Никите Румянцеву, назначенному главой конфискационной комиссии. Объем работы был грандиозен. Описи и оценке подлежало огромное движимое и недвижимое имущество, начиная от домов с дворами в Москве, земельных владений и сел в окрестных деревнях, денежных сумм и драгоценностей, заканчивая запасами провизии и дровами. Среди прочих ценностей в конфискационных описях встречаются четыре крупные группы оружия: первая группа была переписана в доме князя Алексея Долгорукова, вторая группа из дома вдовы Екатерины Юрьевой, дочери Чаадаевой, в последующих документах соотнесена с оружием Ивана Алексеевича Долгорукова, третья группа была изъята в селе Горенки – охотничьем поместье Долгоруковых, и последняя, четвертая группа оружия была конфискована у князя Василия Лукича. Нами было высказано предположение, что эти группы оружия состояли не только из экземпляров, находившихся в непосредственном использовании (охотничьи ружья, придворные и мундирные шпаги), но и из сохранившегося от более раннего времени родового арсенала, формировавшегося на протяжении всего периода XVII – первой четверти XVIII вв.

С тех пор проведенные исследования позволили существенно расширить наши знания о составе группы конфискованного оружия князей Долгоруковых, ее дальнейшей судьбе и той его части, которая в настоящий момент имеется в составе коллекции оружия Музеев Московского Кремля. Далее нами были обнаружены и опубликованы реестры императорского оружия, хранившегося на 1734 г. в Преображенском дворце и Казенной палате². В реестре Преображенского дворца оружие, ранее принадлежавшее Долгоруковым, было выделено отдельным списком, большую его часть составляло оружие, внесенное «в комнату Ее Императорского Величества» 20 сентября 1730 г.³ Кроме того, в этом реестре, как и в реестре Казенной, присутствовало оружие, например, редкие

драгоценные сабли, изъятые у князя Василия Лукича Долгорукого. Оружие из обоих реестров впоследствии было увезено в Санкт-Петербург, где хранилось при Обер-егермейстерской канцелярии и поступило в Оружейную палату в составе императорской Рюст-камеры в 1810 г. (драгоценное холодное оружие происходило из кладовой Алмазной мастерской при императорском Кабинете, в начале XIX в. оно также было включено в состав Рюст-камеры). Таким образом, была восстановлена вся цепочка передач конфискованного долгоруковского оружия, в конечном счете оказавшегося в 1810 г. в Оружейной палате: сперва в ведомстве камор-цалмейстерской конторы с местом хранения в Преображенском дворце, затем в ведении Обер-егермейстерской канцелярии в Итальянском дворце в Санкт-Петербурге, где оно было зафиксировано в так называемой описи Иллинга 1737 г., при этом уже в этот момент в документах исчезает информация о связи оружия из этой группы с предыдущими владельцами. На настоящий момент мы можем говорить уже более чем о 30 идентифицированных предметах холодного и огнестрельного оружия в составе собрания Оружейной палаты, происходящих из Санкт-Петербургской Рюст-камеры и принадлежавших князьям Долгоруковым. Однако не менее интересным, чем судьба оружия, попавшего в период 1730–1734 гг. непосредственно в состав императорской Рюст-камеры, нам представлялся вопрос о дальнейшей судьбе той части оружия и военного снаряжения, относительно которых документы о конфискации содержали весьма расплывчатую информацию: «приняты ко двору». Логично было предположить, что поскольку в этих документах не было никаких сведений об отсылке этой части их имущества в Санкт-Петербург, то оно должно было оставаться в Москве на хранении одного из учреждений, в ведении которых находились императорские движимые имущества. Это могла быть либо камор-цалмейстерская контора, либо конюшенная канцелярия, куда, безусловно, должно было поступить весьма значительное число конской сбруи, принадлежавшей Долгоруковым. Когда стало ясно, что в период до 1740 г., когда Артемий Волынский одновременно занимал посты обер-егермейстера и управляющего конюшенной канцелярией, документация обоих ведомств велась именно в конюшенной канцелярии, мы попытались отыскать среди обширной переписки этого ведомства за период 1730–1737 гг. какие-либо следы имущества Долгоруковых. На удивление, такие документы

достаточно скоро обнаружались в фонде Дворцового ведомства РГАДА (фонд 1239) в делах Конюшенной канцелярии. Но еще более удивительным стало то, что эти документы были связаны с поступлениями в Оружейную палату, осуществленными в 1736–1737 гг.

Из документов Конюшенной канцелярии следует, что 8 апреля 1736 г. императрица Анна Ивановна написала собственноручный указ Артемию Волынскому: «Указали мы имеющиеся в Москве казенные наши конские богатые уборы, а имянно мундштуки узды, седла, тако ж и ружье отдать с надлежащей описью в сохранение в Оружейную полату и повелеваем учинить по сему нашему указу, а к генералу лейтенанту Волкову о приеме оных указ наш послан...»⁴. Речь шла об очень большой группе конской сбруи и значительном количестве оружия, которые были приняты в Конюшенную канцелярию в 1734–1735 гг. задворным Алексеем Вороновым и ваген-мейстером Семеном Бартевым от казначея конюшенной канцелярии Феодула Левшинина после оценки. В приемной описи Семена Бартева об оружии напрямую было написано: «показано из приему князь Василия Долгорукова», в описных и приемочных книгах в начале списки вещей также озаглавлены как «долгоруковские»⁵. Сравнение этих перечней со списками конфискованного оружия выявляет прямое совпадение в описаниях некоторых образцов:

По конфискационным описям и реестрам 1730 г.	1735 г. по описи Бартева показано из приему князь Василия Долгорукова ⁶
Шпага эфес серебряной глаткой (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага малой руки эфес серебряной цена 2 рубля 50 копеек
Шпага строевая эфес медной золоченый (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага строевая эфес и гривок медной цена 2 рубля
Шпага эфес стальной гриф серебряной (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага эфес стальной гривок серебряной цена 1 рубль
Шпага эфес медной гриф серебряной (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага эфес медной гривок серебряной цена 50 копеек
Шпага эфес медной вычернен ⁷	шпага эфес и гривок медной вороненой цена 50 копеек
Шпага эфес железной вороненый (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага эфес стальной гривок железной цена 50 копеек

Родовой арсенал князей Долгоруковых

Шпага эфес стальной гриф перелифтовой (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	шпага эфес вороненой гривок (бисерной?) цена 20 копеек
Четыре шпаги людских ломаные эфесы вороненые (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	четыре шпаги эфесы железные вороненые цена 60 копеек
Две шпаги детские эфесы медные, к ним два португеза красных один кортишной другой шпажной (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	две шпаги детские эфесы медные цена 30 копеек
	шпага эфес железной гривок черной шерстяной цена 10 копеек
Две шпаги в том числе у одной эфес медной, у другой железной, гриф медной (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	две шпаги простых у одной эфес медной у другой эфес железной цена 13 копеек
Шпага эфес железной да два клинка (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	шпага эфес и гривок железной да два клинка цена 6 копеек
Кортик детской медной (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	л. 36 – кортик детской эфес медной цена 15 копеек
	один лапир железной цена 5 копеек
Три лапиры (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	три лапира эфесы железные 12 копеек
Один клинок шпажной (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	один клинок шпажной железный цена 10 копеек
	три клинка шпажные цена 30 копеек
Клинок к кортику (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	клинок кортишной железной цена 10 копеек
Пять копий без дерев ломаные (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	пять копий железных троугранных цена 10 копеек

В.Р. Новоселов

<p>Две полосы сабельные булатные (князя Алексея Долгорукого)⁸</p>	<p>л. 36 две полосы сабельные булатные цена 3 рубля</p>
<p>Сабля оправлена медью, ножны хозовые черные, черен шадровый (из Горенок⁹; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)</p>	<p>сабля оправа медная цена 50 копеек</p>
<p>Тесак черен олений оправлен медью (из Горенок¹⁰; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)</p>	<p>тесак эфес медной черен олений цена 40 копеек</p>
	<p>Л. 37 Пистолеты</p>
	<p>пистолет маленькой медной цена 2 рубля</p>
	<p>2 пистолеты стволы и замки железные цена 2 рубля 50 копеек</p>
	<p>пара пистолет оправа железная цена 40 копеек</p>
	<p>пара пистолет набалдашники медные цена 20 копеек</p>
	<p>пистолет маленькой оправа железная цена 12 копеек</p>
	<p>две пары пистолет оправа железная цена 20 копеек</p>
<p>Винтовка маленькая швецкая старинная, замок швецкой колесной, ложа наклеена костью (из Горенок¹¹; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)</p>	<p>винтовки винтовка маленькая швецкая цена 50 копеек</p>
	<p>винтовка турецкая оправа железная цена 40 копеек</p>
<p>Две винтовки поперечные русской работы (из дому князя Василия Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)</p>	<p>две винтовки замки железные цена 20 копеек</p>

Родовой арсенал князей Долгоруковых

	Пищали и фузеи пищаль маленькая турецкая цена 40 копеек
	4 пищали завесные цена 4 копейки
7 фузей русской работы, в том числе две без замков (из дому князя Василя Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	5 фузей драгунских цена 25 копеек
	5 фузей простых цена 25 копеек
	дробовик на железном инструменте цена 10 копеек
Стволки винтовочный насечка серебряная, казенной шуруп сломлен (из Горенок ¹² ; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)	стволки винтовальной насечка серебряная цена 40 копеек
	ствол фузейной цена 8 копеек
Три пистолета железные без замков и без лож (из Горенок ¹³ ; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)	три ствола малые цена 15 копеек
Два стволки пистолетные сквозные (из Горенок ¹⁴ ; РГАДА; Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 847)	2 ствола пистолетных привертных цена 6 копеек
Ложа пищальная нарезана костью (из дому князя Василя Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 846)	ложа пищальная винтовальная набрана костью за ветхостью цены не положено
Рог роговой оправлен серебром с чернью, пояс шелковой (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	л. 37 об. рог пороховой буйловой черной оправлен серебром с чернью цена 3 рубля
Рожок деревянной оправлен серебром с бирюзами (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	рог пороховой деревянной чифрасовой оправлен серебром вызолочен с бирюзами цена 2 рубля
Рожок деревянной оправлен серебром сканной работы (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	рожек пороховой деревянной оправлен серебром золоченым сканной работы с бирюзами цена 1 рубль
Натрусочка раковинная маленькая оправлена серебром, пояс шелковой (князя Алексея Долгорукого; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 841)	натруска пороховая маленькая раковинною оправлена серебром

К сожалению, краткость записей реестров и отсутствие единых принципов описания в ряде случаев не позволяют идентифицировать оружие при сравнении реестров и описей. Тем не менее, как следует из приведенной выше таблицы, речь явно идет об одной и

той же группе оружия, определенной «ко двору Ея Императорского Величества», состоявшей из предметов, происходящих из трех комплексов: 1. оружия князя Алексея Долгорукого; 2. оружия князя Василия Долгорукого; 3. Оружия, конфискованного из имени Долгоруковых в селе Горенки. Становится очевидным, что после конфискации оно в 1734–1735 гг. попало из камор-цалмейстерской конторы для оценки, после которой было записано на баланс канцелярии.

Это оружие, согласно указу императрицы, должно было быть передано в Оружейную палату вместе с различными предметами конской сбруи. Однако исполнение императорского указа наткнулось на сопротивление генерал-лейтенанта Волкова, возглавлявшего Оружейную палату и всячески сопротивлявшегося попыткам передать в его ведение этого комплекса. Он мотивировал это крайней ветхостью и малой ценностью определенных для передачи вещей. Почти год он просто саботировал исполнение указа. В итоге, очевидно, по договоренности между Волынским и Волковым, было принято «соломоново» решение: часть военного снаряжения и сбруи передавалась в Оружейную палату, а часть сбруи и оружие оставались на балансе Конюшенной канцелярии. Решение можно считать просто парадоксальным: оружие вместо Оружейной палаты должно было храниться в Конюшенной канцелярии, а предметы конского убранства – вместо Конюшенной канцелярии в Оружейной палате. Можно только гадать, какой мотивацией эти ведомства руководствовались при принятии такого решения, хотя удивление вызывает уже сам факт полного пренебрежения письменным и совершенно недвусмысленным указом самой императрицы. В итоге в Конюшенной канцелярии «в казначейском смотре» на 1737 г. оставалось все оружие, перечисленное в правом столбце таблицы. Пока нам не удалось обнаружить сведений относительно того, что случилось с ним во время Кремлевского пожара 1737 г. Если оно погибло в огне, то для нас эта часть княжеского арсенала навсегда утрачена. Но при этом не исключено, что либо до пожара, либо после него, в случае если это оружие уцелело, оно могло быть передано в другие ведомства, в том числе и в Санкт-Петербург, где какие-то из этих предметов теоретически могли влиться в состав оружия Овер-егермейстерской канцелярии. Остается надеяться, что дальнейшее исследование архивов прольет свет на их судьбу.

Теперь остается осветить вопрос: а что же именно из арсенала князей Долгоруковых все-таки попало в Оружейную палату еще в

1737 г. и сохранилось до нашего времени? Оставляя за скобками вопрос о многочисленных предметах конского убранства, которых, очевидно, немалое число имеется в нынешнем собрании Оружейной палаты и исследование которых выходит за рамки научных интересов автора, мы ограничимся исключительно воинским доспехом и снаряжением, которые были включены в состав передаваемых вещей. Этот список не так велик:

Краткая ведомость Его Императорского Величества конским уборам какими званиями и по какой цене отданы в Оружейную полату (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 15. Д. 705. Л. 19 об. – 20)	
1.	Панцырей 25, цена 130 рубля 30 копеек
2.	четыре нагрудника стальных с панцырем, цена 20 копеек
3.	панцырных нарукавников стальных 10 пар, цена 2 рубля
4.	две мисюрки на них круги железные один посеребрен, цена 2 рубля
5.	луб и колчан саадашные бархаты зеленые оправлены серебром, цена 5 рублей
6.	луб и колчан саадашные шиты по красному бархату золотом и серебром, цена 3 рубля
	роги пороховые
7.	рог пороховой буйловой черной оправлен серебром с чернью, цена 3 рубля
8.	рог пороховой деревянной чифрасовой оправлен серебром вызолочен с бирюзами, цена 2 рубля
9.	л. 20 рожек пороховой деревянный оправлен серебром золоченым сканной работы с бирюзами цена 1 рубль
10.	натруска пороховая маленькая раковиною оправлена серебром
11.	обушек старинной медной с напайкою серебряной с чернью цена 50 копеек четыре чалдара турецкие бархатные красные стальными полосами цена 8 рублей
12.	чалдар да нагрудник бархатные красные на чалдаре бляхи на нагруднике полосы стальные насечены золотом и серебром цена 2 рубля 50 копеек
13.	бахтерец стальной с сеткою железной цена 10 рублей
14.	пара нагрудников стальных круглых насечены золотом цена 3 рубля
15.	л. 20 об. две пары нагрудников от панцырей стальных цена 2 рубля
16.	четыре пары нагрудников стальные цена 1 рубль 50 копеек
17.	три нагрудника булатные цена 30 копеек
18.	три нагрудника стальные цена 30 копеек
19.	шесть пар панцырных зарукавьев стальных цена 2 рубля

Все доспехи и пороховницы с натрусками были конфискованы у князей Долгоруковых и приняты «ко двору» в числе конных и прочих уборов 7 апреля 1731 г.¹⁵ Они имеют два источника происхождения. При обыске дома князя Алексея Долгорукова был зафиксирован большой сосновый сундук, окованный железом, в котором находились «25 панцырей, ниже разных мест (имеются в виду разные части доспехов – В.Н.) 35, четыре пары чалдаров бархатные красные, насечка серебряная позолоченная и ниже трои крыльца»¹⁶. Другая часть снаряжения – саадаки и пороховые рожки и натруски – была обнаружена в охотничьих владениях Долгоруковых в селе Горенки. Вероятнее всего, они относились к той части арсенала, которая использовалась Долгоруковыми на охоте в конце XVII – первой трети XVIII в. Наиболее хорошо из них в современном собрании Оружейной палаты идентифицируются рожки с пороховницами и саадаки. Так, мы можем указать на «рог роговой, оправлен серебром с чернью» (инв. № Ор-4951) (илл. 1); «натрусочку раковинную маленькую, оправленную серебром» (инв. № Ор-2088) (илл. 2); «рог деревянный оправлен серебром с бирюзой» (инв. № Ор-4959) (илл. 3); «рожок деревянный оправлен серебром сканной работы» (инв. № Ор-3707) (илл. 4) и «натруску каповую маленькую, оправленную медью с финифтью»¹⁷ (Ор-3717) (илл. 5). Что же касается саадаков, то из их числа четко идентифицируются 3: несмотря на то, что согласно передаточной описи в Оружейную палату из Конюшенной канцелярии было передано 2 саадака

Рис. 1. Пороховница-рог.
Россия. XVII в. ММК.
Инв. № Ор-4951

Рис. 2. Натруска.
Россия. XVII в. ММК.
Инв. № Ор-2088

Рис. 3. Пороховница.
Россия. XVII в. ММК.
Инв. № Ор-4959

Рис. 4. Натруска-рожок.
Россия. XVII в. ММК.
Инв. № Ор-3707

Рис. 5. Натруска.
Россия. XVII в. ММК.
Инв. № Ор-3717

(инв. №№ Ор-148/1-4 и Ор-4473/1-3) (илл. 6 и 7), как переданные из Конюшенной канцелярии в самой Оружейной палате числились три. Вероятнее всего, вместе с прочими было передано, но при этом по документам было записано по прежнему месту «лубье саадашное телячяные на нем оправа серебряная с чернью» (инв. № Ор-4474/1-3)¹⁸ (илл. 8). Легко идентифицируется также медный чекан или, согласно реестру и описи – обухек (инв. № Ор-3811) (илл. 9). Он единственный был записан в описях Оружейной палаты под таким названием, вызывавшем вопросы уже при составлении музейной описи 1808 г.

К сожалению, в отличие от пороховниц и саадаков, доспехи, как в конфискационных реестрах, так и в описях Конюшенной канцелярии, были записаны максимально кратко, поэтому их идентификация представляет большее затруднение. Определенно можно говорить о наличии в современном

Рис. 6. Саадак (колчан и налуч с поясом). Россия, Москва. XVII в. ММК. Инв. № Ор-148/1-4

Рис. 7. Саадак (колчан и налуч с поясом). Россия, Москва. XVII в. ММК. Инв. № Ор-4473/1-3

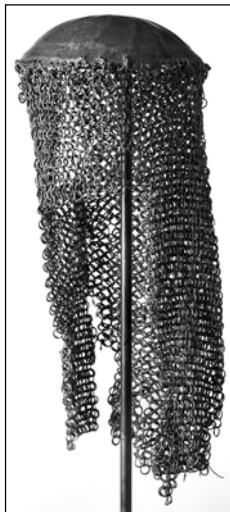

Рис. 8. Саадак (колчан и налуч с поясом). Россия, Москва. XVII в. ММК. Инв. № Ор-4474/1-4

Рис. 9. Чекан. Россия или Турция. XVII в. ММК. Инв. № Ор-3811

Рис. 10. Мисюрка.
Россия, XVII в.
ММК.
Инв. № Ор-2067

Рис. 11. Панцирь. Германия.
XVII в. ММК. Инв. № Ор-4751

собрании Оружейной палаты пяти чалдаров: трех из «четырех чалдаров турецких бархатных красных стальными полосами» (инв. № К-669/1-3, К-670/1-3, К-671/1-3), «чалдар да нагрудник бархатные красные на чалдаре бляхи на нагруднике полосы стальные насечены золотом и серебром» (инв. № Ор-79/1-5) и бахтерец стальной с сеткою железной цена 10 рублей (инв. № К-672/1-3). Мы можем определенно говорить о двух мисюрках: одна из них, сохранившая следы инкрустации серебряным растительным орнаментом на черепе (Инв. № Ор-2067) (илл. 10), является единственной подобной в собрании Оружейной палаты¹⁹. Из 25 панцирей в настоящий момент в собрании можно выделить 16 (инв. № Ор-29, Ор-30, Ор-301, Ор-4718 – Ор-4725; Ор-4727, Ор-4751 – Ор-4753; Ор-4761) (илл. 11), еще три (№ ОП 4537, ОП 4547 и ОП 4548) были переданы в другие музеи, в том числе один (ОП № 4548) в 1873 г. был передан в Артиллерийский музей²⁰.

Наибольшую сложность представляет выделение «нагрудников» – зеркальных досок, которые, вероятнее всего, представляли собой:

1. Четыре зеркальных доски, соединенных между собой кольчужными перемычками;
2. Комплект из двух круглых зеркальных пластин, насеченных золотом;
3. Пять комплектов, состоящих из двух зеркальных досок;
4. Три отдельных булатных зеркальных доски;
5. Три отдельных зеркальных пластины.

Все они не имеют характерных признаков, которые позволяли бы выделить их из общей массы. Нам представляется, что их идентификация станет возможной лишь при тщательном изучении всего комплекса защитного вооружения при подготовке каталога музейного собрания доспехов.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что комплекс предметов оружия, доспехов, снаряжения и конских уборов, принадлежавший князьям Долгоруковым, представляет собой крайне редкий и хорошо дошедший до нас арсенал русской аристократии, складывавшийся на протяжении длительного временного периода. Часть его – доспехи и конские чалдары, саадаки и луки, сабли и чеканы – является той частью родового арсенала, которая складывалась еще в XVII в. Другая его часть – образцы европейского и русского огнестрельного и холодного оружия (фузеи, винтовки, пистолеты, шпаги и кортики) – формировалась на протяжении всей первой трети XVIII в. Уникальным является и история этого арсенала: будучи разделенным после конфискации по разным императорским ведомствам Москвы и Санкт-Петербурга, он вновь слился в единый комплекс в собрании Оружейной палаты. Изучение архивных источников в настоящий момент позволяет нам выделить в музейном собрании фактически весь сохранившийся комплекс вещей из числа конфискованного у князей Долгоруковых оружия. Этот комплекс составляет большую часть имевшегося у них арсенала и образует, пожалуй, наиболее раннее уцелевшее в материальных памятниках частное личное собрание оружия русской аристократии XVII–XVIII вв. Остается надеяться, что нам удастся опубликовать этот уникальный арсенал отдельным изданием, максимально полно представив его состав и историю.

---

¹ Новоселов В.Р. Описи оружия князей Долгоруковых и формирование собрания оружия российских императоров в первой трети XVIII в. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достояния зала. СПб., 2006. Ч. 1. С. 72–75.

² Новоселов В.Р. Новые данные о формировании императорского собрания оружия в первой трети XVIII в. // Материалы и исследования / Федеральное гос. бюджетное учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник Моск. Кремль». 22. М., 2013 (В печати).

³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 827.

⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 15. Д. 705. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 30; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 15. Д. 704. Л. 83.

- ⁶ Там же. Л. 35 об. – 37 об. Из списка исключены саадаки и саадачное лубье с тахтуями и стрелами, которые будут предметом отдельной публикации.
- ⁷ Ошибка в реестре, эта шпага была передана в Преображенский дворец, возможно под ней была записана одна из шпаг с воронеными стальными и неизвестными по материалу эфесами из числа оставшихся после отбора оружия в комнату Анны Ивановны, каковых еще числилось 2.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 481.
- ⁹ Село Горенки, где находился охотничий домик Алексея Долгорукого.
- ¹⁰ Село Горенки.
- ¹¹ Село Горенки.
- ¹² Село Горенки.
- ¹³ Село Горенки.
- ¹⁴ Село Горенки.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1738. Л. 836 об. – 839.
- ¹⁶ Там же. Л. 481 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 842 об.
- ¹⁸ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С. 333. № 6349.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4009. Л. 250 об. № 35459–35460. В описи Московской Оружейной палаты 1884 г. вместо нее в качестве поступившей из Конюшенной канцелярии был ошибочно указан совершенно иной экземпляр (ОП 4441 вместо ОП 4449), никогда не имевший серебрения, ошибка легко устанавливается по музейной описи 1808 г. (Л. 492. № 5459 и 5460).
- ²⁰ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. 2. Броня. М. 1884. С. 78. № 4548.

О.Я. Ноздрин (Орел)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. СЛУЧАЙ 1699 ГОДА

ТЕАТР многолик, это понятие не ограничивается видом зрелищного искусства или местом драматических представлений. Барочная практика создает особый «анатомический театр», демонстрировавший публике успехи экспериментальной медицины. Полководцы предпочитали ему операции «театра военных действий», принимая роли вершителей судеб народов. Их победы и поражения описывали периодические издания, включая украшенный гравированными портретами и батальными сценами «Theatrum Euroraеum» 1635–1738 гг.

Наше внимание привлекло событие, сравнительно заурядное среди тревожных будней петровского времени, косвенно связанное со спектаклями и представлениями, хотя современники считали его заслуживающим отдельного упоминания.

12 января 1699 г. секретарь посольства императора Леопольда I к царю Петру I Иоганн Георг Корб записал в дневник рассказ о «фокуснике Гордоне», приехавшем из Шотландии в Россию, надеясь нажить своим искусством большие деньги. «Он хвастал, что происходит от тех же знаменитых Гордонов, в родстве с которыми состоит и генерал Гордон [Generalis de Gordon], доказавший свои права на это родство доблестными делами в Московском царстве. Можно было бы даже допустить, что и фокусник принадлежит к их роду, если бы человек этот не занимался таким низким промыслом, составляющим единственное средство его существования. Через это обстоятельство он уже как выродок своей фамилии потерял право на имя знатного происхождения; от могучих орлов никогда не рождаются слабые голуби. Судьба, лишив этого человека

положения в обществе, которое определяла ему высокая порода, преследовала его потом безостановочно, пока, наконец, не довела до крайней гибели. Виновником последнего бедствия был он сам: он поссорился с одним капитаном по фамилии Шмидт [cui Schmid помен], от ссоры дело дошло до драки; он уже почти одолевал своего противника, как вдруг жена капитана с взрослыми дочерьми прибежала на помощь к мужу; фокусник, имея против себя все семейство, решил на более жестокие меры: он схватил стилет, который имел при себе, и так глубоко воткнул его в бок капитану, что тот, обливаясь кровью, вскоре испустил дух»¹.

Опасаясь возмездия, преступник пытался укрыться у польского посланника Яна Станислава Бокия, самого склонного к резким и опрометчивым поступкам. Именно он, повздорив с одним из князей Долгоруких, вызвал его на дуэль, а когда тот игнорировал поединок, выстрелил обидчику в окно. 14 сентября 1698 г. вельможный пан устроил перепалку с датским посланником Паулем Гейнсом за место на царском пиру, возмутив Петра I, обозвавшего обоих спорщиков дураками².

Собиравшийся покинуть Москву дипломат предпочел переправить беглеца в Немецкую слободу к «полковнику Гордону [Colonellum de Gordon], который служит царю, и которого все должны слушаться». К описываемым событиям в русской армии числились два полковника этой фамилии: Джеймс (1668–1722) и Александр (1669–1751), хотя, судя по контексту, дневник ошибочно «понижил» званием ранее названного генералом отца первого из них и тестя второго, фактического лидера иноземного офицерского корпуса Патрика Гордона (1635–1699), охотно предоставлявшего кров соотечественникам.

Своей поздней и быстрой ездой в слободу посланник возбудил подозрение, кого он везет. Обнаружив след, приставы арестовали убийцу, «обреченного чернью по своему обычаю к жесточайшей казни за то, что он лишил жену мужа и четверых детей отца. Под жестокой пыткой, которой озлобленные москвитяне подвергли его, он утверждал, что собственная защита принудила его к убийству, и что он поступил так из опасения быть удушенным своим противником»³, – обычное оправдание обвиняемого XVII в., когда очевидность преступления вынуждает объяснять его результатом самообороны или трагическим стечением обстоятельств⁴.

Характер рассказа убеждает, что Корб не был свидетелем описываемых событий, отразив в дневнике московские слухи. Он опускает причины ссоры, имя и биографию преступника, отдавая предпочтение пространным назидательным выводам.

Правительство стремилось пресекать криминальные случаи, распространённые среди свободно владевших оружием, склонных к горячительным напиткам военных.

19 января 1689 г. в Иноземной слободе казнили брабантца Эверарда Флориса де Рулье, застрелившего при самозащите подполковника Шульца⁵.

16 марта 1699 г. во время пира у шведского комиссара Томаса Книппера подвыпивший посольский маршалк майор Якоб Ранк смертельно ранил шпагой в грудь бранденбургского резидента Тимофея Задору Цесельского. Пытавшийся бежать из Москвы в русском платье офицер был схвачен, несмотря на дипломатический иммунитет, и умер в заключении⁶.

13 марта 1703 г. Петр I лично наблюдал казнь полковника Бодона, заколовшего на свадьбе капитана Стата французского лекаря Гарре. Тогда же издали указ, запрещающий обнажать шпагу под угрозой смерти⁷.

Эффективность этой меры была относительной. В конкретных ситуациях все решал случай и расположение государя. Когда в 1719 г. губернатор Або граф Густав Отто Дуглас на торжествах по случаю пасхи у себя дома в запальчивости пронзил шпагой оскорбившего его гвардейского капитана, он был задержан, доставлен в Петербург, приговорен судом к смертной казни, но вскоре после легкого наказания помилован Петром I, восстановившим его в прежней должности⁸.

В 1700 г. Иоганн Георг Корб вернулся в Вену, опубликовав на латинском языке путевые заметки, отрицательно воспринятые в России из-за подробного описания «варварских обычаев» и «порядков» страны. К печальному происшествию с фокусником он больше не возвращался, занявшись более важными делами на службе принцев Пфальц-Зульцбахских.

История имела неожиданное продолжение. В июне 1701 г. вербовавший в Гданьске труппу для московских гастролей комедиант капитан Ян Сплавский столкнулся с отказом уже нанятых артистов ехать в Россию. «Тамо мне говорено», – доносил он царю, – «что здешняя (наша русская) земля столь худа есть, что никто в

той исправиться не может, но как я о том спрашивал, от кого они то слышали, и на то мне отвечено, что от игроца кукольного Гордона, (который для убойства казнен был кнутом и после того воровским пособием ушел), что он у Его Величества служил в капитанском чине, а как он о жалованье бил челом, то его велели бить кнутом, и для того он бежал, и то неправда»⁹.

Вскоре выяснилось, говоривший «браные и порочные речи» Джон Гордон действительно бывал в России, служа капитаном полка Франца Лефорта. Правительство восприняло донесение серьезно. Петр I указал вторично отправить в Гданьск Яна Сплавского и с ним подьячего Сергея Ляпунова, да им же «велено в польских городах поймать вышеупомянутого беглого с Москвы вора и смертного убийца генерал Францова полку Яковлевича Лефорта, капитана Яганка Гордона». Однако, доставив, наконец, в Москву трупшу принципала Иоганна Кристиана Кунста, они сорвали поручение по захвату капитана. По-видимому, он предпочел покинуть Гданьск, перебравшись в более безопасное место. В том же 1701 г. некий Джон Гордон упоминается как член шотландского землячества Кенигсберга¹⁰.

Действительно, Речь Посполитая служила убежищем множеству беглецов, старообрядцев, крестьян, дезертиров, рекрутов, оседавших во владениях бравировавших безнаказанностью магнатов, при попустительстве Варшавы, бессильной нарушить «шляхетские вольности»¹¹.

С другой стороны, настойчивость в вопросе выдачи могла иметь другой результат. Решился же в 1705 г. король курфюрст Август II Сильный, игнорируя протесты России, арестовать в своих саксонских владениях действующего генерал-лейтенанта русской службы Иоганна Рейнгольда Паткуля, по требованию Карла XII, выданного в 1707 г. шведам. Тем призрачней казалась защита Гданьского рата, вряд ли без нужды решившегося отстаивать «простого» иноземца да еще с криминальным прошлым.

Насколько соотносятся московский «фокусник» и гданьский «кукольный игрец»?!

16 августа 1691 г. в Посольский приказ явился иноземец, сообщивший, что «родился де он в Шкоцкой земле под владением английского короля, а имя де ему Иван, по прозванию Гордон; отец де ево у англинского короля служит шляхетскую службу, а имя де отцу ево Петр. И назад тому 3 года из Шкоцкой земли поехал в

Польшу для научению польскому языку и нравов, и был в Польше у дяди своего у шляхтича Томоса Лесли; а тот Томос Лесли родом Шкоцкие земли и в присвоении ему, потому что он Томос матери ево двоюродной брат. И июля де в 6-м числе поехал он из Львова на Киев к Москве для научения русскому языку и для свидания [с] сродники, а именно с генералом с Петром Гордоном; и ехал с купцами с мещанином с Костянтином Скоцом <...> И те де купцы поехали с товарами своими в Ярославль, а он де приехал к Москве, стал на Немецкой слободе у сродника у него Петра Гордона. И чтоб великие государи пожаловали, указали ему на Москве побыть для научения русскому языку»¹².

Вполне допустимо, обосновавшийся у Патрика Гордона шотландец мог совмещать лингвистические упражнения с капитанской службой и другими занятиями.

Латинский текст Корба начинает интересующий нас сюжет словами: «*Quidā jocator (vulgò Taschen-Spiller) non ita pridem Moscuā attigerat, ingenti spe artis suæ in terras tam longè dissitas protectus: ex Scotia Patria sua veniens, stirpē eorum ambitiosè jactabat...*»¹³.

Переводчики изданий дневника 1863 г. (Б. Женев и М. Семейский), а также 1906 г. (А. Малеин) передали «*Jocator*» и «*Taschenspiller*» как «фокусник» латинского и немецкого вариантов¹⁴. Между тем, эти слова на рубеже XVII–XVIII вв. имели смысловые оттенки. Так, «*jocator*» мог означать «шута», «насмешника», «затейника», и даже «паяца». Составленный Федором Поликарповым-Орловым в 1704 г. «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище» понятие «кощун» использует как «актер», а «кощунник» встречается с переводом «*scurra, sannio, jocator*» (шутник, балагур, скоморох, забавник). Он же «позорище» переводит на греческий язык через «театр» и «зрелище», а на латинский через «*locus spectandis ludis*» (место для смотрения игр), «*spectaculum*» (спектакль, зрелище). Поскольку театральная терминология не устоялась, «комедия» и «трагедия» назывались «позорищными играми». «Позорищный» означало «театральный», «сценический»¹⁵.

Еще в 40–50-е гг. XVIII в. гастролировавшая в России немецкая антреприза показывала спектакли двух обязательных частей: кукольную пьесу и исполнявшиеся «живыми персонами» представления¹⁶. Занятия «кукольника» Гордона, самостоятельно или по царской воле связанные с «позорищным» актерским ремеслом,

вызывали осуждение сторонника традиционного перечня благородных профессий посольского секретаря Иоганна Корба¹⁷. И не только его. Во время ссоры Яна Сплавского с Сергеем Ляпуновым по пути из Гданьска в 1702 г. в Россию с труппой Иоганна Кунста первый обозвал противника «вшивым подьячим», на что тот презрительно отмахнулся: «Какой ты капитан!? Ты токмо кукольник!»¹⁸.

Конечно, сетования Джона Гордона на утрату жалования способны были вызвать сочувствие не только восприимчивых к подобным вопросам шотландцев. Сочинения иноземцев полны рассказов о сорванных русскими контрактах, обещавших быстрое вознаграждение; задержках выплат; выдаче содержания товарами половинной стоимости и тому подобных хитростях. В этом отношении Польша или Испания мало отличались от России.

Ему повезло в главном. Надо полагать, при заступничестве влиятельного Патрика Гордона он избежал смерти. Генерал всегда старался помочь землякам. В 1661 г., будучи ротмистром польской службы, он добился прощения убившего двух крестьян капрала Бэлфура, из собственных средств заплатив 250 флоринов вдовам, чтобы они отказались от преследования злоумышленника¹⁹.

Иначе он повел себя в 1665 г., когда во время стычки с немецким капитаном Кристианом Улманом «случайно смертельно поколосся шпагой» шотландский капитан Юрий Смит. «Шкотчяня полковник Гордан да майор Борнет» сделали все возможное для исполнения приговора убийце, лишённого палачом руки и обеих ног²⁰.

Вопреки сообщению Корба, «фокусник Гордон» отделался за свое преступление ударами кнута и заключением. Властям необходима была демонстрация решительности и суровости для успокоения взбудораженного общества. Сложно сказать, когда сценарий «жестоккой казни» перерос в свободную «импровизацию».

---

¹ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваринта, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 111.

² Там же. С. 89–90, 249–250.

³ Там же. С. 112.

⁴ См., напр.: Орленко С.П. Преступление и наказание капитана Христиана Улмана // Родина. 2006. № 11. С. 79.

⁵ Гордон П. Дневник. 1684–1689 / Пер. Д.Г. Федосова. М., 2009. С. 185–186.

⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. М., 1948. С. 151–155.

⁷ Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 102, 128.

⁸ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 152; Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. СПб., 1853. С. 133–134.

⁹ Барсов Е. Новые разыскания о первом периоде русского театра // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1882. Кн. III. С. 6, 8.

¹⁰ Dobson D. Scots in Poland, Russia and the Baltic States: 1550–1850. Baltimore, 2003. P. 67.

¹¹ Анисимов М. Предпосылки территориальных изменений: пограничные конфликты между Россией и Речью Посполитой в 50-е гг. XVIII в. // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010. С. 410, 416–418.

¹² Документы, касаюцца прыбывшых в Россию членов рода Гордонов, хранящиеся в Московском главном архиве министерства иностранных дел // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1892. Кн. IV. С. 232.

¹³ *Diarium itineris in Moscoviam Perillustris ac Magnifici Domini Ignatii Christophori Nobilis Domini de Guarient & Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caesareae Majestatis Consilarii Aulico-Bellici ab Augustissimo, & Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum, & Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium Anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii Descriptum a Joanne Georgio Korb. Viennae, 1700. P. 100.*

¹⁴ Для сравнения немецкий перевод интересующего нас фрагмента: «Vor nicht gar langer Zeit war ein Spaßmacher, gemeinhin Taschenspieler genannt, nach Moskau gekommen...». Цит. по: Korb J.G. Tagebuch der reise nach Russland. Graz, 1968. P. 98.

¹⁵ Берков П.Н. Из истории русской театральной терминологии XVII–XVIII веков. («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XI. Л., М., 1955. С. 291.

¹⁶ Там же. С. 294.

¹⁷ Согласно Корбу, когда царский генерал Карл Риман отказался ссудить для театральной потехи немецкое платье, его «избили смертным боем и оставили почти замертво». Кorb И. Указ. соч. С. 237.

¹⁸ Барсов Е. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Гордон П. Указ. соч. С. 82.

²⁰ Орленко С.П. Указ. соч. С. 81.

Н.А. Оводков (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В 50–70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА В РОССИИ. СТАЛЕСТВОЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. Системы ручного огнестрельного оружия 1850–1870 гг. XIX в. Общая схема.

Изучаемый период военный министр Д.А. Милютин назвал «ружейной драмой». Это и вправду была «ружейная драма» различных систем, которые необходимо изучать вкуче с военной историей России, вкуче с различными испытаниями этих систем и т.д. Однако целью следующих исследований будет детальный разбор различных систем, но не с точки зрения уже готового ружья или готовой винтовки. Главное – представить, как начинали работать над созданием этих систем блестящие конструкторы и исследователи оружейники, члены Артиллерийского комитета, ведь это начиналось с изучения устройства ствола, его крутизны и глубины нарезов, с патрона, с общей длины ружья, с его веса и т.д. Это система «ТТТ» – тактико-технических требований. Под эти «ТТТ» конструкторы тогда разрабатывали образец. Именно на основе изучения отдельных компонентов «ТТТ» будут сделаны последующие исследования, а начнется все с изучения производства стволов для ручного огнестрельного оружия и материалов, из которых они делались в период 1850–1870-х гг. Чтобы понять, с какими системами имели дело отечественные конструкторы и мастера, а также детальнее узнать производства, на которых они работали, мы начнем с краткого обзора «ружейной драмы» и систем, которые приняли участие в ней.

В изучении производства ручного огнестрельного оружия во второй половине XIX в. необходимо отталкиваться от введения в нашей армии оружия уменьшенного калибра – 6-линейной нарезной винтовки, которая была создана в 1856 г.

Дела с вооружением ручным огнестрельным оружием на момент вступления А.А. Баранцова¹ в управление артиллерией в ГАУ² обстояли плохо, многое предстояло еще сделать. Однако авторы труда³ обращают наше внимание на тот факт, что наше вооружение нисколько не уступало заграничному. И это при условии того, что многие страны переходили на малокалиберное вооружение: Англия – на ружье системы Энфильда образца 1853 г. (калибра 5,77 линий, с тремя нарезами, пулей расширительной системы с деревянной втулкой); Австрия – на нарезные ружья калибром 5,5 линий, с 4 нарезами и пулей сжимательной системы Уилкинсона-Лоренца; Швейцария – на штуцер «союзных кантонов» образца 1851 г. (калибр 4, 134 линии и с продолговатой пулей с пластырем), а также на стрелковое ружье обр. 1857 г. калибра 4,07 линий, с 4-мя нарезами и сжимательной пулей системы Фолиарди; Франция – на 7-линейное ружье обр. 1854 г., с пулей расширительной системы, с 4-гранной выемкой, а потом и на стержневой штуцер системы Тувенена 1842 г. (калибр 17,78 мм). Однако все перечисленные выше системы – дульнозарядные, а прогресс держался на стороне казнозарядного оружия, которое имели у себя на вооружении Пруссия и Швеция, и только одна из систем достойная. Это прусское игольчатое казнозарядное ружье Дрейзе⁴ образца 1841 г., которое совершенствовалось более 25 лет после создания, и, как результат, с 1860 по 1864 гг. прусская армия была им вооружена.

Прусская армия была очень дисциплинирована и хорошо обучена, что было чрезвычайно важно в условиях развития скорострельных ружейных систем. Отличные действия прусской армии с таким оружием – заслуга ее высокого уровня подготовки. Грубо говоря, нашей армии требовалась система простая, надежная, которая будет работать даже в дрожащих руках, и при слабой дисциплине будет серьезным аргументом для победы. Таким вариантом могла оказаться система Жилле. В период с 1860 по 1864 гг. были испытаны многие системы: «Лардинца, Перри, Литча, Принса, Фастнахта, Шарпса, Батманова, Мериля, Монт-Сторма, Мансо, Шаспо и Жилле»⁵. Эти системы были совершеннее из-за отсутствия прорыва пороховых газов, ведь именно в этом таится проблема казнозарядного оружия. Система Жилле была двупульной: «В этой системе употреблялись две пули: одна впереди порохового заряда, другая в патроне позади его. Первая пуля при выстреле вылетала из дула, а вторая оттолкнутая назад, упиралась в дно затвора

и, раздавшись по ширине, запирала плотно казенный обрез»⁶. «Если расширение пули недостаточно для заполнения этого пространства, то происходит прорыв газов. Если же расширение пули слишком велико, то пуля очень сильно нажималась на окружающие ее стенки патронника, вследствие чего при следующем заряжении ее трудно протолкнуть вперед, а иногда это и совершенно было невозможно выполнить...»⁷, – именно такие проблемы имела система Жилле. Были еще несколько систем, не выдержавших испытания. Например, в 1859 г. полковник Грин из Северной Америки предложил свою систему. Она также была двупульной, заряжалась с казенной части гладкой цилиндро-сферической пулей (без выемок и желобков). Меткость у двупульных систем была хорошей, однако проблема заключалась в необходимости четкого соотношения между пулей и зарядом, так как чуть что – и задняя пуля могла застрять намертво, расширившись слишком сильно, либо наоборот.

Генерал-адъютант А.А. Баранцов вступил в должность главы ГАУ в 1863 г., когда еще ружья системы Жилле (усовершенствованной мастером Труммером) изготавливались, из-за границы были присланы несколько новых экземпляров капсюльных систем: Терри, Вестлей-Ричардс, Вильсон, Линденер и др. Образец системы Терри, усовершенствованный мастером Норманном, был представлен на Высочайшее утверждение военному министру Д.А. Милютину⁸ при докладе от 15 ноября 1866 г. В конце 1866 г. были готовы образцы для переделки 6-линейных систем по системе Терри-Нормана.

И тут же, в конце 1866 г., к российскому правительству обратился гамбургский житель – англичанин Карль. Он предложил воспользоваться измененной им игольчатой системой для переделки 6-линейных винтовок. Механизм его был и вправду хорошим, и в каком-то смысле вобрал в себя все лучшее: патрон досылался ручкой затвора; ударный состав был в поддоне, ближе к игле, следовательно, игла могла быть короче и толще; исключение прорыва пороховых газов посредством кожного кружка на передней части затвора. Однако выделка по этой системе не была завершена. Было выяснено, что существует проблема недолета пуль, причем из-за того, что «...после выстрела несгоревшая часть гильзы, а также все дно патрона оставались в камере и продвигались вперед при вклевывании следующего патрона...»⁹.

На производстве происходит утечка времени, которое ценилось на вес золота. Чтобы переделывать массово игольчатые винтовки,

необходимо переустройство заводов, а это займет много времени. Слишком сложным было устройство затвора. «С конца 67 г. по февраль 69 г. – на наших трех казенных заводах и частных мастерских было переделано лишь 90 000 ружей. Ежедневный из приемов во всех приемных комиссиях не превосходил и 600 экземпляров»¹⁰.

Поиск более совершенных оружейных систем продолжался, и в 1869 г. была образована комиссия во главе с председателем генерал-лейтенантом Резвым¹¹, которая рассмотрела 4 образца: Альбини, Терссон, Крнка и Баранова. 1 марта 1869 г. члены комиссии отдали предпочтение системе Крнка. 21 июля 1869 г. был утвержден окончательный образец винтовки Крнка. С 21 июля 1869 по 20 августа 1871 г. оружейные заводы и мастерские переделали 516 901 винтовку по системе Крнка, а 125 067 экземпляров было изготовлено новых по этой же системе.

Первый долгожданный образец винтовки уменьшенного калибра и с унитарным металлическим патроном – результат работы в Америке российских военных агентов – полковника А.П. Горлова и капитана К.И. Гунниуса. Итогом их работы стала винтовка Бердана образца 1868 г. В 1869 г. Х. Бердан предложил несколько измененный вариант со скользящим затвором, который, действительно, был более совершенным: «...результаты испытаний, произведенных в пехотном учебном батальоне указали на безусловные преимущества системы Бердана № 2»¹². В итоге была создана крупная комиссия для сравнительных испытаний Бердана № 1 и № 2 и ружья из Баварии системы Вердера. После этих всесторонних испытаний стало ясно, что система Бердана № 2 лидирует и производство надо начинать по этой системе.

2. Новое сталелитейное и сталествольное производства

При переходе на ручное огнестрельное оружие меньшего калибра стволы из железа не могли пройти необходимых испытаний. Горное железо в среднем давало до 60 % брака. Как вариант, решили испытать на качество контуозское железо, которое изготавливали на Ижевском железоделательном заводе братья Грандмонтан. К тому времени была испытана сталь Обухова¹³ и показала наименьшее количество брака. Тем более, что от такого количества брака сильно страдала казна – 30 % брака, дважды и более приходится платить за стволы.

В 1855 г. провели испытания стволов из литой стали¹⁴ полковника Обухова и «нашли, что они обладают всеми качествами наилучших ружейных стволов, а именно чистотою, вязкостью, однородностью и значительной твердостью, чего не достигалось в употреблявшемся у нас железе; что нарезка стальных стволов, несмотря на твердость металла, была исполнена гораздо отчетливее и удобнее, чем обыкновенная нарезка железных стволов»¹⁵. Также, в этом же году, была испытана сталь вестфальского фабриканта Круппа, с которым конкурировал Обухов. Оба варианта были достаточно дорогими. Был еще один вариант стали – его предлагало сталествольное производство города Эгер, которое было поставщиком прусских казенных заводов в Зоммерде и Шпандау: «...за непросверленный ствол около 16 – коп. сер. с фунта <...> за просверленный, обточенный и подсаженный ствол по 4 р. 40 к. за экземпляра»¹⁶. В 1856–57 гг. в Екатеринбургском временном оружейном отделении приготовили 12 ружейных стволов из стали Обухова, которые при испытании выдержали 2 стандартных заряда и 28 усиленных. Выдержали они их, не разорвавшись. Сталь Обухова выигрывала в цене: «...она стоит от 1 р. 60 к. до 2 р. сер., крупновская же более 5 р. 50 к. сер. за пуд, а сталь Эгера также около того...». Однако в 1863 г. стволы изготавливались все равно из железа, по причине сильной дороговизны стали. Интерес в изучении отечественной стали представляют результаты испытаний ствольной стали Обухова и ствольной стали мастеров Бохумского объединения¹⁷. Сталь Обухова хорошо ковалась, от удара молотком не было трещин, излом закаленной стали был мелкозернист, но зерна видны были невооруженным глазом. Далее следовало уже испытание ствольных болванок, при высверливании и обточке которых не было никаких проблем. А после этого наступила очередь пороховой пробы. Поручик Русилович, который проводил эти исследования, сделал некоторые выводы. Если бы сталь Обухова, изготовленная для этого опыта, была сделана самым тщательным образом, она обошла бы ствольное железо. Однако конкретно при этих испытаниях стволы из железа были вязче и упруже обуховской стали. А что касается бохумской стали, то она не выдержала испытаний, так как уже до вара нагревалась с трудом, при пробивке варов трескалась, крошилась.

Чтобы успех отечественного сталелитейного и сталествольного производства развивался вперед, необходимо расширение

производств, новое оборудование, новые опыты. В 1858 г. П.М. Обухов получил разрешение на постройку своей фабрики, Князе-Михайловской. «К концу 1861 г. на фабрику были доставлены сверлильные, токарные и строгальные станки, воздуходувные цилиндры больших размеров и четыре паровых молота различного веса, один системы Конди, остальные Несмита»¹⁸. Однако Князе-Михайловская фабрика занималась больше артиллерийскими стволами, поэтому необходимы были еще производства. «В 1861 г. коллежский советник Путилов, получив от полковника Обухова право на изготовление стали по его способу на частных заводах, решился на устройство сталелитейного завода под Петербургом»¹⁹. Строить завод решено было вблизи Николаевской железной дороги. Сам завод был основан в 1863–64 гг. Однако, судя по информации из труда В. Колчака²⁰, стволы для винтовок завод начал выделывать лишь с 1871 г. по заказам Военного ведомства.

Заграничные стволы вполне удовлетворяли ГАУ, заказы поступали в основном в К.-Михайловскую фабрику, а с 1864 г. и на Обуховский и Пермский²¹ заводы. «Кроме того, до сих пор потребность в стальных стволах была незначительна, ибо только одна четвертая часть всех, ежегодно изготавливаемых ружей имела стальные стволы; причем в случае экстренной надобности, их всегда можно было заменить железными, изготовление которых в последнее время не встречало затруднений»²². Наши фабрики нуждались в работе, и готовы были изготавливать стволы не хуже и не дороже. При этом они нуждались во времени на необходимые опыты, выписку и установку станков, и вскоре они смогли бы приступить к работе. Кроме того, «...испытания эти необходимо провести не только над стволами, доставленными с заводов Обуховского и Пермского и с Князе-Михайловской фабрики, но и с Ижевского завода, где уже существует, хоть и не в значительном размере, свой способ получения литой стали»²³. Производство на Ижевском железодельном производстве можно было перепрофилировать в сталествольное, тем более, что «за успешное развитие дел в Ижевском заводе ручалось кроме того участие заводчика Бергера из Виттена, лично в деле заинтересованного»²⁴.

Обстановка меняется, когда у нас на вооружение принимают скорострельные ружья малого калибра (винтовка Бердана № 1 образца 1868 г.) – для них железные стволы не подходили, так как не оказывали необходимого сопротивление погибом. Это было чревато

зависимостью от западных поставок. Однако наши заводы готовы были изготавливать стволы не дороже зарубежных. В 1869 г. горный начальник Златоустовских заводов передает донесение от 6 февраля господину министру финансов, что его заводы имеют все средства дляковки и отливки болванок. И они будут готовы к серийной выделке стволов не позднее 1 января 1870 г.

В 1870 г. главной задачей являлось сравнение стволов, изготовленных на разных фабриках: Обуховском заводе, Пермском, Князе-Михайловской фабрике, Ижевском, на немецкой фабрике Бергера, чтобы утвердить окончательно доминанту на производстве. С каждой фабрики для испытаний потребовали по 50 глухих ствольных болванок и 50 стволов. «Фабрика prepares 150 глухих обработанных болванок, представляет их все вместе артиллерийскому офицеру, который, выбрав из этого числа 50 экземпляров, сорок отправляет для испытания в Сестрорецк на погиб, на бельгийском станке и разработке в стволы, а 10 оставляет на заводе для механических испытаний, о которых будет оговорено ниже; остальные 100 болванок назначаются для приготовления из них только 50 черновых стволов на самой фабрике в том предположении, что при сверлении может оказаться значительный брак от не привычки рабочих сверлить малокалиберные стволы»²⁵.

Опыты над стволами и сталью были непростые, они производились в несколько стадий: определяли сопротивление металла сжатию, определение растяжения стали по направлению длины ствольной болванки, определение сопротивления стали действию ударов. Далее, доставленные с заводов в Петербург 40 глухих болванок испытывались на погиб с помощью бельгийского станка в Сестрорецке, потом разрабатывались там же в стволы и предоставлялись для пороховой пробы: 20 черновых и 20 окончательно отделанных. Снова проходили испытания на погиб. 25/50 (черновых) – пороховая проба и погиб, 25/50 – окончательно отделялись в Сестрорецке и пробовались стрельбою и погибом. Пороховая проба производилось двумя выстрелами, причем на разрыв испытывались 10 % стволов. После пороховой пробы необходимо было сообщить величину груза, которую черновые стволы выдерживали при пробе на погиб, при этом за наименьшую норму принять тот груз, который выдерживает вчерне высверленный железный ствол 6-линейной винтовки. Следствием таких испытаний также можно считать отказ от сталеплавильных горнов, так как комиссия высказалась

за замену их печами Сименса, что касается процесса выплавки, то следовать способу Мартена²⁶, заказав ему стальные стволы или стальные болванки для испытаний в Петербурге и Сестрорецке и для сравнения со стволами Бергера.

История сталелитейного отечественного производства не может обойтись без упоминания о «стали Каратаева», чье производство быстро шло вверх в середине 1860-х гг. Каратаев – штабс-капитан, помощник штаб-офицера по искусственной части полевой конной артиллерии, изучал несколько лет сталелитейное производство. Изучение его в 1862–1865 гг. вылилось в довольно высокие результаты. Он побывал на наших уральских заводах, убедился в громадности брака и понял, что все дело в выплавке металла. В свою очередь, он изучал сталь полковника Обухова на Златоустовском заводе. Вернувшись в Сестрорецк, он начал досконально изучать сталелитейное дело, часто работая целыми ночами. В первую очередь, он переделал горн для медного литья в сталелитейный. Построив его, решил закупить английские графитовые тигли, которые были довольно дорогими. В августе 1863 г. инспектор оружейных заводов выдал Каратаеву 600 рублей серебром в обмен на последующую поставку правительству 50 пудов литой стали. Когда пришла из Англии посылка, в ней он обнаружил лишь графитовые осколки с черепками. Каратаев приступил к сооружению прессы для тиглей и к сооружению сушильни. Основу для прессы выбрал из негодных заводских вещей, а винт купил на толкучке. В декабре 1863 г. пресс был окончен, поэтому сразу приступили к тигельному производству²⁷, к сушке, а уже в апреле 1864 г. тигельное производство достигло блестящих результатов. Качество было лучше английского, поэтому производство зашагало вперед. А потом случилось непредвиденное – в 1865 г. Каратаев умер в возрасте 35 лет. Его преждевременная смерть существенно замедлила достижение прогресса в сталествольном производстве.

В 1860-х гг. были проведены массовые испытания разных видов стали на отечественных заводах. Эти результаты мы можем видеть в 3-м номере Оружейного сборника за 1871 г. Характеристики стали с завода Бергера – это высокая упругость, качество, но излишняя твердость, и поэтому небезопасна при использовании оружия; сталь с Обуховского завода по твердости превосходила сталь Бергера, была чище, лучше противостояла действию выстрелов. Автор статьи делает ударение на то, что завод этот не только впервые

готовил сталь, но и брал как образец сталь Бергера; сталь Князе-Михайловской фабрики занимала среднее место между фабрикой Бергера и Обуховским заводом, и фабрикой Мартена и Пермским заводом. Она хуже всех по степени твердости и по обработке, но имеет высокую сопротивляемость изгибу, изготовлена из хороших материалов при плохой обработке – стволы практически не разрываются при большом количестве выстрелов; сталь завода Мартена была мягкой и чистой, у нее была хорошая сопротивляемость действию выстрелов, но была слабо обработана. Более того, сталь представляла собой смесь железа с прожилками стали, при переработке болванок в стволы возникали большие трудности; сталь Пермского завода обладала высоким качеством, но цена была завышена, сама сталь была с примесями, отсюда возникновение большого количества разрывов.

Автор в своей статье приводит любопытную статистику, причем очень наглядную. От стали требуют много характеристик, и все эти характеристики должны быть свойственны самому лучшему варианту стали, а впоследствии и стволам из нее. Полную безопасность при стрельбе обеспечивали стволы Князе-Михайловской фабрики; наименьшую деформацию ствола при пороховой пробе обеспечивал Пермский завод; сопротивление изгибам, причем не уступающее прежним 7-линейным стволам, обеспечивали Пермский сталепушечный завод и Князе-Михайловская фабрика; однокачественные стволы, разработка которых не встречала препятствий на отечественном производстве, обеспечивали Пермский завод и немецкий завод Бергера; и, наконец, вопрос цены был умеренным за границей (2,50 руб. у завода Бергера), самым дорогим на Пермском и Обуховском заводах (4 рубля) и средним на Князе-Михайловской фабрике (3 рубля, при жертве в качестве).

«Россия представляет все средства для развития сталествольного производства – и стыдно нам, имея у себя до 7-ми сталелитейных заводов (Пермский, Обуховский, Князе-Михайловская фабрика, Сормовский завод г-на Бенардоки, Алапаевский, Серебрянский и Камско-Воткинский; кроме того, выплавка литой стали существовала и на Ижевском заводе), располагающих превосходными сырыми материалами, возить из-за границы сталь посредственного качества»²⁸.

За 1871 г. есть описание²⁹ еще одних опытов, производившихся над стволами уже вышеуказанных заводов. Опытные стволы были

заказаны фабриканту Бергеру в Пруссии, фабриканту Мартену во Франции, Обуховскому заводу около Санкт-Петербурга, Пермскому сталепушечному заводу, Ижевскому железодельному заводу, Князе-Михайловской фабрике в городе Златоуст и Сормовскому заводу. Однако не все заводы смогли эти заказы выполнить. Ижевский железодельный завод отказался от выполнения, Сормовский завод не уложился в сроки, также как и Князе-Михайловская фабрика. Остальные 4 завода заказы выполнили в срок, и к этим заказам присоединились еще стволы из железной проволоки испытателя Львова, английские стволы и стволы Бердана из Америки. Заводчики Бергер и Мартен прислали стволы уже просверленные, тогда как Обуховский и Пермский заводы прислали болванки, просверленные уже на Сестрорецком заводе. Заводчик Бергер для отливки использовал тигельный способ, который дал всего 5 % брака, но оказался трудным в разработке. Образцы заводчика Мартена дали 92 % брака. Пермский завод за образец стали для стволов взял сталь похожую на мартеновскую, но видимо усовершенствованную. Пермский образец дал лучшее соотношение в качестве/простоте и всего лишь 10 % брака. Обуховский завод представил образец, имеющий сходство с образцами фабриканта Бергера, который дал 22,5 % брака. Необходимо упомянуть о том, что сталью Бергера и стволами из нее был недоволен даже сам министр Бельгии, который в 1872 г. отказался от этого фабриканта и начал делать заказы заводу Кокерилль в Серене³⁰.

Итак, мы можем выделить 2 завода, чье производство стали и стволов из нее неизменно удовлетворяло Главное артиллерийское управление: Обуховский завод и Пермский сталепушечный завод. Именно поэтому название этих двух заводов мы можем видеть в отчетах ГАУ за 1873–1875 гг. Этот период как раз обозначен концом большинства опытов над стволами для малокалиберных отечественных винтовок. В отчетах мы находим следующую отчетную информацию в отношении Обуховского завода: «В 1873 году завод окончил поставку 25000 стволов с коробками, данных ему в наряд на основании Высочайше утвержденного 14-го августа 1871 г. положения Военного совета и получил новый заказ в 25000 стволов с коробками, с условием сдать их в 1874 г.»³¹. В отношении Пермского завода: «Из числа несданных заводом по сроку 1872 года 10000 малокалиберных стволов с коробками поставлено 2000 экземпляров»³². Мы видим, что этот наряд Пермский завод сильно

задержал вплоть до 1874 г. За 1874 г. мы видим новый отчет о деятельности Обуховского завода: «В 1874 году завод получил наряд в 25000 стволов с коробками, с условием сдать их в том же году, и окончил поставку в срок»³³. И, наконец, 1875 г. – это был последний год, когда заказы выполняли оба завода, сначала речь идет об Обуховском заводе, затем о Пермском: «В 1875 году Обуховскому заводу дан был наряд в 25 000 стволов с коробками, в счет которого сдано 20000. <...> Из числа несданных заводом по сроку 1872 года 10000 малокалиберных стволов с коробками, к 2000 стволам, сданным в 1874 году, завод сдал еще 7246 стволов и 2197 коробок к ним»³⁴.

Заключение

Подводя итоги и возвращаясь на исходную позицию, т.е. ко времени введения у нас винтовки уменьшенного калибра – знаменитой «шестилнейки» образца 1856 г., можно с уверенностью сказать, что опыты над металлом для стволов существовали еще раньше. Это длительный процесс, результаты которого стали одной из важнейших вех в производстве оружия в 1850–1870 гг. Горное железо, которое доставляли с Урала, не удовлетворяло Артиллерийское ведомство из-за большого процента брака. Испытания железа для стволов начались в начале 1850-х гг. Испытывали горное железо и контуазское. Последнее изготавливалось братьями Грандмонтан на Ижевском заводе. Контуазское железо давало меньше брака, однако уже тогда была известна литая сталь Обухова, как более чистый материал, нежели железо. Стволы Обухова были испытаны еще в 1855 г. Затем испытания прошли в 1856–57 гг. в Екатеринбургском временном оружейном отделении, и примерно тогда, весной 1857 г., 1000 стволов доставили для испытаний в Ижевский и Сестрорецкий заводы. А в 1859 г. довольно крупная партия стволов из этой стали и болванок, разработанных на Ижевском заводе в стволы дала всего лишь 11 % брака. Однако Обухов не был одним заводчиком, желавшим поставлять необходимый материал для оружейных заводов. Конкуренцию ему составлял фабрикант Крупп из Вестфалии, а также основные поставщики прусских казенных заводов в Зоммерде и Шпандау – сталествольное производство в городе Эгер. Конечно же, на основе этой конкуренции происходили совместные испытания стали Обухова, Круппа, Эгера, а вместе с ними и железа. Сталь Обухова уверенно выигрывала в цене и в 90 % испытаний в качестве.

Отечественное производство шло вперед, строились новые заводы – основа российского производства. В 1859–60 гг. была построена Князе-Михайловская фабрика, детище П.М. Обухова. К 1861 г. там было уже необходимое оборудование. Однако фабрика была довольно далеко от Санкт-Петербурга. Поэтому в 1861 г. заводчиком Путиловым было получено разрешение от властей на постройку вблизи от Санкт-Петербурга необходимого производства, более того, было согласовано производство там литой стали Обухова. Это производство – Обуховский завод, построенный в 1863–64 гг. В это же время шла постройка еще одного сталелитейного завода – Пермского.

Несмотря на то, что до 1863 г. абсолютное большинство в производстве стволов принадлежало железу, как только новые отечественные заводы по производству стали были построены, в них хлынули испытательные комиссии с заказами. Конкуренцию отечественному сталелитейному и сталествольному производству составлял фабрикант Бергер из Виттена в Пруссии. В конце 1860-х гг. ситуация кардинально меняется, ведь у нас принята на вооружение винтовка Бердана № 1 образца 1868 г. с калибром в 4,2 линии. Железные стволы к этому оружию абсолютно не подходят, они не выдерживают испытания погибом на упругость. И наши заводы изъявляют желание поставлять все необходимое. Начинается еще один этап необходимых испытаний в 1870 г. В испытаниях участвуют уже известные нам заводы: Обуховский, Пермский, Князе-Михайловская фабрика, Ижевский, завод Бергера. Испытания проходили сложнейшие: на сопротивление металла сжатию, на растяжение, на сопротивление ударам, на упругость. Потом уже готовые болванки предоставлялись для пороховой пробы и снова проводились испытания на погиб. За этим следовала окончательная отделка и снова испытывались пороховой пробой и погибом. После этих испытаний комиссии отказались от сталеплавильных горнов и заменили их печами Сименса, как более совершенными. А в отношении процесса выплавки обратились к способу Мартена³⁵, перед этим испытав его экземпляры. Заводы начали использовать различные типы стали, смешивали образцы, улучшали их. В 1871 году опять прошли испытания, а состав заводов был немного обновлен: фабрикант Бергер, фабрикант Мартен, Обуховский завод, Пермский, Ижевский, Князе-Михайловская фабрика, Сормовский завод. Последние три не смогли поучаствовать в испытании.

А по результатам лидером был Пермский сталепушечный завод, который дал всего лишь 5 % брака, использовавший мартеновскую сталь собственной обработки, т.е. улучшенную. Вторым был Обуховский завод. И именно эти два завода мы встречаем на страницах Отчетов ГАУ за 1873–75 гг., как главных поставщиков стальных стволов для оружейных заводов. Известно, что Пермский сталепушечный завод был сильно занят поставками артиллерийских орудий и стволов к ним. Скорее всего, именно по этим причинам стальные стволы, судя по отчетам ГАУ, после 1875 г. поставлял только Обуховский завод.

---

¹ Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), граф, генерал-адъютант, генерал от артиллерии. С 1862 г. – начальник Главного артиллерийского управления, товарищ (заместитель) генерал-фельдцейхмейстера (начальника русской артиллерии). С 1863 г. на него было возложено непосредственное руководство всей русской артиллерией. См.: Архив ВИМАИМиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 5. Л. 148–174.

² ГАУ – Главное артиллерийское управление. Создано в 1862 г. В нем сосредоточены техническая, ученая, учебная и хозяйственная части военного ведомства, снабжение войск и крепостей оружием и боеприпасами. См.: Приказ военного министра № 375 от 28 декабря 1862 г.; Военная энциклопедия И.Д. Сытина. Т. 8. СПб., 1912. С. 334.; Струков Д.П. Главное артиллерийское управление: Исторический очерк. СПб., 1902.

³ Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерала-адъютанта Баранцова (1863–1877). СПб., 1877.

⁴ Дрейзе Иоганн Николаевич (1787–1867) – немецкий изобретатель-оружейник. Учился во Франции. В 1817 г. вернулся в Германию. Изобрел казнозарядное ружье игольчатой системы, которое потом усовершенствовал для армейского пользования. См. о нем: Оружейный сборник. 1864. № 4. Отд. 3. С. 25.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ Зыбин История Тульского императора Петра Великого Оружейного завода. М.: тип. И.Н. Грызунов и Ко, 1912. С. 25.

⁷ Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 154–155.

⁸ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – генерал-адъютант (1855), генерал-фельдмаршал (1898). Военный министр (1861–1881). Почетный член Российской Академии наук, доктор русской истории С.-Петербургского университета. См. о нем: Ильина Т.Н. Военные агенты и русское оружие. СПб.: Атлант, 2008. С. 291.

⁹ Фёдоров В.Г. Вооружение Русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 171–172.

¹⁰ Там же. С. 192–193.

¹¹ Резвой Орест Павлович (1811–1904) – председатель Исполнительной комиссии по перевооружению армии. Постоянный член Арткома ГАУ. Член Военно-учебного комитета. См. о нем: Ильина Т.Н. Указ. соч. С. 295.

¹² Там же. С. 239.

¹³ Обухов Павел Матвеевич – горный инженер, полковник корпуса горных инженеров. Ему принадлежала честь введения сталепушечного дела в России. Хотя первым, кто начал заниматься получением литой стали, был горный начальник Златоуста, генерал-майор Аносов. Сам П.М. Обухов начал получать тигельную сталь, из которой первое время готовил клинки, кирасы и стволы, а в 1855 г. подал проект о приготовлении артиллерийских орудий. В 1857 г. его отправляют за границу для изучения и осмотра заводов, и после возвращения он стал начальником Златоустовского горного округа. В 1858 г. получил разрешение на постройку фабрики, названной Князе-Михайловской. Сама фабрика – сталелитейная, с ней связана целая сеть сталепушечных производств.

¹⁴ Сталь Обухова – состав широк: пудлинговая сталь, рафинированный чугун и магнитный железняк. Именно на приготовление стали из этих материалов Обуховым была взята привилегия в 1857 г. Этот же способ ввел около 1865 г. в оборот полковник Воронцов на Пермском сталепушечном заводе. Причем сама пудлинговая сталь заказывалась из Финляндии у заводчика Путилова, но около в 1865 г. было уже решено готовить ее у себя. См.: Киреев П. Краткое описание Обуховского сталелитейного завода // Журнал мануфактур и торговли. 1865. Т. 5. С. 589–600.

¹⁵ Бестужев-Рюмин В.Н. Несколько слов о введении у нас литой стали для ружейных стволов // Оружейный сборник. 1863. № 1. С. 142.

¹⁶ Ружейные стволы из литой стали // Артиллерийский журнал. 1857. № 1. С. 69.

¹⁷ Бохумское сталелитейное производство – одно из первых в мире, в городе Бохум. Именно здесь, считается, начали из железной руды лить сталь еще в 1844 г. Именно с бохумскими мастерами конкурировал фабрикант Крупп.

¹⁸ Цит. по: Колчак В. История Обуховского завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб.: Тип-я Морского министерства, 1903. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ К постройке Пермского сталепушечного завода приступили в 1863 г. в замену Мотовилихинского медеплавильного завода на берегу реки Камы. Управляющий – Н.В. Воронцов.

²² О водворении в России стального ствольного производства // Оружейный сборник. 1869. № 4. 2 отд. С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ Очерк преобразований в артиллерии в период управления генерал-адъютанта Баранцова: 1863–1877. СПб., 1877. С. 305.

²⁵ О водворении в России стального производства // Оружейный сборник. 1869. № 4. 2 отд. С. 4–5.

²⁶ Пьер Мартен – французский металлург, первая печь в 1864 г.

²⁷ Тигель – графитный горшок, в котором плавят сталь. См.: Заводы Н. Путилова: 1857–1870. СПб, 1870; Состав тиглей, то есть состав массы, из которой они готовятся – огнепостоянная глина, черепки от старых тиглей, цейлонский графит, сибирский графит, березовый уголь (См.: Миклашевский П.И. Пермский сталепушечный завод. СПб., 1874). Тигельная сталь получается тигельным способом из бессемеровской (сталь более упругая и твердая, полученная методом продувки через чугун сжатого воздуха) и мартеновской (менее упругая и твердая, получаемая в мартеновских печах через вдвухвание раскаленной смеси горючего газа) стали.

Новые требования к производству ручного огнестрельного оружия в 50–70-е гг. XIX в.

---

²⁸ Калакуцкий Н. Испытание ствольной стали и опыты над малокалиберными стволами разных заводов // Оружейный сборник. 1871. № 3. С. 81.

²⁹ Там же.

³⁰ Биндерлинг П. Изготовление, прием и проба стальных стволов употребляемых для бельгийского военного оружия // Оружейный сборник. 1872. № 4. 2 отд. С. 1–6.

³¹ Отчет ГАУ за 1873 г. // Отчеты ГАУ: 1871–1912. С. 3.

³² Там же.

³³ Отчет ГАУ за 1874 г. // Отчеты ГАУ: 1871–1912. С. 3.

³⁴ Отчет ГАУ за 1875 г. // Отчеты ГАУ: 1871–1912. С. 3.

³⁵ Способ Мартена – плавка стали на поде печей Сименса. В 1869 г. этот способ введен или вводился на многих заводах в Америке, Англии, Франции, Австрии, Пруссии. См.: О водворении стального ствольного производства // Оружейный сборник. 1869. № 4. отд. 2. С. 2.

С.П. Орленко (Москва)

ТАРЧ ИЗ СОБРАНИЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ. ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА

В КОЛЛЕКЦИИ доспеха Музеев Московского Кремля хранится уникальный памятник – русский тарч XVII в. (Инв. № Ор-887). Предмет состоит из щита и наручи с рукавицей. Щит круглый, составлен из четырех частей, места соединений прикрыты фигурными медными золочеными накладками. Поле щита украшено медными позолоченными репейками. В верхней части щита прорезано четырехугольное отверстие, а под ним медный литой орел. По краю щита шелковая кайма с бахромой, отверстие для руки обложено красным атласом, обшитым серебряным галуном и опушенным бахромой. Наручь железная, из двух половин, скрепленных железными гвоздями и украшенных с одной стороны медным репьем, а с другой – такими же лилиями, на верхней части наручи – укреплен медный литой орел, четыре лилии и девять медных репейков. Запястье медное, украшено выбитыми крестиками и каймой, по краю вырезано городками и усажено двумя репейчатыми гвоздиками. К запястью прикрепляется латная рукавица из железных и медных пластин (рис. 1).

Рис. 1. Тарч. Россия, Москва, Оружейная палата, XVII в. (ОР-887)

Не имеющий прямых аналогов, весьма импозантный по своему внешнему виду, предмет неизменно производит сильное впечатление на публику и в последнее время очень востребован организаторами международных выставок¹.

Впервые тарч упомянут в Переписной книге оружейной казны 1687 г. «Тарч стальной личной с левою рукою. Рука воронена с шпагою. По щиту и на руке дощечки и гвоздья железные, золочены репейчаты. Бахрама и около руки и тарча шолк лазорев с червчатым. Подложен атласом червчатым. Снуры в столбец, шелк бел, черн с желтым. А по нынешней переписи 195-го году и по осмотру тот тарч против тех переписных книг сшолся. Цена пятнатцать рублей. А в прежних переписных книгах тот тарч написан в главе 62-й»².

В 1711 г. тарч наличествовал в Оружейной палате, однако в уже 1712 г. его в хранилище «по осмотру не явилось». И вновь он присутствует «на лицо» в Оружейной палате при описи 1727 г. В 1746 г. в описании тарча появляются не отмеченные ранее медные орлы (снаружи), четыре кольца с пробоями серебряными (изнутри, через них продеты шнуры), а также «скоба серебряная с медными репейками».

В описи 1808 г. отмечена принадлежащая к тарчу «железная продолговатая штучка с медными по ней репейками, которая как по форме ея судить должно, надевалась на большой палец руки»³.

В описи 1835 г. тарч фигурирует «с короткою, острою на обе руки шпагою». Однако при проверке в 1861 г. указанной шпаги при тарче не оказалось, «но вместо нея прикреплено было трехгранное копьё, на короткой деревянной обшитой бархатом рукояти». Копьё было отнято и заменено шпажным клинком⁴. В опубликованной описи Московской Оружейной палаты конца XIX в. указано, что к тарчу присоединен шпажный клинок записанный под № 6222⁵. (Очевидно, в номере клинка была допущена ошибка, в Описи Московской оружейной палаты 1835 г. под номером 6222 фигурирует пицаль, а в 1862 и 1885 гг. – кортик императора Петра I)⁶.

В машинописной охранной книге Музеев Московского Кремля (отметка о завершении тома 16 июня 1944 г.) тарч описан без клинка⁷. Вероятно, клинок был демонтирован с тарча при подготовке памятников Оружейной палаты к эвакуации в 1941 г. и так и не возвратился на место.

В собрании Оружейной палаты хранится тесачный (шпажный) обоюдоострый клинок с чрезвычайно необычным по своей форме

Рис. 2. Полоса тесака. Россия, XVII в. (ОР-805)

Рис. 3. Полоса тесака. Россия, XVII в. (ОР-805)

хвостовиком⁸ (рис. 2, 3). Очевидно, такой хвостовик предусматривал крепление клинка к чему-то иному, нежели обычная рукоять. Впрочем, какими бы то ни было свидетельствами, что данная полоса когда-либо была закреплена на тарче, мы не располагаем.

К загадочным относится сюжет с появлением в XVIII в. на внутренней поверхности серебряных колец для шнуров и серебряной скобы⁹, частично перекрывающей отверстие – «окошко» в поле щита. (Относительно функционального назначения последней детали, сколько-нибудь убедительных предположений до сих пор не родилось). Не менее таинственна история о появлении и исчезновении трехгранного копьё и «железной продолговатой штучки» в первой половине XIX столетия.

Метаморфозы в облике тарча XVIII–XIX вв. предположительно говорят об активном бытовании предмета как выставочного и презентационного объекта и значительном внимании к нему со стороны администрации, проводившей разнообразные доделки и подновления памятника. Обширные группы оружия в первой половине XVIII в. использовались для составления арматур и украшения интерьеров кремлевских дворцов¹⁰. Но нельзя исключить, что тарч мог демонстрироваться и индивидуально, например высокопоставленным посетителям. В постоянной экспозиции Оружейной палаты второй половины XIX в. в Бронном зале тарчем был вооружен манекен воина в латах и шишаке¹¹ (рис. 4).

* * *

В первой половине XIX столетия в русском обществе активно растет интерес к отечественной истории и старине. Просвещению

**Рис. 4. Бронный зал Оружейной палаты. Россия, Москва.
Фотография Г.В. Трунова, 1880-е-1890-е гг. (ФД-308)**

и популяризации исторического знания в немалой степени способствовал выход в свет иллюстрированных изданий, таких как «Живописный Карамзин или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево» (СПб., 1836 г.). Более 300 рисунков к этому изданию, впоследствии перенесенных на литографский камень, были созданы выпускником Академии художеств Борисом Артемьевичем Чориковым (Чороковым, Чериковым). Достоверные сведения о старинном русском оружии и доспехе художник черпал в собрании Оружейной палаты. Разумеется, столь замечательный предмет как тарч, не мог не привлечь внимания художника. На литографии, показывающей оборону Смоленска от поляков 1609–1611 гг., изображен русский воин в доспехе, вооруженный саблей и тарчем. Это изображение можно считать первой публикацией памятника Оружейной палаты (рис. 5).

Спустя пять лет выходит в свет первый том «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск» под редакцией

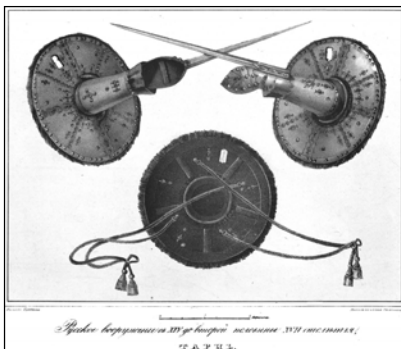
Рис. 5. Чориков Б.А. Оборона Смоленска от поляков. 1830-е гг.

военного историка Александра Васильевича Висковатова. Среди авторов иллюстраций был и Б.А. Чориков, вновь изобразивший русского воина с тарчем. (Подпись на рисунке: «Составляли Чериков и Разумихин») (рис. 6). К узнаваемым памятникам Оружейной палаты также относятся изображенные на этом рисунке топор¹² и зерцала¹³. В том же томе присутствует и изображение собственно тарча в трех ракурсах, с узким граненым клинком на наручи, выполненное как явствует из подписи рисовальщиком и литографом Владимиром Ивановичем Теребеневым¹⁴ (рис. 7).

Событием огромной научной и общественной значимости стал выход в свет в середине XIX в. «Древностей Российского государства»

Рис. 6. Чориков (Чериков), Разумихин. Русский воин в зеркале и в шеломе. 1830-е гг.

Рис. 7. Теребнев В.И. Тарч. 1830-е гг.

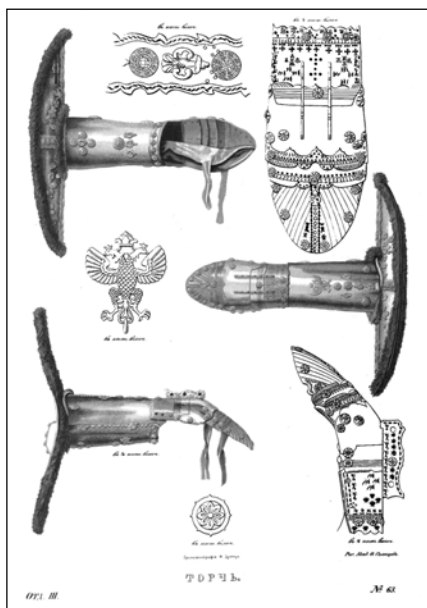

Рис. 8. Солнцев Ф.Г. Тарч (илл. № 62) 1830-е гг.

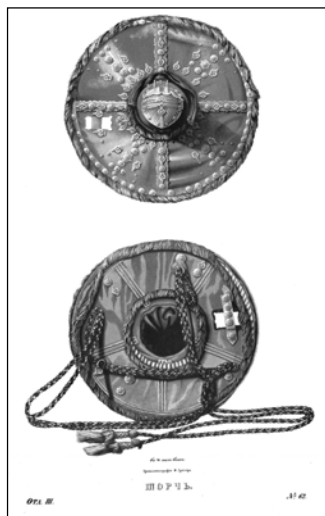

Рис. 9. Солнцев Ф.Г. Тарч (илл. № 63) 1830-е гг.

с иллюстрациями Федора Григорьевича Солнцева (рис. 8, 9). И хотя публикация томов «Древностей...» была осуществлена позднее «Исторического описания...», акварели с изображениями памятников Оружейной палаты и, в частности, с изображением тарча, возможно, были сделаны несколько ранее. Выполненные большей частью в цвете, изображения работы Ф.Г. Солнцева отличаются значительно более высоким уровнем точности и подробности по отношению к литографии В.И. Теребенева¹⁵. Самым заметным несходством изображений является отсутствие на наружи тарча клинка на иллюстрации Ф.Г. Солнцева. Предположительно, Ф.Г. Солнцев рисовал тарч в период, когда шпажный «острый на обе руки клинок» был уже утрачен, а «трехгранное копьё» еще не было закреплено.

К 60–70-м гг. XIX в. относится время создания графиком Петром Ефимовичем (Федоровичем) Коверзевым (ум. 1877 г.) рисунка с изображением масштабной батальной сцены «Битва князя Пожарского с гетманом Ходкевичем под Москвой». В центре композиции под знаменем находится фигура воина с тарчем¹⁶ (рис. 10).

К 60–70-м гг. XIX в. относится время создания графиком Петром Ефимовичем (Федоровичем) Коверзевым (ум. 1877 г.) рисунка с изображением масштабной батальной сцены «Битва князя Пожарского с гетманом Ходкевичем под Москвой». В центре композиции под знаменем находится фигура воина с тарчем¹⁶ (рис. 10).

Рис. 10. Коверзнев П.Е. Битва князя Пожарского с гетманом Ходкевичем под Москвой (гравюра с оригинального рисунка). 1860–1870-е гг.

Заметным событием для любителей и собирателей оружия в России стал выход в свет в 1894 г. труда П. фон Винклера. Автор оговорил в предисловии, что о русском оружии с X по XVII столетие дается лишь краткий очерк, и что впоследствии он предполагает посвятить ему специальный труд. Изображение тарча (заимствованное из Висковатова) сопровождалось следующим пояснением: «Крайне редко при обороне крепостей и городов употреблялся щит другого вида, называвшийся торч, от арабского турс – щит. Он был круглой формы, но наверху состояло из металлической руки со шпагою; в эту руку входила левая рука воина, а самый торч привязывался к туловищу ремнями или шнурами. Щит этот был очень тяжел»¹⁷. К сожалению, обещанное фон Винклером исследование посвященное русскому оружию так и не появилось.

В советское время тарч удостоился одной весьма специфической публикации. В 1983 г. тиражом в 140 тыс. экземпляров был напечатан набор открыток «Русские доспехи X–XVII веков». Открытка № 29 «Бахтерец и Тарч. XVI век» узнаваемо воспроизводит изображение воина с литографии «Исторического описания...»

А. Висковатова, работы Чорикова и Разумихина. Текст на обороте (применительно к тарчу) представляет собой повторение тезиса П. фон Винклева об использовании тарчей при обороне крепостей¹⁸.

В итоге, не только у широкой публики, но и у специалистов сложилось устойчивое мнение о существовании в арсенале русских воинов тарчей – редкого и ограниченного по условиям боевого применения образца комбинированного защитно-наступательного вооружения, дошедшего до нашего времени в единственном экземпляре в собрании Оружейной палаты.

Сведений о существовании в русском средневековом войске такого предмета вооружения как тарч, подобный хранящемуся в Оружейной палате, внятных его описаний и документированных эпизодов его боевого применения не выявлено. В «Древностях Российского государства» приведена выдержка из «статейных книг 1591 г.» о присылке тарчей вместе с оседланными жеребцами от Польского короля Сигизмунда¹⁹. Речь идет о посольской книге 1589–1591 гг. (Сношения России с Польшей). В росписи «посольских поминок» среди даров, поднесенных послом Станиславом Радоминским (Радивильским, Радимильским) царю Федору Иоанновичу, фигурируют: «Жеребец арапский гнед с седлом и со всем конским нарядом, а на седле торч в ножнах обделан серебром <...> жеребец турецкой темногнед с седлом и со всем конским нарядом; а на седле торч в ножнах, наконечник золочен». Среди даров от королевских дворян (из свиты посла) были: «Жеребец сер с седлом турецким и со всем конским нарядом, а на седле торч обделана серебром», а также «конь сер с седлом и со всем конским нарядом; а на седле меч обделан серебром золочен»²⁰.

Если принять версию об использовании тарча при обороне крепостей, то преподнесение тарчей в дар вместе с конем и «со всем конским нарядом на седле» нельзя не признать чрезвычайно странным. Попытка представить себе, как выглядел конь с тарчем, закрепленным при седле, дает поистине фантазмагорическую картину.

Упоминание о ножнах и наконечнике, а также то, что аналогичным образом «на седле» фигурировал меч, позволяет предполагать, что упомянутый в посольской книге «торч» представлял собой некое клинковое оружие. Наиболее вероятно, что речь шла о распространенном в восточноевропейской тяжелой кавалерии вооружении у седла вспомогательном оружии с длинным граненым прямым клинком, предназначенным для колющего удара – о кончаре.

Подтверждение тому, что термином «торч» или «тарч»²¹ могли называть кончар, мы находим в рукописном сочинении помощника директора Оружейной палаты Лукиана Павловича Яковлева, посвященном истории придворной оружейной мастерской и арсенала. Повествуя о возрождении Оружейной палаты после Смутного времени, он писал: «в 1615 году привезена была разная рухлядь со старого Государева двора, что на Варваре у церкви <...> и вся <...> эта рухлядь собрана по подклетям, амбарам и чуланам принята была в Оружейную палату: Тарч булатный, т.е. шпага, которая в последствии названа Кончаром»²².

Конструктивные особенности тарча из собрания Оружейной палаты практически исключают возможность какого-либо практического применения. Предмет очень неудобен для удержания, любые манипуляции с ним крайне затруднительны. (Согласно сведениям Описи 1884 г. вес тарча с клинком составлял около 8 кг.²³) Вероятно, в оружейной казне московских государей он находился именно в качестве курьеза, причудливого образца оружейной экзотики. Без сомнения шнуры на внутренней стороне щита должны были облегчить его ношение при показе. Наличие на тарче декоративных золоченых с фигурными головками заклепок – «гвоздей репейчатых», позволяет предположить намерение использования предмета в парадно-церемониальных мероприятиях русского двора. Аналогичные украшения (заклепки с фигурными золочеными головками) присутствуют на ряде предметов доспеха, специально созданных или доработанных для этих целей в Оружейной палате во второй половине XVII в.

Итак, весьма актуальным остается вопрос о происхождении тарча из собрания Оружейной палаты. Следует согласиться с версией, сформулированной в «Древностях...», о том, что сам термин «тарч», является воспроизведением общеевропейского «*targe*» – т.е. щит, а в европейские языки это слово пришло с Востока²⁴. В Европе периода Средневековья и раннего Нового времени тарчами называли щиты самые разные по материалу, форме, размеру и практике применения. В том числе боевые и турнирные щиты, которыми можно было не только парировать, но и наносить удары краем или центром.

Кроме того, в Западной Европе XVI–XVII вв. бытовал довольно редкий тип щита, имевшего ограниченное боевое применение – так называемый «траншейный рондаш». (Единичные экземпляры

хранятся в собраниях музеев Парижа, Вены, Брюсселя)²⁵. Однако у западноевропейских щитов наруч с клинком закреплены в той же плоскости, что и поле щита, выходя за его границы. В зависимости от боевой обстановки такой «вооруженный» щит мог служить и для защиты и для нападения, что было важно, при отсутствии возможности действовать правой рукой в стесненных условиях (бой в брешах крепостей или траншеях). Некоторые щиты подобного рода имеют отверстие в поле, за которым на компасной подвеске крепился потайной фонарь, весьма полезный, например, при ночных вылазках во вражеские траншеи. Несомненно, авторы московского тарча были знакомы с западноевропейскими щитами этого рода.

В Оружейной палате с XVII в. хранится еще один весьма необычный предмет, попадающий в категорию «оружейная экзотика». Это железная шляпа с одним отогнутым вверх полем²⁶ (рис. 11). В

**Рис. 11. Шляпа железная.
Москва, Оружейная палата,
XVII в. (ОР-4673)**

музейном инвентаре предмет атрибутирован как «Западная Европа XVI век». Однако ряд нюансов говорит о московском происхождении этой странной вещи. В Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г. предмет «Шляпа сделана ис свитских досок, воронена лазорью, обруч на ней посеребрен. Подложена желтою камкою. Обшита посеребренным гвоздем»²⁷. В XVII в. Россия в значительных объемах импортировала цветной и черный металлы из Швеции. «Свитское железо» в

прутах и досках в больших количествах закупалось и для придворной оружейной мастерской. Как следует из вышеупомянутой Переписной книги 1687 г., значительная часть стволов огнестрельного оружия, созданного в Оружейной палате XVII в., сделана из «свицкого железа».

Шляпа изготовлена из железных листов толщиной несколько миллиметров. Визуально определить, что вещь откована именно из шведского доскового железа, невозможно. Такая информация могла попасть в документы Оружейной палаты только при изготовлении

вещи в стенах этой мастерской. Упоминание о «свитских досках», как материале для изготовления шляпы, является довольно убедительным свидетельством ее московского происхождения. Кроме экзотичности, железную шляпу с тарчем роднит еще и выраженная нефункциональность. Помимо значительного веса, предмет имеет центр тяжести, существенно смещенный в сторону не отогнутого поля. Без поддержки такая шляпа неизбежно будет сползать и сваливаться набок.

Стремясь компенсировать потери от чумы 1654 г., понесенные кадровым составом придворной оружейной мастерской, администрация активно набирала новых мастеров на западных землях, завоеванных у Речи Посполитой. В числе этих ремесленников наряду с поляками, белорусами, русскими были и выходцы из Западной Европы²⁸. Среди этих специалистов документы архива Оружейной палаты фиксируют присутствие на службе в 1656–60 гг. бронника «немчина»²⁹ Петра Ушмана (Умшана)³⁰ и двух «французжан» Ивана Кощуна³¹ и Гадиана Савостьянова³². О последнем известно, что он прибыл из Вильно³³. Всех троих объединяет крайне непродолжительный срок службы в дворцовых мастерских. Спустя год-полтора после первого упоминания имени этих оружейников навсегда исчезают из приказных документов Оружейной палаты. Возможных причин тому могло быть не так много: смерть или отставка в связи с тяжелой болезнью или неудовлетворительным уровнем квалификации. Возможно, кому-то из них принадлежала идея удивить «москвитов» невиданным оружием наподобие траншейного щита, для большего эффекта смонтировав наруч с клинком перпендикулярно полю. Такого же рода диковинным предметом доспеха явно задумывалась и железная западноевропейская по форме шляпа.

---

¹ В течение последних трех лет тарч побывал на выставках в Музее Дворца Топкапы в Стамбуле, в Манеже Пражского Града, и Дрезденском дворце-резиденции «Зеленые своды».

² РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 936. Описание Оружейной палаты, составленная по прежним описям, 7172 и 7190 гг., думным дворянином Арт. Фед. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 (1687) г. Л. 497.

³ РГИА Ф. 469. Оп. 1. Д. 4009 Описание вещам Мастерской и Оружейной палаты 1808 Ч. 4. Кн. 2. Л. 873–875.

⁴ ОРГПФ Ф. 1. Оп. 1. Д. 22 Описание вещам, хранящимся в Московской Оружейной палате 1661–1665 гг. Л. 772 об.

- ⁵ Описание Московской Оружейной палаты 1884–1893. Ч. 3. Кн. 2. № 5174.
- ⁶ ОРГПФ Музеев Кремля Ф. 1 Д. 6 Описание вещей Московской Оружейной палаты 1835. Ч. 5. Л. 87.
- ⁷ Описание Государственной Оружейной палаты. Ч. III. М., 1945 С. 230. № 5427 охр.
- ⁸ ОР-805.
- ⁹ Маловероятно, что о существовании этих деталей переписчики 1686/87 гг. не упомянули по небрежности. К наличию на оружии частей и украшений из драгоценного металла, лица проводящие инвентаризацию, как правило, относились очень внимательно.
- ¹⁰ Новоселов В.Р. Европейское холодное клинковое оружие X–XX веков в собрании Оружейной палаты. Каталог собрания. (В печати).
- ¹¹ Фотография. Бронный зал Оружейной палаты. ФД-308. Российские императоры и Оружейная палата. Каталог выставки. М., 2006. С. 218–219.
- ¹² ОР-4788.
- ¹³ ОР-36.
- ¹⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению / Под ред. А.В. Висковатова. СПб., 1841. Ч. I. Рис. 99, 60.
- ¹⁵ Древности Российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1849 (Рис. № 62 и 63).
- ¹⁶ Использован материал статьи Википедии «Тарч (русский щит)».
- ¹⁷ Винклер фон П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1992 (репринтное с 1894 г.)
- ¹⁸ Русские доспехи X–XVII веков. (Художник В.Семенов, автор вступительной статьи А. Кирпичников, автор аннотаций А.Юрасовский) Набор открыток. М., 1983. № 29.
- ¹⁹ Древности Российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1849. С. 67
- ²⁰ РГАДА Ф. 79. Д. 20. 1589–1591 Отправление гонца А. Иванова <...> Приезд послов С. Радомирского и Г. Воины Л. 273 об., 275 об.
- ²¹ Чередование «торч» – «тарч» прослеживается в описях Оружейной палаты и учетных документах Музеев Московского Кремля вплоть до второй половины XX в.
- ²² ОРГПФ Музеев Московского Кремля Ф. 1. Д. 73. Л. 19. 1863 г.; Яковлев Л.П. История Оружейной палаты с ее основания до нашего времени. Тетрадь 1. Л. 19 об. (К сожалению, Л.П. Яковлев не дает ссылки на архивные источники).
- ²³ Описание Московской Оружейной палаты 1884–1893. Ч. 3. Кн. 2. № 5174.
- ²⁴ Древности... М., 1849. С. 67.
- ²⁵ Jean-Rierre Reverseau Armes insolites du XVIe au XVIIIe siecle. Paris, 1990 P. 96–97. Кунсткамера Габсбургов. Магия природы и механизм вселенной. М., 2005. С. 36–37.
- ²⁶ ОР-4673
- ²⁷ РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 936. Описание Оружейной палаты, составленная по прежним описям, 7172 и 7190 гг., думным дворянином Арт. Фед. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 (1687) г. Л. 536 об.
- ²⁸ См. Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров

в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля Вып. 4 М., 1984.

²⁹ В России XVII в. «немцами» называли всех выходцев из Западной Европы независимо от национальности.

³⁰ РГАДА Ф. 396. Оп. 1. Д. 5653. О выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалования... Л. 25, 35; Там же. Оп. 2. Д. 947. Книга расходная государственной денежной казне 1656 г. Л. 9, 14 об.

³¹ Там же. Д. 948. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейного приказа 1658–1659 гг. Л. 9, 197; Там же. Д. 949. Приходо-расходная книга Оружейной палаты 1659–1660 г. Л. 125.

³² Там же. 950. Книга приходная и расходная деньгам Оружейной палаты 1660 г. Л. 24 об.

³³ Роспись полоцких витебских и виленских мастеров... // Русско-белорусские связи: Сборник документов. Минск, 1963. № 401. С. 432.

А.В. Орлов (Санкт-Петербург)

ВОПРОС О ПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ Артиллерии крупных калибров в 1911–1914 годах. Возникновение частного оружейного завода

ИСТОРИЯ военной индустрии России особенно в преддверии мировой войны помогает понять возможности, которыми располагала Империя, готовясь к этой войне. Значение вопроса о производстве орудий крупного калибра не ограничивалось только этой величиной и касалось всей артиллерии в целом. Появление в России Царицынского пушечного завода Русского акционерного общества артиллерийских заводов (РАОАЗ) стало вехой на пути складывания военно-промышленного комплекса России. Наряду с казенными заводами, производителями пушек и боеприпасов, а также вместе с Обществом Путиловских заводов (ОПЗ) завод в Царицыне, в случае его полноценного развития, мог бы серьезно повлиять на укрепление боевой мощи России и помочь преодолению того «кризиса вооружений», который так тяжело отразился на фронте и который имел трагические последствия в феврале 1917 г.

В августе 1911 г. директор правления Общества Путиловских заводов Л.А. Бишлягер обратился с двумя ходатайствами к товарищу морского министра и к самому министру с предложением поручить Путиловскому заводу изготовление орудий самых крупных калибров для флота в 12 дюймов (дм.), 14 дм. и 16 дм. В этом письме Бишлягер указывал, что Путиловский завод уже «удостоился одобрения» от Военного министерства на образцы противотанковых и горных 48-лин. и 6-дм. осадных систем орудий, выдержав при этом необходимый конкурс наряду с иностранными образцами и что «осенью текущего года Правление Общества Путиловских заводов надеется предоставить системы орудий 8 дм., 9 дм. и 11 дм. для выбора Артиллерийским Управлением

соответствующего образца»¹. Бишлягер обращал внимание, что при настоящем одновременном перевооружении и армии, и флота это дело «окажется не по силам одним лишь казенным орудийным заводам» и что «Русское Правительство может вполне обойтись без выдачи заказов за границу», например, снарядов и лафетов, производство которых установлено солидно и на частных заводах. Однако «в совершенно ином положении находится на частных заводах изготовление орудий крупных калибров и в особенности металла для них, т. к. ни один из наших заводов не является для сего достаточно подготовленным, а потому своевременное возникновение большого частного орудийного завода могущего готовить орудия до 16 дм. включительно, представляется государственной необходимостью, ибо лишь только при этом условии может быть установлена полная независимость от иностранных производителей и дело нашего перевооружения станет на прочном основании, вне влияния разных неустойчивых политических конъюнктур»². Еще в прежние годы Общество Путиловских заводов «вошло в соглашение с первоклассными фирмами Европы, с французской Шнейдер и К⁰ и немецкой – «Фр. Крупп»» как раз по вопросам изготовления орудий более крупных калибров, но тогда еще для сухопутной артиллерии. Теперь же, «вполне сознавая своевременность и целесообразность возникновения подобного завода, Правление ОПЗ вошло в соглашение с фирмой Шнейдер и К⁰, в силу коего означенная фирма передает Путиловскому заводу все свои секреты и весь свой опыт по изготовлению орудий всех калибров и обязуется установить на Путиловском заводе орудийное производство в той степени технического совершенства, как оно поставлено у них во Франции, в Крезе, а посему Правление ОПЗ полагает приступить к постройке орудийного завода с расчетом закончить его к концу 1913 года»³. Стоимость постройки и оборудования такого орудийного завода правление ОПЗ исчисляло в огромную сумму около 16 млн. золотых руб. При этом подчеркивалось, что правление «не ходатайствует о каких-либо безвозвратных субсидиях», а просило лишь сообщить ему, какое количество орудий оно могло бы получить после загрузки однородными заказами Обуховского и Пермского заводов. В письме ставился также вопрос о «достаточно долговременных заказах» и возможности льготных платежей по ним для нового орудийного завода ОПЗ.

Письмо Бишлягера совпало с сообщением в печати, что «в Морском министерстве возбужден вопрос о вооружении новых броненосцев 14-дюймовыми орудиями»⁴.

Как только в 1911 г. обнаружилась потребность Морского министерства в орудиях выше 12-дм. калибра, так сразу встал вопрос о неспособности Обуховского завода справиться в одиночку с этой новой проблемой. У завода не было опыта в производстве таких орудий, не было соответствующего оборудования. Мощности одного такого завода было недостаточно для удовлетворения полной потребности в орудиях. Однако Морскому министерству еще предстояло добывать кредиты на переустройство Обуховского завода для такого грандиозного производства. На этом фоне значение Путиловского завода вновь подтверждалось. Вообще же перспектива этого завода складывалась из одновременно больших потребностей как Военного, так и Морского ведомств еще и в связи с тем, что армию ожидало массовое перевооружение новейшими системами скорострельных орудий. Именно с 1910 г. началось перевооружение гаубицами русской артиллерии. Путиловский завод начал свое непрерывное расширение под влиянием получаемых заказов.

Единственно чем, несомненно, отталкивал Путиловский завод, были, во-первых, цена его производства, во-вторых, политическая ненадежность и опасность его рабочего персонала. Как частный производитель Путиловский завод работал дороже заводов казенных и должен был всякий раз заботиться о прибыли, в особенности начиная новое для себя производство. Сталь Путиловского завода была дороже стали заводов Юга России, т. к. петербургский промышленный район был сильно удален от железорудных бассейнов России. Чугун и уголь в Петербург доставлялся также издалека и снабжение ими заводов столицы сказывалось на затратах производства, отражаясь и на конечных расценках⁵. Кроме того, Путиловский завод, представлявший собой целую группу разнородных производств (отсюда и название его было Общество Путиловских заводов) имел репутацию застрельщика рабочего движения в Петербурге и главного забастовщика во всех политических кризисах в столице на почве трудовых конфликтов. Остановка такого производителя была и опасна для правительства, и чревата революцией, поэтому его расширение несло долю социально-политического риска. Однако оборонным ведомствам приходилось считаться с

неимением пока иного производителя, альтернативы Путиловскому заводу.

Петербургский Орудийный завод Военного министерства имел лишь вспомогательное значение, выполняя части орудий, и полностью зависел от поставок ему стальных поковок от более крупных производителей, располагавших собственным литьем. Этот завод был совершенно непреодолимо стеснен собственным размещением в Петербурге и не мог расширяться на той территории, которую уже занимал. Для строительства собственного нового завода Военное министерство не имело ни денег, ни времени, с точки зрения срочности тех потребностей, которые возникали в условиях возможной близко войны.

Единственный казенный завод, который можно было занять новым производством, являлся Пермский пушечный завод в Мотовилихе Горного департамента Министерства Торговли и Промышленности. Но в случае с Пермским заводом вставал целый ряд сомнений и вопросов. Первое – завод славился огромным процентом брака и просрочкой в выполнении оборонных заказов, доходившей до 3–5 и даже более лет. Второе – к заводу не было никакого доверия со стороны военных заказчиков. Завод требовал капитального переоборудования, еще более трудоемкого и затратного, чем Обуховский или Путиловский и, кроме того, Пермский завод был сильно удален от мест перевооружения флота и крепостей. Развитие сети подъездных путей, внутривзаводской инфраструктуры, переустройство полигона для испытания таких гигантских орудий на месте их приемки с заводской территории – все это потребовало бы крупных вложений, но само по себе даже финансирование не гарантировало ни быстрого успеха, ни перемены в качестве производства, которым Пермский завод не отличался десятилетиями своего прежнего существования.

Таким образом, все три казенных завода, составлявшие и всю полноту пушечного производства в России, если не считать частного Путиловского завода, не могли и не были готовы только своими силами решить проблему производства новых орудий в ближайшие годы в надлежащем количестве. Заказывать за границей десятки колоссальных орудий было совершенно немыслимо и очень дорого. Получить необходимые кредиты на переустройство заводов внутри России требовало одобрения Государственной Думы, а это обстоятельство вело к потере еще года, даже при условии, что

все кредиты, просимые Морским министерством, будут одобрены. Но и после получения денег возникал вопрос, как организовать производство на заводах разного ведомственного подчинения, соблюдая очень жесткие сроки работ и столь же требовательную технологическую дисциплину очень дорогостоящего производства. На все эти вопросы не только не было ответов, но не было и никакой опытной гарантии успеха. Не было такого опыта и у Путиловского завода.

Морское министерство так или иначе должно было решиться на действие. Начинать приходилось с Обуховского завода, так как он являлся единственным для самого министерства и никак не мог быть отстраненным от работ в области любого пушечного производства в интересах флота. На этот путь завод встал с 1911 г., разработки начались еще в 1910 г. Вот как оценивалось действие завода в отчетном докладе по Морскому министерству за 1911 г.: «В 1911 году Обуховский Завод приступил к изготовлению 14 дм. в 52 кал. (калибра) орудия. Таких орудий завод в настоящее время может изготовить до 11 штук в год при соответствующем уменьшении изготовления числа 12 дм. в 52 калибра пушек. В 1911 г. заводом, по требованию Морского Министерства разработаны и составлены сметы расширения завода, для изготовления 14 дм. в 52 кал. орудий: 36 – для нужд Морского Ведомства и 12 для нужд Военно-Сухопутного Ведомства»⁶. Интересно отметить, что потребность в таких крупных орудиях поступила не только от флота, но и от Военного ведомства. Казалось бы, вопрос мог частично решаться хотя бы Обуховским заводом. Но в том-то и дело, что, во-первых, только частично, потому что время не ждало, а надеяться на один только Обуховский завод было и рискованно и не оправданно: он мог не только «запоздать» со сдачей пушек, но не успевал и в количественном отношении. Иначе говоря, требовался еще один производитель и тоже достаточно способный к массовому изготовлению. Флот лишь предстояло отстраивать и по мере роста линкоров и крейсеров программа артиллерийского производства корректировалась в сторону все нового увеличения числа орудий, в которых надобность возникала по мере спуска кораблей и достройки их вместе с вооружением. Другое обстоятельство осложняло вопрос дополнительно. В докладе весьма сомнительно оценивались возможности самого развития Обуховского завода на его настоящем месте: «Обуховский завод, в силу своего географического положения, стоит

в менее выгодных условиях, чем, например, хотя бы Ижорский, совершенно отдаленный от города. Обуховский завод замыкает собой непрерывную цепь раскинутых от Петербурга по Шлиссельбургскому тракту фабрик и заводов, насчитывающих мастеровых свыше 100 000 человек и, конечно, всякое возбуждение или недовольство на почве общих государственных или экономических вопросов на одном каком-либо заводе естественно отражается и на другом, как на части одного целого»⁷. Таким образом, расширение Обуховского завода для работ еще нескольких тысяч человек становилось делом рискованным и политически небезопасным. Но выходом из такого затруднения могло быть либо строительство на новом месте казенного орудийного завода сразу очень больших размеров, либо капитальное переустройство и развитие Пермского пушечного завода.

Затраты на новый казенный артиллерийский завод были столь велики, а ввод его в действие отдален, что подобный вопрос, видимо, вовсе не обсуждался. Оставался еще Пермский вариант, если речь не заходила о частном предприятии.

События, впрочем, скоро обнаружили новые варианты и другие предложения. Инициаторами выступали не столько казенные ведомства и должностные лица, сколько целые группы частных лиц и заинтересованных «капиталистов». Для новых предложений формировались весьма солидные финансово-промышленные группировки. Во главе них стояли не одни специализированные монополисты в области артиллерийско-пушечной индустрии, но и банковские группы, которые могли обеспечить необходимый размах дела и гарантировать его успешное развитие. Вопрос о производстве в России орудий крупных калибров выходил на новый уровень, с привлечением иностранного капитала, технологий и частной военной индустрии.

Еженедельный журнал «Банки и Биржа» в мае 1913 г. поместил заметку об истории появления частного пушечного завода, впоследствии известного как Царицынский пушечный завод (РАОАЗ). Мы приведем ее полностью. «В заседании совета министров 13 мая рассматривался проект концессии на устройство частного пушечного завода. Мысль о таком заводе зародилась еще в 1910–1911 г. в междуведомственном совещании, распределявшем заказы на флот между заводами частными и казенными. Тогда же выяснилось, что ни казенные Обуховский и Пермские заводы, ни

Путиловский не в состоянии обслужить колоссальную потребность в морской и крепостной артиллерии, почему и требовался еще один завод с производительностью далеко превосходящей указанные предприятия и с составом по меньшей мере, в 10 000 чел. рабочих, а также с ежегодным выпуском от 42 до 48 орудий большого калибра от 12 до 14 дюймов.

Ограждая себя от чрезмерных appetитов отечественных предпринимателей и заботясь о наиболее совершенном техническом оборудовании такого завода, правительство решило пересадить на русскую почву какой-либо из наилучших зарубежных заводов. Проведение этой идеи правительство поручило финансовым учреждениям. Это поручение стояло в тесной связи с предложением фирмы Шнейдер-Крезо – передать им в аренду Пермские пушечные заводы, но так как у правительства уже был разработан свой проект переоборудования заводов для обслуживания флота крупнокалиберной артиллерией, то поэтому предложение Шнейдер-Крезо было отклонено и фирме было заявлено лишь о желании видеть ее в числе соискателей на концессию частного завода в городе, который выберет само правительство.

В 1912 г., когда уже выяснилось, что Русско-Азиатский банк заручился согласием фирмы Шнейдер-Крезо, а Международный банк вошел в соглашение с пушечными судостроительными заводами Виккерс в Англии, представителям обоих заводов был передан особый перечень условий, на каковых правительство передает им заказы, а заодно и концессию на завод.

В числе этих условий находилась также фиксация цен на отдельные предметы заказов и на известный срок, коэффициент производительности, состав рабочих, схема технического оборудования и смета на все устройство завода в сумме 18 000 000 руб.

Позже к конкурсу был привлечен и завод Армстронг, участие которого было особенно желательно как по его образцовому техническому оборудованию, так и, главным образом, по его полной самостоятельности от других соискателей. Но, как оказалось, получив от правительства проект условий, фирма Армстронг на последний пункт сметы об устройстве завода ответила в том смысле, что кроме технических средств, она не располагает в достаточном количестве свободными суммами, как то требуется правительством. Таким образом, участие ее в конкурсе являлось условным, так как

только при получении заказов она рассчитывала заручиться поддержкой известных финансовых групп.

Получив ответы от всех групп, совет министров предложил соискателям на концессию назначить предельные цены на морские крупнокалиберные орудия и крепостную артиллерию. В заседании совета министров были вскрыты конверты с предложениями фирм, из которых по слухам, выяснилось, что наименьшие цены заявлены фирмой Армстронг.

Но так как участие этой фирмы в концессии на постройку завода являлось условным, то совет министров не вынес еще окончательного решения, хотя большинство склонялось в пользу Виккерса»⁸.

Из этого весьма обстоятельного сообщения, которое подтверждается и архивными и литературными данными, предстает уже иная, чем в 1911 г. картина. Мы только уточним ее. Во-первых, становится очевидным, что вопрос окончательно перерос рамки только казенного решения. Здесь уже само правительство признает пользу от участия иностранных групп. Вопросы цены, технологий и срочности в постановке производства выходят на главный план. Принципиально важным становится и вопрос о географии размещения нового производства и преимуществе его концентрации по отношению к существующим предприятиям. Кроме того, остается открытым и вопрос о производстве крупнокалиберной артиллерии попутно и на казенных, и на частных предприятиях, но с одним неизменным условием развития производства на заводах внутри России. Если обобщить эти данные, то выясняется следующее:

– Правительство неизменно придерживается стремления вернуть производство на казенных заводах, не останавливаясь перед большими затратами средств;

– В отношении частных производителей происходит переоценка их возможностей и действительного значения при том, что признается важность заграничного опыта и неперемennого вовлечения банковского капитала в реализацию проекта.

Из «Исторической справки о возникновении и решении вопроса о постройке в России частного орудийного завода», датированной 7 января 1914 г., за подписью генерал-майора Беркалова, можно увидеть, что уже после постановления Совета Министров от 29 ноября 1912 г. о недопустимости расширения Путиловского завода представители Русско-Азиатского банка (РАБ) 24 января 1913 г. обратились к военному министру В.А. Сухомлинову и морскому

министру И.К. Григоровичу с предложением о расширении Путиловского завода, вместо постройки нового завода в центре России. Обсуждение этого предложения проходило в междуведственном совещании под председательством генерала Вернардера, в присутствии генерал-инспектора артиллерии, великого князя Сергея Михайловича. Совещание нашло предложение группы РАБ «приемлемым» ввиду преимущества расположения такого расширения «вблизи места действительной постройки большинства судов и нахождения центральных технических учреждений Морского и Военного ведомств», причем «большинство собрания» признавало преимущество этого предложения перед идеей иметь новый казенный артиллерийский завод в Петербурге⁹.

Поскольку вопрос о Путиловском заводе касался интересов не одного этого производителя, а тесно связанных с ним финансово-промышленных кругов, то и обсуждение вращалось вокруг инициатив, выдвигаемых целой группой лиц.

Надо не упускать из виду, однако, что поворот во всем деле произошёл тогда, когда появилось предложение группы Учётно-Судного (Я.И. Утин) и Международного (А.И. Вышнеградский) банков и генерала В.М. Иванова, «совместно с английскими предпринимателями»¹⁰. Английских предпринимателей в данном случае представляла фирма Виккерс, специальностью которой было крупное броненосное судостроение и производство корабельной артиллерии самых больших калибров. Весь вопрос касался интересов не столько Военного, сколько, в первую очередь, Морского министерства России, за которым оставалось последнее и во многом решающее слово.

Для Военного министерства расширение Путиловского завода, как и его отношения с французским производителем Шнейдер и К^о имели особое значение, так как определяли возможности и успехи того производителя, с которым связывались главные планы и надежды на перевооружение сухопутной артиллерии. Путиловский завод уже с 1907 г. стал главным производителем скорострельных гаубиц образцов фирм Шнейдер и Крупп. Эти системы были приняты на вооружение российской полевой артиллерии. Вопрос о производстве пушек большого калибра для крепостей и армии возник по крайней мере в 1910 г., когда в марте 1910 г. была утверждена «малая военная программа» на ближайшие 10 лет. 1909–1910 гг. оказались временем, когда в российской артиллерии были

приняты образцы новых пушек для тяжелой артиллерии: 6-дм. крепостные гаубицы системы Шнейдера, 48-лин. полевые гаубицы Шнейдера образца 1910 г. и 48-лин. полевые гаубицы обр. 1909 г. системы Круппа, 42-лин. скорострельные пушки, 11-дм. осадная мортира, 12-дм. береговая пушка¹¹. Эти орудия относились к средним калибрам армейской артиллерии (полевой, крепостной и осадной), обладавшие хорошими баллистическими характеристиками и повышенной прочностью при стрельбе. Высокие механические свойства и скорострельность резко удорожали новые пушки, их производство становилось под силу только самым опытным производителям, многие годы отдавшим работам в области артиллерийской металлургии и механики. Пушки Шнейдера выдержали долгую конкурентную и практическую борьбу (на Балканах, в Латинской Америке, на вооружении Италии, Бельгии, Швейцарии) с пушками Круппа и были признаны Артиллерийским ведомством России (ГАУ) наилучшими в своем роде.

Работы по артиллерии самых разных сухопутных калибров давали Путиловскому заводу большое преимущество перед всеми остальными производителями в России. Французский Шнейдер сотрудничал только с этим заводом и через посредство Общества Путиловских заводов, по сути, осуществлял постоянное партнерство с ГАУ Военного министерства России, поскольку речь шла не о чисто технической стороне, оно имело военно-политическое значение в русско-французских отношениях.

Уже с первой половины 1910 г., как установил В.И. Бовыкин, между Путиловским заводом и заводом Шнейдера в Крезе начались оживленные переговоры о новых взаимоотношениях двух обществ и возможности технического руководства фирмы Шнейдера в деле переоборудования и расширения Путиловского завода. Речь шла о целой программе артиллерийского производства по всем направлениям пушечной специализации от горных и полевых малокалиберных, до тяжелой гаубичной и осадно-мортирной и крепостной артиллерии средних и больших калибров, 8-дм., 9-дм. и 11-дм. Условием фирмы Шнейдер было создание такой комбинации, «которая могла бы фактически совершенно устранить участие Круппа» в делах и работах Путиловского завода¹².

В отношении предложенных вариантов Совет Министров повел себя таким образом, чтобы прийти к компромиссу. Решено было, с одной стороны, что «никакие казенные пушечные заводы не только

иностранным фирмам, но и русским в аренду не должны быть сдаваемы» (решение 29 ноября 1912 г.). А с другой, «совет высказался тогда против расширения Обуховского и Путиловского заводов, т. к. они расположены на окраине государства и в ближайшем соседстве с границею. Исходя из этого взгляда, и в настоящее время Совет Министров находит, что для большей безопасности в военном отношении новый завод предпочтительнее всего устроить в одной из губерний центральной России или Нижнего Поволжья»¹³. Таким образом, если признавалось нежелательным расширение даже Обуховского завода, то надежда на один и самый удаленный, и наименее до сих пор успевающий Пермский завод тем более никак не могла внушать доверия морскому министру.

Итак, вопрос о возможном расширении пушечных заводов в Петербурге был решен отрицательно. Это имело принципиальное значение для самих инициаторов и производителей, так как строительство завода «с нуля», на новом месте требовало несомненно больших затрат, времени и перерасчета всех проектов. Невозможность расширить для увеличенной производительности Обуховский завод означало для Морского министерства большую зависимость от других производителей ему неподведомственных, так как речи о строительстве нового казенного пушечного завода в ведении Морского министерства не было. Становилось очевидным, что весь вопрос все больше относился теперь к приемлемости частных предложений. Наконец, Морское министерство и само гораздо больше было заинтересовано не в «своем» заводе, а в организации частного по примеру «лучшего заграничного». Время требовало не терять лишних усилий на поиск технологий нового производства, а купить их готовыми, для чего заинтересовать самого владельца этих технологий. В этом смысле даже расширение Обуховского завода не давало уверенности в быстром достижении разработок никак не связанных с массовым производством, но требовавших непредвиденно долгих и больших затрат. Опыты, перемена конструкции, чертежи и согласование всей системы в единое целое были как раз самым трудным и слабым звеном для любого начинающего производителя. Именно в таком положении оказывалось и Морское министерство вместе с Обуховским заводом. Речь шла о новых материалах, применяемых в орудиях крупных калибров, и о способах обработки орудийной стали. Не меньшее значение имела и конструктивно-механическая часть орудия, орудийный затвор.

Но если разработчик и производитель были так тесно связаны в одном лице, то очевидно становилось и то, что выбор нужного производителя не будет ограничен только соображениями коммерческой или престижной выгоды.

Прежде, однако, чем вопрос определился с такой ясностью, и между ведомствами и в целом в правительстве происходила борьба, столь значительным и дорогим оказывалось все предпринимаемое. Нельзя также упускать, что появление нового производителя как раз не означало готовности правительства отдать в одни руки, тем более частные, все производство новых орудий. В том-то и была сложность и запутанность вопроса, что правительственная практика и идеология не допускали мысли о концентрации производства в одних руках и в одном центре. По мнению всех заинтересованных должностных лиц, кому бы ни достались столь значительные работы, без них не могли быть оставлены и казенные заводы. Это означало, что общий заказ на орудия непременно должны были разделить и распределить на все казенные заводы, вовлекаемые в данное производство. И в этом вопросе эффективность такого решения не обсуждалась, так как исходили именно из принципа, который, во-первых, отстаивался на протяжении многих десятилетий и даже веков, и, во-вторых, речь шла не о технической целесообразности и пользе, а об экономической политике в сфере массового оборонного производства.

Правительство в целом и оборонные ведомства в их числе считали незыблемым принцип, что казенное производство необходимо, помимо других соображений, для сдерживания цен частных производителей. Цены казенных заводов по самой сути своей, считали они, будут ниже цен заводов частных, всегда ищущих прибыль и выгоду.

Морской министр И.К. Григорович в своих воспоминаниях так описывал борьбу вокруг будущего частного завода: «Вопрос об артиллерии (орудия крупного калибра 12 и 14 дюймов) сделался очень острым... подряд на расширение производства предполагается отдать фирме Крезо [Шнейдер в Крезо], которая с таким же предложением вошла в соглашение с Путиловским заводом.

Эту комбинацию сильно поддерживает сухопутное артиллерийское управление, но так как артиллерийская часть указанного ведомства находится в очень плохом состоянии и, кроме того, во влечении к Путиловскому заводу причастна одна Высокая Особа, то

все это весьма ненадежно и, самое главное, что на границе империи, хотя и морской, строить такой важный для обороны завод, да еще и отдаленный от металлургических районов России на тысячу слишком верст, никак нельзя.

Такой завод должен быть построен восточнее меридиана Москвы и на водном пути, о чем я уже упоминал. Предложение фирмы Армстронг несерьезно и, по-видимому, сделано для проформы. Остается предложение фирмы Виккерса, которое не только серьезно, но и подкреплено тем, что уже теперь, до окончательного решения этого вопроса, она закупает земли около Царицына. Сейчас составляется новое общество, в основном то же самое, что взяло в аренду Николаевское адмиралтейство, но с Виккерсом во главе. Главный деятель здесь – некий Боркер, это очень энергичный и, по-видимому, знающий инженер. Вопрос о заводе решается в Особой комиссии при Военном министерстве, где идут постоянные разногласия с нами [т. е. Морским министерством]. Окончательное решение будет принято в Совете Министров, где, я думаю, будут также сторонники французской фирмы Крезо (Министр торговли и промышленности и Министр иностранных дел), зато у нас за английскую фирму стоит председатель Совета министров В.Н. Коковцев и Государственный контролер»¹⁴. Эта запись отмечена 1912 г. и раскрывает весьма интересную картину. Оказывается, что борьба шла не только между Крезо и Виккерсом, равно как и стоявшими за ними банками. Между Военным и Морским министерствами также выясняется разница взглядов и предпочтений. Хотя принципиально и то, и другое высказываются за организацию частного оружейного завода, чем уже признают недостаточность только казенных пушечных заводов, однако не в этом заключается главное противоречие. Проект группы РАБ – Шнейдер-Крезо касался Путиловского завода и расширения его в Петербурге, а сам Григорович высказывался без колебаний за проект Виккерса с постройкой завода в глубине России. «Кроме того, мой взгляд, что постройка завода должна быть вне Петербурга, поддерживается в Царском Селе [т. е. Николаем II]. Одно весьма грустно, что идея создания завода принадлежит мне и Морскому министерству, но само предложение построить завод именно с помощью фирмы Виккерса приобрело теперь много доброжелателей, вроде Богдановича (слепого генерала Министерства внутренних дел), не раз меня приглашавшего для разговора на указанную тему. Мне кажется,

это неспроста, тут за его спиной кто-то сильно заинтересован в этом, так как в Военном министерстве против выдачи заказа на строительство Виккерсу стоит Главное Артиллерийское Управление с помощником Военного министра генералом Вернардером во главе, а сам Военный министр генерал В.А. Сухомлинов переменял свой взгляд и стал теперь поддерживать меня, поэтому я, грешный человек, думаю, что здесь не обошлось без его супруги, о которой ходят самые гадкие сплетни, частица коих может иметь основания в этом деле, тем более, что эта супружеская чета почти ежедневно бывает у Богдановича, и супруга Военного министра ложечкой кормит слепого генерала»¹⁵.

Скандалная репутация в обществе жены Сухомлинова и придворные связи Богдановича, распускающего разные слухи, видимо, могли, по мнению Григоровича, дискредитировать самое благое дело, тем более такое, где вращались огромные деньги и казенные интересы. Репутация самого адмирала могла быть серьезно запятнана, если бы стали распространять обычные в обществе слухи о взятках, например, Григоровича от фирмы Виккерс. Морское министерство и без того славилось как взяточное и некомпетентное. После войны с Японией Морское министерство стали именовать «Цусимским», в этом прозвище выражалась вся бездарность его руководителей и безответственность в отношении вверенного ему флота и строительства кораблей. Такое наследие пришлось принять И.К. Григоровичу как раз в марте 1911 г., когда появлялись первые признаки данного вопроса, и когда последовало его назначение Морским министром.

Итак, Военное министерство и ГАУ были за Шнейдер-Крезю, что, конечно, вполне понятно и оправданно. Что же касается Морского министерства, то оно давно уже ориентировалось на английские судостроительные и артиллерийские заводы, что тоже было понятно, если вспомнить, что именно английское военное судостроение и морские вооружения имели славу первоклассных, еще раз подтвержденную войной с Японией. Шнейдер тем более был настойчив, что мог уверенно и спокойно опираться на ГАУ и «покровительство» инспектора полевой артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича. Но у Григоровича таким покровителем, с его слов был сам царь. Не потому ли и военный министр Сухомлинов, учитывая волю монарха, изменил свою позицию и от поддержки Шнейдера перешел к поддержке Виккерса? Интересен также факт поддержки

варианта с Виккерсом самим председателем Совета Министров и министром финансов В.Н. Коковцовым.

1913 г. стал решающим в деле. Времени для колебаний уже не осталось. Составление смет на переоборудование заводов, списание внутри ведомств и между собою, представление подготовленных и согласованных проектов в Государственную Думу отнимали столько времени и сил, что рассчитывать на то, что казенные заводы пойдут впереди частных в деле готовности к новому производству, было делом совершенно безнадежным. В самом начале января 1913 г. Григорович прямо писал Коковцову об этом: «Требующиеся для флота орудия Обуховский завод изготовить в срок не может, Пермский же завод своевременно оборудован не будет, а заказывать за границу требующиеся морскому ведомству 30 орудий 14-дм. калибра весьма нежелательно. Поэтому полагал бы теперь же заключить с Русским обществом артиллерийских заводов договор»¹⁶. Группа Утин, Вышнеградский, Иванов и «Виккерс» обратила к тому времени Русское Акционерное Общество Артиллерийских Заводов (РАОАЗ) с целью строительства огромного пушечного завода в Царицыне, на Волге.

Между прочим, «предложение группы представителей Русско-Азиатского банка, вошедшей в соглашение с французской пушечной фирмой Шнейдер-Крезо», как о том говорилось в официальном сообщении Осведомительного бюро в январе 1914 г., заключалось в «оборудовании к весне 1914 г. Путиловского завода, для производства орудий крупных калибров, или же сооружении нового орудийного завода в центре России»¹⁷.

Этот факт сам по себе имеет значение потому, что Царицынский завод мог быть пущен только через два года после начала строительства, т. е. к осени 1915 г. и не ранее этого срока. Такое обещание касалось, конечно, только уже существующего Путиловского завода за счет его дальнейшего расширения в Петербурге. Но интересно здесь и то, что группа РАБ – Шнейдер-Крезо выдвигала и другой проект, видимо, под действием пожеланий самого российского правительства, а именно «соорудить новый завод в центре России». Это же сообщение подтверждало, что выбор фирмы Виккерс, в конечном итоге, не был какой-то случайностью, а был глубоко продуманным решением, достаточно подкрепленным всеми преимуществами такого решения с точки зрения российских артиллерийских вооружений. Этот выбор имел главную аргументацию

со стороны и главного заказчика – Морского министерства. В интересах Морского министерства, а не Военного, главным и определяющим образом и начиналось все дело и принимало такой экстренный оборот.

В номере от 29 июня 1913 г. журнал «Банки и Биржа» сообщал, что «Совет Министров единогласно одобрил выработанный военным и морским министерствами проект основания у нас частного пушечного завода, а на днях это решение было утверждено Высочайшею властью.

...Капитал, необходимый для постройки завода и развития именно пушечного дела, определен в 25 миллионов рублей. В будущем для установления на заводе изготовления каких-либо других предметов обороны, он подлежит увеличению.

Учредителями этого дела являются исключительно русские подданные, заручившиеся техническим содействием двух фирм: 1) завода С.-Петербургской металлической компании, как давно уже работающего в сфере создания предметов обороны и 2) английской фирмы Виккерса. Эта фирма избрана: 1) потому что она есть единственная, производящая валовым образом современные орудия больших калибров; 2) потому что она владеет всеми патентами на изготовление металла для таких орудий и 3) потому, что пушечный затвор этой фирмы считается наилучшим и принят уже к нашим пушкам сейчас же после войны [с Японией].

Участие этой фирмы обеспечено на 15 лет и будет выражаться: в присылке инженеров для консультации при постройке завода вначале дела, в приеме на свои заводы наших инженеров бесплатно для изучения всех производств, полная гарантия получения орудий установленных качеств и сообщения всех своих патентов в настоящем и всех усовершенствований их в будущем.

Завод должен быть окончен постройкою в два года и к этому же моменту на нем должна быть изготовлена первая 14 дм. пушка.

Нужно надеяться, – завершал журнал, – что с устройством такого завода мы не только освободимся от заказов за границую, но начнем даже сами работать для заграницы»¹⁸.

Именно в этом проекте воплотилась идея специализированного предприятия для производства самых больших орудий. И именно частное, а не казенное предприятие, по мысли учредителей, должно было стать ведущим производителем на целый ряд лет вперед. Однако так ли это представлялось правительству России?

Согласно пункту 11 контракта Морского министерства с РАОАЗ «Общество получает заказы на орудия в тех размерах, в коих орудия эти не могут быть изготовлены казенными заводами: Обуховским, С.-Петербургским Орудийным и Пермским и при том последним в его расширенном размере, согласно плану переустройства, а также существующими частными заводами. Причем эти последние могут получить заказ лишь в пределах, не превышающих их нынешней производительности, определяемой высшим годовым размером полученных этими заводами казенных заказов на артиллерийские орудия в течение периода времени с 1-го января 1911 года по 8-е апреля 1913 года; кроме того, передача заказов частным заводам производится по ценам, не превышающим заявленных на те же орудия контрагентами» [т. е. заводом РАОАЗ]¹⁹. Это означало, что Царицынский завод имел преимущество перед любым частным заводом России, а таковым был Путиловский и все заграничные известные заводы. Но, с другой стороны, казенные заводы, в свою очередь, имели первое значение в распределении заказов по сравнению с Царицынским заводом. Проигрывал ли в этом отношении новый завод? Этот вопрос может быть назван самым гадательным, но и наиболее важным по своей скрытой сути. И вот почему:

1) фирма Виккерс – подлинный и монопольный производитель нужных Морскому министерству России орудий – была опытна и подготовлена к новому производству. По ее технологиям это производство должно было идти и на казенных заводах России. Значит, казенные заводы ставились в зависимость от освоения этих технологий, что требовало не только времени, но и подходящего оборудования заводов;

2) в случае, если бы казенные заводы не успевали в плановых работах по сдаче орудий, Морскому министерству пришлось бы переуступить все количество орудий, которое не могут выполнить казенные заводы, заводу Царицынскому и другим частным заводам, но ограниченными 10-летним контрактом размерами (начиная с 1 января 1916 г.);

3) при остальных равных условиях завод в Царицыне, начиная с сентября 1915 г., когда должно было окончиться строительство, едва ли оказался бы хуже оборудованным, чем все остальные его конкуренты в России, если учесть, что этот завод должен был строиться самой фирмой Виккерс и оборудоваться в соответствии с ее опытом и возможностями²⁰.

Царицынский орудийный завод РАОАЗ, только начавший строиться в 1913 г., обещал быть самым крупным и новым в истории России. По своему положению и перспективам ему предстояло занять первенствующее место в артиллерийско-пушечной индустрии Империи. «Место нового завода в Царицыне, – писал Беломор в официальном «Кронштадтском вестнике», – надобно считать чрезвычайно удачным. Какую бы войну ни вела Россия, никакой враг не достигнет никогда Царицына и производство орудий в этом городе может идти беспрепятственно, несмотря ни на какие внешние осложнения. <...> С экономической точки зрения выбор Царицына также является удачным. <...> завод в Царицыне лежит вблизи Донецкого бассейна, с неисчерпаемым запасом угля и антрацита, следовательно вне зависимости от иностранного угля [Петербургский промышленный район в значительной мере снабжался английским углем]. Кроме близости угля, у Царицына под боком нефтяное топливо»²¹. Для испытания тут же при заводе его гигантских изделий проектировался полигон в 36 верст длиною. В статье подчеркивалась и роль морского министра. «Нельзя здесь умолчать о том участии в деле создания пушечного завода, какое принял морской министр господин адмирал Григорович. <...> Усилия и энергия морского министра призвали к жизни колоссальный завод, без которого наша родина оставалась бы еще долго данником заграницы»²². Что было особенно важно Морскому министерству, так это то, что только фирма Виккерс владела технологией приготовления орудий из хромоникелевой стали.

В заключение будет нелишним сказать, что даже чисто военное производство такого масштаба как Царицынский завод служило источником развития новой металлургии, крупного механического производства и потребления сырых материалов в интересах общего индустриального роста России в целях далеко не одного военно-промышленного удовлетворения. Не говоря о вложенных капиталах и энергии, о новых специалистах и опыте, речь шла о той самой индустриализации России, которую так громко и с таким пафосом проповедовали руководители будущей, уже Советской России. Судьба этого предприятия была нарушена Первой мировой войной, но начало ему было положено и начало это не осталось бесследным.

- ¹ РГА ВМФ. Ф. 421. ОП. 10. Д. 230. Л. 1 об.
- ² Там же. Л. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Биржа. 1911. № 1. С. 16. 4 сентября. Хроника.
- ⁵ Банки и Биржа. 1913. № 6. 16 марта. С. 13–14.
- ⁶ Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за 1911 год. С. 115–116.
- ⁷ Там же. С. 117.
- ⁸ Банки и Биржа. 1913. № 15. 15 мая. С. 4–5.
- ⁹ РГА ВМФ. Ф. 401. ОП. 2. Д. 1140. Л. 53.
- ¹⁰ Банки и Биржа. 1913. № 3. 17 февраля. С. 10.
- ¹¹ Рут. Еще об осадных орудиях системы Шнейдера // Артиллерийский журнал. 1911. № 9. С. 1005–1021; Рут. Об осадной артиллерии // Артиллерийский журнал. 1910. № 3. С. 299–324; Осадная артиллерия системы Шнейдера // Артиллерийский журнал. 1910. № 10. С. 1235.
- ¹² Бовыкин В.И. Банки и военная промышленность России накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 84–85.
- ¹³ РГИА. Ф. 1276. ОП. 9. Д. 180. Л. 14 об.; Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 352.
- ¹⁴ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 95.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 357.
- ¹⁷ Банки и Биржа. 1914. № 3. 18 января. С. 7.
- ¹⁸ Банки и Биржа. 1913. № 21. 29 июня. С. 8–9.
- ¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13. ОП. 87/1. Д. 74. Л. 23–26.
- ²⁰ РГА ВМФ. Ф. 401. ОП. 2. Д. 1144. Л. 23 об.
- ²¹ Кронштадтский вестник. 1914. 27 июня. № 142. С. 2.
- ²² Там же.

М.К. Павлович (Москва)

Д.И. УСПЕНСКИЙ – ХРАНИТЕЛЬ ФОНДОВ ОРУЖИЯ И БИБЛИОТЕКИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ УСПЕНСКИЙ – историк и этнограф, 27 лет своей жизни отдавший Оружейной палате Московского Кремля, начал службу в ней в 1902 г. и продолжал ее после 1917 г. при первых директорах М.С. Сергееве и Д.Д. Иванове. О судьбе этого талантливого ученого и музейщика мы можем судить по документам его личного фонда, переданного в архив нашего музея 28 апреля 1976 г. его дочерью – Ю.Д. Дмитриевой (урожденной Успенской) в виде россыпи. В настоящее время все материалы разобраны, фонд насчитывает 559 единиц хранения, к нему имеется опись и картотека¹. Все документы делятся на несколько разновеликих групп. Первую из них составляют биографические материалы, а также документы о служебной и общественной деятельности. Во вторую группу входят научные труды. Это рукописи работ Д.И. Успенского по самой различной тематике – по этнографии, истории нашего государства от Киевской Руси вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия, о знамениях и чудесах, о выдающихся деятелях науки и культуры, известных путешественниках, военных и моряках, о мастерах-оружейниках и многом, многом другом. Сюда же входят и его отзывы и рецензии на чужие работы, а также большое количество черновиков и выписок из архивных материалов и публикаций. Самостоятельные группы составляют опубликованные работы Успенского и вспомогательные материалы, собранные им при изучении отдельных проблем.

Прежде чем говорить о вкладе Д.И. Успенского в развитие Оружейной палаты, вспомним о некоторых основных этапах его биографии. Дмитрий Иванович родился 17 октября 1868 г. в семье

приходского священника села Богоявленское Венева монастыря Тульской губернии Ивана Ивановича Успенского, закончил духовную семинарию, однако не пошел по стопам отца. В 1890–1896 гг. он трудился учителем сельской земской школы села Спешнево Чернского уезда Тульской губернии, а затем до 1902 г. служил в Тульском губернском присутствии по крестьянским делам, окончил историко-филологический факультет Казанского университета².

Первые научные изыскания Д.Успенского относятся к 1890-м годам. Его работы тех лет: «Толки народа», «Благовещение», «Похоронные причитания»³ – отличает глубокое знание народного быта, традиций и широкое использование фольклорного материала – песен, причитаний, обрядов, собранных в результате наблюдений в родной губернии. Тогда же он был принят в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете⁴.

В 1902 г. Дмитрий Иванович переехал в Москву, где его творческая и общественная жизнь заметно активизировались. Он состоял в либеральном Союзе взаимопомощи русских писателей, ставившем своей целью объединение писателей и посредничество между авторами, переводчиками и издателями, позднее закрытом царским правительством «за неблагонадежность», в Комиссии по изучению церковной старины в Москве, в археологическом обществе⁵. Не бросал он и своих научных изысканий. В 1902–1917 гг. выходят его публикации по этнографии, а также по истории. Особое место в его исследованиях занимает начало XVII в., так называемое «Смутное время», рассматриваемое им «как период сверхмистических настроений», где прослеживается тесная связь переломной эпохи с метаниями народных масс и их возрастающей тягой к мистике и суевериям. Этой теме посвящены многочисленные статьи 1910–1914 гг.: «Троицкие видения во время осады», «Троицкий архимандрит Иоасаф», «Страдальцы за землю русскую патриарх Гермоген и троицкий архимандрит Дионисий», «Углицкая тайна»⁶. Работам ученого присущи образность и живость языка, безукоризненная логика и четкость построения, неординарное мышление. Многие его статьи воспринимаются как художественные произведения благодаря донесенному до читателей колориту эпохи и яркой характеристике исторических личностей. Иными словами, Дмитрий Иванович стремился показать не только то, что происходило, но и как это происходило.

Как видно из его трудового списка, с 6 декабря 1902 г. началась служба Д.И. Успенского «канцелярским чиновником Дворцового управления с откомандированием для занятий в канцелярию Оружейной палаты», продолжавшаяся до 3 марта 1919 г.⁷ Документальных свидетельств о работе Дмитрия Ивановича в музее в те годы крайне мало. Известно, что с 1913 по 1916 гг. руководство палаты неоднократно обращалось с ходатайством о включении в ее штат чиновника, который бы занимался делопроизводством и заведовал библиотекой. Предлагался на эту должность «коллегский секретарь Успенский, уже 12-й год исполняющий эти обязанности в высшей степени добросовестно, по вольному найму за 40 рублей в месяц жалования»⁸. В 1917 г. хранитель Оружейной палаты и Дома бояр Романовых В. Трутовский вновь поднял вопрос о библиотекаре и делопроизводителе. При этом в своем ходатайстве он отмечал, что Д.И. Успенский «имеет выпускное свидетельство об окончании курса Московского Университета по историко-филологическому факультету»⁹. Другим наглядным доказательством деятельности Дмитрия Ивановича в палате в те годы является составленная им двухтомная опись библиотеки Московской Оружейной палаты. Она была начата в 1907–1908 гг., а закончена лишь в 1919 г. по распоряжению председателя коллегии хранителей Оружейной палаты, ее заведующего М.С. Сергеева¹⁰.

К сожалению, материалы личного фонда Д.И. Успенского не позволяют нам судить о том, как он воспринял революционные события 1917 г. Однако известно, что послеоктябрьский период принес ученому немало новых проблем и забот. Подтверждением тому служит составленный им в 1926 г. список изданных статей. В начале документа перечислены работы, опубликованные до 1918 г., с делением на исторические и этнографические труды. Затем следует пояснение: «1918–1923 г. – время обостренной борьбы с голодом, так как о деятельности КУБУ я узнал лишь в 1922 г., и только с этого года вступил в число его членов»¹¹. Далее в списке указана статья «На торфяных болотах» (Ногинск, 1924) и перечислены подготовленные к печати, но не изданные работы 1925–1926 гг.¹².

Д.И. Успенский занимался и общественной деятельностью. В 1918 г. он создал культурно-просветительный кооператив, ставивший целью объединение ученых, входил он и в состав Домового комитета 1-го Пречистенского комиссариата¹³.

Особенного внимания заслуживает работа Дмитрия Ивановича

в Оружейной палате, продолжавшаяся до его выхода на пенсию в декабре 1929 г. С 1919 по 1926 г. он занимал должность библиотекаря. Об активности и полезности его работы помогает судить справка, составленная директором музея Д.Д. Ивановым в 1923 г. для представления в Отдел музеев Наркомата просвещения. Наряду с другими показателями в ней отмечается «значительное расширение библиотеки заботами библиотекаря Д.И. Успенского»¹⁴. В 1925 г. в связи с уточнением атрибуции произведений искусства, затребованных правительством Польши по Рижскому мирному договору, им была составлена справка о знамени с изображением польского сенатора Евстафия Литикиновича. В ней ученый по архивным документам проследил историю поступления этого предмета в палату, также им дана справка и о двух других экспонатах¹⁵.

Необходимо отметить, что помимо работы с книжными фондами Дмитрий Иванович пробовал себя и в новом качестве, им была разработана рецептура чистки оружия от ржавчины, а в декабре 1925 г. он прочитал первый доклад по этой теме¹⁶.

6 июня 1925 г. на заседании Ученого совета Объединенного музея декоративно-прикладного искусства «Оружейная палата» директором Д.Д. Ивановым был поставлен вопрос «о желательности включения» в состав Ученого совета заведующего библиотекой Д.И. Успенского «...в виду все возрастающего значения библиотеки палаты в ее научной жизни, значительных и систематических ее пополнений»¹⁷. Решение было единогласным: «Признать необходимым участие по должности в Ученом совете заведующего библиотекой палаты»¹⁸. С этого времени Дмитрий Иванович стал членом Ученого совета музея, а со следующего года он периодически выступал на заседаниях по проблемам комплектования книжного фонда и книгообмена, а также по научным вопросам. Обращался он и со служебными записками, доказывая необходимость для книг специального помещения. 18 декабря 1926 г. на заседании Ученого совета он представил составленное им, а также сотрудниками музея М.М. Денисовой и М.М. Постниковой «Положение о библиотеке Оружейной палаты». В нем были четко определены подчиненность, задачи, функции и возможности этого структурного подразделения. Штат библиотеки должны были составлять заведующий, научный работник и технический сотрудник¹⁹. Несмотря на то, что Положение было одобрено и утверждено, проблемы библиотеки оставались по-прежнему нерешенными. С августа того

же 1926 г. Дмитрий Иванович получил и новые обязанности – он был назначен хранителем оружия²⁰, таким образом, взвалив на свои плечи еще и дополнительную значительную нагрузку. О том, в каком состоянии находился отдел оружия на момент его приема Дмитрием Ивановичем, мы можем судить по его докладным запискам – пояснениям к годовому отчету музея за 1926–1928 гг., а также к пятилетнему плану работы на 1926–1931 гг.²¹. Приведем цитату: «С начала русско-германской войны ни один из отделов Оружейной палаты не был поставлен в такие неблагоприятные условия работы, как оружейный отдел и библиотека»²². Часть площади этого отдела была отведена под отдел «Памятники религиозного отдела», из-за чего не менее половины предметов вооружения и доспеха оказалось разбросанным «...по разным этажам и разным отделам, в корзинах, под ружейными витринами или стойками, или просто в углах на полу»²³. Разрушительно на экспонатах сказывалось и отсутствие в течение нескольких лет отопления в музее, многие из них пострадали от ржавчины. После смерти хранителя палаты Ю.В. Арсеньева в 1918 г. и вплоть до 1926 г. в штатном расписании музея вообще не было хранителя этого отдела. Лишь В.А. Никольский, член Ученого совета, добровольно занимался разборкой оружия²⁴. Указывал Д.И. Успенский и на то, что «по отделу оружия необходима проверка наличности его состава, не производившаяся уже около 15 лет», а «ввиду порчи оружия ржавчиной необходим тщательный его просмотр и безотлагательная, срочная чистка». Так как начатая еще В.А. Никольским перепланировка экспозиции оружия не была окончена, Дмитрий Иванович приступил к ее завершению. Он полагал «сделать доступными для публики возможно большее количество и из тех предметов, которые находятся теперь под спудом: в корзинах, под стойками <...>, а также высоко на стенах, в качестве декоративных украшений»²⁵. Перед новым хранителем оружия стояла еще одна важная задача. В имеющейся описи предметов вооружения имелось немало ошибок, поэтому необходимо было провести также тщательную проверку описаний всех этих экспонатов, а также «разработку архивных материалов, относящихся к памятникам оружейного отдела»²⁶.

В декабре 1928 г. сотрудники Оружейной палаты Д.И. Успенский, Ф.Я. Мишуков, В.К. Клейн и В.И. Козлов были посланы на десять дней в командировку в Ленинград «ввиду приступа к реор-

ганизации отдела оружия, для ознакомления с постановкою дела в Государственный Эрмитаж, Артиллерийский музей, в институт археологической технологии»²⁷. 5 января 1929 г. их отчеты были заслушаны на заседании Ученого совета. После чего последовала резолюция: «Принять к сведению и благодарить докладчиков за собранные ими ценные сведения по весьма важным вопросам».²⁸ Примечательно, что во время командировки Дмитрий Иванович познакомился не только с музейными экспозициями, но и изучил применявшуюся тогда различную рецептуру очистки металлических предметов, в частности оружия, от ржавчины. Так, например, по инструкции В. Арендта полагалось применять свежее деревянное масло и наждачную пыль, в Музее артиллерии для этих целей использовали растворы уксусной кислоты и соды²⁹. Вероятно, из Ленинграда Д.И. Успенский привез очерк А.А. Автономова «Государственный Эрмитаж. Зал доспехов» (Л., 1924), который послужил ему определенным пособием для перепланировки Бронного зала. На сохранившемся экземпляре книги немало его помет на полях и в тексте³⁰. Другим подспорьем Д.И. Успенскому послужила брошюра его предшественника В.А. Никольского «Художественное оружие» (М., 1925 г.), базировавшаяся в основном на экспонатах Оружейной палаты.

Очевидно, детально ознакомившись с коллекцией оружия кремлевского музея и набравшись опыта у ленинградских коллег, Д.И. Успенский подал служебную записку директору палаты Д.Д. Иванову с предложениями по реэкспозиции вверенного ему собрания. Он хотел провести полную перепланировку этого раздела, убрать выставленные без системы предметы и снять устаревшие манекены. Предполагал он также «...проследить по возможности эволюцию каждого вида вооружения русских войск в сравнении с вооружением народов Азии и Европы, выделяя при размещении экспозиции наиболее характерные для каждого периода образцы и особо подчеркивая предметы, изготовленные выдающимися мастерами». В новую экспозицию намечалось ввести иллюстративный материал в виде рисунков, а также дополнить собрание оружием более позднего времени³¹. Надо сказать, что стремление к введению схем и пояснительных рисунков в экспозицию было одной из определяющих тенденций того времени, кстати, как и обязательное отражение «классовых настроений». В данном конкретном случае они должны были наглядно прослеживаться «в характере

вооружения простого воина и командного <...> состава»³².

О работе Дмитрия Ивановича в качестве хранителя оружия свидетельствует и его отчет за 1928–1929 гг., составленный в ноябре 1929 г. Так как «единство экспозиции отдела» было нарушено «введением в главный оружейный зал экспонатов других отделов, вносящих пестроту и бессистемность», велась перепланировка экспозиции. Вместо прежней систематизации, выстроенной по характеру материала и украшений, была разработана новая. По мнению Д.И. Успенского, «главное в изучении оружия – эволюция его видов, связь с условиями развития социально-экономической и политической жизни народа, классовые его особенности», а «для освещения производственной стороны музейных предметов и материала, техники и т.д.» более целесообразно «устройство отдельных показательных уголков, с выделением для этого лишь наиболее характерных образцов»³³. В соответствии с данной концепцией, вполне отвечавшей задаче сохранения Оружейной палаты в качестве музея высших достижений рабочего класса, им была начата перепланировка в Бронной зале, все экспонаты которой он разделил на три отдела: восток, запад и Русь, по возможности проследив эволюцию всех видов доспеха и вооружения. Приступил он и к реэкспозиции зала оружия, к ряду экспонатов был составлен недостающий этикетаж.

Помимо хранительской работы, Успенский продолжал выполнять и обязанности реставратора по металлу, занимаясь очисткой предметов от ржавчины. Как видно из письма директора Д.Д. Иванова в Государственные Центральные реставрационные мастерские, «практические занятия чисткою оружия» охотно выполнял именно он. «Из произведенных т. Успенским опытов Ученым советом при участии Ф.Я. Мишукова в особенности одобрена пробная чистка бердыша», после чего Дмитрию Ивановичу было поручено «...производить чистку в пределах возможности, и, разумеется, пока только на образцах сравнительно массового характера и без <...> украшений»³⁴. В 1927–1928 гг. он неоднократно докладывал о ходе работ по чистке вооружения, его опыты были одобрены экспертом Государственных Центральных реставрационных мастерских Д.Ф. Богословским, прошли они проверку и у специалистов института археологической технологии³⁵.

Таким образом, в 1926–1929 гг. Д.И. Успенский возглавлял биб-

лиотеку, осуществляя ее комплектование и ведя активный книгообмен с российскими и зарубежными учреждениями (например, с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. в библиотеку только путем обмена поступило 329 книг)³⁶, занимался перепланировкой отдела оружия, производил чистку предметов от ржавчины. При этом он вел активную работу как член Ученого совета, на заседаниях которого в 1926–1929 гг. выступал неоднократно по различным вопросам. Не прерывал он и научно-исследовательской деятельности. К концу 1920-х гг. относятся две его фундаментальные работы «Музейные легенды» (посвящена некоторым экспонатам Оружейной палаты) и «Как сохранялось древнее оружие». Обе так и не были опубликованы. По «Музейным легендам» Успенским был сделан доклад на Ученом совете 18 февраля 1928 г., который получил одобрительную оценку с рекомендациями к дальнейшему исследованию³⁷. К сожалению, в архиве нашего музея эти труды хранятся лишь в виде черновиков, так как в мае 1977 г. дочь Д.И. Успенского забрала их обратно³⁸.

В 1926–1929 гг. ученый работал в Древлехранилище Центрархива, изучая документы по истории быта трудящихся. Он собрал богатейший материал об оружейниках Тулы XVII – начала XVIII вв. и об их связях с Оружейной палатой, а также о мастерах палаты того времени, о деятельности тульских воевод и об обеспечении производства оружия необходимыми материалами³⁹. Трудился он и над созданием «Словаря русских оружейных мастеров XVI–XVII века».

В апреле 1929 г. наконец было принято решение о передаче библиотеки от Д.И. Успенского сотруднице музея Гриневич, книжный фонд палаты составлял тогда около 16 тыс. томов. «Спорных вопросов» при проверке и передаче книг «обнаружено не было»⁴⁰. Однако Дмитрий Иванович после этого радостного для него события недолго исполнял обязанности хранителя оружия. Напряженная работа, житейские трудности и квартирные проблемы подорвали его здоровье. Так, два года, 1925 и 1926-й, ему понадобилось на то, чтобы отстоять помещение для своей научной библиотеки, собранной им на книжных базарах Сухаревки и Лубянской площади, избежать «уплотнения» – подселения нескольких новых жильцов в одну комнату, где он проживал с женой. В ней же располагалась и библиотека⁴¹. Иногда по два раза в день ему приходилось принимать незваных гостей из домоуправления. Кто-то из них пред-

лагал разделить комнату пополам, кто-то – вообще выбросить книги как ненужный хлам, хотя ценность этого собрания признавал заместитель директора библиотеки имени В.И. Ленина Д.Н. Егоров.

15 декабря 1929 г. Д.И. Успенский уволился из палаты и вышел на академическую пенсию, но не переставал вести научную работу. Он мечтал завершить целый ряд уже почти готовых статей, начатых им во время службы в Оружейной палате. Среди них уже упомянутые нами «Музейные легенды», исследование о жизни и деятельности академика живописи Ф.Г. Солнцева и ряд других. Однако исполнить задуманное помешало большое сердце. Скончался Д.И. Успенский 20 мая 1939 г. после тяжелой и продолжительной болезни на семьдесят первом году жизни, похоронен на станции Новоиерусалимская под Москвой. Его научные работы высоко ценили академики Ю.В. Готье и М.М. Богословский, отмечая «живые и разнообразные интересы», хваля за эмоциональный, образный язык и привлечение широкого круга источников⁴².

Таковы основные вехи жизненного пути одного из многих тружеников науки, внесших свой вклад в дело развития истории, этнографии и музейного дела.

---

¹ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 22 «Д.И. Успенский».

² Там же. Ф. 22. Д. 1–2, 6, 7.

³ Там же. Д. 366, 357.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 6 об.

⁵ Там же. Д. 8, 3.

⁶ Успенский Д.И. Небесные целители от трясавичного недуга. М., 1905; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 22. Д. 379, 380, 382, 156–158, 160.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 3 об.

⁸ Там же. Д. 12. Л. 1 об.

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64, 65.

¹¹ Там же. Ф. 22. Д. 1. Л. 27–27 об. КУБУ – комиссия по улучшению быта ученых.

¹² Там же. Д. Л. 27 об. – 28.

¹³ Там же. Д. 25, 26.

¹⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 1923 г. Д. 2. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 32. Л. 7, 12; ф. 22. Д. 33.

¹⁶ Там же. Ф. 22. Д. 35. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1925 г. Д. 3. Л. 57. Автор приносит благодарность Т.А. Тутовой за указанный документ.

¹⁸ Там же. Л. 57.

- ¹⁹ Там же. Ф. 22. Д. 37. Л. 1–4.
²⁰ Там же. Д. 2. Л. 3 об.
²¹ Там же. Д. 35.
²² Там же. Л. 1.
²³ Там же.
²⁴ Там же. Л. 1–1 об.
²⁵ Там же. Л. 6.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Ф. 20. Оп. 1928 г. Д. 2. Л. 60. Институт археологической технологии существовал в 1919–1935 гг. В 1935 г. был переименован в Институт исторической технологии. В настоящее время – Лаборатория археологической технологии при ИА РАН.
²⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 1929 г. Д. 4. Л. 2.
²⁹ Там же. Ф. 20. Оп. 1927 г. Д. 9. Л. 1–2, 6.
³⁰ Там же. Ф. 22. Д. 538.
³¹ Там же. Д. 39. Л. 1.
³² Там же.
³³ Там же. Л. 4–5.
³⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 1927 г. Д. 9. Л. 11.
³⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1928 г. Д. 7. Л. 7–8.
³⁶ Там же. Оп. 1929 г. Д. 20. Л. 5 об.
³⁷ Там же. Оп. 1928 г. Д. 2. Л. 17.
³⁸ Там же. Ф. 22. Д. 218–223.
³⁹ Там же. Ф. 22. Д. 283–319.
⁴⁰ Там же. Ф. 20. Оп. 1929 г. Д. 2. Л. 2, 17.
⁴¹ Там же. Ф. 22. Д. 27.
⁴² Там же. Д. 1. Л. 17, 18, 22, 40–42.

Р.А. Панов (Санкт-Петербург)

**ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОГНЕМЕТНАЯ
МИНА С.Е. ЗАХАРЕНКО
И ПРОТИВОТАНКОВЫЙ ОГНЕМЕТ
А.Л. ЕВФАРИЦКОГО**

В ТРУДНЫЕ ГОДЫ Великой Отечественной войны Ленинград, замкнутый в кольце вражеской блокады, оставался крупнейшим центром военного изобретательства и научно-технической мысли. Ленинградские ученые внесли колоссальный вклад в развитие многих видов вооружения, военной техники, инженерного дела, медицины и др. Действовать им нередко приходилось в условиях нехватки материалов и оборудования, холода, голода, постоянной угрозы жизни. Тем не менее, ученые и конструкторы осажденного города создавали интереснейшие образцы вооружения и боеприпасов, выдвигали подлинно новаторские идеи.

Одним из важнейших направлений научного поиска в Ленинграде стало создание средств борьбы с танками противника. Особое значение здесь придавалось зажигательным веществам и оружию с их использованием¹. Широкое распространение, по вполне понятным причинам, получили бутылки с зажигательной смесью, производство которых не требовало больших расходов и времени. Директор Государственного института прикладной химии (ГИПХ) П.П. Трофимов вспоминал: «Уже на второй, может быть на третий день (после начала войны – П.Р.) к нам приехал секретарь горкома партии Павел Трофимович Судомехов с одним-единственным вопросом: что можно сделать для армии сейчас, не дожидаясь каких-то планов и указаний сверху. Мы выбрали бутылки с зажигательной жидкостью»².

Однако применение бутылок существенно ограничивалось тем, что бросали их сами бойцы, без каких-либо технических приспособлений. Как справедливо отмечал старший научный сотрудник Академии наук СССР Ю.Ю. Тиссен в письме начальнику штаба Ленинградского фронта в ноябре 1941 г.: «Ручное метание бутылок ограничивает их использование крайне малыми дистанциями боя при сравнительно небольшой меткости броска. И дальность боя, и меткость можно значительно улучшить, если использовать бутылки с горючим, помимо ручного метания, также для выстреливания из миномета или винтовки. Наличие таких бутылок в составе боезапаса подразделений даст возможность начать поражение наступающих танков противника с расстояния в несколько сот метров»³.

В связи с этим конструкторы активно занимались разработкой различных приспособлений для метания бутылок, как, например, мортирок, крепившихся к стволу винтовки. Один из вариантов такой mortarки был предложен в июле 1941 г. ленинградскими учеными, инженерами Государственного института по проектированию металлургических заводов (ГИПРОМЕЗ) И.Н. Клиниковым и А.А. Кондратьевым⁴.

Сам Ю.Ю. Тиссен разработал проект «универсальной бутылки» с горючим составом, которой можно было стрелять из миномета или, прикрепив железный стержень, из винтовки. Предложения Тиссена были переданы в Главное военно-химическое управление, но реализация их не состоялась. Еще одним вариантом оружия для ведения стрельбы снарядами с зажигательной смесью стали ампулометы, которые в последнее время неоднократно привлекали внимание историков военной техники⁵.

Другим направлением поиска стало создание способных вести борьбу с танками огнеметов, а также оружия, действовавшего по принципу огнемета. Так, в августе 1941 г. конструктор судостроительного завода им. Марти Г.Г. Фейгин предложил проект «винтовочный огнемет для поражения танка противника»⁶. Проект Фейгина был, однако, отклонен, в виду того, что на вооружение армии уже поступил более практичный огнемет РОКС-2.

Примером интересного использования идеи огнемета могут служить разработки доцента Политехнического института С.Е. Захаренко и автоматический огнемет ленинградского изобретателя А.Л. Евфарицкого.

Семен Ефремович Захаренко (1906–1966) родился в крестьянской семье⁷. С 14 лет он работал на заводах Сибири, в 1925 г. был командирован на рабфак, по окончании которого (1928) поступил в Ленинградский индустриальный институт (так в то время именовался Политехнический институт). В 1932 г., по окончании института, он был оставлен в аспирантуре. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1936 г. получил ученую степень кандидата технических наук и занял должность заместителя заведующего кафедрой химического машиностроения ЛИИ, в 1937 г. – возглавил эту кафедру.

С началом Великой Отечественной войны С.Е. Захаренко, как и многие ученые-политехники, включился в поиск в области совершенствования вооружений и технического обеспечения армии. Осенью 1941 г. он предложил командованию Ленинградского фронта проект «огнеметной мины». «Огнеметная мина, – писал ученый, – предназначена для поджигания автомобилей, бронемашин, танков и прочего транспорта противника, пересекающего определенный отрезок местности или дороги. Горючее, содержащееся в мине, автоматически, т.е. без непосредственного воздействия человека, выбрасывается на проходящий мимо объект огненной струей и поджигает его»⁸.

Мина Захаренко представляла собой цилиндрический резервуар с соплом, наполненный горючей смесью и снабженный поршнем (деревянным, либо пластмассовым). В днище резервуара находилась зарядная камера, изолированная от наполненной горючей смесью полости стеклянной диафрагмой. Внутри зарядной камеры помещались пороховая петарда, тротиловая шашка и сухой электрический элемент. На сопле был укреплен колпачок зажигания, внутри которого находилась ампула с серной кислотой, окруженная смесью бертолетовой соли и сахарной пудры.

Очень интересным представляется предусматриваемый проектом способ приведения мины в действие. Этой цели служил пневматический включатель, который состоял из длинной резиновой трубки, один конец которой был открыт («сообщен с атмосферой»), а другой соединялся с тонкостенным резиновым баллончиком, обернутым медными полосками. Этот баллончик помещался внутри медного цилиндра («контактной обоймы»), так чтобы в положении «цепь разомкнута» между «лепестками» меди и стенками обоймы имелся зазор. Цилиндр находился в стеклянном корпусе,

закрытом пробкой, и проводами соединялся с контактами сухого электрического элемента мины.

Резиновая трубка, по замыслу конструктора, укладывалась на грунт таким образом, чтобы пересечь предполагаемый путь движения неприятельского транспорта и маскировалась тонким слоем земли или песка. Собственно мину (резервуар) надлежало установить поблизости, например, на обочине дороги. Мина зарывалась в землю с углом возвышения примерно в 12–15° так, чтобы сопло было направлено в сторону потенциальной цели.

Так как один конец резиновой трубки оставался открытым, ее заполнял атмосферный воздух. «Как только проходящий объект, – говорилось в обосновании проекта, – нажмет своей тяжестью на резиновую трубку на любом участке ее, один конец ее оказывается зажатым, воздух, находящийся в трубке, приобретает некоторое избыточное давление, баллончик <...> раздувается, раздвигает лепестки контактной вилки и они касаются контактной облоймы»⁹.

Раздувшийся баллончик должен был замкнуть цепь сухого элемента. Электрический ток проходил через электрозапал мины и зажигал его, запал воспламенял пороховую петарду. Пороховые газы разрушали стеклянную диафрагму и посылали вперед поршень, который выдавливал горючую жидкость. На выходе из сопла горючая жидкость разрушала ампулу с серной кислотой, которая вступала в реакцию с порошком бертолетовой соли, воспламеняя его, от образовавшегося пламени вспыхивала выталкиваемая из сопла горючая смесь. В результате на неприятельскую технику должна была обрушиться струя жидкого пламени.

Любопытно, что проект мины Захаренко предусматривал также ее самоуничтожение (для этого и нужна была включенная в конструкцию тротиловая шашка), «чтобы противник не мог воспользоваться ею и узнать ее конструкцию»¹⁰.

Указывая на достоинства своего проекта, Захаренко подчеркивал: мина будет изготавливаться из «недефицитных, дешевых материалов: фарфор, стекло, дерево или пластмасса»¹¹. Подобное качество являлось немаловажным в блокированном городе. Кроме того, мина не имела электромагнитных частей. Металлических деталей в ней вообще было немного, а те, что имелись, изготавливались из немагнитных сплавов (латунь, медь или алюминий). «Вследствие этого, – подчеркивалось в обосновании, – обнаружить мину, установленную на местности электромагнитными искателями невозможно»¹².

Имелось у «огнеметной мины» Захаренко еще одно немаловажное достоинство. Обычная «взрывная» мина поражала объект лишь при его прохождении через одну, определенную точку, а предлагаемая – «при прохождении объекта на любом участке расположения резиновой трубки включения»¹³.

13 и 24 октября 1941 г. состоялось испытание мины Захаренко, проведенное специальной комиссией. В ее состав вошли представители инженерного и химического управлений Ленинградского фронта (военинженер 2-го ранга С.И. Головенкин и майор В.С. Березкин), автор проекта и два представителя Лаборатории химического машиностроения Политехнического института: инженер Ф.А. Простак и научный сотрудник А.А. Дзятко.

В ходе испытаний мину заряжали сначала водой, затем – горючей смесью. Кроме того, отдельным испытаниям подвергся пневматический включатель: через уложенную поперек дороги трубку проезжали танк и автомобиль, причем движение осуществлялось с разной скоростью и на разных участках трубки. Как показали испытания, «пневматический включатель во всех случаях работал безотказно»¹⁴. При испытании мины, наполненной вместо горючей смеси водой, ее установили в 7 метрах от дороги, по которой двигалась грузовая машина. В тот момент, когда колесо автомобиля наехало на резиновую трубку, последовал «мгновенный выброс воды, которая и облила машину»¹⁵.

Затем комиссия произвела испытание со смесью. Была использована горючая смесь № 1, служившая для наполнения бутылок, которыми бойцы забрасывали танки, в количестве 4,7 литров. Мину зарыли под углом 10 градусов, на расстоянии 9 метров от нее установили металлический щит. После замыкания электрической цепи из сопла вылетела «компактная струя жидкости», которая ударила в щит, «облила его и сгорела на щите». При втором опыте мину разместили в 18 метрах от кирпичной стены, увеличив угол возвышения до 15 градусов. После замыкания контакта, «струя загоревшейся жидкости ударилась в кирпичную стену на высоте 3 метров от земли и горела на стене в течение 2-х минут»¹⁶. Правда, в одном случае зажигание струи произошло с опозданием, и воспламенилась не вся выброшенная жидкость. «Подвел» колпачок зажигания, в котором стеклянную диафрагму заменили бумажной.

Суммируя итог испытаний, комиссия сделала следующий вывод: «Опыты показали возможность эффективного применения

вышеуказанной мины для поджигания автомобилей, бронемашин, танков и прочего транспорта противника»¹⁷. В заключении комиссии также отмечалось: «Все проделанные исследования огнеметной мины производились по собственной инициативе автора без финансирования этой работы какой-либо организацией»¹⁸.

По мнению членов комиссии, мина Захаренко нуждалась лишь в небольшой доработке, справиться с которой вполне могла лаборатория химического машиностроения Политехнического института под руководством автора.

Однако, несмотря на это положительное заключение, в производство мина Захаренко запущена не была и на вооружение армии не поступила. 19 декабря 1941 г. начальник отдела химической защиты Ленинградского фронта полковник А.Г. Власов направил инспектору по изобретательству штаба Ленфронта Н.М. Рейнову и военному комиссару штаба Д.И. Холостову доклад. В нем указывался ряд недостатков проекта.

Во-первых, по мнению составителя доклада, эффективность мины заметно снижалась в случае снегопада, так как «снег, выпавший на мину, естественно, поглотит большую часть смеси в момент вылета»¹⁹.

Во-вторых, при образовании слоя снега на резиновой трубке пневматического включателя он мог потерять эластичность, а также «деформироваться раньше времени», следствием чего была «возможность частых отказов или преждевременного срабатывания мины»²⁰.

В-третьих, в мине имелось много деталей, легко выходявших из строя. Ненадежен был и сухой электрический элемент. По мнению А.Г. Власова, можно было ожидать «при долгом хранении на боевом положении, при резко колеблющейся температуре» частые случаи отказа мины²¹.

Наконец, прозвучало в докладе еще два довода (весьма весомых в условиях блокированного города): «Корпуса предполагаемой мины по своей форме до сего времени в Ленинграде не изготавливались и организовать их производство в массовом масштабе почти что невозможно»²². Кроме того, цена мин (70–80 руб. за штуку), представлялась слишком высокой.

Разумеется, все названные недостатки не носили непреодолимого характера. Тем не менее, А.Г. Власов определил свою позицию абсолютно беспелляционно: «Предложение кандидата

технических наук – доцента Ленинградского Политехнического Института тов. Захаренко С.Е. на тему «огнеметная мина», несмотря на наличие некоторых положительных моментов, зафиксированных актом комиссии от 12 и 24 октября 1941 г., в настоящее время ценности не представляет...»²³.

Доклад А.Г. Власова и все документы по проекту были направлены в ГВХУ Красной армии. В начале января 1942 г. его специалисты вынесли вердикт, который совпал с суждением начальника фронтowego отдела химзащиты. Заместитель начальника 3-го отдела ГВХУ КА военинженер 2-го ранга Сидорский отметил, что «предполагаемая мина значительно уступает по эффективности действия, простоте устройства и эксплуатации существующей на вооружении противотанковой мины»²⁴.

Таким образом, сложилась весьма типичная ситуация: командование отказывалось от новой разработки, во имя более простой привычной старой модели. Стоит заметить, что С.Е. Захаренко в дальнейшем долго и плодотворно трудился в Ленинградском Политехническом институте, где с 1951 г. возглавлял кафедру компрессоростроения.

Несколько позже разработки и испытания мины С.Е. Захаренко, в конце 1942 г. другой ленинградский изобретатель, А.Л. Евфарицкий предложил проект «противотанкового автоматического огнемета»²⁵. Этот огнемет, как и мину Захаренко, предполагалось устанавливать вблизи маршрутов следования противника. Приводится в действие он должен был «адаптором», который, как отмечалось в заключении по проекту, «представлял из себя, в простейшем виде, кусок резиновой кишки, наполненный воздухом под некоторым давлением и соединенный резиновой же трубкой с одним или двумя огнеметами»²⁶.

По замыслу конструктора, «адаптор» следовало укладывать «поперек дороги в неглубокую канаву или непосредственно на дно, или в деревянный желоб» и маскировать землей и песком. Впрочем, Евфарицкий предлагал использовать не только шланги. «В некоторых случаях, – утверждал он, – адапторами могут служить мотоциклетные или автомобильные шины (камеры), установленные на путях в шахматном порядке в соответствующие углубления и также присыпанные и замаскированные»²⁷.

Разнообразнее были и предложенные автором методы использования автоматического огнемета. Он в частности считал возможным

поджигать с их помощью железнодорожные составы. «Действие огненной струи на вражеские эшелоны, – писал Евфарицкий, – могло бы оказаться более эффективным, нежели действие мин. Учитывая, что поезд не может быть сразу остановлен и что даже после остановки давление на адаптор не сразу будет прекращено, действие огненной струи может быть длительным и потому эффективным»²⁸.

Конструктор рекомендовал также использовать его изобретение при обороне городов. Он советовал устанавливать автоматические огнеметы «в подвальных этажах или иных укрытых местах», выведя адаптор (резиновый шланг) на улицу. «Тот или иной вид мототранспорта противника, наступающего вдоль улицы, – говорилось в обосновании проекта, – неизбежно должен будет пройти по адаптору, и неизбежно будет поражаться огненной струей»²⁹.

Однако если способ приведения огнемета в действие, как и замысел Захаренко, не был лишен оригинальности, то сам огнемет, по мнению военных экспертов, не представлял собой ничего принципиально нового. Более того, по ряду показателей он значительно уступал огнеметам, уже принятым на вооружение. Именно на это и указал в своем заключении, датированном 30 ноября 1942 г., инженер-капитан Здохненко, которому было поручено рассмотреть предложение Евфарицкого. Изобретатель с выводом экспертов не согласился. Свои возражения он направил начальнику штаба артиллерии Ленинградского фронта полковнику Н.Н. Жданову и секретарю горкома партии А.А. Кузнецову³⁰. По словам изобретателя, огнемет имел немало новшеств и преимуществ, в том числе в конструкции сифона и системе воспламенения огнесмеси.

В январе 1943 г. Евфарицкий, не дождавшись ответа на первое письмо, решил обратиться в высшие инстанции и написал маршалу К.Е. Ворошилову. Он сообщал, что является инвалидом, но, тем не менее, стремится «отдать все свои силы и знания на пользу фронту»³¹. Изобретатель настаивал на проведении испытания его «детича», жаловался на невнимание специалистов и волокиту. «Я обращался в различные инстанции, – писал он, – проект гуляет из учреждения в учреждение, дело затягивается до бесконечности и грозит быть похороненным навсегда. В то же время было бы достаточно одного Вашего слова, чтобы сдвинуть его с мертвой точки и довести до логического конца, т.е. до проверки действия прибора на опыте»³².

Письмо Евфарицкого вполне закономерно оказалось в Управлении НКВД по Ленинграду, откуда было переслано секретарю Военного совета Ленинградского фронта подполковнику Борщенко. Из Совета фронта оно отправилось к начальнику отдела химической защиты фронта полковнику А.Г. Власову. Власов срочно приказал начальнику Специальной фронтовой испытательной химической лаборатории (СФИХЛ) В.П. Цыбасову связаться лично с Евфарицким и изучить его проект.

Датированное 17 февраля 1943 г. заключение В.П. Цыбасова в целом совпало с выводами более ранней экспертизы и носило неблагоприятный для проекта характер. Особенные нарекания вызвали: устройство адаптора, клапанная система, многократная система зажигания и др. Вывод Цыбасова звучал следующим образом: «Предлагаемый тов. Евфарицким огнемёт не может быть практически использован как боевое оружие. На вооружении Красной Армии существуют приборы для огнеметания более простой конструкции и с превосходящими боевыми свойствами предлагаемого инженером Евфарицким огнемёта»³³.

Таким образом, проекты С.Е. Захаренко и А.Л. Евфарицкого так и остались проектами. Тем не менее, их оригинальный характер ярко отражает интенсивный поиск в области конструирования оружия, который вели ленинградские ученые в годы Великой Отечественной войны.

---

¹ Коршунов Э.Л., Михайлов А.А. Ампулометры и ружейные мортирки для метания бутылок с зажигательной смесью: использование и совершенствование в годы Великой Отечественной войны // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Вып. 3 (73). М., 2012. С. 134–140.

² Демидов В.И. Свой путь вперед, свои участки боя // Химия и жизнь. 1980. № 5. С. 4.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1238. Д. 16. Л. 106.

⁴ Там же. Л. 30–33.

⁵ Резниченко С. Ампуломет: универсальная стрелковая система низкой баллистики для ближнего боя пехотных подразделений РККА // Техника и вооружение. 2010. № 4. С. 14–22; Васильев В.В., Коршунов Э.Л. Ампуломет как оружие ближнего боя // Труды четырнадцатой Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы защиты и безопасности». Т. 1. «Вооружение и военная техника». СПб., 2011. С. 757–772; Коршунов Э.Л., Михайлов А.А. Указ. соч. С. 134–140.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 16. Л. 23–27.

⁷ Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Био-

графии: гос. служащие, деятели науки, техники и культуры, организаторы производства. СПб., 2006. С. 286.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 16. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 72. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 103. Л. 36, 44–47.

²⁶ Там же. Л. 44.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 47.

³⁰ Там же. Л. 45.

³¹ Там же. Л. 22.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 18.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

ПРОВЕДЕНИЕ ИСПЫТАНИЙ РАДИОСТАНЦИЙ НА ВОЛОКУШАХ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

СТАНОВЛЕНИЕ Вооруженных сил СССР, в том числе и военной связи, на третьем этапе развития вооруженных сил советского государства (1938–1941 гг.) характеризуется продолжением работы по созданию парка новых радиостанций по принципу базового образца. Одновременно с разработкой новых радиостанций проводились большие работы по применению существующих радиостанций на транспортной базе, которая могла бы обеспечить большую проходимость в среднепересеченной местности, и, прежде всего, зимой.

Особенно остро встал этот вопрос после советско-финского военного конфликта (с 30 ноября по 14 марта 1940 г.), когда боевые действия протекали в исключительно сложных географических и климатических условиях, ограничивающих использование радиостанций на колесных шасси.

Управление войсками в течение всей кампании в звене управления фронт-армия и армия-корпус организовывалось, в основном, с использованием проводной связи. Отрицательно на обеспечении радиосвязи сказывалось наличие устаревших типов радиостанций с изношенной материальной частью, а также некомплект радиостанций в войсках.

Практика использования радиосредств, особенно на Севере, показала, что необходимо облегчение всех радиостанций и увеличение их проходимости в среднепересеченной местности в зимних условиях: по проселочным дорогам, по тропинкам, по целине в поле и в лесу.

И вот, в Научном институте связи и телемеханики Красной Армии (НИСТ КА), который наряду с разработкой новой техники

связи занимался и переоборудованием базовых радиостанций и установлением их на различную транспортную базу, 29 января 1941 г. были проведены полевые испытания радиостанции РСБ-Ф, размещенной в волокушах.

В феврале 1941 г. был опубликован секретный отчет за входящим № 11/0160 «По размещению в волокушах радиостанции РСБ-Ф, смонтированной в автомашине ГАЗ-ААА». Данный отчет был утвержден 25 февраля начальником НИСТ КА бригадным инженером Воробьевым К.Х.

Цели проводимых испытаний были следующими:

1. Изучить возможности размещения в волокушах радиостанции РСБ-Ф смонтированной в автомашине ГАЗ-ААА.

При этом должны были соблюдены следующие условия:

а) вес аппаратуры, размещенной в одной волокуше, не должен превышать 90 кг.

б) размещение аппаратуры должно быть таким, чтобы при случайном опрокидывании волокуш аппаратура не вываливалась и не получала механических повреждений.

в) система размещения аппаратуры должна обеспечивать возможность быстрого развертывания радиостанции. Основные элементы радиостанции должны при этом оставаться в волокушах.

г) конструктивные переделки волокуш (установка перегородок, платформ и т.д.) не допускались.

2. Выяснить число бойцов, необходимое для перевозки радиостанции РСБ в волокушах в зимних условиях, и их наиболее выгодное расположение при движении.

Испытания проводились в зимних условиях, командой бойцов-лыжников ОИБ НИСТ КА (ОИБ – отдельный испытательный батальон).

Вначале предполагалось, что комплект радиостанции можно разместить в трех волокушах, но при этом не учли, что вес третьей волокуши составит 170 кг.

На основании проведенных испытаний было установлено, что необходимый рабочий комплект радиостанции РСБ-Ф может быть размещен в 4-х волокушах. Данное число волокуш является минимальным, т.к. в этом случае используется не вся аккумуляторная батарея радиостанции РСБ-Ф, состоящая из 12 аккумуляторов НКН-60 или НКН-45, а только 4 аккумулятора. Для установки полностью всех аккумуляторов необходимо еще 2 волокуши.

В процессе испытания был определен состав всех волокуш.

В волокуше № 1 (рис. 1) размещаются: передатчик и приемник; модуляционный блок и антенный прибор; умформеры; полевая сумка с микрофоном, телефоном, манипуляционным пультом, кожаным шлемом с двойным телефоном, часами автомобильного типа, инструкциями и бланками, ключами фиксации волн; распределительная и силовая коробки с кабелями; чехлы брезентовые к приемопередатчику и к самой волокуше. Общий вес волокуши – 105 кг. Аппаратура крепится антенными оттяжками к кольцам на бортах волокуши и накрывается чехлом.

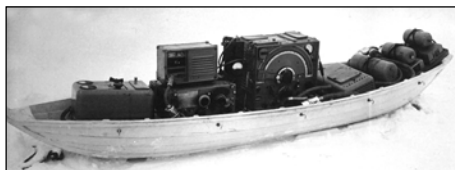

Рис. 1

В волокуше № 2 (рис. 2) размещаются: аккумулятор 4-НКН-45 (2); сумка с такелажем антенны; вольтметр переносной; ящик запасного имущества; мачта раздвижная выносной антенны с чехлом; колено деревянное с изолятором под мачту с чехлом; спаренный луч противовеса (2); фара; сумка с инструментом; топор; чехол к волокуше. Вес волокуши – 105 кг. Топор и сумка с инструментом размещаются на дне. Аппаратура крепится антенными оттяжками к кольцам на бортах волокуши и накрывается чехлом.

Рис. 2

В волокуше № 3 (рис. 3) размещаются: большая палатка со стойками и оттяжками; установочная рама двигателя с динамомашинной ГС-1000; кабель промежуточный для динамо с фишками; бачок с бензином на 15 литров и бачок с маслом на 5 литров; воронка средняя и малая, кружка литровая; ведро для воды; чехол к волокуше; шести противовеса (4).

Рис. 3

Проведение испытаний радиостанций на волокушах перед Великой Отечественной войной

Вес волокуши – 115 кг. На дно укладываются сумки с палаточными принадлежностями. Сверху устанавливается динамо на раме. Мелкие предметы складываются в ведро, устанавливаемое на носу волокуши под палаткой. Имущество крепится антенными оттяжками.

В волокуше № 4 (рис. 4) размещаются: малая палатка со стойками и оттяжками; двигатель Л – 3/2; бачок с бензином на 15 литров; деревянное основание выносной антенны.

Двигатель закрепляется так, чтобы основание его при движении не перемещалось. Для крепления используются также антенные оттяжки.

В отчете подробно описано, каким образом осуществлять транспортировку волокуш.

Указано: «Проведенные испытания показали, что для передвижения нагруженной волокуши (полный вес 110 кг) необходимо

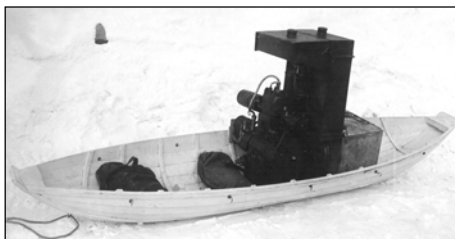

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

использовать трех бойцов-лыжников. Команда из 3 человек располагается следующим образом: двое впереди, причем ляжки разной длины, чтобы не мешать при движении друг другу. Третий обычно сбоку или сзади следит за материальной частью, поддерживает волокушу. При подъеме переходит вперед, при спусках назад» (рис. 5–8).

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Определена скорость движения, которая составляет: по дороге – 4 км/час, по целине в поле – 3 км/час, по целине в лесу – 1–2 км/час, а полное время развертывания радиостанции – 30 минут. При развертывании радиостанции аппаратура, за исключением двигателя и динамо, остается в волокушах (рис. 9).

В данном документе приводится «Инструкция по

демонтажу радиостанции РСБ-Ф, смонтированной в автомашине ГАЗ-3А и размещению ее в волокушах». В инструкции подробно расписано что необходимо, кроме основного оборудования, для нормальной работы радиостанции из волокуш, начиная от палатки типа 5-АК до паяльной лампы.

Дано указание, как проводить демонтаж радиостанции (вплоть до откручивания гаек, каким ключом и как), определено, как подготавливать волокуши и аппаратуру, как работать на радиостанциях из волокуш.

Проведены испытания и стационарной радиостанции РСБ, смонтированной в ящиках по размещению ее в волокушах. Было установлено, что радиостанция в ящиках размещается следующим образом:

Волокуша № 1. Ящик с передатчиком, приемником и антенным прибором.

Волокуша № 2. Ящик с умформерами, распределительной и силовой коробками и 10 метровой антенной.

Волокуша № 3. Аккумулятор 16-НКН-60, бачок с бензином на 15 литров и с маслом на 5 литров.

Волокуша № 4. Комплектуется в соответствии с комплектацией волокуши № 3, размещения радиостанции демонтированной из машины ГАЗ-ААА.

Волокуша № 5. Комплектуется в соответствии с комплектацией волокуши № 4, размещения радиостанции демонтированной из машины ГАЗ-ААА.

Но данное размещение необходимо применять при транспортировке радиостанции на короткие расстояния. При необходимости длительной работы аппаратуру, размещенную в волокушах № 1 и № 2, следует вынуть из ящиков и разместить в одной волокуше.

После испытаний опубликован протокол «О полевых испытаниях радиостанции РСБ-Ф, размещенной в волокушах». В протоколе указаны:

1. Объект испытаний.
2. Цель испытаний.

Цель испытаний заключалась в выяснении возможности перевозки радиостанции РСБ-Ф в волокушах по среднепересеченной местности в зимних условиях, а также в выяснении необходимого числа бойцов для перевозки одной волокуши и проверке работоспособности радиостанции после пятикилометрового перехода.

3. Условия проведения испытаний.

Испытания проводились 29 января 1941 года в районе полигона НИСТ КА. Температура воздуха – 15° С. Местность среднепересеченная, кустарник. Снег в лесу сухой, рыхлый, в поле – некрепкий наст. Глубина снежного покрова – 60–80 см.

4. Результаты испытаний.

Испытания показали, что для перевозки одной волокуши необходимо, как минимум, 3 бойца. При движении по проселочной дороге 3 бойца лыжника с волокушей развивают скорость

до 4 км/час, а по целине в поле – до 3 км/час, за счет глубокой посадки волокуш и проваливания лыж. При движении в лесу, кустарнике скорость движения уменьшается до 2 км/час, ввиду рыхлого снега. Время на развертывание радиостанции при использовании 9 бойцов-лыжников составило 20 минут.

5. Выводы.

В выводах указано, сколько необходимо бойцов для транспортировки одной волокуши и что необходима четвертая волокуша, на которой надо разместить установочную плиту с динамо ГС-1000 и

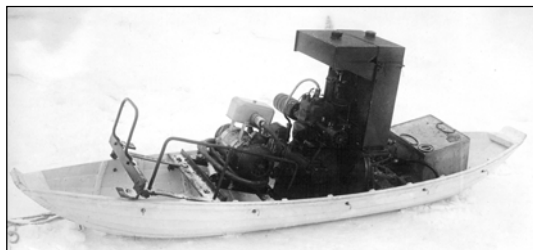

Рис. 10

бачок с бензином (рис. 10), т. к. если их устанавливать на волокуше № 3, то волокуша очень тяжела (170 кг).

Отмечено, что на основании проведенной работы необходимо составить инструкцию

по размещению радиостанции РСБ-Ф в волокушах и материал этой работы довести до сведения Начальников связи Военных округов.

К сожалению, начало Великой Отечественной войны прервало оснащение войск радиостанциями на волокушах. Кроме того, на протяжении всего периода войны войска ощущали недостаток в автомобильных радиостанциях.

Ежегодно заказы Народного комиссариата обороны принимались промышленностью в урезанном виде, но и принятые выполнялись далеко не полностью. Так, в 1940 г. промышленностью принято к изготовлению 610 комплектов радиостанций РСБ, а фактически изготовлено к 1.01.1941 г. всего 373 комплекта¹. Радиостанций РСБ не хватало для полного удовлетворения потребностей армии. Например, на 1 декабря 1941 г. отдельный полк связи 10-й армии имел всего одну радиостанцию РАФ и две радиостанции РСБ, а в 13 стрелковых бригадах 1-й ударной армии вообще отсутствовали радиостанции РСБ².

¹ Жарский А.П. Связь в высших звеньях управления Красной армии в Великой Отечественной войне. СПб.: Европейский дом, 2011. С. 72.

² История военной связи Российской армии. СПб.: ВОЛКУС, 1999.

В.Л. Пашута, В.В. Оточкин (Санкт-Петербург)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В СРАЖЕНИЯХ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1763 ГОДОВ

СОВРЕМЕННЫЙ этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к проблеме «человек и война» в рамках военно-исторической антропологии. В этом ряду следует назвать работы С.В. Волкова, М.М. Крома, Е.С. Сенявской¹.

Сегодня мы становимся свидетелями роста интереса российских историков к «человеческому измерению войны». М.М. Кром писал, что отмечается преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию; взгляд на происходящие процессы с позиции их участников; изучение всех видов социальных практик² и, в первую очередь, изучение поведения на войне, являющейся самым серьезным испытанием для человека и его психики. События военной истории все чаще рассматривают с позиций военно-исторической антропологии. Важно увидеть войну как «социальную практику» с позиции тех, кто сам воевал, кто перенес ее тяготы и лишения, а «историю войны – в антропологическом и психологическом ракурсах», – подчеркнул Е.С. Сенявская³.

О. Леонов, И. Ульянов сожалели, что Семилетняя война 1756–1763 гг. не дала возможности продемонстрировать русскому командованию «тактические изыскания проектов воинских уставов». Фридрих и его генералы оказались не очень склонны к «правильной» стратегии и часто вели бой совершенно «не по уставам»⁴. В сражениях при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г., Цорндорфе в 1758 г., Кунерсдорфе в 1759 г. противник путал все карты главнокомандующим: армии приходилось драться в самых

неудобных положениях, отражая атаки с флангов и даже с тыла. И только храбрость и упорство солдат и умелое командование офицеров спасали положение, обращая практически проигранные бои в победы.

Поднимая вопрос о персонификации боевого применения артиллерии, следует отметить, что сегодняшнее поколение сможет назвать лишь фамилии главнокомандующих русской армией в заграничном походе – С.Ф. Апраксина, В. Фермора, П.С. Салтыкова, А.Б. Бутурлина⁵.

Приводят имена П.А. Румянцева и А.В. Суворова, чье становление как будущих полководцев, пришлось на годы Семилетней войны, а главные победы в сражениях были гораздо позднее.

Фамилии генералов М.А. Толстого, К. Нотгельфера, П.П. Гольмера, И.Ф. Глебова, командовавших на разных этапах Семилетней войны полевой артиллерией действующей армии, артиллерией Обсервационного корпуса, Бомбардирским корпусом, мало кому известны.

Лишь глава русской артиллерии Петр Шувалов и командующий артиллерией действующей армии Корнилий Бороздин, его ближайший помощник по реформам в русской артиллерии, были отмечены историками А.М. Агеевым, А.А. Керсновским, И.С. Прочко⁶.

К.Б. Бороздину посвящен очерк в книге о 100 великих артиллеристах России⁷.

Фамилии и имена почти 150 артиллерийских офицеров – непосредственных участников Семилетней войны 1756–1763 гг. – просто пропали в круговороте событий того периода военной истории России.

Первым из военных историков, кто назвал в своих исследованиях имена генералов и офицеров, своим ратным трудом на полях сражений ковавших славу русской артиллерии, был Николай Ефимович Бранденбург⁸. Но тираж его работ был настолько мал, что они сразу попали в разряд библиографических редкостей.

Бранденбург показал личное участие П.И. Шувалова в подготовке артиллерийского корпуса и обеспечении войск всем необходимым. Это проявилось в организации учебы артиллеристов, в руководстве созданием и поставкой в войска новых орудий

и боеприпасов, в оперативном реагировании на изменения ситуации с вооружением, боеприпасами, личным составом. Анализ результатов применения артиллерии и участия офицерского состава в боевых действиях и стал первым источником информации об участии офицерского корпуса в тех или иных сражениях⁹.

Создание новых образцов вооружения, отраженное в военной историографии, вслед за работами Н.Е. Бранденбурга открыло несколько новых имен. Авторы «Истории отечественной артиллерии»¹⁰ приводят фамилии офицеров-артиллеристов – М. Мартынова, М. Данилова, автора известных воспоминаний¹¹, И. Меллера, М. Рожнова, М. Жукова. Офицеры, поддержанные Шуваловым, участвуют в разработке в Московском и Петербургском арсеналах «секретной гаубицы» и единорогов – новых орудий, которыми будет вооружена артиллерия русской армии в Семилетней войне.

На основе источников архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архива ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург) нами исследованы формулярные, аттестационные и именные списки кадров командного состава артиллерии периода Семилетней войны¹², что позволило персонифицировать офицерский состав и генералитет артиллерийского корпуса.

Работа со списками – основной формой групповых документов того времени, дала возможность не только вернуть из небытия фамилии тех, кто воевал на полях сражений той войны, но и наполнить жизнью страницы военной истории. Формулярные, именные, аттестационные списки, списки старшинства, раненых и убитых дали возможность показать тех, чьими усилиями добыта слава русской артиллерии. На основе более чем 50 изученных списков был составлен по состоянию на 1759 г. сводный список 145 офицеров и генералов артиллерии, проходивших службу в действующей армии¹³.

В связи с более чем 90 % охватом списками от числа всех офицеров данная выборка является репрезентативной и позволяет обобщать сведения по их образованию, служебному росту, боевому опыту, ранениям и потерям командного состава¹⁴, хотя в рамках статьи не представляется возможным их опубликовать полностью.

**Сведения
о боевом опыте офицерского состава и генералитета
артиллерии до Семилетней войны (к 1756 г. и к 1759 г.)**

	Количество	1756 год	1759 год
Обер-офицеры	79	7	75
Штаб-офицеры	27	14	20
Генералы	5	5	3*
Всего**	113	26	98

* генералы М. Толстой и И. Чирков уволены к 1759 г., генерал-лейтенант И. Глебов находился в действующей армии с 1760 г.

** из 145 офицеров и генералов по списку для анализа взяты те, чьи звания на 1759 год были установлены.

Анализ списков офицерского состава дает возможность увидеть отсутствие боевого опыта участия в походах и войнах у 90 % младших офицеров, и даже у 52 % старших офицеров, что и могло стать одной из причин неуверенных действий молодых офицеров в боевой обстановке¹⁵.

В работах Н.Е. Бранденбургом наряду со списками потерь в офицерском составе приводятся фамилии тех, кто потерял управление подчиненными в бою, а порой и сами орудия: А. Сумароцкого, А. Хомутова, М. Хрущева. А потери орудий в Цорндорфском сражении были велики: 47 орудий – в полевой артиллерии, 42 орудия – в Обсервационном корпусе. Из них: единорогов – 27, шуваловских «секретных» гаубиц – 17. Это и стало причиной, проведенного по приказу генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова расследования.

В изложении и с цитированием документов Бранденбург приводит ответы этих офицеров на главные вопросы, интересовавшие главу артиллерии графа П.И. Шувалова¹⁶. Так, подпоручик Бомбардирского корпуса Александр Хомутов, командовавший одной из партий шуваловских «секретных» гаубиц, на вопрос «каким образом и для чего он от тех орудий отлучился?» отвечал следующее. Из орудий, когда началось отступление русской пехоты, стрелял, «сколько хватило сил и возможностей, а как оный фронт не останавливаясь ретирадою отступал от неприятеля, то я принужден поставить оную гаубицу на передок и велел взять с фрунтом

(т.е. с отступавшими войсками). Хотя, из состоящих под его командой и определенных к орудиям солдат «побито и ранено немалое число». Из 10-ти человек штата гаубицы убит – 1 и ранены – 7, из 8-ми при единороге – 1 убит и ранены – 6.

Когда под единорогом и его ящиками лошади все были убиты, Хомутов был при орудиях с оставшимся количеством артиллеристов. Когда атаковали неприятельские гусары, в числе потерь оказались изрубленные канонир и два фузилера. «И в то время служители разбежались врознь и я, оставшись один, принужден за теми же бегущими людьми искать спасенья». Из «безыскусного рассказа Хомутова, – писал Н.Е. Бранденбург, – можно видеть, что «как он лично, так и прислуга при его орудиях, исполнили свой долг до конца»¹⁷. И другие офицеры, как и Хомутов, уцелевшие по отступлении русской пехоты, остались при орудиях и покинули поле боя лишь тогда, когда на позициях появилась прусская кавалерия генерала Зейдлица.

А вот как описывает свои действия подпоручик Бомбардирского корпуса Андрей Чагин, находившийся с партией шуваловских «секретных» гаубиц между Рязанским и Троицким полками. Первоначально он вел огонь из единорога, при наступлении русской пехоты переместился вперед в боевых порядках, стреляя по неприятелю из гаубиц. Когда пехота стала отступать, Чагин предпринял попытку усилиями оставшихся служителей и отвозных солдат переместить орудия на новые позиции. Но, увидев наступающую кавалерию пруссаков, «вторично по неприятелю стрелял, был ранен пулею в голову, от чего упав, обезпамятствовал и отведен был за фронт, где вторично ранен в колено». Потери в людях у подпоручика Чагина: из 9-ти человек у гаубиц – 5 и 8, из 8-ми у единорога – ранены трое.

Поручик Михаил Хрущов – командир партии шуваловских «секретных» гаубиц, находившийся на фланге Гренадерского полка, первым подвергшегося кавалерийской атаке конницы генерала Зейдлица. Он отметил важную особенность Цорндорфского сражения. Первая атака кавалерии была встречена русскими полками и отбита, но начавшееся наступление русской пехоты, оставившей артиллерию на прежних позициях, было сломлено второй атакой прусской кавалерии. Русская пехота отступала стремительно, миновав позиции артиллерийских орудий. Хрущов, сколько было возможности, стрелял из своих двух гаубиц, считая, что из одного орудия

было выпущено 40 залпов, из другого – 35, после чего ствол одной гаубицы разорвало. К этому времени у орудий осталось лишь два артиллериста, остальные были убиты, ранены или разбежались. Поручик Хрущов, видя стремительно приближающегося противника, предприняв безуспешные попытки увести орудие втроем, пошел искать людей для подмоги. Кавалерия прусаков, оттеснив русских к болотам, стремилась их перерубить. Оставшиеся в живых переправлялись через топкие места к лесу в стремлении выйти к своим войскам. Из 18 подчиненных Хрущова один убит и 15 ранено, т.е. потерян почти весь личный состав. И многие из солдат вышли из строя еще в первую атаку неприятеля.

Отвечавшие на вопросы солдаты из команды Хрущова подтверждали ответы командира. «На личное поведение Хрущова в бою, – писал Н.Е. Бранденбург, – едва ли может падать тень сомнения».

Подпоручик Александр Сумароцкий командовал двумя орудиями тяжелой полевой артиллерии: 6-ти и 8-ми фунтовыми пушками, находясь на крайнем правом фланге между Гренадерским и Санкт-Петербургским полками. При отступлении наших войск сколь возможно вел огонь по неприятелю и израсходовал все снаряды из ящиков, находившихся при орудиях. Выполнить приказ своего командира капитана Нартова вывезти орудия за фронт из-за отсутствия людей и лошадей не смог и вынужден был, как пояснял Сумароцкий, при приближении кавалерии неприятеля отступить в ближайший лес.

Вот свидетельство действий артиллерийского офицера капитана Алексея Лецкого. Когда русские войска отступали, из его орудий было сделано немало выстрелов. Было ранено в команде 6 человек. Одну гаубицу разорвало, и Лецкой распорядился отвезти ее за фронт. Сам он остался у другого орудия и руководил огнем.

Командир одной из шуваловских «секретных» гаубиц штык-юнкер Иван Полозов командовал солдатами при орудии, пока не был тяжело ранен. Впоследствии он скончался от ран.

Возможно, при отсутствии людей и лошадей офицерам ничего и не оставалось делать, как отводить людей и отходить самим, тем не менее «за отлучение во время сражения с места баталии» Хомутов, Сумароцкий, Хрущов понесли наказание, определенное генерал-фельдцейхмейстером П.И. Шуваловым: «велено употреблять без очереди в партии и командирования в течение полугода».

Артиллерия в Цорндорфском сражении понесла большие потери в личном составе еще на первом этапе. В совокупности со стремительным прохождением своих войск через боевые порядки артиллерии при наступлении и последующем отступлении с оставлением орудий без поддержки и прикрытия это стало причиной утраты шуваловских гаубиц, считавшихся «секретными», особенно на начальном этапе Семилетней войны. В этом нет вины артиллерийских офицеров, если они выполнили все, что были обязаны, и что от них зависело.

Генерал К.Б. Бороздин в рапорте Шувалову об офицерах: «Онны до последнего издыхания, а прочие до излития крови и крайнего от ран изнеможения, стояли и усердно действовали <...> чем доказывают смерть и многие их раны»¹⁸.

Н.Е. Бранденбург отмечает сведения по именам и фамилиям о 18-ти убитых и умерших от ран и 20-ти раненых офицерах полевой артиллерии, Бомбардирского и Обсервационного корпусов под Цорндорфом 14 августа 1758 г. Сведения о потерях были обобщены Н.Е. Бранденбургом, а затем и помещены в сборник документов архива ВИМАИВиВС¹⁹.

Убиты: полковник Калистрат Мусин-Пушкин, подполковник Богдан Арант, майоры Игнатий Игнатьев, Иван Эренадлер, Петер Брем, капитаны Иван Дувинг, Никита Крыжин, поручики Василий Шеншин, Онуфрий Гребенкин, подпоручики Григорий Ушаков, Алексей Чертов, штык-юнкер Александр Маргтынов, адъютант Иван Хвостов. Умерли от ран: капитаны Василий Кольчугин, Александр Бриммер, подпоручики Иван Федоров, Федор Волконский, штык-юнкер Иван Полозов.

Ранены: генералы К. Бороздин и П. Гольмер, полковник Н. Вильмут, майоры А. фон Ливен, Н. Тургенев, капитаны К. Дувинг, Н. Ушаков, поручики Я. Плимик, В. Козлянинов, М. Внуков, Ф. Вейсман, подпоручики А. Чагин, В. Чагин, М. Торопов, К. Давыдов, штык-юнкеры И. Власьев, И. Тевяшов, С. Григорьев, Ф. Иванов, П. Мещерский.

Мы видим и потери среди нижних чинов артиллерии полевой артиллерии, Бомбардирского и Обсервационного корпусов: из 529, состоявших в списках на день сражения, убито, умерло от ран и пропало без вести – 152, ранено – 175 человек. Всего – 327.

12 июля 1759 г. под Пальцигом российская армия, выстояв против трех неприятельских атак, обратив прусскую пехоту в бегство, выиграла сражение, длившееся 5 часов.

В донесении императрице главнокомандующий П.С. Салтыков писал: «Все и каждый, от генералов до последнего солдата, так должность свою исполняли, как только от верных подданных и храбрых людей ожидать можно, а артиллерия чрезвычайно сильно и с успехом действовала»²⁰.

Подвергшиеся взысканиям А. Сумароцкий, А. Хомутов и М. Хрущов повышены в званиях с зачетом прежнего старшинства.

Героизм артиллеристов косвенно показывают и потери в офицерском составе: в списке погибших – умерший от ран поручик Михаил Хрущов. Получили ранения: генерал-лейтенант К. Бороздин, подполковник А. фон Ливен, капитаны И. Жеребцов, А. Ладженский, А. Лецкой, А. Маслов, Ф. Вейсман, поручики И. Тинков, А. Витовтов, Т. Лесков, подпоручик А. Сумароцкий, адъютант Я. Тыртов.

После поражения под Пальцигом король Фридрих II решил не допустить наступления русских на Берлин и разбить их в генеральном сражении. 1 августа 1759 г., в сражении при Кунерсдорфе, прусская армия, ведомая одним из самых выдающихся германских полководцев, потерпела самое сокрушительное поражение в этой войне.

Первые атаки помогли овладеть господствующими высотами, но развить свой успех атакующие прусские войска не смогли. Все их последующие попытки окончились неудачей. Пехота и артиллерийские батареи, – отмечал А. Шишов, – сражались стойко, отражая вражеские атаки ружейными залпами и картечью²¹.

Действия офицеров-артиллеристов по управлению орудиями мы видим по анализу действий артиллерии на отдельных этапах сражения, когда П.И. Шувалов исследует связь между неумелым командованием артиллерией Обсервационного корпуса и беспорядочностью артиллерийского огня, большим расходом боеприпасов в сражении. Хотя именно эти сведения нам важны.

Так, расход более 100 снарядов на одно орудие на 8-й батарее, состоявшей из шести единорогов (капитан Федор Шестаков и поручик Петр фон Сталь) говорит нам о напряженности боевых действий. В донесении отмечалось, что дважды самовоспламенялись заряды в орудиях, вследствие разгоряченности стволов.

Поручик Кондратий Полозов и поручик Парфен Нечаев, находившиеся с шестью орудиями на 7-й батарее, открыли интенсивный огонь бомбами по артиллерии противника, выходявшей

на огневые позиции. А когда прусская пехота зашла во фланг 5-му мушкетерскому полку, то офицеры развернули орудия и встретили неприятеля картечными залпами. При отходе пехоты Мушкетерского полка Полозов приказал вывезти 3 единорога и установить на новые места. Сам Полозов в этом бою получил контузию картечью в живот и был отнесен солдатами в безопасное место.

Поручик Петер фон Сталь, находясь в боевых порядках 1-го Мушкетерского полка, командовал двумя единорогами, прикрывая огнем артиллерийских орудий действия пехоты до тех пор, пока противник не стал выбивать артиллеристов с занятых позиций. От большого количества произведенных выстрелов один единорог был так горяч, что дважды произошли самопроизвольные выстрелы и повредился лафет. При отступлении полка орудия были вывезены с поля боя.

Как и во время Цорндорфского сражения, под Куннерсдорфом часть орудий при отходе русских войск досталась неприятелю.

Поручики Козьма Давыдов, Петр Палицын, Михаил Норов, находясь в порядках Гренадерского полка «по неприятелю стреляли немалое время», поддерживая наступление русской пехоты. После перехода к оборонительным действиям полк под натиском превосходящего противника отступил. Давыдову пришлось после гибели Петра Палицына оставить орудия, так как были побиты и лошади, и орудийная прислуга.

Поручик Родион Судовщиков вел огонь по неприятелю, пока прусская пехота не ворвалась в порядки Гренадерского полка и на позицию батареи. Артиллеристы вступили в неравную борьбу, и сам Судовщиков был ранен двумя пулями в ногу и грудь. Командовать больше не смог и был выведен в тыл.

Подпоручик Змеев, когда неприятель ворвался на батарею, был ранен пулей в щеку и картечью в левую ногу и только после этого покинул орудия.

Поручик Бобровников отошел с позиций лишь при внезапном наступлении неприятеля, чтобы не быть отрезанным от своих войск. Выйдя в район действий Мушкетерского полка, где стояли три других единорога, вместе с солдатами вел из них огонь до окончания сражения.

Под Куннерсдорфом оставлены 50 орудий. Причинами оставления орудий Н.Е. Бранденбург считал:

– отсутствие прикрытия в последний момент;

– отсутствие лошадей или средств транспортировки орудий (лафетов, передков);

– артиллеристы не покидали позиции, пока неприятель не врывался в боевые порядки войск, и отход с орудиями был невозможен.

Потери артиллерии в сражении под Кунерсдорфом 1 августа 1759 г.:

– убиты 3 офицера: поручики Парфений Нечаев, Петр Палицын, Афанасий Невельский;

– пропали без вести – 2: капитан Георгий Гантык, поручик Яков Колпаков;

– ранены – 19: подполковник В. Старово-Милоков, капитан Ф. Шестаков, поручики Р. Судовщиков, И. Нечаев, К. Полозов, В. Бороздин, А. Чагин, И. Мертенс, подпоручики П. Геденон, В. Чагин, Н. Змиев, И. Бишев, штык-юнкеры И. Колпаков, Ф. Иванов, И. Скрипицын, Г. Бартенев, адъютанты Н. Брем, С. Сабанеев.

Обобщенные сведения о погибших офицерах артиллерии в сражениях Семилетней войне на 1759 г. можно представить в следующем виде:

	Сражение при Цорндорфе 14 августа 1758 г.		Сражение при Пальциге 12 июля 1758 г.		Сражение при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г.	
	Погибли	Ранены	Погибли	Ранены	Погибли	Ранены
Офицеры	18	20	1	12	5	19

Во многом возвращению из небытия имен офицеров артиллерии, а зачастую и нижних чинов, мы обязаны неутомимой деятельности П.И. Шувалова по поддержанию артиллерии на уровне требований военного времени. П.И. Шувалов принимал от командующих артиллерией К.Б. Бороздина, П.П. Гольмера, И.Ф. Глебова отчеты о боевых действиях артиллерии. Документы в делах архива ВИМАИВиВС помогли увидеть реальность войны: участие в боевых действиях офицерских кадров, сведения о количестве личного состава, полевых и полковых орудий, снарядов, лошадей во время сражений²².

Командующие артиллерией докладывали генерал-фельдцейхмейстеру уже через 2–3 дня после сражений. Ведомости отправлены К.Б. Бороздиным под Цорндорфом – 17 августа 1758 г., у Пальцига – 15 июля, под Кунерсдорфом – 3 августа 1759 г. Этим

донесениям предшествовала большая работа на местах боев, еще не оставленных частями, по подсчету раненых, убитых, без вести пропавших, выведенных из строя и уничтоженных неприятельскими снарядами орудий, о захваченных трофеях.

П.И. Шувалов на основании рапортов докладывал императрице и Конференции при высочайшем дворе о действиях артиллерии в сражениях, об отличившихся генералах и офицерах, представлял их к званиям и наградам, поощрял за личное мужество и героизм, за умелое управление войсками.

Завершая изложение материала статьи, можно согласиться с И.И. Белоусовым, что для русской армии «характерными чертами были патриотизм, религиозность, высокие духовные идеалы, основанные на православных традициях, гуманность, развитые чувства офицерской чести и воинского долга. История России XVIII столетия наглядно показывает, что военные кадры, и прежде всего офицерский корпус, являются общегосударственным достоянием»²³.

Возвращать из забвения имена тех, кто русским оружием, мужеством и героизмом добывал победы в сражениях и умножал славу Российской армии – нет более высокой задачи для военных историков – таково веяние сегодняшнего времени.

---

¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993; Он же: Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002; Кром М.М. Историческая антропология. Пособие. СПб., 2000; Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002.

² Кром М.М. Историческая антропология. Пособие. СПб., 2000.

³ Сенявская Е.С. Указ. соч.

⁴ Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская регулярная пехота. 1698–1801 гг. М.: АСТ, 1995; Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М.: АСТ, 2001.

⁵ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. I. М., 1886; Ненахов Ю.Ю. Войны и кампании Фридриха Великого. Минск: Харвест, 2002. С. 493–520; 532–597.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814 гг. М.: Голос, 1992; Прочко И.С. История развития артиллерии. СПб.: Полигон, 1994. С. 298–322; История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. М.: Воениздат, 1960.

⁷ Рипенко Ю.Б. Великие артиллеристы России. М.: Центрполиграф, 2012. С. 50–56.

- ⁸ Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1898. № 4 . С. 277–310; № 9. С. 703–729; 1890. № 2. С. 103–141.
- ⁹ История отечественной артиллерии. Указ. изд.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова. М., 1842.
- ¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Дела командные (далее ДКМ). Д. 291. Л. 379–384; Там же. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (далее ШГФ). Д. 984. Л. 207 об. – 208; Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов / Сост. З.В. Розенбецкая, И.З. Либерзон // Архив ВИМАИВиВС. Ф. Научно-справочный (далее НС). Оп. 12. Д. 20.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ДКМ. Д. 291; Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 984; Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов... НС. Оп. 12. Д. 20.
- ¹⁴ Оточкин В.В. П.И. Шувалов и русская армия 40-х – начала 60-х годов XVIII века. Дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1999. Прил. 5. С. 225; Прил. 7. С. 212–224; Прил. 9. С. 229.
- ¹⁵ Там же. Прил. 5. С. 225.
- ¹⁶ Бранденбург Н.Е. Указ. соч.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов... Оп. 12. Д. 20; Бранденбург Н.Е. Указ. соч.
- ¹⁹ Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1898. № 4. С. 300–301; Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов... Оп. 12. Д. 20.
- ²⁰ Артиллерия в Семилетней войне 1756 – 1763 гг. Сборник документов... Оп. 12. Д. 20; Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1898. № 9. С. 703–729.
- ²¹ Шишов А.В. История великих побед русской армии // Ориентир. 2005. № 1.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф.2. Оп. ДКМ. Д. 291, 309 Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов... Оп. 12. Д. 20.
- ²³ Белоусов И.И. Кадровая политика Российского государства в армии и на флоте в XVIII веке. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008.

В.В. Пенской (Белгород)

ОБОРОНА РИНГЕНА ОСЕНЬЮ 1558 ГОДА

ЛИВОНСКАЯ война (в ее традиционной трактовке¹) занимает особое место в истории России. Естественно, это не могло не обусловить того значительного внимания, которое историки разных стран уделяют ее изучению. Тем не менее, как это ни парадоксально, до сих пор нет не только полноценной истории, затрагивающей все основные аспекты этого (или этих, если исходить из той точки зрения, что перед нами цепочка взаимосвязанных войн, позднее объединенных историками под одним не слишком удачным названием) длительного и весьма значимого по своим последствиям военного конфликта, но и отдельные страницы его также не могут считаться исследованными достаточно полно и обстоятельно. И есть все основания согласиться, обратившись к историографии «войны за Ливонское наследство», с мнением А.И. Филюшкина, отмечавшего в этой связи, что «можно говорить о складывании определенных исследовательских традиций в освещении этого 25-летнего отрезка балтийской истории»².

Среди прочих аспектов войны за Ливонское наследство (в дальнейшем мы будем использовать именно такое наименование этого конфликта как более отвечающее его реальному содержанию) особый интерес с точки зрения изучения особенностей развития военного дела в Восточной Европе в целом и в России в частности вызывает ее военный аспект. Событийная канва этой стороны ее истории освещена в целом ряде исследований достаточно полно³, однако этого не скажешь об отдельных эпизодах военной хроники. И одним из них по праву может быть названа без преувеличения героическая оборона осенью 1558 г. немногочисленного русского

гарнизона в замке Ринген (русские называли его обычно Рынгол или Рындох), находившегося к востоку от озера Вьртсъярв (Вирцерв) в землях дерптского епископства, от орденских войск, усиленных контингентами, выставленными рижским архиепископством.

Замок Ринген был занят русскими вскоре после того, как 18 июля (в других источниках – 19-го) 1558 г. центр Дерптского епископства, город Дерпт (называвшийся русскими Юрьев) капитулировал перед полками под началом воеводы князя П.И. Шуйского. Известие о сдаче богатого города, фактической столицы восточной Ливонии, неплохо укрепленной и обильно снабженной артиллерией (источники разнятся в оценках трофеев, взятых царскими ратниками в Дерпте – от 552 «болших и меньших» пушек в русских летописях до 700 *stucke geschutte klein und gross*, о которых говорил ливонский хронист И. Реннер⁴), привело в панику вассалов епископа Германа. Не дожидаясь, пока под Ринген явятся русские дети боярские, стрельцы и казаки с нарядом, его владелец, Якоб Тоддевен, поспешил покинуть замок. О том, что было дальше, писал русский летописец: «Того же месяца (июля – *В.Л.*) прислал князь Петр (Шуйский – *В.Л.*) князя Ивана Охлябинина с тем, что прислали бити челом из четырех городков, из Рынголя (Рингена – *В.Л.*) да из городка из Конгота да ис Ковлета да из Ряндена черные люди: князцы у них збежали»⁵. В ответ на их «челобитье», продолжал летописец, «государь пожаловал, не велел воевати. И князь Петр с товарищи послал головы з детми боярскими, и головы городки все позасели и черных людей х правде привели»⁶.

Согласно летописи, головой в Ринген был послан сын боярский Русин Данилов сын Игнатъев⁷, «а с ним сорок сынов боярских да пятьдесят стрелцов»⁸. Отметим в этой связи, что другая летопись, Псковская 3-я, сообщает, что в «Рындохе» было «всех наших в городке том 140 человек, и з детми боярскими всяких людей»⁹, но никаких расхождений между этими свидетельствами, судя по всему, нет. В первом случае речь идет о детях боярских и стрельцах, а во втором – всех, т.е. к первым двум были приплюсованы и послужильцы детей боярских. Кстати, т.н. «Боярская книга» 1556/1557 года сообщала, что на государев Серпуховской смотр будущий рингенский голова явился «о дву конь в доспесе и в шапке, да (ч) на коне в доспесе и в шеломе, да 2 (ч) на конех в тегиляех в толстых, да 2 (ч) на меринех с юки»¹⁰. И если добавить к «саблям и пищалам»

еще и слуг-кошовых и прочих некомбатантов, то названная ливонским хронистом Ф. Ниенштедтом цифра в «более 400» русских¹¹, которые погибли в Рингене если и преувеличена, то не слишком сильно. И, обживая Рынген со своими людьми в августе 1558 г., Русин Игнатьев и его подчиненные еще не подозревали, что не пройдет и трех месяцев, и они в полной мере оправдают характеристику, данную позднее папским легатом А. Поссевино гарнизонам русских крепостей в Ливонии и на русско-литовском пограничье. «Насколько слабо защитники сопротивляются полякам в открытом бою или в поле, – писал папский дипломат, – настолько решительно они защищают крепости и города. Даже женщины часто выполняют обязанности солдат: приносят воду заливать начавшийся пожар, бросают со стены собранные в кучи камни или скатывают бревна, заранее приготовленные для этого. Этим они приносят большую пользу своим, а врагам наносят большой урон. Если когонибудь из защитников при натиске врагов разрывает при взрыве на части, его место занимает другой, второго – третий. В конце концов никто не щадит ни сил, ни жизни... Они (русские – *В.П.*) очень терпеливо переносят голод, довольствуясь намешанной в воде овсяной мукой, куда добавляют немного уксуса – вместо питья, и хлебом в качестве пищи. Польский король рассказал мне, что в ливонских крепостях находились такие, которые питались таким образом очень долго, так что почти все уже пали. Оставшиеся же в живых, хотя чуть дышали, держались до последнего момента, беспokoясь лишь о том, как бы не сдаться осаждающим, по-видимому, чтобы хранить верность своему государю до самой смерти. Именно поэтому они стремятся своей храбростью одолеть более многочисленных врагов или, по крайней мере, обессилить их своей выносливостью и терпением»¹².

Несколько слов об источниках и историографии вопроса. Наиболее доступны, хотя и достаточно субъективны (поскольку отражают лишь одну точку зрения), конечно, русские источники. Основными являются, как и в целом по истории первой фазы конфликта – собственно Ливонской войны 1558–1561 гг. – разрядные записи и летописи. Правда, как официальный государев разряд, так и частные разрядные книги составлялись «задним числом» много позже 1558 г., причем последние представляли собой в первую очередь, по выражению Ю.В. Анхимюка, «местнические справочники»¹³, что не могло не наложить на их содержание характерный

отпечаток. Сведения, содержащиеся в них, кратки и лапидарны¹⁴. Поэтому значительно более информативны в этом плане летописи эпохи Ивана Грозного, особенно официальные, при составлении которых широко использовались документы Разрядного приказа – росписи воевод, наказы воеводам и их отписки государю и в Разряд, сеунчи и пр.¹⁵ В Псковской 3-й летописи, также составленной вскоре после описываемых событий, содержатся дополняющие официальную версию подробности¹⁶, записанные явно со слов участников рингенской эпопеи. Некоторые подробности об осаде Рингена ливонцами и судьбе его защитников сообщает А.М. Курбский¹⁷.

Ливонские хроники, отражающие точку зрения с «той стороны», применительно к описанию осады Рингена осенью 1558 г., сильно различаются между собой. Переведенные на русский язык и от того часто используемые при описании событий войны за Ливонское наследство, хроники Ф. Ниенштедта и Б. Рюссера описывают действия ливонских войск осенью 1558 г. кратко, буквально в нескольких словах¹⁸. Столь же краток был и С. Хеннинг¹⁹. В лучшую сторону от них отличается рассказ И. Реннера, достаточно подробно расписывающий ход осады²⁰. Сведения, сообщаемые хронистом, дополняют ливонские документы, опубликованные Фр. Бинеманном²¹ и К. Ширреном²².

Взятые в комплексе, русские и ливонские материалы позволяют предпринять попытку реконструкции картины осады Рингена войсками Ливонской конфедерации под началом орденского коадьютора Г. Кеттлера. Однако, как, впрочем, и со многими другими эпизодами Ливонской войны 1558–1561 гг., эта работа сделана не была – ни в XIX в.²³, ни в XX²⁴, ни в новом XXI в.²⁵ Попробуем сделать ее сегодня, отдав долг памяти героям, многие из которых так и останутся неизвестными.

Итак, конец лета 1558 г. Победоносная кампания, предпринятая русскими полками по повелению Ивана Грозного, подходит к концу. Ливонская конфедерация снова, как и минувшей зимой, показала свою неспособность противостоять ударам московитов. Участник тех событий, князь А.М. Курбский, писал позднее, что царские воеводы «того лета взяхом градов немецких с месты близу двадесяти числом; и пребыхом в той земле аж до самого перевозимия, и возвратихомся к царю нашему со великою и светлою победою, бо и по взятю града, где и сопротивляшеса немецкое войско к нам,

езде поражаю их от нас посланными на ротмистры...»²⁶. Однако войско устало, многие ратники не выходили из походов и боев с зимы 1557/1558 г. и нуждались в отдыхе, «запас себе пасти и лошадей кормить», готовясь к новой кампании. Да и боеспособность войска оставляла желать лучшего – взятые в сбою «животы» сковывали войско, поредевшее не столько от потерь убитыми, ранеными, заболевшими и пленными, сколько от отъехавших по домам по разным причинам детей боярских и их людей. Оставляя немногочисленные гарнизоны во взятых городах и замках²⁷, русские полки потянулись на зимние квартиры. Этим моментом и решил воспользоваться противник.

Подготовку к контраступлению магистр Ордена В. фон Фюрстенберг, его заместитель коадьютор Г. Кеттлер (престарелый магистр в ходе зимнего 1558 г. набега русских и последовавшего за ним летнего наступления царской рати в восточной и северо-восточной Ливонии вел себя пассивно, поэтому Кеттлер взял в свои руки руководство орденскими войсками), рижский архиепископ Вильгельм и рижский кафедральный пробст Ф. фон Фелькерзам (фактический командующий войсками Рижского архиепископства²⁸) начали еще летом 1558 г. Так, 30 августа 1558 г. некий Маттиас Фриснер писал герцогу Финляндии Иоганну (будущему королю Швеции Юхану III), что в Риге находится 500 немецких рейтар, и из надежных источников известно, что через Пруссию и Польшу в Ригу следуют еще около 2 тыс. рейтар. 6 тыс. «добрых» кнехтов, продолжил Фриснер, наняты магистром Ордена при посредничестве Генриха II, герцога Брауншвейг-Люнебургского, и ждут попутного ветра, чтобы морем отправиться к Ливонии и прибыть к магистру в Венден. Из ганзейских городов в Ливонию доставлялись свинец и порох.²⁹ Поближе к линии противостояния свозились провиант, фураж и прочие необходимые припасы, необходимые для ведения войны. Так, 9 августа 1558 г. рижский архиепископ Вильгельм из Кокенгаузена отправил в Ригу, адресуясь бургомистру и ратманам, просьбу отправить ему три «бочки» (thonnen) пороха и два «корабельных фунта» (schippunt) свинца³⁰.

Кстати, о размерах войска, находившегося в распоряжении Кеттлера. Относительно его численности ливонские источники расходятся в оценках. Упомянувшийся выше Маттиас Фриснер писал герцогу Иоанну 19 октября, что под началом коадьютора находится 2 тыс. конницы, 7 тыс. кнехтов и 10 тыс. baueren (крестьянское

ополчение – ?). Из Ревеля тамошние ратманы сообщали в Або 23 октября, что у Кеттлера 4 тыс. конницы и 15 fendtlein (феннлейнов, «знамен», рот) кнехтов (около 4–7 тыс. чел, в зависимости от того, сколько людей было в роте), не считая 8 fendtlein немецких кнехтов (ландскнехтов – ?) и 8 же geschwader (рот) рейтар, которые он намерен отправить в Ревель (вот она, польза от набегов небольших отрядов русской и татарской конницы на окрестности Ревеля-Колывани в августе-октябре 1558 г. – В.П.). Псковская же 3-я летопись отмечала, что взятые с бою языки, «немцы и латыши», сказывали – с «маистром» де рати «боле десяти тысяч»³¹. Достаточно редкий случай, когда свидетельства с «той» и «этой» сторон сходятся в оценках численности армии одной из воюющих сторон!

Очевидно, что для войска, насчитывавшего около 10 тыс. или даже более бойцов, Ринген был не той целью, ради которой нужно было собирать такие немалые по ливонским меркам силы и тратить огромные средства на наём ландскнехтов и рейтар. Таких небольших замков-кастелл в тогдашней Ливонии было несметное количество и потому надо полагать, что главной целью похода, предпринятого Кеттлером, был Дерпт-Юрьев³². Однако на пути к нему оказался Ринген-Рындех с его малочисленным, но бесстрашным гарнизоном, оставшимся верным присяге и своему долгу до конца. Учитывая же состояние русских сил в северо-восточной Ливонии, от того, насколько долго сумеет продержаться Ринген, зависело очень многое, если не все. Собрать войско согласно присланной из Москвы росписи князь Репнин со товарищи мог никак не раньше середины октября 1558 г., и еще несколько дней требовалось для того, чтобы выступить в поход. И выходит, что, имея в своем распоряжении суммарно около 10 тыс. (или даже больше) бойцов, Кеттлер и Фелькерзам могли и более или менее надежно прикрыть все угрожаемые направления (прежде всего, ревельское³³), и, располагая неплохой временной форой, были способны с налету взять Юрьев (используя свою агентуру в Дерпте). Но чтобы реализовать эту возможность, сперва нужно было решить проблему с Рингеном, и вот здесь-то и нашла коса на камень. Но тогда, в конце сентября – начале октября 1558 г., все это было еще неочевидно и, приступая к осаде маленького замка, и коадьютор, и домпробст были, надо полагать, преисполнены радужных надежд на быстрое и успешное завершение кампании.

Между тем, по другую сторону линии фронта дела шли своим чередом. Приготовления ливонцев к контрудару для русских остались неизвестными, равно как и начало магистром осенней кампании – незамеченным. Мелкие русские отряды продолжали набеги, захватывая мелкие замки и приводя к присяге на верность новому государю местных «черных людей». Так, в августе 1558 г., согласно воеводским «отпискам», были взяты Везенберг (Раковор), Борхольм (Порхол), Лаис (Лаюс), Толсбург (Толщбор, Бел-город), Поддес (Потушин) и Адсель (Говья), в конце сентября – Кавелехт (Киневель) и Оберпален (Полчев), а посланные небольшие отряды успешно опустошали окрестности самого Ревеля-Колывани (так, Маттиас Фриснер сообщал герцогу Иоганну 16 сентября 1558 г., что русские отряды «tyganisirt» местное население всего в двух милях, т.е. примерно в полутора десятках верст от Ревеля)³⁴. Кажется, что неприятель повержен и с его стороны ожидать каких-либо неприятностей не стоит, а потому «велел государь воеводам ехать к себе... И князь Петр Иванович (Шуйский – В.П.) с товарищи государя наехали у живоначалныя Троицы в Сергиеве монастыре. И царь и государь их жаловал любовными и приветными словесы... и их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещаю, и веле им ехать за собою в село свою в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод жаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормление им довольно пожаловал». Не остались в накладе и дети боярские, участники кампании, которых Иван «многим своим жалованием жаловал, шубами и ковши и камками и денгами и конми и доспехом и кормлением и поместьи»³⁵. Одним словом, русские праздновали победу, и тем более неожиданными были известия, которые поступили в Москву в первых числах октября 1558 г.

К сожалению, подробного, день за днем, описания рингенского «сидения» ни с той, ни с этой стороны не сохранилось (или, во всяком случае, не обнаружено). Русские летописи сообщают преимущественно о действиях князя Репнина и его рати, а о положении рингенского гарнизона и его действиях говорят кратко, очевидно, со слов немногочисленных гонцов, сумевших выбраться из блокированной крепости и добраться в расположение русских войск. Ливонские же источники дают лишь общий обзор осады (лишь Реннер несколько детализирует его). Попытаемся, однако, реконструировать хотя бы в общих чертах хронику борьбы за замок.

26 сентября 1558 г. Кеттлер с 1,5 тыс. конницы и 6 феннлейнами кнехтов (около 2 тыс. чел.) выступил из Вольмара³⁶. 1 октября его передовые отряды объявились в окрестностях Рингена³⁷. Видимо, тогда же Русин Игнатьев послал гонца в Дерпт к тамошнему наместнику с тревожной вестью. И, надо полагать, получив эту новость, не позднее 2 октября Курлятев отправил вестника в Москву, стремясь поскакавшего к царю с известием о переходе неприятеля в контрнаступление. Тем временем 4 октября к Рингену подошел с юга, от Шваненбурга, с 600 всадниками и 3 тыс. пехоты (bipen – ополчение?) Фелькерзам³⁸. Судя по количеству выделенных для похода сил, Фюрстенберг и Кеттлер изначально рассчитывали на стремительный выход к Дерпту и его захват (используя поддержку «пятой колонны» изнутри города). Однако, вопреки первоначальным ожиданиям, Русин Игнатьев и его люди отказались капитулировать и сели в осаду. Оставлять их в тылу коадьютор не рискнул и был вынужден приступить к осаде замка. Однако для этого нужны были дополнительные силы, и, прежде всего, – тяжелая артиллерия, которой у него не было. В Венден, к магистру³⁹, были посланы первые пленные, взятые под Ранденом, и требование подкреплений и осадной артиллерии. В свою очередь, Фелькерзам отправил гонца за тяжелыми пушками в Динамюнде⁴⁰. 6 октября 1558 г. Фюрстенберг выслал Кеттлеру из своей резиденции 3 феннлейна (около 1 тыс. чел.) кнехтов⁴¹. Но было совершенно очевидно, что пока они по размытым осенними дождями дорогам доберутся до лагеря коадьютора, пока тяжелые пушки с огромными трудностями через грязь будут доставлены к Рингену и примутся за свою разрушительную работу – пройдет немало времени, а оно стремительно уходило, ибо всякое промедление играло на руку русским.

А русские власти тем временем, пока ливонцы начали окапываться под Рингеном, приступили к организации отпора неприятелю. В первых числах октября 1558 г. в столицу к Ивану Грозному прилетел взмыленный гонец от юрьевского наместника князя Д.И. Курлятева. Воевода писал, что «маистр собрався и арцыпискуп со всеми людьми и Заморские люди с ними пришел к Рынголу городку»⁴². Отправив вестника, воевода учинил в Дерпте розыск на предмет поимки «маистровых» доброхотов⁴³, отправил к Рингену «сторожи» с приказом взять пленных и установить постоянное наблюдение за действиями неприятеля и начал спешно приводить укрепления Юрьева в порядок⁴⁴, готовясь встретить незваных гостей.

В столице новость от воеводы прогремела как гром среди ясного неба. Не так уж и давно отгремели торжества по случаю одоления ливонцев, розданы награды, из возвращенной «отчины» продолжают поступать победные воеводские «отписки» об успешных действиях отдельных русских отрядов, и вдруг такой сюрприз от, казалось бы, уже практически разгромленного и неспособного к каким-либо активным действиям неприятеля. Естественно, в Москве поторопились принять необходимые контрмеры, и к Курлятеву полетел гонец с царским наказом и росписью воевод из Разряда. Согласно этой росписи, спешно собираемое для отпора ливонцам и деблокады Рингена войско должен был возглавить раковорский воевода князь М.И. Репнин (хотя, если верить летописным свидетельствам, формальным командующим был князь Иван Маашик Черкасский)⁴⁵. Правда, сил, выделенных на помощь осажденному гарнизону Рингена, было немного. Как писал московский летописец, посланы «с воеводами люди немногие, да и те истомны добре», а псковский добавлял к этому, что и было тех «истомных» людей мало, «всего тысячи з две»⁴⁶.

Львовская летопись позволяет уточнить состав выделенных для противодействия «маистру» сил. Согласно ее сведениям, посланный с Москвы Б.С. Колычев должен был собрать псковских детей боярских всех, дворовых и городских, а также дворовых же и городских детей боярских Шелонской пятины⁴⁷. И если взять за основу при расчетах данные разряда Полоцкого похода 1562/1563 гг., то вырисовывается интересная картина. В этой знаменитой кампании приняли участие около 1 тыс. служилых татар, казанских князей и мурз, и князей черкасских с их людьми, около 3,5 сотен или несколько больше псковичей и примерно 7,5 сотен шелонских помещиков⁴⁸. В сумме наряд выделенных сил как раз и составлял около 2 тыс. детей боярских, татар и черкесов (видимо, без учета послужильцев? А их, судя по всему, изначально было немного⁴⁹). Эти сведения совпадают с приведенными выше данными псковской летописи, и выходит, что в Москве не решились снимать людей с гарнизонов взятых летом и в начале осени 1558 г. ливонских городов и замков, ограничившись сбором людей с Псковщины и Шелонской пятины, непосредственно прилегающих к району боевых действий. Это позволяло ускорить мобилизацию и сбор войска, но одновременно накладывало серьезные ограничения на действия воевод. Со столь немногими силами, без пехоты и артиллерии, они

были обречены на ведение «малой» войны, не имея реальных возможностей нанести поражение Кеттлеру и силой заставить его снять осаду с Рингена. Не совсем понятно, правда, чем объясняется выделение столь малого наряда сил для противодействия «маистру» – то ли Курлятев по каким-то причинам не сообщил в столицу о действительных размерах неприятельского войска, то ли Иван и бояре недооценили планы и возможности магистра и его помощников? Но факт остается фактом – против насчитывавшей примерно 8–10 тыс. чел. армии Ливонской конфедерации, состоявшей из конницы, пехоты и артиллерии, должна была действовать «лехкая» конная русская рать, уступавшая ей в численности по меньшей мере втрое. Одним словом, Русину Игнатьеву и его людям оставалось полагаться только на свои силы и на чудо.

Но чуда не случилось. Посланные из Вендена магистром кнехты и прибывшие вместе с ними еще 400 всадников позволили Кеттлеру, по словам Реннера, 11 октября 1558 г. «надежно обложить» Ринген⁵⁰. Осталось дожидаться подхода осадной артиллерии, а пока она медленно ползла по грязи, ливонцы вели огонь по замку из бывших с ними легких пушек и перестреливались с осажденными из аркебуз и stormhaken. «Маистр по городу бьет и приступает ежеден к Ринголу, – писал летописец, пересказывая воеводские отписки, – и Русин Игнатьев в приступех у них людей побивает, а наряду с маистром много...»⁵¹. Насчет наряда, конечно, воеводы преувеличили – если бы с Кеттлером под Ринген прибыл бы сразу полноценный «большой наряд», то, конечно, малочисленному гарнизону замка пришлось бы или сложить оружие, или с честью погибнуть на руинах после кратковременного обстрела и последующего штурма превосходящими силами неприятеля. Однако ставка на молниеносный рейд к Дерпту подвела коадьютора, и, имея под рукой всего лишь несколько легких полевых орудий, взять даже такую небольшую и безнадежно устаревшую крепостцу, как Ринген, было невозможно.

Тем временем, пока Кеттлер и Фелькерзам сидели в лагере под Рингеном, постепенно собралась «лехкая» русская рать. Не имея пехоты и артиллерии, русская конница не могла штурмовать укрепленный лагерь неприятеля (как писал летописец, «стоит маистр, окопался великим рвом и обозом одернувся кругом»). Воеводам оставалось только «щипать» неприятеля, нападая на фуражиров и рассчитывая, что Кеттлер, не вытерпев, вышлет хотя бы часть своих сил в поле сразиться с досаждающими ему русскими⁵². Однако

все попытки воевод заставить неприятеля принять «прямое дело» успеха не имели, коадьютор не пошел на риск, ожидая затребованных новых подкреплений (500 кнехтов, несколько сотен *buren* и 2 полукартауны – *halve kartouwen* из Вендена)⁵³.

22 октября 1558 г. долгожданные полукартауны от «маистра» были доставлены под Ринген. Установленные на позиции, они немедленно открыли огонь по замку, старые стены которого (а Ринген был возведен еще в 1340 г.) сильно пострадали от обстрела. После этого Кеттлер послал 1 феннлейн кнехтов на штурм. Они сумели ворваться внутрь замка и даже взяли 6 пленных, однако защитники Рингена, по словам Реннера, готовые быть погребенными под руинами замка, но не сдаться, стояли насмерть и выбили немцев обратно. Обозленный новой неудачей, Фюрстенберг приказал присланных ему коадьютором пленных повесить в отместку за казненных Курлятевым по подозрению в шпионаже дерптских бюргеров⁵⁴.

Отражение штурма 2 октября стало последней удачей Русина Игнатьева и его людей. Судя по всему, гарнизон понес существенные потери (не меньше трети, а то и больше, от первоначального состава), и, что самое главное, в лагере Кеттлера пришли к выводу (видимо, с показаний пленных и исходя из снижения интенсивности ответного огня со стороны защитников разваливающегося замка), что у русских заканчивается порох⁵⁵. 29 октября (30-го – согласно Реннеру) 1558 г. после нескольких дней непрерывного обстрела, орденские кнехты и наемники снова пошли на штурм и на этот раз успешно. Ринген пал⁵⁶. Маттиас Фриснер писал 11 ноября 1558 г., спустя полторы недели после завершения рингенской эпопеи, что торжествующие победители, захватившие во взятом ими замке несколько больших орудий, доставленных сюда русскими из Дерпта, и 200 ластов ржи, поспешили повесить 50 пленников, «не считая других шельм». Еще 95 скованных пленных, среди которых был некий знатный «*baijagen*» и «*woijwaden*» (надо полагать, речь шла о Русине Игнатьеве) с его сыном, в сопровождении одного *schwad'ena* («эскадрона») «*deutscher reuter*» (немецких рейтар) были отправлены в Венден к магистру как знак одержанной победы⁵⁷. Их участь была не менее печальной. По словам А. Курбского, пленных, в т.ч. и рингенского «ротмистра» (т.е. Русина Игнатьева) неприятель «мало не всех во презлых темницах голодом и зимою поморил»⁵⁸. Однако их гибель не была напрасной. План Фюрстенберга и Кеттлера налетом взять Дерпт не имел успеха. И, несмотря

на то, что ливонцам удалось нанести Репнину спустя 9 дней после падения Рингена поражение, а затем совершить набег на псковское пограничье⁵⁹, большего им добиться не удалось. В январе же 1559 г. царская рать во главе с воеводой князем С.И. Микулинским подвергла беспощадному опустошению земли рижского архиепископства и Ордена по левому берегу реки Аа (и в ходе одного из боев с русской конницей был убит Ф. фон Фелькерзам), отомстив с лихвой за погибших товарищей.

---

¹ По мнению петербургского историка А.И. Филюшкина, с которым мы согласны, Ливонская война 1558–1583 гг. – конструкт, созданный позднейшими историками. На самом же деле имеет смысл вести разговор о серии военных конфликтов (мы полагаем, что их можно объединить под общим названием «войны за Ливонское наследство»), имевших место во 2-й пол. 50-х – нач. 90-х гг. XVI в. и охвативших Прибалтику и бассейн Балтийского моря (См.: Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 80–94).

² Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 81.

³ Можно назвать лишь некоторые работы, как давние, так и новые, в которых уделяется немалое внимание изложению военной хроники конфликта: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба за Ливонию. СПб., 1893; Янушкевич А. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007; Filjushkin A. Ivan the Terrible: a Military History. L., 2008; Oakley S. War and Peace in the Baltic 1560–1790. L., 1992 и др.

⁴ См.: Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 268; Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876. S. 197.

⁵ Как писал ливонский хронист Ф. Ниенштедт, «По взятии города Дерпта и иервенский фохт покинул замок Везенберг со всеми запасами разных дорогих напитков, вина, пива и меда и разных съестных припасов. Тоже самое сделали в Лаисе и Оберпалене, а также в Рингене и Кавелехте и во многих других местах» (Ниенштедт. Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1883. С. 27).

⁶ Лебедевская летопись. С. 268.

⁷ Разрядная книга (далее РК) 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 32.

⁸ Там же. С. 274. Правда, стоит отметить, что в синодике Московского Кремлевского Архангельского собора поименно перечислены 70 детей боярских, «которые побиты в ливонских Немцах под Рынголом» (См.: Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. С. 159–160). Надо ли понимать эту запись в синодике как перечень только лишь погибших рингенских «сидельцев» или же в синодик были записаны также

и те, кто был убит при попытках деблокировать осажденный гарнизон? Наблюдения Ю.Д. Рыкова, опубликованного и откомментированного эту часть синодика, как будто позволяют предположить, что второй вариант более вероятен.

⁹ Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 237.

¹⁰ Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/1557 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 83. В «Боярской книге» упоминаются еще несколько человек из синодика: Данила Соловцов (на Серпуховском смотре «на коне в доспесе и в шеломе, с копьём» и, судя по тому, что его имя прописано в книге с уменьшительным суффиксом, Данилко, то, выходит, что сын боярский в 1558 г. был еще очень молод), Семен Быков (он «з братом с Осипом дали 7 человек в доспесех и в шеломех да 8 человек в тегиляех и в шапках в медяных, а 4 человека без доспехов, 5 юков»), Федор Есипов («лета 7063-го в Свяязске на году Федор сам на коне в саадаке и в сабле, в тегиляе в тонком з горносталя, в железной шапке; людей его (ч) на коне в саадаке и в сабле, с рогатиною, конь прост»). См.: Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/1557 года... С. 87, 105, 110.

¹¹ Ниенштедт. Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта. С. 28. Кстати, князь Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» писал, что Ринген обороняли 300 русских воинов (Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 75).

¹² Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 46.

¹³ См., например: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 77–93.

¹⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга (далее ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 203–204; Разрядная книга (далее РК) 1550–1636. Т. I. М., 1975. С. 77–78; РК 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 32–33.

¹⁵ Лебедевская летопись. С. 268, 274–275; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 606–607.

¹⁶ Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 237.

¹⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 75–76.

¹⁸ Ниенштедт. Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта. С. 28; Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 378.

¹⁹ Henning S. Liffendische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590. Riga, 1857. S. 35.

²⁰ Renner J. Livländische Historien. Göttingen, 1876. S. 203, 214–215, 219–226. О Реннере и его «Хронике» см.: Филюшкин А.И. Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 93–100.

²¹ Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 (Далее Briefe). Bd. II. 1557–1559. Riga, 1867.

²² Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее Archiv). Neue Folge. Bd. III. Reval, 1863; Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit (далее Neue Quellen). Aus dem dänischen Geb. Archive zu Kopenhagen. Bd. I. Reval, 1883.

²³ См., например: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. III. М., 1989. С. 491.

²⁴ Так, к примеру, Р.Г. Скрынников в своем «Царстве террора» события лета 1558 – зимы 1559 г. уместил в пару строк (Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 2002. С. 132), равно как и в 2-томной биографии Ивана Грозного историк

также никак не упомянул об осаде Рингена (Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Т. I. Смоленск, 1996. С. 235).

²⁵ Пожалуй, самое подробное на нынешний момент описание осады Рингена содержится в работе В.А. Волкова (См.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 176–177). Однако историк основывался, судя по всему, лишь на русских источниках и переведенных на русский же язык ливонских хрониках, оставив «за бортом» значительный массив ливонских документов и материалов на языке оригинала.

²⁶ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 75 (ср.: «И всего городов немецких государевы воеводы взяли в 66-м году дватцать городов, и с волостями и с селы...»). См.: Лебедевская летопись. С. 270. Псковская 3-я летопись (С. 237) дает 23 города, взятых в эту кампанию). А.Л. Хорошкевич подвергла сомнению свидетельство князя относительно того, что русские войска находились в Ливонии до «первозимника», мотивируя это тем, что в конце лета 1558 г. наступление русских войск в Ливонии временно прекратилось в связи с пребыванием в Дерпте-Юрьеве датских дипломатов и приездом в Москву очередного ливонского посольства (Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 221–222; Briefe... Bd. V. Riga, 1876. S. 482). Но хотя Иван Грозный и отозвал в августе большого воеводу князя П.И. Шуйского (в конце августа, ибо 17 августа он еще был в Дерпте. См.: Briefe... Bd. V. S. 482), командовавшего русскими войсками в летнюю кампанию 1558 г., «со товарищи» (и, надо полагать, с большей частью войск), в Москву, тем не менее, ни в августе, ни в сентябре, ни в 1-й пол. октября активные действия русских отрядов в Ливонии не прекращались (См., например: Лебедевская летопись. С. 270, 273–274). Другое дело, что и оставшихся на «годование» гарнизонов оказалось достаточным, чтобы продолжить набеги и захваты отдельных плохо охраняемых и защищенных замков. Поэтому фраза Ивана Грозного с упреком Адашеву, которую А.Л. Хорошкевич относит к лету 1558 г., имеет отношение к событиям следующего 1559 г. (Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 222).

²⁷ Так, взятый под Вейссенштайном русский пленник по имени Антоний показал на допросе 11 августа 1558 г., что в Дерпте стоит гарнизон примерно в 1,5 тыс. человек (датские послы в донесении от 17 августа того же года насчитывали в дерптском гарнизоне 3,5 тыс. ратников. См.: Briefe... Bd. V. S. 483. Однако очевидно, что воевода по старой московской традиции постарался представить свои дела перед послами в лучшем, чем они были на самом деле, виде, и показания Антония выглядят более достоверными). Не меньше людей, по его показаниям, было в Нарве, и около сотни в Везенберге. Другой пленный, Петр, подтвердив сведения Антония, сообщил также, что в Лаисе разместился гарнизон в сотню воинов (Briefe... Bd. V. S. 475). 90 человек в Рингене, примерно по сотне – в Лаисе и Везенберге. Выходит, что сотня бойцов – своего рода «штат» для гарнизона небольшого ливонского замка?

²⁸ Hiörn T. Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. I. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835. S. 219.

²⁹ Archiv... Bd. I. Reval, 1861. S. 253. Первая их партия, 1200 чел., отправленная из Любека в середине августа на 3-х или 4-х кораблях, прибыла в Ливонию в начале сентября 1558 г. (Форстен Г.В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. СПб., 1889. С. 2; Renner J. Op. cit. S. 210). Вместе с ними прибыло и несколько артиллерийских орудий. Поставки

продолжались и позднее. Так, Реннер сообщает, что 30 сентября в Ревель прибыли из Гамбурга 2 halve slangen (2 полушланга – артиллерийских орудия), пол-ласта пороха и несколько stormhaken (Renner J. Op. cit. S. 214).

³⁰ Briefe... Bd. I. Riga, 1865. S. 262. О размерах «бочки» и «корабельного фунта» см.: Земзарис Я.К. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII–XVI века) // Проблемы источниковедения. Вып. IV. М., 1955. С. 199, 212–213.

³¹ Псковская 3-я летопись. С. 237; Archiv... Bd. I. S. 270; Bd. III. S. 40.

³² И действительно, магистр Ордена В. фон Фюрстенберг в письме зоннебургскому комтуру Р. Гилшайму 5 октября 1558 г. отмечал, что после взятия Рингена Кеттлер вместе с присоединившимися к нему силами рижского архиепископа должен бы наступать на Дерпт (Archiv... Bd. III. S. 34).

³³ См., например: Renner J. Op. cit. S. 214

³⁴ Лебедевская летопись. С. 269, 273–274; Archiv... Bd. I. S. 259.

³⁵ Лебедевская летопись. С. 274.

³⁶ Renner J. Op. cit. S. 213. Рижский бюргер оценивал его силы несколько иначе. По его словам, в распоряжении Кеттлера было на первых порах 2 тыс. своих кнехтов, 1 феннлейн lantzknechte (350 ландскнехтов) и 3 фальконета (valkeneten), а также конница и пехота рижского архиепископа (Das Buch der Aeltermänner grosser Gilde in Riga. S. 111).

³⁷ Начало обороны Рингена русскими Псковская 3-я летопись датирует Покровом святой Богородицы, т.е. 1 октября 1558 г. (Псковская 3-я летопись. С. 237). Ту же дату дает и некий рижский бюргер в своих дневниковых записях. См.: Das Buch der Aeltermänner grosser Gilde in Riga // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga und Leipzig, 1844. S. 111.

³⁸ Renner J. Op. cit. S. 212. 4 октября как дату начала осады Рингена соединенным войском дает магистр В. фон Фюрстенберг в упоминавшемся выше письме зоннебургскому фогту Гилшайму (Archiv... Bd. III. Reval, 1863. S. 34).

³⁹ Est- und Livländische Briefflade. Theil III. Riga, Moskau, Odessa, 1873. S. 121.

⁴⁰ Das Buch der Aeltermänner grosser Gilde in Riga. S. 111; Renner J. Op. cit. S. 214. В свою очередь, 14 октября Фюрстенберг в письме ревельскому бургомистру и ратманам требует, чтобы они отправили в лагерь Кеттлера одну картауну (ein karthauen). См.: Briefe. Bd. II. S. 186.

⁴¹ Renner J. Op. cit. S. 214.

⁴² Лебедевская летопись. С. 274.

⁴³ Судя по всему, Курлятев преуспел в этом. Во всяком случае, Ниенштедт сообщал, что «все дерптские бюргеры, и кто только был способен носить оружие, были отправлены из города в Псков. Там их разместили у псковских бюргеров и не отпусkali до тех пор, пока магистр не отступил от Рингена в рижскую епархию; тогда их снова возвратили в Дерпт» (Ниенштедт. Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта. С. 28). Реннер же к этому добавлял, что 21 дерптца сперва подвергли бичеванию, затем им отрубили пальцы на руках и ногах, а потом – и головы (Renner J. Op. cit. S. 222).

⁴⁴ 14 октября 1558 г. Фюрстенберг в письме бургомистру и ратманам Ревеля писал, что, по словам пленного русского боярина, русские стягивают свои силы для обороны Дерпта, оставляя остальные замки и городки епископства (Briefe. Bd. II. S. 185).

⁴⁵ Роспись воевод, согласно сохранившимся разрядным записям, выглядела следующим образом: «В большом полку воеводы князь Михайло Петрович Репнин

да князь Петр Данилович Щепин Оболенской; да в большом же полку Борис Степанов сын Кольчов. В передовом полку воеводы Федор Васильевич Шереметев да Семен Ярцов сын Нармацкого. Да в передовом же полку черкаские князи Амошук да князь Василей Ибок з братьею, а приставы у них Юрьи Офонасьев сын Кузьмин да Гаврило Иванов сын Чертков; да с служивыми тотары Роман Васильев сын Олферьев; да с казанскими князи и мурзы из Великово Новагорода и из ьных московских городов Ондрей Тимофеев сын Михалков. В сторожевом полку воеводы Фома Иванович Третьяков да Михайло Петров сын Головин» (РК 1475–1605. Т. I. Ч. II. С. 32–33). Для сравнения, согласно летописи, разряд выглядел следующим образом: «И царь и великий князь велел ити к Рынголу из Ракобора князю Михаилу (Репнину – *В.П.*) да Семену (Нармацкому – *В.П.*); а изо Пскова Черкасским князем князю Ивану Маяшику да князю Василью Сибоку з братьею, а с вышгорода Федору Шереметеву, а из Красной Фоме Третьякову, а из Юрьева государь велел ити князю Петру Щепину да Михаилу Головину. И ити им велел на три полки: в большом князь Михайло Петрович да князь Петр Щепин, в передовом Федор Васильевич (Шереметев – *В.П.*) да Семен Ярцов, в сторожевом Фома Третьяков да Михайло Петров, а Черкасским князем велел быти в передовом же полку. А велел воеводам съезжаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черкасскому...» (Лебедевская летопись. С. 274).

⁴⁶ Лебедевская летопись. С. 274; Псковская 3-я летопись. С. 237. Реннер оценивает силы русских, подступавших к лагерю коадьютора под Рингеном, в 5 тыс. чел., но при этом говорит о 12 «Russische fanen» (знаменах – надо понимать, что речь идет о «сотнях» со своими значками?). См.: Renner J. Op. cit. S. 220.

⁴⁷ Львовская летопись. С. 606.

⁴⁸ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 125–127.

⁴⁹ О размерах поместий в Шелонской пятине см., например: Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1974. С. 82, 97–98, 120.

⁵⁰ Renner J. Op. cit. S. 219, 220.

⁵¹ Лебедевская летопись. С. 274. Реннер пишет о двух попытках приступа (Renner J. Op. cit. S. 220).

⁵² «И писал князь Михайло Петрович с товарищи, что сошлися все воеводы по государеву приказу и приходят на кормовщиков и побивают во многих местах и языки емлют...» (Лебедевская летопись. С. 274).

⁵³ «И воеводы к станом к нему (Кетлеру. – *В.П.*) приходят и людей побивают, и маистр ис станом бьется пушками и пищальми, а к воеводам не идет, а приступает к Рынголу...» (Лебедевская летопись. С. 274). Реннер, правда, сообщает о стычках между конницей Кетлера и русскими всадниками (Renner J. Op. cit. S. 220). Правда, если Реннер пишет о том, что победу в них одержали ливонцы, то, наоборот, Репнин в отписке хвастал своей победой над неприятелем: «Послал маистр для кормов брата своего и заставу Ясан Кетлер и многих людей немец на бережение послал. И воеводы на заставу пришли, и побили наголову немецкую заставу и брата маистра Яган Кетлера взяли да оружничева маистра да конешева и многих князцов и мызников поймали, взяли на том бою живых сто да шесть человек» (Лебедевская летопись. С. 275). И, похоже, что русский воевода не врал – такое событие, как взятие в плен брата самого орденского коадьютора, не придумаешь, это не рядовой «мызник» или «князец»!

⁵⁴ Renner J. Op. cit. S. 222.

⁵⁵ Лебедевская летопись. С. 275.

⁵⁶ А. Курбский писал, что «маистр» Рындех «за третьим приступом взял» (Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 75).

⁵⁷ Archiv... Bd. I. S. 281. Ср.: Renner J. Op. cit. S. 222 и Briefe. Bd. II. S. 200 (500 убитых и 100 пленных).

⁵⁸ Курбский А.М. История о великом князе Московском. Стб. 75. Исходя из косвенных свидетельств, Игнатъев умер (или был убит?) в тюрьме в Кокенгаузене зимой 1558/1559 г. (Бархатная книга. М. 1787. С. 281; Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны. С. 188–189, 205).

⁵⁹ См., напр.: Псковская 3-я летопись. С. 237; Archiv... Bd. I. S. 289.

А.А. Петров (Москва)

ОСТАВЛЕНИЕ ПРИМОРЬЯ ЗЕМСКОЙ РАТЬЮ М.К. ДИТЕРИХСА ОСЕНЬЮ 1922 ГОДА: ИСХОД НА СУХОМ ПУТИ

В НОЯБРЕ 2012 г. исполнилось девяносто лет с момента оставления последней белой армией – Земской Ратью генерала М.К. Дитерихса – территории Приморья и ее ухода в Китай. Обстоятельства этой эвакуации изучены хуже, нежели исход из Крыма в 1920 г.; особенно это заметно в отношении отхода по сухому пути и пребывания армии в Гириных лагерях. Здесь мы можем опираться лишь на не слишком подробные воспоминания генералов П.П. Петрова¹, Ф.А. Пучкова² и В.М. Молчанова³, поручиков Н.Н. Голеевского⁴ и Е.А. Леонтьева⁵, а также на книгу поручика Б.Б. Филимонова «Конец Белого Приморья»⁶. В данной работе я попытался обобщить эти свидетельства, рассматривая исход как боевую операцию, уточнить детали ее организации, а также численность воинских частей и беженцев на разных этапах эвакуации.

Белая Дальневосточная армия, сражавшаяся в Забайкалье и в Приморье в 1920–1922 гг., была переименована в Земскую Рать в августе 1922 г. своим новым командующим (Воеводой) и правителем Приамурского Земского края генералом М.К. Дитерихсом. Ее численность на этот момент составляла около 8 тысяч бойцов при 22 орудиях и трех бронепоездах⁷. Она обладала высокой боеспособностью, но практически не имела источников для пополнения и к тому же испытывала острый недостаток в боеприпасах. Между тем, опыт зимнего Хабаровского похода 1921–1922 гг. показал подавляющее численное и материальное превосходство ее противника – Народно-революционной армии «буферной» Дальневосточной Республики (далее – НРА ДВР), поскольку последняя по мере необходимости «пополнялась» за счет передачи ей готовых полков

и дивизий из состава РККА. Красных сдерживало присутствие в Южном Приморье японских оккупационных войск, но те в соответствии с решениями Вашингтонской конференции готовились к эвакуации с русской территории, которая должна была проходить в три этапа. В сентябре предполагалось эвакуировать северную часть области до г. Никольска-Уссурийского включительно; затем в начале октября эвакуировалась полоса до ст. Угольной; наконец, г. Владивосток должен был быть оставлен 26 октября 1922 г.

Соответственно, как только первая зона была покинута японцами, войска НРА ДВР развернули наступление на ее территорию. Части Земской Рати, заняв бывшие японские позиции, оказали им ожесточенное сопротивление, однако в упорных сражениях 8–9 октября под г. Спасском и 13–14 октября у дер. Монастырище потерпели поражение.

Вечером 14 октября 1922 г. генерал Дитерихс осознал невозможность дальнейшего сопротивления и отдал приказ об общем отступлении Земской Рати. Поскольку части уходили в зону, где еще оставались не эвакуировавшиеся японские войска, упорного преследования со стороны красных можно было ожидать лишь на короткое время. Однако в случае общего отхода на Владивосток армия оказывалась отрезанной на полуострове Муравьева-Амурского. Эвакуироваться отсюда можно было только морем, но имевшегося тоннажа кораблей Сибирской флотилии контр-адмирала Г.К. Старка было для этого недостаточно. Поэтому Дитерихс разделил свои отступающие войска на три потока. Левофланговая Сибирская группа генерала И.С. Смолина непосредственно с поля сражения у Монастырища отходила на запад к ст. Галенки, а оттуда по железной дороге на КВЖД. Главные силы Земской Рати – Поволжская группа генерала В.М. Молчанова и Сибирская казачья группа генерала В.А. Бородина (под общим руководством первого) должны были в районе Раздольного и Красного Яра перейти через р. Суйфун и двигаться далее вдоль берега Амурского залива в район пос. Ново-Киевск и бухты Посьет. Непосредственно на Владивосток (левый «поток» отступления) должны были отходить лишь части тыловых учреждений. Однако, вопреки приказу Воеводы, этот путь избрал для своих частей командующий Дальневосточной группой генерал Ф.Л. Глебов, который согласно плану должен был отступать на ст. Пограничная вместе с группой генерала Смолина.

По-видимому, это было связано с сепаратным и довольно авантюрным планом адмирала Г.К. Старка, которого Дитерихс назначил начальником тылового района армии (полуострова Муравьева-Амурского вместе с г. Владивостоком). Узнав вечером 14 октября о поражении Земской Рати, Старк задумал организовать новый оборонительный рубеж на ближайших подступах к Владивостоку, чтобы продержаться на нем до того момента, когда японцы снимут свои караулы со складов Владивостокской крепости (после чего проблема нехватки боеприпасов была бы полностью решена). Кроме Глебова этот план поддержал также командующий милицией полуострова Муравьева-Амурского генерал Д.А. Лебедев. Этот план имел мало шансов на успех, зато его выполнение грозило сорвать общую эвакуацию. Дитерихс узнал о самовольных действиях адмирала 16 октября, вечером того же дня он прибыл во Владивосток. При личной встрече Старк заявил о полном подчинении ему и в дальнейшем четко исполнял общий план эвакуации⁸. Однако г. Никольск-Уссурийский был занят красными уже вечером 15 октября, и группа Смолина была отрезана от основных сил Земской Рати, так что передвинуть группу Глебова с одного фланга на другой было невозможно. Несомненно, это обстоятельство в дальнейшем затруднило правильную эвакуацию Владивостока.

По свидетельству генерала П.П. Петрова (который был начальником штаба Дитерихса), во Владивостоке на момент приезда туда Воеводы была паника; порядок поддерживался офицерским батальоном, а «полиция уже развалилась. Все тыловые учреждения прекратили работу; начались саботаж, а затем и забастовки <...>. Нужно было во что бы то ни стало вывезти все семьи военнослужащих, вывезти беженцев, соединивших судьбу с армией издавна, вывезти часть грузов, усилить свою тощую казну, перебросить в Посыет части войск, отходящие на Владивосток и расположенные в городе, вывезти военно-учебные заведения, больных, раненых»⁹.

Одним из главных являлся вопрос об эвакуации семей воинов Земской Рати. Перед началом боевых действий все они были сосредоточены во Владивостоке и «организованны там по группам; каждая войсковая группа имела свою группу семейств со своим заведывающим»¹⁰; во главе всех семейных групп поставлен был генерал А.П. Зоценко¹¹. Теперь эти семьи оказались отрезаны от отходящих войсковых колонн, и нужно было переправить их на

судах в Посьет. По свидетельству Петрова, командование рассчитывало, «что из 6 тысяч ртов пойдет из Владивостока не более половины, а заявили желание выехать почти все»¹². Дитерихсу не оставалось ничего другого, как просить корабли у японцев. Японское командование пошло навстречу просьбе Воеводы, и 20 октября началась переброска семей военнослужащих в Посьет на японских транспортных (первая партия прибыла туда 21 числа). Как справедливо отметил генерал Петров, «это было громадной помощью – иначе бы пришлось плохо»¹³.

17 октября 1922 г. был опубликован указ Правителя Земского края за № 68: «Силы Земской Приамурской Рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов, решили участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет. Он как тело – умрет. Но только как тело...». Этим указом Дитерихс объявлял о прекращении вооруженной борьбы; закончил он его проникновенными словами: «Я верю, что Россия вернется к России Христа, России – Помазанника Божия, но что мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца»¹⁴.

Одновременно, уже как Воевода Земской Рати, он издал приказ за № 55: «В состав Земской Рати, остающейся со мною, могут входить только те воинские чины, которые входили в ее полевой состав в период минувшей борьбы в районе Никольск – Спасск и которые согласны разделить с ней неизвестную участь, сопряженную с разрушением в пределах иностранного государства. Все прочие воинские чины, кои не могут оставаться в пределах Советской России, будут вывезены моим распоряжением в один из портов Китая, причем дальнейшую заботу я совершенно с себя снимаю. К этой же категории военных относятся и все правительственные и общественные лица, кои не могут в смысле безопасности остаться во Владивостоке. Распоряжения по эвакуации военных и гражданских лиц и их семей из Владивостока возлагаю на адмирала Старка, которому мной даны соответствующие указания»¹⁵. По свидетельству поручика Голеевского, этот приказ зачитали личному составу его Волжской батареи вечером 18 октября, после перехода через р. Суйфун. Голеевский передал общее впечатление, оставшееся от текста приказа: «генерал Дитерихс, объявлял: “Война окончена. Я ухожу в Китай. Кто хочет – может идти со мной, а кто не хочет – может делать, что ему угодно. Задерживать никого не будут”»¹⁶.

Группы Смолина, Бородина и Молчанова выполнили приказ Воеводы и, оторвавшись от преследования, своевременно вышли на указанные им пути отхода. К вечеру 17 октября генерал Смолин сосредоточил свои войска (всего 2700 человек, из них 1650 бойцов, и 800 лошадей) на русской территории перед ст. Пограничная. На другой день он имел бой с красным авангардом в районе Гродеково и под давлением противника вынужден был к вечеру 18 октября перейти на китайскую территорию¹⁷.

Группы Молчанова и Бородина, как уже указывалось выше, к 18 октября отошли за р. Суйфун. По приказу Молчанова части отступали перекатами и, сдерживая напор красных, дали им ряд арьергардных боев. 19 октября в районе д. Пеняжино Волжский полк генерала Н.П. Сахарова (200 человек при одном орудии) отбросил красный эскадрон и уничтожил мост на его пути¹⁸. Затем в районе Барабаша волжан сменили части Бородина, наконец, перед Ново-Киевском арьергард составил Московский конный полк генерала А.М. Хрущева. 20 октября войска обеих групп сосредоточились в районе Славянки, где простояли два дня, давая возможность Воеводе закончить переброску семей, раненых и больных, а также беженцев на Посъет. 24 октября части Молчанова прибыли в Ново-Киевск¹⁹. К этому времени там уже был Дитерихс со штабом, он покинул Владивосток вечером 21 октября на маленьком пароходе «Смельчак»²⁰. В Ново-Киевске и Посъете сосредоточилось до 9000 человек и 3000 лошадей²¹. Главными проблемами командования были недостаток финансовых средств, и отсутствие четких договоренностей с китайской стороной.

Последними во Владивостоке на корабли флотилии Старка были погружены части Дальневосточной группы Глебова (5000 человек), Урало-Егерский отряд, батальон Морских стрелков, Омский и Хабаровский кадетские корпуса, а также ряд мелких отрядов – всего вместе с беженцами более 9000 человек²². 24 октября в Посъет прибыли корабли, перевозившие группу Глебова; здесь на берег сошла часть беженцев, а также казаки, имевшие своих коней (они составили отдельный отряд в 300 человек), но большая часть группы осталась на судах. Основная часть флотилии Старка покинула рейд Владивостока в ночь на 25 октября, в Посъет они пришли 26-го. В этот же день из Владивостока ушли последние японские корабли, и в город вступили красные. Флотилия Старка простояли

в бухте Посьет до 28 октября, производя перегрузку, после чего вышла в море и 31 октября прибыла в Гензан.

Дитерихс в это время деятельно занимался организацией пешего марша к китайской границе. 23 октября 1922 г. он издал в Посьете приказ Земской рати за № 1:

«С 24-го сего октября устанавливаю следующую организацию Земской Рати для следования в пределах Китая:

1) Пехота – генерал-майор Молчанов. Два полка: генерал-майор Сахаров и полковник Ефимов; Дружина железнодорожная – полковник Ростовцев. Примечание: 1. Части Пограничной стражи, отдельные отряды Сибирской группы, милиции и разных тыловых учреждений и управлений расформируются и включаются, распоряжением генерала Молчанова, в состав полков. 2. Не пожелавшие войти в ряды Рати – разоружаются и включаются в состав колонны беженцев. 3. При пехоте в конном порядке остаются лишь команды конных ординарцев при начальствующих лицах.

2) Казаки – генерал-майор Бородин. Организация по дружинам и по казачьим войскам. Примечание: Конными остаются лишь команды ординарцев при начальствующих лицах. Все прочие лошади поступают для запряжки обывательских подвод под семьи.

3) Артиллерия – полковник Бек-Мамедов. Артиллерийский полк, в состав коего входит артиллерия всей Земской Рати. Примечание: Вся прислуга пешком. Лошади поступают на запряжку обывательских подвод под семьи.

4) Конная дружина генерал-майора Хрущева, пока составляющая арьергард Земской Рати.

5) Санитарный транспорт – из всех санитарных чинов и средств при пехоте.

6) Генералу Молчанову использовать 23, 24 и 25 октября для сбора всех людей, собравшихся в районе Посьет – Ново-Киевск, для разбивки их по частям и включения в ряды.

7) Требую, чтобы обязательно все воинские чины, составляющие Земскую Рать, имели погоны и вообще вид воинских чинов и частей, а не товарищей, составляющих беженский табор.

8) Комендантом Рати назначаю генерал-майора Семенова. Помощнику моему генерал-лейтенанту Вержбицкому подчиняю всю комендатуру. В его распоряжение кроме того поступают: генерал-майор Пучков, милиция Спасская и Никольск-Уссурийская. Обязанности: а) В Ново-Киевске – подготовка обоза для семей

и отдельно для беженцев. б) Наблюдение за выполнением общих комендантских обязанностей гарнизонных пунктов. в) Наблюдение за порядком следования колонн семей и беженцев. г) Наблюдение за выбором бивачных мест для Земской Рати при ее движении по Китаю. д) Распоряжения по установлению внутреннего порядка и охраны бивачных или квартирно-бивачных мест. Примечание: Генералу Молчанову передать генералу Вержбицкому 10 лошадей из числа полученных от Янковского и 10 седел от спешиваемой конницы пехоты; остальных 10 лошадей, полученных от Янковского, передать в штаб Рати.

9) К утру 25 октября в распоряжение генерала Вержбицкого, через генерала Семенова, должны прибыть 100 арб, нанятых мною из Хунчуна. Кроме сего, группам, частям и всем отдельно прибывшим командам и партиям выслать к вечеру 24, в распоряжение генерала Вержбицкого к северо-западному выходу из Ново-Киевска все казенные и обывательские подводы, хотя бы и с нагрузкой, и всех лошадей спешиваемых конных людей и казаков. Все обывательские повозки мною покупаются и составляют собственность Рати. Обывательские лошади с проводниками отпустить, а повозки запретить нашими лошадьми спешиваемой конницы и казаков.

10) Коменданту иметь наблюдение за тем, чтобы никому не разрешать иметь лошадей, кроме тех, кому будет разрешено мною. Всех незаконно следующих верхом спешивать и лошадей отбирать под обоз.

11) Рать будет двигаться тремя колоннами: а) Колонна семей, б) Войсковая колонна и в) Колонна беженцев. На ночлегах 1-я и 2-я колонны располагаются вместе, а третья – отдельно.

12) Порядок и время движения укажу дополнительно»²³.

Одновременно со сбором подвод и лошадей велись переговоры с властями китайского пограничного города Хунчуна. Согласно воспоминаниям генерала Петрова, обоз с семьями (700 женщин, 500 детей, 400 больных и инвалидов) был отправлен вперед за несколько дней до выступления основных сил Земской Рати. Но «переход из Ново-Киевска в Хучун был прямо трагическим. Дождливая погода превратила дороги, перерезанные канавами, местами рисовыми полями, в сплошное море грязи и короткий путь в два перехода они шли более трех суток, ночуя в дождь в поле, так как населенных пунктов в этом районе было очень мало. Было много несчастных случаев с детьми; много простуженных и заболевших»²⁴.

31 октября, по достижении договоренности с китайцами, тронулась в путь и войсковая колонна. 1 ноября она ночевала вокруг здания таможи, в которой разместился штаб Земской Рати. На следующий день войска пересекли границу и сдали оружие. Филимонов описал эту процедуру следующим образом: «Рано утром 2 ноября в холодную и сухую погоду (дожди прекратились и за ночь все лужи покрылись ледяным покровом) русские белые части подошли к границе. Первым перешел штаб Земской Рати и положил оружие у китайских казарм, что в четырех верстах от границы. За штабом Земрати шла артиллерия. Свои шашки и винтовки офицеры и солдаты сдавали китайцам там же, у казарм, орудия же русские батареи, теперь под конвоем китайских солдат, доставили в самый город Хунчун. За артиллерией следовали, стрелковые, казачьи и кавалерийские полки. Разоруженные части проходили в Хунчунскую долину и располагались в назначенных им китайских и корейских поселках, прилегающих к Хунчуну»²⁵.

Согласно ведомости оружия, сданного Земской Ратью в Хунчуне, основная масса войск, включая штаб Рати, сдала его 2 ноября 1922 г., однако конная группа Сибирской казачьей рати в этот день имела последнюю стычку с красными. Она перешла границу уже ночью и сдала оружие 3 ноября. С другой стороны, семейные группы (то есть, охрана их обоза) подверглись разоружению 28 октября, а обоз под руководством генерала М.Ф. Ястребцова – 1 ноября. Всего китайцам было передано 6410 винтовок, 13 карабинов, 12 револьверов, 64 пулемета, 987 шашки, 2628 гранат и 550400 патрон, а также 12 орудий и 1400 снарядов. При этом 61 наградную офицерскую шашку надлежало впоследствии возвратить их владельцам²⁶.

На следующий день по разоружении генерал Дитерихс издал в Хунчуне приказ Земской Рати за № 5 следующего содержания:

«Со сдачей оружия Земская Рать, по международным понятиям, перестает быть военной организацией и становится группой беженцев, имеющих приют на территории иностранного государства.

Для сохранения внутренней организации, в целях удобства разрешения продовольственных и иных житейских вопросов, приказываю:

1) Группе Поволжских беженцев генерала Молчанова состоять из четырех полков: Железнодорожного, Прикамского, Волжского и Московского.

2) Группе Сибирских казачьих беженцев генерала Бородина – из двух полков: Оренбурго-Уральского и Сибиро-Забайкальского.

3) Хозяйство установить по полкам – обще-полковое для всех дружин, входящих в состав полков; фамилии назначенных начальников хозяйственных частей сообщить штабу Рати.

4) Артиллерийский полк расформировать и людей передать в соответствующие полки.

5) Семьи наличных групп и полков разобрать по полкам, причем семьи комендатуры Спасска, Егерско-Уральского полка и Уссурийской казачьей дружины остаются, как и ныне, при семьях Сибирской казачьей дружины.

6) Под ведением генерала Зоценко оставить только семьи Сибирской стрелковой группы, главы коих интернированы в Пограничной.

7) Комендатуру в городе Хунчуне временно сохранить, но сократить ее состав до 50 человек и 10 лошадей ввиду оставления за комендатурой лишь обще-полицейской службы»²⁷.

Согласно Филимонову, чины Земской Рати неохотно сдали оружие и с большим неодобрением восприняли свое переименование в «беженцев», а частей – в «беженские группы». Он полагает, что «сделано это было <...> под давлением китайцев»²⁸. Но возможно, что к этому времени Дитерихсу стало известно о тяжелейшем положении, в которое попала на ст. Пограничная группа генерала Смолина. Через несколько дней после перехода границы солдаты группы были внезапно отделены от офицеров, насильно посажены в эшелоны и отправлены в сторону ст. Маньчжурия. Поняв, что их собираются выдать красным, большинство солдат сумело бежать по дороге, и они рассеялись по полосе отчуждения КВЖД. Офицеры были отправлены в лагерь в районе г. Цицикар²⁹. Дитерихсу надо было проявлять особую осторожность, чтобы не дать повода для подобной же расправы в Хунчуне, тем более, что он в это время послал своего начальника штаба генерала П.П. Петрова в Мукден к правителю Маньчжурии генералу Чжан-Цзо-Лину для переговоров о дальнейшей судьбе бывших чинов Земской Рати.

Несмотря на то, что местные китайцы отнеслись к белым воинам довольно тепло, последние, не имея никаких запасов продовольствия, по свидетельству Леонтьева, «сразу сели на полуголодное существование, получая от китайцев пампушки (вареное на пару тесто), лепешки и отвратительную чумизу (род проса). В частях,

где были лошади, начали питаться кониной». К этому добавлялось гнетущее настроение от сознания своего поражения. Так, в первые дни Хунчунского сидения застрелился от тоски молодой поручик Сергей Щербатский³⁰. Поэтому, чтобы поднять боевой дух бойцов, Дитерихс 16 ноября утвердил особый знак для беженцев, не признавших Советской власти³¹.

Согласно генералу Петрову, на середину ноября 1922 г. в Хунчунской группе насчитывалось 7535 воинских чинов, 653 женщины и 461 ребенок. Согласно же документам, месяц спустя (21 декабря) в рядах Земской Рати числилось 7237 человек (6129 воинских чинов, 644 женщины и 464 ребенка), а также 2071 лошадь³². Это вполне согласуется со свидетельством Леонтьева о том, что уже в ноябре «более нетерпеливая публика начала <...> самостоятельно двигаться на Харбин»³³.

Генералу Петрову удалось достичь договоренности с Чжан-Цзо-Лином о размещении их в лагерях вокруг г. Гирина, и в середине декабря 1922 г. белые части поэшелонно (группами по 300–500 человек) начали походным порядком движение из Хунчуна в Гирин. Необходимо было пройти около 500 верст по малонаселенной гористой местности в суровых зимних условиях. Весь путь был разделен на 13 переходов с тремя дневками³⁴. Леонтьев оставил яркое описание этого похода: «В первых числах декабря пошёл и наш эшелон. За три дня прошли сто верст и остановились в китайском городке Ян-ди-ган. Помещение продувается, щели – свободно проходит ладонь. Страшный холод. В этих краях мороз доходит до 35 градусов (по Реомюру). Здесь простояли 11 дней и 19 декабря в день Св. Николая Чудотворца пошли дальше <...> Лошади в крайне скверном состоянии. Питание сильно ухудшилось. <...> 26-го перевалили горный хребет <...> Поднимались и спускались от рассвета до темноты. С трудом можно было разъехаться со встречными обозами. <...> 31-го декабря пришли в Гирин. Последние дни пути ничего кроме картошки не имели, да и то в очень ограниченном количестве»³⁵.

Последний эшелон вышел из Хунчуна 13 января 1923 г., и к началу февраля все части бывшей Земской Рати прибыли в Гирин. К этому времени ее численность значительно уменьшилась, и на 10 февраля в ее рядах оставалось всего 4384 человека (598 офицеров, 126 чиновников, 3191 солдат, 305 женщин и 164 ребенка)³⁶.

В районе Гирина беженцы расположились в четырех лагерях: Южном, Восточном, Северном и Западном. По свидетельству генерала Молчанова солдаты были расквартированы в особом лагере, отдельно от офицеров, и находились под охраной китайской роты. Командованию Земской Рати удалось лишь добиться разрешения, чтобы для поддержания порядка при каждой группе находился один русский офицер³⁷. Самым крупным лагерем был Восточный, (он же Тун-да-ин или Дундаин). Он располагался напротив города, за р. Сунгари и являлся «солдатским»; русским комендантом его был генерал М.Ф. Ястребцов. Командный состав Земской Рати находился в Южном лагере, из генералов в нем жили Дитерихс, Вержбицкий, Пучков, Молчанов и Хрущов. Согласно документу, на 30 апреля 1923 г. в Гириных лагерях находилось:

В Южном лагере – 329 офицеров, 125 солдат, 162 женщины и 106 детей. Из них Поволжской группы – 175 офицеров, 64 солдата, 11 женщин и 73 ребенка; Сибирской казачьей группы – 140 офицеров, 55 солдат, 41 женщина и 27 детей; штаба Земской Рати и Управления интенданта – 14 офицеров, 6 солдат, 10 женщин и 6 детей.

В Восточном лагере – 233 офицера, 1038 солдат, 95 женщин и 55 детей. Из них Поволжской группы – 218 офицеров, 965 солдат, 89 женщин и 49 детей; Сибирской казачьей группы – 7 офицеров, 37 солдат, 3 женщины и один ребенок; штаба Земской Рати и Управления главного муллы – 8 офицеров, 36 солдат, 3 женщины и 5 детей.

В Северном лагере – 143 офицера, 55 солдат и три женщины. Из них Поволжской группы – 120 офицеров, 21 солдат, одна женщина; штаба Земской Рати – 23 офицера, 34 солдата и две женщины.

В Западном лагере было из состава Поволжской группы – 16 офицеров, 335 солдат, 8 женщин и 8 детей.

Всего же в лагерях на тот момент было 2721 человек (731 офицер, 1553 солдата, 264 женщины и 169 детей)³⁸.

Покинуло лагерь с начала февраля 1663 человека.

Генерал Петров вспоминал, что зимой и весной 1923 г. в большевистской прессе было много «криков о разных замыслах белогвардейцев в Гирине; сочинялись и приписывались разные планы, один нелепее другого». На самом же деле никаких авантюристических планов и намерений белое командование не вынашивало, ясно понимая «что мы проиграли стадию открытой борьбы». Соответственно, категорически воспрещалось удерживать кого-либо насильно в составе беженских групп³⁹. Но, по свидетельству Пучкова, «китай-

ская администрация была озабочена скорейшим прекращением существования большой и сплоченной массы русских людей»; в частности, она потребовала допустить в лагерь советских агитаторов, которые уговаривали всех вернуться в Советскую Россию. Нередко эти уговоры кончались для агитаторов мордобоем⁴⁰.

В лагерях действовала церковь, и 8 апреля 1923 г. бывшие чины Рати совместно отпраздновали Пасху. Командование всеми силами старалось подыскать работу для больших групп, однако найти такую оказалось практически невозможно. Не оправдались и надежды устроиться на военную службу в армию Чжан-Цзо-Лина. С начала мая усилился напор со стороны китайских властей, потребовавших немедленного отъезда русских старших начальников. 9 мая вынужден был уехать генерал Дитерихс⁴¹, до конца месяца вслед за ним покинули Гириин Вержбицкий и Молчанов. Кстати, незадолго до этого, 28 апреля отбыл из лагеря и поручик Леонтьев, он присоединился к первой партии, направлявшейся на юг, в Шанхай⁴².

С этого момент дальнейшее распыление бывшей Земской Рати пошло по нарастающей, и к концу 1923 г. русские лагеря вокруг Гирина закончили свое существование.

---

¹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. Современное переиздание этой книги: Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М.: Айрис-Пресс, 2011.

² [Пучков Ф.А.] Отход из Приморья (Составлено по черновикам и заметкам генерала Пучкова) // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 196. Август 1953. С. 32–36.

³ Молчанов В.М. Последний Белый Генерал. М.: Айрис-Пресс, 2009.

⁴ Голеевский Н.Н. Последние одиннадцать выстрелов // Военная Быль. № 65. Париж. Январь 1964 г. С. 19–20; Его же. Последняя ночь на родной стороне // Военная Быль. № 67. Париж. Март 1964 г. С. 38–39.

⁵ Леонтьев Е.А. Белая борьба в Приморье 1921–22 // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 249. Сентябрь 1984. С. 3–8; Его же. К 62-летию оставления Дальнего Востока белыми частями и переход от г. Хун-Чун до г. Гириин // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 250. Ноябрь 1984. С. 19–21.

⁶ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Роквилл, 1971.

⁷ Подробное боевое расписание Земской Рати на 1 сентября 1922 г. см.: Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Роквилл, 1971. С. 122–127.

⁸ Старк Ю.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1921–1922 годов // Флот в Белой борьбе / Сост. С.В. Волков. М, 2002. С. 471–475.

⁹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых... С. 228–229.

¹⁰ Там же. С. 229.

- ¹¹ Купцов И.В., Буйков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011. С. 203–204.
- ¹² Петров П.П. Указ. соч. С. 229.
- ¹³ Там же. С. 230.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.; Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 334–335.
- ¹⁵ Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 335.
- ¹⁶ Голеевский Н.Н. Указ. соч. С. 19–20.
- ¹⁷ Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 339–344.
- ¹⁸ Этот бой подробно описан поручиком Голеевским (Голеевский Н.Н. Указ. соч. С. 19–20.)
- ¹⁹ Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 349–354.
- ²⁰ Петров П.П. Указ. соч. С. 230.
- ²¹ Там же. С. 232.
- ²² Кузнецов Н.А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 125–128.
- ²³ РГВА. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–5.
- ²⁴ Петров П.П. Указ. соч. С. 230.
- ²⁵ Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 357.
- ²⁶ РГВА. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.
- ²⁷ Там же. Л. 8.
- ²⁸ Филимонов Б.Б. Указ. соч. С. 357.
- ²⁹ Петров П.П. Указ. соч. С. 231–232.
- ³⁰ Леонтьев Е.А. К 62-летию оставления Дальнего Востока ... С. 19–20.
- ³¹ Буйков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток, 2005. С. 92.
- ³² Петров П.П. Указ. соч. С. 233; РГВА. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 7. Л. 36. Следует отметить, что копия последнего документа находилась в личном архиве Ф.А. Пучкова: он приводит в точности те же цифры наличного состава на момент начала движения в Гирич ([Пучков Ф.А.] Отход из Приморья (Составлено по черновикам и заметкам генерала Пучкова) // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 196. Август 1953. С. 36.).
- ³³ Леонтьев Е.А. К 62-летию оставления Дальнего Востока ... С. 20.
- ³⁴ Петров П.П. Указ. соч. С. 232–233; [Пучков Ф.А.] Отход из Приморья (Составлено по черновикам и заметкам генерала Пучкова) // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 196. Август 1953. С. 36.
- ³⁵ Леонтьев Е.А. К 62-летию оставления Дальнего Востока ... С. 20.
- ³⁶ РГВА. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 7. Л. 41. Таким образом, с декабря 1922 по февраль 1923 г. ее ряды покинули 2853 человека, в том числе 339 женщин (половина от общего количества) и 300 детей (три четверти от общего количества).
- ³⁷ Молчанов В.М. Указ. соч. С. 184.
- ³⁸ РГВА. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.
- ³⁹ Петров П.П. Указ. соч. С. 234. О ясном понимании невозможности продолжения борьбы говорит в своих мемуарах также и генерал Молчанов.
- ⁴⁰ Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 36; Молчанов В.М. Указ. соч. С. 184.
- ⁴¹ Пучков Ф.А. Указ. соч. С. 36.
- ⁴² Леонтьев Е.А. К 62-летию оставления Дальнего Востока ... С. 21.

Ф.А. Петров, Л.И. Смирнова (Москва)

**МОСКВА В 1812 ГОДУ. ВОСПОМИНАНИЯ,
ПИСЬМА И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

НАША СТАТЬЯ посвящена концепции, положенной в основу сборника с аналогичным названием, подготовленным одним московским издательством. Ответственный редактор сборника – к. и. н. А.Д. Яновский, заместитель директора Государственного исторического музея по научной работе, лауреат Государственной премии Российской Федерации; составители – научные сотрудники отдела письменных источников д. и. н. Ф.А. Петров – руководитель проекта, к. и. н. А.К. Афанасьев, Н.Б. Быстрова, Л.И. Смирнова и М.В. Фалалеева.

В сборнике публикуются неизвестные ранее источники из фондов Государственного исторического музея – крупнейшего в России собрания реликвий Отечественной войны 1812 г.

Основы этого собрания были заложены еще в начале XX в., при подготовке к торжественному празднованию столетнего юбилея победы России над «двунадесятью языцев». Именно тогда родилась идея о создании специального Музея 1812 года. Ее инициатором выступил полковник Главного штаба В.А. Афанасьев, который выпустил в 1907 г. брошюру под названием «Где быть Музею 1812 года?». При московском генерал-губернаторе был создан «Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года» под председательством генерала В.Г. Глазова. Туда вошли известные ученые-историки, директор Исторического музея кн. Н.С. Щербатов, основатель Театрального музея А.А. Бахрушин, создатель Музея русских древностей П.И. Щукин и другие коллекционеры и меценаты.

«Особый комитет» обратился с подписными листами ко всему русскому обществу с призывом собирать реликвии, связанные с событиями Отечественной войны 1812 г. На этот призыв откликнулись десятки тысяч граждан России, без различий национальности, вероисповедания, сословий – от генералов до простых крестьян. В рекордно короткие сроки удалось собрать огромную коллекцию картин, портретов, гравюр, рисунков, лубков и скульптур; огнестрельного и холодного оружия; мундиров, орденов и медалей, монет и ассигнаций; печатных изданий, военных карт и рукописей. Временно все собранное было размещено в Арсенале Московского Кремля.

Специальное здание Музея 1812 года было решено построить рядом с храмом Христа Спасителя – главным памятником в честь победы России над наполеоновской армией. Напротив храма, между улицами Пречистенкой и Остоженкой, (там сейчас стоит памятник Ф. Энгельсу) предполагалось построить «Панораму Бородинского сражения»¹. Выдвигались различные проекты сооружения Музея 1812 года, авторами которых были выдающиеся русские зодчие, однако ни один из этих проектов не был осуществлен – из-за разногласий, возникших в среде архитектурно-художественной общественности, и нехватки средств у Московской городской думы.

Юбилейная выставка реликвий, собранных для Музея 1812 года, открылась в августе 1912 г. в стенах Российского Исторического музея в присутствии императора Николая II и его семьи. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война и последующие революции надолго похоронили саму идею создания Музея 1812 года.

В первые годы Советской власти собранные Музеем 1812 года коллекции были переданы в Государственный исторический музей, который и стал правопреемником задуманного, но не осуществленного проекта, сохранив и значительно приумножив собранные в начале XX в. коллекции. В одном из его залов была развернута постоянная экспозиция, отражавшая все этапы и события Отечественной войны.

Лишь в начале XXI в. возродилась идея возведения специального здания Музея 1812 года – уже на территории самого Исторического музея. Эта идея получила поддержку на высшем государственном уровне, и строительство музея было включено в Федеральную программу всенародного празднования великого юбилея. Музей

открылся к 200-летию Бородинской битвы – 5 сентября 2012 г. – кстати, в здании бывшей городской думы, ныне принадлежащем нашему музею².

Авторы-составители этой книги в 1991 и 1992 гг. опубликовали два обширных сборника – «1812 год. Воспоминания воинов русской армии» и «1812. Секретная переписка генерала П.И. Баграциона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии» (общим объемом 100 п.л.). Оба тома получили положительные отклики в печати и давно уже стали библиографической редкостью. Сборник, о котором сегодня идет речь, представляет собой заключительный том своеобразной «трилогии».

В нем публикуется 20 документов, выявленных в процессе многолетних архивных поисков. Эти источники разнообразны по типам и жанрам. Здесь и официальные документы отдельных учреждений – в том числе Московского департамента Сената, Артиллерийского департамента Военного министерства, Ведомства Императрицы Марии, канцелярии главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина и московского обер-полицмейстера П.А. Ивашкина.

В сборник вошли также воспоминания и письма очевидцев событий, происходивших в Москве накануне вступления и во время пребывания французов в древней русской столице. Авторы их были людьми разного сословного происхождения и разного возраста. Прежде всего, естественно, это были дворяне. Старше всех был директор Московского Воспитательного дома генерал-майор И.А. Тутолмин, которому в 1812 г. исполнилось ровно 60 лет. 36 лет было полковнику С.Н. Марину.

Относительно молодым, но уже весьма опытным чиновником «для особых поручений», состоявшим при графе Ф.В. Ростопчине, был 31-летний А.Я. Булгаков – будущий московский почт-директор. Его сверстником был чиновник Вотчинного департамента Московского Сената А.Д. Бестужев-Рюмин – представитель древнего дворянского рода, оставшийся в оккупированной Москве с целью сохранения департаментского архива.

Очевидцами событий 1812 г. были два священника – Иоанн Машков и Иоанн Миловский. Машков с 1805 г. был протоиереем Московского Казанского собора и в 1812 г. находился в Москве. Именно он спас одну из главных православных святынь –

чудотворную икону Казанской Божией Матери. Воспоминания Машкова «Новый Навуходоносор, или разоритель и сожигатель Москвы Наполеон Бонапарте» написаны в характерной для той эпохи литературной форме оды, тяжеловесными виршами. Но данное им описание вторжения врага в древнюю русскую столицу, трагического положения тех москвичей, которые не успели или не имели средств ее покинуть и остались на милость завоевателя без крова, пищи и одежды, не может не привлечь внимания. Мы видим картины ужасов пожара, грабежей, истязаний и убийств мирных жителей, осквернений храмов Божиих – всего того, что довелось наблюдать самому Машкову или слышать от очевидцев. Будущему нижегородскому священнику Миловскому было 10 лет, но и в его памяти запечатлелись события 1812 г. Его одой «Песнь императору Александру I Благословенному на победу его над императором французов Наполеоном I в 1812 году» открывается сборник.

Московский архитектор А.А. Гамбурцев оставил нам живой и увлекательный рассказ о днях своей юности. Вместе с родителями он не успел покинуть город и стал свидетелем многих драматических событий. Алексей Гамбурцев дал описание повседневной жизни и быта москвичей при французах, поведения временных «хозяев города» – наполеоновских генералов, офицеров и солдат, их отношения к немногочисленным оставшимся горожанам.

Письма купца Д.К. Боткина, брата известного чаеоторговца, и мелкого чиновника Г.В. Сокольского повествуют о разорении купеческих лавок, гибели москвичей, зверствах, творимых французами в Измайлове – в то время подмосковной царской резиденции. Как отмечал еще А.Г. Тартаковский, «купеческие воспоминания о 1812 годе крайне редки»³

К еще более редкому типу мемуарных источников условно могут быть отнесены записанные писарями и приказчиками показания крепостных крестьян графа Д.Н. Шереметева о хищениях и разорениях подмосковного имения Кусково во время нашествия неприятеля. В отличие от господ, им было ехать некуда. Брошенные на произвол судьбы, они скрывались в близлежащих лесах и порой вынуждены были возвращаться в усадьбу еще во время пребывания там французов, которые заставляли их выполнять самую тяжелую работу, сопровождая побоями и угрозой смерти.

Публикуемые воспоминания постоянно «перекликаются» между собой и дополняют друг друга, с разных точек зрения оценивая

одни и те же события и реальных действующих лиц этой великой драмы.

В качестве примера разных точек зрения на одни и те же события и действующих лиц можно привести мемуары Алексея Бестужева-Рюмина и Александра Булгакова, будущего московского почт-директора, который был близким другом и доверенным лицом грозного градоначальника графа Ростопчина – неоднозначной фигуры, вокруг которой велись и ведутся нескончаемые споры современников и потомков. Бестужев-Рюмин, напротив, претерпел лишения (материальные и по службе) от властей как член французского московского муниципалитета, созданного в сентябре 1812 г. (он стал помощником первого в истории Москвы мэра при французском генерале Лессепсе). Безусловно, Александр Булгаков едва ли был объективным в характеристике Ростопчина, но и уволенный с должности как коллаборационист Алексей Бестужев-Рюмин руководствовался, прежде всего, чувством личной обиды. Он покинул Москву 11 октября, т.е. в день оставления ее французами, что создало впечатление у следственной комиссии о его причастности к творимым неприятелем злодеяниям. Не случайно в первом же рапорте Ростопчину от московского обер-полицмейстера, датированном 13 октября, он был назван в числе изменников. В целом же воспоминания Бестужева-Рюмина документально точны и содержат ценную информацию о настроениях москвичей накануне вторжения и положении в различных районах города при оккупантах.

Записки Булгакова, написанные в легкой, «французской» манере (его мать была француженкой) рисуют образы представителей из ближайшего окружения графа Ростопчина, куда входили как Н.М. Карамзин, так и давно уже забытые персонажи. Кстати, первоначальная атрибуция мемуаров приписывала их самому Ростопчину, и лишь в процессе работы над сборником было установлено подлинное авторство.

Публикуемые в сборнике документы вносят дополнительные сведения о том, как покидали Москву русские войска и вслед за ними входили французы. Позволим себе две цитаты:

«Мы вышли из Кремля чрез Боровицкие ворота и спустились к Каменному мосту <...> Путь нам прегражден был поспешно идущим и едущим чрез мост нашим войском – пехотным, конным, артиллериею, лазаретами, обозами и небольшим стадом коров и баранов, которых гнали между войсками. Смешавшись с ними, шли

наши крестьяне... Лица всего этого войска, смешавшегося на поспешном ходу и шедшего без всякого порядка, до того были черны, загорели от солнца, пороха, пыли и усталости, что в них нельзя было узнать сразу русских...».

Полный контраст вышесказанному представляет описание торжественного вступления французской армии в Москву: «В 4 часа пополудни пушечные выстрелы холостыми зарядами по Арбатской и другим улицам возвестили вход неприятеля в московские заставы. Я считал выстрелы: их было 18 <...>. Вскоре за передовыми польскими уланами стала входить и неприятельская конница. Впереди ехал генерал, и музыка гремела. Когда сие войско входило в Кремль, то на стенных часах, которые в департаменте, показывало 4 1/2 часа. Это войско входило в Троицкие и Боровицкие ворота, проходило мимо Сенатского здания и входило в Китай-город через Спасские ворота. Шествие этой конницы было до глубоких сумерек беспрепятственно...».

Вместе с русской армией покинул Москву и Ростопчин. Об этом рассказывает полковник Сергей Марин в своих «Письмах» к анонимному читателю – распространенный литературный жанр того времени. Этот документ, хранящийся в фондах ОПИ ГИМ, с неправильной расшифровкой фамилии был опубликован лишь в 1903 г., в «Бумагах Щукина, относящихся до Отечественной войны 1812 года». При сопоставлении текста публикации с подлинником были выявлены пропуски целых абзацев, содержащих важные сведения о действиях партизан под Москвой в сентябре 1812 г. А деревня Фили, где 1 сентября проходил знаменитый Совет, была прочтена как «Ярило».

Сергей Марин был одним из образованнейших русских офицеров того времени и получил известность как поэт и переводчик. Начав службу в лейб-гвардии Преображенском полку, он отличился при Аустерлице в 1805 г., а после заключения Тильзитского мира был направлен с депешами к Наполеону. Во время Бородинской битвы полковник Марин исполнял должность дежурного генерала при П.И. Багратионе. В литературе указывается, что осенью 1812 г., тяжело заболев, Марин отправился для лечения в Петербург. Между тем, как явствует из публикуемой рукописи, он проделал вместе с русской армией весь тарутинский марш-маневр. Рукопись датирована 2-м октября, когда русские, по словам Марина, уже прониклись уверенностью «в погибели врагов и торжестве правды».

Любопытно упоминание в письмах Марина о распространившихся в русских войсках слухах, «что для Армии выписывают 100 000 полшубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 тыс. лыж, ибо в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками». Эта информация свидетельствует, что русское командование тогда (за 4 дня до сражения при Тарутине) еще могло допускать возможность продления войны на территории России до конца зимы.

Ужасы войны не могли заслонить собой простые человеческие чувства, особенно в отношении детей. Этой теме посвящена почти четверть книги. Одним из наиболее драматических сюжетов является рассказ о Московском Воспитательном доме в 1812 г., который сохранился в памяти очевидцев и потомков как своеобразный остров милосердия в объятый пламенем Первопрестольной. О том, как удалось спасти жизнь 586 малолетним питомцам Дома, оставшимся в Москве – см. настоящее издание, статью М.В. Фалалеевой.

Важной задачей во время войны стало спасение раненых в кровопролитных сражениях – как русских, так и французов. Бестужев-Рюмин вспоминает, как 28 августа «привезли в Москву раненных при селе Бородине и поместили их в разных казенных и партикулярных домах». Гамбурцев рассказывает, что всем им «москвичи раздавали пищу, питье, белье, корпию, кто что мог, а некоторые проходящие через Кремль обыватели, даже давали деньги...».

Большинство тяжелораненых русской армии, которых не удалось эвакуировать – около 3 тыс. человек – разместили в госпитале, устроенном во «Вдовьем Кудринском доме», располагавшемся рядом с нынешним высотным зданием на площади Восстания. Как сообщил смотритель Вдовьего дома (получивший тяжелые ожоги, но оставшийся в живых), госпиталь был прямой наводкой обстрелян французской артиллерией. Начался пожар. Раненые, как могли, выбирались наружу. Но семьсот человек сгорели заживо.

В то же время, оставляя Москву, французское командование бросило в Воспитательном доме полторы тысячи своих солдат и офицеров без пищи и лекарств, и они оказались на содержании русских. Смотритель Павловской больницы для бедных (ныне 4-я градская), находившейся напротив Данилова монастыря, который с трудом сохранил ее от грабежей и бесчинств поляков, вспоминал, что помещенных в больницу раненых французских офицеров

кормили мясом и хлебом (по фунту в день), картофелем, репой, морковью, капустой и даже выдавали по полбутылки вина в день.

Безусловно, центральной темой Москвы в 1812 г. является знаменитый «пожар московский». Авторы публикуемых документов находились в центре и на различных окраинах города. Кстати, именно в тогдашнем восточном предместье – Семеновском – произошла, как выясняется из источников, одна из первых стычек местных жителей с авангардом французской армии.

Первые поджоги складов в Москве начались еще до входа французов в Москву, и организованы они были по приказу Ростопчина.

Но основные пожары вспыхнули вечером 2 сентября, когда русская армия уже покинула город. Тутолмин упоминает о том, что «с самого первого вечера начались пожары, кои день ото дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы – в низкие места из рук, а в высокие – из пистолетов». Это доказывает, что среди поджигателей были с самого начала и французы, ибо православные русские люди не стали бы бросать в храмы зажигательные снаряды. Его слова подтверждает и священник И.П. Машков.

В ночь со 2-го на 3-е сентября, как вспоминает Гамбурцев, «все нас окружавшее было освещено как днем от зарева повсеместного пожара, а дым, стлавшийся едкостью своею, душил нас и ел нам глаза <...> по обоим берегам Москвы-реки бежали наши русские, с женами и детьми; все это кричало, плакало! Между их скакали и шли неприятели в разные стороны и в разных направлениях: одни стреляли в бегущих от них обывателей, другие грабили на месте». Слышен был «шум и стук от разваливших зданий, от падения целых стен и крыш, и от полета в воздухе огромных головней и балок, крик вдали народа, обывателей и неприятелей, ржание коней, стрельба из ружей и пистолетов...». Семья Гамбурцевых, как и сотни обездоленных москвичей, спаслась от пожара на Орловском лугу (на месте нынешнего ЦПКиО).

Миловский писал в своей оде:

«Москва пылала вся в огнях неугасимых,
И к небу восходил как туча черный дым,
Там ночь была как день в зарях незаходимых,
А дневный свет во мгле куренья был незрим».

Тутолмин рапортовал императрице Марии Федоровне: «4 сентября был самый жесточайший пожар <...>. Весь город был объят

пламенем <...>. Горели храмы Божии, превращались в пепел великолепные дворцы и здания; отцы и матери кидались в пламя, чтобы спасти погибающих детей, и делались жертвою их нежности. Жалостные вопли заглушались только шумом ужаснейшего ветра и обрушением стен <...>. Даже мосты и суда на воде против Дома были в огне!».

Не меньшие беды ожидали москвичей при отступлении наполеоновской армии. Маршалу Мортье с отрядами французской «Молодой гвардии» Наполеоном было приказано уничтожить Кремль. Тутолмин рапортовал императрице, как в Воспитательном доме в ночь с 10-го на 11-е октября посыпались стекла от взрывов, а в 11 часов загорелся Кремлевский дворец.

Но самое впечатляющее описание взрывов и пожара Кремля дано Гамбурцевым: «Соборы, терема и Иван Великий, освещенные его пламенем, являли собою дивную картину, окаймленную древнею Кремлевскою стеною с башнями. Картина еще увеличивалась силуэтами Василия Блаженного, Воспитательным домом и огненною полосою Москвы-реки, между которыми мелькали оставшиеся строения, и все это венчалось космами пламени и тучами дыма, испещренного искрами и огненными головнями, летавшими туда и сюда». Даже находясь на Орловском лугу, в нескольких километрах от Кремля, Гамбурцев и бывшие рядом с ним почувствовали дрожь земли под ногами: «Яркий свет озарил нас на мгновение, за которым раздался такой страшный и оглушительный удар, как будто над головою нашею ударил оглушительный гром, с таким треском и гулом, что мы едва удержали дух и едва устояли на ногах. И громада пристройки к Ивану Великому в глазах наших как перышко взлетала на воздух и падала на землю, как брошенный мячик <...>. Вслед за этим взлетел на воздух Арсенал, потом башни с частями стен, балки из Арсенала летали по воздуху, как пылинки <...> и не было между нами человека, который не читал бы себе отходную <...>. Один другого прощал и просил прощения – все думали, что вся Москва взлетит на воздух!».

О гибели Московского Арсенала рассказывает А.К. Афанасьев, проделавший огромную работу по расшифровке местами выцветших 777 листов тяжелого «канцелярита».

Публикуемые материалы вносят дополнительные сведения к характеристике солдат «Великой армии», постепенно превращавшихся в деморализованных мародеров. Бестужев-Рюмин вспоминал, как

у него и его 12-летнего сына отняли деньги и одежду в присутствии наполеоновского маршала Ж.Б. Бессьера. Один солдат едва не заколол Бестужева штыком; «у младенца же 7 недель, при матери находившегося, и которого мать от испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока».

Г.В. Сокольский вспоминал, как французские кирасиры убили на его глазах сенатора Ф.И. Дмитриева (брата известного баснописца И.И. Дмитриева), отбирали у людей пищу, одежду и драгоценности.

Большой интерес представляют составленные для московского обер-полицмейстера П.А. Ивашкина списки сгоревших, разрушенных и уцелевших в 1812 г. монастырей, соборов и церквей, казенных строений и обывательских домов (с упоминанием фамилий всех домовладельцев) по всем «частям» (т.е. районам) Москвы. Самый ранний из этих списков был составлен уже 13 октября 1813 г., в соответствии с предписанием Ростопчина (находившегося в это время во Владимире) Ивашкину. Это первое описание последствий пребывания французов в городе, данное в буквальном смысле слова «по горячим следам». Два года спустя Ивашкин подписал второй, подробный список. Благодаря этому мы можем установить количество уничтоженных и сохранившихся церковных, гражданских и частных домов. Всего в списках – около 4 тысяч объектов.

У читателей может создаться впечатление «адресной книги». Но нельзя забывать о том, что это была «грибоедовская» и, в значительной степени, «пушкинская» Москва. Так, с именем А.С. Пушкина связаны упомянутые в списках усадьбы князя Николая Борисовича Юсупова в Большом Харитоньевском переулке, поэта Д.В. Веневитинова в Кривоколенном переулке (где Пушкин читал «Бориса Годунова») и другие.

Свыше трети объема книги занимают материалы о Русской Православной церкви.

Большой интерес представляют рапорты одного из самых любимых москвичами иерархов, викария московского Августина (А.В. Виноградского), охватывающие период с конца сентября до начала ноября 1812 г.

Накануне вторжения наполеоновской армии в Россию, в Новолетие Господне, 1 сентября 1812 г. Августин отслужил молебен в Успенском соборе Кремля, а на утренней заре 2 сентября с иконами Владимирской и Иверской Божией Матери отправился в Муром.

Но немало церковных ценностей осталось в Москве, и не все из них успели спрятать.

Когда Августин вернулся в начале ноября в Москву и осмотрел Успенский собор, то увидел, что он «совершенно неприятелем разграблен». Но «рака святителя Филиппа хоть и повреждена, но находится на своем месте, и даже его облачение осталось неповрежденным, а мощи царевича Димитрия, хранившиеся в Архангельском соборе, были спрятаны священником Вознесенского Девичьего монастыря и таким образом спасены». Вскоре Августин вместе с другими священнослужителями отыскал почти все местные иконы Успенского собора, кроме иконы Иерусалимской Богоматери. Впрочем, восстановление Успенского собора длилось несколько лет.

10 ноября 1812 г. Августин сообщил обер-прокурору Священного Синода кн. А.Н. Голицыну о том, как он с крестным ходом вернул Иверскую икону Божьей Матери в часовню, на ее прежнее место. Викарий также дал краткое описание состояния всех московских монастырей после ухода французских войск. В целом, рапорты Августина представляют большую ценность для оценки степени морального и материального ущерба, нанесенного французами войсками святыням русской православной церкви.

Краткими, но крайне выразительными источниками являются описания событий, происходивших во время наполеоновской оккупации в Донском и Новопасском монастырях, имевших важное оборонительное значение в защите юга Москвы еще со времен набегов татар.

3 сентября в Донской монастырь во время службы ворвалось около 200 вооруженных французов, а к рассвету весь он был наполнен наполеоновскими солдатами и их повозками. В полночь прихожанам удалось бежать через боковую дверь, а в это время французы «вбежали в церковь и рассыпались: иные к лампадам хватать свечи, другие в алтарь, третьи стали раздевать монахов, требуя золота и серебра. Наместника больно били, ризничему голову проломил, всем грозили обнаженными саблями изрубить, если не дадут денег и сокровища». Иконы были расколоты, в ризнице украдены парчовые ризы, из которых выжигали серебро. В настоятельских покоях оставился генерал, в монастыре поставлена гвардейская часть императорской гвардии, а у ворот поставлен караул. «Неприятели жили во всех церквах, а в теплой церкви стояли лошади, а в алтаре – коровы, к престолу привязанные, а на престоле обедали».

Монахов заставили «носить воду, топить печи, копать картофель, носить разные запасы из города под их караулом», и они «в разодранных рубищах, изнуренные голодом, мучимы были беспрестанною работою...». Враги угрожали монахам, что «возьмут в армию и обратят в солдаты, особливо тех, которые посильнее и помоложе» и заставят «воевать против России». Уверяли, что и Петербург уже взят наполеоновской армией. Однако пришедший из Троице-Сергиевой лавры служитель сообщил, что неприятель не дошел и до Мытищ, и тогда они бежали небольшими группами, выпрыгивая из монастырских бойниц. Накануне выхода неприятеля из Москвы в монастырь возвратился наместник. Приняв его за казака, французы его жестоко избили. 7 октября мимо монастыря потянулись отряды отступавших французов, а через пять дней, в сражении под Малоярославцем, наполеоновский генерал, квартировавший в монастыре – Тадеуш Тышкевич – был взят в плен. По иронии судьбы, его конвоировали к Калужской заставе мимо стен монастыря.

Более страшная участь постигла другой знаменитый московский монастырь – Новоспасский. Историк Москвы, проф. И.М. Снегирев, записал воспоминания очевидцев трагических событий, происходивших там.

В беззащитном монастыре оставались старый наместник с десятью монахами, которых жестоко избили и, «поставив среди храма на колени и примкнув к их груди ружья, велели исповедоваться друг другу, как перед смертью; потом, грозя расстрелять, спрашивали, где скрыты монастырские драгоценности; при этом нанесли старцу несколько ран саблями, и, не вынудив у него признания ни угрозами, ни ранами, отпустили едва живого». Вечером 3 сентября «от горючих веществ, брошенных французами, самый монастырь вдруг объят был пламенем <...> поднявшийся ветер усилил ярость огня: искры, угли и горящие головни сыпались градом так, что одни из монастыря бежали искать спасение в Москве-реке, другие укрывались в подвалах и погребях». Ночью загорелась колокольня, с которой упал тысячепудовый колокол Петра Великого, пробивший и обрушивший своды церкви св. Сергия Радонежского. Чудом уцелели три храма – Преображенский, Покровский и Знаменский. «Что пощадил огонь, того не пощадили враги, алкавшие добычи. Ограбив в церквях все, что только можно было захватить, они, в надежде найти сокровища, раскапывали могилы на кладбище

монастырском, разламывали каменные надгробницы в усыпальницах под собором и даже престолы и жертвенники в алтарях».

Рядом с Новоспасским монастырем сохранилась доньяне церковь Сорока Мучеников. 41-м мучеником стал 68-летний священник храма о. Петр (Вельяминов), «убитый неприятелями пред дверьми церкви за то, что не указал им, где скрыты драгоценные ее утвари и ризы с образом». Тело пастыря было обнаружено и отпето в Новоспасском монастыре лишь через три месяца после его гибели.

Такое святотатство по отношению к православным святыням и священнослужителям со стороны наполеоновской армии вполне понятно. Нельзя забывать о том, что французским офицерам и солдатам в 1812 г. в среднем было от 20 до 40 лет: их детство и юность пришлось на годы мощной революционной атеистической пропаганды. Поэтому понятно их равнодушие и к собственным святыням, и тем более варварское осквернение святынь православных. Об этом написал протоиерей Казанского собора о. Иоанн (Машков) в своих поэтических воспоминаниях, которыми заканчивается наш сборник:

«Все были ль крещены, родясь в терроризме?

Нет, многие из них блуждали в атеизме».

Списки сохранившихся, поврежденных и сгоревших московских храмов напоминают нам о «Сорока сороков» московских соборов, монастырей и церквей 1812 г., из которых, увы, до нашего времени дошло меньше десяти «сороков». Сложность работы над источником заключалась в том, что названия многих храмов даны были не по официальным синодальным наименованиям, а по укоренившимся в памяти москвичей названиям пристроенных к ним приделов (ведь и знаменитый Покровский собор на Красной площади более известен как храм Василия Блаженного).

---

¹ Петров Ф.А. Музей 1812 года в Москве // Вопросы истории. 1988. № 2.

² Смирнов А.А. Музей Отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2012.

³ Тартаковский А.Г. 1812 год. Русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 20.

Е.П. Петрова (Владимир)

ЗНАМЕНА СИБИРСКОГО ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В СОБРАНИИ Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится 30 знамен XVIII–XIX вв. одного из старейших полков Русской Императорской армии – Сибирского гренадерского. С 1893 до 1903 гг. и с апреля 1914 г. полк дислоцировался в городе Владимире, его казармы располагались в Солдатской слободе, где была полковая церковь и музей. Осенью 1918 г. полк был расформирован. Из бывшего полкового музея во Владимирский исторический музей были переданы документы, фотографии, книги, жетоны, снаряжение, а также «знамена старинные различных эпох, последнего включительно (на древках) – 32, полотнище знамени Елизаветинской эпохи без древка – 1, лент Александровских юбилейных – 6...»¹.

За двести с лишним лет существования полка у него несколько раз менялось название и обновлялись знаки отличия. Славной истории Сибирского гренадерского полка посвящены исследования русских военных историков, музейных работников, владимирских краеведов². В настоящей работе впервые рассмотрены знамена полка – важнейший элемент его символики. За давностью лет полотнища потеряли первоначальную расцветку, многие пришли в ветхость, на некоторых древках остались истлевшие обрывки, от других знамен – лишь фрагменты. Однако и сегодня эти уникальные реликвии полка могут рассказать о его походах, сражениях и победах.

Один из первых полков создаваемой Петром I регулярной армии, Сибирский гренадерский полк был сформирован в Москве весной 1700 г. в преддверии войны со Швецией. Вначале он был

назван по имени своего командира «пехотным Ирика фон Вердена полком», состоял из 1181 человека в составе одной гренадерской и девяти фузелерных рот³. Созданные полки получили новые знамена определенной формы, рисунка, соответствующей расцветки для различных частей. Полкам полевой пехоты с 1700 по 1712 гг. полагалось по 12 знамен. Знамя первой роты считалось полковым – оно было белого цвета с изображением двуглавого орла, остальные знамена – «цветные»: «с изображениями на каждой стороне двух пальмовых ветвей и между ними золотого, продолговатого кольца, внутри которого представлена рука, с обнаженным мечем, выходящая из облаков; внизу, под переплетением ветвей, крест ордена Св. Андрея Первозванного»⁴. В музейном собрании хранится «цветное» знамя полка полевой пехоты образца 1700 г. (№ В-2688). Полотнище из камки выцвело, порвано с утратами; на нем практически не сохранилось изображений. Знамя является свидетелем военных походов полка, а первое крещение он получил в 1700 г. в битве под Нарвой. Сегодня более сотни знамен описанного образца находятся в собрании трофеев Королевской Оружейной палаты Стокгольма. Известно, что полк, потерявший в бою знамя, подлежал расформированию. Сегодня мы не знаем, какой ценой, но первое знамя петровских времен полком было сохранено.

В музейном собрании представлены три фрагмента знамен, сведений о которых не обнаружено. На камке зеленого цвета живописное изображение, выполненное коричневыми и черными красками. В центре – два соболя, стоящие на задних лапах и поддерживающие передними, одной – пятизубцовую царскую корону, другую – лежащий лук и две крестообразно, остриями вниз, поставленные стрелы. Композицию обрамляют крупные пальмовые ветви, основания которых связаны лентой. Вверху, где ветви смыкаются, – императорская корона. (№ В-2681, В-2687, В-2695) (рис. 1). Это одно из ранних изображений герба Сибири. С давних времен соболя являлись

Рис. 1. Полковая эмблема (фрагмент ротного знамени Сибирского пехотного полка) 1708–1712 гг.

главным богатством сибирского края, а лук и стрелы стали символом военного вхождения Сибири в Российское государство. Фрагменты камки позднее были нашиты на сетки треугольной формы из хлопчатобумажных нитей. Древки черного цвета с железными наконечниками в виде копий. В 1708 г., во время Северной войны, пехотный полк был назван Сибирским и ему был «установлен» зеленый цвет для ротных знамен. Отсюда следует, что в музейном собрании хранятся ротные знамена полка 1708–1712 гг. с первым изображением полковой эмблемы. Несколько упрощенная манера исполнения, условный колорит (по сравнению со знаменем Сибирским 1710 г. из коллекции Оружейной палаты Московского Кремля), можно предположить, что они были изготовлены в полковой мастерской.

После Полтавской битвы в русской армии последовали военные реформы, которые коснулись и знамен. С 1712 г. для всех полков пехоты полагалось иметь: в первой роте – белое полковое знамя единого для всей армии образца, в остальных ротах – цветные. На полковом знамени изображался золотой вензель императора Петра Великого под короной, а по сторонам – золотые и серебряные ветви; на ротных знаменах – гербы провинций, к которым полки «прикреплялись» и были расквартированы. Полотнище было одноцветным или с простыми геометрическими фигурами, крестами, полосами и т.п. Герб провинции (полковая эмблема) помещался в верхнем углу знамени у древка. А.В. Висковатов приводит описания ротных знамен Сибирского пехотного полка 1712–1727 гг.: «желтые, с изображением в верхнем углу, у древка, двух золотых соболей, одними лапами держащих лук и две стрелы, а другими поддерживающих корону»⁵. Знамен этого образца в музейном собрании нет. 16 февраля 1727 г. по инициативе Военной коллегии полки были переименованы. Несколько месяцев Сибирский полк назывался 3-м Московским пехотным (по месту квартирования) и ему, как и всем полкам, были выданы знамена нового образца. Первой роте – белое знамя с двуглавым орлом, Святым Георгием Победоносцем и Андреевским крестом на цепи, остальным – знамена красного цвета с желтыми зубчиками и вензелем императрицы Екатерины I.

При Петре II полки получили свои прежние названия по именам командиров, но осенью 1727 г. «территориальные» названия полков вернули. В июле 1728 г. Верховный тайный совет издал указ,

по которому «в полках знаменам быть с российским государственным гербом и с городовыми, по которым полки званиями стоят, и те гербы малевать, а не вышивать»⁶. Военная коллегия получила распоряжение изготовить полковые знамена с рисунками из знаменного Гербовника. В 1730 г. утвержден герб для знамен Сибирского пехотного полка: «в золотом щите, на белом поле два черные соболя, стоящие на задних лапах и держащие двумя передними лапами золотой лук и золотую Сибирскую корону, а другими двумя – по черное стреле с красными перьями и копьями»⁷. Табелю об оружейных и амуниционных вещах от 28 октября 1731 г. установлены знамена для пехотных батальонов. Белое знамя – из камки с двуглавым орлом в центре. На груди орла вместо Св. Георгия – полковой герб. В углах знамени – красные фламы. В музейном собрании представлено белое знамя образца 1731 г. (№ В-2689). Полотнище с утратами ткани, осыпями краски, фламы не сохранились. А.В. Висковатов указывает, что цветные знамена Сибирского полка 1730-х гг.: «желтые с красными фламами». В музей-

Рис. 2. Знамя Сибирского полка. 1730-е гг.

ном собрании три цветных знамени (рис. 2) (№ В-2686, В-2711, В-2717). Изображение герба, выполненное цветными красками на камке желтого цвета, позднее нашито на шелковую ткань кремового цвета, фламы не сохранились. Древяно черное цвета, навершие железное, плоское, копьевидное.

В апреле 1762 г. указом Петра III Сибирский пехотный полк был переименован в

мушкетерский генерал-поручика князя Долгорукова полк, а с июля – в Сибирский мушкетерский полк.

В годы царствования Екатерины II происходит дальнейшее совершенствование знаменного производства. 10 мая 1763 г. в связи с реорганизацией всех вооруженных сил Сибирскому мушкетерскому полку «устанавливалось... по 4, а в батальон – по 2 знамени, из которых одно белое, а прочие – цветные. Срок выслуги остался прежний, т.е. 5 лет»⁸. На белом знамени (рис. 3) (№ В-2710) в центре изображен государственный двуглавый орел с полковым на груди гербом, окруженным Андреевской цепью. В кольцах цепи, справа налево вписывался девиз: «За веру и верность». Красные наугольники, в которых были золотые вензеля императрицы Екатерины II, не сохранились. Древяное желтого цвета, наверху бронзовое, в форме копья, с изображением двуглавого орла с поднятыми крыльями, короной, со щитом на груди, скипетром и державой. На цветных знаменах изображался полковой герб в щите, утвержденный еще в 1730 году. В музейном собрании шесть цветных знамен образца 1763 г. (№ В-2671, В-2673, В-2679, В-2704, В-2715, В-2716) (рис. 4).

Рис. 3. Полковое знамя Сибирского мушкетерского полка обр. 1763 г.

Рис. 4. Ротное знамя Сибирского мушкетерского полка обр. 1763 г. (фрагмент)

В это время Сибирский мушкетерский полк входил в состав Лифляндской дивизии, для которой были установлены зеленые знамена с красными наугольниками. Позднее центральные фрагменты знамени из камки зеленого цвета были нашиты на сетку из хлопчатобумажных нитей. На каждом из них изображение полкового герба, выполненное цветными красками. Древки красного и черного цветов с железными копьевидными навершиями.

С 1785 г. полк назывался Сибирским гренадерским. В 1798 г. при императоре Павле I его вновь переименовывают по шефу на прусский манер – гренадерский генерал-майора Ляпунова полк. 15 ноября 1798 г. полку пожалованы 10 новых знамен образца 1797 г.: «У одного крест белый, углы зеленые с черным пополам. У прочих крест зеленый с розовым пополам, углы черные»⁹. Круг у всех знамен был светло-оранжевый, с черным, двуглавым орлом и с двумя зелеными лавровыми ветвями, связанными голубою лентою. На груди орла красный щит, вокруг которого золотые цепь ордена Св. Андрея Первозванного, короны, скипетр. Знамен этого образца в музейном собрании нет. Вероятно они попали в Арсенал Санкт-Петербурга, т.к. в «Описании артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г.» числятся два знамени Сибирского полка «из зеленой, розовой, черной материи»¹⁰. В марте 1800 г. полк получил название – Гренадерский генерал-майора Бехметева полк, в марте 1801 г. – Сибирский гренадерский. С 1803 г. начинается разработка знамен нового образца, но только 19 июля 1816 года были утверждены новые рисунки для знамен гренадерских и пехотных полков. Они имели изображение орла с обоими опущенными крыльями и с Московским гербом (Св. Георгий Победоносец на коне, в красном поле) на груди. Крест у всех знамен полагался зеленый, а углы – по полкам. Сибирский гренадерский полк входил в состав 3-й Гренадерской дивизии, которой полагалась верхняя половина угла – красная, нижняя – желтая. В них – лавровые венки золотого цвета под короной с вензелями императора Александра I. Новые знамена образца 1816 г. (простые, без надписей) были дарованы Сибирскому гренадерскому полку в 1824 г.¹¹ В собрании музея хранится одно знамя этого времени (№ В-2670). Древко желтого цвета (цвет 1-го полка в дивизии). Навершие в виде двуглавого орла в копье, увенчанного короной. Орел опирается на часть венка, находящуюся ниже него. Трубка восьмигранная.

Вручение следующих знамен связано с участием полка в усмирении Польского восстания 1830–1831 гг., направленного против власти Российской империи на территории Царства Польского. За победу в битве при Остроленке 26 февраля 1833 г. 3-му батальону Сибирского гренадерского полка было пожаловано простое знамя, а 4-му батальону – Георгиевское знамя, представляющее собой знамя образца 1816 г. с надписью отличия по периметру: «За отличие при взятии штурмом Остроленки 14 мая 1831 года». По углам – лавровые венки золотого цвета под короной с вензелями императора Николая I (№ В-2675). К навершию прикреплена Александровская лента, полученная в 1838 г.

После преобразования, с 1833 г. полк состоял из трех действующих, одного резервного и одного запасного батальонов. В собрании музея хранятся знамена образца 1816 г. запасных батальонов полка (№ В-2665, В-2669, В-2678) с вензелями императора Николая I. В 1838 г. на знамена всех частей, существующих сто лет и более, было установлено жаловать юбилейные орденские ленты и медные вызолоченные скобы, на которых гравировались: вензель Государя-основателя, год основания и первое название части, надпись отличия и год ее пожалования, год пожалования скобы и название полка и батальона, которому знамя принадлежит. На 14 знаменах из музейного собрания сохранились скобы, позволяющие проследить историю полка.

В 1850 г. Сибирский гренадерский полк отмечал 150-летний юбилей. В июле этого года 1-му и 2-му батальонам были пожалованы юбилейные знамена (№ В-2683, В-2667). Это были знамена образца 1816 г., на которых в нижней части венка дорисовывалась голубая лента с юбилейными датами: «1700–1850». В 1864 г. Сибирскому гренадерскому полку присвоен номер «9».

В 1877–1878 гг. полк участвовал в Русско-турецкой войне. «Сибирцам первым пришлось принять и отражать натиск 40-тысячной армии Османа-паши и на штыках гренадер сломилось последнее усилие врага»¹². Полк принял участие в одном сражении, которое не имело себе равных и «покрыло полк громкой славою на вечные времена»¹³. 14 июня 1878 г. грамотой Александра II 1-му, 2-му и 3-му батальонам пожалованы три Георгиевских знамени с надписью отличия: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года». Это образец знамени 1876 г.: углы полотнища разделены по диагонали на черные и белые

поля. В оранжевом медальоне в центре помещен двуглавый орел. Медальон окружен венком и венчается короной. Для отличия знамен гренадерских частей, на всех четырех концах креста знамени рисовали золотые плавающие гренеды, обращенные пламенем к краям знамени. В собрании музея – знамена второго и третьего батальонов (№ В-2666, В-2692).

В 1900 г. полк отметил 200-летие со дня своего основания. Специальной грамотой императора Николая II 9-му гренадерскому Сибирскому полку было пожаловано вместо 4-х Георгиевских знамен, бывших в полку, одно полковое Георгиевское юбилейное знамя (№ В-2714) (рис. 5). Образец знамени установлен 27 мая 1883 г. На лицевой стороне шелкового белого полотнища по кайме красного цвета помещены восьмиконечные звезды; в рамке в углах узор особого рисунка, а по сторонам надпись отличия: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 г.». В среднем четырехугольнике изображена икона «Преображение Господне» (полкового праздника, отмечаемого 6 августа).

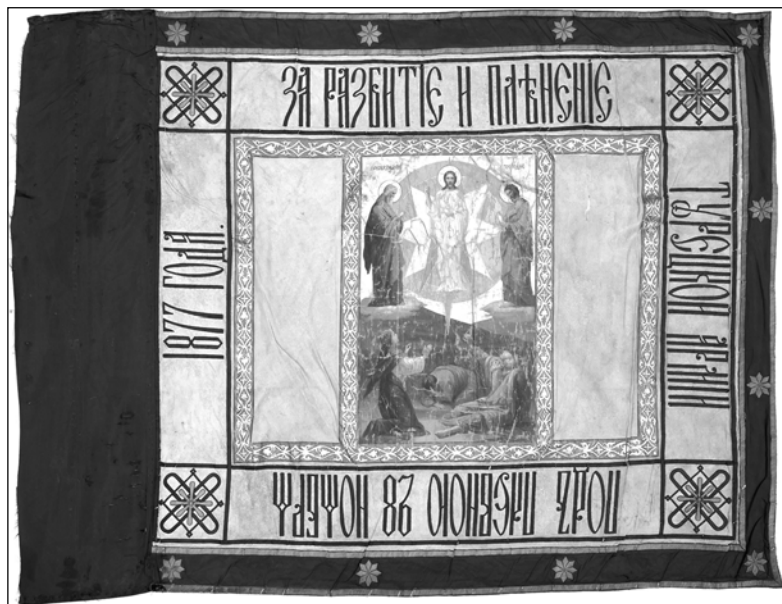

Рис. 5. Георгиевское юбилейное знамя 9-го гренадерского Сибирского полка. 1900 г.

На оборотной стороне, в середине, должен быть вензель императора Николая II (утрачен), а по обеим сторонам от него – восьмилучевые звезды. В квадратах по углам рамки – государственные гербы (два верхних утрачены). В нижней части рамки, на юбилейных регалиях нашит отрезок Андреевской ленты с юбилейными датами: «1700–1800–1900». К древку прикреплена Александровская лента. В коллекции музея хранится «Акт освящения нового Георгиевского знамени, пожалованного 9-му Гренадерскому Сибирскому полку» 25 июня 1900 г., (№ В-4112) – уникальный документ, связанный с последним знаменем полка. Пять двойных листов плотной бумаги с типографским текстом золотого цвета, подписями генералов, капитанов, поручиков, архимандрита, полкового священника, врача и др. лиц, присутствовавших при освящении, вшиты в красную кожаную папку с золотой тисненой надписью: «9-й Гренадерский Сибирский полк. 1700 – 25 июня 1900». Изображение последнего полкового знамени опубликовано в «Краткой исторической юбилейной памятке для нижних чинов 9-го Гренадерского Сибирского полка», составленной капитаном Л.А. Болдоком, в которой содержатся слова командира полка полковника Буткова Федора Васильевича, обращенные к гренадерам: «...почитайте драгоценное наше Знамя: оно нам дороже всего. Потерять Знамя – значит губить весь полк. Поэтому лучше умереть, чем потерять полковую святыню. Чем можешь и как можешь, отбивай свое Знамя: дороже знамени в бою – ничего нет!»¹⁴. Сибирцы доказали свое «почитание» знамени, сохранив свои реликвии. В 1903 г. часть полковых знамен была возвращена из Санкт-Петербургского Арсенала в полковой музей, о чем можно судить по надписям на скобах трех знамен из музейного собрания. В марте 1908 г. полк отметил еще одну юбилейную дату – 200-летие наименования его Сибирским. По случаю этого события и в «воспоминание подвигов, совершенных полком под Плевной», в присутствии главнокомандующего, бывшего шефа полка, великого князя Николая Николаевича приказом по военному ведомству император Николай II повелел полку именоваться 9-м гренадерским Сибирским генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полком.

Подводя итог, можно сказать, что облик знамени полка изменялся с каждым новым правлением, теряя индивидуальность и приобретая все более «имперский» характер. Несомненно, наибольший интерес представляют 16 знамен XVIII в. Особенностью

остальных 14 знамен, полученных полком с 1824 по 1900 гг., является то, что эти знамена были наградой за проявление высокой доблести на протяжении XIX столетия¹⁵. Таким образом, сохранившиеся знамена 9-го гренадерского Сибирского полка сегодня являются уникальным источником для изучения его двухвековой истории.

---

¹ Опись вещам из музея бывшего 9-го Гренадерского Сибирского полка. Государственный архив Владимирской области. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–16.

² Луганин Ф.И. Краткая история 9-го гренадерского Сибирского Его Императорского Величества великого князя Николая Николаевича старшего полка, 1700–1889. Тамбов: Типография Губ. правления, 1889; Болдок Л.А. Краткая историческая юбилейная памятка для нижних чинов 9-го Гренадерского Сибирского Генерал Фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича. Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1908; Старая столица: краеведческий альманах. Вып. 4. Владимир, 2010.; Попова М.П. Роль 9-го и 10-го гренадерских полков в общественной и культурной жизни города Владимира в начале XX века. И поиск длится целый век... Владимир, 2002.

³ Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725 // Труды Государственного ордена Ленина исторического музея. Вып. 48. Краткий справочник / Под ред. д.и.н. Л.Г. Бескровного. М., 1977. С.21.

⁴ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1899. Т. 2. С. 52–62.

⁵ Там же.

⁶ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 8. С. 46.

⁷ Висковатов А.В. Указ. соч. С. 101.

⁸ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. I. СПб., 1899. С. 60.

⁹ Висковатов А.В. Указ. соч. 1900. Т. 9. С. 41.

¹⁰ Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г., составленное хранителем Военно-Исторического музея Санкт-Петербурга И.Д.Талызиным. ГУ ВИМАИВиВС. СПб., 2006. С. 24.

¹¹ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 27. С. 86.

¹² Епархиальные ведомости. № 15. Владимир, 1900. С. 510.

¹³ Там же.

¹⁴ Болдок Л.А. Указ. соч. С. 41–42.

¹⁵ Габаев Г.С. Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке // Журнал императорского Русского военно-исторического общества. 1911. № 6. С. 74.

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМИРОВАНИЙ «НОВОГО СТРОЯ» НАКАНУНЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что военная реформа XVII в., приведшая к трансформации русских вооруженных сил в ходе общеевропейского процесса «военной революции»¹, прошла в своем развитии как минимум два этапа. Короткий первый, давший ей старт и связанный с царствованием Михаила Федоровича и с подготовкой и ведением Смоленской войны 1632–1634 гг.², как ни парадоксально, известен и исследован гораздо лучше, чем основной и гораздо более длительный второй, связанный с царствованием Алексея Михайловича. Если не считать серьезных исследований его начальных стадий А.В. Маловым и О.А. Курбатовым³, в истории военных преобразований Алексея Михайловича достаточно «белых пятен», хотя общий итог его реформ – слом старой военной «поместной» системы, окончательно оформившейся к середине XVI в. и просуществовавшей в ее зрелом виде более столетия, и замена ее качественно новой армией на основе полурегулярных полков «нового строя» – очевиден, начиная с классической работы А.В. Чернова⁴.

Очевидно также, что, несмотря на тесную связь военных преобразований Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, между ними существует весьма ощутимый разрыв (и сущностный, и хронологический – как минимум в полтора десятилетия). В немалой степени он был обусловлен особенностями первого этапа военной реформы.

К исходу Смоленской войны существовало уже как минимум 8–10 полков «нового строя», составлявших внушительную по европейским меркам армию общей численностью не менее 10–17 тыс. чел.⁵, что было почти эквивалентно русской *полевой* армии конца

1620-х гг. (людям «полковой службы», численность которых составляла тогда, по подсчетам А.В. Чернова, около 20 тыс. чел.), ибо большая часть почти 100-тысячной русской армии была занята в гарнизонах («городовой службе»)⁶. Но военные формирования времен Смоленской войны оказались непозволительно дороги для еще не оправившейся от Смуты страны: на их годичное содержание (сентябрь 1632 – октябрь 1633 г.) ушло около 430 тыс. р.⁷, при том, что доходная часть бюджета России даже через полвека, в куда более благополучном 1681 г., составляла не более 2 млн. р.⁸ Очень дорог был и иноземный офицерский корпус с его чрезвычайно завышенными (просто колоссальными, чему удивлялся еще А.З. Мышлаевский) окладами *месячного* денежного жалования в 250–400 р. для полковника и в 75–100 р. – для капитана⁹ (последнее, учитывая падение как минимум вдвое стоимости рубля, фактически равнялось *годовому* (216 р.) жалованию петровского капитана-иноземца по штату 1711 г.¹⁰). Оклады эти, на чрезмерность которых жаловались после Смоленской войны даже московские дворяне¹¹, обеспечили быстрый, но кратковременный приток «первой волны» иноземных офицеров.

Кроме того, в самой военной европейской традиции первой половины XVII в. эти полурегулярные полки («нового строя») рассматривались преимущественно как наемные, собираемые на время военных действий и распускаемые после их окончания, в связи с чем по завершении Смоленской войны они были распущены и в России. Увольнение излишних офицеров-иноземцев, пересмотр с 1634 г. явно завышенного офицерского жалования, резкое (в некоторых случаях до 10 раз) снижение офицерских окладов с доведением их до умеренных и реалистичных, перевод с 1634 г. офицерского жалования на ставки мирного времени, учитывающие действительную службу (полный оклад – только участвовавшим в военных действиях, занятым в гарнизонной службе – 2/3 полного оклада, не несшим действительной службы – 1/3)¹² способствовали оттоку иноземных офицерских кадров и сокращению полков «нового строя». Не вполне понятно, намерено ли было правительство сохранить их хотя бы как кадровые военные структуры для развертывания полков в будущем (скорее всего, даже здесь не было ясности).

Тем не менее, часть офицерских кадров, часть полковых структур и личного состава была все-таки сохранена для перспективного развертывания полков в случае необходимости.

Остатки этих полковых структур по инерции еще использовались в 1638–1639 гг. при строительстве Белгородской черты (В.В. Пенской считает возможным говорить в это время о существовании по меньшей мере 2 драгунских и 3 солдатских полков полковников А. Краферта, В. Росформа, подполковника Я. Вымса и майора Р. Кормихеля и об общей численности их военных формирований с отдельными командами в 13,8 тыс. чел.). Хотя по самому смыслу указа весны 1638 г., предписывавшего «для нынешней службы учинить салдатского строю 4000, драгунского строю 4000»¹³, ясно, что фактически (пусть и с использованием личного состава старых формирований – нового социального слоя так называемых «старых солдат»¹⁴) спустя три года после войны создавались новые временные военные формирования, вызванные конкретной угрозой масштабных татарских набегов в данный период времени. Не исключено, что мобилизация этих формирований была связана с осенним набегом 1637 г. брата крымского хана Сафат-Гирея, ставшим ответом на взятие донскими казаками Азова, а также с угрозой еще более масштабных действий турок и татар в 1638 г. Возможно – и с решением вызванного этой угрозой земского собора осени 1638 г. «сказать <...> всяким людям <...> службу против недруга нашего крымского царя» (кстати, и на соборе 1642 г., специально посвященном проблеме присоединения Азова, одна из групп детей боярских предлагала послать под Азов стрельцов и «старого сбора солдат»¹⁵).

Военные формирования «нового строя» придавались в 1638 г. по одному полку (а в следующем году – и более мелкими подразделениями) Большому, Передовому, Рязанскому и другим полкам «Берегового разряда»¹⁶. В 1641 г. снова проводился набор «кормовых» драгун и солдат (5000 драгун и более 3000 солдат, частично укомплектованных даточными)¹⁷. Однако фактически каждый раз проводился новый набор в эти полки¹⁸ – еще А.В. Чернов обратил внимание на то, что непостоянство состава этих формирований было их существенным недостатком, «а по своей военной подготовке и опыту службы они стояли ниже стрельцов и детей боярских»¹⁹.

Кроме того, полки «кормовых» солдат и драгун стоили недешево. По Чернову, жалование солдат и драгун было примерно одинаково – по 7 денег в день для уже служивших (3,5 коп.) и 3 р. на платье в год²⁰, т. е. по 1 р. 05 к. в месяц, а следовательно, учитывая

сезонность службы, не менее 6–7 р. в год (а если служили с апреля по октябрь²¹, т. е. 7 месяцев – то примерно по 10 р. в год). Ставки их жалования были довольно высокими (все еще сохраняя тенденцию времен Смоленской войны), и, учитывая весомость рубля и численность в 13 713 чел., их содержание за этот год должно было обойтись в 137,4 тыс. р. – сумму довольно чувствительную для бюджета. И это – без жалования иноземным офицерам, общее число которых А.В. Чернов определял в 316 человек на 1739 г.²² Набор полков давал возможность сохранить костяк офицерского корпуса (в драгунском и солдатском полках тогдашнего лидера иноземного офицерского корпуса Александра Краферта (Кроуфорда) не было русских офицеров в ранге до поручика, в драгунской команде Р. Кормихеля (Кармайкла) – до прапорщика)²³.

Очевидно, в связи с высокой стоимостью содержания, «кормовые» солдатские и драгунские полки были вскоре распущены и в ближайшие пять лет в таком значительном составе вряд ли сошлись.

Но, вероятно, правительство уже тогда сделало ставку на развитие более пригодных на степных границах драгунских частей, увеличив их численность как минимум вдвое по сравнению со Смоленской войной (когда насчитывался всего один драгунский полк).

Эта новая тенденция в использовании полков нового строя как конных (точнее, как мобильной драгунской пехоты, посаженной на лошадей), прежде всего, для обороны южных степных границ, сохранилась на протяжении 1640-х гг. Она проявилась уже весной 1646 г., когда, видимо, в связи с угрозой нового масштабного татарского набега (очевидно, действительно состоявшегося летом 1646 г.²⁴), полки нового строя были массово мобилизованы на Белгородскую черту вновь, и все три (А. Краферта, В. Кречетникова и А. Гамолтова (Гамонтон)) выступали уже как «кормовые драгунские» при весьма значительном масштабе дезертирства и «нетства» их солдат²⁵. Вероятно последнее, в сочетании со значительной стоимостью их содержания, и побудило правительство по подведению в конце лета итогов кампании 1646 г. взять курс на формирование полков уже не «кормовых», а более дешевых *поселенных* драгун, тем более что опыт формирования отдельных отрядов поселенных драгун на южных границах в 1638 и 1642?1646 гг. уже имелся²⁶.

Формирование полков «поселенных драгун» могло быть связано и с тем, что с 1646 г. полки традиционной поместной конницы

были уже частично передвинуты на Белгородскую черту²⁷, и их сил, возможно, уже не хватало для развертывания на увеличившей свою протяженность границе. Кроме того, не исключено, что новый импульс переменам в военной сфере дало и само воцарение Алексея Михайловича в 1645 г. и приход к власти нового правительства, неизменно вызывающий какие-то изменения и в военной политике.

Уже в 1646 г. в поселенные драгуны были переведено крестьянское население дворцовой Комарицкой волости, из 5521 драгуна которого было сформировано 3 драгунских полка, и, кроме того, началось создание локальных очагов драгунских частей на Белгородской черте, где формировалась система «заповедных городов», в результате чего были конфискованы владельческие крестьяне даже таких влиятельных собственников, как А.Н. Трубецкой, Д.М. Пожарский, Чудов и Новоспасский монастыри, переведенные в драгуны, а часть деревень при этом даже переселялась с «левой» стороны р. Воронежа на более безопасную «русскую»²⁸.

Курс на формирование поселенных драгунских полков на южной границе, был (что справедливо отметил О.А. Курбатов), вероятно, ускорен решением о необходимости масштабных операций против Крыма, которые привели в 1647 г., когда шло формирование этих полков, к заключению русско-польского соглашения в 1647 г. о совместных действиях против Крыма²⁹ и подготовке совместного похода против крымских татар, действительно едва не состоявшегося в 1648 г., ибо русская армия была уже выведена к границам, но начавшаяся война Богдана Хмельницкого сорвала его планы с польской стороны.

Как показал О.А. Курбатов, поселенные драгуны были типологически близки широко распространенным в то время милиционным формированиям европейских держав, и оставшиеся в России после Смоленской войны полковники Александр Краферт и Валентин Росформ были знакомы с руководством такими формированиями еще в европейских армиях. Кроме того, изданный в России в период развертывания поселенных драгун в 1647 г. значительным тиражом как «Учение и хитрость ратного строю пехотных людей» перевод военного учебника Иоганна Якоби фон Вальгаузе-на был плодом системы военной подготовки, выработанной нидерландской военной школой и широко использовавшейся в обучении подобных ландмилиционных частей³⁰. Возможно, он был

ориентирован на обучение в пешем строю поселенных драгун, так как, судя по всему, развертывание солдатских пехотных полков в это время не производилось, и они фактически на десятилетие оказались «вымыты» из состава русской армии. Только с весны 1649 г., на такой же поселенной основе, они начали создаваться на потенциально ином театре военных действий, предполагавшем действия против пехоты европейского образца – в Заонежье (в созданном из отписанных в казну территорий Олонецком уезде и лопских погостах), а затем и во вклинившейся в Ингрии в шведские владения Сомерской волости³¹.

Вместе с тем, новые поселенные формирования «нового строя» были, вероятно, в большей степени ориентированы на пограничную службу³², чем на роль «ударного ядра» армии в большой войне с организованным противником. Судя по всему, в конце 1640-х гг. правительство еще не планировало серьезной военной реформы, и структура вооруженных сил во многом оставалась традиционной. К 1650 г. эта традиционная военная структура еще не претерпела существенных изменений, и, пожалуй, достигла своей кульминации, что позволило сделать почти завершившееся заселение Белгородской черты, на время увеличившее резервы традиционной поместной системы.

Это наблюдение подтверждает и анализ широко известной «Сметы» военных сил 1651 г.³³, дающей картину военной организации страны накануне решительных военных реформ, и, вероятно, составленной для оценки состояния армии в связи с перспективой грядущей русско-польской войны, обусловленной возможным принятием Украины в состав России. Оно обсуждалось на земском соборе 1651 г., который ввиду угрозы войны не поддержал в тот момент идею принятия Украины³⁴. Однако точный момент времени, для которого достоверны данные сметы, определить сложно – что касается дворянских формирований, то в основу «Сметы...» были положены данные разбора 1648–1649 г., ставшего результатом социального кризиса 1648 г.³⁵; по другим категориям датировки менее определены, но, вероятнее всего, смета отразила состояние русских вооруженных сил примерно на 1650 г.

Общие характеристики этой военной организации уже давно известны по работе А.В. Чернова, проанализировавшего «Смету...» одним из первых. К сожалению, сама смета содержит ошибки и неточности в подсчете данных по некоторым городам и категориям,

а также некоторые утраты данных, поэтому наши собственные подсчеты не всегда совпадают с данными Чернова, к тому же и группировку данных можно осуществить несколько иным способом. Однако общие итоги расходятся незначительно, поэтому мы воспользуемся его данными и группировкой, тем более что они могут восходить к общим итогам самих составителей сметы, которых в опубликованном ее варианте нет. По подсчетам Чернова, общее количество ратных людей на тот момент составляло 133 210 чел., группируясь следующим образом:

Таблица 1. Общая структура вооруженных сил в 1651 г. (по А.В. Чернову³⁶).

	количество	% в общей армейской структуре*
дворяне и дети боярские	39408	29,6
стрельцы	44486	33,4
казаки	21124	15,9
драгуны	8107	6,1
татары	9113	6,8
украинцы	2371	1,8
пушкари	4245	3,2
иноземцы	2707	2
засечная стража	1649	1,2

* Мы несколько уточнили подсчет долей процентов, округленный у Чернова до полупроцента, что все-таки создает некоторые искажения. Количество и долю засечной стражи, не указанные у Чернова, мы вычислили вычитанием общей суммы указанных категорий из общего итога, и оно почти совпало по этой категории с нашими подсчетами по смете (1643 чел.)³⁷.

Как видно из этой таблицы, структура вооруженных сил остается пока достаточно традиционной. Формирования «нового строя» (драгуны и иноземцы) занимают в ней в совокупности всего лишь 8,1% от общего состава армии. Кстати, смета почему-то не фиксирует, в отличие от драгун, формирующиеся поселенные солдатские полки Заонежья и Сомерской волости, где численность военно-обязанных крестьян составляла в общей сложности 9994 чел.,

которые, однако, далеко не все входили в число действительно служащих в солдатских полках³⁸. Чернов также не учитывает отдельно рейтар, включая их в число дворян и детей боярских, как это делали и сами составители сметы (ибо рейтары действительно были частью «служилого города»). Если же учесть еще и две эти категории, с которыми общее число увеличивается до 20 808 чел., доля новых военных формирований в общегосударственной структуре может возрасти (главным образом за счет военнообязанных крестьян Занежья и Сомерской волости) до 15,6%, но и в этом случае оно невелико, и более $\frac{3}{4}$ армии по-прежнему составляют традиционные с XVI в. элементы ее структуры.

Если же следовать смете, то отраженные в ней формирования «нового строя» включают в себя: 1) поселенных драгун, 2) рейтар и 3) иноземцев, находящихся в ведомстве Иноземского и Посольского приказов.

Общая характеристика формирований поселенных драгун уже дана в предыдущем тексте. По нашим подсчетам, общая численность драгун несколько выше, чем определена А.В. Черновым – 8543 чел. Все драгуны сосредоточены на крайних южных рубежах России. 5594 драгуна – это комарицкие драгуны, фактически составляющие основу военных сил Севска, где, кроме них, по ведомству Разряда, числится только 162 чел. городских дворян и детей боярских и 60 казаков.

2949 чел. драгун расположены в основном на Белгородской черте, но далеко не везде, а лишь в 8 городах из 27 (если Бельский и Челнаву считать отдельно, а не частью Козлова, если же учитывать их как часть Козлова – то из 25). Структура распределения драгун по отдельным городам показывает, что к 1651 г. еще сохранились те отдельные отряды от 80 до 340 поселенных драгун 1642–1646 гг. (в Болхове, Карпове, Орлове, Костенске, Цареве-Алексееве и Козлове), на опыте которых началось формирование драгунских поселенных полков в 1646 г. Но собственно драгунские полки (или хотя бы один полк полного состава) могут быть развернуты только на базе относившихся ранее к Лебедянскому уезду Доброго городища (959 чел.) и Сокольска (794 чел.), население которых было переведено в драгуны по «драгунской реформе» 1646 г. Именно эти два города, где сосредоточено 1753 драгуна, почти 60% всех драгун «по черте», наряду с комарицкими драгунами, выступают основными центрами полковых драгунских формирований. «Смета...»,

однако, почему-то не фиксирует в Туле драгун «приказа Тульского драгунского строя» (т. е. отдельного драгунского полка неполного состава в количестве не менее 400–500 чел.), созданного в 1638 г. в период «первой волны» возобновления формирований «нового строя» и существовавшего как минимум до 1648 г.³⁹, – вероятно (как мы увидим далее), потому что они находились в ведении Иноземского приказа.

Вторую (но гораздо менее массовую) группу военных формирований «нового строя» составляют рейтары. Рейтарский полк под командованием полковника Шарля Самуила Делиберта (д'Эберта) был создан в 1732 г. в период Смоленской войны, быстро увеличившись с 12 до 14 рот и 2400 чел. Уже в тот момент правительство взяло курс на формирование кавалерии в собственном смысле слова путем перевода в нее «служилых детей по отечеству» и на постепенное размывание «служилого города» за счет перевода в полки «нового строя» традиционной дворянской поместной конницы, что удалось, однако, преимущественно в отношении рейтар, поскольку в солдаты и драгуны представители «служилого города» не пошли⁴⁰. По мнению О.А. Курбатова, именно нежелание городских дворян служить в пешем строю и привело к планам создания рейтарского полка⁴¹. И хотя правительство при мобилизациях полков нового строя 1638–1641 гг. не оставляло попыток мобилизовать в них прежде всего беспоместных городских детей боярских, «однако количество записавшихся все же было недостаточным (10–20% из городов)», ибо «драгунская и солдатская служба не была престижной для городских детей боярских»⁴².

Что же касается собственно рейтар, то в дальнейшем в период 1630-х – 1640-х гг. наличие действующих рейтарских формирований исследователями не фиксируется.

Вероятно, они были возобновлены не ранее самого конца 1640-х гг., и их формирование было связано и с новым притоком иноземных офицерских кадров, скорее всего, вызванным «поселенной» драгунской реформой 1646 г. Принадлежащим к этому потоку, выехавшим в 1647 г. голландцу-католику Исааку и его сыну Филиппу Альберту ван Буковенам (ван Бокховенам, Ванбуковенам⁴³) было поручено в 1649 г. формирование рейтарского полка. Исследователи рассматривают его обычно как военную школу, созданную для целенаправленной подготовки национальных офицерских кадров из «служилых людей по отечеству»⁴⁴. Непонятно однако, имело ли

правительство в тот момент далеко идущие планы развертывания нескольких рейтарских полков, или хотело ограничиться восставлением привычной для себя еще со Смоленской войны структуры, включавшей один рейтарский полк (во всяком случае, до начала кардинальной военной реформы в 1653 г. другие, вероятно, не создавались, и смета 1651 г. их не фиксирует).

По наблюдениям Т.А. Лаптевой, запись в рейтары началась только в 1650 г., вероятно, еще до весны⁴⁵. К 1651 г. из записавшихся рейтар был сформирован уже почти полноценный полк – 1467 чел.⁴⁶. В составе «служилых городов» было ровно 1000 рейтар; помимо них, в рейтары записались также 8 чел. новокрещенных мурз и татар.

Более того – набор в рейтары охватил и привилегированные «московские чины» – почти треть рейтар составили представители «государева двора», из состава которого, определяемого «Сметой...» в 3927 чел., в рейтары записалось 459 чел., т. е. 11,7% (правда, в основном представлявших его «низовые» звенья – стольников было всего 1, стряпчих – 26, московских дворян – 25, а основную массу рейтар составили жильцы – 407 чел.), тогда как в общей массе «служилых по отечеству» рейтары составили всего 3,65%. Столь высокая доля рейтар среди «московских чинов» свидетельствовала о том, что правительство, видимо, действительно пыталось превратить этот первый рейтарский полк в привилегированную часть, и, видимо, как-то поощряло и стимулировало набор в него.

Это, вероятно, обусловило и охотную запись в рейтары представителей «служилого города». Если ранжировать города по численности записавшихся рейтар, то 16 «городов» выставили 20 и более человек, в том числе: 1) Коломна, 2) Белая, 3) Суздаль, 4) Тула, 5) Переяславль-Залесский, 6) Кашира (свыше 40 чел.); 7) Юрьев-Польской, 8) Ржев; 9) Мещовск, 10) Смоленск; 11) Владимир; 12) Можайск (свыше 30). «Рекордсменами» среди них были Коломна – 99 чел.; Белая – 69 чел. и Суздаль – 62 чел.

Однако по доле рейтар в составе «служилого города» ситуация несколько иная.

Городов, в которых рейтары составляли 20% и выше (свыше 1/5 численности городских корпораций) – всего 13: 1) Серпухов (почти 41%); 2) Коломна; 3) Полоцк; 4) Руза; 5) Боровск (свыше 30% состава); 7) Малый Ярославец, 8) Белая, 9) Звенигород, 10) Воротыньск

(свыше четверти); 11) Можайск; 12) Переяславль, 13) Мещовск; 14) Юрьев-Польской.

Вызывает удивление роль Коломны, которая занимает 1–2 места в обоих списках, и где почему-то значительная часть (38,7%) местной, средней по размеру, дворянской корпорации решила записаться в рейтары. Высокая численность рейтар в Белой, возможно, объясняется тем, что Белая – отнюдь не канонический пример «служилого города», а специфическая корпорация служилых людей, «эвакуированная» в результате территориальных потерь периода Смуты и помещенная чресполосно среди других в центральных уездах страны.

Как минимум в 33 «городах» центра страны (более чем трети их) рейтары вообще не комплектовались из состава служилого города: это 1) новгородско-псковский регион и районы, традиционно тяготеющие к нему («города от немецкой украины»); 2) южные города «дальней украины», начиная с Рязани (где по станам вообще не было рейтар, а в корпорации самой Рязани всего 9 чел.), Орла, Брянска, Черни, Епифани и кончая Ельцом и Лебедяню. «Смета...» не фиксирует рейтар и в числе недавно созданных корпораций на Белгородской черте, а также в «низовых» городах, находившихся в ведении Казанского приказа и занятых в основном местной гарнизонной службой.

Таким образом, рейтары формировались пока лишь на базе традиционных городов центра страны (замосковных и «ближних» украинных), и, видимо, на базе тех городов, которые раньше преимущественно, как и московские чины, служили в составе Большого полка, при этом, пожалуй, наиболее высокая доля рейтар была в городах, близких к тогдашней «литовской украине».

Успех первоначальной записи в рейтары привел в 1653 г. к планам довести состав полка до 2000 чел. Рейтары не исключались из «служилого города» (что демонстрирует и сам принцип составления «Сметы...», включающей рейтар в состав московских чинов и городских дворян), однако уже в 1650 г. проявились случаи унижения социального статуса рейтар, когда у записавшихся в рейтары в Туле, Кашире, Тарусе и Серпухове отняли придачи к окладам за белгородскую службу⁴⁷ – это, вероятно, должно было снизить привлекательность рейтарской службы.

Но помимо рейтар других категорий служилых людей полков «нового строя» (драгун или солдат) в числе «служилых людей по

отечеству» смета 1651 г. не фиксирует. Таким образом, массовый процесс перевода представителей «служилого города» в полки нового строя к 1651 г. фактически еще не начался – он стал результатом лишь стартовавшего с 1653 г. основного этапа военной реформы Алексея Михайловича.

Третья часть структуры полков «нового строя» была представлена иноземцами, находящимися в ведении Иноземского приказа. Уже само название рубрики, характеризующей иноземцев в целом («старого и нового выезду немец рейтарского и драгунского строя, и которые были в пеших полках, а ныне служат конную службу, и испомещены в разных городах»), а также формулировка итога по этой части сметы («и всего по росписи из Иноземского приказу ... всяких иноземцев 2313, ...служат все конную службу») – подтверждает наши наблюдения о фактическом отсутствии в тот момент солдатских полков нового строя (за исключением поселенных в Карелии): пехотных полков пока нет, а их иноземные офицеры переведены в конную службу.

Общее количество иноземцев, находящихся в ведении Иноземского приказа – чуть меньше, чем посчитали сами составители сметы – 2302 чел., однако отнюдь не все они являются выходцами из Западной Европы.

*Таблица 2, диаграмма 1.
Структура иноземцев по этническим группам*

«немец»	греков, славян и литвы	драгунского строя в Туле	черкас
546	1127	31	598

Как видим, в числе иноземцев выделяется довольно большая группа «черкас» (строго говоря, «черкас, и днепровских и смоленских атаманов, и казаков и солдат русских людей и чулковских крестьян, которые служат на Туле с черкасы и днепровскими казаками») – то есть пестрая смесь различных служилых людей от собственно украинцев и запорожских казаков до русских служилых людей и крестьян, представляющих тот самый оформившийся еще в 1638 г. полк тульских драгун, который не учтен в «Смете...» по самой Туле. В отличие от других украинцев («черкас», чаще всего объединенных с другими выходцами из Польши в одну группу «литвы и черкас», либо просто с казаками), служащих «по прибору» и уже тогда рассеянных по гарнизонам почти всех территорий, в т. ч. Белгородской черты (882 чел.); низовых городов (355 чел.) и Сибири (331 чел.), эта группа «черкас» ведалась в Иноземском приказе. Она составляет 26% (более четверти) всех иноземцев, кроме них учитывается 31 чел. «начальных людей» – тульских поселенных драгун, в том числе 14 офицеров от капитана до прапорщика, этническая принадлежность которых в «Смете...» не определена, но, судя по всему, руководит тульскими драгунами русский полковник Василий Голохвастов.

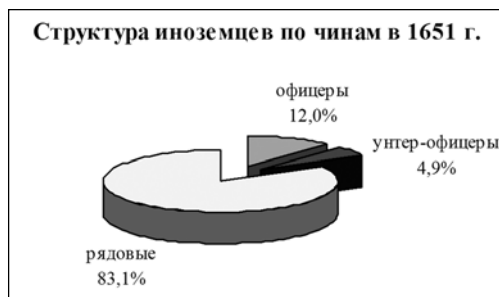
Почти половину всех иноземцев составляет весьма значительный контингент «гречан, и сербян, и волошан, и литвы», поделенный на 13 рот (9 рот «старого выезду» и 4 роты – «нового») – составляющий, т. о., почти полноценный конный полк. Скорее всего в них надо видеть гусарский полк Христофора Рыльского (поскольку в других разделах «Сметы...» он никак не фиксируется), созданный, по А.В. Малову, около 1650 г., предтечей которого была «гусарская шквадрона» все того же Христофора Рыльского, сформированная в период Смоленской войны 1634 г., но так и не принявшая участия в боевых действиях⁴⁸. И «шквадрона», и позднее сам полк формировались, вероятно, на основе рот иноземцев «старого выезду», служивших в России в Украинном разряде еще до 1625–1626 г. и уже тогда организованных в роты, число которых постепенно увеличилось с 1624 по 1630 гг. с 6 до 11. Накануне Смоленской войны, в 1630 г., роты (в которые входила некогда и состоящая из шотландцев и ирландцев рота «бельских немец», к которой принадлежали Лермунты, и рота «поместных немец» Дениса Фанвисина), были переформированы по этническому принципу («гречены к греченом, литва к литве») и направлены на переобучение в

Москву, где, вероятно, на их основе уже тогда стали создаваться гусарские части под командованием Христофора Рылъского, который ранее был командиром одной из таких рот⁴⁹. При этом часть состава этих рот (преимущественно их западноевропейские контингенты – в том числе, например, Юрий Лермонт) была использована для комплектования офицерскими кадрами рейтарского полка⁵⁰.

Собственно «немцы», то есть наемники-западноевропейцы, составляют пока менее четверти (23,7%) слоя «служилых иноземцев».

Таблица 3, диаграмма 2.
Структура иноземцев по чинам в 1651 г.

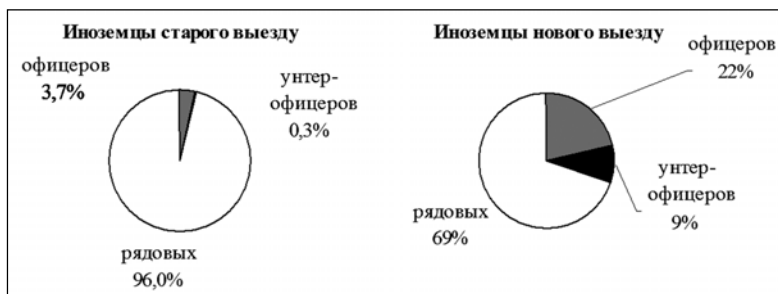
офицеры	унтер-офицеры	рядовые
277	113	1912

Как видим, в общей структуре иноземцев большинство пока составляли рядовые: офицеры вместе с унтер-офицерами занимали всего 15,9% состава группы иноземцев. Даже в страте «немцев»-западноевропейцев, несмотря на гораздо больший удельный вес офицеров, рядовые составляют 40,3% ее общего числа. Еще более очевиден перевес рядовых среди «греков, славян и литвы»: по обеим «выездам» их доля в этой группе составляет 98,6 и 92,8%, а доля офицеров – всего 1,4 и 7,2%. Дальнейший анализ сметы «по выездам» показывает, что преобладание рядовых было явным наследием военных структур времен Смоленской войны (смета, как и позднейшая официальная документация XVII в., делит всех иноземцев на иноземцев «старого» (очевидно, времен Смоленской войны) и «нового выезда» (скорее всего, второй половины 1640-х гг.).

Таблица 4, диаграмма 3.
Структура иноземцев в 1651 г. по выездам

	старого выезда	нового выезда
офицеров	34	126
унтер-офицеров	3	51
рядовых	888	408
итого	925	585

Таким образом, среди оставшихся в России с 1630-х гг. почти тысячи иноземных военных специалистов подавляющее большинство составили отнюдь не офицеры, а именно рядовые, что, очевидно, отражает существовавшую в то время тенденцию к найму целых военных структур. Количество «начальных людей» (офицеров и унтер-офицеров) среди них относительно невелико и в совокупности составляет всего 4%, а в абсолютных цифрах – 37 чел., что говорит, вероятно, о значительном оттоке из офицерского корпуса даже по сравнению с 1639 г., когда, как уже указывалось, по подсчетам А.В. Чернова, среди иноземцев насчитывалось 316 «начальных людей».

Все это могло быть обусловлено не только уменьшением офицерского жалования, редким призывом на службу формируемых «нового строя», но и политикой правительства по переводу оставшихся иноземцев с денежного на поземельное жалование, которая, вероятно, проводилась в 1630-е – начале 1640-х гг. В «старом выезде» как минимум 458 чел. из 925 (37 офицеров и унтер-офицеров; 97 рядовых немцев; 324 рядовых греков и славян) относятся к категории «поместных». Следовательно,

почти половина всех иноземцев старых выездов (49,5%) – помещена (в том числе все оставшиеся офицеры), не помещены в основном 443 чел. рядовых «славян и литвы», оставленные на положении «кормовых».

Иные тенденции мы видим в структуре почти вдвое меньшего по составу «нового выезда» (очевидно, наемников 1640-х гг.). Рядовые и в нем все еще составляют 69%, но произошло это за счет найма четырех рот «литвы и славян» для доукомплектования до полного состава гусарского полка Христофора Рыльского. В остальном же правительство сделало уже явную ставку на вербовку иноземных офицеров, которые дали 22% (т. е. почти четверть), а вместе с унтер-офицерами – около трети «нововыезжих».

Изменилась и политика в отношении содержания иноземных военных специалистов – вероятно, уже с конца 1640-х гг. правительство отказалось от интеграции иноземцев в русскую служилую среду через земельные пожалования. Иноземцы нового выезда – практически все «кормовые», т.е. получают денежное жалование.

«Смета...» позволяет оценить и общее состояние иноземного офицерского корпуса в России на 1651 г.

Уже в сентябре 1647 г. шведский резидент при русском дворе К. Поммеренинг писал: «...Иноземных, как шведских, так и немецких офицеров здесь много, но полковников только трое...»⁵¹. Донесение Поммеренинга, с одной стороны, подтверждает вывод о наличии к 1647 г. остатков лишь незначительного числа более-менее устойчивых крупных военных формирований «нового строя» («полковников всего три»), с другой – очевидно, отражает уже начавшийся с «поселенной» реформой новый виток вербовки иноземных офицеров. Однако понятие «много» требует конкретизации.

Даже к 1651 г. в ведении Иноземского приказа числится всего 277 офицеров (обер-офицеров), что пока не столь уж много, и, скорее всего, не превышает показатели конца 1630-х гг., тоже не свидетельствуя пока о курсе на существенное увеличение полков «нового строя». Возможно, не все они иноземцы (с учетом русского тульского полковника Василия Голохвастова их должно быть максимум 276 чел), но, во всяком случае, в подавляющем большинстве. По этнической принадлежности мы также условно выделяем

среди иноземного офицерского корпуса две группы – «немцев»-западноевропейцев и группу «греков, славян и литвы». Однако более детальный анализ офицерского корпуса затрудняется рядом обстоятельств. Часть офицеров-западноевропейцев находится вне Москвы, в Севске (у руководства комарицкими драгунами) и в Заонежье у формирования солдатских полков – в общей сложности 103 чел., около половины «немцев», и разделение их «по выездам», к сожалению, не дано. Этническая принадлежность офицеров у драгун в Туле не указана.

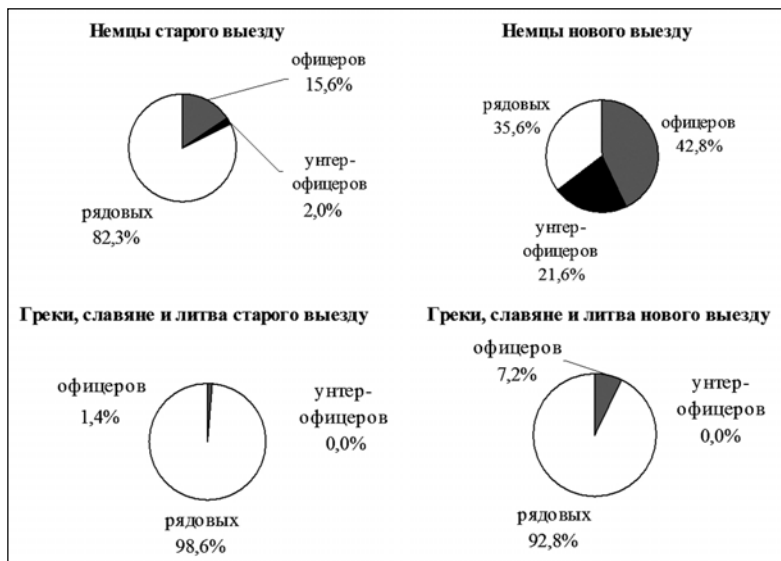
Тем не менее мы можем сделать хотя бы некоторые выводы обобщающего характера. Подавляющее большинство офицеров – очевидно, «немцы»-западноевропейцы (227 из 277 чел. (81,95%)); «греки, славяне и литва» – 36 (12,99%); неизвестные в драгунском строе (очевидно, тоже западноевропейцы в большинстве) – 13 (4,69%). Большинство немногочисленных офицеров из греков, славян и литвы находятся в рангах ротмистров, поручиков, и прапорщиков, и, очевидно, представляют из себя командный состав тех 13 рот (гусарского полка Х. Рыльского?), в которые они сведены (при этом ротмистров – явно не хватает, их меньше числа рот; а вот поручики и прапорщики – все по числу рот).

Таким образом, офицеры-незападноевропейцы практически не принимают участия в формировании основных формирований «нового строя», и следовательно, уже к началу 1650-х гг. четко обозначилась тенденция к доминированию офицеров-западноевропейцев в иноземном офицерском корпусе России в целом и к подавляющему их перевесу в штаб-офицерских рангах, которую мы отмечали в 1680-х – начале 1700-х гг.⁵²: офицеры-«незападноевропейцы» уже в 1650 г. служат преимущественно в обер-офицерских рангах ротного плана и отсутствуют в штаб-офицерских. Однако к началу 1680-х гг. доля последних в офицерском корпусе все же существенно возросла, увеличившись с 13 до 31,9 %⁵³.

И структура обеих групп «по выездам» (в отличие от «греков и славян», она известны лишь для чуть больше чем половины «немцев») рисует ту же тенденцию.

Одновременно она показывает, что, несмотря на определившийся курс на вербовку преимущественно офицеров, правительство и при формировании «нового выезда» даже при вербовке западно-

Структура «выездов» в 1651 г. по этническим группам.

европейских военных специалистов не до конца отказалось от курса на наем рядового состава. Даже по группе «немцев» они составляют значительный процент – в действительности, наверное, как минимум наполовину меньший с учетом того, что «немцы», направляющиеся к поселенным полкам в Заонежье и Севск, состояли преимущественно из офицеров.

Относительно небольшое количество офицеров в рангах от полковника до майора (28 чел.) тоже позволяет говорить об ограниченности на тот момент планов развертывания военных формирований нового строя: «Смета...» насчитывает 7 полковников (1 русский); 6 подполковников и 15 майоров, т. е. командный состав приблизительно 6 полков «нового строя», что почти точно соответствует количеству «поселенных» драгунских (примерно 3 полка на юге и неполный тульский с русским полковником) и солдатских (2 полка в Заонежье) полков с добавлением рейтарского и гусарского.

Таким образом, относительно влиятельную группу в «иноземном корпусе» на 1651 г. составляют пока всего лишь три десятка иноземных офицеров.

Элита их, несомненно, представлена полковничьим корпусом, пока крайне немногочисленным. Смета не называет полковников по именам, но их персональный состав можно частично реконструировать: это, очевидно, упоминаемые в 1647 г. Поммеренингом служившие еще с 1630-х гг. шотландцы Александр Кроффорд (Краферт) и возвратившийся в 1647 г. на русскую службу «основатель» частей иноземного строя Александр Лесли⁵⁴, «нововыезжие» шотландцы Мунк (Мунго, Мартын) Кармикель и Александр Гамонтон (Гамильтон)⁵⁵, а также, вероятнее всего, возглавивший рейтарский полк Исаак Фанбуковен (фан Бокховен). Возможно, к их числу относится и гусарский полковник Христофор Рьльский.

Поммеренинг в 1647 г. отмечал: «...но полковников только трое, все шотландцы: Александр Краффорд, Александр Гамильтон и Мунк Кармикель. Прежде они получали разное жалованье: первый 50 р., второй 30, третий 15 в месяц, но так как двое старших получили поместья, то им не выдается денег совсем, и они живут в своих поместьях, а Кармикель находится постоянно в Москве»⁵⁶. К 1651 г. число полковников увеличилось в два раза, но самыми влиятельными из них были, вероятно, на тот момент «старовыезжие» Александр Кроффорд и Александр Лесли. Смета указывает всего двух «старовыезжих» полковников-«немец», в которых, очевидно, надо видеть их.

Александр Кроффорд, биография которого проанализирована О.Я. Ноздриным, к этому времени прочно укоренился в России и до возвращения Лесли был явным лидером иноземческого офицерского корпуса. Командуя еще в конце 1630-х гг. основными контингентами полков «нового строя» и занимаясь инженерными работами на строящейся черте, он к 1646 г. имел поместье в 1050 четей в Арзамасском уезде и активно занимался предпринимательством⁵⁷. Александр Лесли также получил в 1650–1651 гг. 600 четей в Верховском стане Ярославского уезда⁵⁸.

Однако смета зачисляет большинство «нововыезжих» иноземцев (в том числе и офицеров) в кормовые («нового выезда немец рейтарского и драгунского и солдатского строю, дают *им кормовые деньги ежемесячно на Москве*»⁵⁹), в связи с чем закономерно возникает вопрос о том, насколько поместное землевладение распространилось в среде иноземного офицерского корпуса? Смета выделяет как «поместных» прежде всего немногочисленную группу офицеров «старого выезда» в 34 человека (треть из которых составляют «греки и

славяне»); «нововыезжих» наделять землями, очевидно, не торопились.

Отсюда следует, что вряд ли землевладение иностранных офицеров даже к 1652 г. было распространено достаточно широко, да и сам «иноземный корпус» на 1651 г. был относительно невелик и вряд ли слишком влиятелен.

Тем удивительнее неожиданно острая реакция духовной и светской властей на «дело Лесли», приведшая к осени 1652 г. к решению о фактическом лишении некрещеных иноземцев поместий, попытке массового перекрещивания и сегрегации иноземцев, выразившейся в решении об учреждении Немецкой слободы⁶⁰. Было ли это вызвано мощным притоком новых офицеров в 1652 г. в преддверии войны с Польшей, или было чисто политическим актом, направленным на стимулирование перехода их в русское подданство? Удивительно, но конфликт с иноземным офицерством, упорно отказывавшимся креститься и подавшим 17 марта 1653 г.⁶¹ прошение о массовом выезде из страны, а также конфискация земельных владений у составлявших ядро этого корпуса ревностных протестантов, отказавшихся принять православие – полковников Александра Крофорда и Александра Гамильтона, проведенная в сентябре–ноябре 1653 г.⁶², достигли кульминации уже в период непосредственной подготовки к русско-польской войне, когда правительство, казалось бы, было максимально заинтересовано в лояльности иноземного офицерского корпуса и в его дальнейшем увеличении.

Однако к моменту составления «Сметы...1651 г.» речь об этом, очевидно, еще не шла – совокупный анализ как самих структурных частей военных формирований «нового строя», так и офицерского корпуса этих формирований убедительно свидетельствует, что «Смета...» отразила финальную стадию существования традиционной военной структуры России, скорее всего, еще не подвергшейся в тот момент планам кардинального преобразования в направлении преимущественного развития полков «нового строя».

---

¹ Пенской В.В. От лука к мушкету: вооруженные силы Русского государства во второй половине XV–XVII вв. Белгород, 2008.

² Во многом благодаря работе Е.Д. Сташевского, ставшей фундаментом для характеристик этого этапа. (Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634 гг.: Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.)

- ³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006; Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., «Древнехранилище», 2007. С. 175–197; Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34.
- ⁴ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. Гл. 5–6.
- ⁵ А.В. Чернов насчитывал 10 полков «нового строя» общей численностью 17 тыс. чел. (Чернов А.В. Указ. соч. С. 136); А.В. Малов итоговых данных не приводит, но сводные подсчеты по его данным дают не менее 8 полков общей численностью не менее 9,5 тыс. чел. (Малов А.В. Указ соч. С. 37–47); В.В. Пенской определил их число в 14 (12 солдатских и 2 конных) общей численностью в 21,7 тыс. чел. (Пенской В.В. Указ. соч. С. 134–135), но кажется, что эта численность несколько завышена за счет включения в число солдатских 4 «немецких» полков (непонятно, существовавших ли как реальная боевая единица).
- ⁶ Чернов А.В. Указ. соч. С. 130–131.
- ⁷ Пенской В.В. Указ. соч. С. 141.
- ⁸ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 77.
- ⁹ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899. С. 37–38.
- ¹⁰ ПСЗ. Т. 4. № 2319. С. 593, 599.
- ¹¹ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» ... С. 25–26.
- ¹² Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 37–38.
- ¹³ Пенской В.В. Указ. соч. С. 146; Чернов А.В. Указ. соч. С. 137–138.
- ¹⁴ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 161.
- ¹⁵ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 254–255, 268.
- ¹⁶ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 160.
- ¹⁷ Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 161.
- ¹⁸ Там же. С. 159–161;
- ¹⁹ Чернов А.В. Указ. соч. С. 138.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Драгуны и солдаты в 1638 г. отпускались по домам 1 ноября (Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 160).
- ²² Чернов А.В. Указ. соч. С. 150.
- ²³ Пенской В.В. Указ. соч. С. 153–155. Табл. 1–5.
- ²⁴ Мизис Ю.А. Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государственной службе). Тамбов, 2012. С. 216–217.
- ²⁵ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 161.
- ²⁶ Там же. С. 164–165.
- ²⁷ Лаптева Т.А. Указ соч. С. 175.
- ²⁸ Чернов А.В. Указ. соч. С. 140; Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 165; Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 219–221.
- ²⁹ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 163–164.
- ³⁰ Там же. С. 162–163.
- ³¹ Там же. С. 165–167; Чернов А.В. Указ. соч. С. 143.

- ³² Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 167.
- ³³ «Смета великого государя ...царей, царевичей, и бояр ... и всяких служилых людей нынешнего 159 году» // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. С. 8–32.
- ³⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 319–327.
- ³⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 110–112.
- ³⁶ Чернов А.В. Указ. соч. С. 167.
- ³⁷ Далее мы приводим итоги собственных подсчетов по вышеуказанной публикации «Сметы...» 1651 г.
- ³⁸ Подсчитано по: Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 166–167; его данные практически совпадают с данными Чернова (Чернов А.В. Указ. соч. С. 143).
- ³⁹ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 164.
- ⁴⁰ Малов А.В. Указ. соч. С. 39, 43–44; Чернов А.В. Указ. соч. С. 136.
- ⁴¹ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» ... С. 22.
- ⁴² Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 161.
- ⁴³ Малов А.В. Указ. соч. С. 49.
- ⁴⁴ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 168–169.
- ⁴⁵ Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 183.
- ⁴⁶ Далее – наши подсчеты по «Смете...».
- ⁴⁷ Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 184, 183.
- ⁴⁸ Малов А.В. Указ. соч. С. 53–55.
- ⁴⁹ Скобелкин О.В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 292–315; Малов А.В. Указ. соч. С. 45–47.
- ⁵⁰ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» ... С. 22.
- ⁵¹ Ноздрин О.Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 г. Часть II. СПб. ВИМАИВиВС. 2012. С. 437.
- ⁵² Петрухинцев Н.Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды второй международной научно-практической конференции. 16–18 мая 2012 г. Часть II. СПб. ВИМАИВиВС. 2011. С. 223–228.
- ⁵³ Там же. С. 223.
- ⁵⁴ Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVII вв. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 149.
- ⁵⁵ Курбатов О.А. Организация и боевые качества ... С. 166.
- ⁵⁶ Ноздрин О.Я. Указ. соч. С. 437–438.
- ⁵⁷ Там же. С. 438.
- ⁵⁸ Опарина Т.А. Указ. соч. С. 149.
- ⁵⁹ «Смета... 1651 г.». С. 19.
- ⁶⁰ Опарина Т.А. Указ. соч. С. 151–156.
- ⁶¹ Там же. С. 162, но, очевидно, в статье опечатка, ибо там стоит 1652 г., когда подобные события никак еще не могли состояться, поскольку кампания по перекрещиванию началась с осени 1652 г.
- ⁶² Там же. С. 164.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурага Елена Аркадьевна – Тульский государственный университет (далее ТулГУ), заведующая лабораторией, кандидат технических наук.

Грибовский Владимир Юльевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (далее НИИ военной истории) (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук.

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Коршунов Эдуард Львович – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), начальник отдела, советник РАРАН.

Ларин Андрей Борисович – Самарский государственный университет, старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Ласкова Наталья Васильевна – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), доцент, кандидат исторических наук.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор

Леонова Елена Юрьевна – историк-исследователь (Санкт-Петербург).

Литвин Тимур Сергеевич – Полтавский национальный университет им. В.Г. Короленко (Украина), аспирант.

Лихачева Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет (Барнаул), аспирант.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Лохматов Максим Георгиевич – Государственный мемориальный музей А.В. Суворова (Санкт-Петербург), хранитель фондов.

Лукашевич Андрей Михайлович – Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент.

Лукирский Александр Николаевич – Государственный мемориальный музей А.В. Суворова (Санкт-Петербург), заместитель директора.

Лысов Михаил Юрьевич – Алтайский государственный университет (Барнаул), магистрант.

Люттик Дмитрий Владимирович – историк-исследователь (Гродно, Республика Беларусь).

Максимчик Андрей Николаевич – филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Минск, Республика Беларусь), старший преподаватель.

Малахов Геннадий Викторович – ТулГУ, кандидат технических наук, доцент.

Мальченко Олег Евгеньевич – Институт украинской историографии и источниковедения Национальной Академии наук Украины им. М. Грушевского (Киев, Украина), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Мардусин Владимир Николаевич – Военная академия Генерального штаба ВС РФ, заместитель начальника.

Марьяняк Андрей Владимирович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Мацук Андрей Владимирович – Институт истории Академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Мегорский Борис Вадимович – Санкт-Петербургская региональная общественная организация по изучению военной истории «Лейб-гвардии Преображенский полк, 1709», руководитель клуба, кандидат политических наук.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Михайлов Александр Владимирович – ТулГУ, кандидат технических наук, доцент.

Молочников Александр Михайлович – Институт истории РАН (Санкт-Петербург), аспирант.

Мосунов Вячеслав Альбертович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Наумов Владимир Валентинович – Военная академия материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулева (Санкт-Петербург), старший преподаватель, профессор, кандидат военных наук.

Незговорова Валерия Вадимовна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Нератова Елизавета Ивановна – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), заведующая отделом.

Нильссон Бенгт – Linköping University Library (Библиотека Линчепингского университета, Швеция), научный сотрудник.

Новоселов Василий Рудольфович – Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» (далее МК), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ноздрин Олег Яковлевич – Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент, кандидат исторических наук.

Оводков Никита Алексеевич – Санкт-Петербургский государственный университет, студент.

Орленко Сергей Павлович – МК (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Орлов Алексей Викторович – Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург), доцент, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), преподаватель, кандидат исторических наук.

Павлович Марина Кировна – МК (Москва), заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Панов Роман Андреевич – Историко-технический музей Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заместитель директора.

Пасхин Сергей Михайлович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук, доцент.

Пашута Валерий Лукич – Военный институт физической культуры Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Петров Александр Александрович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Петров Федор Александрович – Государственный исторический музей (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель.

Петрухинцев Николай Николаевич – Орловская региональная академия государственной службы (Липецкий филиал), профессор, доктор исторических наук.

Портупеев Александр Анатольевич – АКБ «Якорь» (Москва), ведущий инженер.

Птицын Виктор Викторович – ТулГУ, кандидат технических наук, доцент.

Смирнова Людмила Ивановна – Государственный исторический музей (Москва), старший научный сотрудник.

Щерба Александр Николаевич – НИИ военной истории (Санкт-Петербург), старший сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ларин А.Б.</i> Вчерашний враг, сегодняшний друг? Государство и армия Ирана Каджаров глазами российских военных и дипломатов до и после войны 1826–1828 годов	3
<i>Ласкова Н.В.</i> Мир в метрополиях – война в колониях: шотландско-французский конфликт в Акадии / Новой Шотландии (1632)	18
<i>Лебедева С.С.</i> Особенности организации социального обеспечения военнослужащих в XVIII – начале XX веков (По материалам архива ВИМАИВиВС)	29
<i>Леонова Е.Ю.</i> Рекрутство в Рыбной слободе в XIX веке	39
<i>Литвин Т.С.</i> Ручное огнестрельное оружие периода Северной войны в собрании Музея истории Полтавской битвы	52
<i>Лихачева О.С.</i> Системный анализ чеканов VI–I веков до н. э. (По материалам памятников Лесостепного Алтая)	56
<i>Лобин А.Н.</i> «Бесова деревня Опочка»: малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512–1522 годов	73
<i>Лохматов М.Г.</i> Формирование коллекции оружия Суворовского музея в дореволюционный период	87
<i>Лукашевич А.М.</i> Фортификационное прикрытие западного театра военных действий в российских планах войны против Франции и ее союзников (1810 – июнь 1812 года)	94
<i>Лукирский А.Н.</i> Полки русской армии – «ученики» Суворова	106
<i>Лысов М.Ю.</i> Оружие ближнего боя в погребениях пазырыкской культуры Алтая	111
<i>Люттик Д.В.</i> Гродненская крепость и ее роль в Первой мировой войне	120

<i>Максимчик А.Н.</i> Сотрудничество Кавказского военно-исторического музея с Артиллерийским историческим музеем	139
<i>Мальченко О.Е.</i> Особенности художественного стиля глуховских литейщиков Иосифа и Карпа Балашевичей	147
<i>Мардусин В.Н., Грибовский В.Ю., Жарский А.П., Ковалев С.Н., Коршунов Э.Л., Щерба А.Н.</i> Организация взаимодействия армии и флота по обороне военно-морских баз и побережья в войнах второй половины XIX века и до начала Второй мировой войны	161
<i>Марыняк А.В.</i> Подготовительные учебные батальоны (1916–1917)	183
<i>Мацук А.В.</i> Значение боевых действий в Великом княжестве Литовском в войне за «польское наследство»	198
<i>Мегорский Б.В.</i> Осадные операции Северной войны: опыт типологии	219
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Маду. История. Принадлежность, остеологические материалы, использовавшиеся для изготовления	231
<i>Милосердов Д.Ю.</i> К вопросу об «уставных куберах» в конце XIX – начале XX веков в Афганистане	237
<i>Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В.</i> Проблемы переустройства Тульского оружейного завода для производства 4,2-линейной винтовки системы Бердана № 2 (По материалам Государственного архива Тульской области)	248
<i>Михайлов А.В., Портупеев А.А., Бурага Е.А.</i> Разведчик штабс-ротмистр С.А. Танеев (Неизвестный герой Первой мировой войны)	254
<i>Молочников А.М.</i> Стрелецкие сотни в смоленской обороне 1609–1611 годов (К проблеме статистического анализа)	262
<i>Мосунов В.А.</i> Образование Ораниенбаумского плацдарма и наступление 18-й армии на Петергоф	275
<i>Наумов В.В.</i> Опыт организации управления тылом российского контингента в зонах грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов	300

<i>Незговорова В.В.</i> О юбилейном Георгиевском знамени Лейб-гвардии Саперного батальона (По материалам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи)	313
<i>Нератова Е.И.</i> К биографии командира Ижевского оружейного завода И.А. Нератова. Семейные предания и архивные материалы	323
<i>Нильссон Б. (Nilsson B.)</i> Abraham Cronhjort and the defense of Ingria 1700–1703	329
<i>Новоселов В.Р.</i> Родовой арсенал князей Долгоруковых: ранние поступления в Оружейную палату из Конюшенной канцелярии	341
<i>Ноздрин О.Я.</i> Театральная история. Случай 1699 года	356
<i>Оводков Н.А.</i> Новые требования к производству ручного огнестрельного оружия в 50–70-е годы XIX века в России. Сталествольное производство	363
<i>Орленко С.П.</i> Тарч из собрания Оружейной палаты. История и легенда	378
<i>Орлов А.В.</i> Вопрос о производстве в России артиллерии крупных калибров в 1911–1914 годах. Возникновение частного орудийного завода	391
<i>Павлович М.К. Д.И.</i> Успенский — хранитель фондов оружия и библиотеки Оружейной палаты в первой трети XX века	410
<i>Панов Р.А.</i> Изобретательская деятельность ленинградских ученых в годы Великой Отечественной войны: огнеметная мина С.Е. Захаренко и противотанковый огнемет А.Л. Евфарицкого	420
<i>Пасхин С.М.</i> Проведение испытаний радиостанций на волокушах перед Великой Отечественной войной	430
<i>Пашута В.Л., Оточкин В.В.</i> Военно-историческая антропология и боевое применение русской артиллерии в сражениях Семилетней войны 1756–1763 годов	437
<i>Пенской В.В.</i> Оборона Рингена осенью 1558 года	449
<i>Петров А.А.</i> Оставление Приморья Земской Ратью М.К. Дитерихса осенью 1922 года: исход на сухом пути	466

<i>Петров Ф.А., Смирнова Л.И.</i> Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея	479
<i>Петрова Е.П.</i> Знамена Сибирского гренадерского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника	492
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича	502
Сведения об авторах	524

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Редакторы: *М.Д. Андрианова, Е.М. Пожидаева*

Художник: *Н.Ю. Якубовская*

Технический редактор: *В.И. Хоронко*

Верстка: *В.И. Хоронко*

Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 29.04.13.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18,6.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС.

Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812) 610-33-01, 610-33-29

ФГКУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок =====

=====
=====
Для заметок
=====
=====

==== Для заметок =====

=====
=====
Для заметок
=====
=====